UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00296794 1

ЧТЕЦЪ ДЕКЛАМАТОРЪ

ТОМЪ I

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ СТИХОТВОРЕНІЙ, СЦЕНЪ, РАЗСКАЗОВЪ И МОНОЛОГОВЪ для чтенія въ дивертисментахъ, на драматическихъ курсахъ, литературныхъ вечерахъ и пр.

I Проза.
II Декламаторіумъ.
III Мелодекламаціи и лирическія стихотворенія.
IV Сатира и юморъ.

Составилъ Ѳ. Самоненко

съ портретами писателей и артистовъ

Изданіе II-е, исправленное и значительно дополненное

Обложка
и рисунки на
титульныхъ страницахъ
М. П. Денисова.

Тип. акц. о-ва
«Петръ Барскій, въ Кіевѣ».
Крещатикъ № 40.
1913 г.

PG
3263
C47
1913
t.1

могъ возвратиться къ тому чувству: его мучилъ вопросъ о томъ, живъ ли онъ? И онъ не смѣлъ спросить этого.

Болѣзнь его шла своимъ физическимъ порядкомъ, но то, что Наташа называла: это сдѣлалось съ нимъ,—случилось съ нимъ два дня передъ пріѣздомъ княжны Маріи. Это была та послѣдняя, нравственная борьба между жизнью и смертью, въ которой смерть одержала побѣду. Это было неожиданное сознаніе того, что онъ еще дорожилъ жизнью, представлявшеюся ему въ любви къ Наташѣ, и послѣдній, покоренный припадокъ ужаса передъ невѣдомымъ.

Это было вечеромъ. Онъ былъ, какъ обыкновенно послѣ обѣда, въ легкомъ лихорадочномъ состояніи, и мысли его были чрезвычайно ясны.

Онъ задремалъ.

Засыпая, онъ думалъ все о томъ же, о чемъ онъ думалъ все это время—о жизни и смерти. И больше о смерти. Онъ чувствовалъ себя ближе къ ней.

«Любовь? Что такое любовь?—думалъ онъ.

«Любовь мѣшаетъ смерти. Любовь есть жизнь. Все, все, что я понимаю, я понимаю только потому, что люблю. Все есть, все существуетъ, только потому, что я люблю. Все связано одною ею. Любовь есть Богъ и умереть—значитъ мнѣ, частицѣ любви, вернуться къ общему и вѣчному источнику». Мысли эти показались ему утѣшительны. Но это были только мысли. Чего-то недоставало въ нихъ, что-то было односторонне-личное, умственное,—не было очевидности. И было то же безпокойство и неясность. Онъ заснулъ.

Онъ видѣлъ во снѣ, что онъ лежитъ въ той же комнатѣ, въ которой онъ лежалъ въ дѣйствительности, но что онъ не раненъ, а здоровъ. Много различныхъ лицъ, ничтожныхъ, равнодушныхъ, являются передъ княземъ Андреемъ. Онъ говоритъ съ ними, споритъ о чемъ-то ненужномъ. Они собираются ѣхать куда-то. Князь Андрей смутно припоминаетъ, что все это ничтожно и что у него есть

другія важнѣйшія заботы, но онъ продолжаетъ говорить, удивляя ихъ, какія-то пустыя, остроумныя слова. Понемногу, незамѣтно, всѣ эти лица начинаютъ исчезать и все замѣняется однимъ вопросомъ о затворенной двери. Онъ встаетъ и идетъ къ двери, чтобы задвинуть задвижку и запереть ее. Отъ того, что онъ успѣетъ или не успѣетъ запереть ее, зависитъ в с е. Онъ идетъ, спѣшитъ, ноги его не двигаются, и онъ знаетъ, что не успѣетъ запереть дверь, но все-таки болѣзненно напрягаетъ всѣ свои силы. И мучительный страхъ охватываетъ его. И этотъ страхъ есть страхъ смерти: за дверью стоитъ о н о. Но въ то же время, какъ онъ безсильно-неловко подползаетъ къ двери, это, что-то ужасное, съ другой стороны, уже надавливая, ломится въ нее. Что-то нечеловѣческое—смерть ломится въ дверь, и надо удержать ее. Онъ ухватывается за дверь, напрягаетъ послѣднія усилія—запереть уже нельзя—хоть удержать ее; но силы его слабы, неловки и, надавливаемая ужаснымъ, дверь отворяется и опять затворяется.

Еще разъ о н о надавило оттуда. Послѣднія, сверхъестественныя усилія тщетны, и обѣ половинки отворились беззвучно. О н о вошло, и оно есть с м е р т ь. И князь Андрей умеръ.

Но въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, князь Андрей вспомнилъ, что онъ спитъ, и въ то же мгновеніе, какъ онъ умеръ, онъ, сдѣлавъ надъ собой усиліе, проснулся.

«Да, это была смерть, я умеръ—я проснулся. Да, смерть—пробужденіе», вдругъ просвѣтлѣло въ его душѣ, и завѣса, скрывшаяся до сихъ поръ невѣдомое, была приподнята передъ его душевнымъ взоромъ. Онъ почувствовалъ какъ бы освобожденіе прежде связанной въ немъ силы и ту странную легкость, которая съ тѣхъ поръ не оставляла его.

Когда онъ, очнувшись въ холодномъ поту, зашевелился на диванѣ, Наташа подошла къ нему и спросила, что съ нимъ. Онъ не отвѣтилъ ей и, не понимая ея, посмотрѣлъ на нее страннымъ взглядомъ.

Это-то было то, что случилось съ нимъ за два дня до пріѣзда княжны Маріи. Съ этого же дня, какъ говорилъ докторъ, изнурительная лихорадка приняла дурной характеръ, но Наташа не интересовалась тѣмъ, что говорилъ докторъ: она видѣла эти страшные, болѣе для нея несомнѣнные, нравственные признаки.

Съ этого дня началось для князя Андрея вмѣстѣ съ пробужденіемъ отъ сна—пробужденіе отъ жизни. И относительно продолжительности жизни оно не казалось ему болѣе медленно, чѣмъ пробужденіе отъ сна относительно продолжительности сновидѣнія.

Ничего не было страшнаго и рѣзкаго въ этомъ относительно-медленномъ пробужденіи.

Послѣдніе дни и часы его прошли обыкновенно и просто. И княжна Марія и Наташа, не отходившія отъ него, чувствовали это. Онѣ не плакали, не содрогались и, послѣднее время, сами чувствуя это, ходили уже не за нимъ (его уже не было, онъ ушелъ отъ нихъ), а за самымъ близкимъ воспоминаніемъ о немъ—за его тѣломъ. Чувства обѣихъ были такъ сильны, что на нихъ не дѣйствовала внѣшняя, страшная сторона смерти, и онѣ не находили нужнымъ растравлять свое горе. Онѣ не плакали ни при немъ, ни безъ него, но и никогда ни говорили про него между собою. Онѣ чувствовали, что не могли выразить словами то, что онѣ понимали.

Онѣ обѣ видѣли, какъ онъ глубже и глубже, медленно и спокойно, опускался отъ нихъ куда-то туда, и обѣ знали, что это такъ должно быть и что это хорошо.

Когда происходили послѣднія содроганія тѣла, оставляемаго духомъ, княжна Марія и Наташа были тутъ.

— Кончилось?—сказала княжна Марія, послѣ того какъ тѣло его уже нѣсколько минутъ, неподвижно, холодѣя, лежало передъ ними. Наташа подошла, взглянула въ мертвые глаза и поспѣшила закрыть ихъ. Она закрыла ихъ и не поцѣло-

вала ихъ, а приложилась къ тому, что было ближайшимъ воспоминаніемъ о немъ.

«Куда онъ ушелъ? Гдѣ онъ теперь?...»

Когда одѣтое, обмытое тѣло лежало въ гробу на столѣ, всѣ подходили къ нему прощаться и всѣ плакали.

Наташа и княжна Марія плакали тоже теперь, но онѣ плакали не отъ своего личнаго горя,—онѣ плакали отъ благоговѣйнаго умиленія, охватившаго ихъ души передъ сознаніемъ простого и торжественнаго таинства смерти, совершившагося передъ ними.

Левъ Толстой.

ОТРЫВКИ ИЗЪ РАЗСК. «ХОЛСТОМѢРЪ».

Пригнавъ табунъ къ рѣкѣ, около которой должны были пастись лошади, Нестеръ слѣзъ и разсѣдлалъ мерина. Табунъ между тѣмъ уже медленно сталъ разбиваться не по сбитому еще лугу, покрытому росой и паромъ, поднимавшимся одинаково отъ луга и отъ огибавшей его рѣки.

Снявъ уздечку съ пѣгаго мерина, Нестеръ почесалъ его подъ шеей, въ отвѣтъ на что меринъ, въ знакъ благодарности и удовольствія, закрылъ глаза. «Любитъ, старый песъ!» проговорилъ Нестеръ. Меринъ же нисколько не любилъ этого чесанья и только изъ деликатности притворялся, что оно ему пріятно; онъ помоталъ головой въ знакъ согласія. Но вдругъ, совершенно неожиданно и безъ всякой причины, Нестеръ, предполагая, можетъ быть, что слишкомъ большая фамильярность можетъ дать ложныя о своемъ значеніи мысли пѣгому мерину, Нестеръ, безъ всякаго приготовленія, оттолкнулъ отъ себя голову мерина и, замахнувшись уздой, очень

больно ударилъ упряжкой узды мерина по сухой ногѣ и, ничего не говоря, пошелъ на бугорокъ къ пню, около котораго онъ сиживалъ обыкновенно.

Поступокъ этотъ хотя и огорчилъ пѣгаго мерина,—онъ не показалъ никакого вида и, медленно помахивая вылѣзшимъ хвостомъ и принюхиваясь къ чему-то, только для разсѣянія пощипывая траву, пошелъ къ рѣкѣ. Не обращая никакого вниманія на то, что выдѣлывали вокругъ него обрадованныя утромъ молодыя кобылки, стригунки и сосунчики, и зная, что здоровѣе всего, особенно въ его лѣта, прежде напиться хорошенько натощакъ, а потомъ уже ѣсть, онъ выбралъ гдѣ поотложнѣе и просторнѣе берегъ и, моча копыта и щетку ногъ, всунулъ храпъ въ воду и сталъ сосать ее сквозь свои прорванныя губы, поводить наполнявшимися боками и отъ удовольствія помахивать своимъ жидкимъ пѣгимъ хвостомъ съ оголенною рѣпицей.

Бурая кобылка-забіяка, всегда дразнившая старика и дѣлавшая ему всякія непріятности, и тутъ, по водѣ, подошла къ нему, какъ будто по своей надобности, но только съ тѣмъ, чтобы намутить ему воду передъ носомъ. Но пѣгій ужъ напился и, какъ будто не замѣчая умысла бурой кобылки, спокойно вытащилъ одну за другой свои увязшія ноги, встряхнулъ голову и, отойдя въ сторонку отъ молодежи, принялся ѣсть. На различныя манеры отставляя ноги и не топча лишней травы, онъ, почти не разгибаясь, ѣлъ ровно три часа. Наѣвшись такъ, что брюхо у него повисло, какъ мѣшокъ, на худыхъ крутыхъ ребрахъ, онъ установился ровно на всѣхъ четырехъ больныхъ ногахъ, такъ чтобы было какъ можно менѣе больно, особенно правой передней ногѣ, которая была слабѣе всѣхъ, и заснулъ.

Солнце уже выбралось выше лѣса и ярко блестѣло на травѣ и извивахъ рѣки. Роса обсы-

хала и собиралась каплями; какъ дымокъ, расходился послѣдній утренній паръ. Тучки кудрявились, но вѣтру еще не было. За рѣкой щетинкой стояла зеленая свертывавшаяся въ трубку рожь и пахло свѣжею зеленью и цвѣтомъ. Кукушка куковала съ прихрипываніемъ изъ лѣса, и Нестеръ, развалившись на спину, считалъ сколько лѣтъ ему еще жить. Жаворонки поднимались надъ рожью и лугомъ. Запоздалый заяцъ попался между табунами и, выскочивъ на просторъ, сѣлъ у куста и прислушивался. Васька задремалъ, уткнувъ голову въ траву; кобылки еще просторнѣе обойдя его, разсыпались по низу. Старыя, пофыркивая, прокладывали по росѣ свѣтлый слѣдокъ и все выбирали такое мѣсто, гдѣ бы никто не мѣшалъ имъ; но ужъ не ѣли, а только закусывали вкусными травками. Весь табунъ незамѣтно подвигался въ одномъ направленіи.

И опять старая Жулдыба, степенно выступая впереди другихъ, показывала возможность идти дальше. Молодая, въ первый разъ ожеребившаяся, вороная Мушка безпрестанно гоготала и, поднявъ хвостъ, фыркала на своего лиловаго сосунчика; молодая Атласная, гладкая и блестящая шерстью, опустивъ голову такъ, что черная шелковистая чолка закрывала ей лобъ и глаза, играла съ травой—щипнетъ и броситъ, и стукнетъ мокрою отъ росы ногой съ пушистою щеткою. Одинъ изъ старшихъ сосунчиковъ, должно быть воображая себѣ какую-нибудь игру, уже двадцать шестой разъ, поднявъ панашемъ коротенькій кудрявый хвостикъ, обскакалъ кругомъ своей матки, которая спокойно щипала траву, успѣвъ уже привыкнуть къ характеру своего сына, и только изрѣдка косилась на него большимъ чернымъ глазомъ.

Одинъ изъ самыхъ маленькихъ сосуновъ, черный, головастый, съ удивленно торчащею между ушами чолкой и хвостикомъ, свернутымъ еще на ту сторону, на которую онъ былъ загнутъ въ брюхѣ матери, установивъ уши и тупые глаза, не

двигаясь съ мѣста, пристально смотрѣлъ на сосуна, который скакалъ и пятился—неизвѣстно: завидуя или осуждая—зачѣмъ онъ это дѣлаетъ. Которые сосутъ, подталкивая носомъ, которые, неизвѣстно почему, несмотря на зовы матерей, бѣгутъ маленькою неловкою рысцей прямо въ противоположную сторону, какъ будто отыскивая что-то, и потомъ, неизвѣстно для чего, останавливаются и ржутъ отчаянно пронзительнымъ голосомъ; которые лежатъ бокомъ въ повалку, которые учатся ѣсть траву, которые чешутся заднею ногой за ухомъ. Двѣ еще жеребыя кобылы ходятъ отдѣльно и, медленно передвигая ноги, все еще ѣдятъ. Видно, что ихъ положеніе уважаемо другими, и никто изъ молодежи не рѣшается подходить и мѣшать. Ежели и вздумаетъ какая-нибудь шалунья подойти близко къ нимъ, то одного движенія уха и хвоста достаточно, чтобы показать имъ всю неприличность ихъ поведенія.

Стригунки, годовалыя кобылки, притворяются уже большими и степенными и рѣдко подпрыгиваютъ и сходятся съ веселыми компаніями. Они чинно ѣдятъ траву, выгибая свои лебединыя стриженыя шейки, и, какъ будто у нихъ тоже есть хвосты, помахиваютъ своими вѣничками. Такъ же, какъ и большіе, нѣкоторые ложатся, катаются или чешутъ другъ друга. Самая веселая компанія составляется изъ двухлѣтокъ, трехлѣтокъ и холостыхъ кобылъ. Онѣ ходятъ почти всѣ вмѣстѣ и отдѣльно веселой дѣвичьей гурьбой. Между ними слышится топотъ, взвизгиваніе, ржаніе, фырканье. Онѣ сходятся, кладутъ голову другъ другу черезъ плечи, обнюхиваютъ, прыгаютъ и иногда, поднявъ трубой хвостъ, полу-рысью, полу-тропотой гордо и кокетливо пробѣгаютъ передъ товарками. Первой красавицей и затѣйницей между всею этою молодежью была шалунья, бурая кобылка. Что она затѣвала, то дѣлали и другія; куда она шла, туда за ней шла и вся гурьба красавицъ. Шалунья была въ особенно игривомъ расположеніи въ это утро. Веселый стихъ нашелъ

на нее такъ, какъ онъ находитъ и на людей. Еще на водопоѣ, подшутивъ надъ старикомъ, она побѣжала вдоль по водѣ, притворилась, что испугалась чего-то, храпнула и во всѣ ноги понеслась въ поле, такъ что Васька долженъ былъ скакать за ней и за другими, увязавшимися за ней. Потомъ, поѣвъ немного, она начала валяться, потомъ дразнить старухъ тѣмъ, что заходила впередъ ихъ; потомъ отбила одного сосунка и начала бѣгать за нимъ, какъ будто желая укусить его. Мать испугалась и бросила ѣсть, сосунчикъ кричалъ жалобнымъ голосомъ, но шалунья ничѣмъ даже не тронула его, а только попугала его и доставила зрѣлище товаркамъ, которыя съ сочувствіемъ смотрѣли на ея продѣлки. Потомъ она затѣяла вскружить голову чалой лошадкѣ, на которой далеко за рѣкой, по ржамъ, проѣзжалъ мужичекъ съ сохою. Она остановилась гордо, нѣсколько на бокъ, подняла голову, встряхнулась и заржала сладкимъ, нѣжнымъ и протяжнымъ голосомъ. И шалость, и чувство, и нѣкоторая грусть выражались въ этомъ ржаніи. Въ немъ было и желаніе, и обѣщаніе любви, и грусть по ней.

Вонъ дергачъ въ густомъ тростникѣ, перебѣгая съ мѣста на мѣсто, страстно зоветъ къ себѣ свою подругу; вонъ и кукушка и перепелъ поютъ любовь, и цвѣты по вѣтру пересылаютъ свою душистую пыль другъ другу.

«И я и молода, и хороша, и сильна», говорило ржаніе шалуньи, «а мнѣ не дано было до сихъ поръ испытать сладость этого чувства и не только не дано испытать, но ни одинъ любовникъ, ни одинъ еще не видѣлъ меня».

И многозначущее ржаніе грустно и молодо отозвалось низомъ и полемъ и издалека донеслось до чалой лошадки. Она подняла уши и остановилась. Мужикъ ударилъ ее лаптемъ, но чалая лошадка была очарована серебрянымъ звукомъ далекаго ржанія и заржала тоже. Мужикъ разсердился, дернулъ ее возжами и такъ ударилъ

лаптемъ по брюху, что она не успѣла докончить своего ржанія и пошла дальше. Но чалой лошадкѣ стало сладко и грустно, и изъ далекихъ ржей долго еще долетали до табуна звуки начатаго страстнаго ржанія и сердитаго голоса мужика.

Ежели отъ одного звука этого голоса чалая лошадка могла ошалѣть такъ, что забыла свою должность, что было бы съ ней, ежели бы она видѣла всю красавицу-шалунью, какъ она, насторживъ уши, растопыривъ ноздри, втягивая въ себя воздухъ куда-то порываясь и дрожа всѣмъ своимъ молодымъ и красивымъ тѣломъ, звала ее.

Но шалунья долго не задумывалась надъ своими впечатлѣніями. Когда голосъ чалаго замолкъ, она насмѣшливо поржала еще и, опустивъ голову, стала копать ногой землю, а потомъ пошла будить и дразнить пѣгаго мерина.

Левъ Толстой.

ВЕСЕННІЙ ДОЖДЬ.

Изъ романа «Семейное счастье».

Уже солнце зашло, начинало смеркаться и весенняя темная тучка висѣла надъ домомъ и садомъ, только изъ-за деревьевъ виднѣлся чистый край небеса съ потухавшею зарею и только-что вспыхнувшею вечернею звѣздочкой. Надо всѣмъ стояла тѣнь легкой тучки, и все ждало тихаго весенняго дождика. Вѣтеръ замеръ, ни одинъ листъ, ни одна травка не шевелилась; запахъ сирени и черемухи такъ сильно, какъ будто весь воздухъ цвѣлъ, стоялъ съ саду и на террасѣ, и наплывами то вдругъ ослабѣвалъ, то усиливался, такъ что хотѣлось закрыть глаза и ничего не видѣть, не слышать, кромѣ этого сладкаго запаха. Георгины и кусты розановъ, еще безъ цвѣта,

неподвижно вытянувшись на своей вскопанной черной рабаткѣ, какъ будто медленно росли вверхъ по своимъ бѣлымъ, обструганнымъ подставкамъ; лягушки изъ всѣхъ силъ, какъ будто напослѣдкахъ предъ дождемъ, который ихъ загонитъ въ воду, дружно и пронзительно трещали изъ-подъ оврага. Одинъ какой-то тонкій, непрерывный водяной звукъ стоялъ надъ этимъ крикомъ. Соловьи перекликались вперемежку, и слышно было, какъ тревожно перелетали съ мѣста на мѣсто... А тучи безъ вѣтра все опускались ниже и ниже; все становилось тише, пахучѣе и неподвижнѣе, и вдругъ капля упала и какъ будто подпрыгнула на парусиномъ навѣсѣ терассы, другая разбилась на щебнѣ дорожки; по лопуху шлепнуло, и закапалъ крупный, свѣжій, усиливающійся дождикъ. Соловьи и лягушки совсѣмъ затихли, только тонкій водяной звукъ хотя и казался дальше изъ-за дождя, но все стоялъ въ воздухѣ, и какая-то птица, должно-быть, забившись въ сухія листья, недалеко отъ террасы, разномѣрно выводила свои двѣ однообразныя ноты... Тучки, свѣтлѣя и рѣдѣя, проливались надъ головою; ровный звукъ дождя замѣнился рѣдкими каплями, падавшими сверху и съ листьевъ. Опять внизу затрещали лягушки, опять встрепенулись соловьи, и изъ мокрыхъ кустовъ стали отзываться то съ той, то съ другой стороны. Все просвѣтлѣло въ природѣ.

Левъ Толстой.

Н. В. Гоголь.

ЖИЗНЬ.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ:

Лежитъ и разстилается великое Средиземное море и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, сирійскія голыя пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы.

Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамида надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, обтесанные въ сфинксовъ; идутъ безчисленныя ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ, весь убранный таинственными знаками и священными звѣрями. Стоитъ и неподвиженъ, какъ очарованный, какъ мумія, несокрушаемая тлѣніемъ.

Раскинула вольныя колоніи веселая Греція. Кишатъ на Средиземномъ морѣ острова, потопленные зелеными рощами; кинамонъ, виноградныя лозы, смоковницы помаваютъ облитыми медомъ вѣтвями; колонны, бѣлыя какъ перси дѣвы, круглятся въ роскошномъ мракѣ древесномъ, мра-

моръ страстный дышитъ, зажженный чуднымъ рѣзцомъ, и стыдливо любуется своею прекрасною наготою; увитый гроздіями, съ тирсами и чашами въ рукахъ, народъ остановился въ шумной пляскѣ. Жрицы, молодыя и стройныя, съ разметанными кудрями, вдохновенно вонзили свои черныя очи. Тростникъ, связанный въ цѣвницу, тимпаны, мусикійскія орудія мелькаютъ, перевитыя плющемъ. Корабли какъ мухи толпятся близъ Родоса и Корциры, подставляя сладострастно выгибающійся флагъ дыханію вѣтра. И все стоитъ неподвижно, какъ бы въ окаменѣломъ величіи.

Стоитъ и распростирается желѣзный Римъ, устремляя лѣсъ копій и сверкая грозною сталью мечей, вперивъ на все завистливыя очи и протянувши свою жилистую десницу. Но онъ неподвиженъ, какъ и все, и не тронется львиными членами.

Весь воздухъ небеснаго океана висѣлъ сжатый и душный. Великое Средиземное море не шолохнетъ,—какъ будто бы царства предстали всѣ на страшный судъ передъ кончиною міра.

И говоритъ Египетъ, помавая тонкими пальмами, жилицами его равнинъ и устремляя иглы своихъ обелисковъ: «Народы, слушайте! Я одинъ постигъ и проникъ тайну жизни и тайну человѣка. Все тлѣнъ. Низки искусства, жалки наслажданія, еще жалче слава и подвиги. Смерть, смерть властвуетъ надъ міромъ и человѣкомъ! Все пожираетъ смерть, все живетъ для смерти. Далеко, далеко до воскресенія! Да и будетъ ли когда воскресеніе? Прочь желанія и наслажденія! Выше строй пирамиду, бѣдный человѣкъ, чтобы хоть сколько-нибудь продлить свое бѣдное существованіе».

И говоритъ ясный, какъ небо, какъ утро, какъ юность, свѣтлый міръ грековъ, и, казалось, вмѣсто словъ, слышалось дыханіе цѣвницы: «Жизнь сотворена для жизни. Развивай жизнь свою и развивай вмѣстѣ съ нею ея наслажденіе. Все неси ему. Гляди, какъ выпукло и прекрасно

все природѣ, какъ дышитъ все согласіемъ. Все въ мірѣ, все, чѣмъ ни владѣютъ боги, все въ немъ; умѣй находить его. Наслаждайся, богоподобный и гордый обладатель міра, вѣнчай дубомъ и лавромъ прекрасное чело свое! Мчись на колесницѣ, искусно правя конями, на блистательныхъ играхъ! Далѣе корысть и жадность отъ вольной и гордой души! Рѣзецъ, палитра и цѣвница созданы быть властителями міра, а властительницею ихъ—красота. Увивай плющемъ и гроздіемъ свою благовонную главу и прекрасную главу стыдливой подруги! Жизнь создана для жизни, для наслажденія—умѣй быть достойнымъ наслажденія!»

И говоритъ покрытый желѣзомъ Римъ, потрясая блестящимъ лѣсомъ копій: «Я постигнулъ тайну жизни человѣка. Низко спокойствіе для человѣка: оно уничтожаетъ его въ самомъ себѣ. Малъ для души размѣръ искусствъ и наслажденій. Наслажденіе—въ гиганскомъ желаніи... Презрѣнна жизнь народовъ и человѣка безъ громкихъ подвиговъ. Славы, славы жаждай, человѣкъ! Въ порывѣ неразсказаннаго веселія, оглушенный звукомъ желѣза, несись на сомкнутыхъ щитахъ бранноносныхъ легіоновъ! Слышишь ли, какъ у ногъ твоихъ собрался весь міръ и, потрясая копьями, слился въ одно восклицаніе? Слышишь ли, какъ твое имя замираетъ страхомъ на устахъ племенъ, живущихъ на краяхъ міра? Все, что ни объемлетъ взоръ твой, наполняй своимъ именемъ. Стремись вѣчно: нѣтъ границъ міру—нѣтъ границъ и желанію! Дикій и суровый, далѣе и далѣе захватывай міръ—ты завоюешь наконецъ небо!»...

Но остановился Римъ и вперилъ орлиныя очи свои на востокъ. Къ востоку обратила и Грецiя свои влажныя отъ наслажденія, прекрасныя очи; къ востоку обратилъ Египетъ свои мутныя, безцвѣтныя очи.

Камениста земля; презрѣненъ народъ; немноголюдная весь прислонилась къ обнаженнымъ холмамъ, изрѣдка, неровно оттѣненнымъ изсохшею смоковницею. За низкою и ветхою оградою

стоитъ ослица. Въ деревянныхъ ясляхъ лежитъ младенецъ; надъ нимъ склонилась непорочная мать и глядитъ на него исполненными слезъ очами; надъ нимъ высоко въ небѣ стоитъ звѣзда и весь міръ осіяла чуднымъ свѣтомъ.

Задумался древній Египетъ, увитый іероглифами, понижая ниже свои пирамиды: безпокойно глянула прекрасная Грецiя; опустилъ очи Римъ на желѣзныя свои копья; приникла ухомъ великая Азія съ народами-пастырями; нагнулся Араратъ, древній прапращуръ земли...

Н. В. Гоголь.

ПОВѢСТЬ О ТОМЪ, КАКЪ ПОССОРИЛСЯ ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ СЪ ИВАНОМЪ НИКИФОРОВИЧЕМЪ.

Отрывокъ.

Утромъ,—это было въ іюлѣ мѣсяцѣ,—Иванъ Ивановичъ лежалъ подъ навѣсомъ. День былъ жарокъ, воздухъ сухъ и переливался струями. Иванъ Ивановичъ успѣлъ уже побывать за городомъ у косарей и на хуторѣ, успѣлъ разспросить встрѣтившихся мужиковъ и бабъ, откуда, куда, какъ и почему; уходился страхъ, и прилегъ отдохнуть. Лежа, онъ долго оглядывалъ коморы, дворъ, сараи, куръ, бѣгавшихъ по двору, и думалъ про себя: «Господи, Боже мой, какой я хозяинъ! Чего у меня нѣтъ? Птицы, строеніе, амбары, всякая прихоть, водка перегонная, настоянная; въ саду груши, сливы; въ огородѣ макъ, капуста, горохъ... Чего жъ еще нѣтъ у меня?.. Хотѣлъ бы я знать, чего нѣтъ у меня?...

Задавши себѣ такой глубокомысленный вопросъ, Иванъ Ивановичъ задумался; а между тѣмъ глаза его отыскали новые предметы, перешагнули чрезъ заборъ во дворъ Ивана Никифоровича и занялись невольно любопытнымъ зрѣлищемъ. Тощая баба выносила по порядку залежалое платье и развѣшивала его на протянутой веревкѣ вывѣтривать. Скоро старый мундиръ, съ изношенными обшлагами, протянулъ на воздухъ рукава и обнималъ парчевую кофту; за нимъ высунулся дворянскій съ гербовыми пуговицами, съ отъѣденнымъ воротникомъ; бѣлыя казимировыя панталоны съ пятнами, которыя когда-то натягивались на ноги Ивана Никифоровича и которыя можно теперь натянуть развѣ на его пальцы. За ними скоро повисли другія въ видѣ буквы Л, потомъ синій казацкій бешметъ, который шилъ себѣ Иванъ Никифоровичъ назадъ тому лѣтъ двадцать, когда готовился было вступить въ милицію и отпустилъ было уже усы. Наконецъ, одно къ одному, выставилась шпага, походившая на шпицъ, торчавшій въ воздухѣ. Потомъ завертѣлись фалды чего-то похожаго на кафтанъ травяно-зеленаго цвѣта, съ мѣдными пуговицами, величиною въ пятакъ. Изъ-за фалдъ выглянулъ жилетъ, обложенный золотымъ позументомъ, съ большимъ вырѣзомъ напереди. Жилетъ скоро закрыла старая юбка покойной бабушки, съ карманами, въ которые можно было положить по арбузу. Все, мѣшаясь вмѣстѣ, составляло для Ивана Ивановича очень занимательное зрѣлище, между тѣмъ какъ лучи солнца, охватывая мѣстами синій или зеленый рукавъ, красный обшлагъ, или часть золотой парчи, или играя на шпажномъ шпицѣ, дѣлали его чѣмъ-то необыкновеннымъ, похожимъ на тотъ вертепъ, который разводятъ по хуторамъ кочующіе пройдохи,—особливо, когда толпа народа, тѣсно сдвинувшись, глядитъ на царя Ирода въ золотой коронѣ, или на Антона, ведущаго козу; за вертепомъ визжитъ скрипка; цыганъ бренчитъ руками по губамъ своимъ вмѣсто барабана,

а солнце заходитъ, и свѣжій холодъ южной ночи незамѣтно прижимается сильнѣе къ свѣжимъ плечамъ и грудямъ полныхъ хуторянокъ.

Скоро старуха вылѣзла изъ кладовой, кряхтя и таща на себѣ старинное сѣдло съ оборванными стременами, съ истертыми кожаными чехлами для пистолетовъ, съ чепракомъ, когда-то алаго цвѣта, съ золотымъ шитьемъ и мѣдными бляхами.

«Вотъ глупая баба!» подумалъ Иванъ Ивановичъ: «она еще вытащитъ и самого Ивана Никифоровича провѣтривать!»

И точно: Иванъ Ивановичъ не совсѣмъ ошибся въ своей догадкѣ. Минутъ черезъ пять воздвигнулись нанковыя шаровары Ивана Никифоровича и заняли собою почти половину двора. Послѣ этого она вынесла еще шапку и ружье.

«Что жъ это значитъ?» подумалъ Иванъ Ивановичъ: «я не видѣлъ никогда ружья у Ивана Никифоровича. Что жъ это онъ? Стрѣлять не стрѣляетъ, а ружье держитъ! На что жъ оно ему? А вещица славная! Я давно себѣ хотѣлъ достать такое. Мнѣ очень хочется имѣть это ружьецо; я люблю позабавиться ружьецомъ. Эй, баба, баба!» закричалъ Иванъ Ивановичъ, кивая цальцемъ.

Старуха подошла къ забору.

«Что это у тебя, бабуся, такое?»

«Видите сами—ружье».

«Какое ружье?»

«Кто его знаетъ, какое! Еслибъ оно было мое, то я, можетъ быть, и знала бы, изъ чего оно сдѣлано; но оно панское».

Иванъ Ивановичъ всталъ и началъ разсматривать ружье со всѣхъ сторонъ и позабылъ дать выговоръ старухѣ за то, что повѣсила его вмѣстѣ со шпагою провѣтривать.

«Оно, должно думать, желѣзное», продолжала старуха.

«Гм! желѣзное. Отчего жъ оно желѣзное?» говорилъ про себя Иванъ Ивановичъ. «А давно оно у пана?»

«Можетъ быть, и давно».

«Хорошая вещица!» продолжалъ Иванъ Ивановичъ. «Я выпрошу его. Что ему дѣлать съ нимъ? Или промѣняюсь на что-нибудь. Что, бабуся, дома панъ?

«Дома».

«Что онъ, лежитъ?»

«Лежитъ».

«Ну, хорошо; я приду къ нему».

Иванъ Ивановичъ одѣлся, взялъ въ руки суковатую палку отъ собакъ, потому что въ Миргородѣ гораздо болѣе ихъ попадается на улицѣ нежели людей, и пошелъ.

Дворъ Ивана Никифоровича хотя былъ возлѣ двора Ивана Ивановича и можно было перелѣзть изъ одного въ другой черезъ плетень, однако жъ Иванъ Ивановичъ пошелъ улицею. Съ этой улицы нужно было перейти въ переулокъ, который былъ такъ узокъ, что если случалось встрѣтиться въ немъ двумъ повозкамъ въ одну лошадь, то онѣ уже не могли разъѣхаться и оставались въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, покамѣстъ, схвативши за заднія колеса, не вытаскивали ихъ каждую въ противную сторону на улицу; пѣшеходъ же убирался, какъ цвѣтами, репейниками, росшими съ обѣихъ сторонъ возлѣ забора. На этотъ переулокъ выходили съ одной стороны сарай Ивана Ивановича, съ другой—амбаръ, ворота и голубятня Ивана Никифоровича. Иванъ Ивановичъ подошелъ къ воротамъ, загремѣлъ щеколдой: изнутри поднялася собачій лай; но разношерстная стая скоро побѣжала, помахивая хвостиками, назадъ, увидѣвши, что это было знакомое лицо. Иванъ Ивановичъ перешелъ дворъ, на которомъ пестрѣли индѣйскіе голуби, кормимые собственноручно Иваномъ Никифоровичемъ, корки арбузовъ и дынь, мѣстами зелень, мѣстами изломанное колесо, или обручъ отъ бочки, или валявшійся мальчишка въ запачканной рубашкѣ; картина, которую любятъ живописцы! Тѣнь отъ развѣшанныхъ платьевъ покрывала

почти весь дворъ и сообщала ему нѣкоторую прохладу. Баба встрѣтила его поклономъ и стала на одномъ мѣстѣ. Передъ домомъ охорашивалось крылечко съ навѣсомъ на двухъ дубовыхъ столбахъ,—ненадежная защита отъ солнца, которое въ это время въ Малороссіи не любитъ шутить и обливаетъ пѣшехода съ ногъ до головы жаркимъ потомъ. Изъ этого можно было видѣть, какъ сильно было желаніе у Ивана Ивановича пріобрѣсть необходимую вещь, когда онъ рѣшился выйти въ такую пору, измѣнивъ даже своему всегдашнему обыкновенію прогуливаться только вечеромъ.

Комната, въ которую вступилъ Иванъ Ивановичъ, была совершенно темна, потому что ставни были закрыты и солнечный лучъ, проходя въ дыру, сдѣланную въ ставнѣ, принялъ радужный цвѣтъ и, ударяясь въ противостоящую стѣну, рисовалъ на ней пестрый ландшафтъ изъ очеретяныхъ крышъ, деревъ и развѣшаннаго на дворѣ платья, все только въ обращенномъ видѣ. Отъ этого всей комнатѣ сообщался какой-то чудный полусвѣтъ.

«Помоги Богъ!» сказалъ Иванъ Ивановичъ.

«А, здравствуйте, Иванъ Ивановичъ!» отвѣчалъ голосъ изъ угла комнаты. Тогда только Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Ивана Никифоровича, лежащаго на разостланномъ на полу коврѣ. «Извините, что я передъ вами въ натурѣ.» Иванъ Никифоровичъ лежалъ безъ всего, даже безъ рубашки.

«Ничего. Почивали ли вы сегодня, Иванъ Никифоровичъ?»

«Почивалъ. А вы почивали, Иванъ Ивановичъ?»

«Почивалъ».

«Такъ вы теперь и встали?»

«Я теперь всталъ? Христосъ съ вами, Иванъ Никифоровичъ! Какъ можно спать до сихъ поръ! Я только что изъ хутора. Прекрасныя жита по

дорогѣ! восхитительныя! И сѣно такое рослое, мягкое, злачное!»

«Горпина!» закричалъ Иванъ Никифоровичъ; «принеси Ивану Ивановичу водки да пироговъ съ сметаною».

«Хорошее время сегодня».

«Не хвалите, Иванъ Ивановичъ. Чтобъ его чортъ взялъ! Некуда дѣваться отъ жару!»

«Вотъ-таки нужно помянуть чорта. Эй, Иванъ Никифоровичъ! вы вспомните мое слово, да будетъ, поздно: достанется вамъ на томъ свѣтѣ за богопротивныя слова».

«Чѣмъ же я обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ? Я не тронулъ ни отца, ни матери вашей. Не знаю, чѣмъ я васъ обидѣлъ».

«Полно уже, полно, Иванъ Никифоровичъ!»

«Ей-Богу, я не обидѣлъ васъ, Иванъ Ивановичъ!»

«Странно, что перепела до сихъ поръ нейдутъ подъ дудочку».

«Какъ вы себѣ хотите, думайте, что вамъ угодно, только я васъ не обидѣлъ ничѣмъ».

«Не знаю, отчего они нейдутъ», говорилъ Иванъ Ивановичъ, какъ бы не слушая Ивана Никифоровича: «время ли не приспѣло еще... только время, кажется, такое, какое нужно».

«Вы говорите, что жита хорошія?»

«Восхитительныя жита, восхитительныя!»

За симъ послѣдовало молчаніе.

«Что вы, Иванъ Никифоровичъ, платье развѣшиваете?» наконецъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

«Да, прекрасное почти новое платье загнала проклятая баба: теперь провѣтриваю; сукно тонкое, только вывороти—и можно снова носить».

«Мнѣ тамъ понравилась одна вещица, Иванъ Никифоровичъ».

«Какая?»

«Скажите, пожалуйста, на что вамъ это ружье, что выставлено вывѣтривать вмѣстѣ съ платьемъ? Тутъ Иванъ Ивановичъ поднесъ табаку. «Смѣю ли просить объ одолженіи?»

«Ничего, одолжайтесь; я понюхаю своего». При этомъ Иванъ Никифоровичъ пощупалъ вокругъ себя и досталъ рожокъ. «Вотъ глупая баба! Такъ она и ружье туда же повѣсила? Хорошій табакъ жидъ дѣлаетъ въ Сорочинцахъ. Я не знаю, что онъ кладетъ туда, а такое душистое! На кануперъ немножко похоже. Вотъ возьмите, разжуйте немножко во рту: не правда ли, похоже на кануперъ? Возьмите, одолжайтесь!»

«Скажите, пожалуйста, Иванъ Никифоровичъ, я все насчетъ ружья: что вы будете съ нимъ дѣлать? Вѣдь оно вамъ не нужно».

«Какъ не нужно, а случится стрѣлять?»

«Господь съ вами, Иванъ Никифоровичъ, когда же вы будете стрѣлять? Развѣ во второмъ пришествіи? Вы, сколько я знаю и другіе запомнятъ, ни одной еще качки (утки) не убили, да и ваша натура не такъ уже Господомъ Богомъ устроена, чтобъ стрѣлять. Вы имѣете осанку и фигуру важную. Какъ же вамъ таскаться по болотамъ, когда ваше платье, которое не во всякой рѣчи прилично назвать по имени, провѣтривается и теперь еще? что же тогда? Нѣтъ, вамъ нужно имѣть покой, отдохновеніе». (Иванъ Ивановичъ, какъ упомянуто выше, необыкновенно живописно говорилъ, когда нужно было убѣждать кого. Какъ онъ говорилъ! Боже, какъ онъ говорилъ!) «Да, такъ вамъ нужны приличные поступки. Послушайте, отдайте его мнѣ!»

«Какъ можно! это ружье дорогое; такихъ ружьевъ теперь не сыщете нигдѣ. Я еще, какъ собирался въ милицію, купилъ его у турчина; а теперь бы то такъ вдругъ и отдать его! Какъ можно! Это вещь необходимая!»

«На что-жъ она необходимая?»

«Какъ на что? А когда нападутъ на домъ разбойники... Еще бы не необходимая! Слава Тебѣ, Господи! Теперь я спокоенъ и не боюсь никого. А отчего?—оттого, что я знаю, что у меня стоитъ въ каморѣ ружье».

«Хорошее ружье! Да у него Иванъ Никифоровичъ, замокъ испорченъ».

«Что жъ, что испорченъ? Можно починить; нужно только смазать конопляным масломъ, чтобъ не ржавѣлъ».

«Изъ вашихъ словъ, Иванъ Никифоровичъ, я никакъ не вижу дружественнаго ко мнѣ расположенія. Вы ничего не хотите сдѣлать для меня въ знакъ пріязни».

«Какъ же это вы говорите, Иванъ Ивановичъ, что я вамъ не оказываю никакой пріязни? Какъ вамъ не совѣстно? Ваши волы пасутся на моей степи, и я ни разу не занималъ ихъ. Когда ѣдете въ Полтаву, всегда просите у меня повозки, и что жъ? развѣ я отказалъ когда? Ребятишки ваши перелѣзаютъ чрезъ плетень въ мой дворъ и играютъ съ моими собаками,—я ничего не говорю: пусть себѣ играютъ, лишь бы ничего не трогали! пусть себѣ играютъ!»

«Когда не хотите подарить, такъ, пожалуй, помѣняемся».

«Что жъ вы дадите мнѣ за него?» При этомъ Иванъ Никифоровичъ облокотился на руку и поглядѣлъ на Ивана Ивановича.

«Я вамъ дамъ за него бурую свинью, ту самую, что я откормилъ въ сажу. Славная свинья! Увидите, если на слѣдующій годъ она не наведетъ вамъ поросятъ».

«Я не знаю, какъ вы, Иванъ Ивановичъ, можете это говорить. На что мнѣ свинья ваша? Развѣ чорту поминки дѣлать».

«Опять! Безъ чорта-таки нельзя обойтись! Грѣхъ вамъ, ей-Богу, грѣхъ, Иванъ Никифоровичъ!»

«Какъ же вы, въ самомъ дѣлѣ, Иванъ Ивановичъ, даете за ружье, чортъ знаетъ что такое, свинью!»

«Отчего же она—чортъ знаетъ что такое, Иванъ Никифоровичъ?»

«Какъ же? Вы бы сами посудили хорошенько. Это-таки ружье, вещь извѣстная; а то—чортъ

знаетъ что такое: свинья! Если бы не вы говорили, я бы могъ это принять въ обидную для себя сторону».

«Что жъ нехорошаго замѣтили вы въ свиньѣ?»

За кого же въ самомъ дѣлѣ вы принимаете меня? Чтобъ я свинью...»

«Садитесь, садитесь! Не буду уже... Пусть вамъ остается ваше ружье, пускай себѣ сгніетъ и перержавѣетъ, стоя въ углу въ каморѣ—не хочу больше говорить о немъ».

Послѣ этого послѣдовало молчаніе.

«Говорятъ», началъ Иванъ Ивановичъ, «что три короля объявили войну царю нашему».

«Да, говорилъ мнѣ Петръ Ѳедоровичъ. Что-жъ это за война? и отчего она?

«Навѣрное не можно сказать, Иванъ Никифоровичъ, за что она. Я полагаю, что короли хотятъ, чтобы мы всѣ приняли турецкую вѣру».

«Вишь, дурни, чего захотѣли!» произнесъ Иванъ Никифоровичъ, приподнявши голову.

«Вотъ видите, а царь нашъ и объявилъ имъ за то войну. «Нѣтъ, говоритъ, примите вы сами вѣру Христову!»

«Что жъ? Вѣдь наши побьютъ ихъ, Иванъ Ивановичъ!»

«Побьютъ. Такъ не хотите, Иванъ Никифоровичъ, мѣнять ружьеца?»

Мнѣ странно, Иванъ Ивановичъ: вы, кажется, человѣкъ извѣстный ученостью, а говорите, какъ недоросль. Что бы я за дуракъ такой...»

«Садитесь, садитесь. Богъ съ нимъ! Пусть оно себѣ околѣетъ; не буду больше говорить».

Въ это время принесли закуску.

Иванъ Ивановичъ выпилъ рюмку и закусилъ пирогомъ со сметаною. «Слушайте, Иванъ Никифоровичъ: я вамъ дамъ два мѣшка овса; вѣдь овса вы не сѣяли. Этотъ годъ, все равно, вамъ нужно будетъ покупать овесъ».

«Ей-Богу, Иванъ Ивановичъ, съ вами говорить нужно, гороху наѣвшись». (Это еще ничего: Иванъ Никифоровичъ и не такія фразы отпускаетъ.) «Гдѣ

видано, чтобы кто ружье промѣнялъ на два мѣшка овса? Небось, бекеши своей не поставите».

«Но вы позабыли, Иванъ Никифоровичъ, что я и свинью еще даю вамъ».

«Какъ! два мѣшка овса и свинью за ружье?»

«Да что жъ развѣ мало?

«За ружье?»

«Конечно, за ружье».

«Два мѣшка не пустыхъ, а съ овсомъ; а свинью позабыли?»

»Поцѣлуйтесь съ своею свиньею, а коли не хотите, такъ съ чортомъ!»

«О, васъ зацѣпи только! Увидите: нашпигуютъ вамъ на томъ свѣтѣ языкъ горячими иголками за такія богомерзкія слова. Послѣ разговора съ вами нужно и лицо, и руки умыть, и самому окуриться».

«Позвольте, Иванъ Ивановичъ: ружье—вещь благородная, самая любопытная забава, притомъ и украшеніе въ комнатѣ пріятное...»

«Вы, Иванъ Никифоровичъ, разносились такъ съ своимъ ружьемъ, *какъ дурень съ писанною торбою*», сказалъ Иванъ Ивановичъ съ досадою, потому что дѣйствительно начиналъ уже сердиться?»

«А вы, Иванъ Ивановичъ, настоящій *гусакъ*».

Если бы Иванъ Никифоровичъ не сказалъ этого слова, то они бы поспорили между собою и разошлись, какъ всегда, пріятелями; но теперь произошло совсѣмъ другое. Иванъ Ивановичъ весь вспыхнулъ.

«Что вы такое сказали, Иванъ Никифоровичъ?» спросилъ онъ, возвысивъ голосъ.

«Я сказалъ, что вы похожи на гусака, Иванъ Ивановичъ!»

«Какъ же вы смѣли, сударь, позабывъ и приличіе и уваженіе къ чину и фамиліи человѣка, обезчестить такимъ поноснымъ именемъ?»

«Что жъ тутъ поносного? Да чего вы въ самомъ дѣлѣ такъ размахались руками, Иванъ Ивановичъ?»

«Я повторяю, какъ вы осмѣлились, въ противность всѣхъ приличій, назвать меня гусакомъ?»

«Начхать я вамъ на голову, Иванъ Ивановичъ! Что вы такъ раскудахтались?

Иванъ Ивановичъ не могъ болѣе владѣть собою: губы его дрожали; ротъ измѣнилъ обыкновенное положеніе *ижицы* и сдѣлался похожимъ на *о*; глазами онъ такъ мигалъ, что сдѣлалось страшно. Это было у Ивана Ивановича чрезвычайно рѣдко; нужно было для этого его сильно разсердить. «Такъ я жъ вамъ объявляю», произнесъ Иванъ Ивановичъ: «что я знать васъ не хочу.»

«Большая бѣда! Ей-Богу, не заплачу отъ этого!» отвѣчалъ Иванъ Никифоровичъ. — Лгалъ, лгалъ, ей-Богу, лгалъ! Ему очень было досадно это.

«Нога моя не будетъ у васъ въ домѣ».

«Эге, ге!» сказалъ Иванъ Никифоровичъ, съ досады не зная самъ, что дѣлать, и, противъ обыкновенія, вставъ на ноги. «Эй, баба, хлопче!» При семъ показалась изъ-за дверей та самая тощая баба и небольшого роста мальчикъ, запутанный въ длинный и широкій сюртукъ. «Возьмите Ивана Ивановича за руки, да выведите его за двери!»

«Какъ! дворянина?» закричалъ съ чувствомъ достоинства и негодованія Иванъ Инановичъ. «Осмѣльтесь только! подступите! Я васъ уничтожу съ глупымъ вашимъ паномъ! Воронъ не найдетъ мѣста вашего!» (Иванъ Ивановичъ говорилъ необыкновенно сильно, когда душа его бывала потрясена).

Вся группа представляла сильную картину: Иванъ Никифоровичъ, стоявшій посреди комнаты въ полной красотѣ своей, безъ всякаго украшенія! Баба, разинувшая ротъ и выразившая на лицѣ самую безсмысленную, исполненную страха мину! Иванъ Ивановичъ съ поднятою вверхъ рукою, какъ изображались римскіе трибуны! Это была необыкновенная минута, спектакль великолѣпный! И между тѣмъ только одинъ былъ зрителемъ: это былъ мальчикъ въ неизмѣримомъ

сюртукѣ, который стоялъ довольно покойно и чистилъ пальцемъ свой носъ.

Наконецъ, Иванъ Ивановичъ взялъ шапку свою. «Очень хорошо поступаете вы, Иванъ Никифоровичъ! прекрасно! Я это припомню вамъ».

«Ступайте, Иванъ Ивановичъ, ступайте! да глядите, не попадайтесь мнѣ: а не то—я вамъ, Иванъ Ивановичъ, всю морду побью!»

«Вотъ вамъ за это, Иванъ Никифоровичъ», отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, выставивъ ему кукишъ и хлопнувъ за собою дверью, которая съ визгомъ захрипѣла и отворилась снова.

Иванъ Никифоровичъ показался въ дверяхъ и что-то хотѣлъ присовокупить, но Иванъ Ивановичъ уже не оглядывался и летѣлъ со двора.

Н. В. Гоголь.

ПѢСНЯ О БУРЕВѢСТНИКѢ.

Надъ сѣдой равниной моря вѣтеръ тучи собираетъ. Между тучами и моремъ гордо рѣетъ Буревѣстникъ, черной молніи подобный.

То волны крыломъ касаясь, то стрѣлой взмывая къ тучамъ, онъ кричитъ,—и тучи слышатъ радость въ смѣломъ крикѣ птицы.

Въ крикѣ этомъ—жажда бури!

Силу гнѣва, пламя страсти и увѣренность въ побѣдѣ слышатъ тучи въ этомъ крикѣ.

Чайки стонутъ передъ бурей,—стонутъ, мечутся надъ моремъ и на дно его готовы спрятать ужасъ свой предъ бурей.

И гагары тоже стонутъ—имъ, гагарамъ, недоступно наслажденье битвой жизни: громъ ударовъ ихъ пугаетъ.

Глупый пингвинъ робко прячетъ тѣло жирное въ утесахъ...

Только гордый Буревѣстникъ рѣетъ смѣло и свободно надъ сѣдымъ отъ пѣны моремъ!

Все мрачнѣй и ниже тучи опускаются надъ моремъ и поютъ и пляшутъ волны къ высотѣ, навстрѣчу грому.

Громъ грохочетъ. Въ пѣнѣ гнѣва стонутъ волны, съ вѣтромъ споря. Вотъ охватываетъ вѣтеръ стаи волнъ объятьемъ крѣпкимъ и бросаетъ ихъ съ размаха въ дикой злобѣ на утесы, разбивая въ пыль и брызги изумрудныя громады.

Буревѣстникъ съ крикомъ рѣетъ, черной молніи подобный, какъ стрѣла пронзаетъ тучи, пѣну волнъ крыломъ срываетъ.

Вотъ онъ носится, какъ демонъ,—гордый, черный демонъ бури,—и смѣется, и рыдаетъ... Онъ надъ тучами смѣется, онъ отъ радости рыдаетъ!

Въ гнѣвѣ грома,—чуткій демонъ,—онъ давно усталость слышитъ, онъ увѣренъ, что не скроютъ тучи солнца, нѣтъ, не скроютъ!

Вѣтеръ воетъ... громъ грохочетъ...

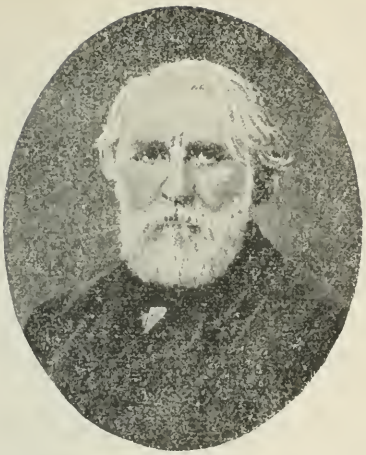
Синимъ пламенемъ пылаютъ стаи тучъ надъ бездной моря. Море ловитъ стрѣлы молній и въ своей пучинѣ гаситъ. Точно огненныя змѣи, вьются въ морѣ, исчезая, отраженья этихъ молній.

— Буря! Скоро грянетъ буря!

Это смѣлый Буревѣстникъ гордо рѣетъ между молній надъ ревущимъ гнѣвно моремъ; то кричитъ Пророкъ побѣды:

— Пусть сильнѣе грянетъ буря!..

М. Горькій.



И. С. Тургеневъ.

«КАКЪ ХОРОШИ, КАКЪ СВѢЖИ БЫЛИ РОЗЫ».

Гдѣ то, когда-то, давно-давно тому назадъ я прочелъ одно стихотвореніе. Оно скоро позабылось мною.... но первый стихъ остался у меня въ памяти:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

Теперь зима, морозъ запушилъ стекла оконъ, въ темной комнатѣ горитъ одна свѣча. Я сижу, забившись въ уголъ, а въ головѣ все звенитъ, да звенитъ:

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

И вижу я себя передъ низкимъ окномъ загороднаго русскаго дома. Лѣтній вечеръ тихо таетъ и переходитъ въ ночь, въ тепломъ воздухѣ пахнетъ резедой и липой;—а на окнѣ, опершись на выпрямленную руку и склонивъ голову къ плечу,

сидитъ дѣвушка и безмолвно, и пристально смотритъ на небо, какъ бы выжидая появленія первыхъ звѣздъ. Какъ простодушно вдохновенны задумчивые глаза, какъ трогательно-невинны раскрытыя, вопрошающія губы, какъ ровно дышетъ еще не вполнѣ расцвѣтшая, еще ничѣмъ не взволнованная грудь, какъ чистъ и нѣженъ обликъ юнаго лица! Я не дерзаю заговорить съ нею, но какъ она мнѣ дорога, какъ бьется мое сердце!

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

А въ комнатѣ все темнѣй да темнѣй... Нагорѣвшая свѣча трещитъ, бѣглыя тѣни колеблются на низкомъ потолкѣ, морозъ скрипитъ и злится за стѣною—и чудится скучный, старческій шопотъ...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

Встаютъ передо мною другіе образы... Слышится веселый шумъ семейной, деревенской жизни. Двѣ русыя головки, прислонясь другъ къ дружкѣ, бойко смотрятъ на меня своими свѣтлыми глазками, алыя щеки трепещутъ сдержаннымъ смѣхомъ, руки ласково сплелись, въ перебивку звучатъ молодые, добрые голоса; а немного подальше, въ глубинѣ уютной комнаты, другія, тоже молодыя руки бѣгаютъ, путаясь пальцами, по клавишамъ старенькаго піанино, и Ланнеровскій вальсъ не можетъ заглушить воркотню патріархальнаго самовара...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы .."

Свѣча меркнетъ и гаснетъ... Кто это кашляетъ тамъ такъ хрипло и глухо? Свернувшись въ калачикъ, жмется и вздрагиваетъ у ногъ моихъ старый песъ, мой единственный товарищъ... Мнѣ холодно... Я зябну... и всѣ онѣ умерли .. умерли...

„Какъ хороши, какъ свѣжи были розы..."

И. С. Тургеневъ.

ДЕРЕВНЯ.

Послѣдній день іюля мѣсяца; на тысячу верстъ кругомъ Россія—родной край.

Ровной синевой залито все небо; одно лишь облачко на немъ—не то плыветъ, не то таетъ. Безвѣтріе, теплынь... воздухъ—молоко парное!

Жаворонки звенятъ; воркуютъ зобастые голуби; молча рѣютъ ласточки; лошади фыркаютъ и жуютъ; собаки не лаютъ и стоятъ, смирно повиливая хвостами.

И дымкомъ-то пахнетъ, и травой—и дёгтемъ маленько—и маленько кожей. Коноплянники уже вошли въ силу и пускаютъ свой тяжелый, но пріятный духъ.

Глубокій, но пологій оврагъ. По бокамъ въ нѣсколько рядовъ головастыя, къ низу изщепленныя ракиты. По оврагу бѣжитъ ручей; на днѣ его мелкіе камешки словно дрожатъ сквозь свѣтлую рябь.—Вдали, на концѣ-краѣ земли и неба,—синеватая черта большой рѣки.

Вдоль оврага—по одной сторонѣ опрятные амбарчики, клѣтушки съ плотно-закрытыми дверьми; по другой сторонѣ пять-шесть сосновыхъ избъ съ тесовыми крышами. Надъ каждой крышей высокій шестъ скворешницы; надъ каждымъ крылечкомъ вырѣзной желѣзный, крутогривый конекъ. Неровныя стекла оконъ отливаютъ цвѣтами радуги. Кувшины съ букетами намалеваны на ставняхъ. Передъ каждой избой чинно стоитъ исправная лавочка; на завалинкахъ кошки свернулись клубочкомъ, настороживъ прозрачныя ушки; за высокими порогами прохладно темнѣютъ сѣни.

Я лежу у самаго края оврага, на разостланной попонѣ; кругомъ цѣлые вороха только-что скошеннаго, до истомы душистаго сѣна. Догадливые хозяева разбросали сѣно передъ избами: пусть еще немного посохнетъ на припёкѣ; а тамъ и въ сарай. То-то будетъ спать на немъ славно!

Курчавыя дѣтскія головки торчатъ изъ каждаго вороха; хохлатыя курицы ищутъ въ сѣнѣ мошекъ да букашекъ; бѣлогубый щенокъ барахтается въ спутанныхъ былинкахъ.

Русокудрые парни въ чистыхъ, низко-подпоясанныхъ рубахахъ, въ тяжелыхъ сапогахъ съ оторочкой, перекидываются бойкими словами, опершись грудью на отпряженную телѣгу,—зубоскалятъ.

Изъ окна выглядываетъ круглолицая молодка; смѣется не то ихъ словамъ, не то вознѣ ребятъ въ наваленномъ сѣнѣ.

Другая молодка сильными руками тащитъ большое мокрое ведро изъ колодца.... Ведро дрожитъ и качается на веревкѣ, роняя длинныя, огнистыя капли.

Передо мной стоитъ старуха хозяйка въ новой клѣтчатой паневѣ, въ новыхъ котахъ.

Крупныя, дутыя бусы въ три ряда обвились вокругъ смуглой, худой шеи; сѣдая голова повязана желтымъ платкомъ съ красными крапинками; низко нависъ онъ надъ потускнѣвшими глазами.

Но привѣтливо улыбаются старческіе глаза, улыбается все морщинистое лицо. Чай, седьмой десятокъ доживаетъ старушка.... а и теперь еще видать: красавица была въ свое время!

Растопыривъ загорѣлые пальцы правой руки, держитъ она горшокъ съ холоднымъ, неснятымъ молокомъ, прямо изъ погреба; стѣнки горшка покрыты росинками, точно бисеромъ. На ладони лѣвой руки старушка подноситъ мнѣ большой ломоть еще теплаго хлѣба.—«Кушай, молъ, на здоровье, заѣзжій гость!»

Пѣтухъ вдругъ закричалъ и хлопотливо захлопалъ крыльями; ему въ отвѣтъ, не спѣша, промычалъ запертой теленокъ.

— «Ай да овесъ!» слышится голосъ моего кучера....

О, довольство, покой, избытокъ русской, вольной деревни! О, тишь и благодать!

И думается мнѣ: къ чему намъ тутъ и крестъ на куполѣ Святой Софіи въ Царь-Градѣ, и все, чего такъ добиваемся мы, городскіе люди?

И. С. Тургеневъ.

ДНѢПРЪ.

ОТРЫВ. ИЗЪ ПОВ. «СТРАШНАЯ МЕСТЬ».

Чуденъ Днѣпръ при тихой погодѣ, когда вольно и плавно мчитъ сквозь лѣса и горы полныя воды свои. Ни шелохнетъ, ни прогремитъ. Глядишь, и не знаешь, идетъ или не идетъ его величавая ширина; и чудится, будто весь вылитъ онъ изъ стекла, и будто голубая зеркальная дорога, безъ мѣры въ ширину, безъ конца въ длину, рѣетъ и вьется по зеленому міру. Любо тогда и жаркому солнцу оглядѣться съ вышины и погрузить лучи въ холодъ стеклянныхъ водъ, и прибрежнымъ лѣсамъ ярко отразиться въ водахъ. Зеленокудрые! они толпятся вмѣстѣ съ полевыми цвѣтами къ водамъ и, наклонившись, глядятъ въ нихъ и не наглядятся и не налюбуются свѣтлымъ своимъ зракомъ, и усмѣхаются ему, и привѣтствуютъ его, кивая вѣтвями. Въ середину же Днѣпра они не смѣютъ глянуть: никто, кромѣ солнца и голубого неба, не глядитъ въ него; рѣдкая птица долетитъ до середины Днѣпра. Пышный! ему нѣтъ равной рѣки въ мірѣ. Чуденъ Днѣпръ и при теплой лѣтней ночи, когда все засыпаетъ: и человѣкъ, и звѣрь, и птица, Богъ одинъ величаво озираетъ небо и землю и величаво сотрясаетъ ризу. Отъ ризы сыплются звѣзды; звѣзды горятъ и свѣтятъ надъ міромъ, и всѣ разомъ отдаются въ Днѣпрѣ. Всѣхъ ихъ держитъ Днѣпръ въ темномъ лонѣ своемъ; ни одна не убѣжитъ отъ него—развѣ погаснетъ на небѣ. Черный лѣсъ, унизанный спящими воронами, и древле разломанныя

горы, свѣсясь, силятся закрыть его хотя длинною тѣнью своею—напрасно! Нѣтъ ничего въ мірѣ, что бы могло прикрыть Днѣпръ. Синій, синій, ходитъ онъ плавнымъ разливомъ и середь ночи, какъ середь дня, виденъ за столько вдаль, за сколько видѣть можетъ человѣчье око. Нѣжась и прижимаясь ближе къ берегамъ отъ ночного холода, даетъ онъ по себѣ серебряную струю, и она вспыхиваетъ, будто полоса дамасской сабли; а онъ, синій, снова заснулъ. Чуденъ и тогда Днѣпръ, и нѣтъ рѣки равной ему въ мірѣ! Когда же пойдутъ горами по небу синія тучи, черный лѣсъ шатается до корня, дубы трещатъ, и молнія, изламываясь между тучъ, разомъ освѣтитъ цѣлый міръ,—страшенъ тогда Днѣпръ! Водяные холмы гремятъ, ударяясь о горы, и съ блескомъ и стономъ отбѣгаютъ назадъ, и плачутъ, и заливаются вдали. Такъ убивается старая мать казака, выпровожая своего сына въ войско. Разгульный и бодрый, ѣдетъ онъ на ворономъ конѣ, подбоченившись и молодецки заломивъ шапку; а она, рыдая, бѣжитъ за нимъ, хватаетъ его за стремя, ловитъ удила и ломаетъ надъ нимъ руки, и заливается горючими слезами.

Н. В. Гоголь.

«ТОВАРИЩЪ».

Среди мрачной суеты горя и несчастья, въ судорожной схваткѣ жадности и нужды, въ тинѣ жалкаго себялюбія, по подваламъ домовъ, гдѣ жила бѣднота, создавшая богатство города, невидимо ходили одинокіе мечтатели; полные вѣры въ человѣка, всѣмъ чужіе и далекіе проповѣдники возмущенія, мятежныя искры далекаго огня правды. Они тайно приносили съ собой въ подвалы всегда плодотворныя, маленькія сѣмена простого и великаго ученія и то сурово съ холоднымъ блескомъ въ глазахъ, то мягко и любовно сѣяли

эту ясную, жгучую правду въ темныхъ сердцахъ людей-рабовъ, людей, обращенныхъ силою жадныхъ, волею жестокихъ въ слѣпыя и нѣмыя орудія наживы.

И эти темные, загнанные люди недовѣрчиво прислушиваясь къ музыкѣ новыхъ словъ, музыкѣ, которую давно и смутно ждало ихъ больное сердце, понемногу поднимали свои головы, разрывая петли хитрой лжи, которой опутали ихъ властные и жадные насильники.

Въ ихъ жизнь, полную глубокой, подавленной злобы, въ сердца, отравленныя многими обидами, въ сознаніе, засоренное пестрою ложью мудрости сильныхъ—въ эту трудную печальную жизнь, пропитанную горечью униженій, — было брошено простое, свѣтлое слово:

— Товарищъ...

Оно не было новымъ для нихъ, они слышали и сами произносили его, оно звучало до этой поры такимъ же пустымъ и тупымъ звукомъ, какъ всѣ знакомыя стертыя слова, которыя можно забыть и ничего не потерять.

Но теперь оно, ясное и крѣпкое, звучало инымъ звукомъ, въ немъ пѣла другая душа и что-то твердое, сверкающее и многогранное, какъ алмазъ, было въ немъ.

Они приняли его и стали произносить осторожно, бережливо, мягко колыхая его въ сердцѣ своемъ, какъ мать новорожденнаго колышетъ въ люлькѣ, любуясь имъ.

И чѣмъ глубже смотрѣли они въ свѣтлую душу этого слова, тѣмъ свѣтлѣе, значительнѣе и ярче казалось имъ оно.

— Товарищъ!—говорили они.

— И чувствовалось, что это слово пришло объединить весь міръ, поднять всѣхъ людей его на высоту свободы и связать ихъ новыми узами, крѣпкими узами уваженія другъ къ другу, уваженія въ свободѣ человѣка, ради свободы его.

Оно звучало среди лживыхъ словъ настоящаго, какъ радостная вѣсть о будущемъ, о новой

жизни, которая открыта равно для всѣхъ впереди. Далеко или близко...

На лицахъ тѣхъ, которые выносили это слово въ сердцахъ своихъ, вложили въ него плоть и кровь и мѣдный, гулкій звукъ, призывая къ единенію,—на ихъ лицахъ сверкало гордое чувство юныхъ творцовъ; и было ясно, что та сила, которую они такъ щедро влагали въ это живое слово,—неистребима, непобѣдима, неизсякаема...

Уже гдѣ-то противъ нихъ собирались сѣрыя слѣпыя толпы вооруженныхъ людей и безмолвно строились въ ровныя линіи: это злоба насильниковъ готовилась отразить волну справедливости.

А въ тѣсныхъ узкихъ улицахъ огромнаго города, среди его безмолвныхъ холодныхъ стѣнъ, созданныхъ руками невѣдомыхъ творцовъ, все росла и зрѣла великая вѣра людей въ братство всѣхъ со всѣми.

— Товарищи!

То тамъ, то тутъ вспыхивалъ огонекъ, призванный разгорѣться въ пламя, которое объемлетъ землю чувствомъ родства всѣхъ людей ея. Объемлетъ всю землю и сожжетъ и испепелитъ злобу, ненависть и жестокость, искажающія насъ; объемлетъ всѣ сердца и сольетъ ихъ въ единое сердце міра — сердце правдивыхъ благородныхъ людей,—въ неразрывно-дружную семью свободныхъ работниковъ.

На улицахъ мертвого города, созданнаго рабами, на улицахъ города, въ которомъ царила жестокость, росла и крѣпла вѣра въ человѣка, въ побѣду его надъ собою и зломъ міра.

И въ смутномъ хаосѣ тревожной, безрадостной жизни яркой веселой звѣздой, путеводнымъ огнемъ въ будущее сверкало простое, глубокое, какъ сердце, слово:

— Товарищъ!

Максимъ Горькій.

И. А. Гончаровъ.

ГРОЗА.

Утро было прекрасное. Озеро въ селѣ Грачахъ чуть-чуть рябѣло отъ легкой зыби. Глаза невольно зажимались отъ ослѣпительнаго блеска солнечныхъ лучей, сверкавшихъ то алмазными, то изумрудными искрами въ водѣ. Плакучія березы купали въ озерѣ свои вѣтви, и кое-гдѣ берега поросли осокой, въ которой прятались большіе, желтые цвѣты, покоившіеся на широкихъ плавучихъ листьяхъ. На солнце набѣгали иногда мелкія облака; вдругъ оно какъ будто отвернется отъ Грачей; тогда и озеро, и роща, и село—все мгновенно потемнѣетъ; одна даль ярко сіяетъ. Облако пройдетъ—озеро опять заблеститъ, нивы обольются точно золотомъ.

Къ полудню декорація начала значительно измѣняться... воздухъ, накаленный знойными лучами солнца, становился душенъ и тяжелъ. Вотъ и солнце спряталось. Стало темно. И лѣсъ, и

дальнія деревни, и трава—все облеклось въ безразличный какой-то зловѣщій цвѣтъ.

Съ запада тянулось, точно живое чудовище, черное, безобразное пятно съ мѣднымъ отливомъ по краямъ, и быстро надвигалось на село и рощу, простирая будто огромныя крылья по сторонамъ. Все затосковало въ природѣ. Коровы понурили головы, лошади обмахивались хвостами, раздували ноздри и фыркали, встряхивая гривой. Пыль подъ ихъ копытами не поднималь вверхъ, но тяжело, какъ песокъ, разсыпалась подъ колесами. Туча надвигалась грозно. Вскорѣ медленно прокатился отдаленный гулъ. Все притихло, какъ будто ожидало чего-то небывалаго... Все спряталось и безмолвствовало... Деревья перестали покачиваться и задѣвать другъ друга сучьями; они выпрямились; только изрѣдка наклонились верхушками между собою, какъ будто взаимно предупреждая себя шопотомъ о близкой опасности. Туча уже обложила горизонтъ и образовала какой-то свинцовый, непроницаемый сводъ. Въ деревнѣ всѣ старались убраться во-время по домамъ. Наступила минута всеобщаго торжественнаго молчанія. Вотъ отъ лѣсу, какъ передовой вѣстникъ, пронесся свѣжій вѣтерокъ, повѣялъ прохладой въ лицо путнику, прошумѣлъ по листьямъ, захлопнулъ мимоходомъ ворота въ избѣ и, вскрутя пыль на улицѣ, затихъ въ кустахъ... Слѣдомъ за нимъ мчится бурный вихрь, медленно двигая по дорогѣ столбъ пыли; вотъ ворвался въ деревню сбросилъ нѣсколько гнилыхъ досокъ съ забора, снесъ соломенную кровлю, взвилъ юбку у несущей воду крестьянки и погналъ вдоль улицы пѣтуховъ и куръ, раздувая имъ хвосты.

Пронесся. Опять безмолвіе. Все суетится и прячется...

Упали двѣ-три крупныя капли дождя—и вдругъ блеснула молнія. Грянулъ громъ и торжественно, царственно прокатился въ воздухѣ. Испуганный конь оторвался отъ коновязи и мчится съ веревкой въ полѣ: тщетно преслѣдуетъ его крестья-

нинъ... А дождь такъ и сыплетъ, такъ и сѣчетъ, все чаще и чаще, и дробитъ въ кровли и окна сильнѣе и сильнѣе.

И. А. Гончаровъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РОМАНА «ОБРЫВЪ».

Райскій обогнулъ весь городъ и изъ глубины оврага поднялся опять на гору, въ противоположномъ концѣ отъ своей усадьбы. Съ вершины холма онъ сталъ спускаться въ предмѣстье. Весь городъ лежалъ передъ нимъ, какъ на ладони.

Онъ съ пристрастнымъ чувствомъ, пробужденнымъ старыми, почти дѣтскими воспоминаніями, смотрѣлъ на эту кучу разнохарактерныхъ домовъ, домиковъ, лачужекъ, сбившихся въ кучу, или разбросанныхъ по высотамъ и по ямамъ, ползущихъ по окраинамъ оврага, спустившихся на дно его, домиковъ съ балконами, съ маркизами, съ бельведерами, съ пристройками, надстройками, съ венеціанскими окошками, или едва замѣтными щелями вмѣсто оконъ, съ голубятнями, скворечниками, съ пустыми, заросшими травой, дворами. Смотрѣлъ на искривленные, безконечные, идущіе между плетнями, переулки, на пустыя, безъ домовъ, улицы, съ громкими надписями: «Московская улица», «Астраханская улица», «Саратовская улица», съ базарами, гдѣ навалены груды лыкъ, соленой и сушеной рыбы, кадки дегтю и калачи; на зіяющія ворота постоялыхъ дворовъ, съ далеко разносящимся запахомъ навоза, и на бренчащія по улицѣ дрожки.

Было за полдень давно. Надъ городомъ лежало оцѣпенѣніе покоя, штиль на сушѣ, какой бываетъ на морѣ, штиль широкой, степной, сельской и городской жизни. Это не городъ, а кладбище, какъ всѣ эти города.

Онъ не то умеръ, не то уснулъ, или задумался. Растворенныя окна зіяли, какъ разверстыя, но не говорящія уста; нѣтъ дыханія, не бьется пульсъ. Куда же убѣжала жизнь? Гдѣ глаза и языкъ у этого лежащаго тѣла? Все пестро, зелено, и все молчитъ.

Райскій вошелъ въ переулки и улицы: даже вѣтеръ не ходитъ Пыль, уже третій день нетронутая, однимъ узоромъ отъ проѣхавшихъ колесъ лежитъ по улицамъ; въ тѣни забора отдыхаетъ козелъ, да куры, вырывъ ямки, усѣлись въ нихъ, а неутомимый пѣтухъ ищетъ поживы, проворно раскапывая, то одной то другой ногой, кучу пыли.

Собаки, свернувшись по три, по четыре, лежатъ разношерстной кучей на любомъ дворѣ, бросаясь, по временамъ, отъ праздности, съ лаемъ на рѣдкаго прохожаго, до котораго имъ никакого дѣла нѣтъ.

Просторъ и пустота—какъ въ пустынѣ. Кой-гдѣ высунется изъ окна голова съ сѣдой бородой, въ красной рубашкѣ, поглядитъ, зѣвая, на обѣ стороны, плюнетъ и спрячется.

Въ другое окно, съ улицы, видишь храпящаго, на кожаномъ диванѣ, человѣка, въ халатѣ: подлѣ него на столикѣ лежатъ «Вѣдомости», очки, и стоитъ графинъ квасу.

Другой сидитъ по цѣлымъ часамъ у воротъ, въ картузѣ, и въ мирномъ бездѣйствіи смотритъ на канаву съ крапивой и на заборъ на противоположной сторонѣ. Давно ужъ мнетъ носовой платокъ въ рукахъ—и все не рѣшается высморкаться: лѣнь.

Тамъ кто-то бездѣйствуетъ у окна, съ пенковой трубкой, и когда бы ни пришелъ, всегда сидитъ онъ—съ довольнымъ, ничего не желающимъ и нескучающимъ взглядомъ.

Въ другомъ мѣстѣ видѣлъ Райскій такую же, сидящую у окна, пожилую женщину, весь вѣкъ проведшую въ своемъ переулкѣ, безъ суматохи, безъ страстей и волненій, безъ ежедневныхъ встрѣчъ съ безконечно-разнообразной породой

подобныхъ себѣ, и не вѣдающую скуки, которую такъ глубоко и тяжко вѣдаютъ въ большихъ городахъ, въ центрѣ дѣлъ и развлеченій.

Райскій, идучи изъ переулка въ переулокъ, видѣлъ кое-гдѣ семью за трапезой, а тамъ, въ мѣщанскомъ домѣ, ужъ подавали самоваръ.

Въ безлюдной улицѣ за версту слышно, какъ разговариваютъ двое-трое между собой. Звонко раздаются голоса въ пустотѣ и шаги по деревянной мостовой.

Гдѣ-то въ сараѣ кучеръ рубитъ дрова, тутъ же поросенокъ хрюкаетъ въ навозѣ; въ низенькомъ окнѣ, въ уровень съ землею, отдувается коленкоровая занавѣска съ бахромой, путаясь въ резедѣ, бархатцахъ и бальзаминахъ.

Тамъ сидитъ, наклоненная надъ шитьемъ, бодрая, хорошенькая головка и шьетъ прилежно, несмотря на жаръ и всѣхъ одолѣвающую дремоту. Она одна бодрствуетъ въ домѣ и, можетъ-быть, сторожитъ знакомые шаги...

Изъ отворенныхъ оконъ одного дома обдало его сотней звонкихъ голосовъ, которые повторяли азы и дѣлали совершенно лишнею надпись на дверяхъ: «Школа».

Дальше набрелъ онъ на постройку дома, на кучу щепокъ, стружекъ, бревенъ, и на на кружокъ расположившихся около огромной деревянной чашки плотниковъ. Большой коровай хлѣба, накрошенный въ квасъ лукъ да кусокъ красноватой соленой рыбы—былъ весь обѣдъ.

Мужики сидѣли смирно и молча, по очереди, опускали ложки въ чашку и опять клали ихъ, жевали, не торопясь, не смѣялись и не болтали, и будто набожно исполняли трудную работу.

Райскому хотѣлось нарисовать эту группу усталыхъ, серьёзныхъ, буро-желчныхъ, какъ у отаитянъ, лицъ, эти черствыя, загорѣлыя руки, съ негнущимися пальцами, крѣпко вросшими, будто желѣзными, ногтями, эти широко и мѣрно растворяющіеся рты и медленно жующія уста, и этотъ—поглощающій хлѣбъ и кашу—голодъ.

Да, голодъ, а не аппетитъ: у мужиковъ не бываетъ аппетита. Аппетитъ вырабатывается праздностью, моціономъ и нѣгой, голодъ—временемъ и тяжкой работой.

«Однако, какая широкая картина тишины и сна!» думалъ онъ, оглядываясь вокругъ: «какъ могила! Широкая рама для романа! Только что я вставлю въ эту раму?»

Онъ мысленно снималъ рисунокъ съ домовъ, замѣчалъ выглядывавшія физіономіи встрѣчныхъ, группировалъ лица.

»Что, если бъ на этомъ сонномъ, неподвижномъ фонѣ, да легла бы картина страсти!» мечталъ онъ. «Какая жизнь вдругъ хлынула бы въ эту раму! Какія краски... Да гдѣ взять красокъ и... страсти тоже?..»

И. А. Гончаровъ.

НИКТО НЕОБЪЯТНАГО ОБНЯТЬ НЕ МОЖЕТЪ.

Однажды, когда ночь покрывала небеса невидимою своею епанчою, знаменитый французскій философъ Декартъ, у ступенекъ домашней лѣстницы своей сидѣвшій и на мрачный горизонтъ съ превеликимъ вниманіемъ смотрящій,—нѣкій прохожій подступилъ къ нему съ вопросомъ: «Скажи, мудрецъ, сколько звѣздъ на семъ небѣ?—«Мерзавецъ»—отвѣтствовалъ сей:—никто необъятнаго обнять не можетъ».—Сіи, съ превеликимъ огнемъ произнесенныя, слова возымѣли на прохожаго желаемое дѣйствіе.

Козьма Прутковъ.

СТРАННИЦА.

Странница шепеляво разсказываетъ московской купчихѣ, окруженной приживалками съ собачками на рукахъ, о томъ, гдѣ и когда она бывала. Всѣ внимательно ее слушаютъ, за исключеніемъ великовозрастнаго сына купчихи, гимназиста, который углубился въ чтеніе интереснаго романа: «Клятва въ подземномъ коридорѣ, или отъ лысины не уйдешь.»

Странница продолжаетъ разсказъ·

— Всюду, матушка моя, я побывала, всюду... сподобилась, матушка... На Аѳонъ-гору взбиралась, до Русалима съ посохомъ ходила, пупъ земли видала, въ Соловкахъ бывала, на Кіевъ-городъ лазила, ко всѣмъ гробамъ прикладывалась, во всѣхъ лавріяхъ, матушка, тоже побывала, сподобилась...

Гимназисту надоѣло слушать и онъ, бросивъ книгу, задаетъ вопросъ странницѣ:

— Ну, а Сару Бернаръ видѣла?

— Какъ же, красавецъ мой писаный, сподобилась... Въ Соловецкой лавріи рядышкомъ лежатъ, —вотъ этакъ лежитъ Сарочка, а рядомъ съ ней Бернарочка... Сподобилась, родненькій, прикладывалась!..

N. N.

ГАМЛЕТЪ.

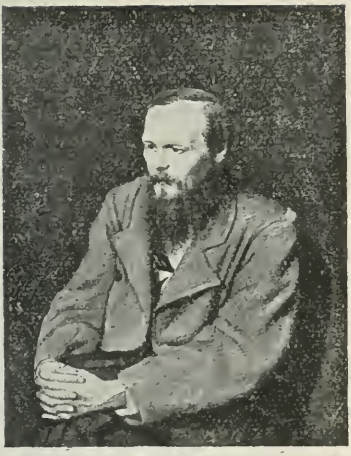
ИЗЪ РОМАНА «МАСОНЫ».

Идемъ, сударь ты мой, мы съ Иваномъ Петровымъ мимо тіатера. Я говорю: «Иванъ Петровъ, загляни въ объявленице, Мочаловъ значится тутъ?»—Значится-съ!—говоритъ. «Захвати два билетчика!..» Пришли-съ... Занавѣска еще не поднималась... Ради скуки по десяточку яблочковъ

сжевали... Наконецъ, дѣло пошло настоящимъ манеромъ, и какую, я тебѣ, братецъ ты мой, скажу, эти шельмы актеры штуку подвели... на удивленіе только!.. Кажутъ они намъ лѣсище густѣйшій, одно слово роща цѣлая, хоть на срубъ покупай, и выходитъ въ эту самую рощу принецъ, печальный, распечальный, какъ бы по торговлѣ что случилось, али съ хозяюшкой поразмолвился... Къ нему является генералъ. «Ваше высочество,—говоритъ—здѣсь неблагополучно!»—«Что такое?»—спрашиваетъ принецъ.—«Тятенька по ночамъ ходитъ!» А у принца, понимаешь, только передъ тѣмъ родитель побывшился, шести недѣль еще не прошло. «По ночамъ,—говоритъ,—ходитъ!»—«Не можетъ быть»,—говоритъ принецъ. И только онъ это слово сказалъ, смотримъ, изъза одного пня мужичище высокій лѣзетъ... Ну, какъ есть, я тебѣ говорю, живой человѣкъ, только что въ саванѣ, да глоткой немного поосипъ!.. И прямо онъ подходитъ къ принцу и началъ онъ его костить:—«Ты такой, этакой и разэтакой, мать твоя также такая!»—Тотъ, братецъ, стоитъ, молчитъ: нельзя, хошь и мертвый, все-таки жъ родитель!.. Накостивши такимъ манеромъ сына своего, этотъ самый мертвецъ стукнулъ объ полъ ногой и провалился сквозь землю.

Принецъ видитъ, дѣлать нечего, идетъ къ матери. «Маменька,—говоритъ—такъ и такъ, тятенька по ночамъ ходитъ!» Но королева, братецъ ты мой, вольнымъ духомъ это приняла.—«Что же,—говоритъ—вели тятенькѣ колъ осиновый покрѣпче въ спину вколотить!»—«Въ томъ-то и штука,—говоритъ,—маменька, что это не поможетъ: тятенька-то нѣмецъ!»

А. Ѳ. Писемскій.



Ѳ. М. Достоевскій.

ПРЕСТУПЛЕНІЕ и НАКАЗАНІЕ.

РАСКОЛЬНИКОВЪ И СОНЯ.

. . . . . .

Я задалъ себѣ одинъ разъ такой вопросъ: что́ если бы, напримѣръ, на моемъ мѣстѣ случился Наполеонъ, и не было бы у него, чтобы карьеру начать, ни Тулона, ни Египта, ни перехода черезъ Монъ-Бланъ, а была бы вмѣсто всѣхъ этихъ красивыхъ и монументальныхъ вещей, просто-за-просто, одна какая-нибудь смѣшная старушонка, легистраторша, которую еще вдобавокъ надо убить, чтобъ изъ сундука у ней деньги стащить (для карьеры-то, понимаешь?), ну такъ рѣшился ли бы онъ на это, если бы другого выхода не было? Не покоробился ли бы оттого, что это ужъ слишкомъ не монументально, и... и грѣшно? Ну, такъ я тебѣ говорю, что на

этомъ «вопросѣ» я промучился ужасно долго, такъ что ужасно стыдно мнѣ стало, когда я, наконецъ, догадался (вдругъ какъ-то), что не только его не покоробило бы, но даже и въ голову бы ему не пришло, что это не монументально... и даже не понялъ бы онъ совсѣмъ: чего тутъ коробиться? И ужъ если бы только не было ему другой дороги, то задушилъ бы такъ, что и пикнуть бы не далъ, безъ всякой задумчивости! Ну и я... вышелъ изъ задумчивости... задушилъ... по примѣру авторитета. И это точь-въ-точь такъ и было! Тебѣ смѣшно? Да, Соня, тутъ всего смѣшнѣе то, что, можетъ, именно оно такъ и было...

Сонѣ вовсе не было смѣшно.

— Вы лучше говорите мнѣ прямо... безъ примѣровъ, еще робче и чуть слышно попросила она...

Онъ поворотился къ ней, грустно посмотрѣлъ на нее и взялъ ее за руки.

— Ты опять права, Соня. Это все вѣдь вздоръ, почти одна болтовня! Видишь: ты вѣдь знаешь, что у матери моей почти ничего нѣтъ. Сестра получила воспитаніе, случайно, и осуждена таскаться въ гувернанткахъ. Всѣ ихъ надежды были на одного меня. Я учился, но содержать себя въ университетѣ не могъ и на время принужденъ былъ выйти. Если бы даже и такъ тянулось, то лѣтъ черезъ десять, черезъ двѣнадцать (если бъ обернулись хорошо обстоятельства), я все-таки могъ надѣяться стать какимъ-нибудь учителемъ или чиновникомъ, съ тысячью рублями жалованья... (Онъ говорилъ какъ будто заученное). А къ тому времени мать высохла бы отъ заботъ и отъ горя; и мнѣ все-таки не удалось бы успокоить ее, а сестра... ну, съ сестрой могло бы еще и хуже случиться!.. Да и что за охота всю жизнь мимо всего проходить и отъ всего отвертываться, про мать забыть, а сестрину обиду, напримѣръ, почтительно перенесть? Для чего? Для того ль, чтобъ ихъ схоронивъ новыхъ нажить—жену да дѣтей, и тоже потомъ безъ гроша и безъ куска оставить? Ну... ну, вотъ я и рѣшилъ, завладѣвъ

старухиными деньгами, употребить ихъ на мои первые годы, не мучая мать, на обезпеченіе себя въ университетѣ, на первые шаги послѣ университета,—и сдѣлать все это широко, радикально, такъ чтобъ ужъ совершенно всю новую карьеру устроить и на новую, независимую дорогу стать... Ну... ну, вотъ и все... Ну, разумѣется, что я убилъ старуху,—это я худо сдѣлалъ... ну, и довольно!

Въ какомъ-то безсиліи дотащился онъ до конца разсказа и поникъ головой.

— Охъ, это не то, не то, въ тоскѣ восклицала Соня,—и развѣ можно такъ... нѣтъ, это не такъ, не такъ!

— Сама видишь, что не такъ!.. А я вѣдь искренно разсказалъ; правду!

— Да какая-жъ это правда! О, Господи!

— Я вѣдь только вошь убилъ, Соня, безполезную, гадкую, зловредную.

— Это человѣкъ-то вошь!

— Да вѣдь и я знаю, что не вошь, отвѣтилъ онъ, странно смотря на нее.—А, впрочемъ, я вру, Соня, прибавилъ онъ,—давно уже вру... Это все не но; ты справедливо говоришь. Совсѣмъ, совсѣмъ, совсѣмъ тутъ другія причины!.. Я давно ни съ кѣмъ не говорилъ, Соня... Голова у меня теперь очень болитъ.

Глаза его горѣли лихорадочнымъ огнемъ. Онъ почти начиналъ бредить; безпокойная улыбка бродила на его губахъ. Сквозь возбужденное состояніе духа уже проглядывало страшное безсиліе. Соня поняла, какъ онъ мучается. У ней тоже голова начинала кружиться. И странно онъ такъ говорилъ: какъ будто и понятно что-то, но... «но какъ же! Какъ же! О, Господи!» И она ломала руки въ отчаяніи.

— Нѣтъ, Соня, это не то, началъ онъ опять, вдругъ поднимая голову, какъ будто внезапный новый поворотъ мыслей поразилъ и вновь возбудилъ его,—это не то! А лучше... предположи (да, этакъ дѣйствительно лучше!), предположи, что я самолюбивъ, завистливъ, золъ, мерзокъ,

мстителенъ, ну... и пожалуй еще наклоненъ къ сумасшествію. (Ужъ пусть все за разъ)! Про сумасшествіе-то говорили прежде, я замѣтилъ!) Я вотъ тебѣ сказалъ давеча, что въ университетѣ себя содержать не могъ. А знаешь ли ты, что я, можетъ, и могъ? Мать прислала бы, чтобы внести что́ надо, а на сапоги, платье и на хлѣбъ я бы и самъ заработалъ, навѣрно! Уроки выходили; по полтиннику предлагали. Работаетъ же Разумихинъ! Да я озлился и не захотѣлъ. Именно *озлился* (это слово хорошее!). Я тогда, какъ паукъ къ себѣ въ уголъ забился. Ты вѣдь была въ моей конурѣ, видѣла... А знаешь ли, Соня, что низкіе потолки и тѣсныя комнаты душу и умъ тѣснятъ! О, какъ ненавидѣлъ я эту конуру! А все-таки выходить изъ нея не хотѣлъ. Нарочно не хотѣлъ! По суткамъ не выходилъ и работать не хотѣлъ, и даже ѣсть не хотѣлъ, все лежалъ. Принесетъ Настасья—поѣмъ, не принесетъ—такъ и день пройдетъ; нарочно со зла не спрашивалъ! Ночью огня нѣтъ, лежу въ темнотѣ, а на свѣчи не хочу заработать. Надо было учиться,—я книги распродалъ; а на столѣ у меня, на запискахъ, да на тетрадяхъ, на палецъ и теперь пыли лежитъ. Я лучше любилъ лежать и думать. И все думалъ... И все такіе у меня были сны, странные, разные сны, нечего говорить какіе! Но только тогда начало мнѣ тоже мерещиться, что... Нѣтъ, это не такъ! Я опять не такъ разсказываю! Видишь: я тогда все себя спрашивалъ: зачѣмъ я такъ глупъ, что если другіе глупы, и коли я знаю ужъ навѣрно, что они глупы, то самъ не хочу быть умнѣе? Потомъ я узналъ, Соня, что если ждать, пока всѣ станутъ умными, то слишкомъ ужъ долго будетъ... Потомъ я еще узналъ, что никогда этого и не будетъ, что не перемѣнятся люди и не передѣлать ихъ никому, и труда не сто́итъ терять! Да, это такъ!.. Это ихъ законъ... законъ, Соня! Это такъ!.. И я теперь, знаю, Соня, что кто крѣпокъ и силенъ умомъ и духомъ, тотъ надъ ними и властелинъ! Кто много посмѣетъ,

тотъ у нихъ и правъ. Кто на большее можетъ плюнуть, тотъ у нихъ и законодатель, а кто больше всѣхъ можетъ посмѣть, тотъ и всѣхъ правѣе! Такъ доселѣ велось и такъ всегда будетъ! Только слѣпой не разглядитъ!

Раскольниковъ, говоря это, хоть и смотрѣлъ на Соню, но ужъ не заботился болѣе: пойметъ она или нѣтъ. Лихорадка вполнѣ охватила его. Онъ былъ въ какомъ-то мрачномъ восторгѣ, (Дѣйствительно, онъ слишкомъ долго ни съ кѣмъ не говорилъ!). Соня поняла, что этотъ мрачный катехизисъ сталъ его вѣрой и закономъ.

— Я догадался тогда, Соня, продолжалъ онъ восторженно,—что власть дается только тому, кто посмѣетъ наклониться и взять ее. Тутъ одно только, одно: стóить только посмѣть! У меня тогда одна мысль выдумалась, въ первый разъ въ жизни, которую никто и никогда еще до меня не выдумывалъ! Никто! Мнѣ вдругъ ясно, какъ солнце, представилось, что какъ же это ни единый до сихъ поръ не посмѣлъ и не смѣетъ, проходя мимо всей этой нелѣпости, взять просто-за-просто все за хвостъ и стряхнуть къ чорту! Я... я захотѣлъ *осмѣлиться*, и убилъ... я только осмѣлиться захотѣлъ, Соня, вотъ вся причина!

— О, молчите, молчите! вскрикнула Соня, всплеснувъ руками.—Отъ Бога вы отошли, и васъ Богъ поразилъ, дьяволу предалъ!..

— Кстати, Соня, это когда я въ темнотѣ-то лежалъ, и мнѣ все представлялось, это вѣдь дьяволъ смущалъ меня? А?

— Молчите! Не смѣйтесь, богохульникъ, ничего, ничего-то вы не понимаете! О, Господи! Ничего-то, ничего-то онъ не пойметъ!

— Молчи, Соня, я совсѣмъ не смѣюсь, я вѣдь и самъ знаю, что меня чортъ тащилъ. Молчи, Соня, молчи! повторилъ онъ мрачно и настойчиво.— Я все знаю. Все это я уже передумалъ и перешепталъ себѣ, когда лежалъ тогда въ темнотѣ... Все это я самъ съ собой переспорилъ, до послѣд-

ней малѣйшей черты, и все знаю, все! И такъ надоѣла, такъ надоѣла мнѣ тогда вся эта болтовня! Я все хотѣлъ забыть и вновь начать, Соня, и перестать болтать! И неужели ты думаешь, что я какъ дуракъ пошелъ, очертя голову? Я пошелъ какъ умникъ, и это-то меня и сгубило! И неужель ты думаешь, что я не зналъ, напримѣръ, хоть того, что если ужъ началъ я себя спрашивать и допрашивать: имѣю ль я право власть имѣть?—то, стало-быть, не имѣю права власть имѣть. Или что если задаю вопросъ: вошь ли человѣкъ? —то, стало-быть, ужъ не вошь человѣкъ *для меня,* а вошь для того, кому этого и въ голову не заходитъ, и кто прямо безъ вопросовъ идетъ... Ужъ если я столько дней промучился: пошелъ ли бы Наполеонъ, или нѣтъ? такъ вѣдь ужъ ясно чувствовалъ, что я не Наполеонъ... Всю, всю муку всей этой болтовни я выдержалъ, Соня, и всю ее съ плечъ стряхнуть пожелалъ: я захотѣлъ Соня, убить безъ казуистики, убить для себя, для себя одного! Я лгать не хотѣлъ въ этомъ даже себѣ! Не для того, чтобы матери помочь, я убилъ—вздоръ! Не для того я убилъ, чтобы, получивъ средства и власть, сдѣлаться благодѣтелемъ человѣчества. Вздоръ! Я просто убилъ; для себя убилъ, для себя одного; а тамъ сталъ ли бы я чьимъ-нибудь благодѣтелемъ, или всю жизнь какъ паукъ, ловилъ бы всѣхъ въ паутину и изъ всѣхъ живые соки высасывалъ, мнѣ, въ ту минуту, все равно должно было быть!.. И не деньги, главное, нужны мнѣ были, Соня, когда я убилъ; не столько деньги нужны были, какъ другое... Я это все теперь знаю... Пойми меня: можетъ-быть, тою же дорогой идя, я уже никогда болѣе не повторилъ бы убійства. Мнѣ другое надо было узнать, другое толкало меня подъ руки; мнѣ надо было узнать тогда, и поскорѣй узнать, вошь ли я, какъ всѣ, или человѣкъ? Смогу ли я переступить или не смогу? Осмѣлюсь ли нагнуться и взять или нѣтъ? Тварь ли я дрожащая, или *право* имѣю...

— Убивать? Убивать-то право имѣете? всплеснула руками Соня.

Э-эхъ, Соня!—вскрикнулъ онъ раздражительно, хотѣлъ было что-то ей возразить, но презрительно замолчалъ.—Не прерывай меня, Соня! Я хотѣлъ тебѣ только одно доказать, что чортъ-то меня тогда потащилъ, а ужъ послѣ того мнѣ объяснилъ, что не имѣлъ я права туда ходить, потому что я такая же точно вошь, какъ и всѣ! Насмѣялся онъ надо мной, вотъ я къ тебѣ и пришелъ теперь! Принимай гостя! Если бъ я не вошь былъ, то пришелъ ли бы я къ тебѣ? Слушай: когда я тогда къ старухѣ ходилъ, я только *попробовать* сходилъ... Такъ и знай!

— И убили, убили!

— Да вѣдь какъ убилъ-то? Развѣ такъ убиваютъ? Развѣ такъ идутъ убивать, какъ я тогда шелъ? Я тебѣ когда-нибудь разскажу, какъ я шелъ! Развѣ я старушонку убилъ? Я себя убилъ, а не старушонку! Тутъ такъ-таки разомъ и ухлопалъ себя, навѣки!.. А старушонку эту чортъ убилъ, а не я... Довольно, довольно, Соня, довольно! Оставь меня! вскричалъ онъ вдругъ въ судорожной тоскѣ,—оставь меня!

Онъ облокотился на колѣна и какъ въ клещахъ стиснулъ себѣ ладонями голову.

— Экое страданіе! вырвался мучительный вопль у Сони.

Ну, что теперь дѣлать, говори!»—спросилъ онъ, вдругъ поднявъ голову и съ безобразно искаженнымъ отъ отчаянія лицомъ смотря на нее.—

Что дѣлать!—воскликнула она, вдругъ вскочивъ съ мѣста, и глаза ея, доселѣ полные слезъ, вдругъ засверкали.—Встань! (Она схватила его за плечо; онъ приподнялся, смотря на нее почти въ изумленіи). Поди сейчасъ, сію же минуту, стань на перекресткѣ, поклонись, поцѣлуй сначала землю, которую ты осквернилъ, а потомъ поклонись всему свѣту, на всѣ четыре стороны и скажи всѣмъ, вслухъ: «я убилъ!» Тогда Богъ опять тебѣ жизни пошлетъ. Пойдешь? пойдешь?—спрашива-

ла она его, вся дрожа, точно въ припадкѣ, схвативъ его за обѣ руки, крѣпко стиснувъ ихъ въ своихъ рукахъ и смотря на него огневымъ взглядомъ.

Онъ изумился и былъ даже пораженъ ея внезапнымъ восторгомъ.

— Это ты про каторгу что ли, Соня? Донести что-ль на себя надо?» —спросилъ онъ мрачно.—

Страданіе принять и искупить себя имъ, вотъ что надо.

— Нѣтъ! Не пойду я къ нимъ, Соня.

— А жить-то, жить-то какъ будешь! Жить-то съ чѣмъ будешь? восклицала Соня.—Развѣ это теперь возможно? Ну, какъ ты съ матерью будешь говорить? (О, съ ними-то, съ ними что́ теперь будетъ!). Да что́ я! Вѣдь ты ужъ бросилъ мать и сестру. Вотъ вѣдь ужъ бросилъ же, бросилъ. О, Господи! вскрикнула она.—Вѣдь онъ уже это все знаетъ самъ! Ну какъ же, какъ же безъ человѣка-то прожить! Что́ съ тобой теперь будетъ!

— Не будь ребенкомъ, Соня, тихо проговорилъ онъ.—Въ чемъ я виноватъ передъ ними? Зачѣмъ пойду! Что́ имъ скажу? Вотъ это одинъ только призракъ... Они сами милліонами людей изводятъ, да еще за добродѣтель почитаютъ. Плуты и подлецы они Соня!.. Не пойду. И что́ я скажу, что я убилъ, а денегъ взять не посмѣлъ, подъ камень спряталъ? прибавилъ онъ съ ѣдкою усмѣшкой.—Такъ вѣдь они же надо мной сами смѣяться будутъ, скажутъ: дуракъ, что не взялъ. Трусъ и дуракъ! Ничего, ничего не поймутъ они, Соня, и недостойны понять. Зачѣмъ я пойду? Не пойду. Не будь ребенкомъ, Соня...

— Замучаешься, замучаешься, повторяла она, въ отчаянной мольбѣ простирая къ нему руки.

— Я можетъ на себя *еще* наклепалъ, мрачно замѣтилъ онъ, какъ бы въ задумчивости,—можетъ я *еще* человѣкъ, а не вошь, и поторопился себя осудить. Я *еще* поборюсь.

Надменная усмѣшка выдавливалась на губахъ его.

— Этакую-то муку нести! Да вѣдь цѣлую жизнь, цѣлую жизнь!..

— Привыкну... проговорилъ онъ угрюмо и задумчиво.—Слушай, началъ онъ черезъ минуту,— полно плакать, пора о дѣлѣ: я пришелъ тебѣ сказать, что меня теперь ищутъ, ловятъ...

— Ахъ! вскрикнула Соня испуганно.

— Ну, что же ты вскрикнула! Сама желаешь, чтобы я въ каторгу пошелъ, и теперь испугалась? Только вотъ что: я имъ не дамся. Я еще съ ними поборюсь и ничего не сдѣлаютъ. Нѣтъ у нихъ настоящихъ уликъ. Вчера я былъ въ большой опасности и думалъ, что ужъ погибъ; сегодня же дѣло поправилось. Всѣ улики ихъ о двухъ концахъ, то-есть ихъ обвиненія я въ свою же пользу могу обратить, понимаешь? И обращу; потому я теперь научился... Но въ острогъ меня посадятъ навѣрно. Если бы не одинъ случай, то, можетъ, и сегодня бы посадили, навѣрно, даже, можетъ, *еще* и посадятъ сегодня... Только это ничего, Соня: посижу, да и выпустятъ... потому нѣтъ у нихъ ни одного настоящаго доказательства, и не будетъ, слово даю. А съ тѣмъ, что у нихъ есть, нельзя упечь человѣка. Ну, довольно... Я только чтобы ты знала... Съ сестрой и съ матерью я постараюсь какъ-нибудь такъ сдѣлать, чтобъ ихъ разувѣрить и не испугать... Сестра теперь, впрочемъ, кажется, обезпечена... стало-быть, и мать... Ну, вотъ и все. Будь, впрочемъ, осторожна. Будешь ко мнѣ въ острогъ ходить, когда я буду сидѣть?

— О, буду, буду!

Оба сидѣли рядомъ, грустные и убитые, какъ бы послѣ бури выброшенные на пустой берегъ одни. Онъ смотрѣлъ на Соню и чувствовалъ, какъ много на немъ было ея любви, и странно, ему стало вдругъ тяжело и больно, что его такъ любятъ. Да, это было странное и ужасное ощущеніе! Идя къ Сонѣ онъ чувствовалъ, что въ ней вся его надежда и весь исходъ; онъ думалъ сложить хоть часть своихъ мукъ, и вдругъ теперь,

когда все сердце ея обратилось къ нему, онъ онъ вдругъ почувствовалъ и созналъ, что онъ сталъ безпримѣрно несчастнѣе, чѣмъ былъ прежде.

— Соня,—сказалъ онъ,—ужъ лучше не ходи ко мнѣ, когда я буду въ острогѣ сидѣть.

Соня не отвѣтила, она плакала. Прошло нѣсколько минутъ.

— Есть на тебѣ крестъ?—вдругъ неожиданно спросила она, точно вдругъ вспомнила.

Онъ сначала не понялъ вопроса.

— Нѣтъ, вѣдь нѣтъ? На, возьми вотъ этотъ, кипарисный. У меня другой остался, мѣдный, Лизаветинъ. Мы съ Лизаветой крестами помѣнялись, она мнѣ свой крестъ, а я ей свой образокъ дала. Я теперь Лизаветинъ стану носить, а этотъ тебѣ. Возьми... вѣдь мой!—упрашивала она.—Вмѣстѣ вѣдь страдать пойдемъ, вмѣстѣ и крестъ понесемъ!..—

— Дай!—сказалъ Раскольниковъ.

Ему не хотѣлось ее огорчить. Но онъ тотчасъ же одернулъ протянутую за крестомъ руку.—

— Не теперь, Соня... Лучше потомъ,—прибавилъ онъ, чтобъ ее успокоить.—

— Да, да, лучше, лучше,—подхватила она съ увлеченіемъ,—какъ пойдешь на страданіе, тогда и надѣнешь. Придешь ко мнѣ, я надѣну на тебя, помолимся и пойдемъ».

Ѳ. М. Достоевскій.

М. Е. Салтыковъ [Щедринъ].

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ СКАЗКА.

Прекраснѣйшую сегодня проповѣдь сказалъ для праздника нашъ сельскій батюшка.

«Много столѣтій тому назадъ,—сказалъ онъ:—въ этотъ самый день пришла въ міръ Правда.

«Правда извѣчна. Она прежде всѣхъ вѣкъ возсѣдала съ Христомъ-Человѣколюбцемъ одесную Отца, вмѣстѣ съ Нимъ воплотились и возжгла на землѣ свой свѣточъ. Она стояла у подножія Креста и сораспиналась съ Христомъ; она возсѣдала, въ видѣ свѣтозарнаго ангела, у гроба Его и видѣла Его воскресеніе. И когда Человѣколюбецъ вознесся на небо, Онъ оставилъ на землѣ Правду, какъ живое свидѣтельство своего неизмѣннаго благоволенія къ роду человѣческому.

. . . . . .

«Итакъ, будемъ любить Бога и другъ друга —таковъ смыслъ человѣческой Правды, будемъ искать ее и пойдемъ по стезѣ ея. Не убоимся козней лжи, но станемъ добрѣ и противопоставимъ имъ обрѣтенную нами Правду. Ложь посрамится, а Правда останется и будетъ согрѣвать сердца людей».

Когда батюшка кончилъ, и съ клироса раздалось: «Буди имя Господне благословенно», то по всей церкви пронесся глубокій вздохъ. Точно вся громада молящихся этимъ вздохомъ потверждала: «да, буди благословенно!»

Но изъ присутствовавшихъ въ церкви всѣхъ внимательнѣе вслушивался въ слова отца Павла десятилѣтній сынъ мелкой землевладѣлицы, Сережа Русланцевъ. По временамъ онъ даже обнаруживалъ волненіе, глаза его наполнялись слезами, щеки горѣли, и самъ онъ всѣмъ корпусомъ подавался впередъ, точно хотѣлъ о чемъ-то спросить.

По возвращеніи изъ церкви, за чаемъ, Сережа продолжалъ волноваться.

— Я, мамочка, по Правдѣ жить хочу!—повторялъ онъ.

— Да, голубчикъ, въ жизни главное—правда,—успокаивала его мать:—только твоя жизнь еще впереди. Дѣти иначе не живутъ, да и жить не могутъ, какъ по правдѣ.

— Нѣтъ, я не такъ хочу жить; батюшка говорилъ, что тотъ, кто по Правдѣ живетъ, долженъ ближняго отъ бѣдъ защищать. Вотъ какъ нужно жить, а я развѣ такъ живу? Вотъ, намеднись, у Ивана Бѣднаго корову продали—развѣ я заступился за него? Я только смотрѣлъ и плакалъ.

— Вотъ въ этихъ слезахъ—и Правда твоя дѣтская. Ты и сдѣлать ничего другого не могъ. Продали у Ивана Бѣднаго корову—по закону, за долгъ. Законъ такой есть, что всякій долги свои уплачивать обязанъ.

— Иванъ, мама, не могъ заплатить. Онъ и хотѣлъ бы, да не могъ. И няня говоритъ: бѣднѣе его во всемъ селѣ мужика нѣтъ. Какая же это Правда?

— Повторяю тебѣ, законъ такой есть, и всѣ должны законъ исполнять. Ежели люди живутъ въ обществѣ, то и обязанностями своими не имѣютъ права пренебрегать. Ты лучше объ ученьѣ думай—вотъ твоя Правда. Поступишь въ гимна-

зію, будь прилеженъ, веди себя тихо—и это будетъ значить, что ты по Правдѣ живешь. Не люблю я, когда ты такъ волнуешься. Что ни увидишь, что ни услышишь—все какъ-то въ сердце тебѣ западаетъ. Батюшка говорилъ вообще: въ церкви и говорить иначе нельзя, а ты ужъ къ себѣ примѣняешь. Молись за ближнихъ—больше этого и Богъ съ тебя не спроситъ.

Но Сережа не унялся. Онъ побѣжалъ въ кухню, гдѣ въ это время собрались челядинцы и пили, ради праздника, чай. Кухарка Степанида хлопотала около печки съ ухватомъ и то и дѣло вытаскивала горшокъ съ закипающими жирными щами. Запахъ прѣлой убоины и праздничнаго пирога пропиталъ весь воздухъ.

— Я, няня, по Правдѣ жить буду!—объявилъ Сережа.

— Ишь съ коихъ поръ собрался!—пошутила старуха.

— Нѣтъ, няня, я вѣрное слово себѣ далъ! Умру за Правду, а ужъ Неправдѣ не покорюсь!

— Ахъ, бо́лѣзный мой, ишь вѣдь что тебѣ въ головку пришло!

— Развѣ ты не слыхала, что въ церкви батюшка говорилъ? За Правду жизнь полагать надо—вотъ что! Въ бой за Правду идти всякій долженъ!

— Извѣстно, что же въ церкви говорить! На то и церковь дана, чтобъ въ ней объ праведныхъ дѣлахъ слушать. Только ты, маленькій, слушать-слушай, а умомъ тоже раскидывай!

— Съ Правдой-то жить оглядываючись надо, —резонно молвилъ работникъ Григорій.

— Отчего, напримѣръ, мы съ мамой въ столовой чай пьемъ, а вы въ кухнѣ? Развѣ это Правда?—горячился Сережа.

— Правда не правда, а такъ испоконъ вѣка идетъ. Мы люди простецкіе, намъ и на кухнѣ хорошо. Какъ бы всѣ-то въ столовую пошли, такъ комнатъ не наготовился бы.

— Ты, Сергѣй Ѳедорычъ, вотъ что,—вновь

вступился Григорій:—когда будешь большой—гдѣ хочешь сиди: хошь въ столовой, хошь въ кухнѣ. А покедова малъ, сиди съ мамашенькой—лучше этой правды по своимъ годамъ не сыщешь! Придетъ ужо батюшка обѣдать, и онъ тебѣ тоже скажетъ. Мы мало ли что дѣлаемъ: и за скотиной ходимъ, и въ землѣ роемся, а господамъ этого не приходится. Такъ-то!

— Да вѣдь это же Неправда и есть!

— А по-нашему такъ: коли господа добрые, жалостливые—это ихъ Правда. А коли мы, рабочіе, усердно господамъ служимъ, не обманываемъ, стараемся—это наша Правда. Спасибо и на томъ, ежели всякій свою правду наблюдаетъ.

Наступило минутное молчаніе. Сережа, видимо, хотѣлъ что-то возразить, но доводы Григорія были такъ добродушны, что онъ поколебался.

— Въ нашей сторонѣ,—первая прервала молчаніе няня:—откуда мы съ маменькой твоей пріѣхали, жилъ помѣщикъ Разсошниковъ. Сначала жилъ, какъ и прочіе, и вдругъ захотѣлъ по правдѣ жить. И что жъ онъ подъ конецъ сдѣлалъ? Продалъ имѣніе, деньги нищимъ роздалъ, а самъ ушелъ въ странствіе... Съ тѣхъ поръ его и не видѣли.

— Ахъ, няня, вотъ это какой человѣкъ!

— А между прочимъ у него сынъ въ Петербургѣ въ полку служилъ!—прибавила няня.

— Отецъ имѣніе роздалъ, а сынъ ни при чемъ остался... Сына-то спросить, хороша ли отцовская Правда?—разсудилъ Григорій.

— А сынъ развѣ не понялъ, что отецъ по Правдѣ поступилъ?—вступился Сережа.

— То-то, что не слишкомъ онъ это понялъ, а тоже пыталъ хлопотать. Зачѣмъ же, говоритъ онъ въ полкъ меня опредѣлилъ, коли мнѣ теперь содержать себя нечѣмъ?

— Въ полкъ опредѣлилъ... содержать себя нечѣмъ...—машинально повторялъ за Григоріемъ Сережа, запутываясь среди этихъ сопоставленій.

— И у меня одинъ случай на памяти есть,—

продолжалъ Григорій:—занялся отъ этого самаго Разсошникова у насъ на селѣ мужичекъ одинъ—Мартыномъ прозывался. Тоже всѣ деньги, какія были, роздалъ нищимъ, оставилъ только хатку для семьи, а самъ надѣлъ черезъ плечо суму, да и ушелъ, крадучись, ночью, куда глаза глядятъ. Только, слышь, пачпортъ позабылъ выправить,—его черезъ мѣсяцъ и выслали по этапу домой.

— За что? Развѣ онъ худое что-нибудь сдѣлалъ?—возразилъ Сережа.

— Худое не худое, я не объ этомъ говорю, а объ томъ, что по Правдѣ жить оглядываючись надо. Безъ пачпорта ходить не позволяется—вотъ и вся недолга. Эдакъ всѣ разбредутся, работу бросятъ— и отбою отъ нихъ, отъ бродягъ, не будетъ...

Чай кончился. Всѣ встали изъ-за стола и помолились.

— Ну, теперь мы обѣдать будемъ—,сказала няня:—ступай, голубчикъ, къ маменькѣ, посиди съ ней; скоро, поди, и батюшка съ матушкой придутъ.

Дѣйствительно, около двухъ часовъ пришелъ отецъ Павелъ съ женою.

— Я, батюшка, по Правдѣ жить буду! Я за Правду на бой пойду!—привѣтствовалъ гостей Сережа.

— Вотъ такъ вояка выискался! Отъ земли не видать, а ужъ на бой собрался! пошутилъ батюшка.

— Надоѣлъ онъ мнѣ. Съ утра все объ одномъ и томъ же говоритъ,—сказала Марья Сергѣевна.

— Ничего, государыня. Поговоритъ и забудетъ.

— Нѣтъ, не забуду!—Настаивалъ Сережа.—Вы сами давеча говорили, что нужно по Правдѣ жить...

— Вотъ когда ты въ мѣру возраста придешь, тогда и Правду въ полномъ объемѣ поймешь, а покуда достаточно съ тебя и той Правды, которая твоему возрасту свойственна. Люби маменьку, къ старшимъ почтеніе имѣй, учись прилежно, веди себя скромно—вотъ твоя Правда.

— Да вѣдь мученики... вы сами давеча говорили...

— Были и мученики. За Правду и поношеніе слѣдуетъ принять. Только время для тебя думать объ этомъ не приспѣло.

— Мученики... костры...—лепеталъ Сережа въ смущеніи.

— Довольно!—нетерпѣливо прикрикнула на него Марья Сергѣевна.

Сережа умолкъ, но весь обѣдъ оставался задумчивъ. Въ этотъ день въ его существо проникло что-то новое, что подстрекало и возбуждало его.

— Кушай—заставляла его мать, видя, что онъ почти совсѣмъ не ѣстъ.

— In corpore sano mens sana,—съ своей стороны прибавилъ батюшка. — Слушайся маменьки—этимъ лучше всего свою любовь къ Правдѣ докажешь. Любить Правду должно, но мученикомъ себя безъ причины воображать—это уже тщеславіе, суетность.

Новое упоминаніе о Правдѣ встревожило Сережу; онъ наклонился къ тарелкѣ и старался ѣсть, но вдругъ зарыдалъ. Всѣ всхлопотались и и окружили его.

— Головка болитъ?—допытывалась Марья Сергѣевна.

— Болитъ,—отвѣтилъ онъ слабымъ голосомъ.

— Ну, поди, лягъ въ постельку. Няня, уложи его!

Его увели. Обѣдъ на нѣсколько минутъ прервался, потому что Марья Сергѣевна не выдержала и ушла вслѣдъ за няней. Наконецъ, обѣ возвратились и объявили, что Сережа заснулъ.

— Ничего, уснетъ и пройдетъ! успокаивалъ Марью Сергѣевну отецъ Павелъ.

Къ вечеру однако жъ головная боль не только не унялась, но открылся жаръ. Сережа тревожно вставалъ ночью въ постели и все шарилъ руками около себя, точно чего-то искалъ.

— Мартынъ... по этапу, за Правду... что такое? —лепеталъ онъ безсвязно.

— Какого онъ Мартына поминаетъ?—недоумѣвая, обращалась Марья Сергѣевна къ нянѣ.

— А помните, у насъ на селѣ мужичокъ былъ, ушелъ изъ дому Христовымъ именемъ... Давеча Григорій при Сережѣ разсказывалъ.

— Все-то вы глупости разсказываете!—разсердилась Марья Сергѣевна:—совсѣмъ нельзя къ вамъ мальчика пускать.

Къ утру однако жъ Сережа успокоился и заснулъ.

Цѣлый день прошелъ между страхомъ и надеждой. Покуда на дворѣ было свѣтло, больной чувствовалъ себя лучше, но упадокъ силъ былъ настолько великъ, что онъ почти не говорилъ. Съ наступленіемъ сумерекъ пульсъ сталъ биться учащеннѣе. Марья Сергѣевна стояла у его постели въ безмолвномъ ужасѣ, усиливаясь что-то понять и не понимая.

Къ ночи началась агонія. Въ восемь часовъ вечера взошелъ полный мѣсяцъ, и такъ какъ гардины на окнахъ по оплошности не были спущены, то на стѣнѣ образовалось большое свѣтлое пятно. Сережа приподнялся и протянулъ къ нему руку.

— Мама,—лепеталъ онъ:—смотри! Весь въ бѣломъ... это Христосъ... это Правда... За нимъ... къ Нему...

Онъ опрокинулся на подушку, по-дѣтски всхлипнулъ и умеръ.

Правда мелькнула передъ нимъ и напоила его существо блаженствомъ; но неокрѣпшее сердце отрока не выдержало наплыва и разорвалось.

М. Е. Салтыковъ (Щедринъ).

ВЛАСТЬ ИМѢЮЩІЙ.

(съ натуры).

Въ сторожевой будкѣ желѣзнодорожный сторожъ угощаетъ кума изъ ближней деревни.

— Вотъ кумъ, я человѣкъ маленькій, а власть имѣю большую. Сейчасъ долженъ пройти пассажирскій поѣздъ и мнѣ желательно его остановить!

— Ну, это ты, братъ, понапрасну: власти не имѣешь!

— Власти не имѣю... Врешь... доккажу... Теперь тамъ, къ примѣру, хоть земскій, енералъ, оберъ аль урядникъ... мнѣ все единственно... Стопъ и ни съ мѣста... Иванъ Парфеновъ желаетъ съ вами разговаривать!.. во какая власть!

— Ну, это погоди.

— Давай на полштофъ.

— Идетъ.

Сторожъ беретъ красный флагъ, выходитъ къ поѣзду и даетъ сигналъ о неблагополучіи пути... Автоматическій тормазъ, испуганныя лица... Машинистъ, оберъ-кондукторъ, кое-кто изъ публики соскакиваютъ съ поѣзда... разспросы: гдѣ, на какой верстѣ? «должно быть, шпалы гнилыя» —«обыкновенная исторія»—слышатся голоса—«мосты, говорятъ, здѣсь того, ненадежные, дорогу наскоро сдѣлали... охъ, ужъ эти инженеры...»

Сторожъ добродушно улыбается...

— Пожжай дальше, все благополучно. Эфто я такъ съ кумомъ на полштофъ поспорилъ; кумъ говоритъ: власти не имѣешь ну, а я, значитъ, въ доказательство... Трогай съ Богомъ. Чаво зря стоять-то.

— ???

Ѳ. П.

А. Н. Островскій.

ИЗЪ ДРАМЫ «ГРОЗА».

Въ саду на берегу рѣки Волги.

Катерина и Варвара.

Катерина.

Такъ ты, Варя, жалѣешь меня?

Варвара. (Глядя въ сторону).

Разумѣется жалко.

Катерина.

Такъ ты, стало быть, любишь меня?

(Крѣпко цѣлуетъ).

Варвара.

За что жъ мнѣ тебя не любить-то!

Катерина.

Ну, спасибо тебѣ! Ты милая такая, я сама тебя, милая, люблю до смерти. (Молчаніе). Знаешь, мнѣ что въ голову пришло?

Варвара.

Что?

Катерина.

Отчего люди не летаютъ!

Варвара.

Я не понимаю, что ты говоришь.

Катерина.

Я говорю: отчего люди не летаютъ такъ, какъ птицы? Знаешь, мнѣ иногда кажется, что я птица. Когда стоишь на горѣ, такъ тебя и тянетъ летѣть. Вотъ такъ бы разбѣжалась, подняла руки и полетѣла. Попробовать нечто теперь? (Хочетъ бѣжать).

Варвара.

Что ты выдумываешь-то?

Катерина. (Вздыхая).

Какая я была рѣзвая! Я у васъ совяла совсѣмъ.

Варвара.

Ты думаешь, я не вижу?

Катерина.

Такая ли я была! Я жила, ни объ чемъ не тужила, точно птичка на волѣ. Маменька во мнѣ души не чаяла, наряжала меня какъ куклу, работать не принуждала; что хочу, бывало, то и дѣлаю. Знаешь, какъ я жила въ дѣвушкахъ? Вотъ я тебѣ сейчасъ разскажу. Встану я, бывало, рано; коли лѣтомъ, такъ схожу на ключекъ, умоюсь, принесу съ собою водицы, и всѣ, всѣ цвѣты въ домѣ полью. У меня цвѣтовъ было много, много. Потомъ пойдемъ съ маменькой въ церковь, всѣ и странницы—у насъ полонъ домъ былъ странницъ да богомолокъ. А придемъ изъ церкви, сядемъ за какую-нибудь работу, больше по бархату золотомъ, а странницы станутъ разсказывать, гдѣ онѣ были, что видѣли, житія разныя, либо стихи поютъ. Такъ до обѣда время пройдетъ. Тутъ старухи уснуть лягутъ, а я по саду гуляю. Потомъ къ вечернѣ, а вечеромъ опять разсказы да пѣніе. Таково хорошо было.

Варвара.

Да вѣдь у насъ то же самое.

Катерина.

Да здѣсь все какъ будто изъ-подъ неволи. И до смерти я любила въ церковь ходить! Точно, бывало, я въ рай войду, и не вижу никого, и время не помню, и не слышу, когда служба кончится. Точно какъ все это въ одну секунду было. Маменька говорила, что всѣ, бывало, смотрятъ на меня, что со мной дѣлается! А знаешь: въ солнечный день изъ купола такой свѣтлый столбъ внизъ идетъ, и въ этомъ столбѣ ходитъ дымъ, точно облака, и вижу я, бывало, будто ангелы въ этомъ столбѣ летаютъ и поютъ. А то, бывало, дѣвушка, ночью встану—у насъ тоже вездѣ лампадки горѣли—да гдѣ-нибудь въ уголкѣ и молюсь до утра. Или рано утромъ въ садъ уйду, еще только солнышко восходитъ, упаду на колѣна, молюсь и плачу... Такъ меня и найдутъ. И о чемъ я молилась тогда, чего просила—не знаю; ничего мнѣ не надобно, всего у меня было довольно... Варенька, какіе сны! Или храмы золотые, или сады какіе-то необыкновенные, и все поютъ невидимые голоса, и кипарисомъ пахнетъ, и горы, и деревья, будто не такія, какъ обыкновенно, а какъ на образахъ пишутся. А то, будто я летаю, такъ и летаю по воздуху. И теперь иногда снится, да рѣдко, да и не то.

Варвара.

А что же?

Катерина. (Помолчавъ).

Я умру скоро.

Варвара.

Полно, что ты!

Катерина.

Нѣтъ, я знаю, что умру. Охъ, дѣвушка, что-то со мной недоброе дѣлается, чудо какое-то. Никогда со мной этого не было. Что-то во мнѣ такое необыкновенное. Точно я снова жить начинаю, или... ужъ и не знаю...

Варвара.

Что же съ тобой такое?

Катерина. (Беретъ ее за руку).

А вотъ что, Варя, быть грѣху какому-нибудь! Такой на меня страхъ! Точно я стою надъ пропастью, и меня кто-то туда толкаетъ, а удержаться мнѣ не за что. (Хватается за голову рукой)

Варвара.

Что съ тобой? Здорова ли ты?

Катерина.

Здорова... Лучше бы я больна была, а то не хорошо. Лѣзетъ мнѣ въ голову мечта какая-то. И никуда я отъ нея не уйду. Думать стану—мыслей никакъ не соберу, молиться—не отмолюсь никакъ. Языкомъ лепечу слова, а на умѣ совсѣмъ не то: точно мнѣ лукавый въ уши шепчетъ, да все про такія дѣла нехорошія. И то мнѣ представляется, что мнѣ самое себя совѣстно сдѣлается. Что со мной? Передъ бѣдой какой-нибудь это! Ночью, Варя, не спится мнѣ, все мерещится шопотъ какой-то: кто-то такъ ласково говоритъ со мной, точно голубитъ меня, точно голубь воркуетъ. Ужъ не снятся мнѣ, Варя, какъ прежде, райскія деревья, да горы; а точно меня кто обнимаетъ такъ горячо-горячо, и ведетъ меня куда-то, и я иду за нимъ, иду...

Варвара.

Ну?

Катерина.

Да что же это я говорю тебѣ: ты дѣвушка.

Варвара. (Оглядывается).

Говори! Я хуже тебя.

Катерина.

Ну, чтожъ мнѣ говорить? Стыдно мнѣ.

Варвара.

Говори, нужды нѣтъ!

Катерина.

Сдѣлается мнѣ такъ душно, такъ душно дома, что бѣжала бы. И такая мысль придетъ на меня, что кабы моя воля, каталась бы я теперь по Волгѣ, на лодкѣ, съ пѣснями, либо на тройкѣ на хорошей, обнявшись.

Варвара.

Только не съ мужемъ.

Катерина.

А ты почемъ знаешь?

Варвара.

Еще бы не знать!..

Катерина.

Ахъ, Варя, грѣхъ у меня на умѣ! Сколько я бѣдная, плакала, чего ужъ я надъ собой не дѣлала. Не уйти мнѣ отъ этого грѣха. Никуда не уйти. Вѣдь, это не хорошо, вѣдь это страшный грѣхъ, Варенька, что я другого люблю?

Варвара.

Что мнѣ тебя судить! У меня свои грѣхи есть.

Катерина.

Что же мнѣ дѣлать? Силъ моихъ не хватаетъ. Куда мнѣ дѣваться? Я отъ тоски что-нибудь сдѣлаю на собой!

Варвара.

Что ты! Что съ тобой! Вотъ погоди, завтра братецъ уѣдетъ – подумаемъ; можетъ быть, и видѣться можно будетъ...

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, не надо! Что ты! Что ты! Сохрани Господи!

Варвара.

Чего ты такъ испугалась?

Катерина.

Если я съ нимъ хоть разъ увижусь, я убѣгу изъ дому, а ужъ не пойду домой ни за что на свѣтѣ.

Варвара.

А вотъ погоди, тамъ увидимъ.

Катерина.

Нѣтъ, нѣтъ, и не говори мнѣ, я и слушать не хочу.

Варвара.

А что за охота сохнуть-то! Хоть умирай съ тоски, пожалѣютъ, что ль, тебя! Какъ же, дожидайся! Такъ какая жъ неволя себя мучить-то!

А. Н. Островскій.

ВАСИЛИСА МЕЛЕНТЬЕВНА.

Отрывокъ.

Садъ во дворцѣ.

Царица одна.

Царица. (Задумчиво). Мнѣ страшно здѣсь, мнѣ
душно, непривѣтно
Душѣ моей; и царь со мной не ласковъ,
И слуги смотрятъ исподлобья. Слышны
Издалека мнѣ царскія потѣхи,
Веселья шумъ; на мигъ дворецъ унылый
И пѣснями и смѣхомъ огласится,
Потомъ опять глухая тишь, какъ будто
Все вымерло, лишь только по угламъ,
По терему, о казняхъ шепчутъ. Нечѣмъ
Души согрѣть. Жена царю по плоти,
По сердцу я чужая. Онъ мнѣ страшенъ!
Онъ страшенъ мнѣ и гнѣвный и веселый,
Въ кругу своихъ потѣшниковъ развратныхъ,
За срамными рѣчами и дѣлами.
Любви его не знаю я, ни разу
Не подарилъ онъ часомъ дорогимъ
Жену свою, про горе или радость
Ни разу онъ не спрашивалъ. Какъ звѣрь,
Ласкается ко мнѣ, безъ словъ любовныхъ,
А что въ душѣ моей, того не спроситъ.
Придешь къ царю съ слезами и любовью—
Отъ царскихъ рукъ людскою пахнетъ
кровью.

Входитъ **Василиса**.

Царица. Мелентьевна, ты здѣсь!

Василиса. Тебѣ, царица,
За мной послать угодно было?

Царица. Да.

Василиса. Приказывай, царица!

Царица. Я скучаю;
Сегодня такъ мнѣ тяжко, такъ грустится...
Хоть ты мою тоску развѣй.

Василиса. Съ чего бы
Кручиниться тебѣ! Живешь ты въ радость
Мы всѣ тебя и чествуемъ, и холимъ,
Забавъ тебѣ довольно; пожелаетъ
Душа твоя—и все тебѣ готово,
Чего во снѣ другая не увидитъ.

Царица. Какихъ забавъ? Не дѣвка я невѣста,
Чтобъ цѣлый день нарядомъ любоваться,
Да въ стеклушко глядѣть, черно ли брови
Подведены, румянено ль лицо.

Василиса. Чего жъ тебѣ недостаетъ, не знаю.
Царь любитъ...

Царица. Такъ ли любятъ, Василиса!
Ты замужемъ была, тебя любили.
А можетъ, любятъ и теперь...

Василиса. Кому же!
Любить меня... сиротку.

Царица. Какъ, скажи мнѣ,
Тебя любилъ дружокъ?

Василиса. Почемъ я знаю?
За старикомъ жила, потомъ онъ умеръ,
Я сиротой осталась.

Царица. Не любила
Ты мужа своего?

Василиса. Кому что надо:
Одинъ любви желаетъ, а другой
Покорности...

Царица. Послушай, Василиса,
Вотъ третьи сутки я царя не вижу.
Онъ прежде безъ меня скучалъ. Намедни
Зашелъ ко мнѣ, угрюмый, ненадолго:
Прощаясь, мнѣ сказалъ: «Ты съ тѣла спала,
Я не люблю худыхъ.» Моя ль вина!
Не потолстѣешь съ горя. Мнѣ завидно
На полноту твою глядѣть.

Василиса. Царица,
Смѣешься ты надъ бѣдною вдовою.
Грѣшно тебѣ!

Царица. Мнѣ вовсе не до смѣха.

Василиса. Тебѣ не мнится ль, что великій царь
На вдовушку убогую польстится?

Царица. Мудренаго тутъ нѣтъ.

Василиса. Да на кого же
Твою красу онъ промѣняетъ?

Царица. Полно!
Не любитъ онъ меня.

Василиса. Смотри, качели
Въ твоемъ саду онъ выстроить велѣлъ.
Вонъ погляди!

Царица. Качели! Такъ ли любятъ!
Кого полюбишь, въ чемъ тому откажешь?
А мнѣ во всемъ отказъ отъ государя.

Василиса. Ужъ право, я не знаю, что сказать?
Чего жъ тебѣ? Заморскую собачку
Отъ нѣмца онъ принялъ тебѣ дозволилъ.

Царица. Не вѣрю я тебѣ, чтобъ ты не знала,
Чего желаетъ женская душа
Отъ милаго.

Василиса. Скажи, такъ буду знать.

Царица. Такая ли любовь намъ грѣетъ сердце!
Я знаю, помню, я сама любила.

Василиса. (Про себя). Обмолвилась.

Царица. Любили и меня...
Кого полюбишь, все за тѣмъ и ходишь;
На мигъ одинъ разстаться жаль...

Василиса. Ужъ ли?

Царица. Все въ очи бы глядѣлъ, да ждалъ приказу,
Чтобъ поскорѣй исполнить. Вотъ какъ любятъ
Хорошіе мужья хорошихъ женъ.

Василиса. Ужъ этого, кажись, и не бываетъ!
И не дождаться бабамъ отъ мужьевъ
Такой любви.

Царица. Да если бъ онъ былъ мужемъ,
Да онъ бы все на свѣтѣ сдѣлалъ, только бъ
Утѣшить чѣмъ-нибудь меня.

Василиса. Кто онъ-то?

Царица. (Испугавшись.) Зачѣмъ тебѣ! Онъ умеръ.
Я шутила.
Я въ шутку рѣчь вела. Забудь про это!

Василиса. Забуду я, какая мнѣ нужда,
Да и тебѣ-то помнить не годится.

II.

Тамъ же.

Василиса одна. Входитъ **Царь**.

Василиса. (Съ притворнымъ испугомъ). Ахти, грѣхи! Куда теперь мнѣ дѣться!
Пожаловалъ нашъ соколъ ясный, царь,
Нашъ батюшко.

Царь. Что ты испугалась?
Поди ко мнѣ поближе, я не звѣрь—
Я человѣкъ, я рабъ грѣха и плоти.
Ты, грѣшница съ лукавыми глазами,
Съ манящимъ смѣхомъ на устахъ открытыхъ,
Чего боишься? Я тебя не на духъ
Зову къ себѣ! За блудное житье
Эпитимьи не положу тяжелой.
Не постникъ я! Подвижникомъ смиреннымъ
Постомъ и бдѣньемъ испитыя лица
Вамъ, грѣшнымъ бабамъ, видѣть тяжело,
Я также слабъ своей грѣховой волей
И ежечасно помысломъ не чистъ,
И разговоромъ срамнымъ согрѣшаю,
Какъ вы же, бабы молодыя,—значитъ,
Тебя бояться нечего меня.

Василиса. Царица здѣсь была передъ тобою;
Она изъ саду только что ушла,
Я упредить ее пойду,

Царь. Поспѣешь.
Тебя я въ думѣ видѣлъ; ты давно ли
Въ царицыныхъ покояхъ?

Василиса. Я недавно,
Недѣли съ двѣ.

Царь. Тебѣ мои хоромы
По нраву ли?

Василиса. Съ младенчества молилась
И грезила, чтобъ царскія палаты
Привелъ Господь увидѣть, послужить
Тебѣ, царю. Какой же больше чести
Рабѣ твоей покорной?

Царь. Ты вдова?

Василиса. Вдовѣю съ годъ.

Царь. Я чай, безъ мужа скучно?

Василиса. О чемъ скучать? Я мужа не любила.
Царь. За что, про что? Иль дурно жилъ съ тобою,
Иль золъ онъ былъ, иль старъ и дряхлъ какъ я?

Василиса. Не то, что старъ, а сердце не лежало.
Царь. Ты съ норовомъ, тебѣ не угодишь:
Я знаю васъ, вы, бабы молодыя,
На молодость и красоту завистны.

Василиса. Что молодость! Кто силенъ, тотъ и молодъ;
Красавецъ тотъ, кто славенъ и могучъ.

Царь. Меня бы ты могла любить?

Василиса. (закрывается). Мнѣ стыдно!
Не говори! Ай стыдно!
Царь. Что за стыдъ?

Василиса. Сказать, что не люблю, тебя обидѣть,
Да и неправда; а сказать: люблю,
Сказать тебѣ всю правду—грѣхъ большой:
И ты женатъ и я вдова, такъ лучше
Не спрашивай.

Царь. (Подозрительно) Ты видѣла Малюту?

Василиса. Малюту? Нѣтъ; на что мнѣ твой Малюта!
Я утромъ въ думѣ видѣла твой взглядъ,
И этотъ взглядъ прожегъ насквозь мнѣ сердцѣ.

Царь. Со мною бабы такъ не говорили;
Я полюбилъ тебя, ты мнѣ по нраву.

(Обнимаетъ Василису, она его цѣлуетъ съ жаромъ, но какъ бы испугавшись вырывается и закрываетъ лицо)

Василиса. Меня во грѣхъ ты ввелъ. Не спохватилась!
Вотъ грѣхъ какой. (Толкаетъ царя въ плечо)
Поди, поди къ царицѣ!

(Царь съ удивленіемъ смотритъ на нее: она продолжаетъ его толкать).

Поди! Поди! Она жена твоя,
Она красивѣй, лучше насъ, нарядиѣй.
Поди! Поди!

Царь. Съ тобой мнѣ веселѣе!
Ты смѣлая!

Василиса. Какая родилась.
Ужъ не взыщи. Великій государь,
Ты грамотникъ, мнѣ имя—Василиса;
А что такое, Василиса, знаешь?

Царь. Царица!

Василиса. Да? Ишь какъ меня назвали!
Какая я царица—я раба!
Да что я, дура, такъ разговорилась?
Поди къ женѣ!

Царь. Я не пойду къ царицѣ.
А ты сама царицей хочешь быть?

Василиса. (Становясь на колѣни). Не искушай меня, великій царь,

Молю тебя!

Царь. Захочешь, такъ и будешь!..

А. Н. Островскій.

* * *

Въ слезахъ моя душа.

Живу. Смѣюсь. За часомъ часъ въ работѣ напряженной я провожу, и мыслью уношусь далеко, —въ тѣ свѣтлые края, гдѣ такъ привольно ей, гдѣ носится она свободно, видѣнія и образы встрѣчая, которыхъ не увидишь на землѣ,—

въ слезахъ моя душа.

Я въ гнѣвѣ задыхаюсь, отъ бурной ярости дрожу и въ бѣшенствѣ проклятья разсыпаю. Клокочетъ все во мнѣ, я какъ въ огнѣ горю, и нѣтъ ужъ силы жить. Погибнуть былъ бы радъ, исчезнуть, навсегда съ лица земли уйти—считалъ бы счастьемъ...

Упалъ приливъ. Прошли отчаянья минуты, и ненависти взрывъ погасъ,—

въ слезахъ моя душа.

Побѣды день придетъ,—я знаю! И родину мою весь солнца свѣтъ зальетъ. И лучезарный гимнъ она споетъ, цвѣтами убрана. Улыбкой радостной земля родная засіяетъ и ликованіемъ наполнятся сердца.

Но все же грустно мнѣ и все жъ въ слезахъ душа.

А тѣ, которые за насъ погибли?
Въ безсмертье я не вѣрю, и въ рай не вѣрю я.—
Что жъ тѣ, которые за насъ погибли?!..

Въ слезахъ моя душа, въ слезахъ моя душа...

Д. Айз.

В. М. Гаршинъ.

ТО, ЧЕГО НЕ БЫЛО.

Въ одинъ прекрасный іюньскій день, а прекрасный онъ былъ потому, что было двадцать восемь градусовъ по Реомюру—въ одинъ прекрасный іюньскій день было вездѣ жарко, а на полянкѣ въ саду, гдѣ стояла копна недавно скошеннаго сѣна, было еще жарче, потому что мѣсто было закрыто отъ вѣтра густымъ, прегустымъ вишнякомъ. Все точно спало: люди наѣлись и занимались послѣобѣденными боковыми занятіями; птицы примолкли; даже многія насѣкомыя попрятались отъ жары. О домашнихъ животныхъ нечего и говорить: скотъ крупный и мелкій прятался подъ навѣсъ; собака, вырывъ себѣ подъ амбаромъ яму, улеглась туда, и, полузакрывъ глаза, прерывисто дышала, высунувъ розовый языкъ чуть не на полъ-аршина; иногда она, очевидно отъ тоски, происходящей отъ смертельной жары, такъ зѣвала, что при этомъ даже раздавался тоненькій визгъ; свиньи, маменька съ тринадцатью

дѣтками, отправились на берегъ и улеглись въ черную, жирную грязь, при чемъ изъ грязи видны были только сопѣвшіе и храпѣвшіе свиные пятачки съ двумя дырочками, продолговатыя, облитыя грязью спины, да огромныя повислыя уши. Однѣ куры, не боясь жары, кое-какъ убивали время, разгребая лапами сухую землю противъ кухоннаго крыльца, въ которой, какъ онѣ отлично знали, не было уже ни одного зернышка; да и то пѣтуху, должно быть, приходилось плохо, потому что иногда онъ принималъ глупый видъ и во все горло кричалъ: «какой скандалъ!»

Вотъ мы ушли съ полянки, на которой жарче всего, а на этой-то полянкѣ и сидѣло цѣлое общество неспавшихъ господъ. То-есть сидѣли то не всѣ; старый гнѣдой, напримѣръ, съ опасностью для своихъ боковъ отъ кнута кучера Антона, разгребавшій копну сѣна, будучи лошадью, вовсе и сидѣть не умѣлъ; гусеница какой-то бабочки тоже не сидѣла, а скорѣе лежала на животѣ; но дѣло вѣдь не въ словѣ. Подъ вишнею собралась маленькая, но очень серьезная компанія: улитка, навозный жукъ, ящерица, вышеупомянутая гусеница; прискакалъ кузнечикъ. Возлѣ стоялъ и старый гнѣдой, прислушиваясь къ ихъ рѣчамъ однимъ, повернутымъ къ нимъ, гнѣдымъ ухомъ, съ торчащими изнутри темно-сѣрыми волосами; а на гнѣдомъ сидѣли двѣ мухи.

Компанія вѣжливо, но довольно одушевленно спорила, при чемъ, какъ и слѣдуетъ быть, никто ни съ кѣмъ не соглашался, такъ какъ каждый дорожилъ независимостью своего мнѣнія и характера.

— По моему,—говорилъ навозный жукъ,—порядочное животное прежде всего должно заботиться о своемъ потомствѣ. Жизнь есть трудъ для будущаго поколѣнія. Тотъ, кто сознательно исполняетъ обязанности, возложенныя на него природой, тотъ стоитъ на твердой почвѣ: онъ знаетъ свое дѣло, и что бы ни случилось, онъ не будетъ въ отвѣтѣ. Посмотрите на меня: кто тру-

дится больше моего? Кто цѣлые дни катаетъ безъ отдыха такой тяжелый шаръ—шаръ, мною же столь искусно созданный изъ навоза, съ великой цѣлью дать возможность вырости новымъ, подобнымъ мнѣ, навознымъ жукамъ? Но за то не думаю, чтобы кто-нибудь былъ такъ спокоенъ совѣстью и съ чистымъ сердцемъ могъ бы сказать: «да, я сдѣлалъ все, что могъ и долженъ былъ сдѣлать», какъ скажу я, когда на свѣтъ явятся новые навозные жуки. Вотъ что значитъ трудъ!

— Поди ты, братецъ, съ своимъ трудомъ!—сказалъ муравей, притащившій во время рѣчи навознаго жука, несмотря на жару, чудовищный кусокъ сухого стебля. Онъ на минуту остановился, присѣлъ на четыре заднія ножки, а двумя передними отеръ потъ съ своего измученнаго лица!— И я вѣдь тружусь, и побольше твоего! Но ты работаешь для себя, или, все равно, для своихъ жученятъ; не всѣ такъ счастливы... попробовалъ бы ты потаскать бревна для казны, вотъ какъ я. Я и самъ не знаю, что заставляетъ меня работать, выбиваясь изъ силъ, даже и въ такую жару... Никто за это и спасибо не скажетъ. Мы, несчастные рабочіе муравьи, всѣ трудимся, а чѣмъ красна наша жизнь? Судьба!...

— Вы, навозный жукъ, слишкомъ сухо, а вы, муравей, слишкомъ мрачно смотрите на жизнь,— возразилъ имъ кузнечикъ.—Нѣтъ, жукъ, я люблю таки потрещать и попрыгать, и ничего—совѣсть не мучитъ! Да притомъ вы нисколько не коснулись вопроса, поставленнаго г-жей ящерицей: она спросила: «что есть міръ», а вы говорите о своемъ навозномъ шарѣ: это даже не вѣжливо. Міръ, по моему, очень хорошая вещь уже потому, что въ немъ есть для насъ молодая травка, солнце и вѣтерокъ. Да и великъ же онъ! Вы здѣсь между этими деревьями, не можете имѣть никакого понятія о томъ, какъ онъ великъ. Когда я бываю въ полѣ, я иногда вспрыгиваю, какъ только могу, вверхъ и, увѣряю васъ, достигаю огромной высоты. И съ нея то я вижу, что міру нѣтъ конца.

— Вѣрно,—глубокомысленно подтвердилъ гнѣдой.—Но всѣмъ вамъ все-таки не увидѣть и сотой части того, что видѣлъ на своемъ вѣку я. Жаль, что вы не можете понять, что такое верста... За версту отсюда есть деревня Лупаревка. туда я каждый день ѣзжу съ бочкой за водой: Но тамъ меня никогда не кормятъ. А съ другой стороны Ефимовка, Кисляковка; въ ней церковь съ колоколами. А потомъ Свято-Троицкое, а потомъ Богоявленскъ. Въ Богоявленскѣ мнѣ всегда даютъ сѣна, но сѣно тамъ плохое. А вотъ въ Николаевѣ—это такой городъ, двадцать восемь верстъ отсюда—такъ тамъ сѣно лучше, и овесъ даютъ, только я не люблю туда ѣздить: туда ѣздитъ на насъ баринъ и велитъ кучеру погонять, а кучеръ больно стегаетъ насъ кнутомъ... А то есть еще Александровка, Бѣлозерка, Херсонъ-городъ тоже... Да только куда вамъ понять все это! Вотъ это-то и есть міръ, не весь, положимъ, ну, да все-таки значительная часть.

И гнѣдой замолчалъ, но нижняя губа у него все еще шевелилась, точно онъ что-нибудь шепталъ. Это происходило отъ старости: ему былъ уже семнадцатый годъ, а для лошади это все равно, что для человѣка семьдесятъ седьмой.

— Я не понимаю вашихъ мудреныхъ лошадиныхъ словъ, да, признаться, и не гонюсь за ними,—сказала улитка.—Мнѣ былъ бы лопухъ, а его довольно: вотъ ужъ я четыре дня ползу, а онъ все еще не кончается. А за этимъ лопухомъ есть еще лопухъ, а въ томъ лопухѣ навѣрно сидитъ еще улитка. Вотъ вамъ и все. И прыгать никуда не нужно: все это выдумки и пустяки; сиди себѣ, да ѣшь листъ, на которомъ сидишь. Если бы не лѣнь ползти, давно бы ушла отъ васъ съ вашими разговорами: отъ нихъ голова болитъ, и больше ничего.

— Нѣтъ, позвольте, отчего же?—перебилъ кузнечикъ,—потрещать очень пріятно, особенно о такихъ хорошихъ предметахъ, какъ безконечность и прочее такое. Конечно, есть практиче-

скія натуры, которыя только и заботятся о томъ, какъ бы набить себѣ животъ, какъ вы или вотъ эта прелестная гусеница...

— Ахъ, нѣтъ! оставьте меня, прошу васъ, оставьте, не троньте меня, жалобно воскликнула гусеница—я дѣлаю это для будущей жизни? только для будущей жизни.

— Для какой тамъ еще будущей жизни? спросилъ гнѣдой.

— Развѣ вы не знаете, что я послѣ смерти сдѣлаюсь бабочкой съ разноцвѣтными крыльями?

Гнѣдой, ящерица и улитка этого не знали, но, насѣкомыя имѣли кое-какое понятіе. И всѣ немного помолчали, потому что никто не умѣлъ сказать ничего путнаго о будущей жизни.

— Къ твердымъ убѣжденіямъ нужно относиться съ уваженіемъ,—затрещалъ, наконецъ, кузнечикъ.—Не желаетъ ли кто сказать еще что-нибудь? Можетъ быть, вы?—обратился онъ къ мухамъ. И старшая изъ нихъ отвѣтила:

— Мы не можемъ сказать, чтобы намъ было худо. Мы сейчасъ только изъ комнатъ; барыня разставила въ мискахъ наваренное варенье и мы забрались подъ крышку и наѣлись. Мы довольны. Наша маменька увязла въ вареньѣ, но что жъ дѣлать? Она уже довольно пожила на свѣтѣ. А мы довольны.

— Господа,—сказала ящерица, —я думаю, что всѣ вы совершенно правы! Но, съ другой стороны...

Но ящерица такъ и не сказала, что было съ другой стороны, потому что почувствовала, какъ что-то крѣпко прижало ея хвостъ къ землѣ.

Это пришелъ за гнѣдымъ проснувшійся кучеръ Антонъ; онъ нечаянно наступилъ своимъ сапожищемъ на компанію и раздавилъ ее. Однѣ мухи улетѣли обсасывать свою мертвую обмазанную вареньемъ маменьку, да ящерица убѣжала съ оторваннымъ хвостомъ. Антонъ взялъ гнѣдого за чубъ и повелъ его изъ сада, чтобы запрячь въ бочку и ѣхать за водой, при чемъ при-

говаривалъ: ну иди, ты, хвостяка!—на что гнѣдой отвѣчалъ только шептаньемъ.

А ящерица осталась безъ хвоста. Правда, черезъ нѣсколько времени онъ выросъ, но навсегда остался какимъ-то тупымъ и черноватымъ. И когда ящерицу спрашивали, какъ она повредила себѣ хвостъ, то она скромно отвѣчала:

— Мнѣ оторвали его за то, что я рѣшилась высказа́ть свои убѣжденія.

И она была совершенно права.

Вс. Гаршинъ.

СМЕРТЬ ДЕРЕВА.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РАЗСКАЗА «ТРИ СМЕРТИ».

Раннимъ утромъ, чуть зорька, Серега взялъ топоръ и пошелъ въ рощу.

На всемъ лежалъ холодный матовый покровъ еще падавшей, не освѣщенной солнцемъ росы. Востокъ незамѣтно яснѣлъ, отражая свой слабый свѣтъ на подернутомъ тонкими тучами сводѣ неба. Ни одна травка внизу, ни одинъ листъ на верхней вѣткѣ дерева не шевелились. Только изрѣдка слышавшіеся звуки крыльевъ въ чащѣ деревьевъ или шелестъ по землѣ нарушали тишину лѣса. Вдругъ странный, чуждый природѣ, звукъ разнесся и замеръ на опушкѣ лѣса. Но снова послышался звукъ и равномѣрно сталъ повторяться внизу около ствола одного изъ неподвижныхъ деревьевъ. Одна изъ макушекъ необычайно затрепетала, сочныя листья ея зашептали что-то, и малиновка, сидѣвшая на одной изъ вѣтвей ея, со свистомъ перепорхнула два раза, и, подергивая хвостикомъ, сѣла на другое дерево.

Топоръ низомъ звучалъ глуше и глуше, сочныя бѣлыя щепки летѣли на росистую траву, и

легкій трескъ послышался изъ-за ударовъ. Дерево вздрогнуло всѣмъ тѣломъ, погнулось и быстро выпрямилось, колеблясь на своемъ корнѣ. На мгновеніе все затихло, но снова погнулось дерево, послышался трескъ въ его стволѣ и, ломая сучья и опустивъ вѣтви, оно рухнулось макушкой на сырую землю. Звуки топора и шаговъ затихли. Малиновка свиснула и вспорхнула выше. Вѣтка, которую она зацѣпила своими крыльями, покачалась нѣсколько времени и замерла, какъ и другія, со всѣми своими листьями. Деревья еще радостнѣй красовались на новомъ просторѣ своими неподвижными вѣтвями.

Первые лучи солнца, пробивъ сквозившую тучу, блеснули въ небѣ и побѣжали по землѣ и небу. Туманъ волнами сталъ переливаться въ лощинахъ, роса, блестя, заиграла на зелени, прозрачныя побѣлѣвшія тучки, спѣша, разбѣгались по синѣвшему своду. Птицы гомозились въ чащѣ и, какъ потерянныя, щебетали что-то счастливое; сочныя листья радостно и спокойно шептались на вершинахъ, и вѣтки живыхъ деревьевъ медленно, величаво зашевелились надъ мертвымъ поникшимъ деревомъ.

Левъ Толстой.

МОРЯКИ.

Парусъ направимъ свободно и смѣло къ дальнимъ краямъ...

Взвейся гордо, серебряный парусъ и заблести... Морю суровому и непривѣтному радость свою возвѣсти! Длинныя волны глубокаго моря съ гнѣвомъ летятъ... Бѣлыя чайки, летая надъ моремъ, громко кричатъ.

Все побороть намъ въ пути непривѣтливомъ,

край нашъ родной, пожелай... Море, ряды своихъ волнъ угрожающихъ гордо на насъ высылай! Мы не боимся трудовъ и страданья въ морѣ нѣмомъ. Парусъ взовьется... Затихнутъ рыданья въ селеньѣ родномъ. И полетимъ мы, какъ бѣлая чайка, грудью впередъ... Смѣло, друзья! Безъ тоски и безъ страха... Смѣло, впередъ!

Женщинъ покинемъ мы дома, дома покинемъ дѣтей,—много чинить имъ оставимъ старыхъ сѣтей. Женщинъ и дѣвушекъ дома оставимъ мы сѣти чинить... мало-ль на свѣтѣ есть женщинъ красавицъ... будемъ любить! Грудь моряка и тверда и сурова: сердце стальное въ груди... Парусъ натянемъ, расправимъ, и снова будемъ въ пути. Путь насъ зоветъ и манитъ красотою бурныхъ ночей... Путь, озаряемый яркимъ сіяньемъ звѣздныхъ очей...

Звѣздныя очи горятъ и сверкаютъ въ мракѣ ночномъ. Насъ, моряковъ, ничего ни пугаетъ въ морѣ нѣмомъ. Смѣло расправимъ мы парусъ могучій, и поплывемъ... Ночью ли, днемъ ли, корабль нашъ летучій свѣтлой волной обольемъ. И полетимъ мы на крыльяхъ свободныхъ смѣло, впередъ,—насъ красота наслажденья, опасности, битвы зоветъ. Много узнаемъ чудесъ и страданья въ дальней странѣ... Будутъ намъ чудиться вздохи, рыданья въ забытой семьѣ...

Мы, моряки, ничего не боимся, мы ничего не хотимъ... Гордо и вольно, какъ чайка морская, въ море летимъ. Если случится несчастье, буря корабль разобьетъ...—новыя тучи безстрашныхъ въ море нашъ берегъ пошлетъ...

Мирэ.

В. Г. Короленко.

ОГОНЬКИ.

Какъ-то давно, темнымъ осеннимъ вечеромъ случилось мнѣ плыть по угрюмой сибирской рѣкѣ. Вдругъ, на поворотѣ рѣки, впереди, подъ темными горами мелькнулъ огонекъ.

Мелькнулъ ярко, сильно, близко...

— Ну, слава Богу!—сказалъ я съ радостью,—деревня, близко ночлегъ!

Гребецъ-сибирякъ повернулся, посмотрѣлъ черезъ плечо на огонь и опять апатично налегъ на весло.

— Далече!

Я не повѣрилъ: огонекъ такъ и стоялъ, выступая впередъ изъ неопредѣленной тьмы. Но гребецъ былъ правъ: оказалось, дѣйствительно, далеко.

Свойство этихъ ночныхъ огней—приближать-

ся, побѣждая тьму, и сверкать, и обѣщать, и манить своею близостью. Кажется, вотъ-вотъ еще два-три удара весломъ,—и путь конченъ... А между тѣмъ—далеко..

И долго еще мы плыли по угрюмой и мрачной, какъ чернила, рѣкѣ. Ущелья и скалы выплывали, надвигались и уплывали, оставаясь назади и теряясь, казалось, въ безконечной дали, а огонекъ все стоялъ впереди, переливаясь и маня,—все такъ же близко, и все такъ же далеко.

Мнѣ часто вспоминается теперь и эта темная рѣка, затѣненная скалистыми горами, и этотъ живой огонекъ. Много огней и раньше, и послѣ манили не одного меня своею близостью. Но—жизнь течетъ все въ тѣхъ же угрюмыхъ берегахъ, а огни еще далеко. И опять приходится налегать на весла...

Но все-таки... все-таки впереди—огни!...

В. Г. Короленко.

ПРЕКРАСНА ЖИЗНЬ ДЛЯ ВОСКРЕСШИХЪ.

Не случалось вамъ гулять по кладбищамъ?

Есть своя, очень своеобразная и жуткая поэзія въ этихъ огороженныхъ, тихихъ и заросшихъ сочной зеленью уголкахъ, такихъ маленькихъ и такихъ жадныхъ.

Тихо, задумчиво бредете по кладбищу и вы. Ухо ваше воспринимаетъ тихіе отголоски глубокихъ стоновъ и слезъ, а глаза останавливаются на богатыхъ памятникахъ, скромныхъ деревянныхъ крестахъ и нѣмыхъ безвѣстныхъ могилахъ, укрывшихъ собой людей, которые нѣмы были всю жизнь, безвѣстны и незамѣтны. И надписи на памятникахъ читаете вы, и встаютъ въ нашемъ воображеніи всѣ эти исчезнувшіе изъ міра люди. Видите вы ихъ молодыми, смѣющимися, любящи-

ми; видите вы ихъ бодрыми, говорливыми, дерзко увѣренными въ безконечности жизни.

И они умерли, эти люди.

* * *

Но развѣ нужно выходить изъ дому, чтобы побывать на кладбищѣ? Развѣ недостаточно для этого, чтобы мракъ ночи охватилъ васъ и поглотилъ дневные звуки.

Сколько памятниковъ богатыхъ и пышныхъ! Сколько нѣмыхъ, безвѣстныхъ мѣстъ!

Но развѣ нужна ночь, чтобы побыть на кладбище? Развѣ недостаточно для этого дня—безпокойнаго, шумнаго дня, которому довлѣетъ злоба его?

Загляните въ душу свою и, будетъ ли тогда день или ночь, вы найдете тамъ кладбище. Маленькое, жадное, такъ много поглотившее. И тихій, грустный шопотъ услышите вы—отраженіе бѣлыхъ тяжелыхъ стоновъ, когда дорогъ былъ мертвецъ, котораго опускали въ могилу, и вы не успѣли ни разлюбить его, ни позабыть; и памятники увидите вы, и надписи, которыя наполовину смыты слезами, и тихія, глухія могилки—маленькія, зловѣщіе бугорки, подъ которыми скрыто то, что было живо, хотя вы не знали его жизни и не замѣтили смерти. А, можетъ быть, это было самое лучшее въ вашей душѣ...

Но зачѣмъ говорю я: загляните. Развѣ и такъ не заглядывали вы въ ваше кладбище каждый день, сколько есть этихъ дней въ длинномъ, тяжеломъ году? Быть можетъ, еще только вчера вы вспоминали дорогихъ покойниковъ и плакали надъ ними: быть можетъ еще только вчера вы похоронили кого-нибудь, долго и тяжело болѣвшаго и забытаго еще при жизни.

Вотъ подъ тяжелымъ мраморомъ, окруженная частой чугунной рѣшеткой, покоится любовь къ людямъ и сестра ея, вѣра въ нихъ. Какъ онѣ были красивы и чудно хороши, эти сестры! Какимъ яркимъ огнемъ горѣли ихъ глаза, какой дивной мощью владѣли ихъ нѣжныя бѣлыя руки!

Съ какой лаской подносили эти бѣлыя руки холодное платье къ воспаленнымъ отъ жажды устамъ и кормили алчущихъ; съ какой милой осторожностью касались онѣ язвъ болящаго и врачевали ихъ!

И онѣ умерли, эти сестры. Отъ простуды умерли онѣ, какъ сказано на памятникѣ. Не выдержали леденящаго вѣтра, которымъ охватила ихъ жизнь.

А вотъ дальше покосившійся крестъ знаменуетъ мѣсто, гдѣ зарытъ въ землю талантъ. Какой онъ былъ бодрый, шумный, веселый; за все брался, все хотѣлъ сдѣлать и былъ увѣренъ, что покоритъ міръ!

И умеръ—какъ-то незамѣтно и тихо. Пошелъ однажды на люди, долго пропадалъ тамъ, и вернулся разбитый, печальный. Долго плакалъ, долго порывался что-то сказать—и такъ, не сказавши, и умеръ.

Вотъ длинный рядъ маленькихъ, осѣвшихъ бугорковъ. Кто тамъ?

Ахъ, да. Это дѣти. Маленькія, рѣзвыя, шаловливыя надежды. Ихъ было такъ много, и такъ весело и людно было отъ нихъ на душѣ—но одна за одной умерали онѣ.

Какъ много было ихъ, и какъ весело было съ ними на душѣ!

Тихо на кладбищѣ, и печально шелестятъ листьями бѣлыя березки.

* * *

Пусть же воскреснутъ мертвецы! Раскройтесь, угрюмыя могилы, разрушьтесь вы, тяжелые памятники, и раступитесь, о желѣзныя рѣшетки!

Хоть на день одинъ, хоть на мигъ одинъ дайте свободу тѣмъ, кого вы душите своей тяжестью и тьмой.

Вы думаете, они умерли? О, нѣтъ они живы. Они молчаливы, но они живы.

Живы!

Дайте же имъ увидѣть сіяніе голубого, без-

облачнаго неба, вздохнуть чистымъ воздухомъ весны, упиться тепломъ и любовью.

Приди ко мнѣ, мой уснувшій талантъ. Что такъ смѣшно протираешь ты глаза—тебя ослѣпило солнце? Не правда ли, какъ ярко свѣтитъ оно? Ты смѣешься? Ахъ, смѣйся, смѣйся—такъ мало смѣху у людей. Буду съ тобой смѣяться и я. Вонъ летитъ ласточка—полетимъ за нею! Ты отяжелѣлъ въ могилѣ? И что за странный ужасъ вижу я въ твоихъ глазахъ—словно отраженіе могильной тьмы? Нѣтъ, нѣтъ, не надо... Не плачь, Не плачь, говорю я тебѣ.

Вѣдь такъ прекрасна жизнь для воскресшихъ!

А вы, мои маленькія надежды! Какія милыя и смѣшныя личики у васъ! Кто ты потѣшный толстый карапузъ, я не узнаю тебя? И чему ты смѣешься? Или сама могила не устрашила тебя? Тише, мои дѣти, тише. Зачѣмъ ты обижаешь ее—ты видишь, какая она маленькая, блѣденькая и слабая? Живите въ мирѣ—и не кружите меня. Развѣ не знаете вы, что я тоже былъ въ могилѣ и теперь кружится моя голова отъ солнца, отъ воздуха, отъ радости.

Ахъ, какъ прекрасна жизнь для воскресшихъ!

Пришли и вы, величавыя, чудныя сестры. Дайте поцѣловать ваши бѣлыя нѣжныя руки. Что я вижу? Вы несете хлѣбъ? Васъ, нѣжныхъ, женственныхъ и слабыхъ не испугалъ могильный мракъ, и тамъ, подъ этой тяжелой громадой, вы думали о хлѣбѣ для голодныхъ? Дайте поцѣловать мнѣ ваши ножки. Я знаю, куда пойдутъ онѣ сейчасъ, ваши легкія быстрыя ножки, и знаю, что тамъ, гдѣ пройдутъ онѣ, выростутъ цвѣты—дивные благоухающіе цвѣты. Вы зовете съ собой? Пойдемте.

Сюда, мой воскресшій талантъ—что зазѣвался тамъ на бѣгущія облачка? Сюда, мои маленькія, шаловливыя надежды.

Стойте!..

Я слышу музыку. Да не кричи же ты такъ, карапузъ! Откуда эти чудные звуки? Тихіе, строй-

ные, безумно радостные и печальные. О вѣчной жизни говорятъ они.

...Нѣтъ, не пугайтесь. Это сейчасъ пройдетъ. Вѣдь отъ радости я плачу.

Ахъ, какъ прекрасна жизнь для воскресшихъ!

Леонидъ Андреевъ.

ЖАЛОБНАЯ КНИГА.

Лежитъ она, эта книга, въ спеціально построенной для нея конторкѣ на станціи желѣзной дороги. Ключъ отъ конторки «хранится у станціоннаго жандарма», на дѣлѣ же никакого ключа не нужно, такъ какъ конторка всегда отперта. Раскрывайте книгу и читайте:

«Милостивый государь! Проба пера!?

Подъ этимъ нарисована рожица съ длиннымъ носомъ и рожками. Подъ рожицей написано:

«Ты картина, я портретъ, ты скотина, а я нѣтъ. Я—морда твоя».

Подъѣзжая къ сіей станціи и глядя на природу въ окно, у меня слетела шляпа. И. Ярмонкинъ».

«Кто писалъ не знаю, а я дуракъ читаю».

«Оставилъ память начальникъ стола претензій Коловроевъ».

«Приношу начальству мою жалобу на Кондуктора Кучкина за его грубости въ отношеніи моей женѣ. Жена моя вовсе не шумѣла, а напротивъ старалась, чтобъ все было тихо. А также и насчетъ жандарма Клятвина, который меня грубо за плечо взялъ. Жительство имѣю въ имѣніи Андрея Ивановича Ищеева, который знаетъ мое поведеніе. Конторщикъ Самолучшевъ».

«Никандровъ соціалистъ».

«Находясь подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ возмутительнаго поступка... (зачеркнуто). Проѣзжая

черезъ эту станцію, я былъ возмущенъ до глубины души слѣдующимъ... (зачеркнуто). На моихъ глазахъ произошло слѣдующее возмутительное происшествіе, рисующее яркими красками наши желѣзнодорожные порядки... (далѣе все зачеркнуто, кромѣ подписи). Ученикъ 7-го класса Курской гимназіи Алексѣй Зудьевъ».

«Въ ожиданіи отхода поѣзда обозрѣвалъ физіогномію начальника станціи и остался ею весьма недоволенъ. Объявляю о семъ по линіи. Неунывающій дачникъ».

«Я знаю, кто это писалъ. Это писалъ М. Д.»

«Господа! Тельцовскій шулеръ!»

«Жандармиха ѣздила вчера съ буфетчикомъ Костькой за рѣку. Желаемъ всего лучшаго. Не унывай, жандармъ.

Проѣзжая черезъ станцію и будучи голоденъ въ разсужденіи чего бы покушать я не могъ найти постной пищи. Дьяконъ Духовъ».

«Лопай, что даютъ»...

«Кто найдетъ кожаный портсигаръ тотъ пущай отдастъ въ кассу Андрею Егорычу».

«Такъ какъ меня прогоняютъ со службы, будто я пьянствую, то объявляю, что всѣ вы мошенники и воры. Телеграфистъ Козьмодемьянскій».

«Добродѣтелью украшайтесь».

«Катинька, я васъ люблю безумно!»

«Прошу въ жалобной книгѣ не писать постороннихъ вещей. За начальника станціи Ивановъ 7-й».

Хоть ты и седьмой, а дуракъ».

А. П. Чехова.

РАСПЕКЪ.

Пьянаго денщика распекаетъ офицеръ:

— Ахъ, ты скотъ! какъ смѣлъ напиться?

— Не могу знать ваше-скородіе.

— Я тебѣ пить, болвану, не запрещаю, но пей всегда съ умомъ. Ну взгляни на себя! На что ты, мерзавецъ, похожъ? Свинья свиньей!

— Виноватъ, ваше-скородіе.

— Виноватъ! Вотъ посажу тебя, каналью, подъ арестъ, отвыкнешь отъ водки; проморю тебя, негодяя, на хлѣбѣ да на водѣ мѣсяца два,—забудешь, какъ и пить надо... Пить, скотина не умѣешь... Всѣ пьютъ, а до такого подлаго состоянія никто не напивался...

— Не могу знать, ваше-скородіе.

— Да вотъ тебѣ, мерзавцу, близкій примѣръ: вотъ я, вѣдь, тоже пью, а между тѣмъ ты никогда меня такимъ пьянымъ не видалъ...

— Такъ точно ваше-скородіе.

— А почему это?

— Не могу знать, ваше-скородіе.

— Нѣтъ, ты скажи!

— Впились, ваше-скородіе.

— Дуракъ!... Моли Бога, что я такой добрый: другой бы давно тебя, пропойцу, въ ряды отправилъ... Хотѣлось бы мнѣ посмотрѣть, что бы ты заговорилъ, если бы я былъ твой денщикъ, а ты мой офицеръ и если бы я такъ же, какъ ты, напивался?

— А я бы съ такой свиньей, ваше-скородіе, и разговаривать не сталъ бы.

М. Ш—овъ.

Максимъ Горькій.

ПѢСНЯ О СОКОЛѢ.

I.

Высоко въ горы вползъ Ужъ и легъ тамъ въ сыромъ ущельѣ, свернувшись въ узелъ и глядя въ море.

Высоко въ небѣ сіяло солнце, и горы зноемъ дышали во небо, и бились волны внизу о камень...

И по ущелью, во тьмѣ и въ брызгахъ, потокъ стремился навстрѣчу морю, скача чрезъ камни.

Весь въ бѣлой пѣнѣ, сѣдой и сильный, онъ рѣзалъ гору и падалъ въ море, сердито воя.

Вдругъ въ то ущелье, гдѣ Ужъ свернулся, палъ съ неба Соколъ съ разбитой грудью, въ крови на перьяхъ...

Съ короткимъ крикомъ онъ палъ на землю и бился грудью въ безсильномъ гнѣвѣ о твердый камень...

Ужъ испугался, отползъ проворно, но скоро понялъ, что жизни птицы двѣ-три минуты...

Подползъ онъ ближе къ разбитой птицѣ и прошипѣлъ онъ ей прямо въ очи:

— Что умираешь?

— Да, умираю!—отвѣтилъ Соколъ, вздохнувъ глубоко —Я славно пожилъ!.. Я знаю счастье»!.. Я храбро бился!.. Я видѣлъ небо... Ты не увидишь его такъ близко... Эхъ ты, бѣдняга!

— Ну, что же небо?—Пустое мѣсто... Какъ мнѣ тамъ ползать? Мнѣ здѣсь прекрасно... тепло и сыро!

Такъ Ужъ отвѣтилъ свободной птицѣ и усмѣхнулся въ душѣ надъ нею за эти бредни.

И такъ подумалъ: «летай иль ползай, конецъ извѣстенъ: всѣ въ землю лягутъ, все прахомъ будетъ»...

Но Соколъ смѣлый вдругъ встрепенулся, привсталъ немного и по ущелью повелъ очами.

Сквозь сѣрый камень вода сочилась, и было душно въ ущельѣ темномъ и пахло гнилью.

И крикнулъ Соколъ съ тоской и болью, собравъ всѣ силы:

— О, если бъ въ небо хоть разъ подняться!.. Врага прижалъ бы я... къ ранамъ груди и... захлебнулся бъ моей онъ кровью!.. О, счастье битвы!..

А Ужъ подумалъ: «должно быть, въ небѣ и въ самомъ дѣлѣ пожить пріятно, коль онъ такъ стонетъ!..»

И предложилъ онъ свободной птицѣ:—«А ты подвинься на край ущелья и внизъ бросайся.

— Быть можетъ, крылья тебя поднимутъ и поживешь ты еще немного въ твоей стихіи».

И дрогнулъ Соколъ и, слабо крикнувъ, пошелъ къ обрыву, скользя когтями по слизи камня.

И подошелъ онъ, расправилъ крылья, вздохнулъ всей грудью, сверкнулъ очами и... внизъ скатился.

И самъ, какъ камень, скользя по скаламъ, онъ быстро падалъ, ломая крылья, теряя перья...

Волна потока его схватила и, кровь омывши, одѣла въ пѣну, умчала въ море.

А волны моря съ печальнымъ ревомъ о камень бились. И трупа птицы не видно было въ морскомъ пространствѣ.

II.

Въ ущельѣ лежа, Ужъ думалъ долго о смерти птицы, о страсти къ небу.

И вотъ взглянулъ онъ въ ту даль, что вѣчно ласкаетъ очи мечтой о счастьѣ.

— А что онъ видѣлъ, умершій Соколъ, въ пустынѣ этой безъ дна и края? Зачѣмъ такіе, какъ онъ, умерши, смущаютъ душу своею любовью къ полетамъ въ небо? Что имъ тамъ ясно? А я вѣдь могъ бы узнать все это, взлетѣвши въ небо хоть ненадолго.

Сказалъ и—сдѣлалъ. Въ кольцо свернувшись онъ прянулъ въ воздухъ и узкой лентой блеснулъ на солнцѣ.

Рожденный ползать—летать не можетъ!.. Забывъ объ этомъ, онъ палъ на камни, но не убился, а разсмѣялся...

— Такъ вотъ въ чемъ прелесть полетовъ въ небо! Она въ паденьѣ!.. Смѣшныя птицы! Земли не зная, на ней тоскуя, онѣ стремятся высоко въ небо и ищутъ жизни въ пустынѣ знойной. Тамъ только пусто. Тамъ много свѣта, но нѣтъ тамъ пищи и нѣтъ опоры живому тѣлу. Зачѣмъ же гордость? Зачѣмъ укоры? Затѣмъ, чтобъ ею прикрыть безумство своихъ желаній и скрыть за ними свою негодность для дѣла жизни? Смѣшныя птицы!.. Но не обманутъ теперь ужъ больше меня ихъ рѣчи! Я самъ все знаю! Я—видѣлъ небо... Взлеталъ въ него я, его измѣрилъ, позналъ паденье, но не разбился, а только крѣпче въ себя я вѣрю. Пусть тѣ, что землю любить не могутъ, живутъ обманомъ. Я знаю правду. И ихъ призывамъ я не повѣрю. Земли творенье—землей живу я.

И онъ свернулся въ клубокъ на камнѣ, гордясь собою.

Блестѣло море, все въ яркомъ свѣтѣ, и грозно волны о берегъ бились.

Въ ихъ львиномъ ревѣ гремѣла пѣсня о гордой птицѣ, дрожали скалы отъ ихъ ударовъ, дрожало небо отъ грозной пѣсни.

«Безумству храбрыхъ поемъ мы славу!

«Безумство храбрыхъ—вотъ мудрость жизни». О, смѣлый Соколъ! Въ бою съ врагами истекъ ты кровью... Но будетъ время—и капли крови твоей горячей, какъ искры, вспыхнутъ во мракѣ жизни и много смѣлыхъ сердецъ зажгутъ безумной жаждой свободы, свѣта!

«Пускай ты умеръ!... Но въ пѣснѣ смѣлыхъ и сильныхъ духомъ всегда ты будешь живымъ примѣромъ, призывомъ гордымъ къ свободѣ, къ свѣту!

«Безумству храбрыхъ поемъ мы пѣсню!..»

Максимъ Горькій.

ПОРОГЪ

Я вижу громадное зданіе. Въ передней стѣнѣ узкая дверь раскрыта настежь; за дверью угрюмая мгла.

Передъ высокимъ порогомъ стоитъ дѣвушка... русская дѣвушка. Морозомъ дышитъ та непроглядная мгла и вмѣстѣ съ леденящей струей выносится изъ глубины медлительный, глухой голосъ:

«О ты, что желаешь переступить этотъ порогъ, знаешь ли ты, что тебя ожидаетъ?»

— Знаю, отвѣчаетъ дѣвушка.

«Холодъ, голодъ, ненависть, насмѣшки, презрѣніе, обида, тюрьма, болѣзнь, самая смерть?»

— Знаю.

«Отчужденіе полное, одиночество?»

— Знаю... Я готова. Я готова перенести всѣ страданія, всѣ удары.

«Не только отъ враговъ, но и отъ родныхъ, отъ друзей?»

— Да... и отъ нихъ.

«Хорошо. Ты готова на жертву?»

— Да.

«На безымянную жертву? Ты погибнешь,—и никто... никто не будетъ даже знать, чью память почтить.»

— Мнѣ не нужно ни благодарности, ни сожалѣнія. Мнѣ не нужно имени.

«Готова ли ты... на преступленіе?»

Дѣвушка потупила голову.

— И на преступленіе готова...

Голосъ не тотчасъ возобновилъ свои вопросы.

«Знаешь ли ты, заговорилъ онъ наконецъ, что ты можешь разувѣриться въ томъ, чему вѣришь теперь, можешь понять, что обманулась и даромъ погубила свою молодую жизнь?»

— Знаю и это. И все-таки я хочу войти.

«Войди!»

Дѣвушка перешагнула порогъ—и тяжелая завѣса упала за нею.

— «Дура!» проскрежеталъ кто-то сзади.

— «Святая!» пронеслось откуда-то въ отвѣтъ.

И. С. Тургенев.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ РАЗСКАЗА «ВЪ ОВРАГѢ».

...Ребенка (Никифора) свезли въ земскую больницу и къ вечеру онъ умеръ тамъ. Липа не стала дожидаться, когда за ней пріѣдутъ, а завернула покойника въ одѣяльце и понесла домой.

Больница, новая, недавно построенная, съ большими окнами, стояла высоко на горѣ; она вся свѣтилась отъ заходившаго солнца, и, казалось, горѣла внутри. Внизу былъ поселокъ. Липа спустилась по дорогѣ и, не доходя до поселка, сѣла у маленькаго пруда. Какая-то женщина привела лошадь поить и лошадь не пила.

— Чего жъ тебѣ еще?—говорила женщина тихо, въ недоумѣніи.—Чего жъ тебѣ?

Мальчикъ въ красной рубахѣ, сидя у самой воды, мылъ отцовскіе сапоги. И больше ни души не было видно ни въ поселкѣ, ни на горѣ.

— Не пьетъ...—сказала Липа, глядя на лошадь.

Но вотъ женщина и мальчикъ съ сапогами ушли, и уже никого не было видно. Солнце легло спать и укрылось багряной золотой парчой, и длинныя облака, красныя и лиловыя, сторожили его покой, протянувшись по небу. Гдѣ-то далеко, неизвѣстно гдѣ, кричала выпь, точно корова, запертая въ сараѣ, заунывно и глухо. Крикъ этой таинственной птицы слышали каждую весну, но не знали, какая она и гдѣ живетъ. Наверху въ больницѣ, у самаго пруда въ кустахъ, за поселкомъ и кругомъ въ полѣ заливались соловьи. Чьито года считала кукушка и все сбивалась со счета, и опять начинала. Въ прудѣ сердито, надрываясь, перекликались лягушки, и даже можно было разобрать слова: «И ты такова! И ты такова!» Какой былъ шумъ! Казалось, что эти твари кричали и пѣли нарочно, чтобы никто не спалъ въ этотъ весенній вечеръ, чтобы всѣ, даже сердитыя лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: вѣдь жизнь дается только одинъ разъ!

На небѣ свѣтилъ серебряный полумѣсяцъ, было много звѣздъ. Липа не помнила, какъ долго она сидѣла у пруда, но когда встала и пошла, то въ поселкѣ всѣ уже спали и не было ни одного огня. До дома было, вѣроятно, верстъ двѣнадцать, но силъ не хватало, не было соображенія, какъ идти; мѣсяцъ блестѣлъ то спереди, то справа, и кричала все та же кукушка, уже осипшимъ голосомъ, со смѣхомъ, точно дразнила: ой гляди, собьешься съ дороги! Липа шла быстро, потеряла съ головы платокъ... Она глядѣла на небо и думала о томъ, гдѣ теперь душа ея мальчика: идетъ ли слѣдомъ за ней, или носится тамъ вверху, около звѣздъ, и уже не думаетъ о своей матери? О, какъ одиноко въ полѣ ночью, среди этого пѣнія, когда самъ не можешь пѣть, среди непрерывныхъ криковъ радости, когда самъ не

можешь радоваться, когда съ неба смотритъ мѣсяцъ, тоже одинокій, которому все равно—весна теперь или зима, живы люди или мертвы... Когда на душѣ горе, то тяжело безъ людей. Если бы съ ней была мать, или какой-нибудь мужикъ!..

— Бу-у!—кричала выпь,—Бу-у!

И вдругъ ясно послышалась человѣческая рѣчь.

— Запрягай, Вавила!

Впереди, у самой дороги, горѣлъ костеръ; пламени уже не было, свѣтились одни красные уголья. Слышно было, какъ жевали лошади. Въ потемкахъ обозначились двѣ подводы,—одна съ бочкой, другая пониже, съ мѣшками, и два человѣка: одинъ велъ лошадь, чтобы запрягать, другой стоялъ около костра неподвижно, заложивъ назадъ руки. Заворчала около подводы собака. Тотъ, который велъ лошадь, остановился и сказалъ:

— Словно кто идетъ по дорогѣ.

— Шарикъ, молчи!—крикнулъ другой на собаку.

И по голосу можно было понять, что этотъ другой былъ старикъ. Липа остановилась и сказала:

— Богъ въ помощь!

— Старикъ подошелъ къ ней и отвѣтилъ не сразу:

— Здравствуй!

— Ваша собачка не порветъ, дѣдушка?

— Ничего, иди. Не тронетъ.

— Я въ больницѣ была,—сказала Липа, помолчавъ.—Сыночекъ у меня тамъ померъ. Вотъ домой несу.

Должно-быть, старику было непріятно слышать это, потому что онъ отошелъ и проговорилъ торопливо:

— Это ничего, милая, Божья воля. Копаешься, парень!—сказалъ онъ, обернувшись къ спутнику.—Ты бы поживѣй.

— Твоей дуги нѣту, — сказалъ парень. — Не видать.

— Прямой ты Вавила.

Старикъ поднялъ уголекъ, раздулъ—освѣтились только его глаза и носъ, потомъ, когда отыскали дугу, подошелъ съ огнемъ къ Липѣ и взглянулъ на нее: и взглядъ его выражалъ состраданіе и нѣжность.

— Ты мать, — сказалъ онъ. — Всякой матери свое дитё жалко.

И при этомъ вздохнулъ и покачалъ головой. Вавила бросилъ что-то на огонь, притопталъ—и тотчасъ же стало очень темно; видѣніе исчезло,— и попрежнему было только поле, небо со звѣздами, да шумѣли птицы, мѣшая другъ другу спать. И коростель кричалъ, казалось, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ костеръ.

Но прошла минута, и опять были видны и подводы, и старикъ, и длинный Вавила. Телѣги скрипѣли, выѣзжая на дорогу.

— Вы святые?—спросила Липа у старика.

— Нѣтъ. Мы изъ Фирсанова.

— Ты давеча взглянулъ на меня, а сердце мое помягчило. И парень тихій. Я и подумала: это, должно, святые.

— Тебѣ далече ли?

— Въ Уклеево.

— Садись, подвеземъ до Кузьменокъ. Тебѣ тамъ прямо, намъ влѣво.

Вавила сѣлъ на подводу съ бочкой, старикъ и Липа сѣли на другую. Поѣхали шагомъ, Вавила впереди.

— Мой сыночекъ весь день мучился,—сказала Липа.—Глядитъ своими глазочками и молчитъ, и хочетъ сказать и не можетъ. Господи батюшка, Царица Небесная! Я съ горя такъ все и падала на полъ. Стою и упаду возлѣ кровати. И скажи мнѣ, дѣдушка, зачѣмъ маленькому передъ смертью мучиться? Когда мучается большой человѣкъ, мужикъ или женщина, то грѣхи прощаются, а зачѣмъ маленькому, когда у него нѣтъ грѣховъ? Зачѣмъ?

— А кто жъ его знаетъ! —отвѣтилъ старикъ.

Проѣхали съ полчаса молча.

— Всего знать нельзя, зачѣмъ да какъ,—сказалъ старикъ. Птицѣ положено не четыре крыла, а два, потому что и на двухъ летѣть способно; такъ и человѣку положено знать не все, а только половину или четверть. Сколько надо ему знать, чтобъ прожить, столько и знаетъ.

— Мнѣ, дѣдушка, идти пѣшкомъ легче. А теперь сердце трясется.

— Ничего. Сиди.

Старикъ зѣвнулъ и перекрестилъ ротъ.

— Ничего...—повторилъ онъ.—Твое горе съ полъ-горя. Жизнь долгая,—будетъ еще хорошаго и дурного, всего будетъ. Велика матушка Россія!—сказалъ онъ и поглядѣлъ въ обѣ стороны.—Я во всей Россіи былъ и все въ ней видѣлъ, и ты моему слову вѣрь, милая. Будетъ и хорошее, будетъ и дурное. Я ходокомъ въ Сибирь ходилъ, и на Амурѣ былъ, и на Алтаѣ, и въ Сибирь переселился, землю тамъ пахалъ, соскучился потомъ по матушкѣ Россіи и назадъ вернулся въ родную деревню. Назадъ въ Россію пѣшкомъ шли: и помню плывемъ мы на паромѣ, а я худой-худой, рваный весь, босой, озябъ, сосу корку, а проѣзжій господинъ тутъ какой-то на паромѣ,—если померъ, то царство ему небесное,—глядитъ на меня жалостно, слезы текутъ. «Эхъ, говоритъ, хлѣбъ твой черный, дни твои черные...» А домой пріѣхалъ, какъ говорится, ни кола, ни двора; баба была, да въ Сибири осталась, закопали. Такъ въ батракахъ живу. А что жъ? Скажу тебѣ: потомъ было и дурное, было и хорошее. Вотъ и помирать не хочется, милая, еще бы годочковъ двадцать пожилъ; значитъ, хорошаго было больше. А велика матушка Россія—сказалъ онъ и опять посмотрѣлъ въ стороны и оглянулся.

— Дѣдушка,—спросила Липа:—когда человѣкъ помретъ, то сколько дней его душа потомъ по землѣ ходитъ?

— А кто жъ его знаетъ! Вотъ спроси Вавилу,—

онъ въ школу ходилъ. Теперь всему учатъ. Вавила!—позвалъ старикъ.

— А!

— Вавила, какъ человѣкъ помретъ, сколько дней его душа по землѣ ходитъ?

Вавила остановилъ лошадь и тогда ужъ отвѣтилъ:

— Девять дёнъ. Мой дядя Кирилла померъ, такъ его душа въ избѣ нашей жила потомъ тринадцать денъ.

— Почему ты знаешь?

— Тринадцать дёнъ въ печкѣ стучало.

— Ну, ладно. Трогай,—сказалъ старикъ, и видно было, что ничему онъ не вѣрилъ.

Около Кузьменокъ подводы свернули на шоссе, а Липа пошла дальше. Уже свѣтало. Когда она спускалась въ оврагъ, то уклеевскія избы и церковь прятались въ туманѣ. Было холодно, и казалось ей, что кричитъ все та же кукушка.

А. П. Чеховъ.

РУССКІЙ ЯЗЫКЪ.

Во дни сомнѣній, во дни тягостныхъ раздумій о судьбахъ моей родины,—ты одинъ мнѣ поддержка и опора, о, великій, могучій, правдивый и свободный русскій языкъ!—Не будь тебя—какъ не впасть въ отчаяніе, при видѣ всего, что совершается дома?—Но нельзя вѣрить, чтобы такой языкъ не былъ данъ великому народу!

И. С. Тургеневъ.

Глѣбъ Успенскій.

СЧАСТЛИВѢЙШІЯ МИНУТЫ ВЪ ЖИЗНИ МИХАИЛА ИВАНЫЧА.

Первый поѣздъ гремитъ по новымъ рельсамъ, оставляя за собою всеобщій испугъ простыхъ деревенскихъ людей и клубы дыма, который долго копошится среди придорожныхъ луговъ или комомъ застреваетъ въ густыхъ вѣтвяхъ лѣса.

Говоръ и шумъ наполняютъ вагонъ третьяго класса; но среди этого шума и говора самый крикливый голосъ, самая смѣлая рѣчь принадлежитъ Михаилу Иванычу, который переживаетъ поистинѣ счастливѣйшія минуты. По мѣрѣ того, какъ родной городъ остается все дальше и дальше, планы насчетъ Петербурга, насчетъ дѣлъ, которыя должны быть сдѣланы въ немъ, получаютъ все большую прочность и широту и заставляютъ Михаила Иваныча заламывать картузъ на ухо, подпирать рукою бокъ и разрумянивать свои впалыя худыя и черныя щеки посредствомъ буфетовъ, не забывая поминутно предъявлять права человѣка, который никого не грабилъ и не грабитъ.

Во всѣхъ проявленіяхъ Михаиломъ Иванычемъ его правъ и надеждъ принималъ весьма ревностное участіе нѣкоторый сильно подгулявшій

мужикъ, завербованный имъ въ поклонники чуть ли не съ первой станціи. Этотъ человѣкъ всегда доказывалъ полную охоту заорать на весь вагонъ о справедливости того, что говоритъ Михаилъ Иванычъ.

— Ай, намъ на пятачекъ-то выпить нельзя?— обращается къ нему Михаилъ Иванычъ, когда поѣздъ подходитъ къ станціи.—Василей! Неужто не разрѣшаютъ намъ, мужикамъ, этого? а? Вася? А не будетъ ли мужикъ-то почище?

— Почище, братъ!—зѣваетъ поклонникъ!—почище!

— А Вася?—продолжаетъ Михаилъ Иванычъ, обнявшись съ мужикомъ и подходя къ буфету:—дозволяютъ мужикамъ буфету? Какъ ты думаешь? за свои, примѣрно, деньги, ежели бутенброду мужикамъ бы? а?

— Бутенброду!—грозно восклицаетъ мужикъ, вламываясь въ толпу у буфета, но увидавъ господъ, пугается, снимаетъ шапку и бурчитъ:

— Дозвольте бутенброду, васкбродь!..

Михаилъ Иванычъ обиженъ такимъ поступкомъ мужика и долго ругаетъ его за малодушіе.

— За свои деньги да оробѣлъ!—укоризненно говоритъ онъ, отойдя отъ него въ сторону.—И дуракъ ты, сиволдай!..

— Голубчикъ! —умиленно разѣвая лохматый ротъ, винится мужикъ.—Милашка!..

— Ай, у нихъ деньги-то цѣннѣе нашихъ? Свинья ты, сволочь!

Мужикъ шатается и смотритъ на землю, оставивъ безъ вниманія собственную бороду и усы, которые носятъ обильные слѣды позорно добытаго бутерброда. Онъ виноватъ и готовъ чѣмъ угодно искупить свою вину.

Случаи къ такому искупленію представляются часто, поминутно, ибо Михаилъ Иванычъ тоже поминутно дѣлаетъ публичныя предъявленія своихъ плановъ или правъ, такъ какъ и къ этому тоже случаевъ довольно.

Какая-то барыня заняла два мѣста, ѣстъ слад-

кій пирожокъ и презрительнымъ тономъ разсказываетъ сосѣду-барину о томъ, что она никогда не ѣздила въ третьемъ классѣ, что быть съ мужиками она не привыкла, потому что она выросла въ знатномъ семействѣ, за ней ухаживали генералы, у ней былъ очаровательный голосъ. Какъ она пѣла!..

Этого достаточно, чтобы провинившійся мужикъ понадобился Михаилу Иванычу.

— Вася! Спой! Мужицкую...

— Спѣть, что ли?

— Громыхни, другъ! Вотъ барыня тоже очень хорошо поетъ! Спой! Нашу! Чево?

— Нашу. Э-а-ахъ да-а...

Мужикъ разѣвалъ ротъ и горло во всю мочь.

— Кондукторъ, кондукторъ!—кричатъ баринъ и барыня.

— Кондукторъ!—тоже вопіетъ Михаилъ Иванычь.—Пожалуйте! Разберите дѣло!..

— Что такое?—спрашиваетъ прибѣжавшій кондукторъ.

— Помилуйте! Пьяный мужикъ кричитъ Богъ знаетъ что! Силъ нѣтъ!

— Онъ запѣлъ! — вступается Михаилъ Иванычъ.—Мы по своему, по-мужичьи, поемъ. Ежели вамъ угодно, вы по-господски спойте. Чего же-съ? Громыхните ваше пѣніе... а мы наше... Г-нъ кондукторъ! Такъ я говорю? Гдѣ объ этомъ вывѣшено, чтобы не пѣть?..

Кондукторъ рѣшилъ дѣло въ пользу Михаила Иваныча, присовокупляя, что въ правилахъ нѣтъ пункта, чтобы не пѣть, и предлагаетъ барынѣ перейти во второй классъ.

— Пожалуйте во второй классъ!—прибавляетъ Михаилъ Иванычъ отъ себя.—Пожалуйте!

— Па-ажальте!..—бурчитъ мужикъ.

— Тамъ вамъ не будетъ безпокойства... а тутъ мужики дураки... Черезъ нихъ вы получаете вашъ вредъ. Потому мы горластые, ровно черти... Вась! Громыхни-ко!...

Хохотъ и гамъ на весь вагонъ.

— Что орешь, дуракъ!—вмѣшивается какая-то новая фигура, и тоже изъ мужиковъ.—Барыня сладкіе пирожки кушаетъ, а ты орешь?

— Сладкіе?—перебиваетъ Михаилъ Иванычъ.—Василій! Чуешь?.. Попробовать мужикамъ сладкаго! Или мы не люди?.. Почему намъ сахарнаго не отвѣдать? Пирожникъ!..

— Эй!.. Пирожникъ!.. вторитъ мужикъ.

— Давай мужикамъ сахарнаго на пятачекъ!.. Барыня? почемъ платили?

— Кондукторъ! Кондукторъ!

— Кондукторъ!—кричитъ Михаилъ Иванычъ и мужикъ вмѣстѣ.—Къ разбору пожалуйте!

Является кондукторъ, узнаетъ, въ чемъ дѣло,—и Михаилъ Иванычъ снова правъ, ибо нигдѣ «не вывѣшено объявленія насчетъ того, чтобы не спрашивать—почемъ пирожки». Многочисленность и быстрота побѣдъ до такой степени переполняютъ гордостью душу Михаила Иваныча, что унять его отъ безпрерывныхъ предъявленій правъ рѣшительно нѣтъ никакой возможности.

— Позвольте васъ просить!—упрашиваетъ его, наконецъ, кондукторъ.—Сдѣлайте одолженіе, прекратите пѣніе!

— Не вывѣшен!..—начинаетъ дебоширничаетъ мужикъ, но Михаилъ Иванычъ немедленно зажимаетъ ему ротъ рукою и говоритъ:

— Цыцъ! Васька! Ни-ни-ни!.. коли честно, благородно,—извольте! Ма-ллчи!.. «Сдѣлайте одолженіе,» «будьте такъ добры,» это другое дѣло!.. Это, братъ, другого калибру!.. Извольте, съ охотой!..

И у буфета слѣдующей станція можно снова видѣть фигуру мужика и Михаила Иваныча.

— Вася! Милый!—говоритъ Михаилъ Иванычъ, стараясь глядѣть прямо въ осовѣлыя отъ водки глаза мужика.—Чуялъ, что-ли?.. «Вы...» «сдѣлайте милость,» ну не по скулѣ же!.. Понимай-ко-сь!..

— Гол-лубчикъ! — лопочетъ мужикъ, обнимая Михаила Иваныча за шею и хороня на его груди безсильную, хмельную голову...

Глѣбъ Успенскій.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ «МЕРТВЫЯ ДУШИ».

Бричка между тѣмъ поворотила въ болѣе пустынныя улицы; скоро потянулись одни длинные деревянные заборы, предвѣщавшіе конецъ города. Вотъ уже и мостовая кончилась, и шлагбаумъ, и городъ назади, и ничего нѣтъ—и опять въ дорогѣ. И опять по обѣимъ сторонамъ столбового пути пошли вновь писать версты, станціонные смотрители, колодцы, обозы, сѣрыя деревни съ самоварами, бабами и бойкимъ бородатымъ хозяиномъ, бѣгущимъ изъ постоялаго двора съ овсомъ въ рукѣ; пѣшеходъ въ протертыхъ лаптяхъ, плетущійся за 800 верстъ; городишки, выстроенные живьемъ, съ деревянными лавчонками, мучными бочками, лаптями, калачами и прочей малюзгой, рябые шлагбаумы, чинимые мосты, поля неоглядныя и по ту сторону, и по другую, помѣщичьи рыдваны, солдатъ верхомъ на лошади, везущій зеленый ящикъ съ свинцовымъ горохомъ и подписью: «такой-то артиллерійской батареи», зеленыя, желтыя и свѣжеразрытыя черныя полосы, мелькающія по степямъ, затянутая вдали пѣсня, сосновыя верхушки въ туманѣ, пропадающій далече колокольный звонъ, вороны, какъ мухи, и горизонтъ безъ конца... Русь! Русь! вижу тебя, изъ моего чуднаго, прекраснаго далека тебя вижу. Бѣдно, разбросанно и непріютно въ тебѣ; не развеселятъ, не испугаютъ взоровъ дерзкія дива природы, вѣнчанныя дерзкими дивами искусства,—города съ многооконными, высокими дворцами, вросшими въ утесы, картинныя дерева и плющи, вросшіе въ домы, въ шумѣ и въ вѣчной пыли водопадовъ; не опрокинется назадъ голова посмотрѣть на громоздящіяся безъ конца надъ нею и въ вышинѣ каменныя глыбы; не блеснутъ сквозь наброшенныя одна на другую темныя арки, опутанныя виноградчыми сучьями, плющами и несмѣтными милліонами дикихъ розъ, не блеснутъ сквозь нихъ вдали вѣчныя линіи сіяющихъ горъ,

несущихся въ серебряныя, ясныя небеса. Открыто-пустынно и ровно все въ тебѣ; какъ точки, какъ значки, непримѣтно торчатъ среди равнинъ невысокіе твои города: ничто не обольститъ и не не очаруетъ взора. Но какая же непостижимая тайная сила влечетъ къ тебѣ? Почему слышится и раздается немолчно въ ушахъ твоя тоскливая, несущаяся по всей длинѣ и ширинѣ твоей, отъ моря до моря, пѣсня? Что̀ въ ней, въ этой пѣснѣ? Что̀ зоветъ и рыдаетъ, и хватаетъ за сердце? Какіе звуки болѣзненно лобзаютъ и стремятся въ душу, вьются около моего сердца? Русь! чего же ты хочешь отъ меня? Какая непостижимая связь таится между нами? Что глядишь ты такъ, и зачѣмъ все, что̀ ни есть въ тебѣ, обратило на меня полныя ожиданія очи?.. И еще, полный недоумѣнія, неподвижно стою я, а уже главу осѣнило грозное облако, тяжелое грядущими дождями, и онѣмѣла мысль предъ твоимъ пространствомъ. Что̀ пророчитъ сей необъятный просторъ? Здѣсь ли, въ тебѣ ли не родиться безпредѣльной мысли, когда ты сама безъ конца? Здѣсь ли не быть богатырю, когда есть мѣсто, гдѣ развернуться и пройтись ему? И грозно объемлетъ меня могучее пространство, страшною силою отразясь во глубинѣ моей; неестественной властью освѣтились мои очи... У, какая сверкающая, чудная, незнакомая землѣ даль! Русь...

Н. В. Гоголь.

РАЗГОВОРЪ ЧЕЛОВѢКА СЪ СОБАКОЙ.

Была лунная, морозная ночь. Алексѣй Иванычъ Романсовъ сбилъ съ рукава зеленаго чортика, отворилъ осторожно калитку и вошелъ во дворъ.

— Человѣкъ, — философствовалъ онъ, обходя помойную яму и балансируя,—есть прахъ, миражъ, пепелъ... Павелъ Николаичъ—губернаторъ, но и онъ пепелъ. Видимое величіе его—мечта, дымъ... Дунуть разъ—и нѣтъ его!

— Рррр...—донеслось до ушей философа.

Романсовъ взглянулъ въ сторону и въ двухъ шагахъ отъ себя увидѣлъ громадную черную собаку изъ породы степныхъ овчарокъ и ростомъ съ добраго волка. Она сидѣла около дворницкой будки и позвякивала цѣпью. Романсовъ поглядѣлъ на нее, подумалъ и изобразилъ на своемъ лицѣ удивленіе. Затѣмъ онъ пожалъ плечами, покачалъ головой и грустно улыбнулся.

— Рррр...—повторила собака.

— Нне-понимаю, развелъ руками Романсовъ.— И ты... ты можешь рычать на человѣка? А? Первый разъ въ жизни слышу... Побей Богъ... Да нешто тебѣ неизвѣстно, что человѣкъ есть вѣнецъ мірозданія? Ты погляди... Я подойду къ тебѣ... Гляди вотъ... Вѣдь я человѣкъ? Какъ по твоему? Человѣкъ я или не человѣкъ? Объясняй!

— Рррр... Гавъ!

— Лапу!—протянулъ Романсовъ собакѣ руку.— Лапу! Не даете? Не желаете? И не нужно. Такъ и запишемъ. А пока позвольте васъ по мордѣ... Я любя...

— Гавъ! Гавъ! Рррр... гавъ! Ававъ...

— Ааа... ты кусаться? Очень хорошо, ладно. Такъ и будемъ помнить. Значитъ. тебѣ плевать на то, что человѣкъ есть вѣнецъ мірозданія... царь животныхъ? Значитъ, изъ этого слѣдуетъ, что и Павла Николаича ты укусить можешь? Да? Передъ Павломъ Николаичемъ всѣ ницъ падаютъ, а тебѣ— что онъ что другой предметъ—все равно? Такъ ли я тебя понимаю? Ааа... Такъ, стало быть, ты соціалистъ? Постой, ты мнѣ отвѣчай... Ты соціалистъ?

— Рррр... гавъ! гавъ!

— Постой, не кусайся... О чемъ бишь, я?... Ахъ да, насчетъ пепла. Дунетъ и—нѣтъ его! Пфф!... А для чего живемъ, спрашивается? Родимся въ болѣзняхъ матери, ѣдимъ, пьемъ, науки проходимъ, помираемъ... а для чего все это? Пепелъ! Ничего не стоитъ человѣкъ! Ты вотъ собака и ничего не понимаешь, а ежели бы ты могла... за-

лѣзть въ душу! Ежели бы ты могла въ психологію проникнуть.

Романсовъ покрутилъ головой и сплюнулъ!...

— Грязь... Тебѣ кажется, что я, Романсовъ, коллежскій секретарь... царь природы... Ошибаешься! Я тунеядецъ, взяточникъ, лицемѣръ!.. Я гадъ!

Алексѣй Иванычъ ударилъ кулакомъ себѣ по груди и заплакалъ.

— Наушникъ, шептунъ... Ты думаешь, что Егорку Корнюшкина не черезъ меня прогнали? А? А кто, позвольте васъ спросить, комитетскіе двѣсти рублей зажилилъ, да на Сургучева свалилъ? Нешто не я? Гадъ, фарисей... Іуда! Подлипала, лихоимецъ... сволочь!

Романсовъ вытеръ рукавомъ слезы и зарыдалъ.

— Кусай! Ѣшь! Никто отродясь мнѣ путнаго слова не сказалъ... Всѣ только въ душѣ подлецомъ считаютъ, въ глаза, кромѣ хваленій да улыбокъ—ни-ни! Хоть бы разъ кто по мордѣ съѣздилъ да выругалъ! Ѣшь, песъ! Кусай! Рррви анаѳему! Лопай предателя.

Романсовъ покачнулся и упалъ на собаку.

— Такъ именно такъ! Рви мордализацію! Не жалко! Хоть больно, а не щади. На и руки кусай! Ага! кровь течетъ! Такъ тебѣ и нужно, шмерцу! Такъ, Мерси, Жучка... или какъ тебя? Мерси... Рви и шубу. Все одно—взятка... Продалъ ближняго и купилъ на вырученныя деньги шубу... И фуражка съ кокардой тоже... Однако, о чемъ, бишь, я?.. Пора идти... Прощай, собачечка... шельмочка...

— Рррр...

Романсовъ погладилъ собаку и, давъ ей еще разъ укусить за икру, запахнулся въ шубу и пошатываясь побрелъ къ своей двери...

Проснувшись на другой день въ полдень, Романсовъ увидѣлъ нѣчто необычайное. Голова, руки и ноги его были въ повязкахъ. Около кровати стояли заплаканная жена и озабоченный докторъ.

А. П. Чеховъ.

А. Серафимовичъ.

У ОБРЫВА.

ОТРЫВОКЪ.

Уже посинѣло надъ далекимъ поворотомъ рѣки, надъ желтѣющими песками, надъ обрывистымъ берегомъ, надъ примолкшимъ на той сторонѣ лѣсомъ.

Тускнѣли звуки, меркли краски, и лицо земли тихонько затягивалось дымкой покоя, усталости подъ спокойнымъ, глубоко синѣвшимъ, съ рѣдкими бѣлыми звѣздами, небомъ.

Баржа и лодка возлѣ нея, понемногу терявшія рѣзкость очертаній, неясно и темно рисовались у берега. Отражаясь и дробясь багровымъ отблескомъ, у самой воды горѣлъ костеръ, и поплескивалъ на шипѣвшіе уголья сбѣгавшей пѣной подвѣшенный котелокъ, ползали и шевелились, ища чего-то по узкой полосѣ прибрежнаго песку, длинныя тѣни, и задумчиво возвышался обрывъ, смутно краснѣя глиной.

Было тихо, и эту тишину наполняло немолчное роптаніе бѣгущей воды, не прерывающійся шопотъ, безпокойный и торопливый, то сонный и затихающій, то задорный и насмѣшливый, но рѣка была спокойна, и свѣтлѣющая поверхность не оскорблялась ни одной морщиной.

Всплескъ рыбы, или крикъ ночной птицы, или шорохъ осыпающагося песку, или едва уловимый шумъ пароходнаго колеса, или почудилось, —но что-то принеслось издалека. И снова дремотное, невнятное шептаніе, то замирающее и сонное, то встрепенувшееся и торопливое, и свѣтлый, ничѣмъ ненарушимый покой рѣки подъ все густѣющей синевой надвигающейся ночи.

Уже потонулъ въ темнѣющей синевѣ и не сталъ видимъ лѣсъ, и поворотъ рѣки, и дальніе пески, только вода попрежнему поблескивала, но уже чернымъ, вороненымъ блескомъ, и звѣзды въ ней бездонно повисли, яркія и безчисленныя.

Какъ будто кто-то задумчиво безъ словъ пѣлъ, и не было слышно голоса, и только представлялась потонувшая въ ночной синевѣ рѣка, и костеръ, и смутный обрывъ, и въ темной глубинѣ чуть зыблемыя звѣзды.

Тонкій шемящій крикъ пронесся надъ рѣкой.

Опять тихо, задумчиво-сумрачно, снова непрерывающійся безпокойно-торопливый шорохъ-шопотъ бѣгущей воды. Молчалъ въ наступавшей со всѣхъ сторонъ темнотѣ смутно подымающійся обрывъ, молчала степь за нимъ. Котелокъ лѣниво вскипалъ, сонно подергиваясь пѣной.

Тонкій крикъ повторялся противъ, надъ рѣкой. Водяной игралъ, а, можетъ быть, летѣла надъ самой водой невидимая птица,—нельзя было сказать. Ночь тѣснилась со всѣхъ сторонъ, молчаливая и темная.

А. Серафимовичъ.

НА ГОРОДСКОЙ ПЛОЩАДИ.

Посвящаю жителямъ города Приволжска.

На лучшей площади Приволжска, какъ плѣнница, за рѣшеткой, охраняемая четырьмя фонарями, стоитъ на гранитномъ пьедесталѣ фигура богини Кліо.

— Эй! паштенный!—услышалъ я чей-то голосъ.

Я поднялъ голову. На лѣстницѣ, приставленной къ фонарю, стоялъ солдатъ. Онъ чистилъ стекла въ фонарѣ.

— Начто на рѣшетку становишься? Не приказано.

— Я снялъ ногу.

— Дьяволъ! Пра-дьяволъ!—бурчитъ солдатъ,—занапрасно зажигай.

— Кого это ты ругаешь—спросилъ я.

— Да вотъ чорта-то! Прости Господи!—Онъ указалъ на Кліо.—Занапрасно зажигай.

— Не знаешь ли, милый, зачѣмъ она тутъ поставлена?—спросилъ я.

— Нешто вы не здѣшній?

— Нѣтъ, пріѣзжій.

— Для чего? Извѣстно, для чего! Для пожарной команды.

— Какъ для пожарной команды?!

— Какъ? Такъ и для пожарной. Кармазиной прозывается.

— Кармазина?

— Кармазина. Чтобъ, значитъ, кругъ ее скакать. Губернаторъ тоже бываетъ. Многіе одобряютъ.

— Зачѣмъ же скакать?

— Какъ зачѣмъ? Извѣстно, какъ теперича тревога фальшивая бываетъ временемъ. Ну, сичасъ брамбестеръ командовать. Значитъ, ѣхать къ Кармазиной.

— И ѣдутъ?

— Ѣдутъ. Тоже вѣдь начальство, а самъ отъ выѣденнаго яйца не стоитъ.

— Кто, Кармазина-то?

— Нѣтъ, брамбестеръ,—Кармазина что?! Кармазина како начальство! Ей честь тоже не лучше нашего.

— А это кто?—спрашиваю я, показывая на маленькій бюстъ, стоящій въ нишѣ, сдѣланной въ гранитномъ пьедесталѣ.

— Это, слышь, любовникъ.

— Кармазиной-то?

— Ея. Хорошенько-то не знаю. Я дальный, страханскій.

Солдатъ ушелъ.

Вотъ идетъ какой-то господинъ съ дамой.

— Ну, какъ вамъ нравится нашъ городъ?—спрашиваетъ онъ спутницу.

— Tout est brule?.. Николай Петровичъ! Кому этотъ памятникъ?

— Э... писателю одному. Позвольте, какъ его фамилія-то?... на К начинается. Ахъ, батюшки!..

— Крестовскій?!

— Ахъ, нѣтъ! Изъ прежнихъ. На языкѣ вертится... дворянинъ еще здѣшній! Исторію написалъ... Ка, Ка, гм, Ка...

— Знаю, знаю! Кайдановъ?

— Нѣтъ-съ, не Кайдановъ.

— Какъ не Кайдановъ? Я сама училась. Кайдановъ, да еще Устряловъ, только двое.

— Да нѣтъ-съ. Вотъ придемъ домой... Pierre знаетъ. Да и я помнилъ.

— А скажите пожалуйста, въ какомъ онъ странномъ костюмѣ! Точно женщина... и съ косой...

— Это не онъ самъ.

— Кто же, жена, что ли?

— Не знаю, право, кто. Я думаю, не больше какъ фантазія мастера, который дѣлалъ.

— Отчего же его не поставили?

— Нельзя было.

— Отчего? допытывается барыня.

— Потому что... мужчина... Что хорошаго? Нѣтъ, знаете, этой граціи, нѣжности... Да и цѣ-

ли-то никакой нѣтъ. Женщина—лучше... Вотъ за границей Баварія, тоже женщина..,

...Ахъ, отличная статуя! Я лазила въ нее...

И, увидя подходящихъ мужиковъ, они удалились. Мужики, приблизившись къ рѣшеткѣ, были, видимо, въ нерѣшительности: перекреститься или нѣтъ, но все-таки не перекрестились. Они усѣлись на приступкахъ. Въ это время къ памятнику подошли еще двое мастеровыхъ.

— Ишь ты! Почитай, весь городъ сгорѣлъ, а баба цѣла.

— Што ей сдѣлатся! Всю жизнь должна каяться. Потому и не гибнетъ. Божье произволеніе...

— Извѣстно, Божье. И какъ теперича, братецъ ты мой, чай ея душеньки обидно—бяда!

— Ищо бы. Хошь до тебя доведись.

— Я?.. я, братъ, ни за что. Что хочь дѣлай, а на это я не согласенъ.

— Кому пріятно.

— Знаешь, кому это сдѣлать слѣдоватъ?

— Кому?

— Нашему хозяину.

— И какой ехидный! И какой ехидный!

— Ты что думаешь—онъ деньги отдастъ? Ни въ жисть. Какъ есть Кармазинъ настоящій.

— Вотъ, Ванька, какъ кого обругать—сичасъ Кармазинъ, а душа-то ея страдатъ.

— За дѣло! Не губи христіанъ православныхъ.

— Рай много народу померло отъ нея?

— Столь народу извела, то и... и... и...

— Робя! Не гожа этто сидѣть, ади лучи къ церкви Миколай Чудотворцу,—слышится въ толпѣ у мужиковъ.

— Чѣмъ она изводила? Корнями, что ли?

— Како корнями... корнями бы ничево.

— Чѣмъ же?

— А вотъ вишь ты! Идетъ теперича мастеровой, аль баринъ какой, вотъ она сичасъ глядитъ, и сичасъ приглашаетъ, такъ и такъ, говоритъ, желаете, говоритъ, ко мнѣ зайтить? Отчево не

зайтить? Ты зашелъ. Ну, тамъ сичасъ, извѣстно, чай, водки эфтой сколько хочь.

— А она съ ядомъ?

— Нѣтъ, бизъ яду. Ты таперичи водку выпилъ. Хорошо. Какъ бы ты сейчасъ захмелѣешь, она и начинаетъ, значитъ, предъ тобой изворачиваться и всячески, примѣрно, тебя тревожить.

— А не трогатъ?

— Ну. Какъ растревожитъ, знаешь, человѣкъ, ровно тряпка, али мочена подошва сдѣлается ну хорошо, и начнетъ таять. И таетъ и таетъ... а она сичасъ ножикомъ горло-то—чи-и-къ... кровь-то и вылокатъ.

— Окаянная...

Они замолчали и перешли на другую сторону памятника.

— А вотъ самъ пальциместеръ.

— Гдѣ?

— Вотъ въ конуркѣ-то.

Онъ указалъ на бюстъ въ нишѣ.

— Не похожъ.

— Да рай нонишній. Эфто прежній.

— Видно тоже народъ губилъ?

— Нѣтъ. Онъ, знашъ, былъ лютой больно на бабъ. Ты слушай, куку онъ механику подсмолилъ.

— Сказывай скоре, да ади домой.

— Слушай. Какъ, знашъ, она сгубила народу тысячи двѣ, услыхалъ пальциместеръ.—Кто такой?—спрашиваетъ. Ему сичасъ буточникъ докладывать. Въ чьемъ фарталѣ?—Въ моемъ, ваше высокоблагородіе. Ладу нѣтъ. Ужъ я, говоритъ, всячески ублажалъ.—Все губитъ?—Все губитъ, ваше высокоблагородіе.—Какъ зовутъ? спрашиватъ. Кармазина.—Кармазина?—Кармазина, ваше высокоблагородіе. — Кармазина, хорошо. Опосля эфтаго взялъ онъ ее самъ ловить. Долго знашъ, ловилъ, одначе пымалъ.

— Чай, каку баню далъ?!

— Бяда. Слушай ты. Теперича ты здѣшняго палача видѣлъ? Мужикъ здоровый... ну хлестать. Онъ хлещитъ, она не кричитъ! онъ сильнѣ—она

не кричитъ. Скончалась, говоритъ. Докторъ подошелъ, поглядѣлъ, а она мѣдна.

— Врешь...

— Докторъ, какъ стоялъ, такъ и померъ, начальства тоже вся за нимъ скончалась. Опосля, значитъ, какъ ее зачали здѣсь ставить, она сказала чуть, знашъ, слышно: я, говоритъ, неповинна. Одначе, не простили—поставили.

— Съ чего же, Ванька, вся начальства померла?

— Отъ ее.

— А пальцимейстеръ?

— Пальцимейстеръ—живъ.

— А какъ нонишній помретъ,—его тоже съ ней поставятъ?

— Что не поставить! безпримѣнно поставятъ.

— А ты сказываешь, она мѣдна?

— Мѣдна.

Вдругъ одинъ изъ мастеровыхъ схватилъ камень и съ ругательствомъ кинулъ его въ богиню. Оба бросились бѣжать.

— И какъ, чай, ея душеньки-то обидно,—вспомнились мнѣ слова мастерового.

В. А. Андреевъ-Бурлакъ.

НА ПОЧТОВОЙ СТАНЦІИ.

Ночью.

— Ямщики! Эй, ямщики! Тарантасъ подъѣхалъ.

— Вставай... чья череда-то?

— Микиткина...

— Микитка! Слышь!.. Микитка, гладкій чортъ! тарантасъ подъѣхалъ...

Сичасъ!..

— Да какъ же ты теперича поѣдешь-то?

— А что?

— Ночью-то?!...

— Ну?

— По косогорамъ-то?

— Такъ что-же?

— Такъ тарантасъ-то вляпаешь!..

— Вляпаешь! Пятнадцать годовъ ѣзжу, да вляпаешь!..

— Ваше благородіе! Тутъ у насъ на 7-й верстѣ къ Озерецкому-то косогоры, такъ вотъ отъ поштоваго епартаменту обозначено, чтобъ сумлѣнія не было...

— Помилуйте, ваше благородіе, я пятнадцать годовъ ѣзжу...

— Онъ-тѣ въ загривокъ-то накладетъ...

— Наклалъ!.. Мазали чтолича?

— Смазано...

— Извольте садиться, ваше благородіе! Эхъ вы, голубчики!..

— Смотри осторожнѣе...

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Ямщики, извѣстно, со смотрителемъ за одно... Смотрителю только бы самовары наставлять, пользоваться... Тпру!

— Что?

— Вотъ этотъ самый косогоръ-то и есть.

— Осторожнѣе!

— Помилуйте, сударь, я пятнадцать годовъ ѣзжу. Не изволите сумнѣваться... Тпру.

— Смотри.

— Точно, что оно, опосля дождя, тутъ жидко...

— Держи!..

— Господи, ужли въ пятнадцать-то годовъ дороги не знаю...

(Тарантасъ падаетъ).

— Что же, ты, чортъ тебя возьми!

— Поди жъ ты! Кажинный разъ въ этомъ мѣстѣ...

И. Ѳ. Горбуновъ.

В. М. Дорошевичъ.

МУДРЕЦЪ.

Эллинская сказка.

Беотіецъ Акселосъ, эллинъ родомъ и варваръ душой, былъ по дѣламъ въ Аѳинахъ.

Осмотрѣлъ Акрополь.

— Акрополь, какъ Акрополь. Стоитъ высоко.

Былъ въ театрѣ Діониса.

— Театръ хорошій. Отдѣланъ бѣлымъ мраморомъ.

Слушалъ лучшихъ ораторовъ на агора:

— Говорятъ много.

И захотѣлъ побесѣдовать съ Сократомъ.

— Быть въ Аѳинахъ и не поговорить съ Сократомъ! На что же тогда человѣку данъ языкъ?

Прохожій аѳинянинъ указалъ ему подъ портикомъ Академіи задумчиво гулявшаго небольшого человѣка съ невзрачнымъ лицомъ:

— Это Сократъ.

— Такой великій мужъ могъ бы быть повыше

ростомъ и повиднѣе. Впрочемъ, мудрецы объ этомъ не заботятся!—подумалъ беотіецъ.

Онъ пошелъ навстрѣчу Сократу и глубоко ему поклонился.

Сократъ учтиво отвѣтилъ на поклонъ и прошелъ мимо.

Беотіецъ опять забѣжалъ впередъ и поклонился.

Сократъ улыбнулся, поклонился и продолжалъ прогулку.

Тогда беотіецъ снова забѣжалъ впередъ и сказалъ:

— Привѣтъ тебѣ, мудрѣйшій изъ смертныхъ!

Сократъ остановился, засмѣялся глазами и сказалъ:

— Видѣлъ ли ты всѣхъ людей на свѣтѣ?

— Н-нѣтъ!

— Разъ ты ихъ не видѣлъ, ты не могъ и говорить со всѣми людьми на свѣтѣ. Не такъ ли?

— Совершенно вѣрно.

— Почему же, въ такомъ случаѣ, ты знаешь, что я умнѣе всѣхъ людей на свѣтѣ? Не осторожнѣй ли было бы, съ твоей стороны, сказать: «Мнѣ кажется, что ты мудрѣйшій изъ людей»?

— Да, пожалуй, такъ было бы благоразумнѣе.

— Но разъ ты не знаешь, насколько умны другіе люди на свѣтѣ, такое мнѣніе твое ни на чемъ не основано. Не такъ-ли?

— Выходитъ, что такъ.

— Увѣряютъ въ чемъ-нибудь, не имѣя на то никакихъ основаній, или плуты или глупцы. Не правда ли?

— Д-да!

— Хотѣлъ ли ты обмануть меня, говоря, что я мудрѣйшій изъ людей?

— Нѣтъ.

— Значитъ, ты не плутъ. Кто же ты въ такомъ случаѣ? Рѣши самъ!

«Однако!»—подумалъ беотіецъ и сказалъ:

— Что жъ мнѣ было дѣлать, когда ты ничего

не говоришь! На что роза, если она не пахнетъ, и мудрецъ, если онъ не говоритъ?

Сократъ улыбнулся.

— Прекрасно. Скажи: свойственно ли коню ржать?

— Я думаю!

— А быку мычать?

— И еще какъ.

— Барану блеять?

— Ну, еще бы!

— Что же, конь безпрерывно ржетъ?

— Зачѣмъ же!

— И быкъ не мычитъ безпрерывно?

— Конечно, нѣтъ!

— Но, можетъ быть, безпрерывно блеетъ хоть баранъ?

— Тоже нѣтъ;

— Видалъ ли ты, чтобъ конь заржалъ при видѣ коровы?

— Не бываетъ.

— Или быкъ замычалъ при видѣ овцы, или баранъ заблеялъ при видѣ лошади?

— Нѣтъ, нѣтъ и нѣтъ!—весело отвѣчалъ беотіецъ.

— Не ржетъ ли конь при видѣ лошади?

— Разумѣется.

— А быкъ при видѣ коровы?

— Это всякому извѣстно.

— А баранъ не начинаетъ ли блеять тогда, когда увидитъ овцу?

— Вѣрно.

— Однимъ словомъ, мы можемъ сказать, что конь ржетъ, быкъ мычитъ и баранъ блеетъ только тогда, когда видитъ себѣ подобныхъ?

— Почему жъ не сказать? Можно сказать!

— И изъ того, что правилу этому одинаково подчиняются и конь, и быкъ, и баранъ,—не должны ли мы заключить, что это законъ природы?

— По моему, должны.

— Скажи, мудрецъ станетъ ли идти противъ законовъ природы?

— Не думаю!

— И отлично дѣлаешь. Теперь отвѣть мнѣ на одинъ вопросъ.

— Хоть на тысячу тысячъ!

— Не думаешь ли ты, что мудрецу такъ же свойственно говорить мудрыя вещи, какъ коню ржать, быку мычать и барану блеять?

— Я такъ и думаю.

— Прекрасно! Если конь ржетъ, быкъ мычитъ, а баранъ блеетъ только при встрѣчѣ съ себѣ подобными, то, значитъ, и мудрецъ долженъ говорить только съ подобными себѣ. Какое же основаніе, другъ, я имѣлъ заговорить съ тобою?

И посмотрѣвъ на него съ любовью, Сократъ пошелъ дальше.

«Пусть меня разорветъ Церберъ!—воскликнулъ Акселосъ,—чтобы человѣка два раза подрядъ заставили самого себя назвать дуракомъ! Это можетъ случиться только съ беотійцемъ, да и то въ Аѳинахъ!»

Черезъ мгновеніе онъ, однако, подумалъ:

«А мудрость, оказывается, вовсе не такая трудная вещь!»

И чтобъ развлечься послѣ непріятнаго разговора, пошелъ къ гетерамъ.

Гетера Хризисъ лежала на окнѣ своего дома, съ накрашеннымъ лицомъ,—чего требовало ея занятіе,—и одѣтая въ роскошныя одежды, чего ея занятіе не требовало вовсе.

— Иди смѣлѣе, красавецъ!—крикнула она Акселосу, когда тотъ остановился у ея порога.

Беотіецъ хитро улыбнулся.

— За что тебѣ платятъ деньги?—спросилъ онъ.

Гетера изъ окна оглядѣла его съ удивленіемъ съ ногъ до головы.

— За то, что я женщина!

— Но не всѣмъ же женщинамъ платятъ деньги. Ты должна отвѣчать: за то, что я красива.

— Итакъ, въ любви платятъ за красоту?

— Платятъ и за красоту...

— Стой, стой! Не отвлекайся! Иначе ничего не выйдетъ. Ты согласна: за красоту?

— Пусть будетъ по твоему.

— Ты зовешь меня для любви?

— За чѣмъ же другимъ будетъ звать къ себѣ гетера?

— Отвѣчай: да или нѣтъ?

— Да, да, да!

— И такъ, какъ ты сама назвала меня красавцемъ, а въ любви платятъ за красоту, то, значитъ, ты зовешь меня за тѣмъ, чтобы платить мнѣ деньги!

Гетера расхохоталась такъ, что чуть не упала изъ окна.

Беотіецъ глядѣлъ на нее, счастливо улыбаясь.

— Ну, вотъ, видишь теперь сама, что ты или мошенница, или дура!

Что?

Гетера вскочила.

— Въ Аѳинахъ оскорбляютъ женщину? И какую женщину?! Которая никому не доставила ничего, кромѣ удовольствія?! Слуги! Возьмите этого чужестранца, этого варвара, и киньте его куданибудь подальше отъ моего дома.

Два раба, нубійцы, съ мускулами, которые, какъ толстыя змѣи, перевились у нихъ на рукахъ, схватили беотійца, отнесли на ближайшій перекрестокъ и кинули, какъ юноши кидаютъ копье.

Однако, философія до добра не доводитъ!»— подумалъ Акселосъ, поднимаясь и потирая локти, колѣни и лицо.

И грустный пошелъ домой.

На слѣдующій день онъ услышалъ на площади, что Сократъ арестованъ, ночью его судили и присудили къ смерти.

— Все за его философію!

— Однако, я еще дешево отдѣлался!—подумалъ беотіецъ, вспоминая о вчерашнемъ происшествіи съ гетерой.

И поспѣшилъ уѣхать въ Ѳивы изъ города, гдѣ дѣлаются такія странныя вещи.

Друзья-ѳивяне собрались къ нему въ домъ послушать чудесъ про Аѳины.

Онъ разсказывалъ имъ про величіе Акрополя, мудрость ораторовъ и любезность аѳинскихъ гетеръ.

— Но успѣлъ ли ты увидѣть Сократа?

Акселосъ сдѣлалъ печальное лицо.

— Друзья мои! Сократъ бесѣдовалъ со мною съ послѣднимъ передъ тѣмъ, какъ его взяли, и прежде чѣмъ умереть, пожелалъ научить меня своей мудрости!

Всѣ глядѣли на него съ благоговѣніемъ.

— Ученикъ Сократа!

— Не знаю, какъ для кого,—но долженъ вамъ сказать, что мнѣ это было совсѣмъ нетрудно. Я сразу понялъ все.

— Сократъ зналъ, кого избрать!

— Акселосъ!—стали его просить со всѣхъ сторонъ, съ горящими глазами.—Передай и намъ мудрость Сократа! Поговори, какъ Сократъ!

Акселосъ поднялъ палецъ!

— Т-съ! Друзья мои! Вы знаете, что сталось съ Сократомъ? Вы хотѣли бы и для меня того же?

И всѣ въ ужасѣ переглянулись:

— Онъ, воистину, мудръ!

Съ тѣхъ поръ Акселосъ говорилъ только самыя обыкновенныя вещи, но всѣ смотрѣли на него съ благоговѣніемъ.

— Если бы онъ захотѣлъ заговорить какъ Сократъ! Но Эллада не для Сократовъ!

Слава о молчащемъ мудрецѣ скоро распространилась по Ѳивамъ, по всей Беотіи и по всей Греціи.

Отовсюду пріѣзжали люди взглянуть на великаго молчащаго ѳиванскаго мудреца.

Онъ молчалъ, глядя съ улыбкой на посѣтителей, и самымъ настойчивымъ, молившимъ его о словѣ, хоть объ одномъ только словѣ мудрости говорилъ только:

Вспомните участь Сократа!

Создалось обыкновеніе.

Всякій, если слышалъ что-нибудь умное, думалъ:

— Это сказалъ, навѣрное, Акселосъ.

И вскорѣ Грецiя была полна изреченiями молчащаго мудреца.

Ихъ собирали и переписывали и дорого пропродавали:

— Изреченiя ѳиванскаго мудреца.

Ѳивы имъ гордились.

И когда, спокойно достигнувъ глубокой старости, онъ умеръ,—на его мавзолеѣ написали:

Акселосъ,
великiй мудрецъ,
ученикъ Сократа.

По этой эпифатiи онъ попалъ въ Элизiй.

Самъ Миносъ, почтительно поднявшись, указалъ дорогу туда его тѣни.

Тамъ, въ аллеѣ изъ миртъ, освѣщенной блѣднымъ, словно луннымъ, свѣтомъ, тѣнь беотiйца Акселоса увидѣла среди бродившихъ по двѣ, по три тѣни одинокую тѣнь маленькаго, неврачнаго человѣка.

— Привѣтъ тому, кто былъ Сократомъ!—сказалъ Акселосъ.

— Привѣтъ и тебѣ; судя по мѣсту, гдѣ ты находишься, тѣнь мудреца!—отвѣтилъ Сократъ.— Голосъ твой напоминаетъ мнѣ землю, и мнѣ кажется, что я встрѣчался съ тобою въ Аѳинахъ.

— Ну, какъ же! Ты встрѣтился со мной подъ портикомъ Академiи. Въ тотъ самый день, когда тебя взяли по приказанiю архонтовъ. Помнишь?

Тѣнь Сократа слабо улыбнулась, какъ улыбаются тѣни.

— Я помню и то и другое. Но какъ же попала ты сюда, заблудившаяся тѣнь?

— По надгробной эпитафiи мудреца.

— Какъ называется тотъ счастливый городъ, который считалъ тебя мудрецомъ?

— Ѳивы.

— Но что жъ ты говорилъ, что тебя считали мудрецомъ?

— Я молчалъ.

— Всю жизнь?

— Тогда понятно все!—сказала тѣнь Сократа,— и дуракъ мудръ, когда онъ молчитъ. Ты мудрый дуракъ!

И тѣнь Акселоса гуляла по миртовымъ полямъ Элизія съ полнымъ правомъ.

В. М. Дорошевичъ.

ПЕРСИДСКІЯ СКАЗКИ.

Купецъ изъ Багдала заблудился въ пустынѣ и томился въ узкой долинѣ. Здѣсь нашли его гіены и сожрали. Одна изъ нихъ убѣжала тайкомъ съ ногою, которую думала съѣсть вечеромъ. Три коршуна вырвали у нея добычу.

Первый сорвалъ тотчасъ мясо и сказалъ:

— Это былъ князь! Аллахъ благослови его.

Второй сказалъ:

— Это былъ богатый купецъ. Онъ войдетъ на небо.

Затѣмъ онъ вырвалъ мозгъ изъ кости.

Третій держалъ печально кость въ когтяхъ и сказалъ:—Онъ былъ человѣкъ.

Двѣ цапли стояли на лугу на одной ногѣ.

Онѣ смотрѣли, выпучивъ глаза, въ траву.

Тупоумно, не мудро.

Одна изъ нихъ сказала:

— Какъ хорошо, что мы можемъ молчать!

— Болтунья!—отвѣтила другая.

Перев. *Ярмо-Зикъ.*

И. Ѳ. Горбуновъ.

ПРОИЗВОДСТВО ВЪ ГЕНЕРАЛЫ ПОЛКОВНИКА ДИТЯТИНА.

Я пролилъ кровь и, лежа на койкѣ, ждалъ послѣдствій. Хирургія въ мое время оказала успѣхи. Штабъ-лекарь Николай Пироговъ, обративъ вниманіе на мое серьезное положеніе, далъ мнѣ понюхать капель, и я впалъ въ сонное состояніе, послѣ чего онъ отдѣлилъ мнѣ половину черепа, вынулъ мозги, перемылъ ихъ и положилъ на тарелку. Дѣйствіе капель стало проходить и я, какъ сквозь сонъ, вдругъ услышалъ:

— Главнокомандующій требуетъ.

— Кого?

— Полковника Дитятина.

Я встрепенулся.

— Видите.

— Что съ нимъ?

— Апперація.

— Но, докторъ,—возразилъ адъютантъ:—отъ этого момента зависитъ дальнѣйшая карьера полковника Дитятина.

— Я хорошо понимаю,—подумавъ, сказалъ штабъ-лекарь Николай Пироговъ, такъ какъ онъ всегда былъ умнымъ человѣкомъ.

И, взявъ крышку моего черепа, онъ надѣлъ ее опять на прежнее мѣсто, а кожу зашилъ.

— Я могу отпустить больного къ главнокомандующему,—произнесъ онъ,—но безъ мозговъ, чтобы онъ возвращенъ былъ ко мнѣ для продолженія апперацiи.

Мнѣ были даны новыя капли, и я раскрылъ глаза.

Адъютантъ вѣжливо повторилъ приказаніе. Я всталъ и застегнулъ помочи.

Штабъ-лекарь Пироговъ предостерегъ:

— Полковникъ, дальнѣйшая карьера ваша требуетъ немедленнаго представленія вашего къ главнокомандующему, но интересы науки...

Тутъ онъ указалъ на мои мозги.

Хорошо помню: они были совершенно чисты и немного плоски. Я съ умиленіемъ, но безъ сожалѣнія, посмотрѣлъ на нихъ, молча и значительно пожалъ руку штабъ-лекарю Пирогову и явился къ главнокомандующему.

— Вы полковникъ Дитятинъ?

— Такъ точно ваше-ство.

— Вы вели себя геройски.

— Радъ стараться, ваше-ство.

Онъ протянулъ руку и пришпилилъ къ моей груди георгіевскій крестъ.

— Поздравляю васъ, г е н е р а л ъ Дитятинъ.

Не знаю, что со мной сдѣлалось, но я какъ-то сразу понялъ, что такихъ людей, какъ я, немного въ Россіи. Я не прослезился, но проникся самоуваженіемъ и увидѣлъ, что я могу быть выше предразсудковъ. Именно, тогда во мнѣ ясно формулировалось призваніе направлять, принес-

шее мнѣ впослѣдствіи столько разочарованій, такъ какъ наступило другое время. Возвратившись въ госпиталь, я сказалъ штабъ-лекарю Николаю Пирогову:

— Я георгіевскій кавалеръ и генералъ.—А о мозгахъ забудьте. Въ настоящемъ моемъ положеніи это было бы неприлично. Наука не должна за-зна-а-ваться.

— Ваше превосходительство, — началъ было штабъ-лекарь Николай Пироговъ.

Но я остановилъ его ласковымъ мановеніемъ пальца и сказалъ:

— Непреодолимъ.

Штабъ-лекарь Николай Пироговъ не возражалъ, убралъ мозги и вскорѣ получилъ извѣстность.

И. Ѳ. Горбуновъ.

ВИНТЪ.

Въ одну скверную осеннюю ночь Андрей Степановичъ Пересолинъ ѣхалъ изъ театра. Ѣхалъ онъ и размышлялъ о той пользѣ, какую приносили бы театры, если бы въ нихъ давались пьесы нравственнаго содержанія. Проѣзжая мимо правленія онъ бросилъ думать о пользѣ и сталъ глядѣть на окна дома, въ которомъ онъ, выражаясь языкомъ поэтовъ и шкиперовъ, управлялъ рулемъ. Два окна, выходящія изъ дежурной комнаты, были ярко освѣщены.

— Неужели они до сихъ поръ съ отчетомъ возятся?—подумалъ Пересолинъ.—Четыре ихъ тамъ дурака и до сихъ поръ еще не кончили? Чего добраго, люди подумаютъ, что я имъ ночью покою не даю. Пойду подгоню ихъ... Остановись, Гурій!

Пересолинъ вылѣзъ изъ экипажа и пошелъ въ правленіе. Парадная дверь была заперта, задній же ходъ, имѣвшій одну только испортившую-

ся задвижку, былъ настежь. Пересолинъ воспользовался послѣднимъ, и черезъ какую-нибудь минуту стоялъ уже у дверей дежурной комнаты. Дверь была слегка отворена и Пересолинъ, взглянувъ въ нее, увидѣлъ нѣчто необычайное. За столомъ, заваленнымъ большими счетными листами, при свѣтѣ двухъ лампъ, сидѣли четыре чиновника и играли въ карты. Сосредоточенные, неподвижные, съ лицами, окрашенными въ зеленый цвѣтъ отъ абажуровъ, они напоминали сказочныхъ гномовъ или, чего Боже избави, фальшивыхъ монетчиковъ... Еще болѣе таинственности придавала имъ ихъ игра. Судя по ихъ манерамъ и карточнымъ терминамъ, которые они изрѣдка выкрикивали, то былъ винтъ; судя же по всему тому, что услышалъ Пересолинъ, эту игру нельзя было назвать ни винтомъ, ни даже игрой въ карты. То было нѣчто неслыханное, странное и таинственное... Въ чиновникахъ Пересолинъ узналъ Серафима Звиздулина, Степана Кулакевича, Еремѣя Недоѣхова и Ивана Писулина.

— Какъ это ты ходишь, чортъ голландскій,— разсердился Звиздулинъ, съ остервененіемъ глядя на своего партнера vis-á-vis.—Развѣ такъ можно ходить? У меня на рукахъ былъ Дороѳеевъ самъ-другъ, Шепелевъ съ женой, да Степка Ерлаковъ, а ты ходишь съ Кофейкина. Вотъ мы и безъ двухъ! А тебѣ бы, садовая голова, съ Поганкина ходить!

— Ну и что жъ тогда бы вышло?—окрысился партнеръ.—Я пошелъ бы съ Поганкина, а у Ивана Андреевича Пересолинъ на рукахъ.

— Мою фамилію къ чему-то приплели...—пожалъ плечами Пересолинъ.—Не понимаю!

Писулинъ сдалъ снова и чиновники продолжали:

— Государственный банкъ...

— Два—казенная палата...

— Безъ козыря...

— Ты безъ козыря?? Гм!.. Губернское правленіе—два... Погибать—такъ погибать, шутъ возь-

ми! Тотъ разъ на народномъ просвѣщеніи безъ одной остался, сейчасъ на губернскомъ правленіи нарвусь. Плевать.

— Маленькій шлемъ на народномъ просвѣщеніи!

— Не понимаю! прошепталъ Пересолинъ.

— Хожу со статскаго... Бросай Ваня, какого-нибудь титуляшку или губернскаго.

— Зачѣмъ намъ титуляшку? Мы и Пересолинымъ хватимъ...

— А мы твоего Пересолина по зубамъ... по зубамъ... У насъ Рыбниковъ есть. Быть вамъ безъ трехъ! Показывайте Пересолиху! Нечего вамъ ее, каналью, за обшлагъ прятать!

— Мою жену затрогали... подумалъ Пересолинъ...—Не понимаю.

И, не желая долѣе оставаться въ недоумѣніи, Пересолинъ открылъ дверь и вошелъ въ дежурную. Если бы передъ чиновниками явился самъ чортъ съ рогами и хвостомъ, то онъ не удивилъ бы и не испугалъ такъ, какъ испугалъ и удивилъ ихъ начальникъ. Явись передъ ними умершій въ прошломъ году экзекуторъ, проговори онъ имъ громовымъ голосомъ: «идите за мной, аггелы, въ мѣсто уготованное канальямъ», и дыхни онъ на нихъ холодомъ могилы, они не поблѣднѣли бы такъ, какъ поблѣднѣли, узнавъ Пересолина. У Недоѣхова отъ перепугу даже кровь изъ носа пошла, а у Кулакевича забарабанило въ правомъ ухѣ и самъ собою развязался галстукъ. Чиновники побросали карты, медленно поднялись и, переглянувшись, устремили свои взоры на полъ. Минуту въ дежурной царила тишина...

— Хорошо же вы отчетъ переписываете!—началъ Пересолинъ.—Теперь понятно, почему вы такъ любите съ отчетомъ возиться... Что вы сейчасъ дѣлали?

— Мы только на минутку, ваше-ство... прошепталъ Звиздулинъ.—Карточки разсматривали... Отдыхали...

Пересолинъ подошелъ къ столу и медленно пожалъ плечами. На столѣ лежали не карты, а

фотографическія карточки обыкновеннаго формата, снятыя съ картона и наклеенныя на игральныя карты. Карточекъ было много. Разсматривая ихъ, Пересолинъ увидѣлъ себя, свою жену, много своихъ подчиненныхъ, знакомыхъ...

— Какая чепуха... Какъ же это вы играете?

— Это не мы, ваше-ство, выдумали... Сохрани Богъ. Это мы только примѣръ взяли...

— Объясни-ка, Звиздулинъ! Какъ вы играли? Я все видѣлъ и слышалъ, какъ вы меня Рыбниковымъ били... Ну, чего мнешься? Вѣдь я тебя не ѣмъ? Разсказывай!

Звиздулинъ долго стѣснялся и трусилъ. Наконецъ когда Пересолинъ сталъ сердиться, фыркать и краснѣть отъ нетерпѣнія, онъ послушался. Собравъ карточки и перетасовавъ, онъ разложилъ ихъ по столу и началъ объяснять:

— Каждый портретъ, ваше-ство, какъ и каждая карта, свою суть имѣетъ... значеніе. Какъ и въ колодѣ, такъ и здѣсь 52 карты и четыре масти... Чиновники казенной палаты—черви, губернское правленіе—трефы, служащіе по министерству народнаго просвѣщенія—бубны, а пиками будутъ отдѣленіе государственнаго банка. Ну-съ... Дѣйствительные статскіе совѣтники у насъ тузы, статскіе совѣтники—короли, супруги особъ IV и V класса—дамы, коллежскіе совѣтники—валеты, надворные совѣтники—десятки, и такъ далѣе. Я, напримѣръ,—тройка, такъ какъ, будучи губернскій секретарь...

— Ишь ты... Я, стало быть, тузъ?

— Трефовый-съ, а ея превосходительство—дама-съ...

— Гм!.. Это оригинально... А ну-ка, давайте сыграемъ! Посмотрю...

Пересолинъ снялъ пальто и, недовѣрчиво улыбаясь, сѣлъ за столъ. Чиновники тоже сѣли по его приказанію и игра началась...

Сторожъ Назаръ, пришедшій въ семь часовъ утра мести дежурную комнату, былъ пораженъ. Картина, которую увидѣлъ онъ, войдя со щеткой,

была такъ поразительна, что онъ помнитъ ее теперь даже тогда, когда напившись пьянъ лежитъ въ безпамятствѣ. Пересолинъ, блѣдный, сонный и непричесанный, стоялъ передъ Недоѣховымъ и, держа его за пуговицу, говорилъ:

— Пойми же, что ты не могъ съ Шепелева ходить, если зналъ, что у меня на рукахъ я самъ-четвертъ. У Звиздулина Рыбниковъ съ женой, три учителя гимназіи, да моя жена, у Недоѣхова банковцы и три маленькихъ изъ губернской управы. Тебѣ бы нужно было съ Крышкина ходить! Ты не гляди, что они съ казенной палаты ходятъ! Они себѣ на умѣ!

— Я, ваше-ство, пошелъ съ титулярнаго, потому, думалъ, что у нихъ дѣйствительный.

— Ахъ, голубчикъ, да вѣдь такъ нельзя думать! Это не игра! Такъ играютъ одни только сапожники. Ты разсуждай!.. Когда Кулакевичъ пошелъ съ надворнаго губернскаго правленія, ты долженъ былъ бросать Ивана Ивановича Гренландскаго, потому что зналъ, что у него Наталья Дмитріевна самъ-третей съ Егоръ Егорычемъ... Ты все испортилъ! Я тебѣ сейчасъ докажу. Садитесь, господа, еще одинъ роберъ сыграемъ!

И, уславши удивленнаго Назара, чиновники усѣлись и продолжали игру...

А. П. Чеховъ.

НАДЪ БЕЗДНОЙ.

Корабль по морю плылъ. Грозныя тучи надъ моремъ ходили; волны, какъ горы, вздымались, вѣтеръ рвалъ снасти, срывалъ паруса и ревѣлъ, словно звѣрь, изъ клѣтки бѣжавшій на волю. Молніи мракъ освѣщали; громъ грохоталъ въ небесахъ.

Конецъ приходилъ кораблю; въ трюмѣ—вода, мачты поломаны, всѣ въ лохмотьяхъ висятъ паруса. Волны и вѣтеръ разбили корабль. Корабль потонулъ... И на мѣстѣ его, какъ забрезжило утро, плавали по морю бревна и доски, да бочки, да осмоленный канатъ.

Къ одной изъ досокъ чьей-то доброй рукой былъ младенецъ привязанъ... Дитя беззаботно носилось на утлой доскѣ по темнымъ водамъ океана. Съ веселой улыбкой носилось оно надъ страшною бездной, готовой его поглотить... Со смѣхомъ дитя опускало рученки въ студеную воду, иль ударяло рукой по волнамъ. Пѣною его обдавало, брызги летѣли въ лицо. Прищуривъ глазенки, дитя хохотало... Весело было ему.

Бездна морская его не пугала. Бездна морская ему не страшна...

Встрѣчаю я въ жизни улыбки на лицахъ веселыхъ, слышу я смѣхъ беззаботный... И при видѣ сіяющихъ лицъ и лучезарныхъ улыбокъ я каждый разъ вспоминаю невольно дитя, что такъ беззаботно, такъ мило—со смѣхомъ веселымъ—носилось на утлой доскѣ по темнымъ волнамъ океана.

П. Засодимскій.

НЕУМѢСТНОЕ ПРИВѢТСТВІЕ, КРѢПКО НАКАЗАННОЕ.

Какъ нѣкій, добивающійся форстмейстерскаго званія, швабъ Андреасъ Гольце ненарокомъ къ возлюбленной своей, дѣвицѣ изряднаго поведенія, вошелъ, и оную увидѣвъ за обѣденнымъ столомъ сидящую и свой аппетитъ внутренностію жареной бекасины въ то время удовлетворяющую, такъ привѣтствовалъ: «О, Амалія! если бъ я былъ бекасиною, то, уповаю, всю тарелку вашу своими внутренностями чрезъ край переполнилъ бы!» На

что случившійся при томъ Амальинъ родитель, главный лѣсничій магдебурскихъ лѣсовъ, Карлъ-Фридрихъ Венцельроде, незапно съ мѣста вскочивъ, учалъ того Гольце мѣднымъ шомполомъ по темени барабанить и, изрядно оное размягчивъ, напослѣдокъ высказалъ: «Тысячу зарядовъ тебѣ въ поясницу, негодный молодой человѣкъ! Я полагалъ доселѣ, что ты съ честными намѣренія къ дочери моей прибѣгаешь!».

Козьма Прутковъ.

ТОСТЪ ГЕНЕРАЛА ДИТЯТИНА.

Мм. гг!.. Вы собрались сюда чествовать литератора 40-хъ годовъ Ивана Тургенева... Я противъ этого ничего не имѣю, и, по приглашенію гг. директоровъ, явился сюда не приготовленнымъ встрѣтить здѣсь такое собраніе россійскаго ума и образованности. Хотѣлось бы и говорить, но говорить, находясь среди васъ, трудно: во 1-хъ, разница нашихъ взглядовъ, во 2-хъ, мое оффиціальное положеніе, въ 3-хъ присущая людямъ нашей эпохи осторожность: насъ учили болѣе осматриваться чѣмъ всматриваться, больше думать, чѣмъ говорить; однимъ словомъ, насъ учили тому, чему, къ сожалѣнію, уже не учатъ теперь. Мм. гг! Вы слишкомъ молоды; Изъ васъ нѣтъ ни одного, который былъ бы свидѣтелемъ того перелома и треска въ литературѣ, котораго былъ свидѣтелемъ я.

«Въ началѣ 30-хъ годовъ,—выражаясь риторическимъ языкомъ,—среди безоблачнаго неба, тайный совѣтникъ Дмитріевъ внезапно былъ обруганъ семинаристомъ Каченовскимъ. Подняли шумъ... Критикъ скрылся... Далѣе, генералъ-лейтенантъ, сочинитель патріотической исторіи 12-го

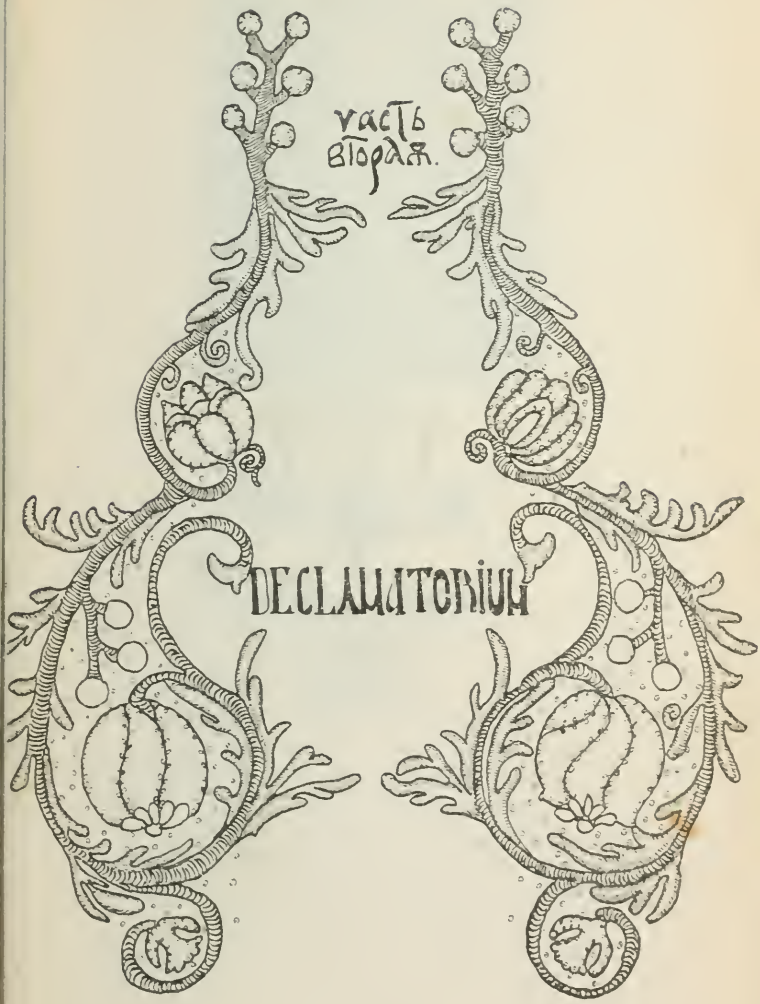
года, Михайловскій-Данилевскій, былъ обруганъ. Были приняты мѣры... стало тихо. Но на почвѣ, усѣянной, удобренной мыслителями 30-хъ годовъ, показалисъ всходы; эти всходы заколосились и первый тучный голосъ, сорвавшійся со стебля въ 40-хъ годахъ, были «Записки Охотника,» принадлежащія перу чествуемаго вами литератора, оставного коллежскаго секретаря Ивана Тургенева.

«Въ простотѣ солдатскаго сердца я взялъ эту книгу, думая найти въ ней записки какого-либо военнаго охотника... Оказалось, что подъ поэтической оболочкой скрываются такія мысли, о которыхъ я не рѣшился не доложить графу Закревскому. Графъ сказалъ: «я знаю.» Я въ разговорѣ упомянулъ объ этомъ князю Сергѣю Михайловичу Голицыну. Онъ говоритъ: «это дѣло администраціи, а не мое.» Я сообщилъ конфиденціально митрополиту Филарету. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что это «вѣяніе времени».

«Я увидалъ, что совершается что-то странное,—и посторонился.»

«Теперь я мм. г., стою въ сторонѣ, пропускаю мимо себя нестройные ряды идей, мнѣній, постоянно сбивающіеся съ ноги, и всѣмъ говорю: хорошо! Но мнѣ уже никто не отвѣчаетъ: «рады стараться, ваше превосходительство!» а только взводныя кивaютъ съ усмѣшкой головой... Я кончилъ».

П. Ѳ. Горбуновъ.


ЧАСТЬ
ВТОРАЯ.
DECLAMATORIUM

А. С. Пушкинъ.

ПОЭТУ.

СОНЕТЪ.

Поэтъ, не дорожи любовію народной!
Восторженныхъ похвалъ пройдетъ минутный шумъ,
Услышишь судъ глупца и смѣхъ толпы холодной;
Но ты останься твердъ, спокоенъ и угрюмъ.
Ты—царь: живи одинъ. Дорогою свободной
Иди, куда влечетъ тебя свободный умъ,
Усовершенствуя плоды любимыхъ думъ,
Не требуя наградъ за подвигъ благородный.
Онѣ въ самомъ тебѣ. Ты самъ—свой высшій судъ,
Всѣхъ строже оцѣнить умѣешь ты свой трудъ.
Ты имъ доволенъ ли, взыскательный художникъ?
Доволенъ? Такъ пускай толпа его бранитъ,
И плюетъ на алтарь, гдѣ твой огонь горитъ,
И въ дѣтской рѣзвости колеблетъ твой треножникъ!

А. С. Пушкинъ.

СФИНКСЪ.

Въ глубокой впадинѣ, отрытый изъ песка
Стоитъ онъ, гордый сфинксъ, весь изъ единой глыбы.
Титана мудраго могучая рука
Изъ камня высѣкла безсмертные изгибы.
Предъ сфинксомъ—вѣчный Нилъ, священная рѣка.
Боготворились въ ней и крокодилъ и рыбы.
Въ подножьи—древній храмъ; молились тамъ вѣка.
На камняхъ чудеса запечатлѣли скрибы.

Но сфинксу чудится, что все былое—сонъ,
Сонъ настоящее и все, что будетъ далѣ,
А явь—одинъ лишь Нилъ, песокъ, да небосклонъ,
Да то, что выше всѣхъ народовъ и временъ,
То, что не вѣдаетъ ни смерти, ни печали:
Природа. Въ сфинксѣ ликъ природы воплощенъ.

А. М. Ѳедоровъ.

СТѢНА.

На склонѣ у лона морской глубины
Стояла стѣна вѣковая
И мохъ зеленѣлъ по уступамъ стѣны,
Трава колыхалась сухая.

И верхнія плиты разбиты грозой
Въ часы громовой непогоды,
Но стѣну ту любятъ за камень сырой
Зеленыя вѣтви природы.

Лоза подается съ кудрявымъ плющомъ
Туда, гдѣ слышнѣе прохлада,
И въ полдень сверкаетъ, играя съ лучомъ,
Прозрачный жемчугъ винограда.

И всякому звуку внимаетъ стѣна:
Шумящій ли воронъ несется—

И ворона въ сторону явно сполна
Двоякій полетъ отдается.

На мо́рѣ ли синемъ поютъ рыбари,
Иль нимфы серебрянымъ смѣхомъ
Тревожатъ пугливое ухо зари—
Стѣна имъ отвѣтствуетъ эхомъ.

А. А. Фетъ.

* * *

Ищите новые пути!
Сталъ тѣсенъ міръ, его оковы
Неумолимы и суровы,—
Гдѣ жъ вѣчнымъ розамъ зацвѣсти?
Ищите новые пути!

Мечты исчерпаны до дна,
Изсякъ источникъ вдохновенья!
Но близко, близко возрожденье,
Иная жизнь, иного сна!..
Мечты исчерпаны до дна!

Но есть любовь, но есть сердца...
Великъ и вѣченъ храмъ искусства,—
Жрецы невѣдомаго чувства
Къ нему нисходятъ безъ конца!..
И есть любовь... и есть сердца...

Мы не въ пустынѣ, не одни,
Дорогъ невѣдомыхъ есть много,—
Какъ звѣздъ на небѣ, думъ у Бога,
Какъ сновъ въ загадочной тѣни!..
Мы не въ пустынѣ, не одни!

К. М. Фофановъ.

КУРГАНЪ.

«Другъ вѣковъ, повѣренный преданій,
Ты одинъ средь братіи своей
Сохранилъ сокровищъ и дѣяній
Вѣковую тайну отъ людей:

Что же дубъ съ кудрявой головою
Не взращенъ твой подвигъ отмѣчать
И не свѣтитъ въ сумракъ надъ тобою
Огонекъ—избранія печать?

Какъ на всѣхъ, орелъ съ неизмѣримой
На тебя слетаетъ высоты
И срѣзаетъ плугъ неумолимый
Всѣхъ примѣтъ послѣдніе слѣды...

Что жъ ты дремлешь? Силой чудотворной
Возрасти темно-кудрявый дубъ,
Сокруши о камень непокорный
Злого плута неотвязный зубъ!..»

—«Оттого-то, странникъ, безприметный,
На степи я вѣчно и молчу,
Что навѣкъ въ груди мой кладъ завѣтный
Ото всѣхъ я затаить хочу».

А. А. Фетъ.

ПОЗДНІЕ ШАГИ.

Проснулся я. Глубокій мракъ
Вокругъ меня царилъ давно
И мракъ глядѣлъ въ мое окно.
Надъ потолкомъ былъ чей-то шагъ
Такъ озабоченъ, такъ унылъ,
Такъ лихорадочно будилъ
Онъ тишь глубокую вокругъ,
Что стало боязно мнѣ вдругъ.

Я суевѣрно размышлялъ,—
Кто тамъ надъ комнатой шагалъ
И такъ поспѣшно почему
Онъ оглашалъ шагами тьму?
Ни привидѣніе, ни тать
Не могутъ громко такъ шагать;
Тѣ робки, тѣ едва слышны,—
Тѣ не тревожатъ наши сны!

А этотъ суетный жилецъ
Чѣмъ озабоченъ, что онъ ждетъ?
Быть можетъ наступилъ конецъ
Тамъ жизни чьей-нибудь... И вотъ—
Живой вчера—теперь мертвецъ
Несетъ живому ночь хлопотъ.
Раздвинутъ столъ, мертвецъ обмытъ
И въ бѣлой простынѣ лежитъ
Подъ образами, какъ въ чехлѣ
Земля, готовая землѣ!

Иль, можетъ быть, еще не все
Для жизни кончено. Судьба
Лѣнивой прялки колесо
У парки вертитъ,—и борьба
Предсмертныхъ тяжкихъ мукъ страшнѣй
Мгновенныхъ тысячи смертей.

Быть можетъ, новый человѣкъ
Влачить тамъ призванъ новый вѣкъ,
И потому тревожный шагъ
Такъ поздно будитъ тишину,—
И медлитъ отходить ко сну
Благословляемый очагъ,
Куда, вѣщая жизнь, проникъ
Младенца первый слабый крикъ.

Иль, тяжкой скорбью удрученъ,
Проклявъ судьбу, забывши сонъ,
Отвергнутъ міромъ навсегда,
Томимый муками стыда,
Мечтатель, устающій жить,
Рѣшаетъ—«быть или не быть!»

Но нѣтъ отвѣта на вопросъ
Моихъ колеблющихся грёзъ
Межъ бдѣніемъ и тихимъ сномъ.
Угрюмый мракъ нависъ кругомъ,—
И запоздалый чей-то шагъ
Моей души тревожитъ мракъ...

К. М. Фофановъ.

СѢРЫЙ ВОЛКЪ.

Мы мчались съ тобою, Царевна,
Двѣнадцать томительныхъ лѣтъ.
И вѣтеръ гудѣлъ напѣвно,
И тьма замѣтала слѣдъ.

Мы мчались на Сѣромъ Волкѣ
По топкимъ и тайнымъ тропамъ,
И древнихъ елей иголки
Шатеръ свой склоняли къ намъ.

Мы слушали травныя были
И сказки неслыханныхъ птицъ.
Вдали, за лѣсомъ, свѣтили
Намъ взгляды краткихъ зарницъ.

Вставали, пугая, видѣнья,
Ихъ Волкъ не боялся одинъ,
Узоръ свой ткали мгновенья,
Изъ блѣдныхъ лунныхъ сѣдинъ.

Я вѣдалъ тогда, что свершаю
Отъ вѣка намѣченный путь,
Что я Царевну спасаю,
Что намъ нельзя отдохнуть.

Но ты все томилась, Царевна.
«Гдѣ-жъ подвигъ?»—шептала ты
То съ нѣжной мольбой, то гнѣвно.
«Отдай мнѣ мои мечты!

«Гулъ жизни чуть слышится дальній...
«Свободу мнѣ, свѣтъ возврати!

«Мнѣ холодно, другъ печальный,
«Съ тобой на лѣсномъ пути.

«Огонь твой меня не согрѣетъ.
«Ты въ пѣсняхъ ждешь новыхъ чудесъ,
«Но пѣсню и пламя развѣетъ,
«Задушитъ унылый лѣсъ».

И вѣтеръ въ вѣтвяхъ напѣвно
Твердилъ: «Отпусти, отпусти!»
Жалѣлъ тебя, свѣтъ—Царевна,
На темномъ лѣсномъ пути.

Жалѣлъ тебя мѣсяцъ полночный,
Жемчужилъ волосъ твоихъ шелкъ.
Молчалъ я и ждалъ. Урочный
Бѣгъ свой замедлилъ Волкъ.

Рѣдѣютъ деревья, рѣдѣютъ,
Открылись просторы полей.
Въ пожарѣ весь воздухъ, и рдѣетъ
Трехгранный полетъ журавлей.

Не чую я волчьихъ движеній
Онъ сталъ неподвижно и ждетъ
И взоромъ задумчивой лѣни
Слѣдитъ журавлиный полетъ.

Какъ сердце тоскуетъ безгнѣвно,
Какъ воздухъ печаленъ и алъ...
Иными путями, Царевна,
Иди ты одна,—я усталъ.

Царевичъ отъ лѣса рожденный,
Иныхъ я не знаю путей.
Здѣсь буду я пѣть, заключенный
Въ сплетенья осеннихъ вѣтвей.

Люблю, но не прежнею мѣрой,
Горю, но вечернимъ огнемъ.
Судьба моя, Волкъ Ты мой Сѣрый,
Съ Тобой я останусь вдвоемъ.

II. Соловьева.

ТАЙНА СМЕРТИ.

Ночь—темный, тусклый взоръ на землю опустила,
И дремлетъ и молчитъ, крыломъ не шевеля...
Въ туманѣ, какъ въ дыму, погасли здѣздъ кадила,
И паутиной сновъ окутана земля.

Жизнь умерла кругомъ, но тайны воскресаютъ.
Неуловимыя, какъ легкій вздохъ ночной,
Онѣ встаютъ, плывутъ, трепещутъ, исчезаютъ,
И лишь одна изъ нихъ всегда во мнѣ, со мной.

То—смерти вѣчная властительная тайна;
Я чувствую ее на днѣ глубокихъ сновъ,
И въ предразсвѣтный часъ, когда проснусь случайно,
Мнѣ слышится напѣвъ ея немолчныхъ словъ:

—Я здѣсь, какъ сердца стукъ и какъ полетъ мгновеній,
Я—страхъ предъ вѣчностью; но этотъ страхъ пройдетъ,
И ледяной огонь моихъ прикосновеній
Лишь ложныя черты и выжжетъ, и сотретъ...—

И ясно вижу я въ тѣ вѣщія мгновенья,
Что жизнь отвѣта ждетъ—и близится отвѣтъ,
Что есть—проклятье, боль, уныніе, забвенье,
Разлука страшная,—но смерти нѣтъ...

II. Соловьева (Allegro).

* * *

Часъ ночи! Погасли по окнамъ огни,
Одни за другими исчезли они,
Исчезли какъ души умершихъ людей...
Судьбы наши сходны съ судьбами огней!
Замолкли на улицѣ говоръ и гулъ,
И кажется, будто весь городъ уснулъ.
Волненьемъ минувшаго дня утомленъ,
Измаянъ... Не умеръ ли также и онъ?

Какое мученье! Ни яви, ни сна!
Заря золотая—о, гдѣ же она!..
А въ сердцѣ тревожномъ шумнѣй и шумнѣй,
Все больше и больше какихъ-то гостей;
Тѣ гости незваные—думы да сны,
Такъ ярко одѣты, такъ жизни полны,
Такъ шумно ликуютъ, такъ радуютъ глазъ...

О, Господи! Въ этотъ предутренній часъ
Ты въ сердцѣ горящемъ огни погаси,
Виновную совѣсть Ты Самъ допроси,
Ты самъ оправданіе ей усмотри,
Дай тьмы непроглядной, чтобъ мнѣ до зари
Свѣтилъ, вмѣсто этихъ тревожныхъ огней,
Огонь одинокой лампады твоей!..

К. К. Случевскій.

* * *

Есть упоеніе въ бою
И бездны мрачной на краю,
И въ разъяренномъ океанѣ
Средь грозныхъ волнъ и бурной тьмы,
И въ аравійскомъ ураганѣ,
И въ дуновеніи чумы!

Все, все, что гибелью грозитъ,
Для сердца смертнаго таитъ
Неизъяснимы наслажденья—
Безсмертья, можетъ быть, залогъ!
И счастливъ тотъ, кто средь волненья
Ихъ обрѣтать и видѣть могъ...

А. С. Пушкинъ.

* * *

Впередъ—безъ страха и сомнѣнья
На подвигъ доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Ужъ въ небесахъ завидѣлъ я!

Смѣлѣй! Дадимъ другъ другу руки
И вмѣстѣ двинемся впередъ,
И пусть подъ знаменемъ науки
Союзъ нашъ крѣпнетъ и растетъ!

Жрецовъ грѣха и лжи мы будемъ
Глаголомъ истины карать,
И спящихъ мы отъ сна разбудимъ,
И поведемъ на битву рать!

Не сотворимъ себѣ кумира
Ни на землѣ, ни въ небесахъ;
За всѣ дары и блага міра
Мы не падемъ предъ нимъ во прахъ!

Провозглашать любви ученье
Мы будемъ нищимъ, богачамъ,
И за него снесемъ гоненье,
Простивъ озлобленнымъ врагамъ!

Блаженъ, кто жизнь въ борьбѣ кровавой,
Въ заботахъ тяжкихъ истощилъ,
Какъ рабъ лѣнивый и лукавый,
Талантъ свой въ семлю не зарылъ!

Пусть намъ звѣздою путеводной
Святая истина горитъ—
И, вѣрьте, голосъ благородный
Недаромъ въ мірѣ прозвучитъ!

Внемлите жъ, братья, слову брата!
Пока мы полны юныхъ силъ,
Впередъ, впередъ,—и безъ возврата,
Чтобъ рокъ вдали намъ ни сулилъ!

А. Н. Плещеевъ.

Е. А. Баратынскій.

ИСТИНА.

О счастіи съ младенчества тоскуя,
Все счастьемъ бѣденъ я;
Или во вѣкъ не обрѣту я
Въ пустынѣ бытія?

Младые сны отъ сердца отлетѣли,
Не узнаю я свѣтъ;
Надеждъ своихъ лишенъ я прежней цѣли,
А новой цѣли нѣтъ.

«Безуменъ ты и всѣ твои желанья»
Мнѣ первый опытъ рекъ;
И лучшія мечты моей созданья
Отвергнулъ я навѣкъ.

Но для чего души разувѣренье
Свершилось не вполнѣ?
О юныхъ снахъ слѣпое сожалѣнье
Зачѣмъ живетъ во мнѣ?

Такъ нѣкогда обдумывалъ съ роптаньемъ
Я жребій тяжкій свой.

Вдругъ Истину (то не было мечтаньемъ)
Узрѣлъ передъ собой.

«Свѣтильникъ мой укажетъ путь ко счастью!
(Вѣщала) «захочу
И страстнаго отрадному безстрастью
«Тебя я научу.

«Пускай со мной ты сердца жаръ погубишь;
Пускай, узнавъ людей,
Ты, можетъ быть, испуганный разлюбишь
И ближнихъ и друзей.

«Я бытія всѣ прелести разрушу,
Но умъ наставлю твой;
Я оболью суровымъ хладомъ душу,
Но дамъ душѣ покой».

Я трепеталъ, словамъ ея внимая,
И горестно въ отвѣтъ
Промолвилъ ей: «о гостья роковая!
Печаленъ твой привѣтъ!

«Свѣтильникъ твой—свѣтильникъ погребальный
Всѣхъ радостей земныхъ!
Твой миръ, увы! могилы миръ печальный,
И страшенъ для живыхъ.

«Нѣтъ, я не твой! въ твоей наукѣ строгой
Я счастья не найду;
Покинь меня: кой-какъ моей дорогой
Одинъ я побреду.

«Прости! иль нѣтъ: когда мое свѣтило
Во звѣздной вышинѣ
Начнетъ блѣднѣть, и все, что сердцу мило,
Забыть придется мнѣ,

«Явись тогда! раскрой мнѣ очи,
Мой разумъ просвѣти:
Чтобъ жизнь презрѣвъ, я могъ въ обитель ночи
Безропотно сойти.»

Е. А. Баратынскій.

ДВѢ ДОЛИ.

Дало двѣ доли Провидѣніе
На выборъ мудрости людской:
Или надежду и волненіе,
Иль безнадежность и покой.

Вѣрь тотъ надеждѣ обольщающей,
Кто бодръ неопытнымъ умомъ,
Лишь по молвѣ разновѣщающей
Съ судьбой насмѣшливой знакомъ.

Надѣйтесь, юноши кипящіе!
Летите: крылья вамъ даны;
Для васъ и замыслы блестящіе,
И сердца пламенные сны.

Но вы, судьбину испытавшіе,
Тщету утѣхъ, печали власть,
Вы, знанье бытія пріявшіе
Себѣ на тягостную часть,

Гоните прочь ихъ рой прельстительный.
Такъ! доживайте жизнь въ тиши,
И берегите хладъ спасительный
Своей бездѣйственной души.

Своимъ безчувствіемъ блаженные,
Какъ трупы мертвыхъ изъ гробовъ,
Волхва словами пробужденные,
Встаютъ со скрежетомъ зубовъ,

Такъ вы, согрѣвъ въ душѣ желанія,
Безумно вдавшись въ ихъ обманъ,
Проснетесь только для страданія,
Для боли новой прежнихъ ранъ.

Е. А. Баратынскій.

МЫСЛИТЕЛЮ.

Орелъ взмахнетъ могучими крылами
И, вольный, отрѣшившись отъ земли,
О немощныхъ, влачащихся въ пыли,
Не думаетъ, паря подъ небесами...
Но, отъ мертвящей лжи освободясь
И окрыленный мыслью животворной,
Когда для сферы свѣтлой и просторной
Ты, возлетѣвъ, покинешь мракъ и грязь;
Когда почувствуешь, какъ послѣ смрадной
И долго угнетавшей тѣсноты,
Трепещетъ грудь отъ радости, и ты
Вдыхаешь воздухъ чистый и прохладный,
О, ты начнешь невольно вспоминать
О долѣ смертныхъ, темной и ничтожной!
Взирая сверху, будетъ невозможно
Тебѣ, счастливому, не пожелать,
Чтобъ братьевъ, пресмыкающихся долу,
Свѣтъ истины скорѣй освободилъ!
Когда жъ они, безъ воли и безъ силъ,
Не будутъ твоему внимать глаголу,—
Съ высотъ твоихъ ты властно имъ кричи!
Окованныхъ невѣжественнымъ страхомъ,
Заставь ты ихъ растаться съ тьмой и съ прахомъ
И смѣлому полету научи!

М. А. Жемчужниковъ.

МАТЬ.

И дни и ночи до утра
Въ степи бураны бушевали,
И вѣшки снѣгомъ заметали,
И заносили хутора.
А домъ стоялъ въ открытомъ полѣ
Печальнымъ сторожемъ степнымъ,

И вѣтеръ бѣшеный надъ нимъ
Какъ будто тѣшился на волѣ.
Онъ крышу снесъ, врывался въ домъ—
И стекла въ рамахъ дребезжали.
И снѣгъ сухой въ старинной залѣ
Кружился въ сумракѣ ночномъ.

Но былъ огонь... Не угасая,
Въ пристройкѣ робко онъ свѣтилъ,
И кто-то тамъ всю ночь ходилъ,
Глазъ до разсвѣта не смыкая.
То мать была. Забывши страхъ,
Она одна насъ не кидала;
Съ больнымъ ребенкомъ на рукахъ,
Она одна душой страдала.
Она мерцавшую свѣчу
Старинной книгой заслонила,
И, положивъ его къ плечу,
Все напѣвала и ходила...
И ночь тянулась безъ конца...
Порой, дремотой обвѣвая,
Шумѣла тише вьюга злая,
Шуршала снѣгомъ у крыльца.
Когда жъ буранъ въ порывѣ дикомъ
Внезапнымъ шкваломъ налеталъ,—
Казалось ей, что домъ дрожалъ,
Что кто-то слабымъ дальнимъ крикомъ
Въ степи на помощь призывалъ.
И до утра не разъ слезами
Ея усталый взоръ блестѣлъ,
А мальчикъ вздрагивалъ, глядѣлъ
Большими темными глазами...

Далеко хуторъ мой родной...
Давно прошли тѣ дни и ночи,
Когда я видѣлъ предъ собой
Ея заплаканныя очи,—
Но не забыть ихъ никогда!
Во тьмѣ житейскаго ненастья,
Въ часы раздумья и труда
Я вспоминаю ихъ, какъ счастье,

Какъ радость дѣтства моего,
Какъ утѣшенье предъ разлукой,
Какъ ласку нѣжную того,
Кто далъ мнѣ жизнь своею мукой!

Иванъ Бунинъ.

«ТУКЪ... ТУКЪ... ТУКЪ».

Посвящ. Н. А. Морозову.

Миновалъ обходъ докучный. Лязгнувъ ключъ,
гремитъ засовъ...
Льется съ башни многозвучный перепѣвный бой
часовъ.
Скоро полночь—мигъ свободы:
Жаркой искрой сквозь гранитъ къ мысли мысль
перебѣжитъ,
Тайный зовъ, тоску невзгоды
Сердце сердцу простучитъ—
Тукъ... тукъ... тукъ!
Условный звукъ,
Звукъ привѣтный—стукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной,
Голосъ камня: тукъ-тукъ-тукъ! голосъ друга: здрав-
ствуй, другъ!
«Я томлюсь во мракѣ ночи;
Ноетъ грудь, не видятъ очи,
Одолѣлъ меня недугъ...
Слышу смерти приближенье... О, какъ жажду я
забвенья,
Какъ зову успокоенье,
Наслажденье мертвымъ сномъ!
Другъ, отвѣть мнѣ, что съ тобою? Ты сильнѣй
меня душою...
Спишь ли ты ночной порою
Въ этомъ склепѣ гробовомъ?»
Стукъ привѣтный, тихій стукъ,
Звукъ отвѣтный—тукъ... тукъ... тукъ:

«Я бы спалъ, и сонъ приходитъ, духъ усталый
вдаль уводитъ,
Но не дологъ чуткій сонъ.
Вдругъ проснусь я, содрогнусь я, и такъ больно
въ душу входитъ
Голосъ плѣнницы безумной, одинокій, страшный
стонъ...
Часто ночью многодумной
Рядомъ, рядомъ за стѣной
Слышу смѣхъ ея безумный,
Слышу крикъ души больной...
Жутко... страшно... Но бываетъ, сердце тьму по-
забываетъ:
Въ просвѣтленный чудный мигъ
Мысль далеко улетаетъ—въ книгѣ звѣздъ душа
читаетъ
Откровенье древнихъ книгъ...
Другъ, мужайся! День настанетъ! Въ аломъ блес-
кѣ солнце встанетъ,
Синей бурей море грянетъ,
Волны—пѣсни загудятъ!
Будетъ веселъ многоводный пиръ широкій, пиръ
свободный,—
Онъ смететъ грозой народной
Нашъ гранитный казематъ.
Мы разскажемъ міру тайны
Долгихъ лѣтъ и долгихъ мукъ,
И въ садахъ родной Украйны вспомнишь ты,
сосѣдъ случайный,
Нашъ условный тихій стукъ,
Стукъ привѣтный, звукъ отвѣтный,
Говоръ азбуки завѣтной—
Голосъ камня: тукъ... тукъ... тукъ! голосъ друга:
здравствуй другъ!»
Тихій стукъ, печальный стукъ—
Тукъ... тукъ... тукъ:
«Нѣтъ, не мнѣ въ саду зеленомъ встрѣтить пѣс-
ней и поклономъ
Лучъ багряный—вспышку дня!
Слышишь: льется нѣжнымъ стономъ, бьетъ по-
слѣднимъ перезвономъ

Часъ, желанный для меня.
Другъ, прощаюсь я съ тобою: смерть склонилась
надо мною
И рукою ледяною
Ужъ моихъ коснулась губъ...
Завтра утромъ два солдата
Унесутъ изъ каземата
Безымянный блѣдный трупъ...
Душно, душно... Умираю... Месть тебѣ я возвѣщаю:
Разскажи родному краю
Этотъ ужасъ долгихъ мукъ.
Ближе, ближе холодъ ночи... Давитъ грудь... Не
видятъ очи»...
Слабый стукъ—послѣдній стукъ:
«Милый другъ, спокойной ночи!»
Тукъ... тукъ... тукъ...

Юрій Свѣтогоръ.

УМИРАЮЩАЯ МАТЬ.

«Что, умерла? Жива? Потише говорите:
Быть можетъ, удалось на время ей заснуть».
И кто-то предложилъ: «ребенка принесите
И положите ей на грудь!»
И вотъ, на мѣстѣ томъ, гдѣ прежде сердце билось,
Ребенокъ съ плачемъ скрылъ лицо свое...
О, если и теперь она не пробудилась,—
Все кончено: молитесь за нее!

Н. А. Апухтинъ.

В. А. Жуковскій.

ДЕРЕВЕНСКІЙ СТОРОЖЪ ВЪ ПОЛНОЧЬ.

ИЗЪ ГЕБЕЛЯ.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!
Какъ все молчитъ!.. Въ полночной глубинѣ
Окрестность вся какъ будто притаилась;
Нѣтъ шороха въ кустахъ; тиха дорога;
Въ пустой дали не простучитъ телѣга,
Не скрипнетъ дверь; дыханье не провѣетъ,
И коростель замолкъ въ травѣ болотной.
Все, все теперь подъ занавѣсомъ спитъ;
И легкою ль, неслышною стопою
Прокрался здѣсь безплотный духъ... не знаю.
Но, чу... тамъ прудъ шумитъ: перебираясь
По мельничнымъ колесамъ неподвижнымъ,
Сонливою струей бѣжитъ вода;
И ласточка тайкомъ ползетъ по бревнамъ
Подъ кровлю, и сова перелетѣла
По небу тихому отъ колокольни,
И въ высотѣ, фонарь ночной, луна
Виситъ межъ облаковъ и свѣтитъ ясно,

И звѣздочки вдали небесной брежжутъ...
Не такъ же ли, когда осенней ночью
Измокнувшій, усталый отъ дороги,
Придешь домой, еще не видишь кровель,
А огонекъ ужъ тамъ и тутъ сверкаетъ?..
Но что жъ во мнѣ такъ сердце разгорѣлось?
Что на душѣ такъ радостно и смутно?
Какъ будто въ ней по родинѣ тоска!
Я плачу... но о чемъ? И самъ не знаю!

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!
Пускай темно на высотѣ:
Сіяютъ звѣзды въ темнотѣ.
То свѣтъ родимой стороны;
Про насъ онѣ тамъ зажжены.

Куда идти мнѣ? Въ нижнюю деревню,
Черезъ кладбище?.. Дверь отворена.
Подумаешь, что въ полночь изъ могилъ
Покойники выходятъ навѣстить
Свое село, провѣдать, все ли тамъ,
Какъ было въ старину. До сей поры,
Мнѣ помнится, еще ни одного
Не встрѣтилъ я. Не прокричать ли: п о л н о ч ь!
Покойникамъ?.. Нѣтъ, лучше по гробамъ
Пройду я молча, есть у нихъ на башнѣ
Свои часы. Къ тому же... какъ узнать,
Прошла ль уже ихъ полночь или нѣтъ?
Быть можетъ, что теперь лишь только тьма
Сгущается въ могилахъ... ночь долга;
Быть можетъ также, что струя разсвѣта
Уже мелькнула и для нихъ... кто знаетъ?
Какъ смирно здѣсь! знать, мертвые покойны?
Дай Богъ!.. Но мнѣ чего-то страшно стало.
Не все здѣсь умерло: я слышу, ходитъ
На башнѣ маятникъ... ты скажешь, бьется
Пульсъ времени въ его глубокомъ снѣ.
И холодомъ съ вершины дуетъ полночь;
Въ лугу ея дыханье бродитъ, тихо
Соломою на кровляхъ шевелитъ,
И пробирается сквозь тынъ со свистомъ,
И сыростью отъ стѣнъ церковныхъ пашетъ—

Окончины трясутся, и порой
Скрипитъ, качаясь, крестъ—здѣсь подуваетъ
Оно въ открытую могилу... Бѣдный Фрицъ!
И для тебя готовятъ ужъ постелю,
И каменный покровъ лежитъ при ней,
И на нее огни отчизны свѣтятъ.
Какъ быть! а всѣмъ одно; всѣхъ на пути
Застигнетъ сонъ... что жъ нужды! всѣ мы будемъ
На милой родинѣ; кто на кладбищѣ
Нашелъ постель—въ часъ добрый; вѣдь могила
Послѣдній на землѣ ночлегъ; когда же
Проглянетъ день, и мы, проснувшись, выйдемъ
На новый свѣтъ, тогда пути и часу
Не будетъ намъ съ ночлега до отчизны.

Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!
Сіяютъ звѣзды съ вышины,
То свѣтъ родимой стороны:
Туда черезъ могилу путь;
Въ могилѣ жъ... только отдохнуть.

Гдѣ былъ я? Гдѣ теперь? Иду деревней;
Прошелъ черезъ кладбище... Все покойно
И здѣсь и тамъ... И что жъ деревня въ полночь?
Не тихое ль кладбище? Развѣ тамъ,
Равно какъ здѣсь, не спятъ, не отдыхаютъ
Отъ долгія усталости житейской,
Отъ скорби, радости, подъ властью Бога,
Здѣсь въ хижинѣ, а тамъ въ сырой землѣ,
До яснаго, небеснаго разсвѣта?
А онъ ужъ не далёко... Какъ бы ночь
Не длилася и неба ни темнила,
А все разсвѣта намъ не миновать.
Деревню разъ, другой я обойду—
И пѣтухи начнутъ мнѣ откликаться,
И воздухъ утренній начнетъ въ лицо
Мнѣ дуть; проснется день въ бору, отдернетъ
Небесный занавѣсъ, и утро тихой
Струей прольется въ сумракъ; наконецъ,
Посмотришь: холмъ, и долъ, и лѣсъ сіяютъ;
Все встрепенулося; тамъ ставень вскрылся,
Тамъ отворилась дверь; и все очнулось,

И всюду жизнь свободная взыграла.
Ахъ! Царь небесный, что за праздникъ будетъ,
Когда послѣдняя промчится ночь!
Когда всѣ звѣзды, малыя, большія,
И мѣсяцъ и заря, и солнце вдругъ
Въ небесномъ пламени растаютъ, свѣтъ
До самой глубины могилъ прольется,
И скажутъ матери младенцамъ: у т р о!
И все отъ сна пробудится,—тамъ дверь
Тяжелая отворится, тамъ ставень;
И выглянутъ усопшіе оттуда!..
О, сколько бѣдъ забыто въ тихомъ снѣ!
И сколько ранъ глубокихъ въ самомъ сердцѣ
Исцѣлено! Встаютъ, здоровы, ясны;
Пьютъ воздухъ жизни; онъ вливаетъ крѣпость
Имъ въ душу... Но когда жъ тому случиться?
Полночь било! въ добрый часъ!
Спите, Богъ не спитъ за насъ!
Еще лежитъ на небѣ тѣнь;
Еще далеко свѣтлый день;
Но живъ Господь, онъ знаетъ срокъ:
Онъ вышлетъ утро на востокъ.

В. А. Жуковскій.

АЛЬПУХАРА.

Изъ „Конрада Валленрода" А. Мицкевича.

Смерть маврамъ! Испанцы, разбивъ ихъ отрады,
Ихъ давятъ подъ гнетомъ ярма;
У мавровъ остались твердыни Гренады.
Но горе! Въ Гренадѣ—чума.
Еще въ Альпухарѣ геройски безстрашенъ
Защитникъ ея—Альманзоръ.
Но врагъ подступилъ ужъ къ пятамъ ея башенъ.
И завтра—послѣдній напоръ!
И утро настало. Испанцы напали—
Твердыни разсыпались въ прахъ;

Съ чела минаретовъ кресты засверкали,
И замокъ—въ испанскихъ рукахъ.
Все пало: одинъ Альманзоръ не свалился
Съ врагами въ упорномъ бою;
Сквозь лѣсъ ихъ мечей онъ и копій пробился,
И бѣгствомъ спасъ душу свою.
Испанцы, справляя воинскій обычай,
Пируютъ; все взрыли до дна;
Средь падшаго замка живятся добычей,
Купаются въ морѣ вина.
И вдругъ—ихъ начальникамъ стража доноситъ,
Что прибылъ какой-то посолъ
И съ дарами,—и въ замокъ ихъ допуска проситъ.
«Впустить!» И посланникъ вошелъ.
То былъ Альманзоръ, то былъ царь мусульманскій.
Покорный верховной судьбѣ,
Онъ самъ предаетъ себя власти испанской,
И проситъ пощады себѣ.
«Испанцы!»—взываетъ:—«въ смиреньи глубокомъ,
Готовъ я главу низложить,
Увѣровать вашимъ великимъ пророкамъ,
И вашему Богу служить.
Весь свѣтъ пусть узнаетъ, что царь побѣжденный,
Своихъ побѣдителей зря,
Ихъ братомъ быть хочетъ въ странѣ ихъ законной,
Вассаломъ другого царя!»
Того, кто явилъ средь недавняго боя
Всю силу меча своего,
Узнали испанцы, и чтятъ въ немъ героя;
Ихъ вождь обнимаетъ его;
И всѣмъ Альманзоръ имъ лобзаньями платитъ,
Отъ этого рвется къ тому,
И снова вождя ихъ то за руку схватитъ,
То прянетъ на шею къ нему.
Упалъ на колѣни къ его онъ подножью,
Развитымъ тюрбаномъ своимъ
Обвилъ его ноги съ болѣзненной дрожью,
И тянется въ прахѣ за нимъ.
И всталъ,—и ужасенъ испанцамъ явился...
Весь синій взглянулъ на враговъ,—
Средь адскаго хохота ротъ искривился,

Изъ глазъ его брызнула кровь.
«Взгляните, гяуры: каковъ я! Предъ вами
Въ лицѣ моемъ гибель сама.
Я къ вамъ изъ Гренады посланникъ съ дарами:
Гяуры, мой даръ вамъ—чума.
Я къ вамъ простиралъ зараженныя руки,
Мой ядъ будетъ васъ пожирать,
Мои изучайте вы корчи и муки:
Вѣдь въ нихъ же и вамъ умирать!»
Онъ ринулся на земь, и, кажется, хочетъ
Обнять всѣхъ испанцевъ, сводя
Средь судорогъ руки кольцомъ, и хохочетъ,
Хохочетъ, смотря на вождя.
И стынетъ, и взоръ онъ свой, кровью налитый,
Со злобой навѣкъ закатилъ;
И рта не замкнулъ онъ, и смѣхъ ядовитый
Къ устамъ искривленнымъ пристылъ.
Испанцы отъ горъ Альпухары въ тревогѣ
Помчались,—и войска ихъ тьма,
Средь страшныхъ мученій, легла на дорогѣ:
Ихъ всѣхъ доконала чума.

В. Г. Бенедиктовъ.

ВИРЪ.

Гдѣ ельникъ сумрачный стоитъ
Въ лѣсу зубчатомъ темнымъ строемъ,
Гдѣ старый позабытый скитъ
Манитъ задумчивымъ покоемъ,

Есть птица Вирь. Ея уборъ
Весь сѣро-аспиднаго цвѣта,
Головка въ хохолкѣ, а взоръ
Исполненъ скорбнаго привѣта.

Она такъ жалостно поетъ,
Съ такою нѣжностью глубокой,
Что если къ скиту забредетъ
Случайно спутникъ одинокій—

Онъ не покинетъ тѣ мѣста:
Лѣсъ молчаливый и унылый
И скорбной пѣсни красота
Полны таинственною силой!

Вирь тихо плачетъ межъ вѣтвей,
Вирь состраданія не знаетъ,
И человѣкъ идетъ за ней
И дней печальныхъ не считаетъ.

Бозмолвной жалостью къ себѣ,
Томленьемъ сладостнымъ объятый,
Покорный горестной судьбѣ,
Онъ помнитъ лишь одни закаты.

И вотъ, когда въ лѣсу пустомъ
Горитъ заря, а ельникъ черный
Стоитъ на фонѣ золотомъ
Стѣною траурно-узорной,

Съ какой отрадой ловитъ онъ
Все, что зарей еще печальнѣй:
Вечерній колокольный звонъ,
Напѣвы женщинъ въ рощѣ дальней,

И гулъ сосны, и вѣтерка,
Однообразный шелестъ въ чащѣ...
Невыразима ихъ тоска,
И нѣтъ ея больнѣй и слаще!

Когда же лѣсъ, одѣтый тьмой,
Сгустится въ ней, и тьма сольется
Съ его могильной бахромой—
Вирь въ темнотѣ тревожно вьется,

Въ испугѣ бьется средь вѣтвей,
Тоскливо стонетъ и рыдаетъ,
И тѣмъ тоскливѣй, тѣмъ грустнѣй,
Чѣмъ человѣкъ больнѣй страдаетъ...

Въ старинной книгѣ прочиталъ
Я эту повѣсть. Вирь донынѣ
Живетъ въ лѣсу, гдѣ скитъ стоялъ,
Гдѣ лѣсъ безмолвенъ, какъ въ пустынѣ.

Я вѣрю грустнымъ тѣмъ мѣстамъ,
Я вѣрю темному преданью...
Я посвящаю «Вирь» мечтамъ
И одинокому страданью.

Иванъ Бунинъ.

* * *

Другъ мой, братъ мой, усталый, страдающій братъ,
Кто бъ ты ни былъ, не падай душой:
Пусть неправда и зло полновластно царятъ
Надъ омытой слезами землей.
Пусть разбитъ и поруганъ святой идеалъ
И струится невинная кровь:—
Вѣрь, настанетъ пора—и погибнетъ Ваалъ,
И вернется на землю любовь!
Не въ терновомъ вѣнцѣ, не подъ гнетомъ цѣпей,
Не съ крестомъ на согбенныхъ плечахъ,—
Въ міръ придетъ она въ силѣ и славѣ своей,
Съ яркимъ свѣточемъ счастья въ рукахъ.
И не будетъ на свѣтѣ ни слезъ, ни вражды,
Ни безкрестныхъ могилъ, ни рабовъ,
Ни нужды, безпросвѣтной, мертвящей нужды,
Ни меча, ни позорныхъ столбовъ.
О, мой другъ! Не мечта этотъ свѣтлый приходъ,
Не пустая надежда одна:
Оглянись:—зло вокругъ черезчуръ ужъ гнететъ,
Ночь вокругъ черезчуръ ужъ темна!
Міръ устанетъ отъ мукъ, захлебнется въ крови,
Утомится безумной борьбой,—
И подниметъ къ любви, къ беззавѣтной любви,
Очи, полныя скорбной мольбой!..

С. Я. Надсонъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

ИЗЪ СТИХОТВОРЕНІЯ «1831 ГОДА, ІЮНЯ 11».

Моя душа, я помню, съ дѣтскихъ лѣтъ
Чудеснаго искала. Я любилъ
Всѣ обольщенья свѣта, но не свѣтъ,
Въ которомъ я минутами лишь жилъ;
И тѣ мгновенья были мукъ полны,
И населялъ таинственные сны
Я этими мгновеньями... Но сонъ,
Какъ міръ, не могъ быть ими омраченъ.
Какъ часто силой мысли въ краткій часъ
Я жилъ вѣка и жизнію иной,
И о землѣ позабывалъ. Не разъ,
Встревоженный печальною мечтой,
Я плакалъ; но всѣ образы мои,
Предметы мнимой злобы иль любви,
Не походили на существъ земныхъ.
О, нѣтъ, все было адъ, иль небо въ нихъ!

Холодной буквой трудно объяснить
Боренье думъ. Нѣтъ звуковъ у людей
Довольно сильныхъ, чтобъ изобразить
Желаніе блаженства. Пылъ страстей
Возвышенныхъ я чувствую; но словъ
Не нахожу, и въ этотъ мигъ готовъ
Пожертвовать собой, чтобъ какъ-нибудь
Хоть тѣнь ихъ перелить въ другую грудь.
Извѣстность, слава,—что́ онѣ? А есть
У нихъ и надо мною власть: и мнѣ онѣ
Велятъ себѣ на жертву все принесть;
И я влачу мучительные дни,
Безъ цѣли, оклеветанъ, одинокъ,
Но вѣрю имъ! Невѣдомый пророкъ
Мнѣ обѣщалъ безсмертье, и, живой,
Я смерти отдалъ все, что́ даръ земной.
Но для небеснаго могилы нѣтъ.
Когда я буду прахъ, мои мечты,
Хоть не пойметъ ихъ, удивленный свѣтъ
Благословитъ; и ты, мой ангелъ, ты
Со мною не умрешь: моя любовь
Тебя отдастъ безсмертной жизни вновь;
Съ моимъ названьемъ станутъ повторять
Твое: на что имъ мертвыхъ разлучать?
. . . . . .
Печаленъ степи видъ, гдѣ безъ препонъ,
Волнуя лишь серебряный ковыль,
Скитается летучій аквилонъ
И предъ собой свободно гонитъ пыль,
И гдѣ кругомъ, какъ зорко ни смотри,
Встрѣчаетъ взглядъ березы двѣ иль три.
Которыя подъ синеватой мглой
Чернѣютъ вечеромъ въ дали пустой.
Такъ жизнь скучна, когда боренья нѣтъ.
Въ минувшее проникнувъ, различить
Въ ней мало дѣлъ мы можемъ,—въ цвѣтѣ лѣтъ
Она души не будетъ веселить.
Мнѣ нужно дѣйствовать, я каждый день
Безсмертнымъ сдѣлать бы желалъ, какъ тѣнь
Великаго героя; и понять
Я не могу, что́ значитъ отдыхать.

Всегда кипитъ и зрѣетъ что-нибудь
Въ моемъ умѣ. Желанье и тоска
Тревожатъ безпрестанно эту грудь.
Но что-жъ? Мнѣ жизнь все какъ-то коротка,
И все боюсь, что не успѣю я
Свершить чего-то. Жажда бытія
Во мнѣ сильнѣй страданій роковыхъ,
Хотя я презираю жизнь другихъ.

. . . . . .

Я предузналъ мой жребій, мой конецъ,
И грусти ранняя на мнѣ печать,
И какъ я мучусь—знаетъ лишь Творецъ,
Но равнодушный міръ не долженъ знать.
И не забытъ умру я. Смерть моя
Ужасна будетъ; чудные края
Ей удивятся, а въ родной странѣ
Всѣ проклянутъ и память обо мнѣ.

. . . . . .

Кровавая меня могила ждетъ,
Могила безъ молитвъ и безъ креста,
На дикомъ берегу ревущихъ водъ
И подъ туманнымъ небомъ; пустота
Кругомъ. Лишь чужестранецъ молодой,
Невольнымъ сожалѣньемъ и молвой
И любопытствомъ приведенъ сюда,
Сидѣть на камнѣ станетъ иногда.
И скажетъ: отчего не понялъ свѣтъ
Великаго, и какъ онъ не нашелъ
Себѣ друзей и какъ любви привѣтъ
Къ нему надежду въ сердце не привелъ?
Онъ былъ ея достоинъ.—И печаль
Его встревожитъ, онъ посмотритъ въ даль:
Увидитъ облака съ лазурью волнъ,
И бѣлый парусъ, и бѣгущій челнъ,
И мой курганъ!—Любимыя мечты
Мои подобны этимъ: сладость есть
Во всемъ, что не сбылось; есть красоты
Въ такихъ картинахъ—только перенесть
Ихъ на бумагу трудно: мысль сильна

Когда размѣромъ словъ не стѣснена,
Когда свобода, какъ игра дѣтей,
Какъ арфы звукъ въ молчаніи ночей!

М. Ю. Лермонтовъ.

ОТРЫВОКЪ ИЗЪ ПОЭМЫ «МЦЫРИ».

Чернецъ и мцыри.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ,—благодарю.
Все лучше передъ кѣмъ-нибудь
Словами облегчить мнѣ грудь;
Но людямъ я не дѣлалъ зла,
И потому мои дѣла
Не много пользы вамъ узнать—
А душу можно-ль разсказать?
Я мало жилъ, и жилъ въ плѣну.
Такихъ двѣ жизни за одну,
Но только полную тревогъ,
Я промѣнялъ бы, если бъ могъ.
Я зналъ одной лишь думы власть,
Одну—но пламенную страсть:
Она, какъ червь, во мнѣ жила,
Изгрызла душу и сожгла.
Она мечты мои звала
Отъ келій душныхъ и молитвъ
Въ тотъ чудный міръ тревогъ и битвъ,
Гдѣ въ тучахъ прячутся скалы,
Гдѣ люди вольны, какъ орлы.
Я эту страсть во тьмѣ ночной
Вскормилъ слезами и тоской;
Ее предъ небомъ и землей
Я нынѣ громко признаю
И о прощеньи не молю.

«Старикъ! я слышалъ много разъ,
Что ты меня отъ смерти спасъ.—

Зачѣмъ?.. Угрюмъ и одинокъ,
Грозой оторванный листокъ,
Я выросъ въ сумрачныхъ стѣнахъ,
Душой дитя, судьбой монахъ.
Я никому не могъ сказать
Священныхъ словъ «отецъ» и «мать».
Конечно, ты хотѣлъ, старикъ,
Чтобъ я въ обители отвыкъ
Отъ этихъ сладостныхъ именъ,—
Напрасно: звукъ ихъ былъ рожденъ
Со мной. Я видѣлъ у другихъ
Отчизну, домъ, друзей, родныхъ,
А у себя не находилъ
Не только милыхъ душъ—могилъ!
Тогда, пустыхъ не тратя слезъ,
Въ душѣ я клятву произнесъ:
Хотя на мигъ когда-нибудь,
Мою пылающую грудь
Прижать съ тоской къ груди другой,
Хоть незнакомой, но родной.
Увы! теперь мечтанья тѣ
Погибли въ полной красотѣ,
И я, какъ жилъ, въ землѣ чужой
Умру рабомъ и сиротой.

«Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ;
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ.
Я молодъ, молодъ... зналъ ли ты
Разгульной юности мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ,
Какъ сердце билося живѣй
При видѣ солнца и полей,
Съ высокой башни угловой,
Гдѣ воздухъ свѣжъ и гдѣ порой
Въ глубокой скважинѣ стѣны,
Дитя невѣдомой страны,
Прижавшись, голубь молодой
Сидитъ, испуганный грозой?

Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постылъ: ты слабъ, ты сѣдъ
И отъ желаній ты отвыкъ.
Что за нужда? Ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ,—я также могъ бы жить!
. . . . . .
«Прощай отецъ... дай руку мнѣ.
Ты чувствуешь: моя въ огнѣ...
Знай, этотъ пламень съ юныхъ дней,
Таяся, жилъ въ груди моей;
Но нынѣ пищи нѣтъ ему,
И онъ прожегъ свою тюрьму,
И возвратится вновь къ Тому,
Кто всѣмъ законной чередой
Даетъ страданье и покой...
Но что мнѣ въ томъ? Пускай въ раю.
Въ святомъ, заоблачномъ краю,
Мой духъ найдетъ себѣ пріютъ...
Увы! за нѣсколько минутъ
Между крутыхъ и темныхъ скалъ,
Гдѣ я въ ребячествѣ игралъ,
Я бъ рай и вѣчность промѣнялъ!..

«Когда я стану умирать,—
И вѣрь—тебѣ не долго ждать,—
Ты перенесть меня вели
Въ нашъ садъ, въ то мѣсто, гдѣ цвѣли
Акацій бѣлыхъ два куста...
Трава межъ ними такъ густа.
И свѣжій воздухъ такъ душистъ,
И такъ прозрачно-золотистъ
Играющій на солнцѣ листъ!
Тамъ положить вели меня.
Сіяньемъ голубого дня
Упьюся я въ послѣдній разъ.
Оттуда виденъ и Кавказъ!
Быть-можетъ, онъ съ своихъ высотъ
Привѣтъ прощальный мнѣ пришлетъ,
Пришлетъ съ прохладнымъ вѣтеркомъ...
И близъ меня передъ концомъ
Родной опять раздастся звукъ!

И стану думать я, что другъ
Иль братъ, склонившись надо мной,
Отеръ внимательной рукой
Съ лица кончины хладный потъ,
И что вполголоса поетъ
Онъ мнѣ про милую страну...
И съ этой мыслью я засну,
И никого не прокляну!..»

М. Ю. Лермонтовъ.

ПОЭТЪ

Отдѣлкой золотой блистаетъ мой кинжалъ;
Клинокъ надежный, безъ порока:
Булатъ его хранитъ таинственный закалъ—
Наслѣдье браннаго Востока.
Наѣзднику въ горахъ служилъ онъ много лѣтъ,
Не зная платы за услугу;
Не по одной груди провелъ онъ страшный слѣдъ
И не одну прорвалъ кольчугу.
Забавы онъ дѣлилъ послушнѣе раба:
Звенѣлъ въ отвѣтъ рѣчамъ обиднымъ;
Въ тѣ дни была въ ему богатая рѣзьба
Нарядомъ чуждымъ и постыднымъ.
Онъ взятъ за Терекомъ отважнымъ казакомъ
На хладномъ трупѣ господина,
И долго онъ лежалъ, заброшенный потомъ,
Въ походной лавкѣ армянина.
Теперь родныхъ ножонъ, избитыхъ на войнѣ,
Лишенъ героя спутникъ бѣдный;
Игрушкой золотой онъ блещетъ на стѣнѣ—
Увы, безславный и безвредный!
Никто привычною, заботливой рукой
Его не чиститъ, не ласкаетъ,
И надписи его, молясь передъ зарей,
Никто съ усердьемъ не читаетъ...

* * *

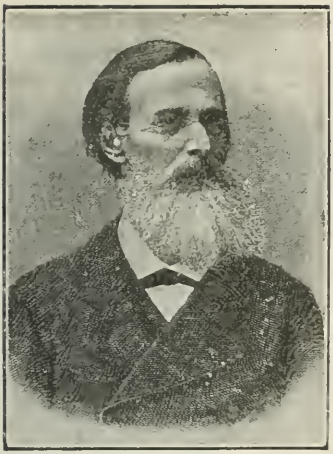
Въ нашъ вѣкъ изнѣженный не такъ ли ты, поэтъ,
Свое утратилъ назначенье,
На злато промѣнявъ ту власть, которой свѣтъ
Внималъ въ нѣмомъ благоговѣньѣ?
Бывало, мѣрный звукъ твоихъ могучихъ словъ
Воспламенялъ бойца для битвы;
Онъ нуженъ былъ толпѣ, какъ чаша для пировъ,
Какъ ѳиміамъ въ часы молитвы.
Твой стихъ, какъ Божій духъ, носился надъ толпой,
И отзывъ мыслей благородныхъ
Звучалъ какъ колоколъ на башнѣ вѣчевой
Во дни торжествъ и бѣдъ народныхъ.
Но скученъ намъ простой и гордый твой языкъ,
Насъ тѣшутъ блестки и обманы;
Какъ ветхая краса, нашъ ветхій міръ привыкъ
Морщины прятать подъ румяны...
Проснешься ль ты опять, осмѣянный пророкъ,
Иль никогда, на голосъ мщенья,
Изъ золотыхъ ножонъ не вырвешь свой клинокъ
Покрытый ржавчиной презрѣнья?

М. Ю. Лермонтовъ.

ИЗЪ ТЮРЕМНЫХЪ МЕЛОДІИ.

Я отыскалъ два-три куплета
На старой выцвѣтшей стѣнѣ:
«Откликнись, братъ мой! Душно мнѣ!
Ночь безъ конца и безъ просвѣта».
. . . . . .
И вижу я, что риѳмы плохи,
Что стихъ небреженъ, но въ тиши
Я, будто, слышу, слышу вздохи
Тоской истерзанной души!

А. Ленцевичъ.



А. Н. Майковъ.

СТАРОЕ И НОВОЕ.

Отрыв. изъ поэмы „Поля".

Въ телегѣ ѣду по холмамъ.
Порой для взора нѣтъ границъ...
И все поля по сторонамъ,
И надъ полями стаи птицъ...

Я ѣду день, я ѣду два—
И все поля, кругомъ поля!
Мелькнетъ жилье, мелькнетъ едва,
А тамъ поля, опять поля!
Порой ручей, порой оврагъ.
А тамъ поля, опять поля!
И въ золотыхъ опять волнахъ
Съ холма на холмъ взлетаю я.
Но гдѣ же люди? Ни души
Среди безмолвныхъ деревень...

Не вѣрится такой глуши!
Хотя бы встрѣча въ цѣлый день!
Лишь утромъ сѣрый четверикъ
Передо мною пролетѣлъ...
Въ пыли лишь красный воротникъ
Да черный усъ я разглядѣлъ...

Вотъ наконецъ бредетъ старикъ...
Остановился, шляпу снялъ,
Бормочетъ что-то... «Стой ямщикъ!
Эй, дядя! съ чѣмъ Господь послалъ?»
—«Осмѣлюсь, баринъ, попросить
Не подвезете ль старика?»
—«Садись! зачѣмъ не услужить?
Услуга жъ такъ. не велика!»

—«Садись!»—«Я здѣсь, на облучекъ.»
—«Да мѣсто есть: садись рядкомъ!»
Но споромъ взять никто бъ не могъ!
Старикъ уперся на своемъ:

Твердилъ, что въ людяхъ онъ пожилъ
И къ обращенію привыкъ,
И знаетъ свѣтъ; иначе бъ былъ
«Необразованный мужикъ!»

У старика былъ хмурый видъ,
Цвѣтисто-вычурная рѣчь;
Одѣтъ былъ бѣдно, но обритъ.
И бакенбардъ висѣлъ до плечъ.

—«Я былъ дворовый человѣкъ—
Онъ говорилъ—у князя Б.,
Да вотъ, пришлось кончать свой вѣкъ
На волѣ! Самъ ужъ по себѣ!»

— «И слава Богу!»—«Какъ кому!
И какъ кто разумѣетъ свѣтъ!
А по понятью моему,
Отъ всей ихъ воли—толку нѣтъ!

Еще я нынѣшнихъ князей,
Выходитъ, дѣдушкѣ служилъ...
Князь различать умѣлъ людей:
Я въ домѣ, можетъ, первый былъ!

Да вотъ, настали времена!
Теперь иди, хоть волкомъ вой!

Стара собака, не година,
Ѣстъ даромъ хлѣбъ—такъ съ глазъ
долой!
Еще скажу: добры князья!
—Съ тебя оброку не хотимъ;
А хочешь землю, молъ,—такъ я:
— Покорно васъ благодаримъ!—
Жаль ихъ самихъ!» И тутъ старикъ
Повелъ разсказъ, какъ врозь идетъ
Весь княжій дворъ: шалитъ мужикъ,
Заброшенъ сахарный заводъ,
Слѣда ужъ нѣтъ оранжерей,
Охота, птичникъ и пруды,
И всѣ забавы для гостей,
И карусели, и сады—
Все въ запущеньи, все гніетъ...
Усадьба—прежде городокъ
Была! Вездѣ присмотръ, народъ,
И пей и ѣшь. Все было впрокъ!
«Да, вспомянешь про старину!»
Онъ заключилъ: «былъ складъ да ладъ!
Э, ну ихъ съ волей! Право, ну!
Да что она? одинъ развратъ!
Одинъ развратъ!» онъ повторялъ...
Отжившій міръ въ его лицѣ,
Казалось, силы напрягалъ
Какъ пламя, вспыхнувъ при концѣ...
«Вотъ парень вамъ изъ молодыхъ»,—
Сказалъ онъ, кинувъ грозный взглядъ
На ямщика:—«спросите ихъ,
Куда глядятъ? чего хотятъ?»
Тотъ поглядѣлъ ему въ лицо,
Но за отвѣтомъ сталъ втупикъ:
Никакъ желанное словцо
Не попадало на языкъ...
—«Чего...» онъ началъ было вслухъ...
Да вдругъ какъ кудрями встряхнетъ,
Да вдругъ какъ свиснетъ во весь духъ,—
И тройка ринулась впередъ!
Впередъ—въ пространство безъ конца!
Впередъ—не внемля ничему!

То былъ отвѣтъ ли молодца,
И кони ль вторили ему.—
Но мы неслись, какъ отъ волковъ,
Какъ изъ-подъ тучи грозовой,
Какъ бы мучителей-бѣсовъ
Погоню слыша за собой...
Неслись... а вкругъ по сторонамъ
Поля мелькали, и не разъ
Овечье стадо здѣсь и тамъ
Кидалось въ сторону отъ насъ...
Неслись... «Куда жъ те дьяволъ мчитъ!»
Вдругъ сорвалось у старика.
А тотъ летитъ, лишь въ даль глядитъ.
А даль-то, даль—какъ широка!...

А. Н. Майковъ.

ВХОДЪ ВОСПРЕЩАЕТСЯ.

«Входъ воспрещается»,—какъ часто надпись эту
Встрѣчаешь на вратахъ, гдѣ хочешь ты войти,
Гдѣ входятъ многіе, тебѣ жъ—посмотришь—нѣту
Свободнаго пути!
Тамъ—кабинетъ чудесъ; тамъ—рѣдкостей палата!
Хотѣлъ бы посмотрѣть!—Туда навезено
Диковинъ множество, и мрамора, и злата.
Пойдешь—воспрещено!
Тамъ, смотришь, голова! Прекрасной мысли, знанья
Ты пробуешь внести въ нее отрадный свѣтъ,
Напрасно: тутъ на лбу, какъ на фронтонѣ зданья,
Отмѣтка: «впуска нѣтъ».
А тамъ—храмъ счастія; кругомъ толпы народа;
Иные входятъ внутрь; ты хочешь проскользнуть,
Но стража грозная, стоящая у входа,
Твой заграждаетъ путь.
Ты просишь, кланяясь учтиво и покорно,
Ногою шаркая, подошвою скользя:

«Позвольте!»—А тебѣ настойчиво упорно
Отвѣтствуютъ:—нельзя.—
«Да почему жъ нельзя? Проходятъ же другіе!»
Спросили мы тогда, а намъ гремѣлъ отвѣтъ:
—Проходятъ, можетъ быть, да это не такіе;—
Для васъ тутъ мѣста нѣтъ.
Вы—безъ протекціи. Вы что? Народъ небесный!
Ни знатныхъ, ни большихъ рука вамъ не далась,
Вотъ если бы хоть барыни извѣстной
Ходатайство объ васъ!
Просили бы о васъ пригожія сестрицы,
Колдунья-бабушка, иль полновѣсный братъ,
А то вы налегкѣ летите, словно птицы:
Назадъ, дружки, назадъ!
«Что дѣлать?—Отойдемъ! Намъ не добиться
счастья,»—
Мы грустно молвили:—«златой его вѣнецъ
Намъ, вѣрно, не къ лицу. Поищемъ же участья
У ангельскихъ сердецъ!»
Идемъ. Вотъ женщина: открытая улыбка,—
Открытое лицо, открытый милый взглядъ!
Знать, сердце таково жъ... Приблизились: ошибка!
И тутъ ступай назадъ!
«Входъ воспрещается»—задернута завѣса,
Дверь сердца заперта; несчастный не войдетъ,
А между тѣмъ туда жъ какой-нибудь повѣса
Торжественно идетъ.
Дивишься иногда, какъ въ самый мигъ рожденья
Намъ былъ дозволенъ входъ на этотъ бѣлый
свѣтъ,
И какъ не прогремѣлъ намъ голосъ отверженья,
Что намъ тутъ мѣста нѣтъ.
Одинъ еще открытъ намъ путь—и насъ уважутъ:—
Я знаю, какъ придетъ святая череда,
«Не воспрещается,»—намъ у кладбища скажутъ:—
«Пожалуйте сюда!»
На дрогахъ насъ везутъ; широкую дорогу
Мы видимъ, наконецъ, и ѣдемъ безъ труда.
Вотъ тутъ и ляжемъ мы близъ церкви, слава Богу!
Но нѣтъ—и тутъ бѣда:
И мертвымъ намъ кричатъ: «куда вы? Тутъ ограда;

Здѣсь мѣсто мертвецамъ большимъ отведено;
Вамъ дальше есть мѣста четвертаго разряда,
А тутъ—воспрещено!»

В. Г. Бенедиктовъ.

ВЪ ЛУННУЮ НОЧЬ.

Полночный мракъ... Лишь луннымъ свѣтомъ
Въ моей тюрьмѣ озарена
Съ ночного неба, теплымъ лѣтомъ,
Рѣшетка узкаго окна.
О, сколько разъ, во дни былого,
Въ иные дни съ закатомъ дня,
Вотъ такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Я былъ дитя. Вскочивъ съ кроватки,
Прижавшись къ нянѣ въ поздній часъ,
Я слушалъ, словно въ лихорадкѣ,
О Змѣй-Горынычѣ разсказъ.
Все въ чудной сказкѣ было ново!..
А въ дѣтской темно... нѣтъ огня...
И такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Я помню ночь. Всѣ въ домѣ спали:
Лишь мы въ аллеѣ, милый другъ,
Какъ дѣти, трепетно дрожали
За каждый шелестъ, каждый звукъ.
Руки пожатье... полуслово...
И мягкимъ свѣтомъ осѣня,
Вотъ такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Осенній вечеръ. Тускло зала
Озарена... А впереди,
Въ гробу, въ цвѣтахъ она лежала,—
Сложивши руки на груди.
Въ углу отъ горя рокового
Рыдалъ я, жизнь свою кляня...

И такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Метель... Сугробы... съ дикимъ воемъ
Вокругъ меня стонала степь...
Я шелъ закованный, съ конвоемъ...
Въ ногахъ звучала мѣрно цѣпь...
Повсюду снѣгъ блестѣлъ... И снова,
Какъ будто путника виня,
Вотъ такъ же съ неба голубого
Луна смотрѣла на меня!
Свидѣтель жизни неудачной,
Ты ненавистна мнѣ, луна!
Такъ не смотри же въ уголъ мрачный
Сквозь раму тускаго окна,
И не буди того тревожно,
Что улеглось во мнѣ давно...
Пусть лучше въ небѣ будетъ темно,
Какъ на душѣ моей темно!

Д. Д. Минаевъ.

УТЕСЪ.

Отошло далеко море,
Опустѣли берега;
И утесъ—въ глубокомъ горѣ:
Нѣтъ ни друга, ни врага...
Это море такъ ласкало
Съ тихимъ трепетомъ его,
Такъ любовно обнимало
Ноги друга своего!
Но оно такъ прихотливо
И капризно на бѣду:
И любовь его такъ живо
Переходитъ во вражду!
Много разъ оно вздымалось
Противъ друга своего,
Злобно пѣнилось, бросалось
Съ дикимъ ревомъ на него.

Терпѣливъ утесъ гранитный,—
Такъ онъ созданъ былъ судьбой,—
И спокойно, съ силой скрытной
Онъ вступалъ съ волнами въ бой.
Зналъ онъ, что побѣду въ спорѣ
Одержать всегда онъ могъ
И что снова ляжетъ море
У его гранитныхъ ногъ.
Зналъ, что послѣ схватки бурной
Любоваться будетъ онъ
Гладью водъ его лазурной
Иль внимать ему сквозь сонъ.
Это все прошло,—и нынѣ
Какъ онъ мраченъ и суровъ,
Одинокъ въ своей пустынѣ,
Посреди сухихъ песковъ!
Иль забылъ онъ, старый воинъ,
Что не разъ ему такъ зло
Много трещинъ и пробоинъ
Это море нанесло?
Нѣтъ! онъ любитъ эти раны,
Эту память прежнихъ дней;
Морю онъ простилъ обманы...
Тѣмъ печаль его сильнѣй.
Онъ простилъ,—онъ безконечно
Радъ прощать... Изъ-за чего
Такъ спокойно и безпечно
Море бросило его?
Иль душѣ его мятежной
Было слишкомъ скучно съ нимъ,
И всю прелесть ласки нѣжной
Море отдало другимъ?
И тоскуетъ старый воинъ,
И поетъ на всѣ лады:
«Неужели недостоинъ
Я ни дружбы, ни вражды?..»

Д. Михаловскій.

Н. А. Некрасовъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «САША».

Словно какъ мать надъ сыновней могилой,
Стонетъ куликъ надъ равниной унылой;
Пахарь ли пѣсню вдали запоетъ—
Долгая пѣсня за сердце беретъ;
Лѣсъ ли начнется—сосна да осина...
Не весела ты, родная картина!
Что же молчитъ мой озлобленный умъ?..
Сладокъ мнѣ лѣса знакомаго шумъ,
Любо мнѣ видѣть знакомую ниву—
Дамъ же я волю благому порыву
И на родимую землю мою
Всѣ накипѣвшія слезы пролью!
Злобою сердце питаться устало—
Много въ ней правды, да радости мало;
Спящихъ въ могилахъ виновныхъ тѣней
Не разбужу я враждою моей.
Родина-мать! я душою смирился,
Любящимъ сыномъ къ тебѣ воротился.
Сколько-бъ на нивахъ безплодныхъ твоихъ
Даромъ не сгинуло силъ молодыхъ,
Сколько бы ранней тоски и печали
Вѣчныя бури твои ни нагнали

На боязливую душу мою—
Я побѣжденъ предъ тобою стою!
Силу сломили могучія страсти,
Гордую волю погнули напасти,
И про убитую музу мою
Я похоронныя пѣсни пою.
Предъ тобою мнѣ плакать не стыдно,
Ласку твою мнѣ принять не обидно—
Дай мнѣ отраду объятій родныхъ,
Дай мнѣ забвенье страданій моихъ!
Жизнью измятъ я... и скоро я сгину...
Мать не враждебна и къ блудному сыну:
Только-что ей я объятья раскрылъ—
Хлынули слезы, прибавилось силъ.
Чудо свершилось: убогая нива
Вдругъ просвѣтлѣла, пышна и красива,
Ласковѣй машетъ вершинами лѣсъ,
Солнце привѣтливѣй смотритъ съ небесъ.

Н. А. Некрасовъ.

РЫЦАРЬ НА ЧАСЪ.

Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Посреди безконечныхъ луговъ,
За селомъ, на горѣ невысокой,
Вся бѣла, вся видна при лунѣ,
Церковь старая чудится мнѣ,
И на бѣлой церковной стѣнѣ
Отражается крестъ одинокій.
Да! я вижу тебя, Божій домъ!
Вижу надписи вдоль по карнизу
И апостола Павла съ мечомъ,
Облаченнаго въ свѣтлую ризу.
Поднимается сторожъ-старикъ
На свою колокольню-руину;
На тѣни онъ громадно великъ:

Пополамъ пересѣкъ всю равнину.
Поднимись!—и медлительно бей,
Чтобы слышалось долго гудѣнье!
Въ тишинѣ деревенскихъ ночей
Этихъ звуковъ властительно пѣнье:
Если есть въ околоткѣ больной,
Онъ при нихъ встрепенется душой
И, считая внимательно звуки,
Позабудетъ на мигъ свои муки;
Одинокій ли путникъ ночной
Ихъ заслышитъ—бодрѣе шагаетъ;
Ихъ заботливый пахарь считаетъ
И, крестомъ осѣнясь въ полуснѣ,
Проситъ Бога о вѣдряномъ днѣ.

Звукъ за звукомъ, гудя, прокатился,
Насчиталъ я двѣнадцать часовъ.
Съ колокольни старикъ возвратился,
Слышу шумъ его звонкихъ шаговъ,
Вижу тѣнь его; сѣлъ на ступени,
Дремлетъ, голову свѣсивъ въ колѣни.
Онъ въ мохнатую шапку одѣтъ,
Въ балахонѣ убогомъ и темномъ...
Все, чего не видалъ столько лѣтъ,
Отъ чего я пространствомъ огромнымъ
Отдаленъ—все живетъ предо мной,
Все такъ ярко рисуется взору,
Что не вѣрится мнѣ въ эту пору,
Чтобъ не могъ увидать я и той,
Чья душа здѣсь незримо витаетъ,
Кто подъ этимъ крестомъ почиваетъ...

Повидайся со мною, родимая!,
Появись легкой тѣнью на мигъ!
Всю ты жизнь прожила нелюбимая
Всю ты жизнь прожила для другихъ.
Съ головой, бурямъ жизни открытою,
Весь свой вѣкъ подъ грозою сердитою
Простояла ты,—грудью своей
Защищая любимыхъ дѣтей.
И гроза надъ тобой разразилася!
Ты, не дрогнувъ, ударъ приняла,

За враговъ, умирая, молилася,
На дѣтей милость Бога звала.
Неужели за годы страданія
Тотъ, кто столько тобою былъ чтимъ,
Не пошлетъ тебѣ радость свиданія
Съ погибающимъ сыномъ твоимъ?..

Я кручину мою многолѣтнюю
На родимую грудь изолью,
Я тебѣ мою пѣсню послѣднюю,
Мою горькую пѣсню спою.
О, прости! то не пѣснь утѣшенія,
Я заставлю страдать тебя вновь,
Но я гибну—и ради спасенія
Я твою призываю любовь!
Я пою тебѣ пѣснь покаянія,
Чтобы кроткія очи твои
Смыли жаркой слезою страданія
Всѣ позорныя пятна мои!
Чтобъ ту силу, свободную, гордую,
Что въ мою заложила ты грудь,
Укрѣпила ты волею твердою
И на правый поставила путь...

Треволненья мірского далекая,
Съ неземнымъ выраженьемъ въ очахъ,
Русокудрая, голубоокая,
Съ тихой грустью на блѣдныхъ устахъ,
Подъ грозой величаво-безгласная—
Молода умерла ты, прекрасная,
И такой же явилась ты мнѣ
При волшебно-свѣтящей лунѣ.
Да! я вижу тебя блѣднолицую,
И на судъ твой себя отдаю.
Не робѣть передъ правдой-царицею
Научила ты музу мою;
Мнѣ не страшны друзей сожалѣнія,
Не обидно враговъ торжество,—
Изреки только слово прощенія,
Ты, чистѣйшей любви божество!
Что враги? пусть клевещутъ язвительнѣй,
Я пощады у нихъ не прошу:

Не придумать имъ казни мучительнѣй
Той, которую въ сердцѣ ношу!
Что друзья? Наши силы не ровныя:
Я ни въ чемъ середины не зналъ,
Что обходятъ они, хладнокровные,
Я на все безразсудно дерзалъ;
Я не думалъ, что молодость шумная,
Что надменная сила пройдетъ—
И влекла меня жажда безумная,
Жажда жизни—впередъ и впередъ!
Увлекаемъ безславною битвою,
Сколько разъ я надъ бездной стоялъ,
Поднимался твоею молитвою,
Снова падалъ—и вовсе упалъ!
Выводи на дорогу тернистую!
Разучился ходить я по ней,
Погрузился я въ тину нечистую
Мелкихъ помысловъ, мелкихъ страстей.
Отъ ликующихъ, праздно болтающихъ,
Обагряющихъ руки въ крови,
Уведи меня въ станъ погибающихъ
За великое дѣло любви!
Тотъ, чья жизнь безполезно разбилася.
Можетъ смертью еще доказать,
Что въ немъ сердце неробкое билося
Что умѣлъ онъ любить...

. . . . . .

Н. А. Некрасовъ.

БИТВА ЖИЗНИ.

Ахъ, безъ жизни проносится жизнь вся моя!
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною.
И мучительный сонъ наяву и во снѣ
Не даетъ мнѣ покоя желаннаго:
Вижу въ полѣ широкомъ уснувшихъ бойцовъ
Послѣ дѣла великаго браннаго.

Ночь беззвучно плыветъ надъ печальной землей,
Уходя въ вышину безпредѣльную:
Мѣсяцъ смотритъ изъ тучъ—дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную...
Съ головами разбитыми, къ небу лицомъ,
Посинѣвшіе, кровью облитые,
Тихо спятъ мертвецы; безотвѣтно глядятъ
Ихъ глаза неподвижно раскрытые.
Словно блѣдная тѣнь или призракъ нѣмой,
Обхожу я поляны ужасныя
И считаю, не зная зачѣмъ, мертвецовъ
И гляжу на ихъ лица безстрастныя...
— О, все милыя лица! Все братья, друзья,
Все черты дорогія и близкія!
Всѣ отважно погибли какъ слѣдуетъ пасть
Тѣмъ, въ комъ жили не помыслы низкіе,
А одна неподкупная, свѣтлая страсть
И одно лишь желанье великое,
Чтобы солнцу любви и свободы святой
Уступило насиліе дикое!
Словно призракъ ночной или блѣдная тѣнь,
Я иду чрезъ поляны унылыя...
— О, рыдай, моя пѣсня: все братья, друзья,
Все черты дорогія и милыя!
Обезумѣвъ отъ горя, припасть я хочу
Съ громкимъ воплемъ на землю холодную,
Чтобъ повѣдать имъ лютую злобу мою,
И любовь и тоску безысходную.
И, склоняясь, хочу я страдальцевъ обнять...
Вдругъ... О, ужасъ! ихъ лица безстрастныя
Стали темны, какъ ночь... На недвижныхъ устахъ
Зазмѣилась усмѣшка ужасная...
И, объятому трепетомъ, чудится мнѣ
Шопотъ злобный, упреки суровые:
— «Гдѣ ты былъ, когда въ битву мы грозную шли,
Побѣдить иль погибнуть готовые?
Отчего не лежитъ твой истерзанный трупъ
Рядомъ съ нами, погибшими братьями?
Отчего ты, какъ воръ, подъ покровомъ ночнымъ
Къ намъ приходишь съ своими объятьями?
Что намъ въ злобѣ твоей, хоть и нѣтъ ей конца,

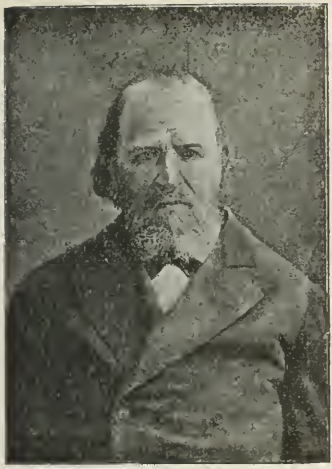
Что тоска намъ твоя безысходная?
Пѣсни скорбныя громко умѣешь ты пѣть,
Но страшна тебѣ смерть благородная!
Уходи, уходи! намъ противны, смѣшны
Оправданья твои малодушныя...
Гдѣ ты былъ, когда въ бой мы безтрепетно шли,
Зову чести и долга послушные?
О, уйди же, уйди... Мы не знаемъ тебя!»
И помчался я въ даль безбредѣльную...
Мѣсяцъ сумраченъ плылъ... дикій ужасъ разлилъ
По лицу его блѣдность смертельную.
Руки горько ломая, я въ небо глядѣлъ,
Будто вѣря, что, зову послушное,
Усыпитъ оно скорбь мою, жгучую скорбь,
Но синѣло оно, равнодушное,
Равнодушно взирая на правду, на ложь
И на все, что подъ бурею клонится,
И на все, что ликуетъ, царитъ и гнететъ—
Ни мольбой, ни проклятьемъ не тронется!
Я бѣжалъ, словно гнался невѣдомый врагъ
По пятамъ моимъ мертвой поляною,
Брань и крики его, какъ отточенный ножъ,
Наносили мнѣ рану за раною,
И напрасно пощады вымаливалъ я...
— Такъ безъ жизни проносится жизнь вся моя!
Поглощаемый мутною тиною,
Я борюсь день и ночь, самъ себѣ—и судья,
И тюрьма, и палачъ съ гильотиною!..

П. Я.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ВЬЮГИ.

Въ стонахъ вѣтра и бури, во мракѣ ночномъ,
Въ тьмѣ, рокочущей вьюгою снѣжною,
Чей-то голосъ мнѣ слышится все за окномъ,
Полный мощи, но съ лаской нѣжною.
Слышу вѣщій глаголъ я, какъ будто въ бреду,
Сквозь порывы метели рыдающей:
Я иду! я иду! я иду!
Бѣдный людъ, горемычный, страдающій
Въ мукахъ жизни, какъ будто въ аду,—
Жди и вѣрь: я иду! я иду!
Ты, затерянный въ мракѣ забвенія,
Ты, задавленный игомъ мученія,
Черезъ бури, туманы и тьму
Я къ порогу иду твоему!
Ты, утратившій всѣ упованія,
Ты, съ невольной печатью молчанія
На запекшихся блѣдныхъ устахъ!
Все я вижу и слышу впотьмахъ:
Твой недугъ, и печаль, и рыданья!
Жди, иду я на помощь, мой братъ,
Мимо гордыхъ, высокихъ палатъ,
Мимо храмовъ, блистающихъ славою,
Гдѣ главу лицемѣрно клоня,
Распиная меня,
Лѣвой душатъ, но крестятся правой!
Вѣрь, мой братъ, не безслѣдно текли
Кровь и слезы для міра незримыя,
Что струилися въ лоно земли!
Охъ, несчастные! охъ, вы, гонимые!
Васъ укрыть отъ меня не могли!
Слышу, вижу тебя я, страдающій,
И къ порогу иду твоему,
Въ полночь, въ стонахъ метели рыдающей
Я иду черезъ бурю и тьму.

А. И. Пальминъ.



Я. П. Полонскій.

ХОЛОДѢЮЩАЯ НОЧЬ.

Тамъ, подъ лаврами, на югѣ—
Странникъ бѣдный—только ночь
Могъ я взять себѣ въ подруги,
Юга царственную дочь.
И ко мнѣ она сходила
Въ свѣтломъ пурпурѣ зари,
На пути въ пространствахъ неба
Зажигая алтари.
Боже! Какъ она умѣла
Раны сердца врачевать!
Какъ она надъ моремъ пѣла!
Какъ умѣла вдохновлять!
Но, увы, судьбой на сѣверъ
Приневоленный идти,
Я сказалъ подругѣ-ночи:

«Ненаглядная, прости!»
А она со мной разстаться
Не хотѣла—не могла...
По горамъ, отъ слезъ мигая,
Вслѣдъ за мной она текла.
То сходила на долину
Съ темно-блещущимъ челомъ
И задумчиво стояла
Надъ моимъ степнымъ костромъ;
То со мною ночевала
Надъ рѣкою у скирдовъ,
Вѣя тонкимъ ароматомъ
Рано скошенныхъ луговъ...
Но чѣмъ дальше я на сѣверъ
Шелъ чрезъ степи и лѣса,
Незамѣтно холодѣла
Ночи южная краса:
То, въ туманы облачаясь,
Мѣсяцъ прятала въ кольцо,
То съ дождемъ холодный иней
Отрясала мнѣ въ лицо.
Чѣмъ я дальше шелъ на сѣверъ,
Тѣмъ гналась она быстрѣй,
Раньше день перегоняла,
Уходила все позднѣй.
И молила, и стонала...
И, дрожа, я молвилъ ей:
«Ты на сѣверѣ не можешь
Быть подругою моей!»
И, сверкнувъ, у синей ночи
Помутилися глаза,
И застыла на рѣсницахъ
Накипѣвшая слеза.
И пошла она и бѣлымъ
Замахнула рукавомъ,
И завыла, поднимая
Вихри снѣжныя столбомъ.
Сквозь мятель, на сѣверъ хладный
Я кой-какъ добрелъ домой.
Вижу—ночь летитъ въ долинѣ
Подъ серебряной парчей.

И беззвучно мнѣ лепечетъ:
«Погляди, какъ я мертва!
Сердце глухо, очи тусклы,
Холодѣетъ голова.
«Но гляди—все тѣ же звѣзды
Надъ моею головой...
Красотой моею мертвой
Полюбуйся, милый мой!
«И, повѣрь, что если снова
Ты воротишься на югъ,
Въ прежнемъ блескѣ я возстану,
Чтобъ принять тебя, мой другъ!
«Съ прежней нѣгой надъ тобою
Я склоню главу мою
И тебѣ, сквозь сонъ, надъ ухомъ
Пѣсню райскую спою!»

Я. П. Полонскій.

ПОСЛѢДНІЙ ДОПРОСЪ КОЧУБЕЯ.

Изъ „Полтавы".

Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Луна спокойно съ высоты
Надъ Бѣлой-Церковью сіяетъ
И пышныхъ гетмановъ сады
И старый замокъ озаряетъ.
И тихо, тихо все кругомъ;
Но въ замкѣ шопотъ и смятенье.
Въ одной изъ башенъ подъ окномъ,
Въ глубокомъ тяжкомъ размышленьѣ,
Окованъ, Кочубей сидитъ
И мрачно на небо глядитъ.
Заутра казнь. Но безъ боязни

Онъ мыслитъ объ ужасной казни;
О жизни не жалѣетъ онъ.
Готовъ онъ лечь во гробъ кровавый.
Дремота долитъ. Но, Боже правый!
Къ ногамъ злодѣя молча пасть,
Какъ безсловесное созданье,
Царемъ быть отдану во власть
Врагу царя на поруганье,
Утратить жизнь—и съ нею честь,
Друзей съ собой на плаху весть,
Надъ гробомъ слышать ихъ проклятья,
Ложась безвиннымъ подъ топоръ,
Врага веселый встрѣтить взоръ
И смерти кинуться въ объятья,
Не завѣщая никому
Вражды къ злодѣю своему!..
И вспомнилъ онъ свою Полтаву,
Обычный кругъ семьи, друзей,
Минувшихъ дней богатство, славу
И пѣсни дочери своей,
И старый домъ, гдѣ онъ родился,
Гдѣ зналъ и трудъ, и мирный сонъ,
И все, чѣмъ въ жизни насладился,
Что добровольно бросилъ онъ,
И для чего!—

Но ключъ въ заржавомъ
Замкѣ гремитъ—и, пробужденъ,
Несчастный думаетъ: вотъ онъ!
Вотъ на пути моемъ кровавомъ
Мой вождь подъ знаменемъ креста,
Грѣховъ могучій разрѣшитель,
Духовной скорби врачъ, служитель
За насъ распятаго Христа,
Его святую кровь и тѣло
Принесшій мнѣ, да укрѣплюсь,
Да приступлю ко смерти смѣло
И жизни вѣчной пріобщусь!

И съ сокрушеніемъ сердечнымъ
Готовъ несчастный Кочубей
Передъ Всесильнымъ, Безконечнымъ
Излить тоску мольбы своей.

Но не отшельника святого.
Онъ гостя узнаетъ иного—
Свирѣпый Орликъ передъ нимъ.
И, отвращеніемъ томимъ,
Страдалецъ горько вопрошаетъ:
Ты здѣсь, жестокій человѣкъ?
Зачѣмъ послѣдній мой ночлегъ
Еще Мазепа возмущаетъ?

Орл. Допросъ не конченъ, отвѣчай.

Коч. Я отвѣчалъ уже, ступай,
Оставь меня.

Орл. Еще признанья
Панъ гетманъ требуетъ.

Коч. Но въ чемъ?
Давно сознался я во всемъ,
Что вы хотѣли. Показанья
Мои всѣ ложны. Я лукавъ,
Я строю козни, гетманъ правъ.
Чего жъ вамъ болѣе?

Орл. Мы знаемъ,
Что ты несчетно былъ богатъ.
Мы знаемъ, не единый кладъ
Тобой въ Диканькѣ укрываемъ.
Свершиться казнь твоя должна;
Твое имѣніе сполна
Въ казну поступитъ войсковую:
Таковъ законъ. Я указую
Тебѣ послѣдній долгъ: открой,
Гдѣ клады, скрытые тобой?

Коч. Такъ! не ошиблись вы: три клада
Въ сей жизни были мнѣ отрада.
И первый кладъ мой—честь была:
Кладъ этотъ пытка отняла.
Другой былъ кладъ невозратимый—
Честь дочери моей любимой.
Я день и ночь надъ нимъ дрожалъ:
Мазепа этотъ кладъ укралъ.
Но сохранилъ я кладъ послѣдній,

Мой третій кладъ—святую месть:
Ее готовлюсь Богу снесть.

Орл. Старикъ, оставь пустыя бредни!
Сегодня, покидая свѣтъ,
Питайся мыслію суровой.
Шутить не время. Дай отвѣтъ,
Когда не хочешь пытки новой!
Гдѣ спряталъ деньги?

Коч. Злой холопъ!
Окончишь ли допросъ нелѣпый?
Повремени: дай лечь мнѣ въ гробъ,
Тогда ступай себѣ съ Мазепой
Мое наслѣдіе считать,
Окровавленными перстами
Мои подвалы разрывать,
Рубить и жечь сады съ домами.
Съ собой возьмите дочь мою;
Она сама вамъ все разскажетъ,
Сама вамъ клады всѣ укажетъ;
Но, ради Господа, молю,
Теперь оставь меня въ покоѣ.

Орл. Гдѣ спряталъ деньги? Укажи...
Не хочешь? Деньги гдѣ? Скажи,
Иль выйдетъ слѣдствіе плохое.
Подумай, мѣсто намъ назначь.
Молчишь?.. Ну въ пытку. Гей, палачъ!

Палачъ вошелъ... О, ночь мученій!
Но гдѣ же гетманъ? Гдѣ злодѣй?
Куда бѣжалъ отъ угрызеній
Змѣиной совѣсти своей?
Въ свѣтлицѣ дѣвы усыпленной,
Еще незнаніемъ блаженной,
Близь ложа крестницы младой
Сидитъ съ поникшею главой
Мазепа тихій и угрюмый.
Въ его душѣ проходятъ думы,
Одна другой мрачнѣй, мрачнѣй...
«Умретъ безумный Кочубей,
Спасти нельзя его. Чѣмъ ближе

Цѣль гетмана, тѣмъ тверже онъ
Быть долженъ властью облеченъ,
Тѣмъ передъ нимъ склоняться ниже
Должна вражда. Спасенья нѣтъ:
Доносчикъ и его клевретъ
Умрутъ». Но, брося взоръ на ложе,
Мазепа думаетъ: «О Боже!
Что будетъ съ ней, когда она
Услышитъ слово роковое?
Досель она еще въ покоѣ;
Но тайна быть сохранена
Не можетъ долѣе. Сѣкира,
Упавъ поутру, загремитъ
По всей Украйнѣ. Голосъ міра
Вокругъ нея заговоритъ!..
Ахъ, вижу я: кому судьбою
Волненья жизни суждены,
Тотъ стой одинъ передъ грозою,
Не призывай къ себѣ жены.
Въ одну телѣгу впрячь не можно
Коня и трепетную лань.
Забылся я неосторожно—
Теперь плачу безумства дань...»

. . . . . .

. . . . . Содрогаясь,
Мазепа отвращаетъ взглядъ,
Встаетъ и, тихо пробираясь,
Въ уединенный сходитъ садъ.
Тиха украинская ночь.
Прозрачно небо. Звѣзды блещутъ.
Своей дремоты превозмочь
Не хочетъ воздухъ. Чуть трепещутъ
Сребристыхъ тополей листы.
Но мрачны странныя мечты
Въ душѣ Мазепы. Звѣзды ночи,
Какъ обвинительныя очи,
За нимъ насмѣшливо глядятъ.
И тополи, стѣснившись въ рядъ,
Качая тихо головою,
Какъ судьи шепчутъ межъ собою.
И лѣтней теплой ночи тьма

Душна, какъ черная тюрьма.
Вдругъ... слабый крикъ... невнятный стонъ,
Какъ бы изъ замка, слышитъ онъ.
То былъ ли сонъ воображенья,
Иль плачъ совы, иль звѣря вой,
Иль пытки стонъ, иль звукъ иной—
Но только своего волненья
Преодолѣть не могъ старикъ,
И на протяжный, слабый крикъ
Другимъ отвѣтствовалъ,—тѣмъ крикомъ,
Которымъ онъ въ весельи дикомъ
Поля сраженья оглашалъ,
Когда съ Забѣллой, съ Гамалѣемъ
И съ нимъ... и съ этимъ Кочубеемъ...
Онъ въ бранномъ пламени скакалъ!

А. С. Пушкинъ.

ТИШИНА.

Отрывокъ.

Все рожь кругомъ, какъ степь живая,
Ни замковъ, ни морей, ни горъ...
Спасибо, сторона родная,
За твой врачующій просторъ!
За дальнимъ Средиземнымъ моремъ,
Подъ небомъ ярче твоего,
Искалъ я примиренья съ горемъ
И не нашелъ я ничего!
Я самъ не свой: хандрю, нѣмѣю,
Не одолѣвъ мою судьбу,
Я тамъ погнулся передъ нею,
Но ты дохнула,—и сумѣю,
Быть можетъ, выдержать борьбу!

Я твой. Пусть ропотъ укоризны
За мною по пятамъ бѣжалъ,
Не небесамъ чужой отчизны—
Я пѣсни родинѣ слагалъ!
И нынѣ жадно повѣряю
Мечту любимую мою,
И въ умиленьи посылаю
Всему привѣтъ... Я узнаю
Суровость рѣкъ, всегда готовыхъ
Съ грозою выдержать войну,
И ровный шумъ лѣсовъ сосновыхъ,
И деревенекъ тишину,
И нивъ широкіе размѣры...
Храмъ Божій на горѣ мелькнулъ
И дѣтски-чистымъ чувствомъ вѣры
Внезапно на душу пахнулъ.
Нѣтъ отрицанья, нѣтъ сомнѣнья,
И шепчетъ голосъ неземной:
Лови минуту умиленья,
Войди съ открытой головой!
Какъ ни тепло чужое море,
Какъ ни красна чужая даль,
Не ей поправить наше горе,
Размыкать русскую печаль!
Храмъ воздыханья, храмъ печали—
Убогій храмъ земли твоей:
Тяжеле стоновъ не слыхали
Ни римскій Петръ, ни Колизей!
Сюда народъ, тобой любимый,
Своей тоски неодолимой
Святое бремя приносилъ—
И облегченный уходилъ!
Войди! Христосъ наложитъ руки
И сниметъ волею святой
Съ души оковы, съ сердца муки
И язвы съ совѣсти больной...
Я внялъ... я дѣтски умилился...
И долго я рыдалъ и бился
О плиты старыя челомъ,
Чтобы простилъ, чтобъ заступился,
Чтобъ осѣнилъ меня крестомъ

Богъ угнетенныхъ, Богъ скорбящихъ
Богъ поколѣній, предстоящихъ
Предъ этимъ скуднымъ алтаремъ!

Н. А. Некрасовъ.

* * *

Смотритъ мѣсяцъ ненастный, какъ сыплются желтые листья,
Какъ проносится вѣтеръ въ безпомощно-зыбкомъ саду.
На кусты и поляны въ тоскѣ припадаютъ деревья:
«Проноси, вольный вѣтеръ, скорѣй эту жуткую ночь!
«Не зато ль такъ нещадно насъ мучитъ холодная осень,
«Что цвѣли мы весной, упиваясь улыбкой небесъ,
«Забывая въ дни счастья про черныя ночи ненастья,—
«Роковую расплату за радость весны и любви?
«Жизнь въ борьбѣ не страшна, но предъ смертью бороться нѣтъ силы,
«Пусть скорѣе повѣетъ дыханіе бѣлой зимы!
«Смерть царитъ въ красотѣ и молчаніи синяго неба,
«Смерть придетъ въ тишинѣ и великомъ покоѣ снѣговъ!...»
Съ неземною печалью глядитъ затуманенный мѣсяцъ...
Вѣтеръ въ жуткомъ восторгѣ проносится въ черныхъ кустахъ:
«Достигайте въ несчастіи радости мукъ безпредѣльныхъ!
Приготовьтесь къ великому мукой великихъ потерь.»

Иванъ Бунинъ.

Графъ А. К. Толстой.

* * *

Тщетно, художникъ, ты мнишь, что твореній
своихъ ты создатель!
Вѣчно носились они надъ землею, незримыя оку.
Нѣтъ, то не Фидій возвигъ олимпійскаго славна-
го Зевса!
Фидій ли выдумалъ это чело, эту львиную гриву,
Ласковый царственный взоръ изъ-подъ мрака бро-
вей громоносныхъ?
Нѣтъ, то не Гете великаго Фауста создалъ, ко-
торый,
Въ древне-германской одеждѣ, но въ правдѣ глу-
бокой, вселенской
Съ образомъ сходенъ предвѣчнымъ своимъ отъ
слова до слова!
Или Бетховенъ, когда находилъ онъ свой маршъ
похоронный,
Бралъ изъ себя этотъ рядъ раздирающихъ серд-
це аккордовъ,

Плачъ неутѣшной души надъ погибшей великою мыслью,
Рушенье свѣтлыхъ міровъ въ безнадежную бездну хаоса?
Нѣтъ, эти звуки рыдали всегда въ безпредѣльномъ пространствѣ,
Онъ же, глухой для земли, неземные подслушалъ рыданья.
Много въ пространствѣ невидимыхъ формъ и неслышимыхъ звуковъ,
Много чудесныхъ въ немъ есть сочетаній и слова и свѣта,
Но передастъ ихъ лишь тотъ, кто умѣетъ и видѣть и слышать,
Кто, уловивъ лишь рисунка черту, лишь созвучье, лишь слово,
Цѣлое съ нимъ вовлекаетъ созданье въ нашъ міръ удивленный.
О, окружи себя мракомъ, поэтъ, окружися молчаньемъ,
Будь одинокъ и слѣпъ, какъ Гомеръ, и глухъ какъ Бетховенъ,
Слухъ же душевный сильнѣй напрягай и душевное зрѣнье,
И, какъ надъ пламенемъ грамоты тайной безцвѣтныя строки
Вдругъ выступаютъ, такъ выступятъ вдругъ передъ тобою картины,
Выйдутъ изъ мрака все ярче цвѣта осязательной формы,
Стройныя жъ словъ сочетанія въ ясномъ сплетутся значеньи—
Ты жъ въ этотъ мигъ и внимай, и гляди, притаивши дыханье,
И, созидая потомъ, мимолетное помни видѣнье!

Графъ А. К. Толстой.

ПРОКЛЯТІЕ ПѢВЦА.

Изъ Уланда.

Былъ въ стары годы замокъ. Высоко на просторѣ
Стоялъ онъ, отражаясь далеко въ синемъ морѣ;
Вокругъ вѣнцомъ роскошнымъ раскинулись сады,
Въ нихъ радужно сверкали ключи живой воды.
Тамъ жилъ старикъ надменный, окрестныхъ странъ властитель,
Гроза своихъ сосѣдей и подданныхъ губитель,
Въ немъ ужасъ—каждый помыслъ, и ярость—каждый взоръ.
Терзанье—каждый возгласъ, кровь—каждый приговоръ
Разъ къ замку шли два скальда. Одинъ былъ старецъ мудрый.
Съ завѣтной лирой ѣхалъ на лошади старикъ,
Съ нимъ весело шелъ рядомъ товарищъ-ученикъ.
Старикъ сказалъ: «Припомни всѣхъ нашихъ пѣсенъ звуки,
Изъ сердца вылей въ слово всѣ радости и муки!
Готовься—пусть твой голосъ торжественно звучитъ:
Жестокій духъ барона смягчить намъ предстоитъ».
Стоятъ въ высокой залѣ два благородныхъ друга.
На тронѣ томъ баронъ и юная супруга;
Онъ—зарево пожара, духъ пытки и войны,
Она—сіянье мира, привѣтный свѣтъ луны.
И вотъ старикъ ударилъ по вдохновенной лирѣ;
Несутся диво-звуки, несутся шире, шире;
Имъ стройно вторитъ пѣснью товарищъ молодой,
И чудно струны лиры слилися съ пѣснью той.
Поютъ они про счастье временъ уплывшихъ въ вѣчность,
Про вѣрность и свободу, любовь и человѣчность,
Поютъ про все святое, что возвышаетъ умъ,

Въ чемъ кроется источникъ высокихъ чувствъ
и думъ.
Придворный кругъ имъ внемлетъ въ благо-
говѣньи строгомъ,
Склоняются надменность и дерзость передъ
Богомъ.
Трепещетъ баронесса и, волю давъ слезамъ,
Бросаетъ въ умиленьи цвѣтокъ съ груди пѣвцамъ.
«Народъ мой и супругу вы обольстить
хотѣли!»
Старикъ-баронъ воскликнулъ, и съ дикой дрожью
въ тѣлѣ
Въ грудь скальда молодого метнулъ своимъ ко-
пьемъ.
Изъ сердца, вмѣсто пѣсенъ, кровь брызнула
ключемъ.
Бѣжитъ толпа подъ гнетомъ зловѣщаго
испуга...
Пѣвецъ угасъ въ объятіяхъ наставника и друга;
Старикъ плащомъ широкимъ окуталъ мертвеца
И съ ношей драгоцѣнной поѣхалъ изъ дворца.
Но у воротъ высокихъ сдержалъ коня и
въ руки
Взявъ лиру, гдѣ таились такіе диво-звуки,
О мраморъ колоннады старикъ ее разбилъ
И воздухъ изступленнымъ проклятьемъ огласилъ:
«Будь проклятъ, гордый замокъ! Въ твоихъ
стѣнахъ надменныхъ
Пусть смолкнутъ звуки лиры и пѣсенъ вдохновен-
ныхъ,
И только вопли, стоны пускай терзаютъ слухъ,
Пока тебя не сломитъ кровавой мести духъ!
Будь проклятъ садъ роскошный съ души-
стыми цвѣтами,
И пѣньемъ птицъ волшебныхъ, и свѣжими ключами.
Стань дикою пустыней, изсохни, пропади,
Какъ этотъ трупъ, лежащій на старческой груди!»
Старикъ воззвалъ—и небо услышало мо-
ленье.
Лежитъ надменный замокъ во прахѣ, въ за-
пустѣньи.

Одна колонна о прошломъ говоритъ,
И та ужъ, покачнувшись, паденіемъ грозитъ.
А тамъ, гдѣ красовались сады въ сіяньи мая
Раскинулась пустыня песчаная, нѣмая,
Тирана злое имя забыто... До конца
Исполнилось проклятье свободнаго пѣвца,

П. Вейнбергъ.

ИЗЪ СЦЕНЪ «СКУПОЙ РЫЦАРЬ».

Баронъ (одинъ).

Какъ молодой повѣса ждетъ свиданья
Съ какой-нибудь развратницей лукавой,
Иль дурой, имъ обманутой, такъ я
Весь день минуты ждалъ, когда сойду
Въ подвалъ мой тайный къ вѣрнымъ сундукамъ.
Счастливый день! могу сегодня я
Въ шестой сундукъ (въ сундукъ еще не полный)
Горсть золота накопленнаго всыпать.
Немного, кажется, но понемногу
Сокровища растутъ. Читалъ я гдѣ-то,
Что царь однажды воинамъ своимъ
Велѣлъ снести земли по горсти въ кучу.—
И горный холмъ возвысился, и царь
Могъ съ вышины съ веселъемъ озирать
И долъ, покрытый бѣлыми шатрами,
И море, гдѣ бѣжали корабли.
Такъ я, по горсти бѣдной принося
Привычну дань мою сюда, въ подвалъ,
Вознесъ мой холмъ—и съ высоты его
Могу взирать на все, что мнѣ подвластно.
Что не подвластно мнѣ?.. Какъ нѣкій демонъ,
Отселѣ править міромъ я могу;
Лишь захочу—воздвигнутся чертоги;
Въ великолѣпные мои сады
Сбѣгутся нимфы рѣзвою толпою;
И музы дань свою мнѣ принесутъ,
И вольный геній мнѣ поработится,

И добродѣтель, и безсонный трудъ
Смиренно будутъ ждать моей награды.
Я свисну—и ко мнѣ послушно, робко
Вползетъ окровавленное злодѣйство,
И руку будетъ мнѣ лизать, и въ очи
Смотрѣть, въ нихъ знакъ моей читая воли.
Мнѣ все послушно, я же—ничему;
Я выше всѣхъ желаній; я спокоенъ;
Я знаю мощь мою: съ меня довольно
Сего сознанья... (Смотритъ на свое золото)

Кажется, немного,
А сколькихъ человѣческихъ заботъ
Обмановъ, слезъ, моленій и проклятій
Оно тяжеловѣсный представитель!
Тутъ есть дублонъ старинный... вотъ онъ.
Нынче
Вдова мнѣ отдала его, но прежде
Съ тремя дѣтьми полдня передъ окномъ
Она стояла на колѣняхъ, воя.
Шелъ дождь и пересталъ, и вновь пошелъ,—
Притворщица не трогалась; я могъ бы
Ее прогнать, но что-то мнѣ шептало,
Что мужнинъ долгъ она мнѣ принесла
И не захочетъ завтра быть въ тюрьмѣ.
А этотъ? Этотъ мнѣ принесъ Тибо.
Гдѣ было взять ему, лѣнивцу, плуту?
Укралъ, конечно, или, можетъ быть,
Тамъ на большой дорогѣ, ночью, въ рощѣ...
Да! если бы всѣ слезы, кровь и потъ,
Пролитые за все, что здѣсь хранится,
Изъ нѣдръ земныхъ всѣ выступили вдругъ,
То былъ бы вновь потопъ—я захлебнулся бъ
Въ моихъ подвалахъ вѣрныхъ. Но пора.

(Хочетъ отпереть сундукъ).

Я каждый разъ, когда хочу сундукъ
Мой отпереть, впадаю въ жаръ и трепетъ.
Не страхъ (о, нѣтъ! кого бояться мнѣ?
При мнѣ мой мечъ: за злато отвѣчаетъ
Честной булатъ), но сердце мнѣ тѣснитъ
Какое-то невѣдомое чувство...

Насъ увѣряютъ медики: есть люди,
Въ убійствѣ находящіе пріятность.
Когда я ключъ въ замокъ влагаю, то же
Я чувствую, что чувствовать должны
Они, вонзая въ жертву ножъ: пріятно
И страшно вмѣстѣ. (Отпираетъ сундукъ).
Вотъ мое блаженство! (Высыпаетъ деньги).
Ступайте, полно вамъ по свѣту рыскать,
Служа страстямъ и нуждамъ человѣка.
Усните здѣсь сномъ силы и покоя,
Какъ боги спятъ въ глубокихъ небесахъ!
Хочу себѣ сегодня пиръ устроить:
Зажгу свѣчу предъ каждымъ сундукомъ,
И всѣ ихъ отопру, и стану самъ
Средь нихъ глядѣть на блещущія груды.

(Зажигаетъ свѣчи и отпираетъ сундуки одинъ за другимъ).

Я царствую!.. Какой волшебный блескъ!
Послушна мнѣ, сильна моя держава;
Въ ней счастіе, въ ней честь моя и слава!
Я царствую!.. Но кто вослѣдъ за мной
Пріиметъ власть надъ нею? Мой наслѣдникъ!
Безумецъ, расточитель молодой!
Развратниковъ разгульныхъ собесѣдникъ!
Едва умру, онъ, онъ сойдетъ сюда,
Подъ эти мирные, нѣмые своды,
Съ толпой ласкателей, придворныхъ жадныхъ!
Укравъ ключи у трупа моего,
Онъ сундуки со смѣхомъ отопретъ—
И потекутъ сокровища мои
Въ атласные дырявые карманы.
Онъ разобьетъ священные сосуды,
Онъ грязь елеемъ царскимъ напоитъ—
Онъ расточитъ... А по какому праву?
Мнѣ развѣ даромъ все досталось,
Или шутя, какъ игроку, который
Гремитъ костьми да груды загребаетъ?
Кто знаетъ, сколько горькихъ воздержаній,
Обузданныхъ страстей, тяжелыхъ думъ,
Дневныхъ заботъ, ночей безсонныхъ мнѣ
Все это стоило? Иль скажетъ сынъ,

Что сердце у меня обросло мохомъ,
Что я не зналъ желаній, что меня
И совѣсть никогда не грызла,—совѣсть,
Когтистый звѣрь, скребящій сердце,—совѣсть,
Незванный гость, докучный собесѣдникъ,
Заимодавецъ грубый; эта вѣдьма,
Отъ коей меркнетъ мѣсяцъ, и могилы
Смущаются и мертвыхъ высылаютъ!..
Нѣтъ, выстрадай сперва себѣ богатство,
А тамъ посмотримъ, станетъ ли несчастный
То расточать, что кровью пріобрѣлъ.
О, если бъ могъ отъ взоровъ недостойныхъ
Я скрыть подвалъ!... о, если бъ изъ могилы
Придти я могъ, сторожевою тѣнью
Сидѣть на сундукѣ и отъ живыхъ
Сокровища мои хранить, какъ нынѣ!..

А. С. Пушкинъ.

ОЛЕНЬ.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Здѣсь шелъ олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.
Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталъ тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ--
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.
Вотъ снова слѣдъ—размѣренный и рѣдкій...
И вдругъ—прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ—и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу.
О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

Ивана Бунина.

Л. А. Мей.

РУСАЛКА.

Мечется и плачетъ, какъ дитя больное
Въ неспокойной люлькѣ, озеро лѣсное...
Тучей потемнѣло, брызжетъ мелкой зернью,
Такъ и отливаетъ серебромъ да чернью.
Вѣтеръ по дубравѣ сѣрымъ волкомъ рыщетъ;
Молнія на землю жгучимъ ливнемъ прыщетъ;
И на голосъ бури, побросавши прялки,
Вынырнули со дна рѣзвыя русалки...
Любо некрещенымъ въ бурю-непогоду
Кипятить и пѣнить жаркой грудью воду,
Любо имъ за вихремъ перелетнымъ гнаться,
Любо звонкимъ смѣхомъ съ громомъ окликаться...
Волны имъ щекочутъ плечи наливныя,
Чешутъ бѣлымъ гребнемъ косы разсыпныя;
Ласточки быстрѣе, легче пѣны зыбкой,
Руки ихъ мелькаютъ бѣлобокой рыбкой;
Огонькомъ подъ пепломъ щеки половѣютъ;
Яркимъ изумрудомъ очи зеленѣютъ,
Плещутся русалки, мчатся вперегонку,

Лишь одна отстала, отплыла въ сторонку...
Къ берегу доплыла, на берегъ выходитъ.
Блѣдными руками ивняки разводитъ.
Притаилась въ листвѣ, на прибрежьи черномъ,
Словно бѣлый лебедь въ тростникѣ озерномъ...
Вотъ ужъ понемногу непогодь стихаетъ;
Вѣтеръ съ листьевъ воду вѣникомъ сметаетъ;
Тучки разлетѣлись, словно птицы въ гнѣзды;
Бисеромъ перловымъ высыпали звѣзды;
Мѣсяцъ двоерогій съ неба голубого
Засвѣтилъ отломкомъ перстня золотого...
Чу! переливаясь межъ густой осокой,
По водѣ несется благовѣстъ далекій—
Благовѣстъ далекій по водѣ несется
И волною звучной прямо въ душу льется,
Видится храмъ Божій, пѣснь слышна святая—
И сама-собою крестъ творитъ десная...
И въ душѣ русалки всенощные звуки
Пробудили много и тоски и муки,
Много шевельнули страсти пережитой,
Воскресили много были позабытой...
Вотъ въ селѣ родимомъ крайняя избушка,
А въ избушкѣ съ дочкой няньчится старушка:
Бережетъ и холитъ, по головкѣ гладитъ,
Тѣшитъ лентой алой, въ пестрый ситецъ рядитъ.
Да и вышла жъ дѣвка при такомъ уходѣ:
Нѣтъ ея красивѣй въ цѣломъ хороводѣ...
Вотъ и боръ сосѣдній—тамъ грибовъ да ягодъ
За одну недѣлю наберешься на годъ!
А начнутъ подъ осень грызть орѣхи бѣлки;
Сыпь орѣхъ въ лукошки—близко посидѣлки.
Тутъ-то погуляютъ парни удалые,
Тутъ-то насмѣются дѣвки молодыя!
Дочь въ гостяхъ за прялкой пѣсни распѣваетъ,
А старуха дома ждетъ да поджидаетъ;
Огоньку добыла—на дворѣ ужъ ночка—
Долго засидѣлась у сосѣдей дочка...
Оттого и долго:—парень приглянулся
И лихой бѣдою къ дѣвкѣ подвернулся;
А съ бѣдою рядомъ ходитъ грѣхъ незваный...
Полюбился парень дѣвкѣ безталанной,

Такъ ей полюбился, словно душу вынулъ;
Да и насмѣялся—разлюбилъ и кинулъ...
Позабылъ голубку сизокрылый голубь,
И остались бѣдной смѣхъ мірской, да прорубь...
Вспомнила русалка,—руки бѣлы гложетъ,
Рада бъ—зарыдала—и того не можетъ;
Сотворить молитву забытую хочетъ:
Нѣтъ для ней молитвы, и она хохочетъ...
Только, пробираясь на село въ побывку,
Мужичекъ проснулся и стегаетъ сивку,
Лобъ и грудь и плечи крестно знаменуетъ;
Да съ сердцовъ на хохотъ окаянный плюетъ.

Л. А. Мей.

ДОМА.

Вокругъ меня неясныя громады
Сѣдыхъ домовъ тяжелымъ сномъ встаютъ,
Глядятъ на жизнь, какъ будто ей не рады
И никого не любятъ и не ждутъ.

Но я люблю тоску ихъ очертаній,
Порывы ихъ къ печальнымъ небесамъ,
Унылый гулъ ихъ тяжкихъ содроганій
Прощальный зовъ къ давно угасшимъ днямъ.

Сквозь жизни стукъ, средь говора людского,
Въ дремотной мглѣ имъ снится шумъ лѣсовъ
И рѣчь воды у берега родного,
Подъ тѣнью скалъ и мшистыхъ валуновъ.

Не вѣрю я ихъ смерти и покою
И радъ, когда, не вѣдая измѣнъ,
Заря начертитъ огненной рукою
Слова любви на камнѣ мрачныхъ стѣнъ.

П. Соловьева (Allegro).

СИЛУЭТЪ.

(Л. А Е.)

«Если бъ ты умерла...»—эта мысль иногда,
Словно туча въ лазурно-сіяющій день,
Омрачаетъ любви моей сладкую лѣнь
И мои трудовые и дни и года.
Пусть давно окружаютъ насъ холодъ и мгла—
И къ теплу я, и къ свѣту съ тобою пробьюсь,
А одинъ, безъ тебя...—Я подумать боюсь,
Что бы сталось со мной, если бъ ты умерла.

Кто бы утромъ къ постели моей подошелъ
Звать меня поскорѣе взглянуть, какъ, горя
«Небывалой» красой, занялася заря,
И какъ розанъ въ саду ей навстрѣчу расцвѣлъ?
Кто бы въ полдень на столъ мнѣ поставилъ букетъ
Изъ красивыхъ и нѣжныхъ цвѣтовъ полевыхъ,
И цвѣты неземные мечтаній моихъ
Чей ласкалъ бы сердечно-привѣтливый свѣтъ?

Кто бъ согрѣлъ мнѣ горячимъ дыханьемъ своимъ
Въ зимній холодъ озябшія руки мои.—
Кто бъ съ улыбкой выслушивалъ повѣсть любви
Моей вѣтренной къ той, кѣмъ я не былъ любимъ?
Кто бы въ дни непосильныхъ заботъ и труда,
Когда врагъ насъ къ позорнымъ уступкамъ зоветъ,
Обѣщая за нихъ и покой и почетъ,—
За меня и со мной отвѣчалъ: «никогда!»

Если бъ ты умерла, кто жъ въ послѣдній мой часъ
Мнѣ закроетъ глаза? Кто по смерти моей
Защититъ мою память отъ лживыхъ друзей
И не дастъ, чтобъ зажженный мой свѣточъ погасъ?
Я не знаю, какъ жизнь безъ тебя бы пошла,
Но моей путеводной звѣздой была ты,—
И все счастье мое, всѣ надежды, мечты
Я бъ съ тобой схоронилъ, если бъ ты умерла.

А. Луговой.

РОЗЫ.

Изъ лѣтняго альбома.

Въ разсвѣтномъ туманѣ стоятъ острова;
Скрывается море за сѣрою далью;
Несетъ къ нему гордыя воды Нева,
Сверкая то чернью, то жидкою сталью.
Какъ сторожъ суровый и вѣрный, гранитъ
Красавицу-рѣку безмолвно хранитъ,
И только съ далекаго моря, свободный,
Бушуетъ и рветъ ее вѣтеръ холодный.
Все мрачные, сѣрые всюду тона;
Блестящая звѣздами ночь—холодна.
Деревья шумятъ своей темной листвою,
Съ какою-то тайной тоской роковою,
А длинныя, черныя крылья тѣней
Отъ звѣзднаго свѣта чернѣй и страшнѣй.
Не спитъ еще городъ,—и мчатся коляски,
Спѣша уносить за четою чету.
Смѣхъ, говоръ, слова беззастѣнчивой ласки
Звучатъ въ этотъ утренній часъ на мосту.
Усталыя лица... небрежныя позы...
Пресыщенность позднихъ ночныхъ кутежей...
А рядомъ вдругъ—голосъ:

— «Душистыя розы!
Вотъ розы! Вы розъ не найдете свѣжѣй!...»
То жалкій бѣднякъ, озираясь съ опаской,
Тревожно и долго бѣжитъ за коляской,
Стремясь обогнать поворотъ колеса:
Охрипъ, весь оборванъ, прикрытъ еле-еле,
Лохмотья на тощемъ, продрогнувшемъ тѣлѣ,
Въ глазахъ—выраженье голоднаго пса!
А въ грязныхъ рукахъ его свѣжія розы,
Съ улыбкой своей безсознательной грезы!...
— Не въ пышныхъ садахъ благодатной земли,
Италіи свѣтлой, тѣ розы цвѣли,
Не роскоши дерзкой нероновскихъ оргій
Онѣ въ упоеньи вѣнчали восторги,—
На сѣверѣ бѣдномъ взростали цвѣты;
Въ позорныхъ и пестрыхъ притонахъ разгула

Мгновеньемъ ихъ юная свѣжесть мелькнула...
Тамъ къ стройнымъ ногамъ покупной красоты
Несла ихъ толпа раболѣпною данью,
Покорна грѣха и позора созданью.
Свое отыграли—и брошены прочь...
Бѣднякъ подобралъ ихъ подъ страхомъ угрозы,
И такъ простоитъ онъ до утра всю ночь,
Взывая напрасно:

— Душистыя розы!
Купите, вотъ розы, вотъ свѣжія розы!..
Я помню—однажды преданье прочла—
«Въ Тюрингіи гдѣ-то графиня жила.
Какъ ангель прекрасна, добра и свѣтла.
Небесная кротость! Само состраданье!
Судьба наградила святое созданье
Супругомъ, подобнымъ исчадію зла.
Однажды графиня—гласило преданье—
Несчастнымъ голоднымъ несла подаянье
Тайкомъ отъ жестокаго графа, какъ вдругъ—
О, ужасъ—ей встрѣтился грозный супругъ!
— Что вижу? Нарушивъ мои запрещенья,
Ты снова подачки несешь бѣднякамъ?
Скорѣй покажи мнѣ, что прячешь ты тамъ?
И если то хлѣбъ, такъ не будетъ прощенья:
Своею свободой поплатишься ты!
— Цвѣты!—прошептала бѣдняжка въ смущенья...
— Давай-ка... взгляну я на эти цвѣты!
И что же? Увидѣлъ Господь ея слезы,
И хлѣбъ превратилъ Онъ въ душистыя розы.
Всевышній, на трудномъ житейскомъ пути
Когда-то помогшій прекрасной графинѣ,
Скорѣй сотвори жъ свое чудо и нынѣ—
И розы ты въ хлѣбъ бѣдняку преврати!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

БОИ КИТОВЪ.

Передъ бурей въ непогоду
Разыгралися киты.
Сколько ихъ! Кругомъ мелькаютъ
Будто темные щиты
Нѣкихъ витязей подводныхъ.
Бой незримъ, но слышенъ громъ.
Надъ пучиною кипящей
Ходятъ волны ходенемъ,
Проступаютъ остріями...
Нѣтъ сомнѣнья:
Подъ великими волнами
Занялся могучій бой!
Волны—витязей шеломы,
Бури ревъ—ихъ голоса!
Блещутъ очи...
Кто на вахтѣ?
Убирайте паруса,
Чтобъ не спутаться снастями
Между дланей и мечей:
Увлекутъ они въ пучину
Насъ, непрошенныхъ людей.
Закрывай плотнѣе люки!
Такъ, совсѣмъ безъ парусовъ,
Съ ними мы еще поспоримъ!
Ходу дай! Прибавь паровъ...
Налетаетъ швалъ за шкваломъ,
Черезъ бортъ идетъ волна;
Грохотъ, посвиститъ и шипѣнье,
Въ стройныхъ мачтахъ дрожь слышна.
Не уловишь взглядомъ въ тучахъ
Очертаній буревыхъ...
Какъ зато повеселѣли
Стаи грустныхъ птицъ морскихъ!
Кто сказалъ, что въ бурѣ страхи?
Подъ размахами ея (ее)
Вялы, робки и пугливы
Только слабость да нытье...

К. К. Случевскій.

РАБЫНЯ.

«Нѣтъ милосердія рабамъ!
А ты раба—раба нѣмая.
Подайте бичъ!» Къ его ногамъ
Она склонилася, рыдая.
Давно ль онъ жадно лобызалъ
Твои тоскующія очи,
И перси дивныя ласкалъ,
И съ страстнымъ трепетомъ искалъ
Тебя во мракѣ знойной ночи!
Увы, поблекли тѣ цвѣты,
Тотъ лугъ увялъ, гдѣ, замирая,
На зовъ его склонилась ты,
Еще любви не понимая.
Царица новая вошла
Въ его роскошные чертоги.
И ты покинута была,
Какъ желтый листъ въ пыли дороги!
— «Нѣтъ милосердія рабамъ,
А ты раба—раба нѣмая.
Подайте бичъ!» Къ его ногамъ
Она склонилася, рыдая.
И бичъ надъ ней взвился змѣей
И впился въ тѣло молодое!..
Зачѣмъ надъ этою страной
Ты, небо, вѣчно голубое,
Сіяешь дѣвственной красой?..
Буди насъ бѣшеной грозой,
Яви свой гнѣвъ,—огнемъ объятый,
Пади карающей стрѣлой
На юдоль рабства и разврата!
Ея сады, поля, лѣса,
Завѣй пустынными песками,
Твори, какъ древле, чудеса,
Виси, какъ мечъ, надъ палачами!..

В. И. Немировичъ-Данченко.

А. Н. Апухтинъ.

ЛЕДЯНАЯ ДѢВА.

Изъ норвежскихъ сказокъ.

Зимняя ночь холодна и темна.
Словно застыла въ морозѣ луна,
Буря то плачетъ, то злобно шипитъ,
Снѣжныя тучи надъ кровлей крутитъ.
Въ хижинѣ тѣсной надъ сыномъ больнымъ
Мать наклонилась и шепчется съ нимъ.

Сынъ. Матушка, тяжкимъ забылся я сномъ...
Кто это плачетъ и стонетъ кругомъ?
Матушка, слышишь, какъ буря шумитъ?
Адское пламя мнѣ очи слѣпитъ.

Мать. Полно, мой сынъ, то не ада лучи,—
Сучья березы пылаютъ въ печи.
Что намъ за дѣло, что буря грозна?
Въ хижину къ намъ не ворвется она.

Сынъ. Матушка, слушай! недолго мнѣ жить,—
Душу хочу предъ тобою открыть.

Помнишь, ты слышала прошлой зимой,
Какъ заблудился я въ чащѣ лѣсной?
Долго я шелъ, утихала метель,
Вижу—поляна, знакомая ель;
Юная дѣва подъ елью стоитъ,
Манитъ рукою и словно дрожитъ.
— «Юноша,—шепчетъ она—подойди,
«Душу согрѣй у меня на груди...»
Я обомлѣлъ предъ ея красотой,—
Я красоты и не видѣлъ такой:
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ,
Очи куда-то глубоко глядятъ,
Бѣлыя ризы пушистый волной
Падаютъ, ярко блестя подъ луной...
Дрогнуло сердце, почуя любовь,
Страстью невѣдомой вспыхнула кровь.
Все позабылъ я въ тотъ мигъ роковой,
Даже не вспомнилъ молитвы святой...
Цѣлую зиму, лишь ночь посвѣтлѣй,
Я приходилъ на свиданіе къ ней
И до утра, пока мѣсяцъ сіялъ,
Блѣдныя руки ея цѣловалъ.
Разъ, въ упоеніи, полный огня,
Я говорю ей: «Ты любишь меня»?
—«Нѣтъ»—говоритъ—я правдива, не лгу:
«Я полюбить не хочу, не могу:
«Тщетной надеждой себя не губи,
«Но, если хочешь, меня полюби».
Жесткое слово кольнуло ножемъ...
Скоро, безумецъ, забылъ я о немъ.
Въ бурю не разъ, весела и грозна,
Странныя пѣсни пѣвала она:
Все о какой-то полярной странѣ,
Гдѣ не мечтаютъ о завтрашнемъ днѣ,
Нѣтъ ни заботъ, ни огня, ни воды,—
Вѣчное счастье и вѣчные льды.
Чѣмъ становилося время теплѣй,
Тѣмъ эта пѣсня звучала грустнѣй;
Въ день, какъ растаялъ на кровлѣ снѣжокъ,
Я ужъ найти моей милой не могъ.
Много тебѣ со мной плакать пришлось!

Лѣто безжизненномъ сномъ пронеслось;
Съ радостью, вамъ непонятной, смѣшной,
Слушалъ я вѣтра осенняго вой;
Жадно слѣдилъ я, какъ стыла земля,
Рощи желтѣли, пустѣли поля,
Какъ изстрадавшійся листъ отпадалъ,
Какъ его медленно дождь побивалъ,
Какъ нашъ ручей затянулся во льду...
Разъ на поляну я тихо иду,
Смутно надежду въ душѣ затая,—
Вижу: стоитъ дорогая моя.
Стройная, свѣтлая, ласковый взглядъ,
Очи глубоко, глубоко глядятъ...
Съ трепетомъ я на колѣни упалъ,
Все разсказалъ, какъ томился и ждалъ,
Какъ моя жизнь только ею полна...
Но равнодушно смотрѣла она:
«Что мнѣ въ твоихъ безразсудныхъ
мечтахъ?
«Въ томъ, что ты блѣденъ, и желтъ и зачахъ?
«Жалкій безумецъ! Со смертью въ крови
«Все еще ждешь ты какой-то любви!»
—«Нѣтъ!—говоритъ—я правдива, не лгу:
«Я ни любить, ни жалѣть не могу!»
Преобразились черты ея въ мигъ:
Холодомъ смерти повѣяло въ нихъ,
Бросивъ мнѣ полный презрѣнія взоръ,
Скрылась со смѣхомъ она... Съ этихъ поръ
Я и не помню, что было со мной!
Помню лишь взоръ безпощадный, нѣмой,
Жегшій меня на яву и во снѣ,
Мучившій душу въ ночной тишинѣ...
Вотъ и теперь, посмотри, оглянись...
Это она! ея очи впились,
Въ душу вливаютъ смятенье и страхъ,
Злая усмѣшка скользитъ на губахъ.

Мать. Сынъ мой, то призракъ: не бойся его!
Здѣсь, въ этой хижинѣ, нѣтъ никого.
Сядь, какъ бывало, и слезъ не таи,
Я уврачую всѣ раны твои.

Сынъ. Матушка, прежній мой пламень потухъ:
Самъ я сталъ холоденъ, самъ я сталъ сухъ;
Лучше уйди, не ласкай меня, мать!
Ласки тебѣ я не въ силахъ отдать,

Мать. Сынъ мой, я жесткое слово прошу,
Злобнымъ упрекомъ тебя не смущу,—
Что мнѣ въ объятьяхъ и ласкахъ твоихъ?
Матери сердце тепло и безъ нихъ.

Сынъ. Матушка, смерть ужъ въ окошко стучитъ...
Душу одно лишь желанье томитъ:
Въ этотъ послѣдній и горестный часъ
Встрѣтить ее хоть одинъ еще разъ,
Чтобы подъ звукъ нашихъ пѣсенъ былыхъ
Таять въ объятьяхъ ея ледяныхъ!

Смолкла бесѣда... Со стономъ глухимъ
Сынъ повалился. Лежитъ недвижимъ,
Тихо дыханье, какъ будто заснулъ...
Длинную пѣснью сверчокъ затянулъ...
Молится старая, шепчетъ, не спитъ...
Буря то плачетъ, то злобно шипитъ,
Воетъ, въ замерзшее рвется стекло...
Словно ей жаль, что въ избушкѣ тепло,
Словно досадно ей, вѣдьмѣ лихой,
Что не кончается долго больной,
Что надъ постелью, гдѣ бѣдный лежитъ,
Матери сердце надеждой дрожитъ...

А. Н. Апухтинъ.

ЕРМАКЪ.

Баллада.

За Уральскимъ хребетомъ, за рѣкой Иртышемъ,
На далекихъ отрогахъ Алтая,
Стоитъ холмъ, и на немъ подъ кедровымъ шатромъ
Есть могила совсѣмъ забытая.
Много лѣтъ ужъ стоитъ и курганъ сторожитъ

Этотъ кедръ одинокій угрюмо.
Вкругъ него ни куста, вся вершина пуста
И тиха,—нѣтъ ни звука, ни шума.
Хищный вранъ не летитъ, дикій звѣрь не бѣжитъ
Этимъ мѣстомъ: здѣсь кроется диво.
Заколдованъ курганъ, съ нимъ и кедръ великанъ,
Что разросся такъ пышно, красиво.
Говорятъ, что подъ нимъ великанъ-исполинъ,
И въ броню и въ кольчугу одѣтый,
Безпокойно лежитъ, потому что зарытъ
По обряду отцовъ не отпѣтый.
Триста лѣтъ, говорятъ, это было назадъ,—
Рыбаки въ Иртышѣ неводили,
И въ мережѣ одной здѣсь на берегъ крутой
Вмѣсто рыбъ мертвеца притащили.
Былъ въ бронѣ боевой, былъ въ кольчугѣ стальной,
Росту страшнаго пойманный въ сѣти,
И дивились ему, великану тому,
Рыбаки простодушные эти.
Но, не зная, какъ быть, какъ покойника сбыть,
Чтобъ на грѣхъ не затѣять бы дѣла,
Порѣшили все скрыть и скорѣе зарыть
Это мертвое, страшное тѣло.
И съ тѣхъ поръ, только день перейдетъ въ ночь и тѣнь,
Изъ могилы покойникъ выходитъ
И всю ночь напролетъ по холму взадъ-впередъ
Съ тяжкимъ стономъ задумчиво бродитъ.
Этотъ стонъ гробовой надъ уснувшей землей
По расщелинамъ горъ раздается,
Ужасая собой даже кедръ вѣковой,
Что отъ стоновъ отъ этихъ трясется.
Есть въ народѣ молва, что порою слова
Можно слышать:—«Къ могилѣ склонитесь,
Я донской былъ казакъ, по прозванью Ермакъ.
О покоѣ моемъ помолитесь».

А. А. Д.

* * *

Какъ сонъ, пройдутъ дѣла и помыслы людей:
Забудется герой, истлѣетъ мавзолей—
И вмѣстѣ въ общій прахъ сольются.
И мудрость, и любовь, и знанья, и права,
Какъ съ аспидной доски ненужныя слова,
Рукой невѣдомой сотрутся.
И ужъ не тѣ слова подъ тою же рукой—
Далеко отъ земли, застывшей и нѣмой—
Возникнутъ вновь загадкой блѣдной.
И снова свѣтъ блеснетъ, чтобъ стать добычей тьмы,
И кто-то будетъ жить не такъ, какъ жили мы,
Но такъ, какъ мы, умретъ безслѣдно.
И невозможно намъ предвидѣть и понять,
Къ какія формы духъ одѣнется опять,
Въ какихъ созданьяхъ воплотится.
Быть можетъ, изъ всего, что будитъ въ насъ любовь,
На той звѣздѣ ничто не повторится вновь...
Но есть одно, что повторится.
Лишь то, что мы теперь считаемъ празднымъ сномъ,
Тоска неясная о чемъ-то неземномъ,
Куда-то смутныя стремленья,
Вражда къ тому, что есть, предчувствій робкій свѣтъ
И жажда жгучая святынь, которыхъ нѣтъ,—
Одно лишь это чуждо тлѣнья.
Въ какихъ бы образахъ и гдѣ бы средь міровъ
Ни вспыхнулъ мысли свѣтъ, какъ лучъ средь облаковъ,
Какія бъ существа ни жили,—
Но будутъ рваться вдаль они, подобно намъ,
Изъ страха своего къ несбыточнымъ мечтамъ,
Грустя душой, какъ мы грустили.
И потому не тотъ безсмертенъ на землѣ,
Кто превзошелъ другихъ въ добрѣ или во злѣ,
Кто славы хрупкія скрижали
Наполнилъ повѣстью, безцѣльною, какъ сонъ,

Предъ кѣмъ толпы людей—такой же прахъ, какъ
онъ—
Благоговѣли иль дрожали,
Но всѣхъ безсмертнѣй тотъ, кому сквозь прахъ
земли
Какой-то новый міръ мерещился вдали,
Несуществующій и вѣчный.
Кто цѣли неземной такъ жаждалъ и страдалъ,
Что силой жажды самъ миражъ себѣ создалъ
Среди пустыни безконечной.

Н. Минскій.

КИНЖАЛЪ.

Лемносскій богъ тебя сковалъ
Для рукъ безсмертной Немезиды.
Свободы тайный стражъ, карающій кинжалъ,
Послѣдній судія позора и обиды!
Гдѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ
закона,
Свершитель ты проклятій и надеждъ;
Ты кроешься подъ сѣнью трона,
Подъ блескомъ праздничныхъ одеждъ.
Какъ адскій лучъ, какъ молнія боговъ,
Нѣмое лезвее злодѣю въ очи блещетъ,
И, озираясь, онъ трепещетъ
Среди своихъ пировъ.
Вездѣ найдетъ его ударъ надежный твой:
На сушѣ, на водахъ, во храмѣ, подъ шатрами,
За потаенными замками,
На ложѣ сна, въ семьѣ родной...
Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
Державный Римъ упалъ, главой поникъ законъ,
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый...
Кинжалъ, ты кровь излилъ—и мертвъ объемлетъ
онъ
Помпея мраморъ горделивый.
Исчадье мятежей подъемлетъ злобный крикъ,

Презрѣнный, мрачный и кровавый,
Надъ трупомъ вольности безглавой,
Палачъ уродливый возникъ.
Апостолъ гибели—усталому Аиду,
Перстомъ онъ жертвы назначалъ,
Но высшій судъ ему послалъ
Тебя и дѣву Эвмениду.
Свободы мученикъ, избранникъ молодой,
О, Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахѣ!
Но добродѣтели святой
Остался блескъ въ казненномъ прахѣ.
Въ твоей Германіи ты грозной тѣнью сталъ;
И на торжественной могилѣ,
Грозя бѣдой преступной силѣ,
Горитъ безъ надписи кинжалъ.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Я хочу веселья, радостнаго пѣнья,
Буйнаго разгула, смѣха и остротъ—
Оттого, что зналъ я лишь одни мученья,
Оттого, что жилъ я подъ ярмомъ заботъ.
Воздуха, цвѣтовъ мнѣ, солнечной погоды!
Слишкомъ долго шелъ я грязью подъ дождемъ.
Я хочу веселья, я хочу свободы—
Оттого, что былъ я скованнымъ рабомъ!
Я хочу рубиться, мстить съ безумной страстью—
Оттого, что долго былъ покоренъ злымъ.
И хочу любви я, и хочу я счастья—
Оттого, что не былъ счастливъ и любимъ!

Скиталецъ.

А. М. Жемчужниковъ.

СТАРАЯ ДОРОГА.

У горы, дождемъ размытой,
Надъ оврагомъ безъ моста,
Пріютилась подъ ракитой
Позабытая верста.
Наклонившись на-бокъ низко,
Старой цифрою глядитъ,
Но далеко или близко,
Никому не говоритъ.
Старый путь старушка мѣритъ,
Прежній путь, знакомый, свой...
Хоть и видитъ, а не вѣритъ,
Что избрали путь иной.
Въ самомъ дѣлѣ, стороною,
Гдѣ темнѣетъ черноземъ,
Будто снѣжной полосою
Новый путь лежитъ. По немъ
Пѣшеходъ съ сумой плетется
И, скрипя, обозъ идетъ,

Тройка быстрая несется,
Колокольчикомъ поетъ.
Звукъ, на старую дорогу
Залетѣвши, прозвучитъ,—
Прозвучитъ и, понемногу
Замолкая, замолчитъ.
И томитъ ее опала
Всѣхъ заброшенныхъ дорогъ.
Отдыхать она устала,—
Прежнихъ хочется тревогъ.
Будетъ время, статься можетъ,
Вновь по старому пути,
Если только Богъ поможетъ,
Люди вздумаютъ пойти.
Сонъ пустыни жизнь пробудитъ,
Путь заглохшій обновятъ,
И версты моей не будетъ,—
Новой старую смѣнятъ.
Но, по прежнему примѣру,
Эта новая верста
Будетъ мѣрить той же мѣрой
Тѣ же старыя мѣста.

А. М. Жемчужниковъ.

ССОРА.

Не пора ль, Пантелей, постыдиться людей
И опять за работу приняться?
Промоталъ хомуты, промоталъ лошадей,—
Вѣрно, по міру хочешь таскаться?
Вѣдь и такъ отъ сосѣдей мнѣ нѣту житья,
Показаться на улицу стыдно:
Словно въ трубы трубятъ: «что, родная моя,
Твоего Пантелея не видно?»
А ты думаешь: гдѣ же опричь ему быть,
Чай, опять загулялъ съ бурлаками...

И сердечко въ груди закипитъ—закипитъ,
И, вздохнувши, зальешься слезами.»
—Не дурачь ты меня, мужъ женѣ отвѣчалъ,
Я не первый денекъ тебя знаю.
Да по чьей же я милости пьяницей сталъ,
И теперь ни за что пропадаю?
Не вино съ бурлаками,—я кровь свою пью.
Ею горе мое заливаю,
Да за чаркой тебя проклинаю, змѣю...
И тебя, и себя проклинаю!
Ахъ, ты время мое, золотая пора,
Не видать ужъ тебя, вѣрно, болѣ!
Какъ, бывало, съ зарей на телѣгахъ съ двора
Ѣдешь рожь убирать въ свое поле,—
Сбруя вся на заказъ, кони—любо взглянуть,
Словно звѣри изъ упряжи рвутся;
Не успѣешь, бывало, возжей шевельнуть,
Ужъ, голубчики, вихремъ несутся.
Пашешь,—пѣсню поешь, косишь—устали нѣтъ:
Придетъ праздникъ,—помолишься Богу,
По деревнѣ идешь,—и почетъ и привѣтъ:
Старики уступаютъ дорогу!
А теперь... Одного я вотъ въ толкъ не возьму:
Въ закромахъ у насъ чисто и пусто,
Ину пору и нѣту соломы въ дому,
Въ кошелѣ и подавно не густо,—
На тебя жъ поглядишь,—что откуда идетъ,
Что ни праздникъ,— иная обновка...
Оно, можетъ, тебѣ и Господь подаетъ,
Да не вѣрится... что-то не ловко...—
— «Не велишь ли ты мнѣ въ старыхъ тряпкахъ
ходить?»
Покраснѣвши жена отвѣчала:
— «Кажись, было на что мнѣ обновки купить,—
Я, вѣдь, цѣлую зимушку пряла.
Вотъ тебѣ-то, неряхѣ, великая честь!
Вишь, онъ рѣчи какія заводитъ!
Самому же лаптишекъ не хочется сплесть,
А зипунъ-то онучи не стоитъ.»
— Поистерся немного! не всѣмъ щеголять;
Бѣдняку что Богъ далъ, то и ладно.

А ты любишь гостей-то по платью встрѣчать:
Сосѣдъ ходитъ недаромъ нарядно.—
— «Ахъ, родные мои,—закричала жена:—
Ужъ и гостя привѣтить нѣтъ воли!
Ну, хорошъ мужечекъ, хороши времена:
Не води съ людьми хлѣба и соли...
Да вотъ на-ка тебѣ! Не по твоему быть!
Я не больно тебя испугалась!
Таки будетъ сосѣдъ ко мнѣ въ гости ходить,
Чтобъ сердечко твое надрывалось!»
— Коли такъ, ну и такъ! —мужъ женѣ отвѣчалъ:
Мнѣ тебя переучивать поздно,
Ужъ и то я грѣха много на душу взялъ,
А сосѣда повыпытать можно...
Перестанемъ кричать! Собери-ка поѣсть:—
Я и то другой день безъ обѣда,
Дай хоть хлѣба ломоть, да влей щей, коли есть,
Молоко-то оставь для сосѣда.
— «Да вотъ хлѣба-то я не успѣла испечь.»
Жена, съ лавки вскочивши, сказала:
— «Коли хочешь поѣсть, почини прежде печь...»
И на печку она указала.
Мужъ ни слова на это женѣ не сказалъ!
Взялъ зипунъ свой и шапку съ постели,
Постоялъ у окна, головой покачалъ
И пошелъ, куда очи глядѣли.
Только онъ изъ воротъ, сосѣдъ вотъ онъ—идетъ.
Шапка на бокъ, халатъ на распашку,
Отъ коневыхъ сапогъ чистымъ дегтемъ несетъ.
И застегнута лентой рубашка.
— «Будь здоровъ, Пантелей! что повѣсилъ, братъ носъ?
Аль запала въ головушку дума?»
—Видишь, бойкій какой! А ты мнѣ что за спросъ?—
Пантелей ему молвилъ угрюмо.
— «Что такъ больно сердитъ? Знать, болитъ голова,
Или просто некстати зазнался?»
Пантелей второпяхъ засучилъ рукава,
Исподобья кругомъ озирался...
— Эхъ... была не была! ну, держися, дружокъ!

И мужикъ во всю мочь развернулся,
Да какъ хватитъ сосѣда съ размаху въ високъ,
И не охнулъ бѣднякъ—протянулся...
Ввечеру Пантелей ужъ сидѣлъ въ кабакѣ
И, слегка подгульнувъ съ бурлаками,
Крѣпко руку свою прислонивши къ щекѣ,
Пѣсни пѣлъ, заливаясь слезами.

И. С. Никитинъ.

КНЯЗЬ МИХАЙЛО РЕПНИНЪ.

Безъ отдыха пируетъ съ дружиной удалой
Иванъ Васильевичъ Грозный подъ матушкой-Москвой.
Ковшами золотыми столовъ блистаетъ рядъ,
Разгульные за ними опричники сидятъ.
Съ вечерни льются вина на царскіе ковры,
Поютъ ему съ полночи лихіе гусляры;
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани, и Астрахани плѣнъ.
Но голосъ прежней славы царя не веселитъ,
Подать себѣ личину онъ кравчему велитъ.
— «Да здравствуютъ тіуны, опричники мои;
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!
Себѣ личину, други, пусть каждый изберетъ—
Я первый открываю веселый хороводъ!
За мной, мои тіуны, опричники мои!
Вы жъ громче бейте въ струны, баяны-соловьи!»
И всѣ подняли кубки. Не поднялъ лишь одинъ;
Одинъ не поднялъ кубка, Михайло князь Репнинъ.
—«О, царь, забылъ ты Бога! Свой санъ ты, царь, забылъ!
Опричиной на горе престолъ свой окружилъ!
Разсыпь державнымъ словомъ дѣтей бѣсовскихъ рать!

Тебѣ ли, властелину, здѣсь въ машкерѣ плясать!»
Но царь, нахмуривъ брови: «Въ умѣ ты, знать, ослабъ.
Или хмѣленъ не въ мѣру? Молчи, строптивый рабъ!
Не возражай ни слова и машкеру надѣнь—
Или, клянусь, что прожилъ ты свой послѣдній день!»
Тутъ всталъ и поднялъ кубокъ Репнинъ, правдивый князь.
— «Опричина да сгинетъ!—онъ рекъ, перекрестясь.
Да здравствуетъ во вѣки нашъ православный царь!
Да правитъ человѣки, какъ правилъ ими встарь!
Да презритъ, какъ измѣну, безстыдный лести гласъ!
Личины жъ не надѣну я въ мой послѣдній часъ!»
Онъ молвилъ, и ногами личину растопталъ,
Изъ рукъ его на землю звенящій кубокъ палъ...
—«Умри же, дерзновенный!» царь вскрикнулъ, разъярясь—
И палъ, жезломъ пронзенный, Репнинъ, правдивый князь...
И вновь подняты кубки, ковши опять звучатъ,
За длинными столами опричники шумятъ.
И смѣхъ ихъ раздается, и пиръ опять кипитъ—
Но звонъ ковшей и кубковъ царя не веселитъ:
— «Убилъ, убилъ напрасно я вѣрнаго слугу!
Вкушать веселье нынѣ я болѣ не могу.»
Напрасно льются вина на царскіе ковры,
Поютъ царю напрасно лихіе гусляры,
Поютъ потѣхи брани, дѣла былыхъ временъ,
И взятіе Казани и Астрахани плѣнъ.

Графъ А. К. Толстой.

К. К. Случевскій.

СТАТУЯ.

(В. В. Быкову).

Надъ озеромъ дикимъ и соннымъ,
Прозраченъ, игривъ и пѣвучъ,
Сливается съ камней на камни
Холодный желѣзистый ключъ.
Надъ нимъ молодой гладіаторъ
Онъ раненъ въ тяжеломъ бою,
Онъ силится брызнуть водою
Въ глубокую рану свою.
Какъ только затеплятся звѣзды,
И ночь величаво сойдетъ,—
Выходятъ на землю туманы,
Выходитъ русалка изъ водъ.
И, къ статуѣ грудь прижимая,
Косою ей плечи обвивъ,

Томится она и вздыхаетъ,
Глубокія очи закрывъ.
И видятъ полночныя звѣзды,
Какъ проситъ она у него
Отвѣта, лобзанья и чувства
И какъ обнимаетъ его.
И видятъ полночныя звѣзды,
И шепчутъ двурогой лунѣ,
Какъ холоденъ къ ней гладіаторъ
Въ своемъ заколдованномъ снѣ.
И долго два чудныя тѣла
Бѣлѣютъ надъ спящей водой...
Лежитъ неподвижная полночь,
Сверкая алмазной росой;
Сіяетъ торжественно небо,
На землю туманы ползутъ;
И слышно, какъ мхи прорастаютъ,
Какъ сонныя травы цвѣтутъ...
Подъ утро уходитъ русалка,
Печальна, бѣла и блѣдна,
И, въ сонныя волны спускаясь,
Глубоко вздыхаетъ она...

К. К. Случевскій.

ПѢСНЯ ЕРЕМУШКѢ.

Стой, ямщикъ! жара несносная,
Дальше ѣхать не могу!
Вишь, пора-то сѣнокосная—
Вся деревня на лугу.
У двора, у постоялаго,
Только нянюшка сидитъ,
Закачавъ ребенка малаго,
И сама почти-что спитъ;

Черезъ силу тянетъ пѣсенку,
Да, зѣвая, креститъ ротъ.
Сѣлъ я рядомъ съ ней на лѣсенку,
Няня дремлетъ и поетъ:

— «Ниже тоненькой былиночки
Надо голову клонить,
Чтобы на свѣтѣ сиротиночкѣ
Безпечально вѣкъ прожить.

Сила ломитъ и соломушку—
Поклонись пониже ей,
Чтобы старшіе Еремушку
Въ люди вывели скорѣй.
Въ люди выйдешь, все съ вельможами
Будешь дружество водить,
Съ молодицами пригожими
Шутки вольныя шутить.

И привольная и праздная
Жизнь покатится, шутя...»
— Эка пѣсня безобразная!
Няня, дай-ка мнѣ дитя!
— «На родной! да ты откудова?»
— Я проѣзжій, городской.—
— «Покачай, а я покудова
Подремлю, да пѣсню спой!»

— Какъ не спѣть! спою, родимая,
Только, знаешь, не твою:
У меня своя, любимая...
— «Баю—баюшки баю!
— Въ пошлой лѣни усыпляющій
Пошлыхъ жизни мудрецовъ,
Будь онъ проклятъ, растлѣвающій
Пошлый опытъ, умъ глупцовъ!

— Въ насъ, подъ кровлею отеческой
Не запало ни одно
Жизни чистой человѣческой
Плодотворное зерно.
— Будь счастливѣй! Силу новую
Благородныхъ юныхъ дней
Въ форму старую, готовую
Необдуманно не лей!

— Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай.

Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай!
— Съ нимъ ты рожденъ природою;
Возлѣлѣй ихъ, сохрани!
Братствомъ, Истиной, Свободою
Называются они.

— Возлюби ихъ, на служеніе
Имъ отдайся до конца!
Нѣтъ прекраснѣй назначенія,
Лучезарнѣй нѣтъ вѣнца!
Будешь рѣдкое явленіе,
Чудо родины своей;
Не холопское терпѣніе
Принесешь ты въ жертву ей,

— Необузданную, дикую
Къ лютой подлости вражду
И довѣренность великую
Къ безкорыстному труду.
— Съ этой ненавистью правою,
Съ этой вѣрою святой
Надъ неправдою лукавою
Грянешь Божьею грозой!

— И тогда-то...» Вдругъ проснулося
И заплакало дитя.
Няня быстро встрепенулася
И взяла его, крестя.
— «Покормись, родимый, грудкою!
Сытъ?.. Ну, баюшки баю!»—
И запѣла надъ малюткою
Снова пѣсенку свою...

Н. А. Некрасовъ.

КОЛОДНИКИ.

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодниковъ звонкія цѣпи
Взметаютъ дорожную пыль.
Идутъ они съ бритыми лбами,
Шагаютъ впередъ тяжело!
Угрюмо сдвинули брови,
На сердце раздумье легло.
Идутъ съ ними длинныя тѣни,
Двѣ клячи телѣгу везутъ.
Лѣниво сгибая колѣни,
Конвойные съ ними идутъ.
— Что, братцы, затянемте пѣсню,
Забудемъ лихую бѣду!
Ужъ, видно, такая невзгода
Написана намъ на роду!
И вотъ, повели, затянули.
Поютъ, заливаясь, они
Про Волги широкой раздолье,
Про даромъ минувшіе дни;
Поютъ про свободныя степи,
Про дикую волю поютъ...
День меркнетъ все болѣ,—а цѣпи
Дорогу метутъ, да метутъ...

А. К. Толстой.

КЪ МЕФИСТОФЕЛЮ.

(Поставленному между „Христомъ“ и „Сократомъ“).

Зачѣмъ ты здѣсь, духъ злобы и сомнѣнья,
Съ усмѣшкой, искривленной на устахъ,
Съ туманомъ лжи, съ отравою презрѣнья
Въ уклончиво блуждающихъ очахъ?

Зачѣмъ тебя художникъ вдохновенный
Впустилъ въ тотъ храмъ таинственно-священный
Величія, добра и красоты,
Гдѣ усмѣхаться... можешь только ты?
Отъ глазъ Христа, отъ близости Сократа,
Отъ юности, отъ славы, отъ ума
Бѣги въ вертепы лести и разврата,
Туда, гдѣ звонъ цѣпей, бряцанье злата,
Гдѣ пьяное веселье, шумъ и тьма!
Тебя я проклинаю, ненавижу:
Ты оскорбилъ восторгъ души святой—
Зачѣмъ ты здѣсь? Зачѣмъ тебя я вижу?
Зачѣмъ твой взоръ смѣется надо мной?..
Увы! Отвѣтъ предвижу я заранѣ,
И шопотъ твой знакомъ мнѣ съ давнихъ дней—
Знакомъ, какъ боль въ незаживленной ранѣ,
Какъ тяжкій бредъ безсонныхъ злыхъ ночей,
Когда, добра и свѣта полонъ жажды,
Искалъ я новыхъ знаній, думъ и встрѣчъ,
Не ты ль шепталъ въ тиши мнѣ не однажды
Лукавую язвительную рѣчь:
«Добро и зло, ничтожество, величье,
Все, что живетъ, что отжило давно—
Гдѣ судъ тому, гдѣ мѣра, гдѣ различье,
Не все ль людьми поругано равно?»
И нынѣ здѣсь, въ святилищѣ искусства,
Ты въ правѣ вновь язвить и хохотать,
Подмигивать на красоту, на чувство,
Сжигаетъ людей презрѣнія огнемъ,
Дышать въ лицо имъ ложью и развратомъ
Между отравленнымъ Сократомъ
И крѣпко связаннымъ Христомъ.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.

СОНЪ.

Вошелъ я въ храмъ. Кругомъ дремали боги.
И былъ мнѣ голосъ: «предъ тобой весь міръ:
Вотъ слава шумная, вотъ долгъ—молчальникъ строгій,—
Богатство, знанье,—выбирай кумиръ!»
И я отвѣтилъ:—я усталъ и боленъ,
Я трупъ живой. И я равно безволенъ
Желать или желанье одолѣть.
Одно, одно могло бъ мнѣ грудь согрѣть!
Есть мысли,—въ нихъ сіяетъ разрушенье,
Есть музыка безумно-дерзкихъ словъ,
Лишь внемля имъ, я живъ и жить готовъ!»
Дитя съ огнемъ во взорѣ—дерзновенье—
Дало мнѣ молотъ. Я разбилъ боговъ,
Разрушилъ храмъ—и палъ въ изнеможеньѣ.

М. Н. Минскій.

* * *

Женщинѣ дорогу!
И рабой-царицей,
Безмятежно шла ты яркой вереницей
Выспреннихъ восторговъ, робкихъ воздыханій,
Сладкозвучныхъ пѣсенъ, пламенныхъ желаній,
И безумныхъ вспышекъ доблести спѣсивой—
Шла на жертву страсти въ храмъ любви ревнивой.

Но разбиты мощнымъ духомъ обновленья
Обветшалой цѣпи вѣковыя звенья!
Брани и лишеній тяжкою стезею
Шествуешь ты нынѣ къ пышному чертогу
Знанія и свѣта...
Женщинѣ дорогу!

В. Лихачевъ.

БРАТЬЯМЪ СОБЛАЗНЕННЫМЪ.

Великаго въ человѣкѣ то,
что онъ мостъ, а не цѣль.
Заратустра.

Свѣтлымъ облакомъ плѣненные,
Долго мы смотрѣли вслѣдъ,
Полно, братья соблазненные!
Это только бѣглый свѣтъ.
Развѣ есть предѣлъ мечтателямъ?
Развѣ цѣль намъ суждена?
Назовемъ того предателемъ,
Кто намъ скажетъ—здѣсь она!
Развѣ рѣдко въ прошломъ ставили
Мертвый идолъ Красоты?
Но одни лишь мы прославили
Бога жажды и мечты!
Горе, кто прельстился красками,
Кто увѣровалъ въ слова!
Сонъ его, повитый ласками,
Сонъ стыда, не торжества.
Подымайте, братья, посохи,
Дальше, дальше, какъ и шли!
Паруса развѣйте въ воздухѣ,
Дерзко правьте корабли!
Жизнь не счастье, но томленіе,
Но презрѣнье, но борьба.
Все впередъ—отъ возрожденія
Къ возрожденью сквозь гроба!

Валерій Брюсовъ.

М. Л. Михайловъ.

СОНЪ НЕВОЛЬНИКА.

Изъ Г. Лонгфелло.

Истомленный, на рисовой нивѣ онъ спалъ,
Грудь открытую жегъ ему зной;
Серпъ остался въ рукѣ—и въ горячемъ пескѣ
Онъ курчавой тонулъ головой.
Подъ туманомъ глубокаго сна
Снова видѣлъ онъ край свой родной.
Тихо царственный Нигеръ катился предъ нимъ,
Уходя въ безграничный просторъ.
Онъ царемъ былъ опять, и на пальмахъ родныхъ
Отдыхалъ средь полей его взоръ.
И звеня и гремя опускалися въ долъ
Караваны съ сіяющихъ горъ.
И опять черноокой царицѣ своей
Съ нѣжной лаской глядѣлъ онъ въ глаза,
И дѣтей обнималъ—и опять услыхалъ
И родныхъ и дѣтей голоса,—
Тихо дрогнули сонныя вѣки его
И съ лица покатилась слеза.
И на борзомъ конѣ вдоль рѣки онъ скакалъ

По знакомымъ роднымъ берегамъ...
Въ серебрѣ повода—золотая узда;
Громкій топотъ звучалъ по полямъ
Средь глухой тишины, и стучали ножны
Длинной сабли коню по бокамъ.

Впереди, словно красный кровавый платокъ,
Ярко-крылый фламинго летѣлъ.
Вслѣдъ за нимъ онъ до ночи скакалъ по лугамъ,
Гдѣ кругомъ тамариндъ зеленѣлъ.
Показалися хижины кафровъ,—и вотъ
Океанъ передъ нимъ засинѣлъ.

Ночью слышалъ онъ ревъ и рыканіе льва,
И гіены пронзительный вой:
Слышалъ онъ, какъ въ пустынной рѣкѣ бегемотъ
Мялъ тростникъ своей тяжкой стопой...
И надъ сонnымъ пронесся торжественный гулъ,
Словно радостный кличъ боевой.

Миріадой немолчныхъ своихъ языковъ
О свободѣ гласили лѣса;
Кличемъ воли въ дыханьи пустыни неслись
И земли и небесъ голоса...
И улыбка и трепетъ пошли по лицу,
И смежилися крѣпче глаза.

Онъ не чувствовалъ зноя; не слышалъ, какъ бичъ
Провизжалъ у него надъ спиной...
Царство сна озарила сіяніемъ смерть.
И на нивѣ остался—нѣмой
И безжизненный трупъ: перетертая цѣпь,
Сокрушенная вольной душой.

М. Л. Михайловъ.

ДѢЛЕЖЪ.

Изъ Э. Манюэля.

Въ рабочій день, въ обѣденную пору,
На чердакѣ, высоко надъ землей
Мы застаемъ супружескую ссору...
Лишь на зарѣ вернувшійся домой,
Проснулся мужъ—съ тяжелой головой
И ноющимъ, какъ-бы разбитымъ тѣломъ.
Въ хмѣльномъ чаду—и голоденъ и золъ—
Вокругъ глядитъ онъ взглядомъ отупѣлымъ.
Очагъ потухъ—и пустъ убогій столъ;
Повсюду грязь: безъ ласки и вниманья,
Въ угрюмую печаль погружена,
Скользитъ, какъ тѣнь, увядшая жена...
Онъ удрученъ: онъ ищетъ оправданья.

— Ты только что явилась? гдѣ была?
Чуть отвернись—тебя ужъ нѣтъ и дома!
А мужъ одинъ... Все это намъ знакомо!
Ну сказывай, съ кѣмъ утро провела?
— Съ ума сошелъ! вотъ не было заботы!
Никакъ, меня онъ ревновать готовъ!
Смотри—у насъ ни хлѣба нѣтъ, ни дровъ!
Ты пьянствуешь всю ночь, а я работы,
Весь день снуя по городу, ищу...
— Я дѣлаю все то, что я хочу.
— Ну хорошо! я стану дѣлать то же.
— Что любо мнѣ—ужъ тѣмъ не поступлюсь.
Тогда и я дружкомъ обзаведусь!
Я не шучу. Смотри за мной построже...
Негодная!

И полился потокъ
Обидъ, угрозъ, проклятій, сожалѣній...
О, если бъ кто предвидѣть это могъ!
Былой любви—ни признака, ни тѣни;
Взамѣнъ ея—лишенья и разладъ,
А въ будущемъ—не жизнь... кромѣшный адъ!
И, споръ прервавъ, воскликнулъ мужъ:

— Довольно!
На каторгу никто насъ не обрекъ,—

Къ чему жъ терзать другъ другъ добровольно?
Я выбился изъ силъ! я изнемогъ!
— Ты изнемогъ? За чѣмъ же дѣло стало?
Разстанемся!
— Ну этимъ ужъ давно
Грозимся мы—да толку что-то мало.
— А, если такъ,—прекрасно! рѣшено!
Сегодня же... ни часа, ни мгновенья...
И, вся дрожа отъ гнѣвнаго смятенья,
— Ступай! ступай! закончила она:—
— Я какъ-нибудь одна прожить сумѣю;
Мнѣ черная работа не страшна—
И о тебѣ, хоть буду голодна,
Не вспомню я—не то что пожалѣю!
Вѣдь насъ двоихъ кормилъ не ты, а я...
Спѣши въ кабакъ! тамъ ждутъ тебя друзья
И женщины продажныя, быть можетъ.
Пей до ночи, проспись и снова пей,
Пока вино всего тебя не сгложетъ,—
Но въ эту дверь стучаться ужъ не смѣй!
— Повремени! я не уйду такъ скоро:
Какъ нищаго, ни съ чѣмъ, средь бѣла дня,
На улицу не вышвырнешь меня!
Я не дуракъ... такъ лучше ужъ безъ спора
Намъ порѣшить. Вѣдь это все мое:
Давай дѣлить по совѣсти...
— Твое?!
Изъ-за чего я сна порой не знала,
Что по крохамъ сбирала я, любя,
Надъ чемъ не разъ я слезы проливала—
Твое? Гдѣ, стыдъ, гдѣ совѣсть у тебя?
Э, Богъ съ тобой! Чужаго мнѣ не надо:
Уходишь ты—и то ужъ мнѣ отрада...
Давай дѣлить!
И начался дѣлежъ.
Безъ устали, порывисто, сурово,
Чтобы успѣть покончить до огня,
Работали они при свѣтѣ дня,
Лишь изрѣдка роняя два-три слова.
Мужъ былъ жестокъ: мужъ былъ неумолимъ.

Исполненный безумнаго злорадства,
Въ пыли, въ поту, съ усердіемъ тупымъ,
Сознательно творилъ онъ святотатство.
Въ той комнатѣ, гдѣ нѣкогда вдвоемъ
Живой любви зари они встрѣчали
И гнали прочь сомнѣнья и печали,—
Царилъ теперь безжалостный разгромъ,
Тамъ слышались отрывисто и рѣзко:
— Мое... Твое...
— Вотъ скатерть... занавѣска...
— Стаканъ возьми, а чашку не отдамъ...
Кровать моя...
— Простыни пополамъ...
Подсвѣчники—тебѣ и мнѣ по штукѣ...
Такъ рушился былого счастья храмъ!
Такъ, все поправъ,—безъ слезъ, безъ тайной муки—
Жена и мужъ готовились къ разлукѣ!
Пришелъ къ концу супружескій раздѣлъ.
Какъ-бы застывъ въ нѣмомъ ожесточеньѣ,
Мужъ всѣ углы еще разъ оглядѣлъ—
И вдругъ въ шкапу, въ укромномъ углубленьѣ,
Чуть видимый замѣтилъ узелокъ...
— А это что? Какіе-то наряды
Припрятала?
Онъ развернулъ платокъ...
И встрѣтились растерянные взгляды,
И дрогнули смущенныя сердца
Надъ платьицемъ ребенка мертвеца!
Разсѣялось постыдное забвенье,
Въ душевный мракъ лучъ прошлаго проникъ,—
И дѣвочки прелестное видѣнье
Въ ихъ памяти воскресло въ этотъ мигъ...
И мужъ сказалъ тревожно и поспѣшно:
— Ужъ этого я не отдамъ, конечно...
— Нѣтъ, ты отдашь! на что оно тебѣ?
Я берегла... Возьми все остальное...
О, ангелъ мой! дитя мое родное!
Съ тѣхъ поръ, какъ Богъ прибралъ ее къ себѣ,
Все мучусь я—и нѣтъ конца мученью...
Да что! теперь ужъ поздно горевать;

И, смутному покорствуя влеченью,
Онъ уступилъ. Взволнованная мать,
Не отводя отчаяннаго взора
Отъ нѣжнаго поблекшаго узора,
Счастливыхъ дней любимаго труда,—
Безцѣнные остатки бережливо
Сложила вновь и шопотомъ тоскиво
Промолвила:

— Теперь ужъ поздно!—Да?
Ты думаешь?—невнятный и покорный
Послышался вопросъ.—А ради той,
Что къ намъ пришла? Чей образъ дорогой
Смирилъ нашъ гнѣвъ безбожный и позорный?
Я виноватъ... я говорю: прости...
Ну что жъ еще?... я не могу уйти!

Онъ смолкъ и сѣлъ, закрывъ лицо руками,
Она къ нему тихонько подошла...
Окликнула... склонилась... обняла...

— Не уходи!

И залилась слезами.

В. С. Лихачевъ.

СКАЗКА.

Призываетъ король Аладинъ
Грознымъ звономъ стального меча
Въ свой дворецъ золотой—палача...
Но ни съ горныхъ вершинъ, ни съ цвѣтущихъ долинъ
Къ королю не пришелъ ни одинъ.
Съ той поры для свободныхъ людей,—
И покоя и счастья полна,—
Точно садъ, расцвѣла та страна.
Нѣтъ тамъ тяжкихъ цѣпей, ни темницъ, ни бичей,—
Потому что тамъ нѣтъ палачей.

С. Ивановъ-Райковъ.

П. Я. (П. Ф. Якубовичъ).

МАТЕРИ.

Мнѣ снилось сегодня—въ безвѣстномъ краю
Въ слезахъ я родимую видѣлъ свою.
— «Скажи, мой желанный, скажи, дорогой,
Дождусь ли тебя я, соколикъ, домой?
Взгляни: мои очи ослѣпли отъ слезъ,
И снѣга бѣлѣй стали пряди волосъ...
Все грезятся мнѣ на яву и во снѣ
Страданья твои въ чужедальней странѣ,
Все слышу бряцанье тяжелыхъ цѣпей,
Все вижу замки у дубовыхъ дверей;
За ними—знакомыя поступь и рѣчь...
Нельзя мнѣ спокойно въ могилушку лечь!»
— О, матушка милая! Радъ бы душой
Тебя я утѣшить, вернуться домой...
Три были бы жизни даны мнѣ въ удѣлъ—
Всѣ отдалъ бы я,—и къ тебѣ полетѣлъ!
Но душу живую посмѣю ль продать?
Могла ли-бъ меня ты за сына признать?—
И слезы лились у родимой рѣкой,
И дряхлой качала она головой...

П. Я.

ДВѢ СЕСТРЫ.

Изъ А. Теннисона.

Насъ было двѣ сестры. Милѣй изъ двухъ сестеръ была она;
Какъ лилія родныхъ полей, всегда задумчива, блѣдна.

Я дикой розой расцвѣла,
Коварна, мстительна и зла.
(Я слышу: вѣтеръ шелеститъ,
О бѣдной Дженни онъ груститъ).

Узнала поздно я о томъ, что графъ укралъ у Дженни честь,
И поклялась святымъ крестомъ исполнить праведную месть—

За преступленіе и ложь...
А графъ былъ демонски хорошъ!
(Я слышу: вѣтеръ стонетъ злѣй
Въ густомъ саду среди аллей).

Сестра погибла... Тамъ, въ аду, ее, страдалицу, найду.
Мнѣ рѣшено, мнѣ суждено съ сестрой погибнуть заодно.

(Я слышу: вѣтеръ, буенъ, смѣлъ,
Еще сильнѣе зашумѣлъ).

Шли дни и мѣсяцы; но я, святую месть въ душѣ тая,
Ждала, чтобы измѣнникъ-графъ, съ одной сестрою поигравъ,
Другую также оскорбилъ: чтобы меня онъ полюбилъ,—
И я тайкомъ точила ножъ...
А графъ былъ демонски хорошъ!

Онъ не избѣгъ моихъ сѣтей. Я балъ дала. Въ толпѣ гостей,
Какъ къ обольстительной рабѣ, я привлекла его къ себѣ.
Торжествовала я надъ нимъ, какъ надъ невольникомъ моимъ.

(Я слышу: вырвавшись изъ тучъ,
Бушуетъ вѣтеръ дикъ, могучъ!
Въ старинныхъ башняхъ воетъ онъ...
Ужасный свистъ! Могильный стонъ!
По тѣлу пробѣгаетъ дрожь...
А графъ былъ демонски хорошъ!)

И вотъ остались мы вдвоемъ
На ложѣ дѣвичьемъ моемъ.
Онъ мнѣ тогда принадлежалъ,
Принадлежала я ему.
Онъ нѣжно руку мнѣ пожалъ,
Склонившись къ стану моему.
А я готовила кинжалъ
Въ глухую ночь, въ густую тьму,
И прошептала:—«Ты умрешь!»
А графъ былъ демонски хорошъ!

Поцѣловавъ его въ глаза,
Я не спала, а графъ уснулъ.
(Я слышу: страшная гроза!
И трескъ, и блескъ, и шумъ, и гулъ!..)
Я ненавидѣла его въ минуту роковую ту;
Но графъ, близъ сердца моего, былъ дорогъ мнѣ...
за красоту.

Я тихо встала... Онъ лежалъ...
Въ моей рукѣ сверкнулъ кинжалъ.
Какъ сладко графъ дремалъ тогда!
Какъ грудь, роскошно молода,
Вздымалась тихо у него!
Но не щадила я его.
Три раза мой кинжалъ сверкнулъ—
Въ крови три раза утонулъ,
Казня измѣнника за ложь...
А графъ и мертвый былъ хорошъ!

Тогда, припавъ лицомъ къ лицу,
Я причесала мертвецу
Густые локоны; волной
Они упали предо мной.
Какъ былъ прекрасенъ ликъ
На ложѣ смерти и любви!
(О, буря не реви!)

Поцѣловавши, обвила я бѣлымъ саваномъ его,
И мать-графиню привела взглянуть на сына своего
Святое небо! Для чего жъ
Мертвецъ былъ демонски хорошъ?

Л. Н. Трефолевъ.

НА КОНЧИНУ ПУШКИНА.

Изъ чьей руки свинецъ смертельный
Поэту сердце растерзалъ?
Кто сей божественный фіалъ
Разрушилъ, какъ сосудъ скудельный?
Будь правъ или виновенъ онъ
Предъ нашей правдою земною,
Навѣкъ онъ высшею рукою
Въ цареубійцы заклейменъ.
А ты, въ безвременную тьму
Вдругъ поглощенная со свѣта,
Миръ, миръ тебѣ, о тѣнь поэта,
Миръ свѣтлый праху твоему!..
На зло людскому суесловью,
Великъ и святъ былъ жребій твой!
Ты былъ боговъ органъ живой,
Но съ кровью въ жилахъ... знойной кровью.
И сею кровью благородной
Ты жажду чести утолилъ
И, осѣненный, опочилъ,
Хоругвью горести народной.
Вражду твою пусть Богъ разсудитъ,
Кто слышитъ пролитую кровь...
Тебя жъ, какъ первую любовь,
Россіи сердце не забудетъ!

Ѳ. И. Тютчевъ.

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Играючи расходится
Вкругъ вѣтеръ верховой:
Качнетъ листы ольховые,
Подниметъ пыль цвѣточную,
Какъ облако: все зелено,—
И воздухъ и вода!

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Скромна моя хозяюшка,
Наталья Патрикѣевна,
Водой не замутитъ!
Да съ ней бѣда случилася,
Какъ лѣто жилъ я въ Питерѣ...
Сама сказала, глупая,
Типунъ ей на языкъ!
Въ избѣ самъ-другъ съ обманщицей
Зима насъ заперла;
Въ мои глаза суровые
Глядитъ, молчитъ жена.
Молчу... а дума лютая
Покоя не даетъ:
Убить... такъ жаль сердечную!
Стерпѣть—такъ силы нѣтъ!
А тутъ зима косматая
Реветъ и день, и ночь:
— «Убей, убей измѣнницу!
Злодѣя изведи!
Не то весь вѣкъ промаешься
Ни днемъ, ни долгой ноченькой
Покоя не найдешь.
Въ глаза твои безстыжіе
Сосѣди наплюютъ!..»
Подъ пѣсню-вьюгу зимнюю
Окрѣпла дума лютая—

Припасъ я вострый ножъ—
Да вдругъ весна подкралася...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній шумъ!

Какъ молокомъ облитые,
Стоятъ сады вишневые,
Тихохонько шумятъ;
Пригрѣты теплымъ солнышкомъ,
Шумятъ повеселѣлые
Сосновые лѣса;
А рядомъ съ новой зеленью
Лепечутъ пѣсню новую
И липа блѣднолистая,
И бѣлая березынька
Съ зеленою косой!
Шумитъ тростинка малая,
Шумитъ высокій кленъ...
Шумятъ они по новому,
По новому, весеннему...

Идетъ-гудетъ Зеленый Шумъ,
Зеленый Шумъ, весенній Шумъ!

Слабѣетъ дума лютая,
Ножъ валится изъ рукъ,
И все мнѣ пѣсня слышится
Одна—въ лѣсу, въ лугу:
«Люби, покуда любится,
Терпи, покуда терпится,
Прощай, пока прощается,
И—Богъ—тебѣ судья!»

Н. А. Некрасовъ.

П. И. Вейнбергъ.

БЕЗКОНЕЧНОЙ ПЕЛЕНОЮ.

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой—море.
Сколько власти благодатной
Въ этой шири необъятной,
Въ царственномъ просторѣ!
Я пришелъ на берегъ милый,
Истомленный и унылый,
Съ ношею старинной
Всѣхъ надеждъ моихъ разбитыхъ,
Всѣхъ сомнѣній ядовитыхъ,
Всей тоски змѣиной.
Я пришелъ повѣдать морю,
Что съ судьбой ужъ я не спорю,
Что бороться болѣ
Силы нѣтъ, что я смирился

И позорно покорился
Безобразной долѣ.
Но, когда передо мною
Безконечной пеленою
Развернулось море,
И, отваги львиной полны,
Вдругъ запѣли пѣсню волны
Въ исполинскомъ хорѣ,—
Пѣсню мощи и свободы,
Пѣсню грозную природы,
Жизнь берущей съ бою—
Все во мнѣ затрепетало,
И такъ стыдно, стыдно стало
Предъ самимъ собою—
За унынье, за усталость,
За болѣзненную вялость,
За потерю силы—
Ни предъ чѣмъ не преклоняться
И съ врагомъ-судьбой сражаться
Смѣло до могилы...
Отряхнулъ съ себя я снова
Малодушія пустого
Пагубное бремя,
И врагу съ отвагой твердой
Снова кинулъ вызовъ гордый,
Какъ въ былое время...
А сѣдыя волны моря,
Пробужденью духа вторя
Откликомъ природы,
Все впередъ быстрѣй летѣли,
Все грознѣе пѣсню пѣли
Жизни и свободы...

П. И. Вейнбергъ.

РАЗМЫШЛЕНІЯ У ПАРАДНАГО ПОДЪѢЗДА.

Вотъ парадный подъѣздъ. По торжественнымъ
днямъ
Одержимый холопскимъ недугомъ,
Цѣлый городъ съ какимъ-то испугомъ,
Подъѣзжаетъ къ завѣтнымъ дверямъ.
Записавъ свое имя и званье,
Разъѣзжаются гости домой,
Такъ глубоко довольны собой,
Что подумаешь—въ томъ ихъ призванье!
А въ обычные дни этотъ пышный подъѣздъ
Осаждаютъ убогія лица—
Прожектеры, искатели мѣстъ,
И преклонный старикъ и вдовица.
Отъ него и къ нему, то и знай, по утрамъ
Всѣ курьеры съ бумагами скачутъ.
Возвращаясь, иной напѣваетъ: «трамъ-трамъ,»
А иные просители плачутъ.
Разъ я видѣлъ: сюда мужички подошли,
Деревенскіе русскіе люди;
Помолились на церковь и стали вдали,
Свѣсивъ русыя волосы къ груди.
Показался швейцаръ.—«Допусти,»—говорятъ,
Съ выраженьемъ надежды и муки.
Онъ гостей оглядѣлъ: некрасивы на взглядъ!
Загорѣлыя лица и руки,
Армячишка худой на плечахъ,
По котомкѣ на спинахъ согнутыхъ,
Крестъ на шеѣ и кровь на ногахъ,
Въ самодѣльные лапти обутыхъ.
(Знать, брели-то долгонько они
Изъ какихъ-нибудь дальнихъ губерній).
Кто-то крикнулъ швейцару: «Гони:
Нашъ не любитъ оборванной черни!»
И захлопнулась дверь. Постоявъ,
Развязали кошли пилигримы,—
Но швейцаръ не пустилъ, скудной лепты не взявъ.
И пошли они, солнцемъ палимы,
Повторяя: суди его Богъ!

Разводя безнадежно руками!
И, покуда я видѣть ихъ могъ,
Съ непокрытыми шли головами...
А владѣлецъ роскошныхъ палатъ
Еще сномъ былъ глубокимъ объятъ...
Ты, считающій жизнью завидною
Упоеніе лестью безстыдною,
Волокитство, обжорство, игру,
Пробудись! есть еще наслажденіе!
Вороти ихъ: въ тебѣ ихъ спасеніе!
Но счастливые глухи къ добру...
Не страшатъ тебя громы небесные,
А земные ты держишь въ рукахъ...
И несутъ эти люди безвѣстные,
Неисходное горе въ сердцахъ.
Что тебѣ эта скорбь вопіющая?
Что тебѣ этотъ бѣдный народъ?
Вѣчнымъ праздникомъ быстро бѣгущая
Жизнь очнуться тебѣ не даетъ.
И къ чему? Щелкоперовъ забавою
Ты народное благо зовешь;
Безъ него проживешь ты со славою
И со славой умрешь!
Безмятежнѣй аркадской идилліи
Закатятся преклонные дни
Подъ плѣнительнымъ небомъ Сициліи,
Въ благовонной древесной тѣни.
Созерцая, какъ солнце пурпурное
Погружается въ море лазурное,
Полосами его золотя,—
Убаюканный ласковымъ пѣніемъ
Средиземной волны,—какъ дитя
Ты уснешь, окруженъ попеченіемъ
Дорогой и любимой семьи,
(Ждущей смерти твоей съ нетерпѣніемъ).
Привезутъ къ намъ останки твои,
Чтобъ почтить похоронною тризною.
И сойдешь ты въ могилу... герой,
Втихомолку проклятый отчизною,
Возвеличенный громкой хвалой.
Впрочемъ, что жъ мы такую особу

Безпокоимъ для мелкихъ людей?
Не на нихъ ли намъ выместить злобу?
Безопаснѣй... Еще веселѣй
Въ чемъ-нибудь пріискать утѣшенье...
Не бѣда, что потерпитъ мужикъ:
Такъ ведущее насъ Провидѣнье
Указало... да онъ же привыкъ!
За заставой, въ харчевнѣ убогой
Все пропьютъ бѣдняки до рубля,—
И пойдутъ, побираясь дорогой,
И застонутъ... Родная земля!
Назови мнѣ такую обитель,—
Я такого угла не видалъ,
Гдѣ бы сѣятель твой и хранитель,
Гдѣ бы русскій мужикъ не стоналъ?
Стонетъ онъ по полямъ, по дорогамъ,
Стонетъ онъ по тюрьмамъ, по острогамъ,
Въ рудникахъ на желѣзной цѣпи;
Стонетъ онъ подъ овиномъ, подъ стогомъ,
Подъ телѣгой, ночуя въ степи;
Стонетъ въ собственномъ бѣдномъ домишкѣ,
Свѣту божьяго солнца не радъ;
Стонетъ въ каждомъ глухомъ городишкѣ,
У подъѣзда судовъ и палатъ.
Выдь на Волгу: чей стонъ раздается
Надъ великою русской рѣкой?
Этотъ стонъ у насъ пѣсней зовется—
То бурлаки идутъ бичевой!..
Волга! Волга! Весной многоводной
Ты не такъ заливаешь поля,
Какъ великою скорбью народной
Переполнилась наша земля!
Гдѣ народъ, тамъ и стонъ... Эхъ сердечный!
Что же значитъ твой стонъ безконечный?
Ты проснешься, исполненный силъ,—
Иль, судебъ повинуясь закону,
Все, что могъ, ты уже совершилъ—
Создалъ пѣсню, подобную стону,
И духовно на вѣки почилъ?

Н. А. Некрасовъ.

„Хлѣба и зрѣлищъ!"

Кипѣлъ народомъ циркъ. Дрожащіе рабы
Въ аренѣ съ ужасомъ плачевной ждутъ борьбы.
А тигръ межъ тѣмъ ревѣлъ и прыгалъ барсъ игривый,
Голодный левъ рычалъ, желѣзо клѣтки грызъ,
И кровью, какъ огнемъ, глаза его зажглись.
Отворено: взревѣлъ, взмахнулъ хвостомъ и гривой,
На жертву кинулся... Народъ рукоплескалъ...
Въ толпѣ, окутанный льняною грубой тогой,
Съ нахмуреннымъ челомъ сѣдой старикъ стоялъ.
И ликъ его сіялъ, тержественный и строгій.
Съ угрюмой радостью, казалось, онъ взиралъ,
Спокоенъ, холоденъ, на страшныя забавы,—
Какъ кровожадный тигръ добычу раздиралъ,
И злился въ клѣткѣ барсъ, почуя духъ кровавый.
Близъ старца юноша, смущенный шумомъ игръ,
Воскликнулъ: «Проклятъ будь, о Римъ, о лютый тигръ!
О, проклятъ будь народъ безъ чувства, безъ любви
Ты, рукоплещущій, какъ звѣрь, при видѣ крови!»
—Кто ты?—спросилъ старикъ.—Аѳинянинъ!
Прывыкъ
Рукоплескать однимъ я стройнымъ лиры звукамъ,
Однимъ жрецамъ искусствъ,—не воплямъ и не мукамъ...»
— Ребенокъ, ты не правъ, отвѣтствовалъ старикъ.
— «Злодѣйство хладное душѣ невыносимо!»
— А я благодарю боговъ-пенатовъ Рима!—
— «Чему же ты такъ радъ?»—Я радъ тому, что есть
Еще въ сердцахъ толпы свободы голосъ-честь:
Бросаются рабы у насъ на разстерзанье—
Рабамъ смерть рабская! Собачья смерть рабамъ!
Что толку въ жизни ихъ—привыкнувшихъ къ цѣпямъ?
Достойны ихъ они, достойны поруганья!

А. Н. Майковъ.

Данте Алигьери.

БОЖЕСТВЕННАЯ КОМЕДІЯ.

Адъ. (Пѣснь I).

Въ срединѣ нашей жизненной дороги,
Объятый сномъ, я въ темный лѣсъ вступилъ,
Путь истинный утративъ въ часъ тревоги.
Ахъ! тяжело сказать, какъ страшенъ былъ
Сей лѣсъ, столь дикій, столь густой и лютый,
Что въ мысляхъ онъ мой страхъ возобновилъ.
И смерть лишь малымъ горше этой смуты!
Но чтобъ сказать о благости небесъ,
Все разскажу, что́ видѣлъ въ тѣ минуты.
И самъ не знаю, какъ вошелъ я въ лѣсъ:
Въ такой глубокій сонъ я погрузился
Въ тотъ мигъ, когда путь истинный исчезъ.
Когда жъ вблизи холма я пробудился,
Гдѣ той юдоли положенъ предѣлъ,
Въ которой ужасъ въ сердце мнѣ вселился,—

Я, вверхъ взглянувъ, главу холма узрѣлъ
Въ лучахъ планеты, что прямой дорогой
Ведетъ людей къ свершенью добрыхъ дѣлъ.
Тогда на время смолкъ мой страхъ, такъ много
Надъ моремъ сердца бушевавшій въ ночь,
Что протекла съ тоскою тревогой.
И какъ успѣвшій бурю превозмочь,
Ступивъ чуть-дышащій на брегъ изъ моря,
Съ опасныхъ волнъ очей не сводитъ прочь:
Такъ я, въ душѣ еще со страхомъ споря,
Взглянулъ назадъ и взоръ вперилъ туда,
Гдѣ изъ живыхъ никто не шелъ безъ горя.
И отдохнувъ въ пустынѣ отъ труда,
Я вновь пошелъ, и мой оплотъ опорный
Въ ногѣ, стоящей ниже, былъ всегда.
И вотъ, почти въ началѣ крути горной,
Покрытый пестрой шкурою, кружась,
Несется Барсъ и легкій и проворный.
Чудовище не убѣгало съ глазъ;
Но до того мнѣ путь мой преграждало,
Что внизъ сбѣжать я помышлялъ не разъ.
Ужъ день свѣталъ и солнце въ путь вступало
Съ толпою звѣздъ, какъ въ мигъ, когда оно
Вдругъ отъ любви божественной пріяло
Свой первый ходъ, красой озарено;
И все надеждою тогда мнѣ льстило:
Животнаго роскошное руно,
Часъ утренній и юное свѣтило.
Но снова страхъ мнѣ въ сердцѣ пробудилъ
Свирѣпый Левъ, представшій съ гордой силой.
Онъ на меня, казалось, выходилъ,
Голодный, злой, съ главою величавой,
И, мнилось, воздухъ въ трепетъ приводилъ.
Онъ шелъ съ Волчицей, тощей и лукавой,
Что, въ худобѣ полна желаній всѣхъ,
Для многихъ въ жизни сей была отравой.
Она являла столько мнѣ помѣхъ,
Что, устрашенъ наружностью суровой,
Терялъ надежду я взойти на верхъ.

И какъ скупецъ, копить всегда готовый,
Когда придетъ утраты страшный часъ,
Груститъ и плачетъ съ каждой мыслью новой:
Такъ звѣрь во мнѣ спокойствіе потрясъ
И, идя мнѣ на встрѣчу, гналъ всечасно
Меня въ тотъ край, гдѣ солнца лучъ угасъ.
Пока стремглавъ я падалъ въ мракъ ужасный,
Глазамъ моимъ предсталъ нежданный другъ,
Отъ долгаго молчанія безгласный.
«Помилуй ты меня!» вскричалъ я вдругъ,
Когда узрѣлъ его въ пустынномъ полѣ,
«О кто бъ ты ни былъ: человѣкъ, иль духъ!»
И онъ: «Я духъ, не человѣкъ я болѣ;
Родителей Ломбардцевъ я имѣлъ,
Но въ Мантуѣ рожденныхъ въ бѣдной долѣ.
Sub Julio я поздно свѣтъ узрѣлъ,
И въ Римѣ жилъ въ вѣкъ Августовъ счастливый;
Во дни боговъ въ лжевѣрьѣ я коснѣлъ.
Я былъ поэтъ, и мной воспѣтъ правдивый
Анхизовъ сынъ, воздвигшій новый градъ,
Когда сожженъ былъ Иліонъ кичливый.
Но ты зачѣмъ бѣжишь въ сей мракъ назадъ?
Что не спѣшишь на радостныя горы,
Къ началу и причинѣ всѣхъ отрадъ?»
—«О, ты ль Виргилій, тотъ потокъ, который
Рѣкой широкой катитъ волны словъ?»—
Я отвѣчалъ, склонивъ стыдливо взоры:
«О дивный свѣтъ, о честь другихъ пѣвцовъ!
Будь благъ ко мнѣ за долгое ученье
И за любовь къ красѣ твоихъ стиховъ.
Ты авторъ мой, наставникъ въ пѣснопѣньѣ:
Ты былъ одинъ, у коего я взялъ
Прекрасный стиль, снискавшій мнѣ хваленье.
Взгляни: вотъ звѣрь, предъ нимъ же я бѣжалъ....
Спаси меня, о мудрый, въ сей долинѣ....
Онъ въ жилахъ, въ сердцѣ кровь мнѣ взволновалъ».
—«Держать ты долженъ путь другой отнынѣ»,

Онъ отвѣчалъ, увидѣвъ скорбь мою,
«Коль умереть не хочешь здѣсь въ пустынѣ.
Сей лютый звѣрь, смутившій грудь твою,
Въ пути своемъ другихъ не пропускаетъ,
Но путь пресѣкши, губитъ всѣхъ въ бою.
И свойствомъ онъ столь вреднымъ обладаетъ,
Что, въ алчности ничѣмъ не утоленъ,
Вслѣдъ за ѣдой еще сильнѣй алкаетъ.
Онъ съ множествомъ животныхъ сопряженъ,
И съ многими еще совокупится;
Но близокъ Песъ, предъ кѣмъ издохнетъ онъ.
Не мѣдь съ землей Псу въ пищу обратится,
Но добродѣтель, мудрость и любовь;
Межъ Фельтро и межъ Фельтро Песъ родится.
Италію рабу спасетъ онъ вновь,
Въ честь коей дѣва умерла Камилла,
Турнъ, Эвріалъ и Низъ пролили кровь.
Изъ града въ градъ помчитъ Волчицу сила,
Доколь ее не заключитъ въ аду,
Откуда зависть въ міръ ее пустила.
Такъ вѣрь же мнѣ не къ своему вреду:
Иди за мною; въ область роковую,
Твой вождь, отсель тебя я поведу.
Услышишь скорбь отчаянную, злую;
Сонмъ древнихъ душъ увидишь въ той странѣ,
Вотще зовущихъ смерть себѣ вторую.
Узришь и тѣхъ, которыя въ огнѣ
Живутъ надеждою, что къ эмпирею
Когда-нибудь взнесутся и онѣ.
Но въ эмпирей я ввесть тебя не смѣю:
Тамъ есть душа достойнѣе стократъ;
Я, разлучась, тебя оставлю съ нею:
Зане Монархъ, чью власть, какъ супостатъ,
Я не позналъ, мнѣ нынѣ воспрещаетъ
Ввести тебя въ Его священный градъ.
Онъ Царь вездѣ, но тамъ Онъ управляетъ:
Тамъ градъ Его и неприступный свѣтъ;
О счастливъ тотъ, кто въ градъ Его вступаетъ!»
И я: «Молю я самъ тебя, поэтъ,
Тѣмъ Господомъ, Его жъ ты не прославилъ,—

Да избѣгу и сихъ и горшихъ бѣдъ,—
Веди въ тотъ край, куда ты путь направилъ,
И вознесусь къ вратамъ Петра святымъ,
И тѣхъ узрю, чью скорбь ты мнѣ представилъ».
Здѣсь онъ пошелъ, и я вослѣдъ за нимъ.

Д. Минъ.

ДОЧЕРИ ГОРЯ.

Мы—дочери горя, мы блѣдныя тѣни,
Мы часто проходимъ на вашемъ пути;
Сторонимся робко, боясь подойти,
Но въ храмѣ мы входимъ на тѣ же ступени.
Мы—дочери горя, рабы нищеты!
Пусть солнце сіяетъ съ весенняго неба,
Пусть пышно кругомъ расцвѣтаютъ цвѣты,
Мы мимо проходимъ: намъ хлѣба! намъ хлѣба!
Другимъ—наслажденій и славы вѣнецъ,
Пиръ юности свѣтлой, мечтами богатой...
Кружись колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала—конецъ!
Зачѣмъ мы живемъ? для чего существуемъ?
Зачѣмъ намъ и мысли и чувства даны?
Зачѣмъ иногда наши юные сны
Любовь обжигаетъ своихъ поцѣлуемъ?
Ужасна борьба увлеченныхъ сердецъ:
Мы купимъ мигъ счастья тяжелою платой...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой.
Кружись, пока смерть не сказала:—конецъ!

О бѣдныя дѣти! Ихъ лучшіе годы
Не знаютъ блаженства, не знаютъ свободы.
Въ погонѣ за хлѣбомъ всегда и всегда.
Ихъ матери—ясная нѣжность чужда.
И часто ихъ смерть не бываетъ утратой
Для горемъ и зломъ забитыхъ сердецъ...
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала:—конецъ!

Деревья, и камни, и тучи—свободны!
Покой имъ дарованъ велѣньемъ судьбы;
А мы... рождены мы для вѣчной борьбы,—
Но наши усилья напрасны, безплодны!
Труда мы хотимъ?—Нѣтъ страшнѣе труда,
Какъ трудъ отыскать, если душитъ нужда!
И мы надрываемъ послѣднія силы,
Мы рвемся впередъ, чтобъ дойти—до могилы.
За что эту жизнь ниспослалъ намъ Творецъ?
За что, за чей грѣхъ она служитъ расплатой?
Кружись, колесо нашей жизни проклятой,
Кружись, пока смерть не сказала:—конецъ!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

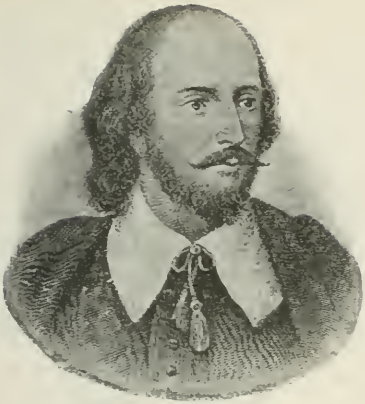
МІАЗМЪ.

Домъ стоитъ близъ Мойки,—вензеля въ коронкахъ
Скрасили балконъ,
Въ домѣ роскошь—мраморъ, хоры на колонкахъ,
Расписной плафонъ.
Шумно было въ домѣ: гости пріѣзжали—
Вечера, балы...
Вдругъ все стало тихо—даже перестали
Натирать полы.
Няня въ кухнѣ плачетъ, поваръ снялъ передникъ,
Перевязь—швейцаръ:
Заболѣлъ внезапно маленькій наслѣдникъ...
Судороги, жаръ...
Вотъ—передъ кіотой огонекъ лампадки...
И хозяйка-мать
Приложила ухо къ пологу кроватки—
Стоновъ не слыхать,
— «Боже мой! ужели?!.. Кажется, что дышитъ».
Но на этотъ разъ
Мнимое дыханье только сердце слышитъ—
Сынъ ея погасъ.
— «Боже милосердный! Я ли не молилась
«За родную кровь!

«Я ли не любила! Чѣмъ же отплатилась
«Мнѣ моя любовь!
«Боже! страшный Боже! Гдѣ жъ твои щедроты
«Коли отнялъ ты
«У отца надежду, у моей заботы
«Лучшія мечты!»
И отъ взрыва горя въ ней изсякли слезы,—
Жалобы напѣвъ
Перешелъ въ упреки, въ дикія угрозы,
Въ богохульный гнѣвъ.
Вдругъ остановилась, дрогнула отъ страха,
Крестится, глядитъ:
Видитъ—промелькнула бѣлая рубаха,
Что-то шелеститъ.
И мужикъ косматый, точно изъ берлоги,
Вылѣзъ на просторъ,
Сѣлъ на табуретѣ и босыя ноги
Свѣсилъ на коверъ.
И вздохнулъ и молвилъ: «Ты ужъ за ребенка
«Лучше помолись;
«Это я, голубка, глупый мужиченко...
«На меня гнѣвись...»
Въ ужасѣ хозяйка—жмурится, читаетъ:
«Да воскреснетъ Богъ!»
«Няня, няня! Люди! Кто ты?» вопрошаетъ:
«Какъ войти ты могъ?!»
— «А сквозь щель, голубка: вѣдь твое жилище
«На моихъ костяхъ!
«Новый домъ твой давитъ старое кладбище—
«Нашъ отпѣтый прахъ.
«Вызваны мы были при Петрѣ Великомъ—
Къ намъ пришелъ указъ.
«Взвыли наши бабы и ребята крикомъ
«Проводили насъ.
«И, крестясь, мы вышли. Съ родиной проститься
«Жалко было, тожъ—
«Подростали дѣтки, да и колоситься
«Начинала рожь...
«За спиной-то пилы, топоры несли мы:
«Шелъ не я одинъ.
«Къ Петрову, голубка, подъ Москву пришли мы,

«А сюда—въ Ильинъ.
«Истопталъ я лапти... Началась работа;
«Почали спѣшить;
«Лѣсъ валить дремучій, засыпать болота,
«Сваи колотить.
«Годикъ былъ тяжелый. За Невою, въ лѣто,
«Выросъ городокъ!—
«Прихватила осень—я шубенку гдѣ-то
«Заложилъ въ шинокъ,
«Къ зимѣ-то пригнали новыхъ на подмогу;
«А я слегъ въ шалашъ,
«Къ утру, подъ рогожей, отморозилъ ногу,
«Умеръ и шабашъ!
«Вотъ на этомъ самомъ мѣстѣ и зарыли.—
«Барыня, повѣрь,
«Въ тѣ поры тутъ ночью только волки выли—
«То ли что теперь!
«Ге! теперь не то что... милліонъ народу...
«Стѣны выше горъ.
«Изъ подвальной ямы выкачали воду—
«Дали мнѣ просторъ...
«Ты меня не бойся—что я? мужиченко!
«Грязенъ, бѣденъ, сгнилъ,
«Только вздохъ мой тяжкій твоего ребенка
«Словно придушилъ»...
Онъ исчезъ—хозяйку около кровати
На полу нашли;
Появленье духа къ нервной лихорадкѣ,
Къ бреду отнесли.
Но съ тѣхъ поръ хозяйка въ сѣверной столицѣ
Что-то не живетъ.
Вѣчно то въ деревнѣ, то на югѣ, въ Ниццѣ...
Домъ свой продаетъ.—
И пустой стоитъ онъ,—только дождь стучится
Въ запертой подъѣздъ,
Да въ окошкахъ темнымъ по ночамъ слезится
Отраженье звѣздъ.

Я. П. Полонскій.



Вильямъ Шекспиръ.

ГАМЛЕТЪ.

Дѣйствіе III, сцена I.

Быть, иль не быть? вотъ въ чемъ вопросъ!
Что благороднѣе; сносить ли громъ и стрѣлы
Враждующей судьбы, или возстать
На море бѣдъ и кончить ихъ борьбою?
Окончитъ жизнь—уснуть,
Не болѣе! И знать, что этотъ сонъ
Окончить грусть, и тысячи ударовъ—
Удѣлъ живыхъ. Такой конецъ достоинъ
Желаній жаркихъ. Умереть? Уснуть?
Но если сонъ видѣнья посѣтятъ?
Что за мечты на смертный сонъ слетятъ,
Когда стряхнемъ мы суету земную?
Вотъ что дальнѣйшій заграждаетъ путь!
Вотъ отчего бѣда такъ долговѣчна!
Кто снесъ бы бичъ и посмѣянье вѣка,
Безсилье правъ, тирановъ притѣсненье,
Обиды гордаго, забытую любовь,

Презрѣнныхъ душъ презрѣніе къ заслугамъ:—
Когда бы могъ насъ подарить покоемъ
Одинъ ударъ? Кто несъ бы бремя жизни?
Кто гнулся бы подъ тяжестью трудовъ?
Да, только страхъ чего-то послѣ смерти—
Страна безвѣстная, откуда путникъ
Не возвращался къ намъ, смущаетъ волю—
И мы скорѣй снесемъ земное горе,
Чѣмъ убѣжимъ къ безвѣстности за гробомъ.
Такъ всѣхъ насъ совѣсть обращаетъ въ трусовъ,
Такъ блекнетъ въ насъ румянецъ сильной воли,
Когда начнемъ мы размышлять; слабѣетъ
Живой полетъ отважныхъ предпріятій
И робкій путь склоняетъ прочь отъ цѣли.

Дѣйствіе IV, сцена IV.

Какъ все винитъ меня! Малѣйшій случай
Мнѣ говоритъ: проснись, лѣнивый мститель.
Что человѣкъ, когда свое все благо
Онъ полагаетъ въ снѣ? Онъ звѣрь—и только.
Кто создалъ насъ съ такою силой мысли,
Что въ прошлое и въ будущность глядимъ,
Тотъ вѣрно въ насъ богоподобный разумъ
Вселилъ не съ тѣмъ, чтобъ онъ безъ всякой пользы
Истлѣлъ въ душѣ. Слѣпое ль то забвенье,
Или желаніе узнать конецъ
Со всей подробностью? О, въ этой мысли,
Какъ разложить ее, на часть ума
Три части трусости. Не понимаю,
Зачѣмъ живу, чтобъ только говорить:
«Свершай, свершай», когда во мнѣ для дѣла
И сила есть, и средства, и желанье!
Меня зовуть великіе примѣры,
Великіе, какъ міръ. Вотъ это войско
И юный вождь, принцъ нѣжный и цвѣтущій:
Его душа горитъ желаньемъ славы,
Лицомъ къ лицу онъ встрѣтился съ безвѣстнымъ
Исходомъ битвъ, и оболочку духа
Онъ предалъ смерти, счастью и мечамъ
Изъ-за яичной скорлупы. Великъ

Тотъ истинно, кто безъ великой цѣли
Не возстаетъ, но бьется за песчинку,
Когда задѣта честь. Каковъ же я,
Когда меня ни матери безчестье,
Ни смерть отца, ни доводы разсудка,
Ни кровь родства не могутъ пробудить?
Гляжу съ стыдомъ, какъ двадцать тысячъ войска
Идутъ на смерть и за видѣнье славы
Въ гробахъ, какъ въ лагерѣ, уснуть. За что?
За клокъ земли, гдѣ даже нѣтъ и мѣста
Сражаться всѣмъ, гдѣ для однихъ убитыхъ
Нельзя довольно накопать могилъ.
Отнынѣ мысль проникнута будь кровью,
Иль будь ничто!

А. Кронебергъ.

* * *

— «Скажи мнѣ, ты любилъ на родинѣ своей.
Признайся, что она была меня милѣй,
Прекраснѣе?»
— Она была прекрасна...
— «Любила ли она, какъ я, тебя, такъ страстно?
Скажи мнѣ, у нея былъ мужъ, отецъ иль братъ,
Надъ чьимъ дозоромъ вы смѣялися заочно?
Все разскажи... и какъ порою полуночной
Она спускалася къ тебѣ въ тѣнистый садъ...
Могла ль она, какъ я, такъ пламенно руками,
Какъ змѣи сильными, обвить тебя? Уста,
Ненасытимыя въ лобзаньи никогда,
Съ твоими горячо ль сливалися устами?
Въ тѣ ночи тайныя, когда бъ застали васъ,
Достало ли бъ въ ней силъ, открыто, не страшась,
Въ глаза имъ объявить, что ты—ея владѣнье,
Жизнь, кровь, душа ея? На строгій судъ людей
Глядѣла ли бъ она спокойнымъ, смѣлымъ взоромъ?
Гордилась ли бъ она любви своей позоромъ?...
Ты улыбаешься... Ты думаешь о ней...
О, хороша она!.. И образъ ненавистной

Я вырвать не могу изъ памяти твоей!..»
— Ахъ не брани ея! Глубоко, безкорыстно
Любили мы. Но вѣрь, ни разу, ни она,
Ни я, любви своей мы высказать не смѣли.
Она была со мной какъ будто холодна;
Любя, другъ друга мы стыдились и робѣли...
Лишь худо скрытый вздохъ, случайный, бѣглый взоръ
Ей измѣнялъ. У насъ всегда былъ разговоръ
Незначущъ, о вещахъ пустыхъ, обыкновенныхъ,
Но какъ-то въ тѣхъ словахъ, въ той болтовнѣ пустой
Угадывали мы душою смыслъ иной,
И голосъ слышали страданій сокровенныхъ.
И только разъ уста мои ея руки
Коснулись; но потомъ мнѣ стыдно, больно было,
Когда она ко мнѣ безмолвно обратила
Взоръ, полный слезъ, мольбы, укора и тоски...
Тотъ взоръ мнѣ все сказалъ: онъ требовалъ пощады...
Онъ говорилъ мнѣ: намъ пора, разстаться надо...
— «И вы разстались?»
— Разстались. Я сказать
Хотѣлъ ей что-то, и она, казалось, тоже;
Но тутъ вошли—должны мы были замолчать...
— «Любить?.. Молчать?.. И вы любили?! Боже, Боже!..»

А. Н. Майковъ.

БУРЛАКЪ.

Эхъ, пріятель, и ты, видно, горе видалъ!
Коли плачешь отъ пѣсни веселой!
Нѣтъ, послушай-ка ты, что вотъ я испыталъ,
Такъ узнаешь о жизни тяжелой!
Девятнадцати лѣтъ, послѣ смерти отца,
Я остался одинъ сиротою.
Дочь сосѣда любила меня, молодца.
Я женился,—и зажилъ съ женою!

Словно счастье на дворъ мнѣ она принесла,—
Дай Богъ царство небесное бѣдной,—
Ужъ такая-то, братецъ, хозяйка была,—
Дорожила полушкою мѣдной!
Въ зимній вечеръ, бывало, лучину зажжетъ
И прядетъ себѣ, глазъ не смыкаетъ;
Пѣтухи пропоютъ,—ну, тогда отдохнетъ
И приляжетъ; а чуть разсвѣтаетъ,—
Ужъ она на ногахъ: поглядишь—побѣжитъ,
И овцамъ, и коровамъ дастъ корму,
Печь истопитъ и за прялкой сидитъ
Или что прибираетъ по дому;
Лѣтомъ рожь станетъ жать иль снопы подавать
Съ земли на возъ,—и горя ей мало.
Я, бывало, скажу: «не пора ль отдыхать?»
— «Ничего, говоритъ, не устала.»—
Иногда ей случится обновку купить
Для утѣхи, такъ скажетъ: «напрасно!
Мы безъ этого будемъ другъ друга любить,
Что ты тратишься, соколъ мой ясный!»
Какъ въ раю съ нею жилъ!.. да не намъ, вѣрно,
знать,
Гдѣ и какъ насъ кручина застанетъ!
Улеглася жена въ землю навѣки спать...
Вспомнишь,—жизнь не мила тебѣ станетъ!
Вся надежда была—сновно вылитый въ мать,
Темнорусый красавецъ-сынишка.
По складамъ ужъ псалтырь было началъ читать...
Думалъ: «выйдетъ, молъ, въ люди мальчишка».
Да не то Богъ ему на роду написалъ—
Заболѣлъ отъ чего-то весною.
Я и бабокъ къ нему, знахарей призывалъ
И поилъ наговорной водою,
Обѣщалъ и рублевую свѣчку купить,
Предъ иконою въ церкви поставить,—
Не услышалъ Господь... и пришлось положить
Сына въ гробъ, на кладбище отправить...
Было горько мнѣ, другъ, въ эти черные дни!
Опустились совсѣмъ мои руки!..
Стали хлѣбъ убирать,—въ полѣ пѣсни, огни;
А я сохну отъ горя и скуки!

Снѣга перваго ждалъ я: продамъ, молъ, вотъ рожь,
Справлю сани, извозничать буду.—
Вдругъ—бѣда за бѣдой—на скотину падежъ...
Чай, по гробъ этотъ годъ не забуду!
Кой-какъ зиму провелъ; вижу—честь мнѣ не та:
То на сходкѣ иной посмѣется:
«Дескать,—всякая вотъ что ни есть мелкота
Тоже въ дѣло мірское суется!»
То бранятъ за глаза: «не съ его-де умомъ
Жить въ нуждѣ: видишь, какъ онъ лѣнится;
Нѣтъ, по нашему такъ: коли быть молодцомъ,
Не тужи, хоть и горе случится!»
Образумилъ меня людской смѣхъ, разговоръ;
Видно, Богъ свою помощь мнѣ подалъ.
Запросилась душа на широкій просторъ.
Взялъ я паспортъ, подушное отдалъ,
И пошелъ въ бурлаки. Разгуляли тоску
Волги-матушки синія волны!..
Коли отдыхъ придетъ,—на крутомъ бережку
Разведешь огонекъ въ вечеръ темный,
Изъ товарищей пѣсню одинъ заведетъ,
Тѣ подхватятъ,—и вмигъ встрепенешься,
Съ головы и до ногъ жаръ и холодъ пойдетъ,
Слезы сдержишь,—и самъ тутъ зальешься.
Непогода ль случится, и вдругъ посѣтитъ
Мою душу забытое горе,—
Есть разгулъ молодцу: Волга съ шумомъ бѣжитъ
И про волю поетъ на просторѣ;
Ретивое забьется,—и вспыхнешь огнемъ!
Осень, холодъ,—не надобна шуба!
Сядешь въ лодку,—гуляй! Размахнешься весломъ,
Силой съ бурей помѣряться любо!
И летишь по волнамъ, только брызги кругомъ...
Крикнешь: «ну, теперь Божія воля!
Коли жить,—будемъ жить, умереть,—такъ умремъ!
И въ душѣ словно не было горя!

И. С. Никитинъ.

Георгъ Байронъ.

EUTHANASIA.

Изъ Г. Байрона.

Когда, свершивъ свое земное назначенье,
Скажу себѣ: «пора почить безгрезнымъ сномъ!»
Ты осѣни въ тотъ часъ, о сладкое забвенье,
Мой смертный одръ твоимъ ласкающимъ крыломъ!

Не надо мнѣ ни тѣхъ, кому съ моимъ наслѣдствомъ,
Ни даже тѣхъ, кому со мной разстаться жаль,
Ни дѣвъ съ распущенной косою—жалкимъ средствомъ
Изображать свою обычную печаль.

Нѣтъ, пусть сольюся я въ тиши съ земной скуделью!
Безъ общепринятыхъ стенаній надъ собой,
Не ставъ помѣхою чьему-нибудь веселью
И дружбы не смутивъ нежданною слезой.

Но если бы любовь въ подобный часъ остаться
Могла покойною и вздохъ унять въ груди—

Въ послѣдній разъ вся власть ея могла бъ сказаться
Въ той, что живетъ, и въ томъ, кто долженъ отойти.

Какъ сладко было бъ видѣть мнѣ, моя Психея,
Что смотришь до конца ты ясно и свѣтло!
Само страданіе забылось бы, и, млѣя,
Съ улыбкой счастія въ міръ лучшій отошло.

Но тщетно! Красота уходитъ поневолѣ,
По мѣрѣ, какъ бѣжитъ дыханіе отъ насъ,
И слезы женщины, текущія по волѣ,
Лгутъ въ жизни и дарятъ безсильемъ въ смертный часъ.

Да будетъ же мое послѣднее дыханье
Не остановлено присутствіемъ людскимъ!
Для насъ, людей, вѣдь смерть не есть ужъ ожиданье
И скорбь земли давно невѣдома ужъ имъ...

Да! Умереть, уйти навѣкъ и безъ возврата
Туда, куда уйдетъ и каждый изъ людей,
Стать снова тѣмъ «ничто», которымъ былъ когда-то,
Предъ тѣмъ, какъ въ міръ пришелъ для жизни и скорбей.

Сочти всѣ радости, что на житейскомъ пирѣ
Изъ чаши счастія пришлось тебѣ испить,
И убѣдись, что чѣмъ-бы ни былъ ты въ семъ мірѣ—
Есть нѣчто болѣе отрадное: не быть.

И. Гольцъ-Миллеръ.

УМИРАЮЩІЙ ГЛАДІАТОРЪ.

Изъ Байрона.

Ликуетъ буйный Римъ... Торжественно гремитъ
Рукоплесканьями широкая арена...
А онъ, пронзенный въ грудь, безмолвно онъ лежитъ,
Во прахѣ и крови скользятъ его колѣна...
И молитъ жалости напрасно мутный взоръ.
Надменный временщикъ и льстецъ его, сенаторъ,
Вѣнчаютъ похвалой побѣду и позоръ...
Что яростной толпѣ сраженный гладіаторъ?
Онъ презренъ и забытъ... освистанный актеръ!
И кровь его течетъ—послѣднія мгновенья
Мелькаютъ—близокъ часъ... Вотъ лучъ воображенья
Сверкнулъ въ его душѣ... Предъ нимъ шумитъ Дунай...
И родина цвѣтетъ—свободной жизни край;
Онъ видитъ кругъ семьи, оставленной для брани,
Отца, простершаго нѣмѣющія длани,
Зовущаго къ себѣ опору дряхлыхъ дней...
Дѣтей играющихъ—возлюбленныхъ дѣтей!
Всѣ ждутъ его назадъ съ добычею и славой...
Напрасно: жалкій рабъ, онъ палъ, какъ звѣрь лѣсной,
Безчувственной толпы минутною забавой...
«Прости, развратный Римъ!—прости, о край родной!»

М. Ю. Лермонтовъ.

ОТРОЧЕСТВО.

Когда, почти дѣтьми, ухабистой тропинкой
Мы бѣгали въ березовой лѣсокъ,
Какъ жарко грудь ея дышала подъ косынкой.
Какъ шаловливъ былъ съ ней пахучій вѣтерокъ!

Намъ было весело,—мы оба задыхались...
Другъ другу руки жали иногда...
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

Когда восходъ луны мы съ ней вдвоемъ встрѣчали
И дымчатый туманъ вставалъ съ рѣки...
Какъ звѣзды, при лунѣ глаза ея мерцали,
Блаженная слеза скользила вдоль щеки...
И тамъ, гдѣ локоны плеча ея касались,
Мои уста касались иногда...
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

Зимой, когда метель шумѣла въ вечеръ поздній,
И погасалъ въ лампадкѣ огонекъ,
И странный храпъ въ дому былъ слышенъ,—адскихъ козней,
Не разъ трусили мы, забившись въ уголокъ.
Тогда плечемъ къ плечу впотьмахъ мы робко жались...
Быть можетъ, цѣловались иногда:
Но никогда мы, никогда
Въ своей любви не признавались!

Но вотъ, жизнь грубая на все дохнула прозой,
Неопытныхъ дѣтей подстерегла;
Мнѣ отравила умъ наслыханной угрозой,
Постыдной клеветой ей душа обожгла,
И, какъ враги, съ тѣхъ поръ другъ друга мы чуждались.
Мы смутно понимали, въ чемъ бѣда...
И все вдругъ поняли, когда
Въ прощальный часъ въ любви признались.

Я. П. Полонскій.

ВСКРЫТІЕ.

Изъ Ады Негри.

О, докторъ, твой взглядъ безпокоенъ и дикъ,
Исполненъ ты бѣшеной страсти,
Ты острымъ ланцетомъ мнѣ въ тѣло проникъ,
Мнѣ тѣло терзаешь на части.
Напрасная ненависть: я не дрожу
Предъ яростью рѣжущей стали,
И, хочешь, сейчасъ о себѣ разскажу,
Межъ труповъ въ покойницкой залѣ.
Средь жизненныхъ терній я съ дѣтства росла,
Семьи и пріюта не зная,
Въ разгулъ непогодъ одиноко брела,
Безъ крова, въ лохмотьяхъ, босая;
Я знала безсонницу скорбныхъ ночей,
О завтрашнемъ хлѣбѣ заботы,
Тщету изступленной мольбы и рѣчей,
И дни безъ гроша и работы;
Я видѣла темныя язвы нужды,
Я видѣла стыдъ усыпленный,
Бродила я въ царствѣ и зла и вражды
И слышала вѣчные стоны...
И вотъ—обрѣла я послѣдній покой
Въ просторной и свѣтлой больницѣ,
И смерть, торжествуя, взвилась надо мною
Зловѣщею черною птицей.
И я умерла, какъ заброшенный песъ,
Какъ чуждое людямъ творенье,
И въ часъ мой послѣдній никто не принесъ
Мнѣ дружескихъ словъ утѣшенья.
Смотри, какъ коса разметалась моя
Блестящею черной волною,
Но скоро ее гробовая земля
Обложитъ корой ледяною.
Какъ гибокъ, и нѣженъ, и строенъ мой станъ,
И свѣтится дѣвственнымъ свѣтомъ,
И только тускнѣетъ отъ боли и ранъ,
Лобзаемый алчнымъ ланцетомъ.
Ну, что жъ! И рѣжь, и терзай, и коли,

Свершая свой трудъ неустанный,
И купленнымъ тѣломъ его утоли,
Утѣшься побѣдой желанной.
Ну, что жъ! Наслаждайся жестокой игрой:
Я прахъ, ни на что непригодный,
И въ тѣлѣ моемъ ты искусно раскрой
Всѣ тайны невзгоды голодной.
Съ ланцетомъ приникни къ глубокой груди.
Разрѣжь всѣ сердечныя ткани,
И въ сердцѣ больномъ поскорѣе найди
Великую тайну страданій...
Я снова страдаю подъ взглядомъ твоимъ;
Стыдливое чувство ты будишь,—
Но взоръ мой стеклянный глядитъ недвижимъ:
Ты долго его не забудешь.
А съ устъ побѣлѣвшихъ, какъ скорбный итогъ
Борьбы, безполезной, суровой,
Слетаетъ подавленный горькій упрекъ,
Проклятья послѣднее слово...

В. Ш.

МЕЧТАТЕЛЬ.

Изъ В. Гюго.

О, да мечтатель я! Товарищи мои
И золотой цвѣтокъ, и свѣтлые ручьи,
И вѣтеръ, что всегда съ деревьями болтаетъ—
То все мои друзья! Меня здѣсь всякій знаетъ.
Весной, когда въ лѣсу несутся птичекъ крики,
Интимный разговоръ со мной ведутъ гвоздики,
Совѣты мнѣ даютъ и плющъ и василекъ.
Казавшійся нѣмымъ, загадочный цвѣтокъ,
Склонившися ко мнѣ, ведетъ моимъ перомъ.
Таинственный языкъ природы мнѣ знакомъ:
Я слышу смѣхъ и плачъ, все, что слыхалъ Орфей,
Природы каждый вздохъ дрожитъ въ душѣ моей,
Бесѣдуетъ со мной, ясна и хороша,

Природы свѣтлая, великая душа.
И прежде чѣмъ начать свой дивный гимнъ священный
И кустъ, и воробей, и старый дубъ почтенный,
И кустъ, и лепестокъ, и поле съ пышнымъ цвѣтомъ
Всѣ обращаются ко мнѣ съ вступительнымъ привѣтомъ.
Я—завсегдатай ихъ. Въ концертѣ ихъ—я свой.
Не будь мечтатель я, я былъ бы духъ лѣсной.
Постигъ всѣ тайны я загадочнаго царства,
Бесѣдую съ цвѣткомъ безъ всякаго коварства,
Съ пушинкой, радугой и каплей дождевой.
Слился съ ихъ жизнью я мечтательной душой,
Проникнувъ въ глубину святого мірозданья.
И къ малой мошкѣ я исполненъ состраданья.
Дрожащій стебелекъ, пугливый и тревожный,
Совсѣмъ ко мнѣ привыкъ и сталъ неосторожный
И роза, не смутясь присутствіемъ моимъ,
Ласкаетъ мотылька, кокетничая съ нимъ.
Иной разъ, сквозь кусты просунувъ часть лица,
Гляжу какъ кормитъ мать голоднаго птенца,
Мой любопытный взоръ ихъ вовсе не смущаетъ,
Какъ будто самъ Господь гнѣздо ихъ созерцаетъ.
И даже лиліи въ присутствіи моемъ
Безъ всякаго стыда цѣлуются съ лучемъ.
Фіалка скромная, еще полуодѣта,
Кончаетъ тутъ при мнѣ всѣ части туалета.
Для всѣхъ красотъ лѣсныхъ я вѣрный, добрый другъ.
Игривый мотылекъ, меня завидя вдругъ,
Когда былинку онъ стыдливую ласкаетъ,
При мнѣ свой поцѣлуй спокойно продолжаетъ.
Когда жъ она, смутясь, поникнетъ головой,
Онъ говоритъ ей лишь: «Э, полно! Это—свой!».

М. Давидова.

ИЗЪ «БѢЛЫХЪ НОЧЕЙ».

Въ шумный досугъ, за работой нѣмою,
Въ тихую ночь и въ рокочущій день—
Вѣчно мелькаетъ, паритъ предо мною
Чья-то воздушная тѣнь.
Кто она? Чья она? Добрая, блѣдная,
Съ ласковой скорбью на тонкихъ устахъ,
Свѣтитъ—лучится любовь всепобѣдная
Въ дѣвственно-скромныхъ глазахъ.
Всѣ мои думы, глубоко хранимыя,
Всякій порывъ сокровенныхъ страстей,
Тайны молитвъ моихъ, пѣсни любимыя—
Все это вѣдомо ей.
Вѣчно мнѣ въ сердцѣ глядитъ она, нѣжная...
Если покой въ этомъ сердцѣ царитъ,
Кроткій покой и любовь безмятежная—
Взоръ ея счастьмъ горитъ.
Если же сердце враждой зажигается,
Если мой стихъ превращается въ мечъ,
Плача, она надо мной наклоняется,
Шепчетъ мнѣ кроткую рѣчь...
Кто ты? Уйди, о подруга воздушная!
Въ грозный нашъ вѣкъ развѣ кротость нужна?
Видишь: враговъ безпощадно-бездушная
Насъ обступила стѣна.
Полно шептать мнѣ слова безполезныя!
Намъ безъ вражды невозможно любить,
Какъ невозможно оковы желѣзныя
Кроткой слезою разбить.
Дай ненавидѣть мнѣ! Въ битвѣ пылающей
Муки дай сѣять и муки принять!;.
—Что же ты снова глядишь умоляюще,
Что же ты плачешь опять?

Н. М. Минскій.

Вольфгангъ Гете.

МОЯ БОГИНЯ.

Изъ В. Гете.

Какую безсмертную
Вѣнчать предпочтительно
Предъ всѣми богинями
Олимпа надзвѣзднаго?
Не спорю съ питомцами
Разборчивой мудрости,
Учеными строгими;
Но свѣжей гирляндою
Вѣнчаю веселую,
Крылатую, милую,
Всегда разновидную,
Всегда животворную
Любимицу Зевсову—
Богиню Фантазію!
Ей далъ онъ тѣ вымыслы,
Тѣ сны благотворные,
Которыми въ области
Олимпа надзвѣзднаго,

Съ амврозій, съ нектаромъ,
Подчасъ утѣшается
Онъ въ скукѣ безсмертія.
Лелѣя съ усмѣшкою,
На персяхъ родительскихъ,
Ее величаетъ онъ
Богинею-радостью.
То въ утреннемъ вѣяньи,
Съ лилейною вѣткою,
Одѣтая ризою,
Сотканной изъ нѣжнаго
Денницы сіянія,
По долу душистому,
По холмамъ муравчатымъ,
По облакамъ утреннимъ
Малиновкой носится;
На ландышъ, на лилію,
На цвѣтъ-незабудочку.
На травку дубравную
Спускается пчелкою;
Устами пчелиными
Впиваяся въ листики,
Пьетъ рòсу медвяную;
То, кудри съ небрежностью
По вѣтру развѣявши,
Во взорѣ уныніе,
Тоской отуманена,
Глава наклоненная,
Сидитъ на крутой скалѣ
И смотритъ въ мечтаніи
На море пустынное
И любитъ прислушивать,
Какъ волны плескаются,
О̀ камни дробимыя!
То внемлетъ, задумавшись,
Какъ вѣтеръ полуночный
Порой подымается,
Шумитъ надъ дубравою,
Качаетъ вершинами
Деревъ сѣннолиственныхъ;
То въ сумракѣ вечера,

Когда златорогая
Луна изъ-за облака
Надъ рощею выглянетъ
И, слившн дрожащій лучъ
Съ вечерними тѣнями,
Одѣнетъ лѣсъ и долъ
Туманнымъ сіяніемъ,
Играетъ съ наядами
По гладкой поверхности
Потока дубравнаго
И, струекъ съ журчаніемъ
Мѣшая гармонію
Волшебнаго шопота,
Наводитъ задумчивость,
Дремоту и легкій сонъ;
Иль быстро съ зефирами
По дремлющимъ лиліямъ,
Гвоздикамъ узорчатымъ,
Фіалкамъ и ландышамъ
Порхая, питается
Душистымъ дыханіемъ
Цвѣтовъ, ожемчуженныхъ
Росинками свѣтлыми,
Иль съ сонмами геніевъ,
Воздушною цѣпію
Віясь, развиваяся,
Въ мерцаніи мѣсяца,
Невидима-видима,
По облакамъ носится
И, къ рощѣ спустившися,
Играетъ листочками
Осины трепетущей.
Прославимъ Создателя,
Могучаго, древняго
Зевеса, пославшаго
Намъ Радость-Фантазію!
Въ сей жизни, гдѣ радости
Прямыя—лучъ молніи,
Онъ далъ намъ въ ней счастіе,
Всегда неизмѣнное,
Супругу веселую,

Красой вѣчно-юную,
Цвѣтокъ разнолиственный,
Душистый, не вянущій,
И съ нею насъ цѣпію
Сопрягъ нераздѣльною.
«Да будешь,» сказалъ онъ ей.
«И въ счастьи, и въ горести
Имъ вѣрная спутница,
Утѣха, прибѣжище!»
Другія творенія
Цибелы, обильныя
Дарами и жизнію,
Съ очами незрящими,
Въ слѣпыхъ наслажденіяхъ,
Съ печалями смутными,
Гнетомыя бременемъ
Нужды непреклонныя,
Начавшись, кончаются
Въ кругу, ограниченномъ
Чертой настоящаго,
Минутною жизнію;
Но мы, отличенные
Зевесовой благостью...
Онъ далъ намъ сопутницу,
Игривую, нѣжную,
Летунью, искусницу
На милые вымыслы,
Причудницу рѣзвую,
Любимую дщерь свою
Богиню-Фантазію.
Ласкайте прелестную!
Кажите вниманіе
Ко всѣмъ ея прихотямъ,
Невиннымъ, младенческимъ!
Пускай почитается
Надъ вами владычицей
И дома хозяйкою!
Чтобъ вотчиму старому,
Брюзгливцу суровому
Разсудку не вздумалось
Ее переучивать,

Пугать укоризнами
И мучить укорами.
Я знаю сестру ея
Степеную, тихую...
Мой другъ утѣшительный,
Тогда лишь простись со мной,
Когда изъ очей моихъ
Лучъ жизни сокроется;
Тогда лишь покинь меня,
Причина всѣхъ добрыхъ дѣлъ,
Источникъ великаго,
Намъ твердость и мужество
И силу дающая,
Надежда отрадная!

В. Жуковскій.

УТЕСЪ НА ВОЛГѢ.

Есть на Волгѣ утесъ. Дикимъ мохомъ оросъ
Онъ съ боковъ, отъ подножья до края,
И стоитъ сотни лѣтъ, только мохомъ одѣтъ
Ни нужды, ни заботы не зная.
На вершинѣ его не растетъ ничего;
Тамъ лишь вѣтеръ свободный гуляетъ
Да могучій орелъ свой притонъ тамъ завелъ
И на немъ свои жертвы терзаетъ.
Изъ людей лишь одинъ на утесѣ томъ былъ,
Лишь одинъ до вершины добрался,—
И утесъ человѣка того не забылъ,
И съ тѣхъ поръ его именемъ звался,
И хотя каждый годъ по церквамъ на Руси
Человѣка того проклинаютъ,—
Но приволжскій народъ о немъ пѣсни поетъ
И съ почетомъ его вспоминаетъ.
Разъ, ночною порой, возвращаясь домой,
Онъ одинъ на утесъ тотъ взобрался,—
И въ полуночной мглѣ, на высокой скалѣ,
Тамъ всю ночь до зари оставался.

Много думъ въ головѣ родилось у него,
Много думъ онъ въ ту ночь передумалъ,
И подъ говоръ волны, средь ночной тишины,
Онъ великое дѣло задумалъ.
И задумчивъ, угрюмъ отъ надуманныхъ думъ,
Онъ на утро съ утеса спустился,—
И задумалъ пойти по другому пути,
И идти на Москву онъ рѣшился.
Но свершить не успѣлъ онъ того, что хотѣлъ,
И не то ему пало на долю.
И расправой крутой да кровавой рѣкой
Не помогъ онъ народному горю.
Не владыкою онъ былъ въ Москву приведенъ,
Не почетнымъ пожалованъ гостемъ,
И не ратнымъ вождемъ на конѣ и съ мечемъ,—
А въ постыдномъ бою съ мужикомъ-палачомъ
Онъ сложилъ свои буйныя кости.
И Степанъ будто зналъ: никому не сказалъ,
Никому своихъ думъ не повѣдалъ,
Лишь утесу тому, гдѣ онъ былъ, одному
Онъ тѣ думы хранить заповѣдалъ.
И понынѣ стоитъ тотъ утесъ и хранитъ
Всѣ завѣтные думы Степана.
И лишь съ Волгой одной вспоминаетъ порой
Удалое житье атамана.
Но зато, если есть на Руси хоть одинъ,
Кто съ корыстью житейской не знался,
Кто неправдой не жилъ, бѣдняка не давилъ,
Кто свободу какъ мать дорогую любилъ
И во имя ея подвизался—
Пусть тотъ смѣло идетъ, на утесъ тотъ взойдетъ
И къ нему чуткимъ ухомъ приляжетъ,—
И утесъ-великанъ все, что думалъ Степанъ,
Все тому смѣльчаку перескажетъ!..

А. Навроцкій.

Фридрихъ Шиллеръ.

ПѢСНЬ О КОЛОКОЛѢ.

Vivos voco. Mortuos plango. Fulgura frango.

Утвердивши форму въ глинѣ,
Обожженную огнемъ,
Выльемъ колоколъ мы нынѣ;
Ну, живѣй, друзья, начнемъ!

Если градомъ потъ
Съ жаркихъ лицъ течетъ—
Мастеръ честь за трудъ находитъ;
Благодать же свыше сходитъ.
Разумный трудъ, начатый нами,
Разумныхъ требуетъ рѣчей:
Работа съ мудрыми рѣчами
Идетъ успѣшнѣй и быстрѣй.
Итакъ, обдумаемъ прилежно,
Что слабой силою свершимъ:
Презрѣнъ, кто дѣйствуетъ небрежно,
Не думавъ надъ трудомъ своимъ!
Въ томъ человѣку честь и слава,
На то и свѣтлый разумъ въ немъ,
Чтобъ размышлялъ онъ въ сердцѣ здраво
О каждомъ подвигѣ своемъ.

Дровъ давай сюда проворнѣй,
Дровъ сосновыхъ и сухихъ,
Чтобъ огонь, стѣсненный въ горнѣ,
Охватилъ въ минуту ихъ.
Мѣдь дружнѣе плавь,
Олова прибавь,
Чтобы въ силой надлежащей
Мѣдь лилась струей кипящей.

Что съ помощью огня глубоко
Тутъ въ ямѣ сила рукъ создастъ,
То звукомъ вѣсть объ насъ далеко
Съ высокой башни передастъ.
И звукъ пойдетъ къ столѣтьямъ дальнимъ
И многимъ смертнымъ слухъ плѣнитъ,
Застонетъ жалобно съ печальнымъ
И въ хоръ мольбы соединитъ.
Что бъ земнороднымъ ни послала
Судьба, свершая свой законъ,
Про все звучитъ вѣнецъ металла—
И поучителенъ имъ звонъ.

Пузыри блестятъ по сплаву:
Дружно!—плавится металлъ.
Поташу прибавь къ составу,
Чтобъ составъ не застывалъ.
Смѣсь въ горну мѣшай,
Пѣну очищай,
Чтобъ металлъ, очищенъ жаромъ,
Чистый звукъ давалъ недаромъ.

Веселый звонъ святого пира
Встрѣчаетъ милое дитя,
Когда оно въ объятьяхъ мира
Вступаетъ въ область бытія.
Покуда жребій неизбѣжный
Почіетъ въ мглѣ грядущихъ лѣтъ,
Лелѣетъ мать съ заботой нѣжной
Златой младенчества разсвѣтъ.
Но дни за днями мчатся вслѣдъ.
Съ подругой дѣтства отрокъ смѣлый
Разстался гордо въ жизнь влекомъ,
Обходитъ міръ и—мыслью зрѣлый—

Идетъ, какъ странникъ, въ отчій домъ.
Тамъ въ нѣгѣ юности чудесной,
Какъ дивный образъ неземной,
Въ лицѣ съ стыдливостью прелестной,
Онъ видитъ дѣву предъ собой.
И сердце юноши пылаетъ:
Неизреченныхъ полный мукъ,
Онъ слезы льетъ, онъ покидаетъ
Разгульныхъ братій буйный кругъ;
За ней онъ слѣдуетъ, безмолвный,
И въ даръ любви, восторговъ полный,
Съ полей приноситъ лучшій цвѣтъ.

О, нѣга чувствъ, надежды сладость!
О, первой страсти мигъ златой!
Душа вкусила жизни радость,
Для ней открылся рай земной.
Зачѣмъ же мчишься, прелесть мая?
Постой, любви пора младая!

Вотъ ужъ сопла стали рдиться;
Опущу я прутъ опять:
Если онъ остеклянится,
Значитъ—время выливать.
Ну, друзья живѣй!
Пробуйте скорѣй,
Слилъ ли вмѣстѣ пламень горна
Все, что мягко, что упорно.

Гдѣ строгость съ нѣжностью, гдѣ сила
Съ душою кроткой въ связь вступила,
Тамъ раздается добрый звукъ,
Найди жъ, кто ищетъ связи вѣчной,
Для сердца склонности сердечной:
За мигъ мечтанья—годы мукъ!

Свѣжъ, душистъ вѣнокъ любовный
У невѣсты вкругъ кудрей
Въ часъ, какъ благовѣстъ церковный
Къ торжеству зоветъ гостей.
Ахъ! тотъ праздникъ новой жизни
Губитъ жизни свѣтлый май:

Поясъ снявъ, сорвавъ покровы,
Молви призракамъ: прощай!

Страсть сердца пройдетъ,
Любовь остается;
Цвѣтокъ отцвѣтаетъ,
Но плодъ разовьется.

Мужъ долженъ потомъ
Въ бой съ жизнью стремиться,
Творить и трудиться;
Онъ долженъ искать,
Хитрить, добывать,
Дерзать, состязаться—
За счастьемъ гоняться;
И вотъ—полилися богатства, какъ волны:
Амбары пожитками до верху полны;
Сталъ нуженъ просторъ, раздвигается домъ.

А въ нѣдрахъ семейстра,
Съ стыдливостью скромной,
И мать и хозяйка
Въ заботѣ всегдашней
Кругъ правитъ домашній,
И дѣвочекъ, мальчиковъ
Учитъ, смиряетъ,
И, съ мудрой заботой,
Прележной работой
Порядокъ ведетъ
И множитъ доходъ,
И копитъ богатство въ прилавкахъ сосновыхъ,
И нитки съ жужжащихъ прядетъ веретенъ,
И въ шкафахъ хранитъ, и опрятныхъ и новыхъ,
Блестящую шерсть, ослѣпительный ленъ,
И, домъ украшая изяществомъ строя,
Не знаетъ покоя.

И радостнымъ взоромъ отецъ
Съ балкона высоко-стоящаго дома
Не видитъ, гдѣ счастью конецъ.
Предъ нимъ воротные вздымаются створы,
Въ амбарахъ сокровищъ подъемлются горы,

И за́кромы гнутся отъ милостей неба
И нивы волнуются жатвою хлѣба.

И сказалъ онъ съ гордостью:
«Съ незыблемой твердостью,
Прочнѣе основъ земныхъ,
Я счастливый домъ воздвигъ».

Но съ враждебной силой рока
Проченъ нашъ союзъ—до срока:
Вотъ и горе настаетъ.

Лить теперь мы можемъ смѣло.
Ужъ зубчатымъ сталъ изломъ.
Но пока начнемъ мы дѣло,
Бога въ помощь призовемъ.
Краны отверни!
Боже, домъ храни!
Вотъ по жолобу сверкая,
Брызжетъ масса огневая.

Огонь намъ въ пользу, если онъ
У насъ обузданъ, укрощенъ;
Что ни творимъ, ни создаемъ—
Огонь союзникъ нашъ во всемъ;
Но страшенъ намъ его союзъ,
Когда, сорвавшись съ крѣпкихъ узъ,
Себѣ онъ путь прорветъ одинъ
Природы щедрой вольный сынъ.

Горе, если, сбросивъ съ выи
Грузъ цѣпей, свирѣпъ и яръ,
Двинетъ волны огневыя
Вдоль по улицамъ пожаръ!
Ненавидятъ въ насъ стихіи
Творчества небесный даръ.
Благодатный
Льется съ тучи
Дождь могучій;
Но и молній страшный лучъ
Съ тѣхъ же тучъ!
Чу! на башнѣ бьютъ набатъ!
То пожаръ!
Словно жаръ,

Небо рдѣетъ;
Но не утро то алѣетъ.
Чу! тревога...
Стукъ и громъ...
Дымъ кругомъ...
Столпъ огня взлетаетъ съ блескомъ;
Рядъ строеній, съ громомъ, съ трескомъ,
Пламя мигомъ охватило;
Раскаленъ, какъ изъ горнила,
Воздухъ жжетъ, трещатъ стропила;
Скрипъ воротъ, дверей стучанье,
Стеколъ трескъ и дребезжанье,
Матерей, дѣтей рыданье,
Стоны, крики,
Безпокойный
Ревъ звѣрей, вой бури дикій—
Все слилося въ гулъ нестройный.
Всѣ бѣгутъ, кричатъ, спасаютъ.
Небеса какъ днемъ сіяютъ.
По рукамъ, сквозь дымъ, подъ зноемъ,
Длиннымъ строемъ
Мчатся ведра, льютъ дугою
Въ пламя волны за волною.
Съ воемъ дунулъ вѣтръ грозою
На пылающій пожаръ—
Вотъ на вспыхнувшій амбаръ
Палъ: трещатъ, огнемъ объяты,
Бревна, балки и накаты...
Пламя—будто хочетъ въ паръ
Превратить земной весь шаръ—
Поднялося великаномъ
До небесъ.
Безъ надежды смертный здѣсь
Силѣ Божьей уступаетъ:
Праздно зритъ, какъ погибаетъ
Трудъ его подъ ураганомъ.

Въ запустѣньи
Домъ старинный,
Дикихъ бурь притонъ пустынный.
Въ окнахъ выбитыхъ гнѣздится

Страхъ могучій!
Въ нихъ заглядываютъ тучи
Съ высоты.

Грустный взглядъ
На пустое пепелище,
Счастья прежняго кладбище,
Человѣкъ стремитъ назадъ...
И взялъ онъ посохъ, жалкій нищій.
Но—пусть огнемъ лишенъ всего—
Онъ вѣритъ сладостной надеждѣ:
Онъ счелъ с в о и х ъ—и вотъ, какъ прежде,
Всѣ невредимы вкругъ него.

Въ землю влитъ металлъ горячій:
Неудачъ пока намъ нѣтъ;
Но съ такою ли удачей
Честь искусства выйдетъ въ свѣтъ?
Ну, какъ вышло въ щель?
Лопнула модель?
Ахъ! какъ знать? быть можетъ, вскорѣ,
Гдѣ не ждемъ, нагрянетъ горе.

Земли священной темнымъ нѣдрамъ
Созданье наше вручено:
Такъ сѣетъ сѣятель зерно
И ждетъ, пока въ обильи щедромъ
Въ урочный день взойдетъ оно.
Но, ахъ! еще дороже сѣмя
Въ слезахъ кладемъ мы въ грудь земли,
И вѣримъ, что настанетъ время—
И процвѣтетъ оно изъ тли.

Съ колокольни,
Будто стонъ
Похоронный
Льется звонъ.
Грустно стонетъ мѣди звукъ унылый
Надъ отшедшимъ въ дальній путь могилы.
Ахъ! то нѣжная супруга,
Ахъ! то мать младая въ гробѣ!
Изъ семейственнаго круга
Смерть-губительница въ злобѣ

Мчитъ ее въ страну тѣней
Отъ супруга, отъ дѣтей,
Начинавшихъ дни свои
Подъ крыломъ ея любви.
Ахъ! на вѣки разрывается
Дома связь и благодать:
Ужъ въ странѣ тѣней скитается
Благодѣтельница-мать.
Ахъ прошли минуты счастія,
Нѣтъ заступницы сиротъ;
Безъ любви и безъ участія
Къ нимъ чужая въ домъ войдетъ.

Колоколъ пока простынетъ,
Пусть, какъ птичка у гнѣзда,
Всякъ изъ васъ заботу кинетъ
Послѣ тяжкаго труда.
Лишь звѣзда взойдетъ,
Часъ зари пробьетъ—
Вся артель идетъ съ работы;
Мастеру всегда заботы.

Вотъ черезъ боръ непроходимый,
Ободрясь, шаги торопитъ
Путникъ къ хижинѣ родимой.
Вотъ бѣгутъ съ блеяньемъ овцы;
Вотъ и стадо
Круторогихъ, толстовыйныхъ,
Съ шумомъ, съ ревомъ
Подъ роднымъ тѣнится кровомъ.
Съ хлѣбомъ возъ
Ѣдетъ, тяжко
Колыхаясь,
И вѣнками,
Возъ съ снопами
Вкругъ цвѣтетъ.
И жнецы сплелись руками
Въ хороводъ.
Площадь, улицы стихаютъ.
Къ огоньку собрался мирно
Кругъ домашнихъ, и со скрипомъ
Затворилъ ворота городъ.

Въ миръ нисходитъ
Мракъ: но въ ужасъ
Мирныхъ гражданъ не приводитъ
Часъ ночной—
Часъ, когда губитель бродитъ:
Ихъ хранитъ законъ святой.

О, святой порядокъ, чудный
Даръ небесный! Правосудный,
Вѣрный, кроткій правъ блюститель,
Городскихъ твердынь зиждитель!
Въ города изъ дебрей темныхъ
Дикарей призвавъ бездомныхъ,
Ты вселился къ нимъ подъ кровы,
Укротилъ въ нихъ нравъ суровый
И нѣжнѣйшую цѣпь жизни
Имъ сковалъ—любовь къ отчизнѣ.

Въ дружномъ, пламенномъ стремленьи
Трудъ всѣ руки братски слилъ—
И цвѣтетъ союзъ въ движеньи
Проявленьемъ общихъ силъ.
Мастеръ и работникъ равны,
Каждый гордъ своей судьбой:
Гдѣ законовъ щитъ державный,
Тамъ отпоръ обидѣ злой.
Трудъ есть гражданъ украшенье,
Прибыль—плата ихъ трудамъ,
Честь царямъ за ихъ правленье,
За труды почетъ и намъ.

Миръ прекрасный!
Душъ согласье!
Вѣчно, вѣчно
Охраняйте городъ нашъ!
Да не явится во вѣки
День, въ который громъ оружій
Возмутитъ нашъ мирный край,
Грозный день, когда сводъ неба,
Гдѣ теперь зари пурпурной
Лучъ горитъ,
Городовъ и весей бурный
Огнь пожаровъ озаритъ!

Ну, теперь ломайте зданье:
Въ немъ ужъ колоколъ отлитъ.
Пусть изящное созданье
Взоръ и сердце веселитъ.
Бей же, молотъ, бей!
Чтобъ въ красѣ своей
Колоколъ возсталъ предъ нами:
Форма пусть спадетъ кусками.

Разбить лишь мастеръ можетъ форму
Рукою мудрой въ должный срокъ:
Но—горе, если самъ изъ горну
Прорвется пламенный потокъ!
Съ громовымъ трескомъ домъ на части
Взрываетъ мѣди бурный паръ
И, какъ изъ черной адской пасти,
Стремитъ губительный пожаръ.

Гдѣ буйныхъ силъ кипитъ возстанье,
Тамъ гибнетъ каждое созданье;
Гдѣ самовольствуетъ народъ,
Тамъ время бѣдствій настаетъ.
Бѣда странѣ, въ которой пламя
Скопится въ нѣдрахъ городовъ,
Гдѣ чернь, поднявъ возстанья знамя,
Съ себя сбиваетъ грузъ оковъ.
Тогда въ рукахъ толпы преступной
Зловѣщій загудитъ металлъ,
И—мира вѣстникъ неподкупный—
Къ насилью первый дастъ сигналъ.
Чу! крики бѣшеной тревоги:
Къ оружью мирный гражданинъ!
Толпы бѣгутъ; дворцы, дороги
Полны убійственныхъ дружинъ;
Тогда и женщины-гіены
Ликуютъ въ ужасахъ пировъ,
Какъ тигры, рвутъ зубами члены,
Сердца кровавыя враговъ.
Тогда святаго нѣтъ ужъ болѣ:
Покинулъ скромный стыдъ людей,
Пороки царствуютъ на волѣ,
Надъ добрымъ высится злодѣй.

Ужасна львица въ пробужденьи,
Ужаснѣй тигровъ злой набѣгъ;
Но что всѣ ужасы въ сравненьи
Съ твоимъ безумствомъ, человѣкъ?
И горе тѣмъ, кто свѣточъ рая
Слѣпцамъ отъ вѣчности вручитъ:
Не свѣтъ, но пламень разливая,
Онъ грады, страны пепелитъ.

Радость небо мнѣ послало!
Посмотрите вотъ оно:
Какъ звѣзда сквозь покрывало,
Блещетъ мѣдное зерно,
И горитъ на немъ
Солнечнымъ огнемъ
И вѣнецъ, и гербъ державный,
Какъ желалъ художникъ славный.

Друзья! скорѣй
Въ одинъ кружокъ сольемся съ ликованьемъ
И окрестимъ нашъ кококолъ названьемъ:
Согласіе, для счастія людей.
Для мирныхъ дѣлъ, для дружескихъ объятій
Пусть весь приходъ сзываетъ онъ какъ братій.
И вѣчно тѣмъ да будетъ онъ,
На что онъ нами освященъ!
Подъ пологомъ святой лазури,
Надъ низкой жизнію земной,
Да будетъ онъ въ сосѣдствѣ бури
Граничить съ звѣздной стороной.
Да будетъ свыше онъ глаголомъ
О томъ, какъ звѣздный хоръ поетъ
Гимнъ Богу предъ Его престоломъ
И въ вѣчность сводитъ старый годъ.
Изъ мѣдныхъ устъ да льется
Лишь вѣсть о вѣчномъ и святомъ,
И время каждый часъ коснется
Въ полетѣ до него крыломъ.
Да будетъ онъ судьбы закономъ,
И самъ безъ сердца, безъ страстей
Сопровождать да будетъ звономъ
Игру измѣнныхъ нашихъ дней.

Когда же, грянувъ въ часъ полночный
И слухъ встревожа, замолчитъ,
Да учитъ насъ, что все непрочно
Что все земное отзвучитъ.

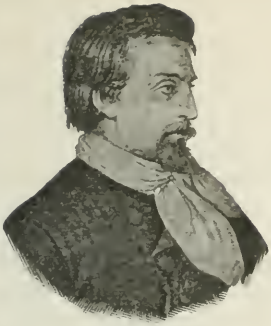
Пусть теперь канатовъ сила
Двинетъ колоколъ святой
Въ царство звуковъ изъ могилы,
Въ Божій свѣтъ изъ тьмы густой.
Дружно! сильно!.. Вотъ
Тронулся, встаетъ!
Пусть зоветъ онъ городъ къ пиру:
Первый звонъ да будетъ къ миру!

Д. Минъ.

* * *

Ты хочешь знать завѣтной тайны слово
И жизни цѣль, и смыслъ ея задачъ,
Поднять хоть край туманнаго покрова—
Плачь, скорбно плачь, въ тиши безмолвно плачь!
Быть можетъ, слезъ источники живые
Еще кипятъ на днѣ твоей души;
Оставь свои вопросы роковые...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь въ тиши!
Что міръ тебѣ?—Огромная темница,
Твой сторожъ—страхъ, судьба—слѣпой палачъ;
Настанетъ часъ, и жребій твой свершится...
Оплачь его, въ тиши одинъ оплачь!
Что жизнь твоя? Раздумья мигъ безплодный
Межъ двухъ нѣмыхъ зіяющихъ пучинъ;
Вокругъ нея клубится мракъ холодный...
Свою судьбу оплачь въ тиши одинъ!
Но не ищи, не требуй жадно свѣта,
Загадку мглы извѣдать не спѣши!
Настанетъ часъ, дождешься ты отвѣта...
Плачь, скорбно плачь, безмолвно плачь въ тиши!

Танъ.



Генрихъ Гейне.

ВОПРОСЫ.

Изъ. Г. Гейне.

У моря пустыннаго, у моря полночнаго
Юноша грустный стоитъ;
Въ груди тревога, сомнѣньемъ полна голова.
И мрачно волнамъ говоритъ онъ:
—«О, разрѣшите мнѣ, волны,
Загадку жизни—
Древнюю, полную муки загадку!
Ужъ много мудрило надъ нею головъ—
Головъ въ колпакахъ съ іероглифами,
Головъ въ чалмахъ и черныхъ съ перьями шапкахъ,
Головъ въ парикахъ и тысячи тысячъ другихъ
Головъ человѣческихъ, жалкихъ, безсильныхъ...
Скажите мнѣ волны: что есть человѣкъ?
Откуда пришелъ онъ? куда пойдетъ?
И кто тамъ надъ нами на звѣздахъ живетъ?»
Волны звучатъ своимъ вѣчнымъ жужжаньемъ;
Вѣетъ вѣтеръ; бѣгутъ облака;
Блещутъ звѣзды безучастно-холодныя...
И ждетъ безумецъ отвѣта!

М. Л. Михайловъ.

БРОСЬ СВОИ ИНОСКАЗАНЬЯ.

Изъ Г. Гейне.

Брось свои иносказанья
И гипотезы святыя!
На проклятые вопросы
Дай отвѣты намъ прямые!
Отчего подъ ношей крестной,
Весь въ крови, влачится правый?
Отчего вездѣ безчестный
Встрѣченъ почестью и славой?
Кто виной? или силѣ Бога
На землѣ не все доступно?
Или онъ играетъ нами?
Это подло и преступно!
Такъ мы спрашиваемъ жадно
Цѣлый вѣкъ, пока безмолвно
Не забьютъ намъ рта землею...
Да отвѣтъ ли это, полно?

М. Л. Михайловъ.

ЕГИПЕТСКІЯ НОЧИ.

Чертогъ сіялъ. Гремѣли хоромъ
Пѣвцы при звукѣ флейтъ и лиръ,
Царица голосомъ и взоромъ
Свой пышный оживляла пиръ.
Сердца неслись къ ея престолу.
Но вдругъ надъ чашей золотой
Она задумалась и долу
Поникла дивной головой...
И пышный пиръ какъ будто дремлетъ;
Безмолвны гости; хоръ молчитъ;
Но вновь она чело подъемлетъ
И съ видомъ яснымъ, говоритъ:
—«Въ моей любви для васъ блаженство...
Блаженство можно вамъ купить...

Внемлите мнѣ: могу равенство
Межъ вами я возстановить.
Кто къ торгу страстному приступитъ?
Свою любовь я продаю!
Скажите, кто межъ вами купитъ
Цѣною жизни ночь мою?»

Рекла—и ужасъ всѣхъ объемлетъ,
И страстью дрогнули сердца,—
Она смущенный ропотъ внемлетъ,
Съ холодной дерзостью лица,
И взоръ презрительный обводитъ
Кругомъ поклонниковъ своихъ...
Вдругъ изъ толпы одинъ выходитъ,
Вослѣдъ за нимъ и два другихъ:
Смѣла ихъ поступь, ясны очи;
Она навстрѣчу имъ встаетъ.
Свершилось: куплены три ночи,
И ложе смерти ихъ зоветъ.

Благословенные жрецами,
Теперь изъ урны роковой
Предъ неподвижными гостями
Выходятъ жребіи чредой.
И первый—Флавій, воинъ смѣлый,
Въ дружинахъ римскихъ посѣдѣлый.
Снести не могъ онъ отъ жены
Высокомѣрнаго презрѣнья.—
Онъ принялъ вызовъ наслажденья,
Какъ принималъ во дни войны
Онъ вызовъ яраго сраженья.
За нимъ Критонъ, младой мудрецъ,
Рожденный въ рощахъ Эпикура,
Критонъ, поклонникъ и пѣвецъ
Харитъ, Киприды и Амура—
Любезныхъ сердцу и очамъ.
Какъ вешній цвѣтъ едва развитый,
Послѣдній имени вѣкамъ
Не передалъ. Его ланиты
Пухъ первый нѣжно оттѣнялъ,
Восторгъ въ очахъ его сіялъ;
Страстей неопытная сила

Кипѣла въ сердцѣ молодомъ...
И съ умиленіемъ на немъ
Царица взоръ остановила.

—«Клянусь... о матерь наслажденій!
Тебѣ неслыханно служу:
На ложе страстныхъ искушеній
Простой наемницей схожу!
Внемли же, мощная Киприда,
И вы, подземные цари
И боги грознаго Аида!
Клянусь, до утренней зари
Моихъ властителей желанья
Я сладострастно утолю,
И всѣми тайнами лобзанья
И дивной нѣгой утомлю!
Но только утренней порфирой
Аврора вѣчная блеснетъ,
Клянусь, подъ смертною сѣкирой
Глава счастливцевъ отпадетъ!

И вотъ уже сокрылся день,
И блещетъ мѣсяцъ златорогій;
Александрійскіе чертоги
Покрыла сладостная тѣнь;
Фонтаны бьютъ, горятъ лампады,
Курится легкій фиміанъ,
И сладострастныя прохлады
Земнымъ готовятся богамъ.
Въ роскошномъ золотомъ покоѣ,
Средь обольстительныхъ чудесъ,
Подъ сѣнью пурпурныхъ завѣсъ
Блистаетъ ложе золотое.

. . . . . .

А. С. Пушкинъ.

ПИСЬМО.

Увидя почеркъ мой, вы вѣрно удивитесь:
Я не писала вамъ давно.
Я думаю, вамъ это все равно.
Тамъ, гдѣ живете вы и, значитъ, веселитесь,
Въ роскошной южной сторонѣ,
Вы, можетъ быть, забыли обо мнѣ.
И я про все забыть была готова...
Но встрѣча странная,—и вотъ,
Съ волшебной силою изъ сумрака былого
Передо мной вашъ образъ возстаетъ.
Сегодня, проѣзжая мимо,
Къ NN случайно я зашла.
Съ княгиней, вами нѣкогда любимой,
Я встрѣтилась у чайнаго стола.
Насъ познакомили, двумя-тремя словами
Мы обмѣнялися, но жадными глазами
Впилися мы другъ въ друга. Взоръ нѣмой,
Казалось, проникалъ на дно души другой.
Хотѣлось мнѣ ей броситься на шею
И долго, долго плакать вмѣстѣ съ нею!
Хотѣлось мнѣ сказать ей: «Ты близка
Моей душѣ. У насъ одна тоска.
Насъ одинаково грызетъ и мучитъ совѣсть,
И, если оттого не станешь ты грустнѣй,
Я разскажу тебѣ всю повѣсть
Души истерзанной твоей.
Ты встрѣтила его впервые въ вихрѣ бала.
Плѣнительнѣй его до этихъ поръ
Ты никого еще не знала:
Онъ былъ красивъ, какъ богъ, и нѣженъ, и остеръ.
Онъ ѣздить сталъ къ тебѣ, почтительный, влюбленный.
Но, покорясь его уму,
Рѣшилась твердо ты остаться непреклонной—
И отдалась безропотно ему.
Дни счастія прошли, какъ сновидѣнье,
Другіе наступили дни...
О, дни ревнивыхъ слезъ, обмановъ, охлажденья,—

Кому изъ насъ не памятны они?
Когда его встрѣчала ты покорно,
Онъ называлъ твою печаль притворной
И комедьянткою тебя.
Когда же приходилъ условный часъ свиданья
И въ домѣ наступала тишина,
Въ томительной тревогѣ ожиданья
Садилась ты у темнаго окна.
Понуривши головку молодую
И приподнявъ тяжелыя драпри,
Не шевелясь, сидѣла до зари,
Вперяя взоры въ улицу пустую.
Привыкла различать кареты стукъ
Отъ стука дрожекъ издалека.
Но вотъ все ближе, ближе, вотъ
Остановился кто-то у воротъ...
Вскочила ты въ одно мгновенье ока,
Бѣжишь къ дверямъ!.. напрасный трудъ—
Обманъ, опять обманъ! О, что за наказанье!
И вотъ опять на нѣсколько минутъ
Царитъ нѣмое, мертвое молчанье,
Лишь видно фонарей неровное мерцанье.
И скучные часы убійственно ползутъ.
И проходила ночь, кипѣла жизнь дневная...
Тогда ты шла къ себѣ, съ огнемъ въ крови.
И падала въ подушки, замирая
Отъ бѣшенства и горя, любви!..
Изъ этого, конечно, я ни слова
Княгинѣ не сказала. Разговоръ
У насъ лѣниво шелъ про разный вздоръ,
И имени для насъ обѣихъ дорогого
Мы не рѣшилися назвать.
Настало вдругъ неловкое молчанье;
Княгиня встала. На прощанье
Хотѣлось мнѣ ей крѣпко руку сжать,
И дружбою у насъ окончиться могло бы.
Но въ этотъ мигъ прочла я столько злобы
Въ ея измученныхъ глазахъ,
Что на меня нашелъ невольный страхъ,
И молча мы разстались: я—съ поклономъ,
Она—съ кивкомъ небрежнымъ головы...

Я начала свое письмо на вы,
Но продолжать не въ силахъ этимъ тономъ.
Мнѣ хочется сказать тебѣ, что я
Всегда, вездѣ попрежнему твоя.
Что женщина, которую случайно
Любилъ ты хоть на мигъ одинъ,
Ужъ никогда тебя забыть не можетъ,
Что день и ночь ее воспоминанье гложетъ,
Какъ злой палачъ, какъ милый властелинъ.
Она не задрожитъ предъ свѣтскимъ приговоромъ:
По первому движенью твоему,
Покинетъ свѣтъ, семью, какъ душную тюрьму,
И будетъ счастлива однимъ своимъ позоромъ!
Она отдастъ послѣдній грошъ,
Чтобъ быть твоей рабой, служанкой,
Иль вѣрнымъ псомъ твоимъ—Діанкой,
Которую ласкаешь ты и бьешь!

P. S.

Тревога, ночь,—вотъ что письмо мнѣ диктовало...
Теперь, при свѣтѣ дня, оно
Мнѣ только кажется смѣшно,
Но изорвать его мнѣ какъ-то жалко стало!
Пусть къ вамъ оно летитъ отъ береговъ Невы,
Хотя бы для того... чтобъ разсердились вы.
Какое дѣло вамъ, что тамъ васъ любятъ гдѣ-то?
Лишь та, что возлѣ васъ, волнуетъ вашу кровь,
И знайте: я не жду отвѣта
Ни на письмо, ни на любовь.
Вамъ чувство каждое всегда казалось рабствомъ.
А отвѣчать на письма... Боже мой!
На вашемъ языкѣ, столь вѣжливомъ порой,
Вы это называли «бабствомъ».

А. Н. Апухтинъ.

ДВѢ ТРУЖЕНИЦЫ.

Барышня, съ разсвѣтомъ воротившись съ бала,
Томно протянула: «Ахъ, какъ я устала»!
Опустилась въ кресло и, закрывши очи,
Предалась мечтаньемъ о минувшей ночи.
Вся ея фигурка жалкій видъ имѣла:
Нѣжное, худое, дрябленькое тѣло
Какъ-то утомленно-страстно разбросалось;
Въ миломъ, но измятомъ личикѣ, казалось,
Не было кровинки, и, уже больная,
Слабо подымалась грудь полунагая...
Страшная усталость въ каждой складкѣ платья
Видѣлась; и трудно было не устать ей.
Бѣдное созданье, три ужъ ночи сряду
Танцовала въ полномъ смыслѣ до упаду.
И сегодня ночью предстоитъ ей то же...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый,
Боже!..

Въ томъ же самомъ домѣ, но гораздо выше,
Въ маленькой убогой комнаткѣ подъ крышей
Обитала швейка. Ужъ перевалило
За полночь. Бѣдняжка напрягла всѣ силы,
Кончила работу, потянулась сладко,
Кое-какъ раздѣлась, улеглась въ кроватку.
Съежилась и крѣпко-на-крѣпко заснула
Подъ глухую пѣсню уличнаго гула.
Сладко отдыхало тѣло молодое,
Ясно улыбалось личико худое...
Видѣлся должно быть сонъ хорошій: вѣрно,
Милый сердцу снился (милый быть навѣрно).
Бѣдная! А завтра, чуть ужъ свѣтъ, готова—
И съ утра засядетъ за работу снова
До глубокой ночи, впереди все то же...
Дай ей силъ на этотъ трудъ тяжелый,
Боже!..

В. С. Лихачевъ.

Викторъ Гюго.

ИЗЪ ПОСМЕРТНЫХЪ СТИХОТВОРЕНІЙ

В. Гюго.

Межъ тѣмъ, какъ сыплются надъ городомъ гранаты
И рушатся во прахъ твердыни и палаты,
О, Мудрость дивная, воздвигни свой шатеръ
Среди враждующихъ и сѣющихъ раздоръ;
Повѣдай, спутница божественнаго Данта,
Какими пушками, достойными гиганта,
Имъ нужно запастись, и чѣмъ ихъ зарядить,
Чтобъ мысли вѣковой твердыню сокрушить?

Когда поэтъ, гонимый міромъ геній,
Парить на крыльяхъ вдохновеній
Въ безбрежности великой устаетъ—
Онъ замедляетъ свой полетъ,
Межъ горнею страной и сумракомъ могилы
Подняться къ небесамъ онъ не имѣетъ силы
И, временно спускаяся съ высотъ,
Онъ ищетъ отдыха въ земной доступной страсти;
Подобно гордому полярному орлу,

Когда въ метель ненастную и мглу
Въ изнеможеньи тотъ спускается на снасти,
На груду старую канатовъ у руля
Затертаго межъ льдами корабля.

—

Судьба, подобная желѣзному узлу,
Матерія и плоть—являются обычной
Для духа нашего рѣшеткою темничной.
Плѣненная душа томится, какъ въ тюрьмѣ.
Но только что заря затеплится во тьмѣ,
И съ неба дивный гласъ провозгласитъ прощенье,
Какъ плоть, которая обременяетъ насъ,
Матерія и скорбь и горечь искупленія—
Въ божественную пѣснь сольются въ тотъ же
часъ
Во мракѣ новой свѣтъ блеснетъ зарей священной,
Прочтутся письмена загадки роковой—
Струною лиры вдохновенной.

О. Н. Чюмина.

* * *

Изъ В. Гюго.

Порой, когда все спитъ, я съ радостной душою
Сижу подъ сѣнью звѣздъ, горящихъ надо мною,
Прислушаться хочу къ небеснымъ голосамъ;
Мнѣ времени полетъ не внятенъ быстротечный,
И я, взволнованный, гляжу на праздникъ вѣчный,
Что небо для земли свершаетъ по ночамъ.
Я вѣрую тогда, что сонмомъ звѣздъ горящимъ
Одна моя душа согрѣта въ мірѣ спящемъ,
Что мнѣ лишь одному понять ихъ суждено,
Что здѣсь я не пришлецъ угрюмый, молчаливый,
А царь таинственный всей ночи горделивой,
Что только для меня и небо зажжено.

Ѳедоръ Сологубъ.

УТРО.

Изъ В. Гюго.

Я слышу голоса. Сквозь вѣки брежжитъ свѣтъ.
Звонъ колокола. Крикъ купающихся: «Нѣтъ,
Сюда нельзя! Назадъ!»—плескъ, хохотъ молодежи.
Щебечетъ птичка, съ ней щебечетъ Жанна тоже.
Мой Жоржъ ее къ себѣ зоветъ. Пропѣлъ пѣтухъ.
Стукъ, грохотъ мостовой. Жужжанье лѣтнихъ мухъ.
Пѣвучій звонъ косы, срѣзавшей дернъ росистый.
Вдали военный маршъ. Смѣхъ чей-то серебристый.
На крышѣ—маляра тяжелый, грузный шагъ.
Шумъ гавани. Свистки машинъ: то вѣрный знакъ,
Что утро началось. На набережной говоръ.
Надъ рынкомъ гулъ стоитъ. Съ торговкой споритъ поваръ.
Въ далекихъ кузницахъ громъ молотка растетъ—
И, день привѣтствуя, мой рѣполовъ поетъ,
И пароходъ пыхтитъ, волнамъ бурливымъ вторя.
Въ окнѣ звенитъ комаръ. Въ лицо мнѣ дышитъ море.

Д. Минаевъ.

ПРОКАЖЕННЫЙ.

...Богъ, желая примирить столь враждебныя противоположности, какъ скорбь и радость, сростилъ ихъ вершины.

Платонъ.

Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
— «Берегитесь! Идетъ прокаженный!»
И съ невольнымъ проклятьемъ, толпа за толпой,
Обходили его каменистой тропой

И роптали: «зачѣмъ вслѣдъ за нами
Онъ къ Сіону на праздникъ бредетъ?
Преступить городскихъ онъ не можетъ воротъ,
И нѣтъ мѣста ему на холмахъ за стѣнами...»
А когда Элеонъ показался вдали,
Весь до верху шатрами усѣянъ,
Къ его рощамъ цвѣтущимъ толпы галилеянъ,
Распѣвая осанну, пошли.
А несчастный тропой обоженной,
Вдоль по ложу Кедрона, въ пустыню побрелъ,
Гдѣ гіена живетъ, гдѣ гнѣздится орелъ.
— Пощадите! Идетъ прокаженный!
И его, беззащитнаго, звѣрь пощадилъ
И бездомному нору свою уступилъ.
Пышно праздникъ великій встрѣчаетъ Солимъ:
Полонъ храмъ, всѣ ступени народомъ покрыты,
Брыжжетъ кровь, и возносится жертвенный дымъ,
И поютъ славословья левиты.
Всѣ пришли преклониться предъ грознымъ Отцомъ
И просить—кто богатства, кто жизни,
Кто побѣды надъ римскимъ надменнымъ орломъ
И свободы для плѣнной отчизны.
И левиты поютъ, и литавры гремятъ,
И далеко по вѣтру тѣ звуки летятъ—
До пещеры въ скалѣ, до звѣринаго лога,
Гдѣ теперь человѣкъ обиталъ.
Онъ увидѣть хоть издали храмъ пожелалъ,
Но просить ему не о чемъ даже у Бога.
Онъ привыкъ жить безъ крова отъ бурь и песковъ,
Онъ привыкъ свои струпья не кутать въ одежды
У него нѣтъ отчизны, друзей и враговъ,
Нѣтъ желаній давно и давно нѣтъ надежды.
Что влекло его къ храму, не знаетъ онъ самъ,
И теперь, изъ пещеры, наполненной смрадомъ
Его собственныхъ язвъ, онъ блуждающимъ взглядомъ
Смотритъ вдаль, гдѣ блеститъ своею кровлею храмъ,
И въ тоскѣ безпредѣльной, безъ мысли и слова,
Какъ тростникъ въ ураганъ, повергается въ прахъ,

И руками бьетъ въ грудь, и бросается снова,
И какъ будто весь хочетъ истаять въ слезахъ...
Если бъ камень иль дерево чувствовать стали
И свое одиночество поняли вдругъ,
Ихъ бы тотъ же объялъ безсловесный испугъ,
Они бъ такъ же, какъ онъ, зарыдали.
Онъ рыдалъ оттого, что такъ тягостно жить,
Что разстаться съ сіяніемъ солнца такъ трудно...
Цѣлый день онъ скорбѣлъ... но съ вечерней зарей
Стали слезы его все добрѣе и чище.
Такъ, на старомъ, забытомъ кладбищѣ
Вдругъ повѣетъ прохладной весенней порой.
Изможденный, онъ молча лежалъ предъ пещерой
И глядѣлъ, какъ на храмѣ играетъ закатъ,
И какъ звѣзды одна за другою спѣшатъ
Лить потоки лучей надъ пустынею сѣрой,—
И цѣлительной влагой на язвы его
Тихо падали слезы прощенья.
И простилъ онъ, не вѣдая самъ отчего,
Всѣхъ простилъ онъ, кто мучилъ его отъ рожденья—
Вѣтеръ, зной, непогоду и даже людей.
Онъ былъ счастливъ избыткомъ печали своей.
Величайшее счастье въ ту ночь онъ извѣдалъ,
Онъ, природой проклятый, людямъ чужой,
Кому Богъ ничего, кромѣ горестей, не далъ,
Самъ онъ далъ себѣ счастье, какъ Богъ...
А съ зарей,
Чуть прикрывъ наготу, съ головой обнаженной,
Въ сторонѣ отъ дороги онъ тихо шагалъ,
И, завидя людей, издалека кричалъ:
— «Берегитесь! Идетъ прокаженный!»

И. М. Минскій.

ТРИ ДУШИ.

Три блѣдныхъ тѣни чередой
Стучатся робко въ двери рая,
— «Открой, святой ключарь, открой!» —
Съ мольбою тихою взывая.
И вопрощающій вдали
Онѣ внимаютъ голосъ: «Кто вы,
Во тьмѣ грядущія съ земли
Подъ эти благостные кровы?
Чѣмъ были вы? Въ какой борьбѣ,
Какіе подвиги свершали?
Какъ жили вы и чѣмъ себѣ
Блаженство райское стяжали?»
И говоритъ изъ нихъ одна:
— «Мнѣ чуждъ былъ громъ житейской битвы...
Вся жизнь моя была полна
Благоговѣнья и молитвы:
Жрецомъ я былъ, всю жизнь людей
Добру и правдѣ поучая,
Гася постыдный пылъ страстей
И свѣточъ вѣры возжигая...»
— «Съ мечомъ въ рукѣ я рай земной
Прошелъ—отвѣтила вторая:—
Широкой пламенной волной,
И страхъ и гибель разливая.
Вся жизнь прошла средь буйныхъ сѣчъ...
Но лишь за немощныхъ и правыхъ
Я поднималъ и стягъ и мечъ
Въ бояхъ свирѣпыхъ и кровавыхъ...»
— «А твой путь чѣмъ былъ озаренъ?»—
Апостолъ третью вопрошаетъ.
Глубокій, долгій, тяжкій стонъ
Звучитъ въ отвѣтъ и замираетъ.
И голосъ робкій и больной
Пугливо шепчетъ:—«Я!.. Не знаю...
Не помню... Что-то... мракъ сырой...
Пустыня, холодъ, ночь нѣмая...
Чужія окна—въ нихъ огни;
Чужія двери на запорѣ...

И такъ вся жизнь,—вся жизнь и дни
И ночи—голодъ, мракъ и горе...»
«Молилась?...»—«Нѣтъ, я не могла.
Я не умѣла... Богъ?... Не знаю,
Не помню... Голодъ, стужа, мгла...
О, посмотри, какъ я страдаю!..
Какъ страстно жаждала я дня
И часа благостной кончины!
Открой, открой, впусти меня—
Прилечь, согрѣться разъ единый...
Уснуть... уснуть... А тамъ—конецъ:
Покой и миръ и тишь нѣмая...»
— «Посторонитесь, вождь и жрецъ!..»—
Раздался гласъ у двери рая.

С. Фрузъ.

САКІЯ-МУНИ.

По горамъ, среди ущелій темныхъ,
Гдѣ ревѣлъ осенній ураганъ,
Шла въ лѣсу толпа бродягъ бездомныхъ
Къ водамъ Ганга изъ далекихъ странъ.
Подъ лохмотьями худое тѣло
Отъ дождя и вѣтра посинѣло:
Ужъ они не видѣли два дня
Ни пріютной кровли, ни огня.
Межъ деревъ, во мракѣ непогоды,
Что-то тамъ мелькнуло на пути.
Это храмъ... Они вошли подъ своды,
Чтобы тамъ убѣжище найти.
Передъ ними—на высокомъ тронѣ
Сакья-Муни, каменный гигантъ.
У него въ порфировой коронѣ
Исполинскій чудный брилліантъ.
Говоритъ одинъ изъ нищихъ: «Братья,
Ночь темна... Никто не видитъ насъ...
Много хлѣба, серебра и платья
Намъ дадутъ за дорогой алмазъ.
Онъ не нуженъ Буддѣ: свѣтятъ краще

У него, царя небесныхъ силъ,
Груды брилліантовыхъ свѣтилъ
Въ ясномъ небѣ, какъ въ лазурной чашѣ!»
Поданъ знакъ, и вотъ ужъ по землѣ
Воры тихо крадутся во мглѣ.
Не едва дотронуться святыни
Трепетной рукой они хотятъ,—
Вихрь, огонь и громовой раскатъ,
Повторенный откликомъ въ пустынѣ,
Далеко откинулъ ихъ назадъ...
И отъ страха все окаменѣло...
Лишь одинъ, спокойно величавъ,
Изъ толпы впередъ выходитъ, смѣло
Говоритъ онъ Богу:—«Ты не правъ!
Или намъ жрецы твои солгали,
Что ты кротокъ, милостивъ и благъ,
Что ты любишь утолять печали
И, какъ солнце, разгоняешь мракъ!
Нѣтъ, ты мстишь намъ за ничтожный камень,
Намъ, въ пыли простертымъ предъ тобой,
Но, какъ ты, съ безсмертною душой!
Что за подвигъ сыпать громъ и пламень,
Предъ безсильной, жалкою толпой!
О, стыдись, стыдись, владыка неба,
Ты воспрянулъ, грозенъ и могучъ,
Чтобъ отнять у нищихъ корку хлѣба!
Царь царей! Сверкай изъ темныхъ тучъ!
Грянь въ безумца огненной стрѣлою!..—
Я стою, какъ равный предъ тобою,
И, высоко голову поднявъ,
Говорю предъ небомъ и землею:
Самодержецъ міра, ты не правъ!»
Онъ умолкъ... и чудо совершилось:
Чтобъ алмазъ тотъ взять они могли,
Изваянье Будды преклонилось
Головой вѣнчанной до земли.
На колѣняхъ, кроткій и смиренный,
Предъ толпою нищихъ царь вселенной,
Богъ, великій Богъ—лежалъ въ пыли.

Д. С. Мережковскій.

Адамъ Мицкевичъ.

ПѢСНЬ ВАЙДЕЛОТА.

Изъ „Конрада Валленрода".

Когда несетъ въ Литву зараза истребленье,
Провидитъ ходъ ея пророческое зрѣнье:
И, если вѣрите народнымъ вы пѣвцамъ,
Среди глухихъ кладбищъ, по дебрямъ и холмамъ
Является не разъ намъ дѣва моровая,
Вся въ бѣломъ, на челѣ съ пылающимъ вѣнкомъ,
Ростъ бѣловѣжскихъ древъ главою превышая,
И окровавленнымъ въ рукѣ грозитъ платкомъ.

У замковъ стражи ихъ подъ шлемы очи кроютъ,
А псы у поселянъ, уткнувши морды въ прахъ
И чуя злую смерть, на всю окрестность воютъ.

«И устремляется зловѣщій дѣвы шагъ
На веси, города, богатыя владѣнья:
И каждый разъ, когда платкомъ она махнетъ,
Какой-нибудь дворецъ приходитъ въ запустѣнье;
Гдѣ ступитъ, свѣжая могила ужъ ростетъ.

Видѣнье горькое, но горшею бѣдою
Съ нѣмецкой стороны грозилъ Литвы покою
Шлемъ свѣтлый, страуса украшенный перомъ,
И съ нимъ широкій плащъ и черный крестъ на
немъ!

Гдѣ то страшилище прошло, являя силу,
Что гибель поминать тамъ селъ и городовъ?
Тамъ цѣлая страда низринута въ могилу!
Ахъ! въ комъ еще живъ духъ изъ всѣхъ Литвы
сыновъ,

Приди ко мнѣ сюда, на гробъ народовъ взглянемъ,
Въ раздумьѣ сѣвъ на немъ, мы пѣть и плакать
станемъ...

О, быль народная! Ковчегъ завѣта ты,
Давно отжившаго съ живымъ ты единенье;
Въ тебя кладетъ народъ бойца вооруженье,
И пряди думъ своихъ и чувствъ своихъ цвѣты!

Ты невредимъ, ковчегъ, пока въ дни испы-
таній
Народъ не запятналъ того, что ты хранишь;
О, пѣснь народная, на стражѣ ты стоишь
У храма дорогихъ его воспоминаній,
И крылья у тебѣ Архангела, и рѣчь:
Порой Архангела ты также держишь мечъ...

Дѣлъ громкихъ истребитъ огонь изобра-
женья,
Богатство разнесетъ губительный злодѣй;
Безвредно пѣснь уйдетъ и обойдетъ людей.
Когда жъ у низкихъ душъ не достаетъ терпѣнья
Питать ее тоской, надеждою поить,
Бѣжитъ въ ущелья горъ, вокругъ развалинъ
вьется,
Чтобъ о быломъ еще оттуда говорить...
Такъ и изъ зданія, гдѣ пламя разольется,
Взлетаетъ соловей, на мигъ присядетъ онъ
На крышу—рухнула!—въ лѣса онъ улетаетъ,
И грудью звонкою, гробами окруженъ,
Прохожимъ скорби пѣснь надъ пепломъ запѣ-
ваетъ.

Я слышу пѣснь. Сохой за кости задѣвалъ
Столѣтній селянинъ, идя по лону нивы,
И начиналъ играть въ свирѣль изъ вѣтки ивы
Усопшимъ гимнъ, иль васъ онъ пѣснью поминалъ,
Отцы—бездѣтные... и эхо отвѣчало.
Я слушалъ издали. Казалось, средь долинъ
Тѣмъ выше зрѣлище, тѣмъ пѣснь грустнѣй звучала
Что видѣлъ я его, внималъ ему—одинъ.

Какъ въ страшный день суда воздвигнетъ изъ могилы
Архангела труба давно остывшій прахъ,—
Такъ кости изъ-подъ ногъ сдвигались на поляхъ
Отъ пѣсни, въ образы несокрушимой силы.
Изъ пыли—арки вдругъ встаютъ, ряды столбовъ,
Шумятъ подъ веслами озера голубыя,
И видны двери тамъ, отверстія дворцовъ,
Вѣнцы князей, войны доспѣхи боевые,
И пляшетъ дѣвъ кружокъ, пѣвцами оживленъ—
Чудесно грезилъ я—жестоко пробужденъ!

И нѣтъ лѣсовъ и горъ родимыхъ предъ очами!
Мысль, утомленными взмахнувъ еще крылами,
Спустилась, сжалася въ домашнемъ уголкѣ,
И лютня замерла въ хладѣющей рукѣ;
Ужъ голосъ прошлаго не слышенъ мнѣ порою,
Когда собратій стонъ доходитъ до меня!
Но искры иного досель во мнѣ огня
Все тлѣютъ въ глубинѣ, вдругъ вспыхнутъ предо мною
И жизнь въ душѣ зажгутъ, и память озарятъ.
И какъ хрустальная тогда она лампада,
Которой живопись дала красу наряда;
Царапины и пыль ее хоть потемнятъ,
Но красокъ свѣжестью она приманитъ взоры,
Когда свѣтильню ты зажжешь внутри у ней,
И по стѣнамъ она обители царей
Разстелетъ чудные, хоть тусклые, узоры.

О если бъ только могъ огонь свой перелить

Я въ души внемлющихъ, у смерти изъ объятій
Могъ вырвать прошлое! Когда бъ сердца собратій
Умѣлъ я звучными словами шевелить,
Быть можетъ, что еще они бы въ то мгновенье,
Когда родная пѣснь глубоко тронетъ ихъ,
Сердецъ, какъ въ старину, почуяли біенье;
Отцовъ великій духъ тогда бъ проснулся въ нихъ,
И такъ возвышенно хоть мигъ они бъ прожили,
Какъ предки ихъ всю жизнь когда-то проводили!..

Н. Семеновъ.

ВЪ АМЕРИКАНСКОЙ ДЕРЕВНѢ.

(Изъ поэмы Лонгфелло „Эвангелина").

Осень пришла. Холоднѣй и длиннѣе ужъ сдѣлались ночи,
Въ знакъ Скорпіона вошло на покой отходящее солнце,
Птицъ перелетныхъ стада по свинцовому воздуху мчатся—
Мчатся изъ сѣверныхъ странъ, съ береговъ безотрадно холодныхъ,
Въ жаркій тропическій край; загудѣли сентябрьскіе вѣтры,
Борятся съ ними въ лѣсу исполинскіе дубы и сосны,
Долгую, злую зиму предвѣщаетъ суровая осень.
Пчелы, глубокимъ инстинктомъ прочуявъ лишеніе пищи,
Дополна ульи свои наполняютъ; индіецъ-охотникъ
Слово даетъ, что зима безпощадно-холодная будетъ,
Ибо хвосты у лисицъ оказалися очень пушисты.
Такъ-то сентябрь начался. Но за этой суровой порою
Чудное время пришло: называютъ его поселяне
«Лѣтомъ святыхъ». Разлился фантастическій отблескъ какой-то

Въ воздухѣ свѣжемъ; луга и сады и лѣса, точно снова
Выйдя изъ творческихъ рукъ, всею свѣжестью дѣтства дышали;
Царствовалъ миръ надъ землей и тревожная грудь океана,
Точно уставъ, улеглась. Всѣ немолчныя звуки природы
Въ тихой гармоньи слились. Голоса шаловливыхъ малютокъ,
Крикъ пѣтуха на дворѣ, воркотня голубей въ голубятнѣ,
Хлопанье крыльевъ орла—все торжественно было и кротко,
Кротко, какъ шопотъ любви; величавое солнце на землю
Взоромъ привѣтнымъ смотрѣло сквозь тучки свои золотыя;
А въ первобытномъ лѣсу вѣковыя деревья, въ пурпурныхъ,
Желтыхъ и рыжихъ одеждахъ, сверкая кристальной росою,
Высились, точно платаны, въ то время, когда персіянинъ
Ихъ убираетъ въ брильянты и ярко-роскошныя ткани...
Вечеръ. Труды поселянъ безмятежнымъ покоемъ смѣнились.
Сумерки тихо сошли и вечерняя звѣздочка въ небѣ
Ярко зажглася. Стада возвращаются съ поля; раздули
Ноздри широко они и вдыхаютъ вечернюю свѣжесть.
Тихо идетъ впереди, съ колокольчикомъ звонкимъ на шеѣ,
Эвангелины коровка—красавица, гордо рисуясь
Снѣжной своей бѣлизною и краснымъ ошейникомъ съ лентой,—
Важно, спокойно идетъ, сознавая какъ будто, что
Любятъ и холятъ ее... Вслѣдъ за ней, съ пастухомъ—провожатымъ

Стадо блеющихъ овецъ возвращается съ берега моря—
Пастбищъ любимыхъ своихъ; а за ними большая собака
Шествуетъ важно. Гордясь благородною службой своей,
Полный величія, песъ то туда, то сюда переходитъ,
Машетъ пушистымъ хвостомъ и отставшихъ овецъ погоняетъ.
Онъ—ихъ владыка, когда утомленный пастухъ засыпаетъ,
Онъ — покровитель у нихъ и защитникъ въ то время, какъ волки
Воютъ въ ночной тишинѣ, выходя изъ дремучаго лѣса...
Вотъ ужъ и мѣсяцъ взошелъ. Нагруженныя сѣномъ телѣги
Съ поля вернулись домой, и наполнился запахомъ свѣжимъ
Воздухъ окрестный; рѣзво, перекатисто ржутъ лошаденки,
Гривы ихъ полны росы, на хребтахъ—деревянныя сѣдла
Ярко красиваго цвѣта, съ кистями изъ краснаго шелка:
Въ стойлахъ коровы межъ тѣмъ терпѣливо стоятъ, отдавая
Въ женскія руки сосцы, и въ широкія звучныя ведра
Падаютъ мѣрно струи молока съ бѣлоснѣжною пѣной.
Ревъ и мычанье скота, и веселые крики, и хохотъ,
Шумно сливаясь въ одно, повторяются эхомъ далекимъ.
Скоро замолкло село; затворились со скрипомъ тяжелымъ
Двери амбаровъ—и все въ тишину и покой погрузилось...

П. Вейнбергъ.

О лѣсныхъ пожарахъ.

Все горитъ... Всѣ лѣса охватило огнемъ,
Вся окрестность закутана дымомъ.
Тускло солнце, въ чаду нестерпимомъ
Ходитъ краснымъ, кровавымъ пятномъ.
И всю ночь, точно знамена ясныя,
Точно вѣстники близкой борьбы,
Разливаются зарева красныя,
Ходятъ краснаго дыма столбы.
Все горитъ и горитъ. Желты нивы, поля,
Солнце выжгло травы, яровыя;
Пересохли всѣ русла рѣчныя,
Отъ жары раскололась земля.
Стономъ стонутъ деревья зеленыя,
Безнадежно глядятъ съ высоты
И угрюмо, огнемъ опаленныя,
Точно розы, роняютъ листы.
Вотъ и Фролъ отошелъ. Время сѣвъ ужъ кончать,
Да нешто! безъ дождя не посѣешь!
Знай возись тутъ весь годъ, какъ умѣешь,
И съ семьей и съ оброкомъ опять!
Сбились плуги, разсохлися бороны,
Праздно мирныя сохи лежатъ.
У другого и пашни не ораны...
А заботъ-то, а нуждъ, а ребятъ,—
И считай—не сочтешь! На пожаръ, что ни день,
Всю страну (ужъ когда жъ, чай, съ охоты).
Высылаютъ народъ на работы,
Выгоняютъ со всѣхъ деревень.
И идутъ и идутъ, горе мыкая,
И гасятъ! Да загасятъ ли? Гдѣ!
Точно рать, точно сила великая,
Разлеталося пламя вездѣ.
Только трескъ день и ночь по зеленымъ идетъ.
Вѣтеръ свищетъ—пожаръ раздуваетъ,
Солнце жаритъ—вѣтрамъ помогаетъ.
А огонь-то, какъ воръ, перейдетъ
По корнямъ, то вдругъ полымемъ хватится,
Какъ шальной, по травѣ побѣжитъ,

Съ страшнымъ трескомъ по мху перекатится
И опять, и опять закуритъ.
Гдѣ загасятъ!.. Ложатся деревья гуртомъ,
Благо, чисто съ корней подгорѣли;
Съ трескомъ валятся сосны и если
И массивные дубы кругомъ.
Всѣмъ пришла имъ бѣда неминучая,
Занялась вся зеленая ширь,
Эхъ, ты, рать! Эхъ, ты, сила могучая!
Эхъ, ты, горе-огонь-богатырь!
Не туда, богатырь, не туда ты зашелъ,
Не съ врагомъ, богатырь, ты схватился,
У меня бъ, богатырь, ты спросился,
Я бъ врага тебѣ скоро нашелъ.
Что губить эти рощи зеленыя,
Эту силу родимой земли?
Пусть бы вѣчно, дождемъ орошенныя,
Онѣ людямъ на пользу росли.
Не за дѣло взялся, богатырь, ты ей-ей!..
Въ дебряхъ дикаго края родного
Много стараго, много гнилого
И безъ нихъ ждетъ работы твоей.
Много хлама и лома негоднаго,
Много всякихъ и пней и колодъ
На пути у развитья народнаго
Безполезно лежитъ и гніетъ.
Вотъ на нихъ тебѣ бъ грянуть всей силой своей,
Вотъ бы тамъ, хоть не вдругъ, понемногу,
Расчищалъ ты прогрессу дорогу
Этой силой, не знавшей цѣпей!
И не стали бъ тогда, горе мыкая,
Мы, какъ здѣсь, не пускать тебя въ ширь..
Эхъ, ты рать! Эхъ, ты, силища дикая!
Эхъ, ты горе-огонь-богатырь!

Н. Пушкаревъ.

Ада Негри.

ПРИВѢТЪ ВАМЪ.

Salute.

Изъ Ады Негри.

Привѣтъ мой вамъ, богатыри сохи!
Подъ ревомъ тучъ, подъ солнцемъ нестерпимымъ
Берете вы у жадныхъ глыбъ земли
Свой жалкій хлѣбъ.
И вамъ привѣтъ, богатыри труда!
Кто въ рудникахъ, въ проклятомъ мракѣ черномъ,
Едва дыша, вонзаетъ въ землю ломъ
И день и ночь.
Зловѣщій гулъ воды донесся... Мигъ—
И рухнулъ сводъ съ непобѣдимой силой,
И въ безднѣ, гдѣ крутится прахъ,—царитъ
Печаль и смерть.
Но грудь горы разбита. Паровикъ
Ее насквозь прошелъ побѣдоносно,
И шествіе привѣтствуя его,
Блеститъ Заря!

Привѣтъ мой вамъ, богатыри ума,
Вожди ума и мученики мысли,
Чьи звѣздами горящія сердца
Зовутъ на бой!
И вамъ привѣтъ, кто бодрствуетъ въ трудѣ,
Въ безвѣстности... Изъ сердца моего
Несется въ небо крикъ: «Вамъ, сильнымъ духомъ,
Святой привѣтъ!»

Привѣтъ вамъ, желѣзныя груди!
Весь вѣкъ, до доски гробовой,
Вы трудитесь въ шумѣ ревущемъ
Своей мастерской.
Привѣтъ вамъ, постигшимъ отраду
Трудиться до ночи съ утра,
Привѣтъ вамъ, сподвижникамъ мысли,
Сохи, топора!
Я вижу работницъ усталыхъ
Въ своихъ заколдованныхъ снахъ,
Скелеты судовъ несчислимыхъ,
Погибшихъ въ волнахъ;
Несчастные дѣти и старцы,
Калѣки, отверженный людъ,
Разбитыя горемъ, больные,
Идутъ и идутъ...
Ихъ говоръ я издали слышу,
Я ихъ голоса узнаю
И въ сердцѣ рабочаго шума
Свободно пою,
Пою тебя, рать трудовая!
Будь братствомъ своимъ велика,
Надѣйся, борись неустанно!
Жизнь такъ коротка!
Надъ нивой труда, надъ главами
Стоящихъ и павшихъ блестятъ
Безсмертныя звѣзды и солнце,
Какъ Господа взглядъ.

А. М. Федоровъ.

Отрывокъ.

—«Умны крестьяне русскіе,
Одно не хорошо,
Что пьютъ до одуренія:
Во рвы, канавы валятся—
Обидно поглядѣть!»
Крестьяне рѣчь ту слушали,
Поддакивали барину,
Павлуша что-то въ книжечку
Хотѣлъ уже писать,
Да выискался пьяненькій
Мужикъ,—онъ противъ барина
На животѣ лежалъ,
Въ глаза ему поглядывалъ
Помалчивалъ,—да вдругъ
Какъ вскочитъ! Прямо къ барину—
Хвать карандашъ изъ рукъ!
— «Постой, башка порожняя!
Шальныхъ вѣстей, безсовѣстныхъ
Про насъ не разноси!
Чему ты позавидовалъ?
Что веселится бѣдная
Крестьянская душа?
Пьемъ много мы по времени,
А больше мы работаемъ.
Насъ пьяныхъ много видится,
А больше трезвыхъ насъ.
По деревнямъ ты хаживалъ?...
Возьмемъ ведерко съ водкою.
Пойдемъ-ка по избамъ;
Въ одной, другой навалятся,
А въ третьей не притронутся—
И насъ на семью пьющую
Непьющая семья!
Не пьютъ, а также маются;
Ужъ лучше бъ пили, глупые,
Да совѣсть такова...
Чудно смотрѣть, какъ ввалится

Въ такую избу трезвую
Мужицкая бѣда,—
И не глядѣлъ бы! Видывалъ
Въ страду деревни русскія?..
Въ питейномъ, что ль, народъ?
У насъ поля обширныя,
А не гораздо щедрыя:
Скажи-ка, чьей рукой
Съ весны они одѣнутся,
А осенью раздѣнутся?
Встрѣчалъ ты мужика
Послѣ работы вечеромъ?
На пожнѣ гору добрую
Поставилъ, съѣлъ съ горошину:
— Эй, богатырь, соломинкой
Сшибу, посторонись!—
— «Сладка ѣда крестьянская!
Весь вѣкъ пила желѣзная
Жуетъ, а ѣсть не ѣстъ!
Да брюхо-то не зеркало.
Мы на ѣду не плачемся...
Работаешь одинъ,
А чуть работа кончена,
Гляди, стоятъ три дольщика...
А есть еще губитель-тать
Четвертый, злѣй татарина;
Такъ тотъ и не подѣлится,
Все слопаетъ одинъ!
У насъ присталъ третьеводни
Такой же баринъ плохонькій
Какъ ты, изъ-подъ Москвы.
Записываетъ пѣсенки,
Скажи ему пословицу,
Загадку загани...
А былъ другой—допытывалъ,
На сколько въ день сработаешь,
По малу ли, по многу ли
Кусковъ пихаешь въ ротъ!
Иной угодья мѣряетъ,
Иной въ селеньѣ жителей
По пальцамъ перечтетъ!

А вотъ не сосчитали же,
Посколько въ лѣто каждое
Пожаръ пускаетъ на вѣтеръ
Крестьянскаго труда?..
Нѣтъ мѣры хмѣлю русскому!—
А горе наше мѣряли?
Работѣ мѣра есть?
Вино валитъ крестьянина,
А горе не валитъ его?
Работа не валитъ?
Мужикъ бѣды не мѣряетъ,
Со всякою справляется,
Какая ни приди.
Мужикъ, трудясь, не думаетъ,
Что силы надорветъ;
Такъ неужели надъ чаркою
Задуматься, что съ лишняго
Въ канаву угодишь?
А что глядѣть зазорно вамъ,
Какъ пьяные валяются,—
Такъ погляди, поди,
Какъ изъ болота волокомъ
Крестьяне сѣно мокрое,
Скосивши, волокутъ.
Гдѣ не пробраться лошади,
Гдѣ и безъ ноши пѣшему
Опасно перейти,
Тамъ рать-орда крестьянская
По кочкамъ, по зажоринамъ
Ползкомъ-ползетъ съ плетюхами—
Трещитъ крестьянскій пупъ!
Подъ солнышкомъ безъ шапочекъ,
Въ поту, въ грязи по макушку,
Осокою изрѣзаны,
Болотнымъ гадомъ-мошкою
Изъѣденные въ кровь,—
Небось, мы тутъ красивѣе?
Жалѣть—жалѣй умѣючи:
На мѣрочку господскую
Крестьянина не мѣрь!
Не бѣлоручки нѣжные,

А люди мы великіе
Въ работѣ и гульбѣ!..
У каждаго крестьянина
Душа что туча черная—
Гнѣвна, грозна—и надо бы
Громамъ гремѣть оттудова,
Кровавымъ лить дождямъ,—
А все виномъ кончается.
Пошла по жиламъ чарочка—
И разсмѣялась добрая
Крестьянская душа!
Не горевать тутъ надобно,
Гляди кругомъ,—возрадуйся!
Ай парни, ай молодушки,
Умѣютъ погулять!
Повымахали косточки,
А удаль молодецкую
Про случай сберегли!..»
Мужикъ стоялъ на валикѣ,
Притоптывалъ лаптишками
И, помолчавъ минуточку,
Прибавилъ громкимъ голосомъ,
Любуясь на веселую,
Ревущую толпу:
—«Эй! царство ты мужицкое,
Безшапочное, пьяное,
Шуми—вольнѣй шуми!..»
— Какъ звать тебя старинушка?—
— «А что запишешь въ книжечку?
Пожалуй, нужды нѣтъ!
Пиши: «Въ деревнѣ Босовѣ
Акимъ Нагой живетъ,
Онъ до смерти работаетъ,
До полусмерти пьетъ!»

Н. А. Некрасовъ.

БЕЗЪ ЛЮБВИ.

На мотивъ Теодора Шторма.

Я вѣрила ласкамъ твоимъ, какъ святынѣ,
Мечтала въ нихъ правду найти—
И все поняла я,—не вѣрю отнынѣ,
Не надо объятій—пусти...
Ты думалъ, желаньемъ минутнымъ волнуемъ,
Что сердце подъ ласкою спитъ.
И ты—ты шутилъ, не любя, поцѣлуемъ—
Но этого Богъ не проститъ!
Богъ видитъ неправду: мнѣ страшны объятья,
Въ нихъ—сердце сжигающій ядъ.
Мой ангелъ въ слезахъ, на устахъ, какъ проклятья
Твои поцѣлуи горятъ.
Уйди—ты узнаешь мученія вскорѣ.
Знай—совѣсть тебя истомитъ...
Меня, не любя, цѣловалъ ты на горе...
И этого Богъ не проститъ!
Любви поцѣлуй передъ Богомъ святится,
Любви поцѣлуй—благодать,
Когда въ немъ любовь можетъ съ правдою слиться,
Но грѣхъ—безъ любви цѣловать.
Уйди!.. Измѣнить мнѣ былого нѣтъ силы,
А сердце тоскуетъ, болитъ...
Меня, не любя, цѣловалъ ты... о, милый,
Пусть Богъ тебѣ грѣхъ твой проститъ!

М. Гербановскій.

ЛѢСНАЯ СКАЗКА.

Дубъ и береза рядомъ въ лѣсу зеленѣли,
Дружно шептались, тайны храня отъ другихъ.
Въ зависти черной хмурились сосны и ели;
Въ злобѣ осины сплетни пускали про нихъ.
Робко и рѣдко

Дубъ къ ней касался вѣтвями,
Хоть ни покоя въ страсти не зналъ онъ, ни сна.

Вздрогнувъ, сосѣдка
Строго качала кудрями,—
И отъ объятій все уклонялась она.
Вдругъ налетѣла буря, какъ смерти угроза,
Съ громомъ и блескомъ въ лѣсъ направляя свой путь.
Падали съ трескомъ ели кругомъ... И береза,
Вскрикнувъ, упала—къ другу на вѣрную грудь.

Дни пролетѣли.
Онъ осушилъ ея слезы,
Лаской любовной раны ея излѣчилъ;
Свадьбу имъ спѣли радостнымъ хоромъ стрекозы
И соловей ихъ гимномъ своимъ союзъ освятилъ...
И перестали хмуриться сосны и ели.
И присмирѣли листья коварныхъ осинъ.
Слившись кудрями, дубъ и береза шумѣли
Съ юности вешней и до осеннихъ сѣдинъ.

Если жъ мятежный
Вихрь налеталъ, и съ испугу
Дико метался трепетный лѣсъ и стоналъ,—
Крѣпко и нѣжно къ сердцу прижавши подругу,
Дубъ противъ бури гнѣвно вѣтвями махалъ...
Снѣгомъ покрыты, словно парчею нарядною,
Спали деревья... И, какъ разбойникъ и воръ,
Хищно подкрался къ нимъ человѣкъ безпощадный
Въ тѣло березы звонко вонзилъ онъ топоръ.

Съ крикомъ жестокимъ
Вырвалъ онъ жадной рукою
Трупъ изъ объятій, весь изрубилъ и увезъ...
И одинокимъ
Дубъ пробудился весною,—
И оросилась грудь его каплями слезъ...

А. Колтоновскій.

М. П. Розенгеймъ.

НА ПРОЩАНЬЕ.

Идете?.. Ну, съ Богомъ! Да будетъ легка
Вамъ, юноши, въ жизни дорога.
Предъ вами она широка, далека,—
А мнѣ ужъ осталось немного.
Вы просите пѣсни... Извольте, спою...
Напѣнимъ прощальную чашу!
Готово?... Ну слушайте пѣсню мою:
Спою вамъ про молодость вашу.
Взгляните, какъ въ чашѣ бушуетъ вино
И, бѣлую пѣну взбивая,
Кипитъ, и шипитъ, и сверкаетъ оно,
Сребристою искрой играя.
Въ игрѣ этой—сила, букетъ, ароматъ,
Такъ пейте же, пейте скорѣе,
Не ждите, покуда они улетятъ,—
Отъ нихъ и вино веселѣе.
Живите жъ, покуда душа молода,
Доступна мечтамъ и обманамъ,
Покуда спознаться придетъ череда
Вамъ съ опытомъ—жизни тираномъ.

Угрюмый, придетъ онъ и вслѣдъ приведетъ
Сомнѣній разладъ безконечный,
Обманетъ надежды, мечты оборветъ,
Придавитъ тоскою сердечной,
И все, чѣмъ теперь въ васъ душа такъ полна:
Порывы высокихъ стремленій,
Сочувствія правдѣ живая струя,
И пылъ молодыхъ увлеченій,
И вѣра въ добро, и потребность любить,
И дружбы святые обѣты,
Все будутъ пытаться убить и разбить
Въ васъ опыта злые навѣты!..
Скорѣе же, други, покуда пора,
Пока въ васъ душа не остыла,
Идите свершить сколько можно добра,
Съ недобрымъ помѣряться силой.
Широко раскинетъ васъ въ жизни судьба,
Пытая въ соблазнахъ лукаво;
Но что бъ васъ ни ждало—успѣхъ иль борьба—
Да будетъ вамъ «правда и право»
Вашъ лозгунгъ повсюду, во всемъ и всегда,
Въ почетѣ, въ нуждѣ и въ страданьѣ!
Чтобъ, если случится сойтись вамъ когда,
Вамъ было бы въ радость свиданье,
Чтобъ были вы въ правѣ другъ друга обнять,
Какъ нынѣ, и послѣ разлуки,
Чтобъ смѣло могли вы другъ другу подать
Такія же чистыя руки,
И честно сказать, оглянувшись назадъ,
Другъ другу у края могилы:
«Что смогъ я, то сдѣлалъ... На большее, братъ,
Не воли не стало, а силы...

М. Розенгеймъ.

Садитесь, я вамъ радъ. Откиньте всякій страхъ
И можете держать себя свободно,—
Я разрѣшаю вамъ. Вы знаете, на дняхъ
Я королемъ былъ избранъ всенародно.
Но это все равно. Смущаютъ мысль мою
Всѣ эти почести, привѣтствія, поклоны...
Я день и ночь пишу законы
Для счастья подданныхъ и очень устаю...
Какъ вамъ моя понравилась столица?
Вы изъ далекихъ стрэнъ? А, впрочемъ, ваши лица
Напоминаютъ мнѣ знакомыя черты;
Какъ будто я встрѣчалъ, именъ еще не зная,
Васъ гдѣ-то тамъ, давно...
Ахъ, Маша, это ты?
О, милая моя, родная, дорогая,
Ну, обними меня, какъ счастливъ я, какъ радъ!
И Коля!.. здравствуй, милый братъ!
Вы не повѣрите, какъ хорошо мнѣ съ вами,
Какъ мнѣ легко теперь! Но что съ тобой, Мари?
Какъ ты осунулась... страдаешь все глазами?
Садись ко мнѣ поближе, говори,
Что наша Оля? все растетъ? здорова?
О, Господи! Что далъ бы я, чтобъ снова
Расцѣловать ее, прижать къ моей груди!..
Ты приведешь ее?... Нѣтъ, нѣтъ, не приводи!
Расплачется, пожалуй, не узнаетъ,
Какъ, помнишь, было разъ... А ты теперь о чемъ
Рыдаешь? Перестань! Ты видишь, молодцомъ
Я сталъ совсѣмъ, и докторъ увѣряетъ,
Что это легкій рецидивъ,
Что скоро все пройдетъ, что нужно лишь терпѣнье...
О да, я терпѣливъ, я очень терпѣливъ,
Но все-таки... за что? Въ чемъ наше преступленье?..
Что дѣдъ мой боленъ былъ, что боленъ мой отецъ?
Что этимъ призракомъ меня пугали съ дѣтства?
Такъ чтожъ изъ этого? Я могъ же, наконецъ,

Не получить проклятаго наслѣдства!..
Такъ много лѣтъ прошло, и жили мы съ тобой
Такъ дружно, хорошо и все намъ улыбалось...
Какъ это началось? Да, лѣтомъ, въ сильный зной,
Мы рвали васильки и вдругъ мнѣ показалось...

. . . . . .

Да, васильки, васильки,
Много мелькало ихъ въ полѣ...
Помнишь, до самой рѣки
Мы ихъ сбирали для Оли.
Оличка броситъ цвѣтокъ
Въ рѣку, головку наклонитъ...
«Папа,—кричитъ:—василекъ
Мой поплыветъ, не утонетъ?»
Я ее на руки бралъ,
Въ глазки смотрѣлъ голубые,
Ножки ея цѣловалъ,
Блѣдныя ножки, худыя.
Какъ эти дни далеки...
Долго ль томиться я буду?
Все васильки, васильки
Красные, желтые всюду...
Видишь, торчатъ на стѣнѣ,
Слышишь, сбѣгаютъ по крышѣ,
Вотъ подползаютъ ко мнѣ,
Лѣзутъ все выше и выше...
Слышишь, смѣются они...
Боже, за что эти муки?
Маша, спаси, отгони,
Крѣпче сожми мои руки!
Поздно! Вошли, ворвались
Стали стѣной между нами!..
Въ голову такъ и впились,
Колютъ ее лепестками.
Рвется вся грудь отъ тоски..
Боже! куда мнѣ дѣваться?
Все васильки, васильки...
Какъ они смѣютъ смѣяться?

. . . . . .

Однако, что же вы сидите предо мной?
Какъ смѣете смотрѣть вы дерзкими глазами?

Вы избалованы моею добротой,
Но все же я—король, и я расправлюсь съ вами!
Довольно вамъ держать меня въ плѣну, въ тюрьмѣ!
Для этого меня безумнымъ вы признали...
Такъ я вамъ докажу, что я въ своемъ умѣ:
Ты мнѣ жена, а ты—ты братъ ея... Что, взяли?
Я справедливъ, но строгъ. Ты будешь казнена.
Что? Не понравилось? Блѣднѣешь отъ боязни?
Что дѣлать, милая, недаромъ вся страна
Давно ужъ требуетъ твоей позорной казни!
Но, впрочемъ, можетъ быть, смягчу я приговоръ
И благости примѣръ подамъ родному краю.
Я не за казни, нѣтъ, всѣ эти казни—вздоръ.
Я взвѣшу, посмотрю, подумаю... не знаю...
Эй, стража, люди... кто-нибудь!
Гони ихъ въ шею всѣхъ: мнѣ надо
Быть одному... Впередъ же не забудь:
Сюда никто не входитъ безъ доклада.

А. Н. Апухтинъ.

МОСТЪ ВЗДОХОВЪ.

Изъ Т. Гуда.

Вотъ еще одна жертва несчастная,
Утомяся житейской борьбой,
Еще юная нѣжно-прекрасная,
Такъ покончила рано съ собой!
Окажите усопшей вниманіе,
Подымите ее поскорѣй!
Это хрупкое было созданіе—
Прикасайтеся бережно къ ней!
Посмотрите на тѣло застывшее:
На немъ платье какъ саванъ лежитъ,
И вода, этотъ трупъ напоившая,
Съ него капля по-каплѣ бѣжитъ.
Не гнушайтеся тѣломъ безжизненнымъ,

Подымите его на рукахъ,
Не клеймя языкомъ укоризненнымъ
Этотъ бѣдный истерзанный прахъ.
Не съ холодностью сердца жестокаго,
Не съ презрѣньемъ сухимъ на лицѣ,—
Но подумайте съ скорбью глубокою
Объ ея злополучномъ концѣ.
Позабудьте ея согрѣшенія:
Смертью смытъ ея жизни позоръ
Пусть отнынѣ ея преступленія
Не коснется людской приговоръ!
Здѣсь некстати упреки безплодные!
Позабудьте, простите вполнѣ—
И утрите ей губы холодныя:
Вязкой тиной покрыты онѣ.
Уберите ей косы прекрасныя,
Эти темныя волны кудрей,
Между тѣмъ какъ догадки напрасныя
Праздный людъ составляетъ о ней.
Кто она? Надъ печальной могилою
Слезы есть ли кому проливать?
У ней были ль родные иль милые,
Братья, сестры, отецъ или мать?
Иль другой кто-нибудь еще болѣе
Близкій сердцу, чѣмъ домъ и семья,
Погорюетъ надъ грустною долею,
Надъ несчастной кончиной ея?
Нѣтъ!—обширна столица богатая
И толпой многолюдной полна;
Но, всѣмъ чуждая, точно проклятая,
Не имѣла пріюта она.
Тамъ, гдѣ въ черной рѣкѣ отражается
Слабый свѣтъ отъ вечернихъ огней,
И, дрожа, въ темной влагѣ купается
Дальній отблескъ ночныхъ фонарей,
И бушуетъ пучина глубокая,
Ударяя о берегъ волной,—
Тамъ стояла она одинокая,
Безпріютная, ночью глухой.
Но ее эта ночь непроглядная
Не пугала ужъ тьмою своей,

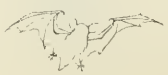
Не пугала и арка громадная,
Ни холодная бездна подъ ней.
Смерть влекла ее съ страшною силою
И тоска надрывала ей грудь...
Только съ жизнью покончить постылою,
Какъ-нибудь—все равно—какъ-нибудь!
И отважно, безъ слезъ, безъ раскаянья,
Она бросилась въ волны рѣки...
Кто пойметъ эту бездну отчаянья,
Этотъ адъ безнадежной тоски?!
Окажите жъ усопшей вниманіе,
Прикасайтеся бережно къ ней!
Пока смерти рука леденящая
Не сковала ей членовъ нѣмыхъ,
Осторожно, съ заботой любящею,
Распрямите, расправьте вы ихъ.
И закройте глаза ей стеклянные,
Что сквозь тину такъ слѣпо глядятъ,
Будто въ вѣчность вперивши туманную
Свой послѣдній отчаянный взглядъ.
Надоѣла ей жизнь безотрадная,
Преступленье, позоръ впереди,
И жестокость людей безпощадная,
И тоска въ наболѣвшей груди...
Пусть, измучась житейскою битвою,
Она вѣчнымъ покоится сномъ!
И, какъ будто съ нѣмою молитвою,
Вы сложите ей руки крестомъ.
И простите ей съ кроткой любовію!
Вы не судьи! Судья у ней—Тотъ,
Кто своею божественной кровію
Искупилъ человѣческій родъ.

Д. Михаловскій.

МОНОЛОГЪ.

Чего хочу?.. чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и розорвется грудь.
Чего хочу? Всего, со всею полнотою!
Я жажду знать, я подвиговъ хочу,
Еще хочу любить съ безумною тоскою,
Весь трепетъ жизни чувствовать хочу!
А втайнѣ чувствую, что всѣ желанья тщетны,
И жизнь скупа, и внутренно я хилъ,
Мои стремленія замолкнутъ безотвѣтны,
Въ попыткахъ я запасъ растрачу силъ.
Я самъ себѣ кажусь, подавленный страданьемъ,
Какимъ-то жалкимъ, маленькимъ групцомъ,
Среди безбрежности затеряннымъ созданьемъ,
Томящимся въ броженіи пустомъ...
Духъ вѣчности обнять заразъ не въ нашей долѣ,
А чашу жизни пьемъ мы по глоткамъ;
О томъ, что́ выпито, мы все жалѣемъ болѣ,
Пустое дно все больше видно намъ;
И съ каждымъ днемъ душѣ тяжеле устарѣлость,
Больнѣе помнить и страшнѣй желать.
И кажется, что жить—отчаянная смѣлость,
Но биться пульсъ не можетъ перестать,
И дальше я живу въ стремленьи безотрадномъ,
И жизни крестъ беру я на себя,
И весь душевный жаръ несу въ движеньи жадномъ,
За мигомъ мигъ хватая и губя.
И все хочу?.. чего?.. О! такъ желаній много,
Такъ къ выходу ихъ силѣ нуженъ путь,
Что кажется порой—ихъ внутренней тревогой
Сожжется мозгъ и разорвется грудь.

И. П. Огаревъ.



Н. О. Чюмина (Михайлова).

ПЛОВЦЫ.

Было утро. На солнцѣ сверкая
Бѣлизною своихъ парусовъ,
Гордо мчался корабль, разсѣкая
Серебристую пѣну валовъ.
Не страшася ни скалъ, ни тумана,
Ни затишья, ни злыхъ непогодъ,
По лазурнымъ волнамъ океана
Онъ стремился впередъ и впередъ!
Смѣло къ цѣли!.. И небо такъ ясно,
Такъ легко развѣвается флагъ...
А осеннею ночью ненастной
Засіяетъ огнями маякъ!
Но внезапно въ стемнѣвшей лазури
Бѣлой искрой мелькнулъ альбатросъ,
И какъ будто дыханіе бури
Надъ пучиной морской пронеслось..
Солнце скрылось за тучей кровавой,
И—добычей бушующихъ волнъ—

Закружился корабль величавый,
Словно утлый заброшенный челнъ.
Шли грознѣе волна за волною,
Надвигался зловѣщѣе мракъ,—
Но увы, путеводной звѣздою
Не блеснулъ погибавшимъ маякъ!
Успокоилось бурное море.
И спокойно въ его глубинѣ
Спятъ пловцы, позабывшіе горе
И борьбу, въ заколдованомъ снѣ.
Тамъ не слышно волненія шкваловъ,
Тамъ блеститъ золотистый песокъ,
И подъ сѣнью гигантскихъ коралловъ
Сонъ пловцовъ безмятежно глубокъ.
Имъ не грезятся чудныя цѣли
Безвозвратно исчезнувшихъ дней,
Имъ не грезятся бури и мели
И сіянье маячныхъ огней...

О. Н. Чюлина (Михайлова).

* * *

Честнымъ порывамъ дай силу свободную,
Начатый трудъ довершай,
И за счастливую долю народную
Жизнь всю до капли отдай!
Теплой любви—вѣкового призванія—
Въ сердцѣ своемъ не гаси,
Чудною силою—свѣточемъ знанія—
Русь воскреси!

С. Д. Дрожжина.

ПЕРЕДЪ ТРУПОМЪ.

—Умеръ?—молвилъ я тихо кому-то
И, не ждавши отвѣта, вошелъ;
Безотрадную въ жизни минуту
Пережилъ я, взглянувши на столъ...
На столѣ озаренный свѣчами
Почивалъ мой пріятель. Безъ слезъ,
Но съ гнетущимъ вопросомъ глазами
Я къ знакомому лику приросъ:
Или этотъ покойникъ собою
Представлялъ только трупъ цѣлый вѣкъ,
Или трупъ, созерцаемый мною,
Былъ какъ прежде живой человѣкъ?
До того поразительно было
Совершенное сходство во всемъ.
Лишь псалтырщикъ, читавшій уныло,
Могъ о смерти напомнить при немъ...
Какъ при жизни ходилъ ты небритый,
Такъ небритымъ и легъ ты на столъ.
Титулярный совѣтникъ! ужли ты
Даже бритвы себѣ не завелъ?
Въ неизмѣнномъ своемъ вицъ-мундирѣ,
Въ чемъ ты спалъ и на службу ходилъ,
Ты предстанешь и въ будущемъ мірѣ,—
Хоть бы пряжку нарочно забылъ...
Какъ ярлыкъ многолѣтней и тяжкой
Безпорочности въ битвахъ съ нуждой,
И она—эта старая пряжка—
Неразлучно идетъ за тобой...
Не извѣдавъ пристанища въ мірѣ,
Въ обстановкѣ жены и дѣтей,
Ты и умеръ-то даже въ квартирѣ
У почти незнакомыхъ людей,
Пріютившись дня на три, не дольше,
Въ этотъ жалкій чужой уголокъ.
Одинокъ ты въ немъ, право, не больше,
Чѣмъ всю жизнь свою былъ одинокъ;
И все такъ же молчишь ты упорно,
Какъ при жизни, безъ стона, безъ слезъ,

И псалтырщика чтенье покорно
Переносишь, какъ все перенесъ...
Та же рабость печально-смѣшная
Разлилась по остывшимъ чертамъ;
Даже руки сложилъ, остывая,
Не на грудь ты, какъ всѣ, а по швамъ.
И мерещится вѣчно такое,
Будто видишь ты этой порой
Выраженье начальника злое,
Слышишь: «чей это почеркъ дурной?»
Перепиской ты началъ карьеру,
Перепиской и кончилъ ее;—
Поддержала лишь смерть твою вѣру
Да воловье терпѣнье твое.
— «Кабы столъ мнѣ!»—твоя золотая,
Заповѣдная дума была...
— Вотъ Ѳома Алексѣичъ,—не чая,
Дослужился и ты до стола...

И. В. Омулевскій

РАБА.

И праздникъ, и солнце... На землю глядитъ
Роскошное утро, сіяя.
И колоколъ въ воздухѣ мѣрно гудитъ,
Къ молитвѣ людей призывая.
По улицамъ ходитъ нарядный народъ;
На лицахъ—ни тучки, ни тѣни,
И юная мать надъ ребенкомъ поетъ,
Его опустивъ на колѣни.
Зачѣмъ же въ тюрьмѣ, на соломѣ, одна,
Прекрасна какъ ночь Лузіаны,
Лежитъ негритянка и стонетъ она,
Слезами смочивъ свои раны?
И штатъ Лузіаны намъ мрачно гласитъ:
Законъ нашъ рабовъ не прощаетъ—

Когда господина раба оскорбитъ,
Ее эшафотъ ожидаетъ.
Невольникамъ этимъ, причисля къ скотамъ,
По милости кожи ихъ черной,
Велятъ подчиняться ременнымъ кнутамъ
И кланяться плети позорной.
Она жъ, негритянка, побой не снесла,
Ударивъ жену властелина.
И казни публичной въ темницѣ ждала
Невольница, черная Дина.
Но смертная казнь для нея не страшна.
Пугала ее не могила,
Но новое чувство пугало: она
Подъ сердцемъ младенца носила.
Давно ли ее обольстилъ, какъ рабу,
Плантаторъ, заплывшій въ развратѣ?..
И вотъ раздалися въ тюрьмѣ, какъ въ гробу.
И стоны, и крики дитяти,
Но сына отъ груди пришли оторвать...
Безстрастны злодѣйскія лица...
Напрасно, рыдая, металася мать,
Какъ львенка лишенная львица;
Напрасны безумныя клятвы и плачъ!..
Запоры вдругъ падаютъ снова,
И вотъ къ эшафоту угрюмый палачъ
Влечетъ негритянку сурово.
А тамъ на площадку сбѣжался народъ.
Толпа весела и нарядна;
Когда задымится въ крови эшафотъ,
Она дожидается жадно.

Д. Д. Минаевъ.

ДВѢ СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ.

Изъ П. Беранже.

У стопъ Аллы, въ предсѣньи рая,
Сошлась отшельница младая
Съ альмэ, плясуніей площадной,
Гаремовъ жрицею нѣмой.
Онѣ къ пресвѣтлой райской двери
Предстали, кончивъ дни свои:—
Одна на легкихъ крыльяхъ пери,
Другая на крылахъ любви.

Изъ устъ привратника имама
Слова обычныя селяма
Онѣ прослушали... Потомъ
Склонясь нахмуреннымъ челомъ,
— «Всякъ человѣкъ корану слѣдуй!—
Сказалъ имамъ:—иль будь во тьмѣ,
Иль жизнь пророку исповѣдуй!»
И улыбнулся онъ альмэ.

— «Въ дворцахъ и хижинахъ,—сказала
Отшельница:—я проливала
На раны страждущихъ людей
Медъ и цѣлительный елей!»
— «Я всѣ серали покорила,—.
Альмэ сказала старику:—
Но часто, часто подносила
Шербетъ султана бѣдняку».

— «Имамъ!—отшельница гласила:—
Я поучала, что могила—
Всѣмъ пристань на земномъ пути,
Что должно къ ней одной идти!»
— «Имамъ, ты вѣдалъ сладострастье?
Альмэ спросила.—Можетъ быть,
Со мною вѣрили и въ счастье:
Я заставляла жизнь любить».

— «Я именемъ Аллы просила
Для нищихъ братій,—говорила
Раба пророка:—и Творца
Благословляли ихъ сердца...»

— «А я, пророкъ мнѣ будь свидѣтель.—
Альмэ сказала:—я порой
Спасала честь и добродѣтель
Моею ласкою одной.
— «Войди, войди чета младая!—
Имъ отвѣчалъ привратникъ рая:—
Обоихъ васъ любовь вела—
И васъ зоветъ къ себѣ Алла,
Всегда того принять готовый,
Кто осушилъ хоть каплю слезъ,—
Носилъ ли онъ вѣнокъ терновый,
Носилъ ли онъ вѣнокъ изъ розъ!..

Л. А. Мей.

РАЗДѢЛЪ ЗЕМЛИ.

Изъ Ф. Шиллера.

«Возьмите міръ!—онъ мнѣ не нуженъ болѣ!—
Воскликнулъ Зевсъ съ заоблачныхъ высотъ:
Пусть каждый въ немъ возьметъ себѣ по долѣ,
Владѣетъ ей изъ рода въ родъ!»
Сказалъ, и словъ его лишь только смолкли звуки,
Всѣ земнородные, отъ нищихъ до вельможъ,
И старъ, и младъ, всѣ, у кого есть руки,
Всѣ съ шумомъ бросились толпами на дѣлёжъ.
Кто села взялъ, кто мирныя долины,
Кто быстрыхъ рѣкъ свирѣпое русло...
Поля и пропасти, болота и стремнины—
Все вмигъ себѣ хозяина нашло.
И послѣ всѣхъ, когда раздѣлъ скончали,
Пришелъ поэтъ. Онъ грустнымъ взоромъ міръ
Окинулъ, и главой поникъ на грудь въ печали:
У всѣхъ пріютъ—лишь онъ забытъ и сиръ.
Гдѣ кровъ искать? и изъ груди невольно
Излилась жалоба на судъ судьбы слѣпой:
—«О, богъ боговъ! подъ небомъ столь привольно,
Всѣмъ мѣсто есть, никто здѣсь не чужой.
Лишь я одинъ всему чужой, бездомный,
Скитальцемъ жить навѣки осужденъ.

Твой миръ великъ; ужель пріютъ укромный
Откажетъ мнѣ суровый твой законъ?»
—«Все кончено! роптать и плакать поздно!
Что дѣлалъ ты, когда дѣлили свѣтъ?
И гдѣ ты былъ?—Зевесъ воскликнулъ грозно.
—«Я былъ съ тобой!—отвѣтствовалъ поэтъ.
Мой взоръ въ величіи строенья мірового,
Мой слухъ въ гармоніи небесной утопалъ,
И я за мигъ блаженства неземного
Земное все забылъ и потерялъ.»—
—«Какъ быть!—сказалъ Зевесъ:—я больше надъ
землею
Не властенъ: рóздалъ все—степь, дебри и лѣса!
Но если хочешь ты, иди, живи со мною:
Тебѣ всегда открыты небеса».

Б. Алмазовъ.

МОЛЧАНІЕ.

Къ чему твердить скалѣ: ты чувства лишена,
И тѣлу мертвому: ты болѣе не живо,
Къ чему твердить душѣ порочной: ты грязна,
И къ сердцу лживому взывать съ тоской: ты лживо.
Гдѣ правды тлѣетъ лучъ,—тамъ пусть звучатъ
слова!
Когда жъ любовь и стыдъ погибли безъ возврата,
И радуетъ блудницъ пророка голова,
И агнецъ связанный предсталъ предъ судъ Пилата,—
Лишь ты, молчаніе, взявъ раскаленный мечъ,
Тогда становишься у вратъ пустого рая.
Невинной жертвы взоръ умѣешь ты зажечь
Такимъ могуществомъ, что, на нее взирая,
Насмѣшливый палачъ вдругъ прерываетъ рѣчь,
Дрожитъ, потупя взоръ и руки омывая.

Н. М. Минскій.

В. И. Немировичъ-Данченко.

МОНОЛОГЪ.

Я помню ночь, ея сырую мглу;
Въ окнѣ отворенномъ чернѣла вѣтвь березы
И шорохъ слышался. Ночникъ мигалъ въ углу,
А въ сердцѣ были тѣ жъ рыданія и слезы.
Но ты, любимая, еще была со мной—
И сердцу вѣрилось: настанетъ день прощенья,
И мукой крестною и смѣлою борьбой
Я искуплю былыя заблужденья.
И вновь откроется померкнувшимъ очамъ
Великій мысли міръ, побѣдный блескъ свободы;
Воскреснувшій боецъ, я позабуду самъ
И раны старыя, и старыя невзгоды.
Измученный слѣпецъ! я счастія искалъ...
Безумно вѣрилъ я, и долго свѣта ждалъ.
Уже прошли года—судьбу свою я знаю
И счастья не ищу: я молча погибаю!

Такъ по волнамъ бушующихъ морей
Порой плывутъ къ невѣдомому краю

Обломки жалкіе разбитыхъ кораблей...
Завидя ихъ вдали, отчаянный пловецъ
Стремится ихъ достигнуть... Наконецъ,
Измученный неравною борьбою,
Хватаетъ ихъ слабѣющей рукою.
Спасенья близокъ часъ... Ужъ видятся вдали,
Въ туманѣ, очерки невѣдомой земли,
Ужъ до него отъ пажитей прибрежныхъ
Доносится струя благоуханій нѣжныхъ,
И слышенъ моря шумъ въ изорванныхъ скалахъ,
Еще усиліе... еще одинъ размахъ—
И... бѣшеной волной далеко унесенный,
Онъ гибнетъ наконецъ, пловецъ изнеможенный!

В. И. Немировичъ-Данченко.

ОСЕННІЕ ЖУРАВЛИ.

Сквозь вечерній туманъ, мнѣ, подъ небомъ стемнѣвшимъ,
Слышенъ крикъ журавлей все яснѣй и яснѣй...
Сердце къ нимъ понеслось, издалека летѣвшимъ,
Изъ холодной страны, съ обнаженныхъ степей.
Вотъ ужъ близко летятъ и, все громче рыдая,
Словно скорбную вѣсть мнѣ они принесли...
Изъ какого же вы непривѣтнаго края,
Прилетѣли сюда на ночлегъ журавли?..
Я ту знаю страну, гдѣ ужъ солнце безъ силы,
Гдѣ ужъ савана ждетъ, холодѣя, земля
И гдѣ въ голыхъ лѣсахъ воетъ вѣтеръ унылый,—
То родимый мой край, то отчизна моя.
Сумракъ, бѣдность, тоска; непогода и слякоть.
Видъ угрюмый людей, видъ печальный земли...
О, какъ больно душѣ, какъ мнѣ хочется плакать!..
Перестаньте рыдать надо мной, журавли!..

А. М. Жемчужниковъ.

Былъ день... Морозъ трещалъ сильнѣй...
Два дня очагъ ихъ не топился,
Душилъ ихъ голодъ, а у ней,
Какъ точно на зло, сынъ родился.
Не лаской встрѣтили его...
Но не зачахъ онъ оттого.
Какъ и всегда мертвецки пьянъ,
Къ несчастной женщинѣ явился
Ея безжалостный тиранъ.
Но что же онъ остановился
Въ дверяхъ?.. что жъ въ комнату нейдетъ?
Какая сила приковала
Его къ порогу?.. Что жъ не бьетъ
Онъ мать ребенка, какъ бывало?
Укора полный, злобный взглядъ
Скривилъ лицо ея... «Скорѣе
Бей насъ обоихъ съ нимъ!»—шипятъ
Ему уста ея.—Пьянѣе,
Вѣдь, не напьешся ты, и хлѣба
Не дастъ съ тобой намъ небо!..»
А онъ—какъ вкопанный, стоялъ,
Не смѣя даже шевельнуться,
Его нетрезвый взоръ блисталъ
Любовью, лаской... Онъ шепталъ:
—«Потише, можетъ сынъ проснуться!...»

Петръ Быковъ.

ПРОТИВЪ ТЕЧЕНІЯ.

Други, вы слышите ль крикъ оглушительный:
—«Сдайтесь, пѣвцы и художники! Кстати ли
Вымыслы ваши въ нашъ вѣкъ положительный?
Много ли васъ остается, мечтатели?
Сдайтеся натиску новаго времени!
Міръ отрезвился, прошли увлеченія—
Гдѣ устоять вамъ, отжившему племени,
Противъ теченія?»

Други, не вѣрьте! Все та же единая
Сила насъ манитъ къ себѣ неизвѣстная,
Та же плѣняетъ насъ пѣснь соловьиная,
Тѣ же насъ радуютъ звѣзды небесныя!
Правда все та же! Средь мрака ненастнаго
Вѣрьте чудесной звѣздѣ вдохновенія,
Дружно гребите, во имя прекраснаго,
Противъ теченія!

Вспомните: въ дни Византіи разслабленной,
Въ приступахъ ярыхъ на божьи обители,
Дерзко ругаясь святынѣ награбленной,
Такъ же кричали иконъ истребители:
—«Кто воспротивится нашему множеству?
Міръ обновили мы силой мышленія—
Гдѣ жъ побѣжденному спорить художеству
Противъ теченія.»

Въ оные жъ дни, послѣ казни Спасителя,
Въ дни, какъ апостолы шли вдохновенные,
Шли проповѣдывать слово Учителя,
Книжники такъ говорили надменные:
—«Распятъ мятежникъ! Нѣтъ проку въ осмѣянномъ,
Всѣмъ ненавистномъ, безумномъ ученіи!
Имъ ли убогимъ идти галилеянамъ,
Противъ теченія?»

Други, гребите! Напрасно хулители
Мнятъ оскорбить насъ своею гордынею!
На́ берегъ вскорѣ мы, волнъ побѣдители,
Выйдемъ торжественно съ нашей святынею!
Верхъ надъ конечнымъ возьметъ безконечное!
Вѣрою въ наше святое значеніе
Мы же возбудимъ теченіе встрѣчное
Противъ теченія!

Графъ А. К. Толстой.

А. М. Ѳедоровъ.

НА ВЕСЕННЕЙ ЗАРѢ.

Весною, помнишь, на разсвѣтѣ,
Всю ночь въ дорогѣ проведя,
Мы были радостны, какъ дѣти,
Какъ послѣ теплаго дождя
Вся эта степь. Въ ушахъ звенѣли
Веселымъ звономъ бубенцы.
Зарею тучи заалѣли,
А первыхъ жаворонковъ трели
Будили утро какъ гонцы.

Покуда намъ перепрягали
Въ деревнѣ тройку, мы съ двора
Къ большому озеру сбѣжали.
Собаки лаемъ провожали

Насъ у воротъ. Трава мокра
Была отъ дождика; съ долины
Былъ слышенъ свистъ перепелиный;
Въ деревнѣ жеребенокъ ржалъ,
И воздухъ весело дрожалъ.

Отъ заревой прохлады было
Свѣжо и сыро у воды.
Недвижно озеро застыло,
Но ужъ на немъ вились слѣды:
Тамъ—рыбы легкіе кружочки,
А здѣсь—царапины стрижа.
Какъ будто воду сторожа,
Стоялъ преважно гусь на кочкѣ,
Весь отраженъ въ водѣ до точки.

Другіе гуси шли съ луговъ,
Мелькая въ зелени далекой,
Подобно нити жемчуговъ.
И все: вода, луга, осока,
И даже гусь на кочкѣ той,
Улыбкой алою зардѣлись;
У ты такою чистотой
Сіяла вся, что загорѣлась
Душа, и плакать мнѣ хотѣлось.

Я будто чувствовалъ тогда,
Что это счастье не вернется,
Что пошлость жизни насъ коснется,
И никогда я, никогда
Не встрѣчу вновь такой безгрѣшной
Зарю и юность, и тебя,—
Все, что слилось съ зарею вешней,
Чѣмъ я обласканъ былъ, любя...
Все, въ чемъ я чувствовалъ себя.

А. М. Ѳедоровъ.

ХОЗЯИНЪ.

Впряженъ въ телѣгу конь косматый,
Откормленъ на диво овсомъ,
И бляхи мѣдныя на немъ
Блестятъ при заревѣ заката.
Купцу дай-Господи пожить;
Широкоплечъ, какъ клюква, красенъ,
Казной отъ бѣдъ обезопасенъ,
Здоровъ,—о чемъ ему тужить?
Да мой купецъ и не горюетъ.
Съ какой-то бабой за столомъ
Въ особой горенкѣ, вдвоемъ,
Сидитъ на мельницѣ, пируетъ.
Вода реветъ, вода шумитъ,
Отъ грома мельница дрожитъ,
Идетъ работа толкачами,
Идетъ работа рѣшетомъ,
Колесами и жерновами—
И стукотня и пыль кругомъ...
Купецъ мой рюмку поднимаетъ
И кулакомъ объ столъ стучитъ.
— «И выпью!.. кто мнѣ помѣшаетъ?
И пью... самъ чортъ не запретитъ!
Пей, Марья!..»
— То-то, ненаглядный,
Ты мнѣ на платье обѣщалъ...
— «И кончено! Сказалъ—и ладно,
Будетъ такъ, какъ я сказалъ!
Мнѣ что жена? Сыта, одѣта—
И все... вотъ выпрягу коня
И прогуляю до разсвѣта,
И баста! Обними меня!»
Вода шумитъ—не умолкаетъ,
При свѣтѣ мѣсяца кипитъ,
Алмазной радугой сверкаетъ,
Огнями синими горитъ.
Но даль темна и молчалива.
Огонь веселый рыбака
Краснѣетъ въ зеркалѣ залива,

Скользитъ по листьямъ лозняка.
Купецъ гуляетъ. Мы не станемъ
Ему мѣшать. Въ тиши ночной
Мы лучше въ домъ его заглянемъ,
Войдемъ неслышною стопой.
Ужъ поздно. Свѣчка догорѣла.
Больной лежитъ и смерти ждетъ,
Его лицо, какъ мраморъ, бѣло,
И руки холодны, какъ ледъ;
На лобъ открытый кудри пали;
Остатокъ прежней красоты,
Печать раздумья и печали
Еще хранятъ его черты.
Такъ освѣщенные зарею,
Въ замолкшемъ надолго лѣсу,
Листы осеннею порою
Еще хранятъ свою красу.
Пора на отдыхъ. Грудь разбита,
На сердцѣ запеклася кровь —
И радость навѣкъ позабыта...
А ты, горячая любовь,
Явилась поздно. Доля! доля!
И если бъ раньше ты пришла,—
Какой бы здѣсь пріютъ нашла?
Здѣсь трудъ и бѣдность, здѣсь неволя,
Здѣсь горе гдѣзда вьетъ свои,
И вѣетъ холодъ отъ порога,
И стѣны дома смотрятъ строго—
Здѣсь нѣтъ пріюта для любви!
Лежитъ больной, лицо печально,
И будто тѣнью лобъ покрытъ;
Такъ лѣтомъ, только догоритъ
Румяной зорьки лучъ прощальный,
Подъ сводомъ сумрачныхъ небесъ
Стоитъ угрюмъ и теменъ лѣсъ.
Родная мать роняетъ слезы,
Облокотясь на столъ рукой;
Надежды, молодости грезы,
Миръ сердца—этотъ рай земной—
Все унесло, умчало горе,
Какъ бурный вѣтръ уноситъ пыль,

Когда въ степи шумитъ ковыль,
Шумитъ взволнованный, какъ море,
И догораетъ вся-до тла
Грозой зажженная ветла.
Плачь, бѣдное созданье!
И не слезами,—кровью плачь!
Безвыходно твое страданье
И безпощаденъ твой палачъ.
Невесела, невыносима,
Горька, какъ ядъ, твоя судьба!
Ты жизнь убила, какъ раба,
И не была никѣмъ любима...
Твой мужъ... но виноватъ ли онъ,
Что пьянъ, и грубъ, и не уменъ?
Когда бъ онъ могъ подумать строго,
Какъ зла надѣлано имъ много,
Какъ много ранъ нанесено,—
Себя онъ проклялъ бы давно.
Въ борьбѣ тяжелой ты устала,
Изнемогла и въ грязь упала,
И въ грязь затоптана толпой.
Увы! Сгубилъ тебя запой!
Твоя слеза на кровь походитъ...
Плачь больше! Въ воздухѣ чума!
Любимый сынъ въ могилу сходитъ
Другой давно сошелъ съ ума.

Вотъ онъ сидитъ на лежанкѣ просторной,
Голо остриженъ, и блѣденъ и хилъ;
Палку, какъ скрипку, къ плечу прислонилъ,
Бровью и глазомъ моргаетъ проворно,
Правой рукою и взадъ и впередъ
Водитъ по палкѣ, и пѣсню поетъ:

— «На старомъ курганѣ, въ широкой степи,
Прикованный соколъ сидитъ на цѣпи.
Сидитъ онъ ужъ тысячу лѣтъ,
Все нѣтъ ему воли, все нѣтъ!
И грудь онъ съ досады когтями терзаетъ,
И каплями кровь изъ груди вытекаетъ...
Летятъ въ синевѣ облака,
А степь широка, широка!..

Вдругъ палку кинулъ онъ, закрылъ лицо
руками,
И плачетъ горькими слезами:
— «Больно мнѣ! больно мнѣ! мозгъ мой горитъ.
Счастье тому, кто въ могилѣ лежитъ!
Мать моя, матушка, полно рыдать!
Долго ли намъ эту жизнь коротать?
Знаешь ли? Спальню запри изнутри,
Сторожемъ стану я подлѣ двери.
Прочь! закричу я: здѣсь мать моя спитъ!
Больно мнѣ, больно мнѣ! мозгъ мой горитъ!
Больной все слушалъ эти звуки,
Горѣлъ на медленномъ огнѣ:
Сказать хотѣлъ онъ:
— Дайте мнѣ
Хоть умереть безъ слезъ и муки!
Ужель не могъ я отъ судьбы
Дождаться мира въ часъ кончины
За годы думы и кручины,
За годы пытки и борьбы?
Иль эти пытки шуткой были?
Иль мало, среди стѣнъ родныхъ,
Отравой зла меня поили?
Иль, вмѣсто слезъ, изъ глазъ моихъ
Текла вода на изголовье,
Когда, губя свое здоровье,
Я думалъ ночи безо сна,
Зачѣмъ мнѣ эта жизнь дана?
И, догорающій въ постели,
Всю жизнь припомнивъ съ колыбели,
Хотѣлъ онъ на своемъ пути
Хоть точку свѣтлую найти—
И не сыскалъ.
Такъ въ полдень жгучій,
Спустившись съ каменистой кручи,
Томимой жаждой пѣшеходъ
Искать ключа въ оврагъ идетъ.
И долго тамъ, усталый, бродитъ,
И влаги капли не находитъ
И падаетъ едва живой,
На землю, съ болью головной...

— «Ну, отпирай! заснули скоро!»
Ударивъ въ ставень кулакомъ,
Хозяинъ крикнулъ подъ окномъ...
Печальный домъ, пріютъ раздора!
Нѣтъ, тяжело срывать покровъ
Съ твоихъ таинственныхъ угловъ,
Срывать покровъ, какъ уголь черный!
Угрюмъ твой видъ, какъ гроба видъ,
Какъ мѣсто казни, гдѣ стоитъ
Съ желѣзной цѣпью столбъ позорный,
И плаха съ топоромъ лежитъ!
За то, что здѣсь такъ мало свѣта,
Что воздухъ солнцемъ не согрѣтъ,
За то, что нѣтъ на мысль отвѣта,
За то, что радости здѣсь нѣтъ,
Ни ласкъ, ни милаго объятья,
За то, что гибнетъ человѣкъ,—
Я шлю тебѣ мои проклятья,
Чужой оплакивая вѣкъ!

И. С. Никитинъ.

ДВОЕ ПОХОРОНЪ.

Шелъ я по Литейной... Вижу: тьма народу...
Отъ каретъ, колясокъ нѣтъ почти проходу;
Конные жандармы, стража городская
И предъ пышнымъ домомъ пышная такая
Колесница, видно, въ ожиданьи гроба:
Значитъ, жизнь скончала важная особа,
Вынѣсли особу важныя все лица,
И зашевелилась шагомъ колесница...
Пѣвчіе въ кафтанахъ синихъ съ галунами,
Черный шелкъ на дамахъ, шеи съ орденами,
Шитые мундиры, звѣзды, аксельбанты,
Пышныя кареты, слуги, музыканты —
Просто заглядѣнье! Все отлично, гладко,

Все съ печатью строгой пышнаго порядка!
Взоръ нигдѣ не видѣлъ скорби и страданья,
Слуха не смущали стоны и рыданья!
Медленно и ровно шли всѣ эти люди,
Тихо, безмятежно ихъ вздымались груди...
И когда бъ не рамка траурная эта,
Ни одинъ философъ не далъ бы отвѣта—
Для чего сей знати собираться было,
Что ее призвало, что соединило?..
Я пошелъ за ними... Вдругъ на полдорогѣ,
Снова погребенье,—только ужъ не дроги,
Не парча и бархатъ, не порядокъ пышный,—
Старая телѣга съ клячей горемычной,
Гробъ сосновый, желтой краской покрытый,
И за ними слѣдомъ, вмѣсто всякой свиты,
Бѣдная старуха и старикъ убогій
Шли, передвигая еле-еле ноги...
Но въ картинѣ этой, бѣдной и холодной,
Сколько было горя, муки безысходной!
Какъ сквозь эти дыры, ветхія заплаты
Мрачно пробивалась злая боль утраты!
Какъ глухіе стоны ясно говорили,
Что свою всю душу двое хоронили!..
Вотъ на перекресткѣ встрѣтились два гроба,
И остановились на минутку оба;
Бѣдный боязливо повернулъ съ дороги,
И заколыхались величаво дроги...
А на землю солнце сыпало брильянты,
Въ трубы громогласно дули музыканты,
Будто возглашая: «мѣсто, мѣсто гробу,
Въ коемъ уложили важную особу!»
И сквозь эти звуки слышалось мнѣ глухо,
Какъ стонала тяжко бѣдная старуха...

П. И. Вейнбергъ.

А. Н. Плещеевъ.

* * *

Всю то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!
Было время золотое
Да какъ сонъ оно прошло,
Было время—и блистало
Солнце въ яркой синевѣ
И цвѣтовъ пестрѣло много
Въ зеленѣющей травѣ.
Шумомъ радостнымъ шумѣли
Безконечные лѣса,
И звенѣли въ темной чащѣ
Вольныхъ птичекъ голоса.
И рѣка спокойно въ море
Волны чистыя несла;
И дрожащимъ въ этихъ волнахъ
Звѣздамъ не было числа!
Но разнесъ осенній вѣтеръ
Пожелтѣвшіе листы;

И подъ холодомъ поникли
Запоздалые цвѣты...
Улетѣли въ край далекій,
Подъ иныя небеса,
Птички вольныя, покинувъ
Обнаженные лѣса!
И въ волнахъ рѣки шумящихъ
На лазурный, чистый сводъ,
Не безчисленныя звѣзды—
Тучи смотрятся съ высотъ...
Было время—молодое
Сердце билося въ груди,
Жизнь и счастье и свободу
Обѣщала впереди!
Божій миръ казался тѣсенъ
Для могучихъ юныхъ силъ;
Какъ орелъ ширококрылый
Въ безпредѣльность духъ парилъ!
Жажда подвиговъ высокихъ
Волновала смѣлый умъ;
Много въ сердцѣ было страсти,
Въ головѣ—кипучихъ думъ!
Жизнь! зачѣмъ же обѣщаній
Не сдержала ты своихъ.
И зачѣмъ не пощадила
Упованій молодыхъ?
Сгибло все: надежды, силы...
Какъ ненастною порой
Зеленѣющіе всходы
Подъ дыханьемъ бури злой!
Было время золотое,
Да какъ сонъ оно прошло!
Всю-то, всю мою дорожку
Раннимъ снѣгомъ занесло!

А. Н. Плещеевъ.

БѢДНЫЙ ДРОЗДЪ.

Изъ Вл. Сырокомли.

— «Охотникъ, охотникъ, продай мнѣ дрозда!»
Такъ мальчикъ на рынкѣ вскричалъ, подбѣгая
къ стрѣлку...
Тотъ взглянулъ: рубашонка худа
На бѣдномъ ребенкѣ...
— «Продать не бѣда,
Да хватитъ ли денегъ? Вѣдь, дичь дорогая!—
Ворчалъ онъ съ презрѣньемъ:—У васъ, голышей,
Я знаю, немного найдется грошей.
Два злота! Дешевле продать нѣтъ разсчета.»
— «Побойся же Бога! Ты просишь два злота.
Я столько имѣю, стрѣлокъ, но теперь
Деньжонки мнѣ нужны: мой братъ, изъ пеленокъ
Едва только вышедшій, бѣдный ребенокъ,
Безъ хлѣба отъ голоду плачетъ, повѣрь.
Иду я за хлѣбомъ, а дальше—въ аптеку:
Хвораетъ и чахнетъ кормилица мать.
Не жить ей, страдалицѣ, долгаго вѣку!
Микстуру ей лекарь велѣлъ принимать—
Три ложечки въ сутки, и дичью питаться...
Мой батюшка—слесарь. Злодѣйка-нужна
Его истомила, не буду скрываться...
За злотъ, ради Бога, продай мнѣ дрозда;
Иначе деньжонокъ въ аптеку не хватитъ.
Тебѣ самъ Господь остальное доплатитъ.»
Со смѣхомъ стрѣлокъ отвѣчалъ:—«Ей ей,
У матки твоей аппетитъ не по чину!
Не зналъ я, что жены простыхъ слесарей,
Какъ барыни, кушать умѣютъ дичину;
Рецептъ я имѣю, рецептъ дорогой,—
Отъ всякихъ болѣзней! Онъ стоитъ бездѣлки:
Скажи, чтобъ больная стаканчикъ-другой
Хватила веселой, цѣлебной горѣлки...
Два злота, не меньше, тебѣ говорятъ;
Для нищихъ невыгодно тратить зарядъ.»
— «Охотникъ, охотникъ, поди-ка сюда!»
Такъ баринъ въ коляскѣ вскричалъ торопливо:—

«Что просишь, любезный, съ меня за дрозда?»
— «Пять злотыхъ, извольте... Не птица, а диво?»
— «Охотникъ, охотникъ, возьми полтора.
Я два заплачу! —торговался малютка:
Мнѣ некогда ждать, мнѣ въ аптеку пора;
Два злота даю, а, вѣдь, это не шутка!
Ты слово мнѣ далъ свой товаръ оцѣня...»
А баринъ въ коляскѣ со злобой хохочетъ:
—«Вотъ мило, вотъ славно! Мальчишка... онъ хо-
Онъ смѣетъ дичину отнять у меня.»— [четъ,
—«Я милости требую, ясновельможный!»
Воскликнулъ ребенокъ съ тоскою тревожной.
— «Какой? Для кого? Не могу я постичь...?—
— «Позвольте истратить послѣдній грошъ мѣдный,
Позвольте купить мнѣ для матушки бѣдной
Лѣкарство ей нужное, свѣжую дичь.
Такъ лѣкарь велѣлъ...»
...Господинъ изъ коляски
Прищурилъ съ насмѣшкой заплывшіе глазки:
— «Я, милый, съ базара тебѣ не гоню,
Сыновное чувство въ тебѣ уважаю,
Но свѣжую, рѣдкую дичь обожаю,
И ею сегодня дополню меню.
Отличное блюдо! Оближешь все пальцы...
А вы, бѣдняки, вы—святые страдальцы,
Не можете прелесть дрозда понимать;
Для васъ не годится роскошное блюдо.
Живется вамъ горько, живется вамъ худо!
Пойди же, утѣшь ненаглядную мать,
Пойди безъ дрозда, но съ отличнымъ совѣтомъ,
Чтобъ кушала борщъ или жирныя щи,
Прибавивши перцу немножко при этомъ,
И будетъ здорова зимою и лѣтомъ,
А дичь не отдамъ ей... Pardon! Не взыщи!»
Стрѣлку бросивъ талеръ и взявши дрозда,
Онъ быстро умчался, доволенъ развязкой.
Ребенокъ, рыдая, бѣжитъ за коляской,
А кучеръ кричитъ:—«Да куда ты? Куда?
Еще недоволенъ ты барскою лаской?
Такъ вотъ же тебѣ!» И ударилъ бичомъ,
И брызнула кровь изъ ребенка ключомъ.

Охотникъ смѣется:—«Какой ты неловкій,
Ты самъ виноватъ, что попался въ бѣду.
Ступай же домой со своей двухзлотовкой,
А я выпить водки стаканчикъ пойду».
Далеко коляска богатая скачетъ,
Стрѣлокъ распиваетъ въ трактирѣ вино.
Сжавъ деньги въ ученкѣ, ребенокъ все плачетъ...
Какъ глупо онъ плачетъ! Какъ это смѣшно!
Что жъ дальше случилось?.. Три гроба несутъ:
Явилися трое на праведный судъ.
И слесарша въ первомъ некрашеномъ гробѣ
Лежитъ неподвижно, худа и блѣдна;
Не ей—истомленной, а важной особѣ
Дичина достаться была суждена.
Стрѣлокъ занимаетъ вторую колоду;
Онъ сильно на барскія деньги кутилъ
И душу изъ тѣла пустилъ на свободу,
Когда изъ ружья—прямо въ сердце хватилъ.
Послѣднему гробу толпа удивилась:
Подобныхъ гробовъ не видать никогда!
Особа, лежавшая въ немъ, подавилась,
Какъ лакомка, косточкой мелкой дрозда.
Особа подъ пышнымъ покровомъ не дышитъ
И ждетъ, что свершится на страшномъ судѣ...
Тамъ ангелъ правдивую повѣсть напишетъ:
«О бѣдномъ дроздѣ».

Л. Н. Трефолевъ.

ВЪ ПОСЛѢДНІЙ РАЗЪ.

Изъ В. Мотервелля.

Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
Кровью сердце мое истекло,
Измѣняютъ мнѣ ноги... О, Вилли!
Умереть, видно, время пришло.
Приложи свою руку мнѣ къ сердцу
И щекою приникни къ моей,

И скажи, ты меня не забудешь,
Даже тамъ, даже въ царствѣ тѣней?
О, къ чему утѣшать меня? Полно;
Пусть бѣснуется горе въ груди!
Только дай мнѣ наплакаться вволю;
На колѣни меня посади.
Дай обнять твою голову, Вилли.
Дай облить мнѣ слезами ее;
Дай потухшимъ глазамъ наглядѣться
На лицо дорогое твое!
Проклинаю тотъ день, какъ впервые
Образъ твой въ мою душу проникъ!
Рокового съ тобою свиданья
Проклинаю я сладостный мигъ!
И ту рощу, тотъ рай, гдѣ бывало
Не устанемъ всю ночь мы бродить,
И судьбу, что меня допустила
Безпредѣльно тебя полюбить!
О, прости мнѣ, мой милый! Не слушай—
Я сказала тебѣ не въ укоръ!
Но вѣдь я такъ глубоко страдаю:
Вѣдь на долю мнѣ выпалъ позоръ!
Вижу, градомъ внезапныя слезы
Изъ очей покатились твоихъ...
Но о чемъ же ты плачешь, скажи мнѣ?
О грѣхѣ ль? о страданьяхъ людскихъ?
Опостылѣлъ мнѣ міръ этотъ, Вилли!
Я всѣхъ радостей стала чужда;
Чѣмъ была, не могу я остаться
И женой мнѣ не быть никогда..
О, прижми мое сердце больное
Къ своему еще разъ, еще разъ...
Поцѣлуй эти впалыя щеки,
На которыхъ румянецъ погасъ!
Въ головѣ моей мозгъ хочетъ треснуть,
Кровью сердце мое истекло...
Еще разъ передъ вѣчной разлукой
Я твое поцѣлую чело,
Еще разъ—и въ послѣдній, мой милый...
Подогнулись колѣни... прощай...
На кладбище, гдѣ буду лежать я,

Не ходи... надо мной не рыдай.
Этотъ жаворонокъ, звонкою пѣснью
Оглашающій воздухъ полей,
Цѣлый день будетъ пѣть, не смолкая,
Надъ могилою тихой моей.
Эта влажная зелень долины
Скроетъ бѣдное сердце мое,
Что любило тебя такъ безмѣрно,
Какъ тебя не полюбитъ ничье.

А. Н. Плещеевъ.

СМѢШНАЯ ФИГУРА.

Улицей шумной, въ толпѣ экипажей,
Быстро летящихъ и взадъ и впередъ,
Тащатся роспуски съ странною клажей—
Гробъ на кладбище кляченка везетъ.
Гробъ не наряденъ: онъ просто сосновый.
Даже не крашенъ, не дорого сталъ;
Къ роспускамъ грязнымъ веревкою новой
Крѣпко его гробовщикъ привязалъ.
Тихо по грязи ползетъ колесница.
Сверху дырявымъ прикрытъ армякомъ,
Плотно на гробѣ усѣлся возница,
Съ бранью кляченку валяя кнутомъ.
Слѣдомъ за гробомъ, нетвердой стопою,
Шелъ спотыкаясь, одинъ человѣкъ,—
Шелъ безсознательно, только порою
Капали слезы съ напухнувшихъ вѣкъ.
Шелъ онъ, какъ будто какая-то сила
Съ гробомъ невольно влекла и его.
Шелъ какъ лунатикъ, онъ поступью хилой,
Шелъ онъ, не видя кругомъ ничего.
Мужъ ли, отецъ ли?—Господь его знаетъ!
Лѣтъ не досмотришь на этомъ лицѣ,—
Дочь ли, жену ли бѣднякъ провожаетъ,
Сына ль хоронитъ онъ въ томъ мертвецѣ?..

Старый фрачишко, короткія брюки:
Все это узко, въ обтяжку на немъ,
Тощее тѣло да голыя руки,—
Видно, что нужда заѣла живьемъ.
Сдвинулась на бокъ шляпенка дрянная,
Съ просѣдью космы висятъ надо лбомъ...
Съ перваго взгляда фигура смѣшная;
Кажется, будто бредетъ подъ хмѣлькомъ;
Толь..о лицо-то у ней не хмѣльное,—
Взглянешь, и душу невольно сожметъ,—
Смертнымъ безстрастьемъ глядитъ испитое,
Видишь, что съ жизнью здѣсь конченъ разсчетъ,
Видишь, что точно испилъ онъ, бѣдняга,
Только не зелена выпилъ вина,—
Выпита горя имъ жгучая брага
Полною чашей, до капли, до дна.
Въ этомъ созданьѣ, убитомъ и бѣдномъ,
Даже заботы слѣда не прочесть;
Все безразлично въ обличіи блѣдномъ...
Смотришь,—и мнится, что самъ онъ и есть
Этого гроба жилецъ горемычный.
Вѣкъ свой обыкъ онъ пѣшочкомъ ходитъ
Ѣхать-то стало ему не привычно,
Вотъ онъ и вылѣзъ свой гробъ проводить...
Если бы люди узнали искусство
Ближняго душу читать хоть на лбу,
Въ этой открыли бъ одно только чувство—
Смутную зависть къ тому, кто, въ гробу.
Если бъ сказали ему, что возможно
Мертваго съ жизни земной воротить,
Съ дикой боязнью онъ вамъ бы тревожно
Молвилъ: «Не надо, не надо будить!
Снова на муку! За что жъ?.. Пощадите!
Силъ-то вѣдь, силъ-то не хватитъ у ней.
Богъ съ вами! Лучше меня научите,
Какъ бы и мнѣ-то вотъ также скорѣй...»

М. П. Розенгеймъ.

В. С. Лихачевъ.

* * *

Распни его! Распни!.. Варравѣ дай свободу!—
Вопила яростно толпа—и ей въ угоду
Позорно пролита была святая кровь
Того, кто возвѣстилъ прощенье и любовь...
Съ тѣхъ поръ прошли вѣка. Свершилось искупленье—
И озарило міръ великое ученье.
Пріявшему отъ насъ и муки и хулы
Возносимъ мы теперь молитвы и хвалы.
Но втайнѣ, внутренно, мы тѣ же фарисеи!
Во мглѣ житейскихъ дрязгъ заря живой идеи
Порою чуть блеснетъ—ужъ въ трепетныхъ сердцахъ
Испытываемъ мы смятеніе и страхъ;
А если прозвучитъ нежданно и сурово
Отважнаго ума бичующее слово—
О! въ тѣ мгновенія, ретивы и дружны,
Безумно яростной враждой ослѣплены,—

Мы полчищу варравъ предать себя готовы,
Чтобъ наложить на мысль безмолвія оковы ..
Варравы насъ тогда не устрашаютъ, нѣтъ:
Мы предъ истиной дрожимъ — намъ страшенъ свѣтъ!

В. С. Лихачевъ.

ИЗЪ ТЬМЫ ВРЕМЕНЪ.

Фантазія.

Въ ночь, когда родился Александръ Македонскій, безумецъ Геростратъ, томимый жаждой славы, сжегъ знаменитый храмъ Діаны въ Ефесѣ, за что и поплатился жизнью.

Учебн. древн. исторіи.

Герои древности, съ торжественной ихъ славой,
Отзывныхъ струнъ души во мнѣ не шевелятъ:
По тяжкимъ ихъ стопамъ дорогою кровавой
Вступали въ міръ вражда, насилье и развратъ...
За грознымъ шествіемъ побѣдной колесницы,
За радужнымъ дождемъ привѣтственныхъ цвѣтовъ
Мнѣ стоны слышатся изъ длинной вереницы
Угрюмыхъ, трепетныхъ, окованныхъ рабовъ;
Мнѣ видятся поля съ сожженными хлѣбами,
Позоръ прекрасныхъ дѣвъ и слезы матерей,
И стая вороновъ, кружащихъ надъ костями,—
И стыдно мнѣ тогда и больно за людей!..

Но въ мракѣ прошлаго, въ ряду его преданій,
Есть тѣнь, покрытая безславьемъ и стыдомъ,—
Но близкая душѣ огнемъ своихъ страданій,
Своимъ паденіемъ и грознымъ торжествомъ.
Передо мной встаютъ—больной и изможденный
Суровый ликъ и взоръ загадочныхъ очей,
И мрачно строгій лобъ въ безмолвьи думъ склоненный,

И волны черныя отброшенныхъ кудрей...
И снится мнѣ, что ночь нависла надъ Элладой,
Что тихо въ морѣ спитъ лазурная волна,
И цѣпь далекихъ горъ неясною громадой
Въ прозрачномъ сумракѣ едва-едва видна;
И будто эта ночь и нѣжитъ, и ласкаетъ,
И жжетъ, опьянена дыханіемъ цвѣтовъ,—
И будто въ эту ночь на землю прилетаетъ
Рой вдохновенныхъ грезъ и благодатныхъ
сновъ...
О, счастливъ тотъ, кому во мракѣ этой ночи,
Въ пустынной улицѣ или въ саду нѣмомъ
Яснѣе звѣздъ горятъ возлюбленныя очи,
И руку жметъ рука въ порывѣ молодомъ!..
О, счастливъ тотъ, кто могъ привѣтными огнями
Спугнуть душистый мракъ подъ сводами аллей
И весело возлечь за шумными столами
Въ ликующей толпѣ красавицъ и друзей!..
Но если ты одинъ... но если ты судьбою
На жизненномъ пиру, какъ нищій, обойденъ,
Но если, какъ туманъ, развѣянный грозою,
Бѣгутъ твоихъ очей забвеніе и сонъ,—
О, бойся ихъ,—ночей ласкающихъ и нѣжныхъ:
Суровый твой недугъ въ затишьи ихъ слышнѣй,
И вдвое тяжелѣй отрава слезъ мятежныхъ,
Когда отъ сладкихъ слезъ томится соловей!..

Мнѣ снится эта ночь, и снится онъ... Угрюмый,
Безъ цѣли онъ бредетъ по площади глухой,
Сжигаемый своей мучительною думой,
Страдающій своей непонятой тоской...
Спокоенъ шагъ его: никто его лобзаній
Не ждетъ въ ночной тиши, и не къ кому на грудь
Съ отрадой горькою нахлынувшихъ рыданій,
И съ братской жалобой во мглѣ ему прильнуть;
И если бъ даже въ дверь къ гетерѣ беззаботной
Ударилъ онъ,—любви желаніемъ объятъ,—
Она отвѣтила бъ съ боязнью безотчетной:
«Уйди,—ты страшенъ мнѣ,безумный Герострат!..»
Безумный?.. Да, умамъ ребячески-пугливымъ
И мелочнымъ сердцамъ его не оцѣнить:

Какъ свѣтъ исчадьямъ тьмы, онъ страшенъ всѣмъ
счастливымъ,
Всѣмъ дѣтски-вѣрящимъ и рвущимся любить...
Онъ ихъ покой смутилъ безжалостнымъ со-
мнѣньемъ,
Открылъ имъ тайный ядъ въ дыханіи цвѣтовъ,
И бросилъ, не страшась, насмѣшкой и презрѣньемъ
И въ нихъ, объятыхъ сномъ, и въ мертвыхъ ихъ
боговъ!
Онъ юношѣ сказалъ: «Когда передъ тобою,
Стыдливо опустивъ мерцающій свой взглядъ,
Пройдетъ красавица медлительной стопою
И вдругъ, украдкою, оглянется назадъ,—
И, уловивъ ея невольное движеніе,
Прочтетъ въ чертахъ ея восторженный твой взоръ
И радость дѣтскую, и трепетъ восхищенья,
Забрезжившей любви безмолвный разговоръ,
Бѣги и не ищи отраднаго свиданья:
Любовь—безумный звукъ... Любви на свѣтѣ нѣтъ,
Есть только ложь одна, есть жгучія страданья
Да кровь кипучая, да юношескій бредъ!..»
И дѣвѣ онъ сказалъ: «Не вѣрь въ его лобзанья;
Онъ лгалъ, когда клялся навѣки быть твоимъ;
Онъ твой, пока къ тебѣ влекутъ его желанья;
Ударитъ часъ—и страсть развѣется, какъ дымъ...»
Онъ говорилъ жрецамъ:—«Смѣшны мольбы ка-
меньямъ...»
Онъ воину сказалъ:—«Стыдись,—ты не герой...»
Онъ ихъ отвергнулъ всѣхъ, исполненный презрѣ-
ньемъ,—
И самъ отвергнутъ былъ невнемлющей толпой...

По звонкой площади далеко раздаются
Во мглѣ шаги его... Навстрѣчу изъ садовъ,
Къ нему томительно и радостно несутся
И звуки пѣнія и говоръ голосовъ...
Но онъ на ихъ призывъ чела не подымаетъ...
Предъ нимъ—старинный храмъ; холодный лучъ
луны
Скользя по мрамору, изъ мрака вырываетъ
Лѣпной узоръ колоннъ и выступы стѣны...

Несчастныхъ матерей звучитъ одинъ отвѣтъ:
«Терпите! Богъ великъ!..» И я съ негодованьемъ
Глядѣлъ, какъ надъ игрой расчувствовался свѣтъ—
Довольный, сытый свѣтъ... Пріятная забава—
Надъ нервною игрой поплакать пять минутъ,
Актеру прокричать восторженное «браво!..»
Здѣсь трогаетъ актеръ, а тамъ вѣдь люди мрутъ!
Вамъ драма по душѣ,—тамъ—въ каждой хатѣ драма,
Тамъ сотни страшныхъ драмъ собой покрыла ночь...
Пусть постучится въ дверь голодный къ вамъ упрямо,
Вы грошъ дадите—грошъ...
Я всталъ и вышелъ прочь.

М. Гербановскій.

КАМЕНЩИКЪ.

— Каменщикъ, каменщикъ, въ фартукѣ бѣломъ!
Что ты тамъ строишь? Кому?
— Эй не мѣшай намъ, мы заняты дѣломъ,
Строимъ мы, строимъ тюрьму.

— Каменщикъ, каменщикъ, съ вѣрной лопатой,
Кто же въ ней будетъ рыдать?
— Вѣрно, не ты и не твой братъ, богатый:
Незачѣмъ вамъ воровать.

— Каменщикъ, каменщикъ, долгія ночи
Кто жъ проведетъ въ ней безъ сна?
— Можетъ быть, сынъ мой, такой же рабочій:
Тѣмъ наша доля полна.

— Каменщикъ, каменщикъ, вспомнитъ, пожалуй,
Тѣхъ онъ, кто несъ кирпичи!
— Эй, берегись! подъ лѣсами не балуй...
Знаемъ все сами, молчи!

Валерій Брюсовъ.

ТКАЧИ.

Изъ Г. Гейне.

Глаза ихъ сухіе не блещутъ слезами;
Сидятъ у станковъ и скрежещутъ зубами:
«Германія, саванъ тебѣ мы соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

«Проклятіе богу, предъ кѣмъ мы съ мольбой
Склонялися въ голодъ и холодъ зимой!
Напрасно мы ждали, надежды полны:
Онъ насъ обманулъ, одурачены мы.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

«Проклятье ему, королю всѣхъ счастливыхъ!
Не жаль ему насъ, бѣдняковъ терпѣливыхъ,
Послѣдній онъ грошъ отнимаетъ у насъ;
«Стрѣлять по собакамъ!»—онъ отдалъ приказъ!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!

«Проклятье тебѣ, о нашъ край лицемѣрный,
Гдѣ царствуетъ стыдъ и позоръ безпримѣрный,
Гдѣ вянетъ безъ свѣта цвѣтокъ полевой,
Гдѣ кормится тлѣньемъ червякъ гробовой!
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!»

Челнокъ снуетъ, станокъ гремитъ,
И день, и ночь, все ткачъ сидитъ:

«Мы старой Германіи саванъ соткемъ,
Въ него мы тройное проклятье вплетемъ.
Мы ткемъ, неустанно мы ткемъ!»

N. N.

Артистъ Е. А. Недѣлинъ.

СТРѢЛОЧНИКЪ.

(Отрывокъ).

Степанъ исправно третій годъ
На мѣстѣ въ Серпуховѣ служитъ.
Онъ стрѣлочникъ, живетъ, не тужитъ,
И службу легкую несетъ.
Дѣвчурка выросла; все счастье,
Отрада жизни—въ ней. Ненастья
Давно прошли, насталъ покой,
Одна забота—дочка Катя.
Она ужъ ходитъ, день-деньской
Лепечетъ, кличетъ: «мама, тятя.»
Отецъ души не частъ въ ней.
Тепло. Во всемъ разгарѣ лѣто,
Кругомъ все зеленью одѣто,
И мягкимъ золотомъ полей.
Степанъ на стрѣлкѣ; онъ дежуритъ,
Онъ то пройдется, то покуритъ,
То въ будкѣ сядетъ, то зѣвнетъ.—
Тоска... А, вотъ свиститъ машина.

Онъ—къ стрѣлкѣ, влѣво отведетъ
И направляетъ исполина
На новый путь. Взовьется паръ,
Минута—и ужъ онъ промчался,
Какъ сонъ тревожный, какъ кошмаръ.
Завадскій снова принимался
Бродить по шпаламъ въ сотый разъ.
— «Теперь не скоро, ровно въ часъ
Курьерка съ Тулы; къ ней товарка
Навстрѣчу... Время бы поѣсть.
Что жъ Маша,—долго ли принесть
Картошки?.. Какъ на солнцѣ жарко.
Къ дождю, должно... А, вотъ идетъ!
Ведетъ и Катеньку голубку.
Вишь, какъ за материну юбку
Схватилась, думаетъ—уйдетъ.»
Пошло веселье, ласки, шутки.
Семья усѣлась возлѣ будки
Картошки ѣсть...—«Ну, мнѣ пора,—
Сказалъ отецъ.—Оставь Катюшку;
Смѣнюсь—мы вмѣстѣ до двора
Придемъ. Катюшка, хошь игрушку?»
— «Ей время спать.»—«А что жъ, уснетъ,
Я въ будкѣ уложу, укрою.
Здѣсь тепло. Больно мнѣ съ тобою
Пріятственно! Пусть мама идетъ,
А ты останешься... травка, птички..»
— «Боюсь, на рельсы съ непривычки
Залѣзетъ... Ты не подпущай.»—
— «Ну вотъ! Подъ тятькиной поддевкой
Тепло, укрой себя съ головкой
Да спи.» И мать ушла: «прощай.»
— «Не хочу спать!»—«Усни, касатка,
Ты слышь, свиститъ? Сейчасъ пойдетъ.»
Пошелъ на стрѣлку, сталъ и ждетъ,
И такъ ему тепло и сладко...
Грохочетъ поѣздъ, дымъ и громъ
Все ближе, ближѐ... Ставъ лицомъ
Туда, откуда поѣздъ мчится,
Онъ ждетъ, не отрывая глазъ.
Въ умѣ одна лишь мысль вертится:

— «Товарку влѣво на запасъ.—
Пройдетъ курьеръ—назадъ товарный...
Чудно, кажинный разъ боюсь.
Вѣдь знаю, что не ошибусь,
А на запасѣ путь не парный—
И боязно...
Другой свистокъ—
Направо тульскій. Недалекъ
И этотъ, мчится ходко, шибко...
Курьеръ обгонитъ хоть кого.»
Взглянулъ онъ вправо, и улыбка
Застыла на устахъ его.
На рельсахъ Катя... «Катя, дочка!..
Ко мнѣ, сюда, съ дороги... прочь!..»
Ужъ онъ не въ силахъ ей помочь.
Ея платокъ, ея сорочка
Мелькаютъ у него въ глазахъ...
Неизъяснимый, жгучій страхъ
Сковалъ его... Куда?.. Налѣво?..
Туда?.. Столкнутся поѣзда...
Вотъ поѣздъ, вотъ онъ, вотъ онъ, эво...
На дочь?.. Направо... что?.. куда?..»
Свистъ, грохотъ... свѣтъ въ глазахъ затмился,
А онъ безъ памяти, безъ силъ
Рычагъ всѣмъ тѣломъ надавилъ,
И поѣздъ гладко прокатился
Направо, прямо на нее...
На дочь!.. Онъ самъ дитя свое
Убилъ, того не сознавая...
Курьеръ съ товарнымъ разошлись
И, клубы дыма разсѣвая,
Своей дорогой понеслись.
Степанъ—какъ вкопанный. Блуждаютъ
Глаза его, кругомъ туманъ...
Что было?.. что?.. Сонъ, бредъ, обманъ?..
Взаправду?.. Онъ не понимаетъ...
Пронесся поѣздъ въ дымной мглѣ,
Подъ нимъ, придавленный къ землѣ
Лежалъ ребенокъ... «Катя, Катя!..»
Глядитъ—она жива... встаетъ...
Она бѣжитъ, кричитъ, зоветъ,

Поднявши ручки: «тятя, тятя!..»
Онъ къ ней... Нѣтъ силъ, его шатаетъ...
Какъ дубъ, подсѣченный грозой,
Онъ рухнулъ наземь... онъ рыдаетъ,
Смѣется онъ, онъ самъ не свой.

. . . . . .

Передъ отцомъ въ испугѣ Катя,
Понять не можетъ, что же съ нимъ?
— «Нельзя ревѣть такимъ большимъ!
Да кто жъ тебя обидѣлъ, тятя?»

А. Федотовъ.

* * *

Милый другъ,—я знаю, я глубоко знаю,
Что безсиленъ стихъ мой, блѣдный и больной:
Отъ его безсилья часто я страдаю,
Часто тайно плачу въ тишинѣ ночной...
Нѣтъ на свѣтѣ мукъ сильнѣе муки слова:
Тщетно съ устъ порой безумный рвется крикъ,
Тщетно душу сжечь любовь порой готова:
Холоденъ и жалокъ нищій нашъ языкъ!..
Радуга цвѣтовъ, разлитая въ природѣ,
Звуки стройной пѣсни, стихшей на струнахъ,
Боль за идеалъ и слезы о свободѣ,—
Какъ ихъ передать въ обыденныхъ словахъ?
Какъ безбрежный міръ, исполненный тревогъ,
Жизненно набросить робкими штрихами
И вмѣстить въ размѣры тѣсныхъ этихъ строкъ?..
Но молчать, когда вокругъ звучатъ рыданья
И когда такъ жадно рвешься ихъ унять,—
Подъ грозой борьбы и передъ лицомъ страданья—
Братъ, я не хочу, я не могу молчать!..
Пусть я, какъ боецъ, цѣпей не разбиваю,
Какъ пророкъ, во мглу не проливаю свѣтъ:
Я ушелъ въ толпу, и вмѣстѣ съ ней страдаю,
И даю, что въ силахъ—отликъ и привѣтъ!..

С. Я. Надсонъ.

ПОЛИШИНЕЛЬ.

Мѣсяцъ блѣдными лучами
Мнѣ нашептываетъ сказку;
Вѣетъ прелестью печальной
На завязку и развязку.
Эта сказка дышитъ былью,
Эта быль полна слезами,
Эти слезы вдохновляютъ
И сближаютъ съ небесами.
— Рѣчь идетъ,—такъ шепчетъ мѣсяцъ:—
О простомъ полишинелѣ;
О душѣ его прекрасной,
Заключенной въ бренномъ тѣлѣ.
Онъ смѣшонъ. Его движенья
Не обдуманы заранѣ,
Но лишь выйдетъ—и какъ-будто
Просвѣтлѣетъ въ балаганѣ.
Огласятся звонкимъ смѣхомъ
Кресла, стулья и скамейки,
Чуть посыплются остроты
Ядовитыя, какъ змѣйки.
Но, паяцъ не по призванію.
Не такой онъ жаждалъ славы...
Несмотря на то, что точно
Такъ и созданъ для забавы,
Несмотря на то, что съ дѣтства,
Привыкая къ этой роли,
Представлялъ полишинеля
Для товарищей по школѣ...
Но, горбатый и невзрачный,
Не обиженъ онъ судьбою,—
Надѣленъ проникновенной
И возвышенной душою.
Кто, какъ онъ, отзывчивъ сердцемъ?
Кто разсудкомъ столь же гибокъ
И владѣетъ такъ же чудно
Тайной смѣха и улыбокъ?
Чуждый низменныхъ разсчетовъ,
Презирая въ жизни блестки,

Любитъ онъ свое искусство;
Любитъ онъ свои подмостки.
Будь лишь онъ стройнѣе станомъ,
Обладай лицомъ красивымъ,
На столичной лучшей сценѣ
Сталъ бы трагикомъ любимымъ.
Но, увы! мечты о славномъ,
Героическомъ удѣлѣ,
На бѣду, родятся въ хиломъ
И смѣшномъ полишинелѣ!
И чѣмъ больше полонъ скорби
Обликъ рѣзкій, обликъ хмурый,
Тѣмъ разительнѣе сходство
Съ расписной каррикатурой,
Тѣмъ звучнѣе въ шумномъ залѣ
Хохотъ слѣва, хохотъ справа.
Тѣмъ восторженнѣе крики:
— «Пульчинелла, браво, браво!»
Лучшій другъ полишинеля—
Молодая Коломбина...
Но, конечно, выйти замужъ
Предпочла за Арлекина.
Что же дѣлать? Согласитесь,
Было въ шуткой слишкомъ злою,
Если въ то, что безобразно,
Сочеталось съ красотою.
Но когда полишинелю
Слишкомъ больно, слишкомъ трудно
Оттого, что полюбилъ онъ
Горячо и безразсудно,—
Въ тѣ мгновенья только голосъ
Миловидной Коломбины
Воскрешалъ его улыбки,
Разгонялъ его морщины.
И сама она такъ грустно
Говорила съ нимъ вначалѣ,—
Но съ годами понемногу
Измѣнила и печали;
Снова стала шаловлива
Снова стала дѣлать глазки
И манить его къ восторгамъ

Женской нѣги, женской ласки.
— «Ваши мысли, ваши тайны
Въ томныхъ взорахъ отразились;
Я отлично разгадала,—
Сознавайтесь: вы влюбились?»
Такъ шутила Коломбина,
И, въ отвѣтъ на эти шутки,
Онъ смѣялся и, конечно;
Сыпалъ градомъ прибаутки.
— «Я влюбленъ! Моя богиня,
Хохотунья—королевна.
Я въ любви ей объясняюсь
На подмосткахъ ежедневно,
И въ любви моей несчастной
Даже черпаю усладу,
Если публика довольна
И хохочетъ до упаду!..»
— «Нѣтъ, меня вы полюбили!..»
Коломбина перебила
И прибавила задорно:
—»Это мило, очень мило!»
Улыбается плутовка.
Бьетъ въ ладоши; глазки щуритъ...
Только съ тѣмъ, кто равнодушенъ,
Такъ спокойно балагурятъ!
А межъ тѣмъ полишинелю
Отъ намековъ этихъ жутко:
Коломбина угадала.
Но любовь его—не шутка.
Полюбивъ душою чистой,
Онъ скрываетъ это чувство;
Любитъ тайно, какъ святое
Вдохновенное искусство.
Даже въ день, когда плясунья
Съ Арлекиномъ обвѣнчалась
На лицѣ полишинеля
Ничего не отражалось.
Онъ смѣшилъ и самъ смѣялся,
Сыпалъ острыми словами,—
А потомъ всю ночь проплакалъ
Неутѣшными слезами.

Но назадъ тому съ недѣлю,
Какъ скончалось Коломбина,
Онъ не плакалъ. Замѣнялъ онъ
На подмосткахъ Арлекина.
Арлекинъ—вдовецъ печальный
Онъ нуждается въ покоѣ.—
Но зато полишинелю
Веселить пришлося вдвое:
И, со смертью въ сердцѣ скорбномъ,
Онъ плясалъ и кувыркался...
Даже ламповщикъ угрюмый
За кулисами смѣялся.
Но, когда замолкли крики,
Улеглись аплодисменты,
Онъ сорвалъ съ себя поспѣшно
Мишуру и позументы,
И тайкомъ изъ балагана,
Позабывъ о снѣ и пищѣ,
Вышелъ за городъ шумливый
На безмолвное кладбище.
Тамъ, надъ прахомъ Коломбины,
Отцвѣтали пышно розы,
Лепески свои роняя
На могилу, точно слезы.
И вокругъ все было тихо,
Все какъ будто притаилось,
Только ночь въ сіяньи звѣздномъ
За усопшую молилась.
И паяцъ на холмъ дерновый
Сѣлъ и вспомнилъ Коломбину...
Какъ хорошъ онъ этой позѣ,—
Хоть пиши съ него картину!
На груди скрестивши руки,
Устремивши къ небу взоры,
Что онъ ищетъ тамъ? очами
Съ кѣмъ ведетъ онъ разговоры?
Онъ и самъ о томъ не знаетъ.
Изваянію подобный,
Онъ умомъ и сердцемъ замеръ,
Точно памятникъ надгробный...
Если бъ зрители случайно,

Въ это скорбное мгновенье,
Посмотрѣли на такое
Небывалое видѣнье,—
То-то всѣ бы хохотали,
Любовались слѣва, справа,
И кричали надрываясь:
— «Пульчинелла, браво, браво!»

К. И. Льдовъ.

АНЧАРЪ.

Древо яда.

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноемъ раскаленной,
Анчаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.
Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей,
И корни ядомъ напоила.
Ядъ каплетъ сквозь его кору,
Къ полудню растопясь отъ зною,
И застываетъ ввечеру
Густой, прозрачною смолою.
Къ нему и птица не летитъ
И тигръ нейдетъ; лишь вихорь черный
На древо смерти набѣжитъ—
И мчится прочь уже тлетворный.
И если туча ороситъ,
Блуждая, листъ его дремучій,
Съ его вѣтвей ужъ ядовитъ
Стекаетъ дождь въ песокъ горючій.
Но человѣка человѣкъ
Послалъ къ Анчару властнымъ взглядомъ.
И тотъ послушно въ путь потекъ
И къ утру возвратился съ ядомъ;
Принесъ онъ смертную смолу

Да вѣтвь съ увядшими листами—
И потъ по блѣдному челу
Струился хладными ручьями;
Принесъ—и ослабѣлъ, и легъ
Подъ сводомъ шалаша, на лыки,—
И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
Непобѣдимаго владыки.
А царь тѣмъ ядомъ напиталъ
Свои послушливыя стрѣлы,
И съ ними гибель разослалъ
Къ сосѣдямъ въ чуждые предѣлы.

А. С. Пушкинъ.

* * *

Потомство узнаетъ, потомство услышитъ
Всѣ ваши неправды,—всю нашу печаль.
Оно заклеймитъ васъ, оно васъ запишетъ
Въ кровавую славы скрижаль!
Оно изумится тому, какъ жестоки
И холодны были людскія сердца,
Какъ нагло толпою побиты пророки,
Задушены пѣсни пѣвца!
. . . . . .
И юность правдивая, вспыхнувши грозно,
Отвагой святой закипитъ:
— «Зачѣмъ, о зачѣмъ родились мы такъ поздно
Для мщенія страшныхъ обидъ?»
Падетъ безошибочно мечъ приговора—
Тираны въ гробахъ затрепещутъ своихъ!
Поставятъ къ столбу роковому позора
Въ тотъ день не тирановъ однихъ,
Но также и васъ, малодушные братья,
Которые мимо распятыхъ идутъ—
И громкаго, страстнаго слова проклятья
Позору въ лицо не швырнутъ!

П. Я

Артистъ Я. В. Орловъ.

ОРЕЛЪ И ЗМѢЯ.

На горахъ, подъ мятелями,
Гдѣ лишь ели однѣ вѣчно зелены,
Сѣлъ орелъ на скалу въ тѣнь подъ елями
И глядитъ: изъ разсѣлины
Выползаетъ змѣя, извивается,
И на темномъ гранитѣ змѣиная
Чешуя серебромъ отливается.
У орла гордый взглядъ загорается:—
Заиграло, знать, сердце орлиное...
—«Высоко, ты, змѣя, забираешься!—
Молвилъ онъ:—будешь плакать, раскаешься».
Но змѣя ему кротко отвѣтила:
— «Изъ подъ камня горючаго
Я давно тебя въ небѣ замѣтила
И тебя полюбила, могучаго...

Не пугай меня злыми угрозами,
Нѣтъ! бери меня въ когти желѣзные,
Познакомь меня съ темными грозами,
Иль умчи меня въ сферы надзвѣздныя».—
Засвѣтились глазки змѣинные
Тихимъ пламенемъ, по змѣиному,
Распахнулися крылья орлиныя,—
Онъ прижалъ ее къ сердцу орлиному,
Полетѣлъ съ ней въ пространство холодное,
Туча грозная съ нимъ повстрѣчалася:
Изгибаясь, змѣя подколодная
Подъ крыло его робко прижалася.
Съ бурей борются крылья орлиныя...
Близко молнія гдѣ-то ударила...
Онъ сквозь громъ слышитъ рѣчи змѣиныя...
Вдругъ—
Змѣя его въ сердце ужалила.
И въ очахъ у орла помутилася,
Онъ отъ боли упалъ какъ подстрѣленный,
А змѣя уползла и сокрылася
Въ глубинѣ, подъ гранитной разсѣлиной.

Я. П. Полонскій.

* * *

Наше поколѣнье юности не знаетъ,
Юность стала сказкой миновавшихъ лѣтъ;
Рано въ наши годы дума отравляетъ
Первыхъ силъ размахъ и первыхъ чувствъ расцвѣтъ.
Кто изъ насъ любилъ, весь міръ позабывая?
Кто не отрекался отъ своихъ боговъ?
Кто не падалъ духомъ, рабски унывая?
Не бросалъ щита передъ лицомъ враговъ?
Чуть не съ колыбели сердцемъ мы дряхлѣемъ:
Насъ томитъ безвѣрье, насъ томитъ тоска...
Даже пожелать мы страстно не умѣемъ,
Даже ненавидимъ мы исподтишка!..

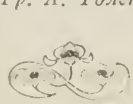
О, проклятье сну, убившему въ насъ силы!..
Воздуха, простора, пламенныхъ рѣчей,—
Чтобы жить для жизни, а не для могилы,—
Всѣмъ біеньемъ нервовъ, всѣмъ огнемъ страстей!
О, проклятье стонамъ рабскаго безсилья!
Мертвыхъ дней унынья послѣ не вернуть!
Загоритесь, взоры, развернитесь, крылья,
Закипи порывомъ, трепетная грудь!
Дружно за работу, на борьбу съ порокомъ,
Сердце съ братскимъ сердцемъ и съ рукой рука:
Пусть никто не можетъ вымолвить съ упрекомъ,
— «Для чего я не жилъ въ прошлые вѣка!..»

С. Я. Надсонъ.

МОЛИТВА.

Она предъ иконой стояла святою:
Скрестилися руки, уста шевелились,
Изъ глазъ ея слезы одна за другою
По блѣднымъ щекамъ жемчугами катились.
Она повторяла все чье-то названье,
И взоръ озарялся молитвеннымъ свѣтомъ,
И было такъ много любви и страданья,
Такъ мало надежды въ моленіи этомъ!
Она преклонилась и долго лежала,
Прильнувъ головою къ землѣ безотвѣтной,
Какъ будто въ томленьи нѣмомъ ожидала,
Что голосъ надъ нею раздастся привѣтный.
Но было все тихо въ молчаніи ночи,
Лампада мерцала во мракѣ тревожномъ,
И скорбно смотрѣли Спасители очи
На ту, что съ моленьемъ пришла невозможнымъ.

Гр. А. Голенищевъ-Кутузовъ.



БОЛЬНОЙ.

(Б. Н. Орленеву).

Вы говорите, докторъ, я здоровъ,
А между тѣмъ роднымъ моимъ сказали,
Что боленъ я и чтобъ безъ дальнихъ словъ
Они меня въ больницу отправляли!..
Ахъ, докторъ, докторъ! Право, вы... чудакъ!..
И одного понять не можете никакъ,
Что для меня болѣзнь моя—отрада:
Здоровья жъ вашего и даромъ мнѣ не надо,
Того здоровія, которымъ вы больны.
Мои слова вамъ кажутся смѣшны?
А между тѣмъ, ей Богу, подъ сомнѣньемъ,
Кого сажать полезнѣй въ желтый домъ:
Меня иль тѣхъ, кто съ дикимъ озлобленьемъ
Бѣснуется кругомъ!..
Судите сами: всѣмъ твердилъ я безъ изъятья,
Что надо жить, какъ намъ Господь велѣлъ,
Что всѣ несчастные, всѣ сирые—намъ братья.
Что ихъ судьбу я бъ облегчить хотѣлъ.
Богатыхъ звалъ я съ бѣдными дѣлиться,
Я говорилъ, что нашъ священный долгъ
Для блага ближняго работать и трудиться.
И что жъ? Какой же вышелъ толкъ?
Толкъ? Никакого... Да съ! Подобными рѣчами
Одинъ эффектъ я произвелъ:
Всѣ отходили прочь, слегка пожавъ плечами
И говорили вслухъ: «да онъ съ ума сошелъ!»
Я видѣлъ дѣвушку... прекрасная, святая,
Чистѣйшей красоты чистѣйшій образецъ!
Казалось мнѣ, что на землю изъ рая
На утѣшенье намъ послалъ ее Творецъ.
Порывы свѣтлыхъ думъ, возвышенныя чувства,
Умъ, сердце, красота—все было въ ней... Она
Любила музыку, поэзію, искусства,
Но, по несчастію, была бѣдна...
И торгъ, постыдный торгъ свершился. За мильоны
Развратникъ старый молодость купилъ.
Напрасны были и жалобы и стоны:

Звонъ золота всѣ крики заглушилъ;
И я рыдалъ... рыдалъ кровавыми слезами!
Вѣдь человѣкъ, поймите жъ, погибалъ
И, жертву обхвативъ нечистыми руками,
Богъ нашихъ дней, маммонъ торжествовалъ.
А вы твердили мнѣ, какъ будто бы въ участьи:
— «О чемъ вы плачете? Вѣдь дѣвушка была
Совсѣмъ бѣдна, нуждалася и счастье
Въ такомъ замужествѣ, навѣрное, нашла:
Чиновный старый мужъ, богатство, экипажи,
Пріемы, выѣзды, всегда роскошный столъ...
И добавляли тихо:—«глупо даже
Ее жалѣть... Нѣтъ, онъ съ ума сошелъ!»
Изъ грязи пошлости, изъ мелкаго разврата
Я вытащилъ ее... Свое ей имя далъ;
Любилъ какъ божество возвышенно и свято,
Обманщицу считалъ за свѣтлый идеалъ;
А между тѣмъ она безстыдно, безпощадно
Лгала во всемъ, а я не видѣлъ ничего.
Но горькій часъ насталъ; съ тоскою безотрадной
Я вспоминаю часъ позора своего.
Какъ былъ я оскорбленъ! Какъ глубоко униженъ
Когда, войдя, увидѣлъ, что она,
Моя законная любимая жена,—
И мой начальникъ... А!.. Стоялъ я неподвиженъ...
Казалось мнѣ, земля разверглась предо мной!
О, это свыше силъ!.. Все въ мигъ погибло: вѣра,
Любовь, надежда!.. Все!.. Съ такою красотой—
Испорченность такая безъ примѣра!..
Я чуть не задушилъ ее за эту ложь!..
А мнѣ пріятели твердятъ кружкомъ согласнымъ:
— «Ты не воспользовался случаемъ прекраснымъ:
Жена начальнику понравилась; такъ что жъ?
Вѣдь это, милый другъ, блестящая карьера!
Да развѣ не было подобнаго примѣра?!
А онъ исторію скандальную завелъ!..
Дуракъ!.. Дуракъ!.. Да ты съ ума сошелъ!..»
Такихъ безумствъ я дѣлалъ очень много...
Недаромъ же меня безумнымъ назвалъ свѣтъ.
Да, докторъ, правы вы! Конечно, судя строго,
Мнѣ, сумасшедшему, здѣсь больше мѣста нѣтъ!

Я въ желтый домъ пойду... Съ условною моралью
И безусловной подлостью смѣшать
Могли вы умъ! Ну, что же, исполать!
Прикрывъ безнравственность приличія вуалью,
Вы будете считать здоровыми себя,
И, соболѣзнуя о сумасшедшемъ другѣ,
Жать, нѣжась, руки, искренно скорбя,
Его «несчастной», «брошенной» супругѣ!..

. . . . . .

Вы говорите, докторъ, я здоровъ,
А между тѣмъ роднымъ моимъ сказали,
Что боленъ я и чтобъ безъ дальнихъ словъ
Они меня въ больницу отправляли?!
Да я и самъ пойду... Но долженъ лишь сказать
Всѣмъ подлецамъ грядущимъ и прошедшимъ,
Что предпочту остаться сумасшедшимъ,
Чѣмъ здравымъ смысломъ вашимъ обладать!..

Б. Мазуркевичъ.

ПРОѢЗЖАЙТЕ!...

Что вы смотрите такъ подозрительно
На заплаты одежды моей?
Или прихоть пришла—снисходительно
Бросить мнѣ пару мѣдныхъ грошей?
Вы сегодня добры удивительно—
Благодаренъ вамъ отъ души,
Только знайте:
Не помогутъ мнѣ ваши гроши...
Проѣзжайте!..
Было время,—съ какою охотою
Надъ работой я грудь надрывалъ!..
Я боролся съ нуждой да заботою,
Но не могъ устоять... и упалъ!..
А теперь ничего я не дѣлаю,
Что добуду—тащу все въ кабакъ...

Ну, да, что же? Я пьяница, нищій...
И такъ...
Проѣзжайте!
Было время,—рукою несмѣлою
Я стучался у вашихъ дверей;
Да, я съ матерью жилъ престарѣлою
И съ несчастной сестрою моей;
А теперь я къ вамъ шагу не сдѣлаю—
Миновала невзгоды пора:
Знайте—
Мать умерла... а сестра...
Проѣзжайте!

Богдановъ.

СБѢЖАВШАЯ БОЛЬНАЯ.

Стонетъ, мечется малютка,—
Душно ей, въ подушкахъ жарко...
Вьются тѣни надъ свѣтильней
Догорѣвшаго огарка.
Мама спитъ и, со слезою
На глазу, не замѣчаетъ,
Какъ въ окошко синимъ блескомъ
Ночь таинственно мерцаетъ.
Какъ ея больная дочка
Привстаетъ,—глядитъ,—не знаетъ,
Ночь ли ей въ окно мигаетъ
Или дерево киваетъ?
Вотъ она съ своей постельки
Поднялась—и черезъ сѣни
Пробирается украдкой
Въ сумракъ сада легче тѣни...
Жаръ, знобитъ... она чуть дышитъ...
Губки сухи,—ножки босы,—
До локтей висятъ густыя
Растрепавшіяся косы...

Вотъ она цѣлуетъ розу,—
Вотъ, впивая запахъ тонкій,
Жадно ловитъ вѣтвь сирени
Ослабѣвшею рученкой...
И ей кажется, растенья
Ей лепечутъ: «Ты земною
Красотой налюбовалась—
И простись, простись съ землею!..»
И, закинувши головку,
Вверхъ глядитъ она нѣмая...
Видитъ: по небу дорожка
Пролегаетъ золотая...
И плывутъ по той дорожкѣ
Звѣзды съ ясными очами,
И мигаютъ ей, и машутъ
Золотыми вѣерами...
И ей кажется; тѣ звѣзды
Ей лепечутъ: «Ты земною
Красотой налюбовалась—
И простись, простись съ землею,
Къ намъ!..» И звѣзды улыбнулись
И она имъ улыбнулась.
И лучисто-золотая
Къ ней дорожка протянулась.
И бѣжитъ, бѣжитъ малютка
Къ тѣмъ звѣздамъ по той дорожкѣ
И не чувствуетъ, какъ стынутъ
Подкосившіяся ножки...
И ужъ врядъ ли скажетъ людямъ,
Гдѣ,—куда ушла...
Не дышитъ
И,—какъ мама ищетъ, кличетъ,
Какъ кричитъ надъ ней, не слышитъ.

Я. П. Полонскій.

Артистъ В. П. Павленковъ.

ОТОЙДИ ОТЪ МЕНЯ САТАНА.

На горѣ первозданной стояли Они
И надъ Ними, бездонны и сини,
Поднялись небосводы пустыни,
А подъ Ними земля—вся въ туманѣ, въ тѣни.
И Одинъ былъ блистательнѣй неба:
Благодать изливалась изъ кроткихъ очей
И сіялъ надъ главою вѣнецъ изъ лучей,
А другой былъ мрачнѣе эреба:
Изъ глубокихъ зеницъ вылетали огни;
На челѣ его злоба пылала
И подъ нимъ вся гора трепетала.
И Мессіи сказалъ сатана: «Раввуни!
Отъ заката свѣтилъ до востока,
Землю всю, во мгновеніе ока,
Покажу я Тебѣ...» И десницу простеръ...
Прояснилася даль... Изъ тумана
Засинѣлася зыбь океана,
Поднялися громады маститыя горъ
И земли необъятной равнина,
Вся въ свѣту и въ тѣни, подъ небеснымъ шатромъ,

Разостлалася круглымъ, цвѣтистымъ ковромъ.
Каменистая степь... Палестина...
Вотъ сѣдой Араратъ; вотъ угрюмый Синай;
Почернѣлые кедры Ливана;
Серебристая нить Іордана;
И десницей карающей выжженный край,
И возлюбленный градъ Саваоѳа:
Здѣсь Сіонъ въ тощей зелени маслинъ, а тамъ
Купы низкихъ домовъ съ плоской кровлею, храмъ,
Холмъ и крестъ на немъ праздный—Голгоѳа...
Къ югу—степь безъ границъ. Перекатной волной
Ураганы песокъ поднимаютъ,
А на немъ оазисы мелькаютъ,
Какъ зеленый узоръ на парчѣ золотой.
Красной пылью одѣты, деревья
Клонятъ книзу вершины подъ гнетомъ плода;
Разбрелись табуны кобылицъ и стада
Вкругъ убогихъ наметовъ кочевья;
Смугло-дикихъ наѣздниковъ рыщутъ толпы;
Воздухъ пламенемъ въ-встрѣчу имъ пышетъ,
А по воздуху марево пишетъ
Стѣны, башни, палаты, мосты и столпы.
Мимо...

Сѣрой, гремучей змѣею,
Безконечныя кольца влача черезъ илъ,
Въ тростникахъ густолиственныхъ тянется Нилъ.
Города многочленной семьею
Улеглися на злачныхъ его берегахъ;
Блещутъ синія воды Мерида;
Пирамида, еще пирамида,
И еще, и еще,—на широкихъ стопахъ
Опершись, поднялися высóко,
Обелисковъ идетъ непрерывная цѣпь;
Полногрудые сфинксы раскинулись, въ степь
Устремляя гранитное око...
Мимо...

Индъ и Гангесъ, среброводной четой,
Катятъ волны въ далекое море;
Вѣковые лѣса на просторѣ
Разрослися вездѣ непроглядной стѣной;
Мелкой сѣтью заткали ліаны

Всѣ просвѣты съ верхушекъ деревъ до корней;
Попугаи порхаютъ; съ тяжелыхъ вѣтвей
Съ визгомъ прыгаютъ внизъ обезьяны;
Полосатую матку тигренекъ сосетъ:
Птичекъ носится яркая стая;
Осторожно сучки раздвигая,
Слонъ тяжелою поступью мѣрно бредетъ;
На коврахъ изъ цвѣтовъ и изъ ягодъ
Змѣи нѣжатся, свившись упругимъ кольцомъ,
И сквозь темную зелень зубчатымъ вѣнцомъ
Выдвигаются куполы пагодъ.
Подъ нависшимъ ихъ сводомъ, во мракѣ, блеститъ
Въ драгоцѣнныхъ каменьяхъ божница;
Безобразныя идоловъ лица
Лучъ священной лампады слегка золотитъ;
Предъ богами жрецы-изувѣры,
Преклоняясь во прахъ, благовонія жгутъ
И, въ неистовой пляскѣ кружася, поютъ
Свой молитвенный гимнъ баядеры.
Мимо...
Сѣверъ... Теряясь съ безвѣстной дали,
Разметались широко поляны!
Смурой шапкой нависли туманы
Надъ челомъ побѣлѣлымъ холодной земли.
Нечѣмъ тѣшить пытливые взоры:
Снѣгъ да снѣгъ, все одинъ, вѣчно-дѣвственный снѣгъ,
Да узоры лиловые скованныхъ рѣкъ,
Да сосновые темные боры.
Сѣверъ спитъ: усыпилъ его крѣпкій морозъ,
Уложила сѣдая подруга,
Убаюкала буйная вьюга...
Не проснется во вѣкъ задремавшій колоссъ,
Или къ небу отчизны морозной
Приподниметъ главу, отягченную сномъ,
Зорко глянетъ очами во мракѣ ночномъ
И воспрянетъ громадою грозной!
Онъ воспрянетъ и, долгій нарушивши миръ,
Глыбы снѣга свои вѣковыя
И оковы свои ледяныя

Съ мощныхъ плечъ отряхнетъ на испуганный міръ!
Мимо...
Словно младая наяда,
Въ свѣтлоструйномъ хитонѣ, съ вѣнчанной главой,
Изъ подводныхъ чертоговъ, изъ бездны морской
Выплываетъ небрежно Эллада.
Прорѣзные ряды величавыхъ холмовъ,
Острова, голубые заливы,
Виноградники, спѣлыя нивы,
Сладкозвучная сѣнь кипарисныхъ лѣсовъ,
Рощей пальмовыхъ темные своды—
Созданы для любви, наслажденій и нѣгъ...
Чудесами искусствъ увѣнчалъ человѣкъ
Вѣковѣчныя дива природы:
Вдохновеннымъ напѣвамъ слѣпого пѣвца
Вторятъ струны чарующей лиры;
Въ красотѣ первобытной кумиры
Возникаютъ подъ творческимъ взмахомъ рѣзца;
Взоръ дивятъ восковыя картины
Смѣлымъ очеркомъ лицъ, сочетаньемъ цвѣтовъ;
Горделивой красой храмовъ, стѣнъ и домовъ
Спорятъ Ѳивы, Коринѳъ и Аѳины.
Мимо...
Римъ. Семихолмный, раскидистый Римъ,
Со своей нерушимой стѣною,
Со своею Тарпейской скалою,
Съ Капитоліемъ, съ пѣнистымъ Тибромъ своимъ...
Груды зданій надъ грудами зданій:
Термы, портики, кровли домовъ и палатъ,
Тріумфальныя арки, дворцы и сенатъ—
Въ коронадахъ нагихъ изваяній
И въ тройномъ ожерельѣ гранитныхъ столповъ.
Вдоль по стогнамъ всесвѣтной столицы
Скачутъ кони, гремятъ колесницы
И, блестя подвижной чешуею щитовъ,
За когортой проходитъ когорта.
Мачты стройныхъ галеръ поднялись, какъ лѣса.
И, какъ чайки, трепещутъ крыломъ паруса
На зыбяхъ отдаленнаго порта.
Форумъ стелется пестрою массой головъ;

Въ циркѣ зрителей тѣсныя группы
Обнизали крутые уступы;
Слышенъ смѣшанный говоръ и гулъ голосовъ:
Обитателей Рима арена
Созвала на позорище смертной борьбы,—
Здѣсь съ рабами сразятся другіе рабы,
Въ искупленье позорнаго плѣна;
Здѣсь боецъ-побѣдитель, слабѣя отъ ранъ,
Юной жизнью заплатитъ народу
За лавровый вѣнокъ и свободу;
Здѣсь, при радостныхъ кликахъ суровыхъ граждан
Возрощенцевъ желѣзнаго вѣка,
Подъ вестальскою ложей отворится дверь,
На арену ворвется некормленный звѣрь
И въ куски изорветъ человѣка...
Мимо...
Полной кошницею свѣжихъ цвѣтовъ,
На лазурныхъ волнахъ Тирринеи,
Поднимаются скалы Капреи.
Посредйнѣ густыхъ, благовонныхъ садовъ
Вознеслася надменно обитель—
Перлъ искусства и верхъ человѣческихъ силъ:
Словно камни расплавилъ и снова отлилъ
Въ благолѣпныя формы строитель.
Въ темныхъ нишахъ, подъ вязами лилій и розъ;
Передъ мраморнымъ входомъ въ чертоги,
На-сторожѣ—хранители-боги
И трехглавый, изъ золота вылитый песъ.
Купы миртъ и оливъ и алоэ
Водометы жемчужною пылью кропятъ...
Скоморохи въ личинахъ наполнили садъ,
Какъ собраніе статуй живое:
Подъ кустомъ отдыхаетъ сатиръ-паразитъ,
У фонтана гетэра-наяда,
И нагая плясунья-дріада
Сквозь зеленыя вѣтви лукаво глядитъ.
Вкругъ чертоговъ хвалебныя оды
Воспѣваетъ согласный, невидимый клиръ,
Призывая съ небесъ благоденственный миръ
На текущіе Кесаря годы,

Прорицая безсметье ему впереди.
И, подъ стройные клирные звуки,
Опершись на изсохшія руки,
Старецъ, въ пурпурной тогѣ съ змѣей на груди,
Среди сонма Лаисъ и Глицерій,
Задремалъ на одрѣ золотомъ... Это самъ
Сопрестольный, соравный безсмертнымъ богамъ,
Властелинъ полусвѣта—Тиверій.

—«Падши ницъ, поклонись—и отдамъ все сполна
Я тебѣ...» говоритъ искуситель.
Отвѣчаетъ Небесный Учитель;
—«Отойди, отойди отъ Меня, сатана!».

Л. А. Мей.

БОЛЬНОЙ.

Ахъ, мнѣ хотѣлось бы немножко отдохнуть!
Я такъ измучился, мнѣ въ тягость всѣ заботы,
И ждать, надѣяться—нѣтъ силъ и нѣтъ охоты:
Я слишкомъ долго жилъ, мнѣ хочется уснуть.
Вотъ видишь, я усталъ. Я жилъ еще немного,
Но слишкомъ долго жилъ: мой день длиннѣй чѣмъ
годъ.
Я столько зналъ тоски, я столько зналъ невзгодъ,
Что безконечною мнѣ кажется дорога—
Дорога прошлаго. Еще одна ступень,
Еще ступень, еще... И вотъ слабѣютъ силы,
И тѣни прошлаго мнѣ болѣе не милы,
И ночь заманчива, и ненавистенъ день...
Уснуть, навѣкъ уснуть! Какое наслажденье!
И развѣ смерть страшна? Жизнь во сто кратъ
страшнѣй.
Всего несноснѣй цѣпь минутъ, часовъ и дней.
Ужасно правды ждать и видѣть заблужденье,
И пылъ своей души безцѣльно расточать,
Жить въ неизвѣстности мучительной и странной,

И вѣчно раздражать себя мечтой обманной,
Чтобъ тотчасъ же ее съ насмѣшкой развѣнчать.
Но ты не сердишься? Я жалуюсь, тоскую...
Ну, нѣтъ, конечно, нѣтъ... Я знаю, ты добра,
О, запоздалая, о, нѣжная сестра!
Дай руку мнѣ свою... вотъ такъ... я поцѣлую,
Я буду цѣловать всѣ пальчики твои.
Ты знаешь, никогда мнѣ счастье не смѣялось,
И въ дѣтствѣ надо мной ни разу не склонялось
Родимое лицо съ улыбкою любви.
Но около тебя я полонъ чѣмъ-то новымъ,
Мнѣ кажется, что я отъ горя отдохнулъ;
Вотъ если бы еще немножко я уснулъ,
Съ постели я бы всталъ совсѣмъ-совсѣмъ здоровымъ...
А если я умру? Ты каждую весну
Вѣдь будешь приходить поплакать у могилы?
Ахъ, какъ-то странно мнѣ... Совсѣмъ теряю силы...
Послушай не сердись... Я... кажется... усну!

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Изъ В. Гюго.

Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ.
Его галеры ожидали;
Онъ былъ бѣднякъ, и былъ онъ воръ.
Недѣлю дѣти голодали,
И, нищетой удручена,
Глядѣла въ гробъ его жена;
Труды, заботы, огорченья,
Знать, не по силамъ были ей;
И поддался онъ искушенью:
Укралъ на хлѣбъ семьѣ своей.
И осужденіе безстрастно
Прочелъ ему синедріонъ;

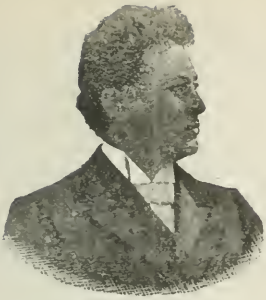
Казалось, нищетой ужасной
Никто изъ нихъ не пораженъ.
Примѣръ не новъ, да и напрасно
Жалѣть,—неумолимъ законъ!
Лишь одному людское горе
Доступно было въ этотъ мигъ,
Любовь въ одномъ свѣтилось взорѣ:
Глядѣлъ—и кротокъ, и великъ,—
Среди безмолвной тишины,
Христосъ распятый со стѣны...

А. Н. Плещеевъ.

ПРИДАНОЕ.

По городу плачъ и стенанье...
Стучитъ гробовщикъ день и ночь...
Еще бы ему не работать:
Просваталъ красавицу дочь!
Сидитъ гробовщица за крепомъ
И шьетъ—а въ глазахъ, какъ узоръ,
По черному такъ и мелькаетъ
Въ цвѣтахъ подвѣнечный уборъ.
И думаетъ: «справлю жъ невѣсту,
Одѣну ее что княжну...
Княженъ повидали мы вдоволь—
На дняхъ хоронили одну.
Все розаны были на платьѣ,
Почти подъ вѣнцомъ померла;
Такъ въ брачномъ нарядѣ и клали
Въ гробъ-то... Красотка была!
Одѣнемъ и Глашу не хуже,
А въ церкви всѣ свѣчи зажжемъ;
Подумаютъ: графская свадьба!
Ужъ въ грязь не ударимъ лицомъ!..
Мечтаетъ старушка—у двери жъ
Звонокъ за звонкомъ... «Ну, житье!
Заказовъ-то—Господи Боже!
Ну, Глаша, знать счастье твое!»

А. Н. Майковъ.



Артистъ М. Ф. Багровъ.

ПУТНИКЪ.

По бѣломраморнымъ ступенямъ
Царевна сходитъ въ тихій садъ—
Понѣжить грудь огнемъ осеннимъ,
Сквозной листвой понѣжить взглядъ.
Она аллеей къ степи сходитъ,
Съ ней эфіопскіе рабы.
И солнце острый лучъ наводитъ
На ихъ лоснящіеся лбы.
Гдѣ у границъ безводной степи,
Замкнувъ предѣлъ цвѣтовъ и влагъ,
Стоятъ столбы и дремлютъ цѣпи,—
Царевна задержала шагъ.
Лепечутъ пальмы; шумъ фонтанный
Такъ радостенъ издалека,
И вѣтеръ, весь благоуханный,
Летитъ въ пустыню съ цвѣтника.
Царевна смотритъ въ дѣтской дрожи,
Въ ея большихъ очахъ—слеза.
Красивый юноша-прохожій
Простерся тамъ, закрывъ глаза.

На немъ хитонъ простой и грубый,
У ногъ дорожная клюка.
Его запекшіяся губы
Скривила жажда и тоска.
Зоветъ царевна: «Братъ безвѣстный,
Приди ко мнѣ, сюда, сюда!
Вотъ здѣсь плоды въ корзинѣ тѣсной,
Вино и горная вода.
Я уведу тебя къ фонтанамъ,
Рабыни умастятъ тебя.
Въ своемъ покоѣ златотканномъ
Къ тебѣ я припаду, любя.»
И путникъ взоръ поднявъ неспѣшно,
Глядитъ какъ царь на дочь царя.
Она—прекрасна и безгрѣшна,
Она—какъ юная заря.
Но онъ въ отвѣтъ: «Сойди за цѣпи,
И кубокъ мнѣ сама подай!»
Закрылъ глаза бѣднякъ изъ степи...
Фонтаны бьютъ. Лепечетъ рай.
Блѣднѣетъ и дрожитъ царевна.
Лежатъ невольники у ногъ.
Она растерянно и гнѣвно
Бросаетъ кубокъ на песокъ.
Идетъ къ дворцу аллеей сада.
Съ ней эѳіопскіе рабы...
И смѣхъ чуть слышенъ за оградой,
Гдѣ степь, и цѣпи, и столбы.

Валерій Брюсовъ.

ПОСЛѢДНЕЕ СЛОВО ПОДСУДИМАГО.

Что я могу сказать?! Всѣ правы обвиненья:
Я полонъ мерзости, я общества позоръ!
Я долженъ въ каторгу идти безъ снисхожденья,--
Все это изложилъ прекрасно прокуроръ!
Пусть будетъ такъ. Но вы,—ревнители закона,
Вы, судьи! Кто изъ васъ со мною рядомъ былъ
Въ часы тѣхъ горькихъ думъ, когда я даже стона
И благодатныхъ слезъ въ душѣ не находилъ?
Когда клеветниковъ безудержныя рѣчи
Моей жены, мое топтали имя въ грязь,
А онъ, какъ подлый трусъ, со мной боялся встрѣчи,—
Въ тѣ дни тяжелые кто былъ со мной изъ васъ?
Такъ слушайте жъ моей разбитой жизни повѣсть
Внимательно, прошу, послушайте меня;—
И, можетъ быть, тогда подскажетъ ваша совѣсть,
Что... да, убійца, звѣрь, но не преступникъ я!..
Тому пять лѣтъ назадъ... Какъ это все далеко
И отодвинулось куда-то и ушло!—
Я встрѣтилъ дѣвушку, и былъ любимъ глубоко;
И въ первый разъ любилъ такъ чисто и свѣтло!
Какъ живо помню я всѣ наши разговоры
Въ саду подъ тѣнью липъ и стройныхъ тополей!
Какимъ огнемъ тогда ея сверкали взоры!..
Какъ жгли они меня во мракѣ тѣхъ ночей!..
Мы были счастливы, какъ въ небѣ вольномъ птицы,
Въ сердцахъ звучала пѣснь и Бога и любви!
Но мимо... мимо... всѣ вы, свѣтлыя страницы,
Вы раны старыя терзаете мои!
И вотъ узналъ про все отецъ властолюбивый,
Узналъ, что я его сокровище укралъ...
Я былъ не партія! Рукой нетерпѣливой,
Онъ, гнѣвомъ ослѣпленъ, на дверь мнѣ указалъ.
Покорно вышелъ я, но слышалъ за собою
Рыданья тихія:—то плакала она!..
И въ сердцѣ у меня и местью и тоскою
Отозвалась на плачъ тотъ новая струна...

И съ той поры пять лѣтъ звучала, не смолкая.
И съ болью страшною тогда лишь замерла,
Когда рука моя, стальной клинокъ сжимая,
Обидчику ударъ послѣдній нанесла...
Но продолжаю я... Съ родительскою властью
Моя красавица вступила смѣло въ бой:
Она съ надеждою горячей, и со страстью,
Онъ съ опытнымъ умомъ и черствою душой.
Онъ дѣлалъ все, что могъ! Я только что не воромъ
Былъ выставляемъ имъ въ озлобленныхъ рѣчахъ.
«Я наше счастіе куплю хотя бъ позоромъ!..»—
Твердила все она, позабывая страхъ.
Онъ билъ ее, какъ звѣрь,—но даже сквозь рыданья
Онъ вырвалъ отъ нея одинъ отвѣтъ: «палачъ!»
Меня осудятъ здѣсь! но въ небѣ оправданья
Онъ не найдетъ вовѣкъ за этотъ тихій плачъ.
Что жъ дѣлалъ я тогда? Въ груди кипѣла злоба,
Но я покорно ждалъ и разомъ все рѣшилъ:
Съ моею подругою мы въ ночь бѣжали оба.
Священникъ насъ ужъ ждалъ и бракъ благословилъ.
Я думалъ, кончено. Иная жизнь начнется;
Въ семьѣ своей, трудясь, мы тихо заживемъ;
Гроза промчалася уже, не слышенъ громъ!
Но какъ ошибся я. Всечасною враждою
Вездѣ и всюду насъ преслѣдовалъ старикъ,
Не только надо мной, надъ дочерью родною
Онъ злобно изощрялъ презрѣнный свой языкъ!
Онъ думалъ: наша жизнь, быть можетъ, разобьется,
И, если сдавитъ насъ тяжелая нужда,
Жена моя, не выдержавъ, къ нему вернется
И что захочетъ съ ней, онъ сдѣлаетъ тогда.
Вы мнѣ не вѣрите?! Противится вашъ разумъ!
Но вотъ письмо, что онъ писалъ къ женѣ моей!
То рѣчь любовника, взбѣшеннаго отказомъ,
И мстить грозящаго. Такъ къ дочери своей
Отецъ напишетъ ли? «Я вашъ покой встревожу:
На шагъ не отойду отъ васъ! Какъ призракъ злой,

Я буду мстить, я всѣ преграды уничтожу,
Но рано ль, поздно ли—ты будешь жить со мной!»
Онъ мстилъ безъ отдыха. Пришлось оставить
службу:
Сказали мнѣ: «О васъ молва не хороша!..»
Я съ той поры вошелъ съ отрадной местью въ
дружбу:
На смертный бой рвалась изнывшая душа.
Остались мы съ женой безъ крова и безъ хлѣба.
Она, страдалица, терпѣла до конца,
И съ вѣрою ждала все помощи отъ неба,
Но смерть коснулась ужъ давно ея лица...
Погасъ огонь въ очахъ, потухъ румянецъ яркій,
Чахотка близилась. Въ платкѣ я видѣлъ кровь.
Какъ горько плакалъ я, съ какой молитвой жар-
кой
Я Господа молилъ спасти мою любовь!
Но тщетно было все... И помню, на разсвѣтѣ,
Весной душистою, какъ скошенный цвѣтокъ,
Она склонилася ко мнѣ на руки эти;
Послѣдній вздохъ ея былъ грустенъ и глубокъ.
Да, умерла она! Я съ этой мыслью новой
Не скоро свыкнулся, не могъ ея понять.
Остался я одинъ... На все теперь готовый...
И что же больше могъ я въ жизни ожидать!..
Но, судьи строгіе! и даже въ это время,
Я не рѣшилъ еще—убью ли, или нѣтъ!
Въ душѣ моей тогда лишь только зрѣло сѣмя,
Что послѣ возросло въ кровавый мой обѣтъ!
Я шелъ по улицѣ оборванный, голодный...
Ненастный день стоялъ и дождикъ моросилъ...
И вдругъ передо мной въ коляскѣ новомодной
Промчался онъ, мой врагъ! Я еле отскочилъ.
Забрызганъ грязію, стоялъ я пораженный:
«Онъ счастливъ, онъ спокоенъ, онъ богатъ!
Я жъ нищій, имъ разбитый, оскорбленный,
Стою на мостовой, куску бы хлѣба радъ.
Она лежитъ въ гробу; она простить умѣла...
Но я... могу ли я и долженъ ли простить?»
Вотъ судьи, мысль моя когда созрѣла,
Вотъ, я тогда рѣшилъ его убить.

И въ ту же ночь, къ нему проникнувъ ловкимъ воромъ,
Я шелъ съ ножомъ въ рукахъ по комнатамъ нѣмымъ:
Не здѣсь ли прежде я стоялъ съ покорнымъ взоромъ,
Съ улыбкой радости предъ другомъ дорогимъ!
Одно мгновеніе себя я ненавидѣлъ
И думалъ: «все простить сѣдинамъ старика!»
Но вдругъ нечаянно его портретъ увидѣлъ—
И местью дрогнула желѣзная рука.
Вотъ спальня предо мной; раздвинувши портьеры
И сжавши крѣпче ножъ, шагнулъ я за порогъ.
Онъ тихо, сладко спалъ. Гнѣвъ возрасталъ безъ мѣры,
Кровь била въ голову, едва стоять я могъ!
Потомъ оправился и подошелъ я быстрыми шагами...
Одной рукой его я разбудилъ,
Чтобъ смерть свою онъ видѣлъ предъ глазами,
Другой взмахнулъ, и въ сердце ножъ вонзилъ!..
И умеръ онъ! И я въ тиши той страшной ночи
Глядѣлъ ему въ лицо, въ испуганные очи,
И смерти страхъ читалъ, и радовался я!
Такъ месть желанная свершилася моя!
Пускай я обвиненъ! пощады не прошу я,
О, исполняйте же скорѣе вы законъ!
Мнѣ слаще перваго отъ милой поцѣлуя
Сознаніе того, что я ужъ отомщенъ!

М. Майковъ.

ПИСЬМО.

Дышала ночь восторгомъ сладострастья...
Неясныхъ думъ и трепета полна,
Я васъ ждала съ безумной жаждой счастья,
Я васъ ждала и млѣла у окна.

Нашъ уголокъ я убрала цвѣтами,—
Къ вамъ одному неслись мечты мои,
Мгновенья мнѣ казалися часами...
Я васъ ждала; но вы... вы не пришли.

Въ окно вливался ароматъ сирени,
Въ лучахъ луны дремалъ заглохшій садъ,
Дрожа мерцали трепетныя тѣни,—
Съ надеждой въ даль я устремляла взглядъ.
Меня томилъ горячій воздухъ ночи,
Она меня, какъ поцѣлуй вашъ, жгла,
Я не могла сомкнуть въ волненьи очи,—
Но вы не шли... А я васъ такъ ждала.

Вдругъ соловей защелкалъ надъ куртиной,
Притихла ночь, въ молчаніи застывъ,
И этотъ рокотъ трели соловьиной
Будилъ въ душѣ таинственный призывъ.
Призывъ туда, гдѣ счастіе возможно
Безъ этой лжи, безъ пошлой суеты...
И поняла я сердцемъ, какъ ничтожна
Моя любовь,—дитя больной мечты.

Я поняла, что счастіе не въ ласкахъ
Грѣховныхъ сновъ съ возлюбленнымъ моимъ!
Что этотъ міръ разсѣется какъ въ сказкахъ
Завѣтныхъ чаръ завороженный дымъ...
Что есть другое, высшее блаженство—
Имъ эта ночь таинственно полна—
Въ немъ чистота, отрада, совершенство,
Въ немъ утѣшенье, миръ и тишина.

Мнѣ эта ночь навѣяла сомнѣнье...
И, вся въ слезахъ, задумалася я.
И вотъ теперь скажу безъ сожалѣнья:
«Я не для васъ, а вы не для меня!»
Любовь сильна не страстью поцѣлуя!—
Другой любви вы дать мнѣ не могли...
О, какъ же васъ теперь благодарю я
За то, что вы на зовъ мой не пришли!

В. Мазуркевичъ.

ЧИНАРА.

Средь горнаго шумящаго потока,
На мшистомъ камнѣ, надъ волной студеной,
Накинувши на плечи плащъ зеленый,
Чинара поднялась высоко.
Чуть шелестя дрожащею листвою,
Она стояла думою объята.
Глядѣла въ даль, гдѣ алый лучъ заката
Сливался съ моря синевою.
Ее плѣняла эта даль нѣмая,
Влекла къ себѣ чарующей загадкой...
А здѣсь подъ ней то громко, то украдкой,
Шумѣлъ потокъ, не умолкая...
То напѣвалъ онъ сладостныя грезы,
То рвался, полный страсти и тревоги,
И съ дикимъ воплемъ цѣловалъ ей ноги...
И брызги сыпались, какъ слезы...
Онъ говорилъ ей плача и тоскуя:
— «Отдайся мнѣ! О! сжалься надо мною!
Въ волшебный край могучею волною
Тебя въ объятьяхъ унесу я!
Взгляни кругомъ: здѣсь такъ бѣдна природа,
Громадой высятся угрюмой горы...
Ты здѣсь раба,—а тамъ все манитъ взоры,
Тамъ жизнь, раздолье и свобода!»—
Смѣлѣй все выше обнимали волны
Чинары станъ. Бороться силъ не стало:
Она качнулась тихо и упала
Въ потокъ, безумной страстью полный...
Какъ дикій хищникъ, онъ неумолимо
Въ объятьяхъ сжалъ Чинару молодую
И, по стремнинамъ пѣняясь и ликуя,
Помчался съ ней неудержимо.
Но на пути, не доведя до цѣли,
Ее онъ бросилъ на берегъ песчаный
И скрылся тамъ, гдѣ западъ гасъ багряный,
Гдѣ волны синія шумѣли.

В. Л. Величко.

Артистъ И. А. Поповъ.

ТИШЕ, ТИШЕ.

Тише, тише совлекайте съ древнихъ идоловъ одежды,
Слишкомъ долго мы молились: не забудьте прошлый свѣтъ.
У развѣнчанныхъ великихъ какъ и прежде горды вѣжды,
И слагатель вѣщихъ пѣсенъ былъ поэтъ и есть поэтъ.
Побѣдитель благородный съ побѣжденнымъ будетъ равенъ,
Съ нимъ заносчивъ только низкій, съ нимъ жестокъ одинъ дикарь.
Будь въ раскатѣ бранныхъ кликовъ ясновзоренъ, хладнокровенъ,
И тогда тебѣ скажу я, что въ тебѣ мудрецъ и царь.
Дѣти Солнца, не забудьте голосъ меркнущаго брата,

Я люблю въ васъ ваше утро, вашу смѣлость и мечты,
Но и къ вамъ придетъ мгновенье охлажденья и заката,—
Въ первый мигъ и въ мигъ послѣдній будьте, будьте какъ цвѣты.
Расцвѣтайте, отцвѣтайте многоцвѣтно, полновластно,
Раскрывайте все богатство вашихъ скрытыхъ юныхъ силъ.
Но въ расцвѣтѣ не забудьте, что и смерть, какъ жизнь, прекрасна,
И что царственно величье холодѣющихъ могилъ.

К. Д. Бальмонтъ.

СОНЪ.

Давненько не бывалъ я въ сторонѣ родной...
Но не нашелъ я въ ней замѣтной перемѣны.
Все тотъ же мертвенный безсмысленный застой,
Строенія безъ крышъ, разрушенныя стѣны,
И та же грязь, и вонь, и бѣдность, и тоска!
И тотъ же рабскій взглядъ, то дерзкій, то унылый...
Народъ нашъ вольнымъ сталъ; и вольная рука
Виситъ, по прежнему, какой-то плеткой хилой.
Все, все по прежнему... И только лишь въ одномъ
Европу, Азію, весь свѣтъ мы перегнали...
Нѣтъ! никогда еще такимъ ужаснымъ сномъ
Мои любезныя соотчичи не спали!
Все спитъ кругомъ: вездѣ, въ деревняхъ, въ городахъ,
Въ телѣгахъ, на саняхъ, днемъ, ночью, сидя, стоя...
Купецъ, чиновникъ спитъ; спитъ сторожъ на часахъ
Подъ снѣжнымъ холодомъ—и на припекѣ зноя!
И подсудимый спитъ—и дрыхнетъ судія;
Мертво спятъ мужики: жнутъ, пашутъ—спятъ: молотятъ—

Спятъ тоже; спитъ отецъ, спитъ мать, спитъ вся
семья...
Всѣ спятъ! Спитъ тотъ, кто бьетъ, и тотъ, кого
колотятъ!
Одинъ царевъ кабакъ—тотъ не смыкаетъ глазъ...
И, штофъ съ очищенной всей пятерней сжимая,
Лбомъ въ полюсъ упершись, а пятками въ Кав-
казъ,
Спитъ непробуднымъ сномъ отчизна, Русь святая.

И. С. Тургеневъ.

ТРІУМФАТОРЪ.

Рукоплещетъ толпа восхищенная,
Рукоплещетъ вся площадь кругомъ,
И гетера, виномъ опьяненная,
И сенаторъ съ обрюзгшимъ лицомъ.

Плавно мѣдные шлемы колышутся,
Кони пляшутъ, храпятъ и дрожатъ,
И далеко по улицѣ слышится
Тяжкій шагъ загорѣлыхъ солдатъ.

Гулъ растетъ... Показалися плѣнные...
Вотъ и царь молодой въ кандалахъ...
Улыбаются губы надменныя,
И спокойствіе въ ясныхъ очахъ...

Предъ дружиной, въ бояхъ посѣдѣлою,
Онъ идетъ въ кандалахъ,—но царемъ...
Гордымъ шагомъ, съ улыбкою смѣлою,
Словно лавры и пурпуръ на немъ.

И, привставъ въ колесницѣ сверкающей,
Поблѣднѣвъ подъ лавровымъ вѣнкомъ,
Тріумфаторъ сквозь ревъ оглушающій
Безпокойно слѣдитъ за царемъ.

И горитъ онъ ревнивою думою,
Что не онъ тріумфаторъ, не онъ,
А тотъ царь, что съ дружиной угрюмою
Къ мѣсту казни идетъ какъ на тронъ!..

А. Н. Будищевъ.

ВѢТЕРЪ.

По полямъ и рощамъ, шелестя травою,
Пробѣгаетъ вѣтеръ легкою волною.
То въ густыхъ вершинахъ тихо онъ застонетъ,
То, къ землѣ сгибая, спѣлый колосъ клонитъ.
То подыметъ вихремъ листья надъ землею
И несетъ и кружитъ рѣзвою толпою.
Подлетѣлъ онъ къ вѣткѣ молодой березы;
Въ листьяхъ не обсохли утреннія слезы,
Видно въ каждой почкѣ нѣгу и истому—
Какъ не погулять тутъ вѣтру удалому!
Шепчетъ ей онъ тихо, листьями играя:
«Полюби скитальца, вѣтка молодая.
«Долженъ я скитаться надъ сырой землею.
«Нѣтъ мнѣ ни отрады, нѣтъ мнѣ и покою.
«Погляди мнѣ въ очи съ необычной лаской.
«Я тебя потѣшу заунывной сказкой,
«Я къ тебѣ склонюся буйной головою,
«И обвѣю нѣжно отъ жары и зною.
«Пригоню къ тебѣ я птичекъ разныхъ стаю.
«Полюби скитальца, вѣтка молодая!»
И въ тревогѣ тайной отъ нежданной встрѣчи
Слушаетъ малютка ласковыя рѣчи,
Листьями на солнцѣ ласково играетъ,
Сладко ей и больно,—почему не знаетъ,
Сладко ей склониться предъ безвѣстной властью.
А красавецъ вѣтеръ такъ и дышетъ страстью,
Льнетъ, цѣлуя нѣжно, ближе и смѣлѣе,
Словно нѣтъ на свѣтѣ никого милѣе.
Дунулъ онъ порывомъ, будто съ ней играя,
Дунулъ—и сломаласъ вѣтка молодая.
Листьями поблекла, листья пожелтѣли,
Отъ дорожной пыли почки потускнѣли,
На землю скатились утреннія слезы:
Нѣтъ, ужъ не родятся въ ней былыя грезы!..
Посмотрѣлъ на вѣтку вѣтеръ съ тихимъ смѣхомъ;
Много ль въ ней осталось играмъ и потѣхамъ?
И порхнулъ онъ снова по полямъ и чащамъ,

Отъ росы хрустальной юнымъ и блестящимъ.
То въ густыхъ вершинахъ смѣло забушуетъ,
То младыя вѣтки ласково цѣлуетъ,
И твердитъ, небрежно листьями играя:
«Полюби скитальца, вѣтка молодая!»

А. Турскій.

ЛЮДСКІЕ ВЗДОХИ.

Въ глубокую полночь, какъ люди всѣ спятъ,
И свѣтлыя звѣзды на землю глядятъ,

И мѣсяцъ высокій, дробясь серебромъ,
Въ поляхъ застилаетъ коверъ за ковромъ,

И тѣни въ громадныхъ размѣрахъ своихъ
Лежатъ, повалившись однѣ на другихъ;

Когда въ неподвижно-сверкающій лѣсъ
Спускаются росы съ высокихъ небесъ,

И бѣлыя тучи по небу плывутъ,
И горныя кручи въ туманахъ встаютъ—

Легки и воздушны въ сіяньи лучей
На игры слетаются вздохи людей.

И въ образахъ легкихъ, свѣтясь красотой,
Безплотно рожденные свѣтомъ и тьмой,

Они вереницей, незримо для насъ,
Нашъ міръ облетаютъ въ полуночный часъ.

Съ душистыхъ сиреней, съ ясминыхъ кустовъ,
Съ безсоннаго ока, могильныхъ крестовъ,

Съ горящаго сномъ молодого лица,
Съ остынувшихъ щекъ старика мертвеца,

Со слезъ, ускользающихъ въ лунномъ свѣту,—
Они собираютъ лучи на лету;

Собравши,—вѣнцы золотые плетутъ,
По спящему міру тревожно снуютъ,

И гибнутъ подъ утро, при первыхъ лучахъ,
Съ вѣнцами на ликахъ, съ мольбой на устахъ.

К. К. Случевскій.

ДУМА.

Печально я гляжу на наше поколѣнье!
Его грядущее—иль пусто, иль темно;
Межъ тѣмъ, подъ бременемъ познанья и сомнѣнья,
Въ бездѣйствіи состарится оно.
Богаты мы, едва изъ колыбели,
Ошибками отцовъ и позднимъ ихъ умомъ,
И жизнь ужъ насъ томитъ, какъ ровный путь безъ цѣли,
Какъ пиръ на праздникѣ чужомъ.
Къ добру и злу постыдно равнодушны,
Въ началѣ поприща мы вянемъ безъ борьбы,
Передъ опасностью позорно-малодушны
И передъ властію презрѣнные рабы.
Такъ тощій плодъ, до времени созрѣлый,
Ни вкуса нашего не радуя, ни глазъ,
Виситъ между цвѣтовъ, пришлецъ осиротѣлый,
И часъ ихъ красоты—его паденья часъ!

Мы изсушили умъ наукою безплодной,
Тая завистливо отъ ближнихъ и друзей
Надежды лучшія и голосъ благородный
Невѣріемъ осмѣянныхъ страстей.
Едва касались мы до чаши наслажденья,
Но юныхъ силъ мы тѣмъ не сберегли;
Изъ каждой радости, бояся пресыщенья,
Мы лучшій сокъ навѣки извлекли.

Мечты поэзіи, созданія искусства
Восторгомъ сладостнымъ нашъ умъ не шевелятъ,
Мы жадно бережемъ въ груди остатокъ чувства—
Зарытый скупостью и безполезный кладъ.
И ненавидимъ мы, и любимъ мы случайно,
Ничѣмъ не жертвуя ни злобѣ ни любви,
И царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ тайный,
Когда огонь кипитъ въ крови.
И предковъ скучны намъ роскошныя забавы,
Ихъ добросовѣстный, ребяческій развратъ;
И къ гробу мы спѣшимъ безъ счастья и безъ славы;
Глядя насмѣшливо назадъ.

Толпой угрюмою и скоро позабытой
Надъ міромъ мы пройдемъ безъ шума и слѣда,
Не бросивши вѣкамъ ни мысли плодовитой,
Ни геніемъ начатаго труда.
И прахъ нашъ съ строгостью судьи и гражданина,
Потомокъ оскорбитъ презрительнымъ стихомъ,
Насмѣшкой горькою обманутаго сына
Надъ промотавшимся отцомъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

ПОЗДНЕЕ МЩЕНІЕ.

Она не можетъ спать... Назойливая, злая
Тоска ее грызетъ. Пылаетъ голова,
И душитъ мракъ ее и давитъ тишь ночная...
Знакомый голосъ, ей по сердцу ударяя,
Лепечетъ страшныя, безумныя слова:
— «Когда, потупивъ взоръ, походкою усталой
Сегодня тихо шла за гробомъ ты моимъ,
Ты думала, что все межъ нами миновало...
Но въ комнату твою вошелъ я, какъ бывало,
И снова мы съ тобой о прошломъ говоримъ.

Ты помнишь, сколько разъ ты вѣрность мнѣ су-
лила,
А я тебя молилъ о правдѣ лишь одной.
Но ложью ты мнѣ жизнь какъ ядомъ отравила...
Всѣ тайны прошлаго сказала мнѣ могила,—
И вся душа твоя открыта предо мной.
Я все тебѣ прощалъ: обманы, оскорбленья,
Я только для тебя хотѣлъ дышать и жить—
Ты предала меня врагамъ безъ сожалѣнья...
И вотъ теперь она пришла, минута мщенья,
Теперь я силенъ тѣмъ, что не могу простить.
Я силенъ потому, что трупъ не шевельнется,
Не запылаетъ взоръ отъ блеска красоты,
Что сердце, полное тобою, ужъ не бьется,
Что въ мой свинцовый гробъ твой голосъ не
ворвется,
Что нѣтъ въ немъ воздуха, которымъ дышишь ты!
Я буду мстить тебѣ. Когда, вернувшись съ бала,
Ты, сбросивъ свой нарядъ, останешься одна,
Въ невольномъ забытьи задремлешь ты сначала,
Но въ комнату твою войду я, какъ бывало,
И ночь твоя пройдетъ тревожно и безъ сна.
И все, забытое среди дневного гула,
Тогда припомнишь ты: и день тотъ роковой,
Когда безжалостно меня ты обманула,
И тотъ, когда меня такъ грубо оттолкнула,
И тотъ, когда такъ зло смѣялась надо мной!
Я мщу тебѣ за то, что жилъ я пресмыкаясь,
Въ безвыходной тоскѣ дары небесъ губя,
За то, что я погибъ, словамъ твоимъ ввѣряясь.
За то, что, чуя смерть и съ жизнью разставаясь,
Я проклялъ эту жизнь и душу и тебя!..»

А. Н. Апухтинъ.

Артистъ А. А. Мурскій.

* * *

...И крики оргіи, и гимны ликованья
Въ сіяньи праздничномъ торжественныхъ огней—
А рядомъ—жгучій стонъ мятежнаго страданья...
И кровь пролитая, и рѣзкій звонъ цѣпей,
Разнузданный развратъ, увѣнчанный цвѣтами—
И трудъ поруганный... Смѣющійся глупецъ
И плачущій въ тиши незримыми слезами,
Затерянный въ толпѣ, непонятый мудрецъ!..
И это значитъ жить?.. И это—перлъ творенья,
Разумный человѣкъ?.. Но въ пошлой суетѣ
И въ пестрой смѣнѣ лицъ—ни мысли, ни значенія,
Какъ въ лихорадочномъ и безобразномъ снѣ...
Но эта жизнь томитъ, какъ склепъ томитъ живого,
Какъ роковой недугъ, гнетущій умъ и грудь,
Въ часы безсонницы томитъ и жжетъ больного—
И некуда бѣжать... и некогда вздохнуть!
Порой прекрасный сонъ мнѣ снится; предо мною
Привольно стелется нѣмая даль полей,
И зыблются хлѣба, и дремлетъ надъ рѣкою
Тѣнистый садъ въ цвѣтахъ и въ золотѣ лучей...

Родная глушь, маня таинственно и внятно,
Зоветъ меня прійти въ объятія свои,
И все, что потерялъ я въ жизни невозвратно,
Вновь обѣщаетъ мнѣ для счастья и любви.
Но не тому сложить трудящіяся руки
И дать бездѣйствовать тревожному уму,
Кто понялъ, что борьба, проклятія и муки—
Не бредъ безумныхъ книгъ, не грезятся ему.
Какъ жалкій трусъ, я жизнь не пряталъ за обманы
И не рядилъ ее въ поддѣльные цвѣты,
Но безбоязненно въ зіяющія раны,
Какъ врачъ и другъ, вложилъ пытливые персты;
Огнемъ и пыткою правдиваго сомнѣнья
Я все провѣрилъ въ ней, боясь себѣ солгать,—
И нѣту для меня покоя и забвенья,
И вѣчно буду я бороться и страдать...

С. Я. Надсонъ.

ПУСТАЯ ЦЕРКОВЬ.

Вечерня отошла, послѣдній возгласъ клира
Замолкъ подъ сводами, волнуется народъ,
Молитва кончена, и снова голосъ міра
Въ растворенную дверь дѣтей своихъ зоветъ.
Покорная ему, спѣшитъ толпа густая...
Тѣ къ отдыху, домой, а тѣ—къ ночнымъ трудамъ.
Кто набожно крестясь, кто нищихъ одѣляя,
Народъ расходится, пустѣетъ Божій храмъ.
Пустѣетъ... только тамъ старушка у иконы
Да дряхлый инвалидъ остался одни,
И тѣ, спѣша уйти, послѣдніе поклоны
Творятъ размашисто; вотъ вышли и они.
За ними вслѣдъ прошелъ священникъ торопливо,
И звукъ его шаговъ, на каменномъ полу,
Замолкъ на паперти, и сторожъ молчаливый
Лампады потушилъ и тихо сѣлъ въ углу.
Послѣдній солнца лучъ, въ окошко проникая,
Скользитъ и движется по стѣнамъ и столбамъ,

И лики темныя, какъ будто оживая,
Глядятъ таинственно, являясь тутъ и тамъ.
Порой блеснетъ окладъ, мелькнетъ рѣзная рама,
Иль сцены библіей завѣщанныхъ картинъ;
Кругомъ и полумракъ и тишь пустого храма...
Вотъ сторожъ задремалъ. Теперь я здѣсь одинъ.
Одинъ... нѣтъ, не одинъ... Мнѣ слышится рыданье:
Здѣсь горе и печаль, здѣсь люди быть должны;
Еще здѣсь кто-то ждалъ, тая въ груди страданье,
Уединенія, безлюдья, тишины.
Ищу, кто бъ это былъ? Чье горе, укрываясь,
Пришло наединѣ излиться предъ Творцомъ?
Вотъ группа... женщина, слезами заливаясь,
Съ малютками-дѣтьми склонилась предъ крестомъ.
Невидимъ за столбомъ, я вижу ихъ свободно.
Бѣдняжка думаетъ, что здѣсь она одна.
И, предъ Распятіемъ припавъ къ плитѣ холодной,
Рыдаетъ, жаркою мольбой поглощена,
Какъ будто хочетъ все, весь гнетъ сердечной боли,
Въ ней вылить изъ души разстерзанной своей.
Малютки—старшему девятый годъ, не болѣ—
Сробѣли бѣдные и плачутъ вмѣстѣ съ ней.
Сынишка, къ матери припавъ и обнимая,
— «Не плачь, мамашенька,—ей нѣжно говорилъ:
Скажи мнѣ, кто тебя обидѣть могъ, родная?
Скажи, я заступлюсь, Господь пошлетъ мнѣ
силъ...»
И гнѣвомъ и мольбой горятъ его глазенки.
И судорожно сжатъ безвредный кулачекъ;
А рядомъ дѣвочка, сложивъ свои рученки,
Глядитъ сквозь слезъ на мать, и дѣтскій голосокъ
Лепечетъ: «Господи! Утѣшь ее, мамашу,
Я буду умница, не стану я грѣшить,
Тебѣ вѣдь можно все,—верни скорѣй папашу,
Чтобы не плакать намъ, и въ черномъ не ходить.»
И группу скорбную какъ будто осѣняя,
Воздвиглося надъ ней Распятье въ высотѣ;
И, къ плачущимъ съ него объятья простирая,
Склонился праведникъ, распятый на крестѣ;
Забывъ о собственномъ страданіи суровомъ,
Покрытый язвами и кровію облитъ,

Склонилъ Онъ блѣдный ликъ въ вѣнкѣ Своемъ терновомъ,
И, полный благости, съ любовію глядитъ.
Случайно освѣщенъ въ тотъ мигъ лучемъ заката,
Онъ, мнится, говоритъ имъ взглядомъ кроткихъ глазъ:
— «Идите всѣ ко мнѣ, кого гнететъ утрата,
Ко мнѣ, скорбящіе, я успокою васъ!»

М. П. Розенейме.

СВОБОДНОЕ СЛОВО.

Ты—чудо изъ божьихъ чудесъ,
Ты мысли свѣтильникъ и пламя,
Ты лучъ намъ на землю съ небесъ,
Ты намъ человѣчества знамя.
Ты гонишь невѣжества ложь,
Ты вѣчною жизнію ново.
Ты къ свѣту, ты къ правдѣ ведешь,
Свободное слово!

Лишь духу власть духа дана,
Въ животной же силѣ нѣтъ прока:
Для истины—гибель она,
Спасенье для лжи и порока;
Враждуетъ ли съ ложью—равно
Живитъ его жизнію новой...
Неправдѣ опасно одно—
Свободное слово!

Отрады властямъ никогда
Ни зижди на рабствѣ народа!
Гдѣ рабство, тамъ бунтъ и бѣда;
Защита отъ бунта—свобода.
Рабъ въ бунтѣ опаснѣй звѣрей,—
На ножъ онъ мѣняетъ оковы...
Оружье свободныхъ людей—
Свободное слово!

О, слово, даръ Бога святой!..
Кто слово, даръ божескій, свяжетъ,
Тотъ путь человѣку иной—
Пусть рабства преступный укажетъ.
На казни, на вредную рѣчь
Въ тебѣ жъ исцѣленье готово,
О, духа единственный мечъ,
Свободное слово!

К. С. Аксаковъ.

КУКЛА.

Изъ Вл. Сырокомли.

Не плачь, моя кукла, не будь своенравной:
Умненько сиди, не мотай головой!
Послушай—о чемъ говорили недавно
Папа и мамаша со мной.
Мнѣ къ празднику платье сошьютъ—заглядѣнье!
Я къ этому времени буду ужъ знать
Молитвы французскія: мы въ воскресенье
Поѣдемъ къ обѣднѣ опять.
А наши крестьяне—вотъ будутъ дивиться
И, слыша молитву, качать головой!
Вѣдь мнѣ неприлично по-польски молиться,
Какъ будто мужичкѣ простой.
Но тихо—по польски просить буду Бога,
Чтобъ мнѣ хорошѣть и расти поскорѣй,
Чтобъ далъ онъ папашѣ такъ много, такъ много
И бѣлыхъ и желтыхъ грошей!..
Ужъ какъ же папаша мой любитъ монеты!
И служитъ молебны, и въ церковь даритъ,
— «Господь,—говоритъ онъ:—заплатитъ за это;
И больше въ сто разъ возвратитъ.»—
Такъ вотъ онъ и молитъ усердно у Бога,
И Богъ ему больше и больше даетъ,
И скоро накопится денегъ такъ много,
Что потеряемъ и счетъ.

Ахъ, кукла! какая ты, право, смѣшная!
Ты думаешь: Богъ къ намъ появится Самъ,
Иль спустится съ деньгами ангелъ изъ рая
И деньги отдастъ эти намъ?
Нѣтъ,—явится жидъ въ длиннополомъ кафтанѣ,
И будетъ онъ деньги папашѣ носить;
За деньги мы купимъ крестьянъ, а крестьяне
Намъ будутъ и жать, и косить.
Ты знаешь ли, кто мы? Мы паны, я панна,
А это—холопы, рабочій народъ!
Самъ Богъ имъ велѣлъ, чтобъ они постоянно
Трудились для насъ,—для господъ.
Фи, какъ они грубы, нечисты и пьяны.
Въ дырявыхъ сермягахъ, всегда безъ
сапогъ...
Да кто жъ виноватъ въ томъ! Не слушаютъ пана;
За то и караетъ ихъ Богъ.
Папа любитъ лошадь, мамаша—собачку.
Холоповъ же всякій ругаетъ и бьетъ.
Хоть жаль, а нельзя же давать имъ потачку:
Такой ужъ упрямый народъ.
Вчера вотъ: папа отдыхалъ въ кабинетѣ,
Они же—ну, право, ихъ мало бранятъ!—
Вошли, натоптали слѣдовъ на паркетѣ...
— «Ѣсть нечего, баринъ!»—кричатъ.
За то были выгнаны вонъ и прибиты...
Ну, право, когда я начну управлять,—
Пока эти люди не будутъ всѣ сыты,
До тѣхъ поръ не лягу я спать!
Уснешь ли спокойно, когда тутъ толпится
Голодный народъ у окна, у воротъ?
Пожалуй, какой-нибудь нищій приснится
И въ сумкѣ съ собой унесетъ...
А пуще боюсь, чтобы Боженька съ неба
Не зналъ, какъ мы злы съ бѣдняками...
Попросимъ же, кукла, здоровья и хлѣба
Холопамъ, и папѣ, и мамѣ!

С.

ЮВЕНАЛЪ О ДРЕВНЕМЪ РИМѢ.

Наше сердце огрубѣло,
И, къ свободѣ не привыкъ,
А кощунствуетъ онъ смѣло,
Лживый, рабскій нашъ языкъ!
Мы смиренны,—Богъ свидѣтель!
Скученъ подвигъ, скученъ грѣхъ...
Трусость—наша добродѣтель,
Наша мудрость—жалкій смѣхъ.

Но, смѣясь надъ цѣлымъ міромъ,
Только сильныхъ міра чтимъ,
Передъ мерзостнымъ кумиромъ,
На колѣняхъ мы стоимъ.
Мы—послушны, мы—незлобны,
Что же нѣтъ награды намъ?
Наши праздники подобны
Погребальнымъ торжествамъ.

Не хотимъ или не смѣемъ?
Почему такъ скучно жить?
Или, мертвые, умѣемъ
Только мертвыхъ хоронить?
Кто былъ счастливъ, кто былъ молодъ?
Гдѣ веселье? гдѣ любовь?
Вѣчный мракъ и вѣчный холодъ...
Влага Леты—наша кровь!..

Братьевъ гибнущихъ не видимъ,
Сами гибнемъ безъ борьбы,
Мы другъ друга ненавидимъ
И боимся, какъ рабы.
Предъ такимъ позорнымъ вѣкомъ
И среди такихъ людей—
Стыдно быть мнѣ человѣкомъ,
Сыномъ родины моей!

Д. С. Мережковскій.

ХОЛОДНО... ГОЛОДНО!..

Холодно... голодно!...
Мрачно въ лачугѣ...
Сильнымъ порывомъ
Бушующей вьюги
Вышибло въ рамѣ окно.
Въ уголъ прижавшись,
Тамъ женщина хилая
Нѣжно ласкаетъ дитя.
«Холодно, мамочка,
«Холодно, милая,
«Мама! Согрѣй же меня!»
Грѣетъ несчастная мать,
Полумертвая, грѣетъ
Дыханьемъ своимъ,
Спроситъ тревожно: «тепло?»
И подумаетъ: «жизнь ты постылая,
Смерть бы скорѣй принесло...
Холодно... голодно...
Мысли мѣшаются
Взоръ все безумнѣй глядитъ,
Въ шею ребенка вдругъ
Руки впиваются...
«Мамочка! Мама, пусти!»
«Спи, ненаглядный мой,—
Мать усмѣхается,—
Лучше тамъ. Къ Богу иди!»...
Холодно... голодно!
Вѣтеръ избенку,
На бокъ склоняя, ломалъ,
Къ мертвому нѣжно
Прижавшись ребенку,
Матери трупъ остывалъ...

N. N.

Артистъ Е. А. Лепковскій.

КАЗИМІРЪ ВЕЛИКІЙ.

(Посв. памяти А. Ф. Гильфердинга.

I.

Въ расписныхъ саняхъ, ковромъ покрытыхъ,
Нараспашку, въ буркѣ боевой,
Казиміръ, круль польскій, мчится въ Краковъ
Съ молодой веселою женой.
Къ ночи онъ домой спѣшитъ съ охоты;
Позвонки бренчатъ на хомутахъ;
Впереди, на всему скаку, не видно,
Кто трубитъ, вздымая снѣжный прахъ.
Позади въ саняхъ несется свита...
Ясный мѣсяцъ выглянулъ едва...
Изъ саней торчатъ собачьи морды,
Свѣсилась оленья голова...
Казиміръ на пиръ спѣшитъ съ охоты:
Въ новомъ замкѣ ждутъ его давно
Воеводы, шляхта, краковянки,
Музыка, и танцы, и вино.

Но не въ духѣ круль: насупилъ брови,
На морозѣ дышитъ горячо.
Королева съ ласкою склонилась
На его могучее плечо.
— «Что съ тобою, государь мой? другъ мой?
У тебя такой сердитый видъ...
Или ты охотой недоволенъ?
Или мною?.. на меня сердитъ?..»
— «Хороши мы!—молвилъ онъ съ досадой:—
Хороши мы! Голодаетъ край,
Хлопы мрутъ,—а мы и не слыхали,
Что у насъ въ краю неурожай!..
Погляди-ка, ѣдетъ ли за нами
Тотъ гусляръ, что встрѣтили мы тамъ?..
Пусть-ка онъ споетъ магнатамъ нашимъ
То, что спьяна пѣлъ онъ лѣсникамъ»...
Мчатся кони, рѣзче раздается
Звукъ роговъ и топотъ,—и встаетъ
Надъ заснувшимъ Краковомъ зубчатой
Башни тѣнь, съ огнями у воротъ.

II.

Въ замкѣ свѣтятъ фонари и лампы.
Музыка и пиръ горой.
Казиміръ сидитъ въ полукафтаньѣ,
Подпираетъ бороду рукой.
Борода впередъ выходитъ клиномъ,
Волосы подстрижены въ кружокъ;
Передъ нимъ съ виномъ стоитъ на блюдѣ
Въ золотой оправѣ турій рогъ;
Позади,—въ чешуйчатыхъ кольчугахъ,
Стражниковъ колеблющійся строй.
Надъ его бровями дума бродитъ,
Точно тѣнь отъ тучи грозовой.
Утомилась пляской королева,
Дышитъ зноемъ молодая грудь,
Пышутъ щеки, свѣтится улыбка...
—«Государь мой, веселѣе будь!..
Гусляра вели позвать, покуда
Гости не успѣли задремать...»

И къ гостямъ идетъ она, и гости
— «Гусляра,—кричатъ:—скорѣй позвать!»

III.

Стихли трубы, бубны и цимбалы;
И, венгерскимъ жажду утоля,
Чинно сѣли подъ столбами залы
Воеводы, гости короля.
А у ногъ хозяйки-королевы,
Не на табуретахъ и скамьяхъ,
На ступенькахъ трона сѣли панны
Съ розовой усмѣшкой на устахъ.
Ждутъ—и вотъ на праздникъ королевскій
Сквозь толпу идетъ, какъ на базаръ,
Въ сѣрой свиткѣ, въ обувиременной,
Изъ народа вызванный гусляръ.
Отъ него надворной вѣетъ стужей,
Искры снѣга таютъ въ волосахъ,
И, какъ тѣнь, лежитъ румянецъ сизый
На его обвѣтренныхъ щекахъ.
Низко передъ царственной четою
Преклонясь косматой головой,
На ремняхъ повиснувшія гусли
Поддержалъ онъ лѣвою рукой,
Правую подобострастно къ сердцу
Онъ прижалъ, отдавъ поклонъ гостямъ.
— «Начинай!»—И дрогнувшіе пальцы
Звонко пробѣжали по струнамъ.
Подмигнулъ король своей супругѣ,
Гости брови подняли; гусляръ
Затянулъ про славные походы
На сосѣдей, нѣмцевъ и татаръ...
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,
Крики: «Vivat!» огласили залъ,—
Только круль махнулъ рукой, нахмурясь;
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
— «Пой другую!»—И, потупивъ очи,
Прославлять сталъ молодой пѣвецъ
Молодость и чары королевы,
И любовь—щедротъ ея вѣнецъ.
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни,

Крики: «Vivat!» огласили залъ,—
Только круль сердито сдвинулъ брови:
Дескать, пѣсни эти я слыхалъ!
— «Каждый шляхтичъ—молвилъ онъ:—поетъ ихъ
На ухо возлюбленной своей.
Спой мнѣ пѣсню ту, что пѣлъ ты въ хатѣ
Лѣсника,—та будетъ поновѣй...
Да не бойся!» Но гусляръ, какъ будто
Къ пыткѣ присужденный, поблѣднѣлъ...
И, какъ плѣнникъ, дико озираясь,
Заунывнымъ голосомъ запѣлъ:
— «Ой вы, хлопы, ой вы, божьи люди!
Не враги трубятъ въ побѣдный рогъ,
По пустымъ полямъ шагаетъ голодъ,
И кого не встрѣтитъ—валитъ съ ногъ.
Продаетъ за пудъ муки корову,
Продаетъ послѣдняго конька!
Ой, не плачь, родная, по ребенкѣ!
Грудь твоя давно безъ молока.
Ой, не плачь ты, хлопецъ, по дѣвчинѣ!
По веснѣ, авось, помрешь и ты...
Ужъ растутъ, должно быть, къ урожаю,
На кладбищахъ новые кресты,
Ужъ на хлѣбъ, должно быть, къ урожаю,
Цѣны, что ни день, растутъ, растутъ...
Только паны потираютъ руки—
Выгодно свой хлѣбецъ продаютъ...»
Не успѣлъ онъ кончить этой пѣсни:
— «Правда ли?»—вдругъ вскрикнулъ Казиміръ
И присталъ, и въ гнѣвѣ, весь багровый,
Озираетъ онѣмѣвшій пиръ.
Поднялись, дрожатъ, блѣднѣютъ гости.
— «Что же вы не славите пѣвца?
Божья правда шла съ нимъ изъ народа
И дошла до нашего лица.
Завтра же, въ подрывъ корысти вашей,
Я мои амбары отопру...
Вы... лжецы! глядите: я, король вашъ,
Кланяюсь за правду гусляру...»
И, пѣвцу поклонъ отвѣсивъ, вышелъ
Казиміръ—и пиръ его притихъ...

— «Хлопскій круль!»—въ сѣняхъ бормочутъ паны...
— «Хлопскій круль!»—лепечутъ жены ихъ.
Онѣмѣлъ гусляръ, поникъ, не слышитъ
Ни угрозъ, ни ропота кругомъ...
Гнѣвъ Великаго великъ былъ, страшенъ—
И отраденъ, какъ въ засуху громъ!

Я. П. Полонскій.

ЦАРИЦА МАРЬЯ ДОЛГОРУКАЯ.

Повѣнчали. Весь свадебный чинъ соблюдая, какъ встарь,
Самодержецъ Руси, ея первый и памятный царь,
Отпустивъ поѣзжанъ, одаривъ ихъ богато казной,
Удалился въ сѣнникъ ночевать съ молодою женой,
На пухову постель, съ кадью, полной пшена въ головахъ,
Среди воткнутыхъ стрѣлъ, съ сорока соболями въ углахъ.
Тишина во дворцѣ, тишина и повсюду извнѣ.
Съ обнаженною саблей конюшій на царскомъ конѣ
Объѣзжаетъ дворецъ, смотритъ,—нѣтъ ли измѣны какой.
Спитъ Малюта въ сѣняхъ, охраняючи царскій покой!
Вдругъ раздался ударъ—отскочила и хлопнула дверь.
Какъ хозяинъ крутой, иль сорвавшійся бѣшеный звѣрь,
Вышелъ Грозный. На немъ сверхъ рубахи кафтанъ.
Онъ, шатаяся, шелъ, хотя былъ и здоровъ и не пьянъ.
На столѣ стоялъ кубокъ съ виномъ; царь глотнулъ—
И ногою Малюту, какъ пса, онъ со злобой толкнулъ.
Тотъ вскочилъ, ошалѣвъ, и съ хмѣльною еще головой

Взоръ вперилъ на царя: онъ привыкъ уже къ
ласкѣ такой.
—«Отправляйся сейчасъ на конюшенный дворъ
и вели,
«Чтобы пару лихихъ, самыхъ буйныхъ коней за-
прягли
«Въ колымагу, въ которой я ѣхалъ сегодня къ
вѣнцу;
«Но ее подавать чтобъ не смѣли сюда, ко дворцу.
«А поставь ее тамъ, за оврагъ, по дорогѣ къ
пруду—
«И держать тѣхъ коней подъ уздцы, пока я не
приду.
«Самыхъ буйныхъ, смотри! Коль не сдержатъ,
такъ я не стерплю,
«Ротозѣевъ дрянныхъ головами свиней накормлю!»
Для царицы Руси, для супруги царя молодой
День расплаты пришелъ за порывъ для ней ро-
ковой.
Страшный часъ наступилъ, и никто ужъ не могъ
ей помочь,
И ждала ее смерть въ ея первую брачную ночь!
Вмѣсто мужней любви, вмѣсто сладостныхъ брач-
ныхъ утѣхъ
Страшной казнью пришлось искупить ей свой дѣ-
вичій грѣхъ.
На полу, босикомъ, лишь въ сорочкѣ вѣнчальной
одной,
Съ разметавшейся вдоль ея плечъ темнорусой
косой,
Закрывая рукой свои чудныя очи, она
И дрожала и билась, смятенья и страха полна.
Не какъ мужъ,—а судья, полный страшныхъ кро-
вавыхъ угрозъ,
Царь стоялъ передъ ней и чинилъ ей свой власт-
ный допросъ.
Страшенъ былъ тотъ допросъ—испугалась ца-
рица-жена,
И съ рыданьемъ царю разсказала всю правду она.
Разсвѣло. На дорогѣ предъ царскимъ дворцовымъ
прудомъ

Пару дикихъ коней, въ колымагу впряженныхъ съ трудомъ,
Рой опричниковъ рослыхъ въ смятеньи великомъ держалъ.
Кони бились,—одинъ, словно пойманный звѣрь весь дрожалъ.
Хорошо былъ извѣстенъ тотъ прудъ: сотни сгубленныхъ тѣлъ
Послѣ дьявольскихъ мукъ, находили въ немъ смертный удѣлъ!
Въ немъ отборная рыба была, и жирна и вкусна.
И частенько Ивану къ столу подавалась она.
Изъ дворца вышелъ царь, злобой ярой и местью палимъ,
Страшный посохъ въ рукахъ, хищный взглядъ, волчья поступь... За нимъ
Молодую царицу подъ ручки двѣ мамы вели.
И съ трудомъ она шла, образокъ прижимая къ груди,
Въ полномъ брачномъ нарядѣ, блѣдна, ни кровинки въ лицѣ,
Лишь въ очахъ проблескъ мысли о страшномъ и близкомъ концѣ.
Подошли... Обернулся Иванъ—говорить онъ не могъ—
Изъ запекшихся устъ лишь раздался позорный упрекъ;
Съ страшной злобой взглянулъ на жену и, взмахнувши рукой,
Онъ сорвалъ съ нея кику съ покровомъ вѣнчальнымъ долой!
Задрожала царица, какъ листъ; то не боли боязнь—
Ей позоръ площадной тяжелѣе, чѣмъ лютая казнь.
Какъ змѣя опустилась коса, извиваясь межъ плечъ.
Ужъ некому ей ту роскошную косу беречь.
—«Ну! входи!»—Отворили ей дверцы: покорно она
Въ колымагу вошла и поникла главой у окна.
Кони бились храпя, озираясь пугливо кругомъ;

Ихъ опричники держатъ на мѣстѣ съ великимъ
трудомъ.
—«Отпускай!»—Отскочили!.. Рванулись они, по-
неслись—
И быстрѣе стрѣлы въ одинъ мигъ до пруда до-
неслись.
Не замѣтивъ обрыва, стремглавъ очутились въ
водѣ
И исчезли совсѣмъ съ колымагой въ глубокомъ
прудѣ.
Страшный крикъ за обрывомъ раздался и смолкъ...
лишь прибой
Отъ волненья воды ударялся о берегъ крутой.
Всѣ молчали... Никто этой казни внезапной не
ждалъ.
Царь Иванъ, опираясь на посохъ, угрюмый сто-
ялъ.
—«Эй, Грязной! отправляйся не медля въ Рязань,
и въ пути
«Ни мгновенья не мѣшкай напрасно, какъ птица
лети!
«Средь боярскихъ дѣтей отыщи Салтыкова Илью.
«Онъ, я помню, въ Литвѣ отличался отвагой въ
бою,
«Передай, что за то, что красивъ онъ и молодъ,
и смѣлъ,
«И со мной породниться чрезъ дѣвку-гулену хо-
тѣлъ,
«Я его отличаю и даромъ почетнымъ дарю—
«Этотъ ножъ, что при мнѣ, я въ награду ему
отдаю.
«Только ты постарайся, получше ему угоди—
«Прямо въ сердце его этотъ ножъ ты съ размаха
всади!»

А. Навроцкій.

Артистъ С. В. Горѣловъ.

ТОСКА ПО РОДИНѢ.

Изъ П. Беранже.

«Въ Парижъ, пастухъ, въ Парижъ! Ты молодъ»
—вы сказали:
«Отдайся склонностямъ любимымъ и мечтамъ;
«Познанья, золото и роскошь побѣждали
Любовь кь роднымъ полямъ.»
Но здѣсь разсѣялись мечтанья золотыя;
Морщины у меня прорѣзались на лбу...
Отдайте мнѣ поля мои родныя,
Мой лѣсъ, мою избу!

Вы мой развили умъ, вы дали мнѣ даръ слова;
Искусства унесли меня за облака;
Но мнѣ здѣсь холодно, здѣсь тяготитъ больного
По родинѣ тоска.
На вашихъ женщинахъ наряды дорогіе,
Но на пирахъ у васъ блуждаю я какъ тѣнь.
Отдайте мнѣ поля мои родныя
И нашъ воскресный день!

Мы жалки, мы смѣшны, мы дѣти передъ вами
Съ своими сказками и пѣснями отцовъ;
Блескъ вашей оперы смутилъ бы чудесами
Крестьянскихъ колдуновъ.
Я слышалъ вашъ концертъ: въ немъ гимны неземные
Крылатыхъ жителей заоблачной страны.
Отдайте мнѣ поля мои родныя
И пѣсни старины!

Мнѣ грустно самому смотрѣть на избы наши,
На церковь бѣдную изъ почернѣлыхъ плитъ;
Здѣсь высятся дворцы, одинъ другого краше,
Здѣсь мраморъ и гранитъ:
Въ лучахъ заката здѣсь чертоги золотые
Воздушнымъ призракомъ являются очамъ.
Отдайте мнѣ поля мои родныя
И деревенскій храмъ.

Я вяну съ каждымъ днемъ, я ночью, засыпая,
Страшусь, чтобъ родину во снѣ не увидать:
Тамъ воетъ вѣрный песъ, тамъ ждетъ меня рыдая,
Моя больная мать.
Стада, мои стада терзаютъ волки злые,
Избушку бѣдную разрушила метель...
Отдайте мнѣ поля мои родныя,
Мой посохъ и свирѣль!

Что слышу я? Сбылись мои ночныя грезы!
«Ступай, пастухъ, ступай!» вы говорите мнѣ:
«Пусть солнце свѣтлое твои осушитъ слезы
Въ родимой сторонѣ».
Прости волшебный край! Пускай толпы иныя
На чудеса твои бѣгутъ со всѣхъ сторонъ.
Увижу снова я поля мои родныя,
Избу, гдѣ я рожденъ!

В. Курочкинъ.

ПИРЪ ПЕТРОНІЯ.

Сіяютъ пышные чертоги,
Благоуханья льютъ цвѣты.
Сюда собрались полубоги,
Жрецы любви и красоты.
Здѣсь все, что лучшаго есть въ мірѣ,
Здѣсь все, чѣмъ Римъ гордиться могъ:
Поэтъ, бряцающій на лирѣ,
Мудрецъ, философъ, педагогъ.
Здѣсь блещутъ женщины красою,
Мужчины—сердцемъ и умомъ,
Здѣсь все наполнено кругомъ
Какой-то нѣгой неземною.
Гремятъ кимвалы и цѣвницы,
Въ разгарѣ пылкій разговоръ,
Тутъ тихій вздохъ, тамъ нѣжный взоръ,
И всюду радостныя лица...
Петроній вызвалъ гнѣвъ Нерона;
Любимецъ плебса, женъ кумиръ,
Петроній удаленъ отъ трона
И задаетъ послѣдній пиръ.
Въ его душѣ ни искры свѣта,—
Лишь холодъ, холодъ пустоты,
Но маской радости одѣты
Его красивыя черты;
Онъ всѣхъ прекраснѣй здѣсь безъ спора.
Желаній подавляя стонъ,
Съ него свести не можетъ взора
Цвѣтникъ прелестныхъ римскихъ женъ.
Въ разгарѣ пиръ, живѣе лица.
Петроній всѣхъ другихъ живѣй...
И никому изъ всѣхъ гостей
Не знать того, что съ нимъ творится;
Зачѣмъ онъ этотъ пиръ задалъ,
О чемъ веселіе такое...
Огнями блещетъ яркій залъ,
Несется пѣнье молодое,
Гремятъ кимвалы и цѣвницы,
Въ разгарѣ пылкій разговоръ.

Тутъ тихій вздохъ, тамъ нѣжный взоръ,—
И всюду радостныя лица...
. . . . . .
Летѣла ночь, блѣднѣло небо,
И новый день опять всходилъ,
Лучами блещущаго Феба
Онъ пиръ богатый озарилъ.
Умолкли пѣсни, что звучали,
Увяли яркіе цвѣты,
И на усталыя черты
Нисходитъ облачко печали...
И вдругъ Петроній, величаво
Привставъ, сказалъ своимъ гостямъ:
— «О, римляне! почетъ и славу,
Богатство,—все, я все отдамъ
За красоту любви могучей,
За пламя любящихъ сердецъ...
И вотъ я здѣсь приму конецъ
Съ моей рабой, съ подругой лучшей
Моихъ земныхъ, ничтожныхъ дней—
Съ Эвникой милою моей.
О, римляне! кратка и тлѣнна
Земная жизнь, она—мечта,
И велика, и неизмѣнна
Одна, одна лишь красота!..»
И, заглянувъ своей рабынѣ
Въ ея лучистые глаза,
Гдѣ, сердца чуткаго святыня,
Дрожала чистая слеза,—
— «Пойдешь со мной, моя Эвника?»
Онъ вопросилъ. Любви полна,
Безъ содроганія, безъ крика
Къ нему склонилася она.
Онъ подалъ знакъ, и рабъ умѣлый
Надрѣзалъ вены имъ ножомъ.
И кровь ударила ключемъ
Передъ толпой оцѣпенѣлой.
Онъ подалъ знакъ и вновь цѣвницы
Полили нѣжно звуки съ хоръ...
И тихо ихъ блѣднѣли лица...
Тускнѣлъ все больше ясный взоръ.

«О, римляне!—уста шептали,
Вся наша жизнь—туманъ и дымъ...»
И гости, полные печали,
Склонялись трепетно надъ нимъ.
— «Эвника!..» слышалося въ стонѣ.
— О, господинъ мой!.. я съ тобой...
Такъ кончилъ жизнь свою Петроній
У ногъ рабыни молодой.

Д. М. Ратгаузъ.

МЕРТВЫЕ КОРАБЛИ.

Между льдовъ затерты, спятъ въ тиши морей
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей.
Вѣтеръ быстролетный, тронувъ паруса,
Прочь спѣшитъ въ испугѣ, мчится въ небеса.
Мчится и не смѣетъ бить дыханьемъ твердь,
Всюду видя только—блѣдность, холодъ, смерть.
Точно саркофаги, глыбистые льды
Длинною толпою встали изъ воды.
Бѣлый снѣгъ ложится, вьется надъ волной,
Воздухъ заполняя мертвой бѣлизной.
Вьются хлопья, вьются, точно стаи птицъ.
Царству бѣлой смерти нѣтъ нигдѣ границъ.
Что жъ вы здѣсь искали, выброски зыбей,
Остовы нѣмые мертвыхъ кораблей?

«На полюсъ! На полюсъ! Бѣжимъ, поспѣшимъ,
И новыя тайны откроемъ!
Тамъ, вѣрно, есть островъ—красивъ, недвижимъ,
Окованъ плѣнительнымъ зноемъ!
«Намъ скучны предѣлы родимыхъ полей,
Извѣданныхъ думъ и желаній.
Мы жаждемъ качанья нѣмыхъ кораблей,
Мы жаждемъ далекихъ скитаній.

«Въ безвѣстномъ—услада тревожной души,
Въ туманностяхъ манятъ зарницы.
И сердцу рокочутъ приливы: «Спѣши!»
И дразнятъ свободныя птицы.
«Намъ вѣтеръ бездомный шепнулъ въ полуснѣ,
Что сбудутся наши надежды:
Для новаго Солнца, въ цвѣтущей странѣ,
Проснувшись откроемъ мы вѣжды.
«Мы гордо раздвинемъ предѣлы земли,
Намъ свѣтитъ нашъ разумъ стоокій.
Плывите, плывите скорѣй корабли,
Плывите на Полюсъ далекій!»

Солнце свершаетъ
Скучный свой путь.
Что-то мѣшаетъ
Сердцу вздохнуть.
Въ морѣ приливы
Шумно растутъ.
Мирныя нивы
Гдѣ-то цвѣтутъ.
Пѣнясь про нѣгу
Шепчетъ вода.
Гдѣ-то къ ночлегу
Гонятъ стада.

Грусть утихаетъ,
Съ другомъ легко.
Кто-то вздыхаетъ
Тамъ — далеко.
Счастливъ, кто мирной
Долей живетъ.
Кто-то въ обширной
Безднѣ плыветъ.
Нѣжная ива
Спитъ и молчитъ,
Гдѣ-то тоскливо
Чайка кричитъ.

«Мы плыли все дальше—мы плыли,
Мы плыли не день и не два.
Отъ влажной крутящейся пыли
Кружилась не разъ голова.

«Туманы клубились густые,
Вставалъ и гудѣлъ океанъ,—
Какъ будто бы вѣдьмы сѣдыя
Раскинули вражескій станъ.
«И туча бѣжала за тучей,
За валомъ мятежился валъ.
Встрѣчали мы островъ пловучій,
Но онъ отъ очей ускользалъ,
«И тамъ, гдѣ изъ воднаго плѣна
На мигъ возставали цвѣты,
Крутилась лишь бѣлая пѣна,
Сверкая среди темноты.
«И дерзко смѣялись зарницы,
Манившія міромъ чудесъ.
Кружились зловѣщія птицы
Подъ склепомъ пустынныхъ небесъ.
«Буруны закрыли со стономъ
Сверканье Полярной звѣзды.
И вотъ ужъ съ пророческимъ звономъ
Идутъ, надвигаются льды...
«Такъ что жъ, и для насъ развернула
Свой свитокъ сѣдая печаль?
Такъ, значитъ, и насъ обманула
Богатая сказками даль?
«Мы отданы бѣлымъ пустынямъ,
Мы тризну свершаемъ на льдахъ,
Мы тонемъ, мы гаснемъ, мы стынемъ
Съ проклятьемъ на блѣдныхъ устахъ.»

Скрипя бѣжитъ среди валовъ,
Гигантскій гробъ, скелетъ пловучій,
Въ тѣлахъ обманутыхъ пловцовъ
Изсякъ свѣтильникъ жизни жгучей.
Огромный остовъ корабля
Въ пустынѣ моря быстро мчится,
Какъ будто гдѣ-то есть земля,
Къ которой жадно онъ стремится.
За нимъ, скрипя, среди зыбей
Несутся бѣшено другіе,
И привидѣнья кораблей
Тревожатъ области морскія.

И шепчутъ волны межъ собой,
Что дальше ихъ пускать не надо,—
И встала бѣлою толпой
Снѣговъ и льдистыхъ глыбъ громада.
И пѣсни имъ надгробной нѣтъ,
Бездушенъ міръ пустыни сонной,
И только солнца красный свѣтъ
Горитъ, какъ факелъ похоронный.

Да легкіе хлопья летаютъ
И беззвучную сказку поютъ,
И бѣлыя ткани сплетаютъ,
Созидаютъ для смерти пріютъ.
И шепчутъ: «Мы—дѣти эфира,
«Мы—любимцы нѣмой тишины,
«Враги безпокойнаго міра,
«Мы—пушистые, чистые сны.
«Мы падаемъ въ синее море,
«Мы по воздуху молча плывемъ,
«И мчимся въ безбрежномъ просторѣ,
«И къ покою другъ друга зовемъ.
«И вѣчно мы, вѣчно летаемъ,
«И не нужно намъ шума земли,
«Мы вьемся, бѣжимъ, пропадаемъ,
«И летаемъ, и таемъ вдали.....»

К. Д. Бальмонтъ.

Артистка Е. В. Чарусская.

ТАРАНТЕЛЛА.

Нина, Нина! тарантелла!
Старый Чьеко ужъ идетъ!
Вонъ ужъ скрипка загудѣла!
Въ кругъ становится народъ!
Пріударилъ Чьеко старый...
Точно птички на зерно,
Отовсюду мчатся пары!..
Вонъ ужъ кружатся давно!

Какъ стройна, гляди, Аглая!
Вотъ помчалась въ кругъ живой—
Очи долу, ударяя
Въ тамбуринъ надъ головой!
Ловокъ съ нею и Дженнаро!..
Вслѣдъ за ними намъ—смотри!
Послѣ тотчасъ третья пара...
Ну, Нинета... разъ, два, три...

Завязалась, закипѣла,
Все идетъ живѣй, живѣй,
Обуяла тарантелла
Всѣхъ отвагою своей...
Эй, простору! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Эй, синьоръ, синьоръ! угодно
Вамъ въ кружокъ нашъ, можетъ быть?
Иль свой санъ въ толпѣ народной
Вы боитесь уронить?
Ну такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, синьора? Вы бъ и рады:
Къ намъ сердечко васъ зоветъ...
Да шнуровка безъ пощады
Вашу грудь больную жметъ...
Ну, такъ мимо!.. шибче скрипки!
Юность мчится, съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Вы, философъ! дайте руки:
Не угодно ль къ намъ сюда!
Иль кто разъ вкусилъ науки—
Не смѣется никогда?
Ну, такъ мимо! шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Ты, что смотришь такъ сурово,
Босоногій капустинъ?
Въ сердцѣ памятью былого,
Чай, отдался тамбуринъ?
Ну—такъ къ намъ,—и шибче скрипки!
Юность мчится! съ ней цвѣты,
Беззаботные улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Словно въ вихрѣ мчатся пары,
Не сидится старикамъ...
Расходился Чьеко старый
И подплясываетъ самъ...
Мудрено ль—вкругъ старой скрипки
Такъ и носятся цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

Не робѣйте! смѣйтесь дружно!
Пусть дѣтьми мы будемъ вѣкъ!
Человѣку знать не нужно,
Что такое человѣкъ!..
Что тутъ думать!.. шибче скрипки!
Наши—юность и цвѣты,
Беззаботныя улыбки,
Беззавѣтныя мечты!

А. Н. Майковъ.

ЩИТЪ АХИЛЛЕСА.

Иліада, пѣснь XVIII.

Такъ онъ (Гефестъ) сказалъ и богиню оставилъ, къ мѣхамъ направляясь.
Къ пламени ихъ обратилъ и велѣлъ имъ усердно работать.
Въ двадцать пылающихъ горновъ большіе мѣха подували,
Воспламеняя, дышали на каждый съ различною силой
И помогали Гефесту ковать то быстрѣе, то тише,
Какъ онъ въ душѣ пожелаетъ и какъ для работы способнѣй.
Несокрушимую мѣдь и олово бросилъ онъ въ пламя
И серебра къ нимъ прибавилъ и цѣннаго золота также.

Послѣ того, на подставку поднявъ наковальню
большую,
Молотъ тяжелый въ одну и клещи онъ въ дру-
гую взялъ руку.
Прежде всего изготовилъ онъ щитъ и огромный,
и крѣпкій,
Весь изукрасилъ кругомъ и блистающій выковалъ
ободъ,
Гладкій, тройной, и ремень посеребрянный снизу
привѣсилъ.
Щитъ изъ пяти онъ составилъ пластовъ окру-
гленныхъ, а сверху
Много создалъ украшеній, придумавъ ихъ съ му-
дрымъ разсчетомъ.
Въ самой срединѣ представилъ онъ землю и не-
бо и море,
Неутомимое солнце и полный блистающій мѣсяцъ,
И неисчетныя звѣзды, которыя небо вѣнчаютъ.
Сдѣлалъ созвѣздья Плеядъ и Гіадъ и лучи Оріона,
Также Медвѣдицу—ту, что иначе зовутъ еще Во-
зомъ.
Кругъ она въ небѣ свершаетъ, взирая на блескъ
Оріона,
Только одна не купаясь въ прозрачныхъ волнахъ
Океана.
Дальше два города сдѣлалъ красивыхъ, людьми на-
селенныхъ.
Въ первомъ пируетъ народъ и веселыя празднуетъ
свадьбы.
Юныхъ выводятъ невѣстъ изъ чертоговъ при
факелахъ яркихъ
И провожаютъ чрезъ городъ. Тамъ свадебный
гимнъ раздается.
Юноши въ пляскѣ кружатся, и нѣжно среди хоро-
вода
Флейты и цитры звучатъ. И женщины передъ до-
мами,
Стоя въ дверяхъ у порога, взираютъ и пляскѣ ди-
вятся.
Множество гражданъ толпится на мѣстѣ народ-
ныхъ собраній.

Тяжба предъ ними рѣшается. Двое тамъ спорятъ о пенѣ
За умерщвленнаго мужа. Одинъ предъ народомъ клянется
Въ томъ, что весь долгъ уплатилъ, а другой— что не видѣлъ уплаты.
Оба они пожелали окончить свой споръ предъ судьею.
Граждане подняли крикъ, защищая того иль другого.
Ихъ успокоить стремятся глашатаи. Въ кругѣ священномъ
Старцы сидятъ, размѣстившись на гладко обтесанныхъ камняхъ,
Посохи въ руки берутъ у глашатаевъ звонкоголосыхъ
И, опираясь на нихъ, чередой возглашаютъ рѣшенье.
А посреди собранья лежатъ золотыхъ два таланта—
Вознагражденье тому, кто докажетъ вѣрнѣй свое право.
Городъ другой окружаютъ два войска, сверкая оружьемъ.
Ихъ же рѣшенья различны. Одни угрожаютъ тотъ городъ прекрасный
Силою взять, и другіе хотятъ предложить осажденнымъ
На двое все подѣлить, чѣмъ владѣетъ тотъ городъ прекрасный,
Тѣ же, угрозъ не пугаясь, къ засадѣ готовятся тайной.
Стѣну, взойдя на нее, защищаютъ ихъ милыя жены,
Малыя дѣти и мужи, тѣснимые старостью грустной.
Сами въ засаду идутъ. И Арей ихъ предводитъ съ Аѳиной.
Оба они золотые и носятъ изъ золота ризы,
Видны далеко, огромны, въ доспѣхахъ большихъ и прекрасны,

Какъ подобаетъ безсмертнымъ,—а люди представлены меньше.
Къ мѣсту приходятъ они, гдѣ засѣсть имъ казалось удобнымъ,
Подлѣ потока,—куда пригоняютъ стада къ водопою.
Тамъ они тайно засѣли, покрытые свѣтлою мѣдью.
Двое поодаль отъ войска укрылось лазутчиковъ въ полѣ
И поджидаютъ прихода овецъ и быковъ криворогихъ.
Вотъ появились стада; ихъ два пастуха провожаютъ,
Слухъ услаждая свирѣлью, коварства враговъ не предвидя,
Тѣ, увидавъ ихъ вдали, налетаютъ и прочь угоняютъ
Стадо быковъ и отару красивыхъ овецъ бѣлорунныхъ
И пастуховъ умерщвляютъ. Тогда въ непріятельскомъ станѣ
Воины, сидя въ собраньи, вдругъ слышатъ смятенье близъ стада,
И устремляются всѣ, на коней быстроногихъ садятся,
Скачутъ на встрѣчу врагамъ и стрѣлой прибываютъ на мѣсто.
Тамъ, на рѣчномъ берегу, ихъ фаланги вступаютъ въ сраженье.
Копья бросаютъ другъ въ друга, снабженныя острою мѣдью.
Видны тамъ Распря и Смута, и Смерть, по рядамъ пробѣгая,
То непронзеннаго ловитъ, то держитъ пронзеннаго мужа,
То черезъ битву смятенную за-ноги тѣло волочитъ:
Платье у ней на плечахъ обагренное кровью людскою.
Воины мечутся всюду и бьются, какъ будто живые;
И бездыханные трупы одни у другихъ увлекаютъ.

Дальше онъ тучный участокъ разрыхленной нови представилъ,
Трижды распаханный плугомъ, обширный. И пахарей много,
Идя по всѣмъ направленьямъ, яремными правятъ волами.
Каждый же разъ, какъ они, возвратясь, рубежа достигаютъ,
Мужъ къ нимъ подходитъ и кубокъ со сладкимъ виномъ имъ подноситъ.
Всякій назадъ на свою борозду обращается тотчасъ,
Съ жаждой придти поскорѣй къ рубежу цѣлины плодородной.
Пахоть за ними чернѣла, какъ бы настоящее поле,
Хоть золотая была: то великое сдѣлалъ онъ чудо.
Дальше представилъ онъ ниву съ обильной, высокою жатвой.
Всюду жнецы тамъ стояли и острыми жали серпами.
Наземь въ огромномъ числѣ полосами ложатся колосья:
Сзади вязальщики крѣпко въ снопы ихъ соломою вяжутъ.
Трое вязальщиковъ стали поодаль отъ прочихъ. За ними
Дѣти сбираютъ колосья, чредою подносятъ въ охапкахъ
И подаютъ торопливо. Передъ бороздою хозяинъ,
Радуясь сердцемъ, безмолвный, стоитъ, опираясь на посохъ.
Дальше подъ дубомъ глашатаи шумно хлопочутъ о пирѣ
И убираютъ большого быка, принесеннаго въ жертву.
Жены муку просѣваютъ, готовя обѣдъ для рабочихъ.
Дальше изъ золота сдѣлалъ онъ дивный, большой виноградникъ,
Сладкимъ плодомъ отягченный; висѣли въ немъ черныя гроздья;

Вѣтви держались кругомъ на серебряныхъ длинныхъ подпорахъ.
За виноградникомъ темнымъ представилъ онъ ровъ обнесенный
Вкругъ оловянной оградой. Виднѣлась одна лишь тропинка—
Путь для носильщиковъ въ дни, когда сборъ наступалъ винограда;
Этой тропинкою дѣвы и юноши, въ рѣзвости дѣтской,
Шли и въ плетеныхъ корзинахъ несли медосладкія гроздья,
А посреди межъ ними дитя на отзывчивой цитрѣ
Грустно играло и пѣло прекрасную пѣсню о Линѣ
Голосомъ нѣжнымъ. И всѣ, ударяя согласно объ землю,
Вторили пѣньемъ и крикомъ и двигали быстро ногами.
Дальше представилъ онъ стадо большое быковъ круторогихъ.
Онъ ихъ изъ золота частью и частью изъ олова сдѣлалъ.
Съ громкимъ мычаньемъ коровы изъ хлѣва стремились на выгонъ
Подлѣ рѣки звонкоструйной, вблизи камышей шелестящихъ.
Четверо шло золотыхъ пастуховъ, провожая то стадо.
Девять за ними вослѣдъ бѣжало собакъ рѣзвоногихъ.
Вдругъ средь переднихъ коровъ два безтрепетныхъ льва появились
И, налетѣвъ на быка, увлекаютъ мычавшаго громко,
Быстро собаки и люди къ нему на защиту стремятся,
Львы между тѣмъ, на быкѣ разодравъ огромную шкуру,
Черную кровь его пьютъ и жадно глотаютъ утробу,
Тщетно ихъ люди желаютъ прогнать и собакъ натравляютъ.

Тѣ, уклоняясь отъ львовъ, не дерзаютъ вцѣпиться зубами,
Только надвинулись близко и лаютъ, готовыя къ бѣгству.
Далѣе славный Гефестъ хромоногій представилъ обширный
Пастбищный лугъ средь долины и стадо овецъ бѣлорунныхъ
Вмѣстѣ съ загономъ и хлѣвомъ и крытыми къ нимъ шалашами.
Далѣе славный Гефестъ хороводную пляску представилъ
Съ дивнымъ искусствомъ, подобную той, что въ Кносѣ обширномъ
Нѣкогда въ честь пышнокудрой Дедалъ учредилъ Аріадны.
За руки взявши другъ друга у кисти, тамъ въ пляскѣ кружились
Юноши вмѣстѣ и дѣвы, берущія вѣно большое.
Дѣвы въ льняныхъ покрывалахъ, а юноши въ свѣтлыхъ хитонахъ,
Сотканныхъ крѣпко изъ нитокъ, для блеска чуть масломъ натертыхъ.
Эти увѣнчаны щедро сплетенными пышно вѣнками
Тѣ на ремняхъ посеребрянныхъ носятъ мечи золотые.
То они всѣ въ хороводы ногами, привычными къ пляскѣ,
Вмѣстѣ кружатся легко, съ быстротою гончарнаго круга,
Если горшечникъ, въ рукахъ укрѣпивъ, его бѣгъ испытуетъ,
То разовьются въ ряды и одни на другихъ наступаютъ.
Вкругъ хоровода тѣснится большая толпа, наслаждаясь,
А посредине поетъ и подъ ладъ себѣ вторитъ на цитрѣ
Богоподобный пѣвецъ. И все время, какъ пѣніе длится,

Два скомороха проворныхъ вертятся и прыгаютъ
въ кругѣ.
И, наконецъ, онъ представилъ могучій потокъ
Океана
Близко отъ внѣшняго края щита, сотвореннаго
дивно.
Послѣ того какъ закончилъ онъ щитъ исполин-
скій и крѣпкій,
Сдѣлалъ Ахиллу онъ панцырь, горящаго пламени
ярче.
Шлемъ изготовилъ тяжелый, къ вискамъ прихо-
дившійся плотно,
Послѣ онъ латы ножныя изъ гибкаго олова вы-
лилъ.
Всѣ изготовивъ доспѣхи, Гефестъ хромоногій ихъ
быстро
Вмѣстѣ собралъ и поднесъ Ахиллесовой матери
ждавшей.
Та устремилась, какъ соколъ, съ покрытаго снѣ-
гомъ Олимпа
Прочь отъ Гефеста царя, унося дорогое оружье.

Перев. Н. М. Минскій.

ЛИРИК

* * *

Снова сонъ на усталыя очи нейдетъ,
Я одинъ,—но въ нѣмой тишинѣ
Кто-то тихо мнѣ грустныя пѣсни поетъ,
Наклоняется нѣжно ко мнѣ.
Замираетъ душа, очарованный слухъ
Ловитъ звуки знакомыхъ рѣчей...
То не ты ли, желанный, невѣдомый другъ,
Греза дѣтскихъ умчавшихся дней?
То не ты ли, къ кому тщетно рвусь я всегда
И къ кому я взываю душой!—
О, подруга души! то не ты ль?—если да,
То явись поскорѣй предо мной.
Истомилася грудь отъ вседневныхъ тревогъ,
Гаснетъ въ сердцѣ желаній всѣхъ пылъ,
И давно уже мнѣ мой безжалостный рокъ
Всѣ дороги къ блаженству закрылъ.
Догораетъ свѣча. Ночь глухая плыветъ...
Я одинъ,—но въ нѣмой тишинѣ
Кто-то тихо мнѣ грустныя пѣсни поетъ,
Наклоняется нѣжно ко мнѣ.

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Изъ Ф. Фрейлигратъ.

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой—
И станешь съ позднимъ сожалѣньемъ
Та надъ могилой дорогой.

О, сторожи, чтобъ сердце свято
Любовь хранило, берегло,
Пока его другое любитъ
И неизмѣнно и тепло.

Тѣмъ, чья душа тебѣ открыта,—
О, дай имъ больше, больше дай,

Что бъ мигъ каждый дарилъ имъ счастье,
Ни одного не отравляй!

И сторожи, чтобы словъ обидныхъ
Порой языкъ не произнесъ;
О, Боже, онъ сказалъ безъ злобы,
А друга взоръ ужъ полонъ слезъ!

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,—
И станешь съ позднимъ сожалѣніемъ
Ты надъ могилой роковой!

Вотъ ты стоишь надъ ней уныло,
На грудь поникла голова...
Все, что любилъ, на вѣкъ сокрыла
Густая влажная трава...

Ты говоришь: «хоть на мгновенье
Взгляни! Изныла грудь моя!
Прости язвительное слово:
Его сказалъ безъ злобы я!»

Но другъ не видитъ и не слышитъ,
Въ твои объятья не спѣшитъ:
Съ улыбкой кроткою, какъ прежде,
— «Прощаю все»—не говоритъ!

Да ты прощенъ... Но много, много
Твоя язвительная рѣчь
Мгновеній другу отравила,
Пока успѣлъ онъ въ землю лечь...

Люби, пока любить ты можешь,
Иль часъ ударитъ роковой,—
И станешь съ позднимъ сожалѣніемъ
Ты надъ могилой дорогой!

А. Плещеевъ.

ПУТЬ.

Путь широкій давно
Предо мною лежитъ,
Да нельзя мнѣ по немъ
Ни летать, ни ходить...
Кто же держитъ меня,
И что кинуть мнѣ жаль?
И зачѣмъ до сихъ поръ
Не стремлюся я вдаль?
Или доля моя
Сиротой родилась?
Иль со счастьемъ слѣпымъ
Безъ ума разошлась?
По лѣтамъ и кудрямъ
Не старикъ еще я:
Много думъ въ головѣ,
Много въ сердцѣ огня!
Много слугъ и казны
Подъ замками лежитъ;
И лихой-вороной
Ужъ осѣдланъ стоитъ.
Да на путь—по душѣ—
Крѣпкой воли мнѣ нѣтъ,
Чтобъ въ чужой сторонѣ
На людей поглядѣть;
Чтобъ порой предъ бѣдой
За себя постоять,
Подъ грозой роковой
Назадъ шагу не дать;
И чтобъ съ горемъ въ пиру,
Быть съ веселымъ лицомъ;
На погибель идти—
Пѣсни пѣть соловьемъ!

А. В. Кольцовъ.

СОНЪ ВЪ ЛѢТНЮЮ НОЧЬ.

Долго ночью вчера я заснуть не могла.
Я вставала, окно растворяла...
Ночь нѣмая меня и томила и жгла,
Ароматомъ цвѣтовъ опьяняла.
Только вдругъ шелестнули кусты подъ окномъ,
Распахнулась шумя занавѣска,—
И влетѣлъ ко мнѣ юноша, свѣтелъ лицомъ,
Точно весь былъ изъ луннаго блеска.
Разодвинулись стѣны свѣтлицы моей,
Колоннады за ними открылись;
Въ пирамидахъ изъ розъ вереницы огней
Въ алебастровыхъ вазахъ свѣтились...
Чудный гость подходилъ все къ постели моей,
Говорилъ онъ мнѣ съ кроткой улыбкой:
«Отчего предо мною въ подушку скорѣй
Ты нырнула испуганной рыбкой?
Оглянися,—я богъ, богъ видѣній и грезъ,
Тайный другъ я застѣнчивой дѣвы;
Чудныхъ грезъ, чудныхъ сновъ для тебя я принесъ
Для тебя, для моей королевы!..»
Говорилъ—и лицо онъ мое отрывалъ
Отъ подушки тихонько руками;
И щеки моей край горячо цѣловалъ,
И искалъ моихъ устъ онъ устами.
Подъ дыханьемъ его обезсилѣла я...
На груди разомкнулися руки...
И звучало въ ушахъ: «ты моя, ты моя!»
Точно арфы далекія звуки.
Протекали часы... я открыла глаза...
Мой покой ужъ былъ облитъ зарею...
Я одна... вся дрожу... распустилась коса...
Я не знаю, что было со мною...

А. Н. Майковъ.

Артистка Н. А. Будкевичъ.

СТАНСЫ.

Брожу ли я вдоль улицъ шумныхъ
Вхожу ль во многолюдный храмъ,
Сижу ль межъ юношей безумныхъ,
Я предаюсь моимъ мечтамъ..
Я говорю: промчатся годы,
И сколько здѣсь ни видно насъ,
Мы всѣ сойдемъ подъ вѣчны своды—
И чей-нибудь ужъ близокъ часъ.
Гляжу ль на дубъ уединенный,
Я мыслю: патріархъ лѣсовъ
Переживетъ мой вѣкъ забвенный,
Какъ пережилъ онъ вѣкъ отцовъ.
Младенца ль милаго ласкаю,
Уже я думаю: прости!
Тебѣ я мѣсто уступаю:
Мнѣ время тлѣть, тебѣ цвѣсти.
День каждый, каждую годину

Привыкъ я думой провожать,
Грядущей смерти годовщину
Межъ нихъ стараясь угадать.
И гдѣ мнѣ смерть пошлетъ судьбина:
Въ бою ли, въ странствіи, въ волнахъ?
Или сосѣдняя долина
Мой приметъ охладѣлый прахъ?
И хоть безчувственному тѣлу
Равно повсюду истлѣвать,
Но ближе къ милому предѣлу
Мнѣ все бъ хотѣлось почивать.
И пусть у гробового входа
Младая будетъ жизнь играть,
И равнодушная природа
Красою вѣчною сіять.

А. С. Пушкинъ.

ИЗЪ СЛУЧАЙНЫХЪ ВСТРѢЧЪ.

Въ безумно-шумномъ вихрѣ бала
Судьба на мигъ столкнула насъ.
Ты въ свѣтъ вступала въ первый разъ
И вся отъ счастья трепетала.
Была ты вся—мечта и греза
Въ сіяньи блещущихъ огней—
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Прошли года. Томимъ тоскою,
Въ скитаньяхъ я искалъ отрадъ...
И вдругъ опять твой свѣтлый взглядъ
Сверкнулъ мнѣ яркою звѣздою.
Тебя семьи объяла проза,
Ты шла въ кругъ своихъ дѣтей—
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Дни пролетѣли, угасая...
И вновь тебя увидѣлъ я,—
Другой шепталъ тебѣ: моя!
А ты внимала, замирая.
Твой грѣхъ душистая мимоза
Скрывала межъ своихъ вѣтвей...
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Бокаловъ звонъ... Порокъ мятежный
Всѣхъ охватилъ здѣсь, какъ недугъ.
Въ толпѣ блудницъ сверкнулъ мнѣ вдругъ
Знакомый ликъ и взоръ твой нѣжный.
Въ твоихъ глазахъ дрожали слезы,
Шептала ты: Вина!.. скорѣй!..
И блѣдно палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Вчера мнѣ путь пресѣкли дроги,
На нихъ въ гробу лежала ты;
И были блѣдныя черты
Полны и муки и тревоги.
Померкла скорбной жизни греза,
Угасъ огонь твой очей!..
И блѣдно-палевая роза
Дрожала на груди твоей.

Д. М. Ратгаузъ.

* * *

Говорятъ, я мила... Говорятъ, что мой взглядъ
То голубитъ, то жжетъ, какъ огнемъ.
Звонкій смѣхъ мой весельемъ звучитъ, говорятъ...
Ты не любишь? такъ что же мнѣ въ немъ!
Говорятъ, небеса вдохновенье дарятъ
Часто музѣ капризной моей.
Моя жизнь дорога для людей, говорятъ...
Ты не любишь?.. Такъ что же мнѣ въ ней?..

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

МЕЧТЫ КОРОЛЕВЫ.

На мотивъ изъ Тургенева.

Шуменъ праздникъ,—не счесть приглашенныхъ
гостей...
Море звуковъ и море огней...
Садъ, и замокъ, и арки сверкаютъ въ огняхъ,—
И цвѣтной ихъ каймой, какъ вѣнкомъ, окруженъ
Прудъ и спитъ, и не спитъ, и смѣется сквозь
сонъ,
И чуть слышно журчитъ въ камышахъ...
Шуменъ праздникъ и веселъ,—и только грустна
Королева одна...
Что ей въ льстивыхъ рѣчахъ восхищенныхъ го-
стей
И въ стихахъ серенадъ знаменитыхъ пѣвцовъ!
Эти рѣчи—продажныя рѣчи рабовъ,
Въ этой музыкѣ слышатся звуки цѣпей...
Съ колыбели ея появленье встрѣчалъ
Общій рокотъ корыстныхъ похвалъ,—
И наскучила ложь ей, и сердце въ груди
Сжалось грустью,—и въ эту душную ночь
Страстно шепчетъ ей сердце: Не вѣрь имъ...
уйди,
Убѣги отъ нихъ прочь!
Брось свой пышный нарядъ и вѣнецъ золотой
Жадной стаѣ шутовъ и льстецовъ!
Здѣсь такъ душно, а въ рощѣ надъ тихой рѣкой
Такъ живителенъ воздухъ, согрѣтый весной,
Такъ присталъ бы къ головкѣ твоей молодой
Ароматный вѣнокъ изъ цвѣтовъ!..
Пусть подъ сводами залъ и въ затишьи аллей
Вѣютъ перья беретовъ и шпоры звенятъ,—
Тамъ, за садомъ, въ тѣни наклоненныхъ вѣтвей
Статный юноша ждетъ: волны русыхъ кудрей
Упадаютъ на грудь, а въ лазури очей
Одинокія слезы горятъ!

С. Я. Надсонъ.

* * *

Слеза дрожитъ въ твоемъ ревнивомъ взорѣ—
О, не грусти, ты все мнѣ дорога!
Но я любить могу лишь на просторѣ—
Мою любовь, широкую, какъ море,
Вмѣстить не могутъ жизни берега.

Когда Глагола творческая сила
Толпы міровъ воззвала изъ ночи,
Любовь ихъ всѣ, какъ солнце, озарила,
И лишь на землю, къ намъ, ея свѣтила
Нисходятъ порознь рѣдкіе лучи.

И порознь ихъ отыскивая жадно,
Мы ловимъ отблескъ вѣчной красоты;
Намъ вѣстью лѣсъ о ней шумитъ отрадной,
О ней потокъ гремитъ струею хладной,
И говорятъ, качаяся, цвѣты.

И любимъ мы любовью раздробленной
И тихій шопотъ вербы надъ ручьемъ,
И милой дѣвы взоръ, на насъ склоненный,
И звѣздный блескъ, и всѣ красы вселенной,—
И ничего мы вмѣстѣ не сольемъ.

Но не грусти: земное минетъ горе;
Пожди еще—неволя недолга—
Въ одну любовь мы всѣ сольемся вскорѣ,
Въ одну любовь, широкую, какъ море,
Что не вмѣстятъ земные берега.

Гр. А. К. Толстой.

Ж И З Н Ь.

К П. Апухтиной.

Пѣсня туманная, пѣсня далекая,
И безконечная, и заунывная,
Доля печальная, жизнь одинокая,
Слезъ и страданія цѣпь непрерывная...
Грустнымъ аккордомъ она начинается...
Въ звукахъ аккорда простого и длиннаго

Слышу я вопль изъ души вырывается,
Вопль за утратою дѣтства невиннаго.
Далѣе звуковъ раскаты широкіе—
Юнаго сердца мечты благородныя:
Вѣра, терпѣнія чувства высокія,
Страсти живыя, желанья свободныя.
Что же находимъ мы? Въ чувствахъ—страданія
Въ страсти—мученья залогъ безконечнаго,
Въ людяхъ—обманъ... А мечты и желанія?
Боже мой, много ли въ нихъ долговѣчнаго!
Старость подходитъ часами невольными.
Тише и тише аккорды печальные...
Ждемъ, чтобъ надъ нами, въ гробу безглагольными,
Звуки кругомъ раздались погребальные...
Послѣ... Но если и есть за могилою
Пѣсни иныя, живыя, веселыя,
Жаль намъ допѣть нашу пѣсню унылую,
Трудно намъ сбросить оковы тяжелыя!..

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Колокольчики-бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль...
Тройка мчится, комья снѣжные летятъ,
Обдаетъ лицо серебряная пыль!
Нѣтъ ни звѣздочки на темныхъ небесахъ,
Только видно, какъ мелькаютъ огоньки.
Не смолкаетъ звонъ малиновый въ ушахъ,
Въ сердцѣ нѣту ни заботы, ни тоски.
Эхъ, лети, душа, отдайся вся мечтѣ,
Потоните, хороводы блѣдныхъ лицъ!
Очи милыя мнѣ свѣтятъ въ темнотѣ
Изъ-подъ черныхъ, изъ-подъ бархатныхъ рѣсницъ...
Эй, вы шире, сторонитесь: раздавлю!

Безконечно, жадно хочется мнѣ жить!
Я дорогу никому не уступлю,
Я умѣю ненавидѣть и любить...
Ручка нѣжная прижалась въ рукавѣ...
Не пришлось бы мнѣ лелѣять той руки,
Да отъ снѣжной пыли мутно въ головѣ,
Да баюкаютъ бубенчики-звонки!
Простодушные бубенчики-друзья,
Говорливые союзники любви,
Замолчите вы, лукаво затая
Тайны нѣжныя, завѣтныя мои!
Ночь окутала насъ бархатной тафтой,
Звѣзды спрятались, лучей своихъ не льютъ,
Да бубенчики подъ кованой дугой
Про любовь мою болтаютъ и поютъ.
Пусть узнаютъ люди хитрые про насъ,
Догадаются о ласковыхъ словахъ
По бубенчикамъ, по блеску черныхъ глазъ,
По растаявшимъ снѣжинкамъ на щекахъ.
Хорошо въ ночи бубенчики звенятъ,
Простодушную разсказываютъ быль..
Сквозь рѣсницы очи милыя блестятъ.
Обдаетъ лицо серебряная пыль...

Скиталецъ.

ВЕСНА.

Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ
Разсказать, что солнце встало,
Что оно горячимъ свѣтомъ
По листамъ затрепетало;
Разсказать, что лѣсъ проснулся;
Весь проснулся, вѣткой каждой,
Каждой птицей встрепенулся
И весенней полонъ жаждой...
Разсказать, что съ той же страстью,
Какъ вчера, пришелъ я снова,

Что душа все такъ же счастью
И тебѣ служить готова...
Разсказать, что отовсюду
На меня весельемъ вѣетъ,
Что не знаю самъ, что буду
Пѣть,—но только пѣсня зрѣетъ.

А. А. Фетъ.

* * *

Я мечтою ловилъ уходящія тѣни,
Уходящія тѣни погасавшаго дня,
Я на башню всходилъ, и дрожали ступени,
И дрожали ступени подъ ногой у меня.
И чѣмъ выше я шелъ, тѣмъ яснѣй рисовались
Тѣмъ яснѣй рисовались очертанья вдали,
И какіе-то звуки вокругъ раздавались,
Вкругъ меня раздавались, отъ небесъ и земли.
Чѣмъ я выше всходилъ, тѣмъ свѣтлѣе сверкали,
Тѣмъ свѣтлѣе сверкали выси дремлющихъ горъ,
И сіяньемъ прощальныхъ какъ будто ласкали,
Словно нѣжно ласкали отуманенный взоръ,
И внизу подо мною ужъ ночь наступила,
Уже ночь наступила для уснувшей земли,
Для меня же блистало дневное свѣтило,
Огневое свѣтило догорало вдали.
Я узналъ, какъ ловить уходящія тѣни,
Уходящія тѣни потускнѣвшаго дня,
И все выше я шелъ, и дрожали ступени
И дрожали ступени подъ ногой у меня.

К. Д. Бальмонтъ.

А. А. Фетъ.

* * *

Люди нисколько ни въ чемъ предо мной не виновны, я знаю,
Только я тутъ для себя утѣшенья большого не вижу:
День ихъ торопитъ всечасно своею тяжелой заботой,
Ночь, какъ добрая мать, принимаетъ въ объятья на отдыхъ.
Что́ имъ за дѣло, что кто-то, весь день протомившись бездѣльемъ,
Ночью съ нелѣпымъ раздумьемъ пробьется на ложѣ безсонномъ?
Пламя дрожитъ на свѣтильнѣ—и около мысли любимой
Зыблются робкія думы и всѣ переходятъ оттѣнки
Радужныхъ красокъ. Трепещетъ душа и трепещетъ разсудокъ.

Сердце—Икаръ неразумный—изъ мрака, какъ бабочка къ свѣту,
Къ мысли завѣтной стремится: встъ-вотъ опаленныя крылья,
Кругъ описавши во мракѣ, несутся въ невѣрномъ полетѣ
Пытку свою обновлять добровольную. Я же не знаю,
Что̀ добровольнымъ зовется и что̀ неизбѣжнымъ на свѣтѣ...

А. А. Фетъ.

* * *

О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта
Какая тишина!
Всю ночь я просидѣть готовъ бы до разсвѣта
У этого окна.
Какой-то темный ликъ мелькаетъ по аллеѣ,
И воздухъ недвижимъ,
И кажется, что тамъ еще, еще темнѣе
За садомъ молодымъ.
Ужъ поздно... Все сильнѣй цвѣтовъ благоуханье,
Сейчасъ взойдетъ луна...
На небесахъ покой, и на землѣ молчанье,
И всюду тишина.
Давно ли въ этотъ садъ, въ чудесный вечеръ мая,
Входили мы вдвоемъ?
О сколько, сколько разъ его мы, не смолкая,
Бывало, обойдемъ!
И вотъ я здѣсь одинъ съ измученной, усталой,
Разбитою душой.
Мнѣ хочется рыдать, припавши, какъ бывало,
Къ груди твоей родной...
Я жду... но не слыхать знакомаго привѣта,
Душа болитъ одна...
О, Боже, какъ хорошъ прохладный вечеръ лѣта,
Какая тишина!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

Ароматная ночь и тепла и темна,
Серебрится туманная даль,
И поетъ и цвѣтетъ молодая весна,
А на сердцѣ любовь и печаль.
Растворилъ я окно, колыхнуло свѣчу,
Заглянула въ окошко сирень,
И я чую душой, что приникла къ плечу
Чья-то милая, кроткая тѣнь.
Это ты, мой любимый, далекій мой другъ,
Моя радость, голубка моя,
Ты пришла исцѣлить мой сердечный недугъ,
Подкрѣпить и утѣшить меня.
Посмотри, какъ кругомъ все поетъ и цвѣтетъ!
Отчего же мнѣ грустно теперь?
Облегчи поскорѣй этотъ тягостный гнетъ,
Эту боль невозвратныхъ потерь.
Я не въ силахъ заснуть; въ эту ночь не до сна...
Мнѣ такъ хочется вѣрить и жить,
Точно въ сердце мое воротилась весна,
Точно снова могу я любить!..

В. Мазурквичъ.

ГДѢ КРАСОТА.

Красота—въ упоительныхъ грезахъ,
Что дарятъ тебѣ ангелы сна;
Красота—въ нераскрывшихся розахъ,
Что приноситъ съ собою весна.
Красота—въ этомъ небѣ далекомъ,
Гдѣ вечернія звѣзды блестятъ;
Красота—въ твоемъ взорѣ глубокомъ,
Гдѣ прекрасныя мысли горятъ.
Красота—въ молчаливомъ лобзаньи,
Что мои зажигаетъ уста...
Въ вѣрѣ, въ правдѣ, въ поэзіи, въ знаньи—
И въ любви... и въ тебѣ красота!

Л. Т. Щепкина-Куперникъ.

* * *

Снилось мнѣ, что я боленъ, что мозгъ мой горитъ
И отъ жажды уста запеклись,
А твой голосъ мнѣ нѣжно и грустно звучитъ:
— «Дорогой мой, очнись, отзовись...»
Жизнь едва только тлѣетъ во мнѣ, но тебя
Такъ мнѣ жаль, ненаглядный мой другъ,—
И въ тревожной тоскѣ я стараюсь, любя,
Пересилить на мигъ мой недугъ.
И на мигъ я глаза открываю... Кругомъ—
Полумракъ; воспаленный мой взоръ
На обояхъ, при свѣтѣ лампадки, съ трудомъ
Различаетъ знакомый узоръ...
Гдѣ-то хрипло часы завываютъ и бьютъ...
По стѣнамъ отъ цвѣтовъ на окнѣ
Прихотливыя тѣни, какъ руки, ползутъ,
Простираясь отвсюду ко мнѣ.
Ты стараешься ближе въ лицо мнѣ взглянуть
И мучительно отклика ждешь,
И горячую руку свою мнѣ на грудь,
На усталое сердце кладешь...
Я проснулся. Былъ день,—мутный день безъ лучей.
Низко бѣлыя тучи ползли...
Фортепьянныя гаммы и крики дѣтей
Доносились ко мнѣ издали...
Осень вѣяла въ душу щемящей тоской,
Сѣялъ дождь, и, съ утра раздраженъ,
Цѣлый день, какъ въ чаду, проходилъ я больной,
Вспоминая печально мой сонъ...
Ахъ, зачѣмъ онъ былъ сномъ, лишь обманчивымъ сномъ,
И зачѣмъ наяву ты меня
Снова, пошлая жизнь, обступила кругомъ
Суетой и заботами дня?!

С. Я. Надсонъ.

ВАЛЬСЪ.

I.

Въ сіяніи огней
Блестящій длился балъ.
Все тише, все нѣжнѣй
Старинный вальсъ игралъ.
Въ кругу нарядныхъ паръ
Плыву я сквозь туманъ.
Гирляндой нэнюфаръ
Обвитъ мой тонкій станъ.
Болотная трава
Скрываетъ мраморъ плечъ;
Условна и мертва
Моя пустая рѣчь.
Чужой руки едва
Касается рука,
Отвѣтныя слова
Звучитъ издалека!

II.

Этотъ вальсъ мнѣ напомнилъ сгорающій день,
Золотисто-румяный закатъ,
На террасѣ акацій подвижную тѣнь,
Майскихъ дѣвственныхъ розъ ароматъ.
Въ дымкѣ алой, съ весеннимъ цвѣткомъ на груди,
Я смотрю въ безпредѣльную даль.
«Гдѣ ты, радостный мой?—я твержу:—погляди
На мою молодую печаль!»
Но была я чиста и какъ снѣгъ холодна,
И свободна, какъ вѣтеръ степной.
Никого не любя, я томилась одна,
Отчего же ты не былъ со мной?

III.

Отъ пламени огней
Устало никнетъ взоръ,
Чело тѣснитъ больнѣй
Опаловый уборъ.

Затоптанъ мой нарядъ
Въ толпѣ безумныхъ паръ.
Увядшія висятъ
Гирлянды нэнюфаръ,
Въ чужой рукѣ мертва
Забытая рука,
Обычныя слова
Звучатъ издалека.
И въ пестрой суетѣ
Померкъ блестящій балъ.
О дѣйственной мечтѣ
Старинный вальсъ рыдалъ

М. А. Лохвицкая.

* * *

Солнца лучъ промежъ липъ былъ и жгучъ и высокъ,
Предъ скамьей ты чертила блестящій песокъ,
Я мечтамъ отдавался, я вѣрилъ веснѣ,—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я давно угадалъ, что мы сердцемъ родня,
Что ты счастье свое отдала за меня,
Я рвался, я твердилъ не о нашей винѣ,—
Ничего ты на все не отвѣтила мнѣ.

Я стоналъ, повторялъ, что нельзя намъ любить,
Что минувшіе дни мы должны позабыть,
Что въ грядущемъ цвѣтутъ всѣ права красоты,—
Ничего мнѣ и тутъ не отвѣтила ты.

Съ опочившей я глазъ былъ не въ силахъ отвесть,
Всю погасшую тайну хотѣлъ я прочесть,
И лица твоего мнѣ простили ль черты?—
Ничего, ничего не отвѣтила ты!

А. А. Фетъ.

Иванъ Бунинъ.

ЛИСТОПАДЪ.

М. Горькому.

Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Веселой пестрою стѣной
Стоитъ надъ свѣтлою поляной.
Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой;
Какъ вышки елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
То тамъ то здѣсь, въ листвѣ сквозной,
Просвѣты въ небо, что оконца...
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,—
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихою вдовой
Вступила нынче въ теремъ свой.
Какъ хорошо ей! На полянѣ,

Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣть изъ серебра.
Просѣка узкая, какъ сѣни,
Уходитъ въ теремъ, а по ней
Лежитъ коверъ листвы осенней
Среди кустарниковъ и пней.
Тамъ, въ потаенномъ чернолѣсьи,
Всегда затишье: частый боръ
Надъ нимъ темнѣетъ въ поднебесьи
И окружаетъ свѣтлый дворъ.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ,
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ...
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ
Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ росписной,—
Лиловый, золотой, багряный,—
Стоитъ надъ солнечной поляной,
Завороженный тишиной.
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подсѣда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя въ небѣ, промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая—
И снова все кругомъ замретъ...
Лѣсъ точно дремлетъ. А въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Глядятъ и синева долинъ,
И мелколѣсье, и болота,
И даль лиловыхъ деревень...
Какъ хорошо! Но жаль кого-то,
И грустно Осени весь день.

Порой задумчиво выходитъ
Она на солнце изъ воротъ

И бродитъ въ полѣ и не сводитъ
Очей съ желтѣющихъ болотъ.
Тамъ, по лощинамъ и полянамъ,
Густыхъ кустарниковъ бугры
Раскинулись широкимъ станомъ,
Какъ темно-красные шатры.
Тамъ путь на югъ... Съ нѣмой печалью
На край небесъ глядитъ она,
Гдѣ даль слилась съ небесной далью,
Мечтами тихими полна.
Онѣ зовутъ, но нѣтъ названья
Мечтамъ далекимъ. Въ нихъ—любовь
И красота Воспоминанья,
Которымъ не воскреснуть вновь...
А день уходитъ. Небо ясно,
Прозрачный воздухъ сухъ и тихъ,
Лѣса безмолвны... И безгласно
Уходитъ свѣтлый день отъ нихъ.

Онъ умираетъ, точно счастье...
Ужъ знаетъ Осень, что такой,
Глубокій и нѣмой покой—
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Все строже въ даль она глядитъ,
Все рѣзче тайное страданье
Въ ея нѣмыхъ очахъ сквозитъ...
Какое вѣщее молчанье!
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщалъ.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло...
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу...
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной!

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся—она растетъ...

А съ нею, блѣдностью пугая,
И мѣсяцъ медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ—
И вотъ ужъ смотритъ прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткій часъ ночныхъ чудесъ!
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчитъ.
Сова и та молчитъ: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ...
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотритъ круглыми глазами,
Водя ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи...
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣньи,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой;
Луна съ небесъ какъ привидѣнье
Глядитъ, застывши безъ движенья,—
И жутко Осени одной
Въ полночной тишинѣ лѣсной!

На утро блѣдной и больною
Она проснется. На дворѣ
Темно и хмуро. За стѣною
Бушуетъ боръ, какъ въ ноябрѣ.
Теперь ужъ долго не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманятъ...
Недаромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко

Запрется въ теремѣ своемъ:
Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ!
Пусть мрачны и ненастны ночи,
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чащамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ,
А входъ сырой листвой усыпалъ;
Потомъ зазимокъ ночью выпалъ
И, хоть растаялъ, но кругомъ
Уже повѣяло морозомъ...
Зачѣмъ же предаваться грезамъ,
Зачѣмъ и думать о быломъ?..

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ;
Звенитъ ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туриный,
Скликая на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный...
Льетъ дождь, холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
А ночью гуси караваномъ
Надъ лѣсомъ держатъ перелетъ...
Но дни идутъ. Свѣжѣетъ просинь
Студеныхъ далей. Ихъ просторъ
Живитъ и ободряетъ Осень...
Близка зима, стихаетъ боръ...

И вотъ ужъ сизые туманы
Встаютъ на утренней зарѣ;
Сквозитъ въ туманѣ лѣсъ багряный,
Земля въ морозномъ серебрѣ.
И въ горностаевомъ шугаѣ,
Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,

Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пустъ и холоденъ. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ.
Видна ей синева долинъ
И ширь пустыннаго болота,—
Дорога на далекій югъ...
Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ.
Отъ бурной ледяной метели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень по утру
Свой одинокій путь направитъ,
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставитъ...

Прости же, лѣсъ! Прости печаль!
День будетъ теплый и хорошій,
А за ночь мягкою порошей
Одѣнется и близь и даль.
Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя,
И горностаи, и куницы,
Рѣзвясь и грѣясь на бѣгу
Въ сугробахъ мягкихъ на лугу!
А тамъ поднимутся метели,—
Ворвутся въ голую тайгу
Вѣтры изъ тундръ, ломая ели,
Гудя въ крутящемся снѣгу
И завывая въ полѣ звѣремъ...
Они разрушатъ старый теремъ,
Оставятъ колья и потомъ
На этомъ островѣ пустомъ
Повѣсятъ инеи сквозные,
Воздвигнутъ арки кружевныя—
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ, и серебромъ.

А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣздный щитъ Стожаръ—
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтится пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіянья.

Иванъ Бунинъ.

* * *

Вчера, въ мечтахъ обвороженныхъ,
Съ послѣднимъ мѣсяца лучомъ,
На вѣждахъ томно-озаренныхъ,
Ты позднимъ позабылась сномъ.
Утихло вкругъ тебя молчанье,
И тѣнь нахмурилась темнѣй,
И груди ровное дыханье
Струилось въ воздухѣ слышнѣй.
Но сквозь воздушный завѣсь оконъ
Не долго лился мракъ ночной
И, твой взвѣвая сонный локонъ,
Игралъ съ незримою мечтой.
Вотъ тихоструйно, тиховѣйно,
Какъ вѣтеркомъ занесено,
Дымно-легко, мглисто-лилейно
Вдругъ что-то пòрхнуло въ окно.
Вотъ невидимкой пробѣжало
По темно-брежжущимъ коврамъ;
Вотъ, ухватясь за одѣяло,
Взбираться стало по краямъ;
Вотъ, словно змѣйка извиваясь,
Оно на ложе взобралось,
Вотъ словно лента развѣваясь,
Межъ пологами развилось,
Вдругъ животрепетнымъ сіяньемъ
Коснувшись персей молодыхъ,
Румянымъ громкимъ восклицаньемъ
Раскрыло шелкъ рѣсницъ твоихъ.

Ѳ. И. Тютчевъ.

РОЗЫ.

Во дни надежды молодой,
Во дни безоблачной лазури
Намъ незнакомы были бури;
Безпечно жили мы съ тобой.
Для насъ—цвѣты благоухали,
Луна свѣтила—только намъ;
Лишь мнѣ съ тобою—по ночамъ
Пѣлъ соловей свои печали.
Въ тѣ беззаботные года,
Не знали мы житейской прозы...
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи были розы!
Тѣ годы минули давно!
Извѣдавъ горя и печали,
Мы много скорби повстрѣчали.
Но унывать, мой другъ, грѣшно!..
Взгляни, какъ Божій міръ прекрасенъ:
Небесный сводъ—глубокъ и чистъ,
Нашъ садъ такъ тѣнистъ, такъ душистъ
И теплый день—и тихъ и ясенъ—
Пахнулъ въ растворенную дверь,
Въ цвѣтахъ—росы сіяютъ слезы...
Какъ хороши теперь,
Какъ свѣжи эти розы!
За все, что выстрадали мы,
Повѣрь, воздастся намъ сторицей.
Жизнь пронесется вереницей;
И послѣ сумрачной зимы
Опять въ расцвѣтшія долины
Сойдетъ волшебница-весна,
Засвѣтитъ кроткая луна,
Польется рокотъ соловьиный—
И отдохнемъ мы отъ труда.
Вернутся радости и грезы...
Какъ хороши тогда,
Какъ свѣжи будутъ розы!

К. Р.

Артистка А. Дарьялъ.

ИЗЪ «ПРИНЦЕССЫ ГРЕЗЫ».

Изъ Э. Ростана.

Любовь—это сонъ упоительный,
Свѣтъ жизни, источникъ живительный!
Въ ней муки, восторгъ, въ ней весна
Блаженства и горя полна,
И слезы
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она!..
Но чужды мнѣ дѣвы прекрасныя,
Объятья безумныя, страстныя,
И шелковыхъ косъ ароматъ,
И очи, что жгутъ и томятъ,
И лепетъ,
И трепетъ,
И устъ упоительный ядъ.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,

Какъ смерть безнадежною,
Люблю мою Грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлоокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.
Изъ царства видѣній слетая,
Лазурнымъ огнемъ залитая,
Нисходитъ на землю она,
Вся сказочной тайны полна,
И слезы
И грезы
Такъ дивно даритъ намъ она.
Люблю—и отвѣта не жду я,
Люблю и не жду поцѣлуя!
Вѣдь въ жизни одна красота—
Мечта, дорогая мечта.
И сладкой
Загадкой
Теперь моя жизнь объята.
Люблю я любовью безбрежною,
Нѣжною,
Какъ смерть безнадежною,
Люблю мою Грезу прекрасную,
Принцессу мою свѣтлокую,
Мечту дорогую, неясную,
Далекую.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

РОЗЫ.

Розы, роскошныя бѣлыя розы,
Смяты безжалостно-грубой рукой;
На лепесткахъ, окропленныхъ росой,
Точно брильянты, играя порой,
Ярко блестятъ серебристыя слезы.
Васъ пощадили весеннія грозы,
Вамъ не страшны были даже морозы:
Въ свѣтлой теплицѣ, подъ солнца лучемъ,

Вы расцвѣтали, какъ юныя, грезы
Въ сердцѣ порою цвѣтутъ молодомъ.
Если природа васъ долго щадила,—
Не пощадила васъ прихоть людей;
Тамъ, гдѣ не ждали, тамъ ваша могила...
Брошены кѣмъ-то, лежите уныло
Вы на дорожкахъ душистыхъ аллей...
Такъ, зачастую, за наши стремленья
Мы не боимся тревогъ и борьбы,
Чужды боязни и чужды сомнѣнья...
Годы идутъ... Но довольно мгновенья,
Чтобы васъ смяло капризомъ судьбы.

Никольскій.

КУПАНЬЕ.

Вечеромъ яснымъ она у потока стояла,
Моя прозрачныя ножки во влагѣ жемчужной;
Струйка воды ихъ съ любовью собой обвивала,
Тихо шипѣла и брызгала пѣной воздушной...
Кто бъ любовался красавицей этой порою,
Какъ надъ потокомъ она, будто лотосъ, склонилась,
Змѣйкою станъ изогнула и бѣлой ногою
Стала на черный обривистый камень и мылась,
Грудь наклонивши надъ зыбью зеркальной потока;
Кто бъ посмотрѣлъ на нее, облитую лучами,
Или увидѣлъ, какъ страстно, привольно, широко
Прядали волны на грудь ей толпами
И, какъ о мраморъ кристаллъ, разбивались, блѣднѣя,
Тотъ пожелалъ бы, клянусь я, чтобъ въ это мгновенье
Въ мраморъ она превратилась, какъ мать-Ніобея,
Вѣчно бъ здѣсь мылась, грядущимъ вѣкамъ въ наслажденье!

Н. Ѳ. Щербина.

ФАНТАЗІЯ.

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ. Тусклы наши свѣчи.
Твой пушистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи...

Что жъ молчимъ мы? Или самовластно
Царство тихой, свѣтлой ночи мая?
Иль поетъ и ярко такъ, и страстно,
Соловей, надъ розой изнывая?
Иль проснулись птички за кустами,
Тамъ, гдѣ вѣтеръ колыхалъ ихъ гнѣзды,
И дрожа ревнивыми лучами,
Ближе, ближе къ намъ нисходятъ звѣзды?
На суку извилистомъ и чудномъ,
Пестрыхъ сказокъ пышная жилица,
Вся въ огнѣ, въ сіяньѣ изумрудномъ,
Надъ водой качается жаръ-птица;
Расписныя раковины блещутъ
Въ переливахъ чудной позолоты,
До луны жемчужной пѣной мещутъ
И алмазной пылью водометы;
Листья полны свѣтлыхъ насѣкомыхъ,
Все растетъ и рвется вонъ изъ мѣры,
Много сновъ приносится знакомыхъ,
И на сердцѣ много сладкой вѣры...
Переходятъ радужныя краски,
Раздражая око свѣтомъ ложнымъ,—
Мигъ еще—и нѣтъ волшебной сказки
И душа опять полна возможнымъ!..

Мы одни. Изъ сада въ стекла оконъ
Свѣтитъ мѣсяцъ... Тусклы наши свѣчи.
Твой душистый, твой послушный локонъ,
Развиваясь, падаетъ на плечи...

А. А. Фетъ.

Прости меня. Быть можетъ—эти строки
Нарушатъ временно душевный твой покой
И отвлекутъ отъ счастья въ край далекій
Тебя минутною, но грустною мечтой.
Быть можетъ—лучше мнѣ страдать въ уединеньи
Отъ ранъ въ груди, неисцѣлимыхъ ранъ,
И вѣрить въ сладостный обманъ,
Что для меня спасеніе—въ забвеньи!
Но въ наболѣвшемъ сердцѣ мѣста нѣтъ,
Какъ въ дни минувшіе, ни вѣрѣ, ни надеждѣ,
Одна любовь таится въ немъ какъ прежде,
И порывается, какъ ласточка, на свѣтъ,
Къ веснѣ, къ теплу, къ тебѣ, къ тебѣ, мой милый!
Прости, прости! Но для молчанья силы
И воли нѣтъ, къ несчастью, у меня!..
Ты долженъ знать: я—на краю могилы,
Но не боюсь, какъ прежде, смерти дня...
Еще вчера я начала посланье
Свое къ тебѣ. Въ душѣ воскресли вновь:
Твой образъ дорогой, и первое свиданье,
И радость встрѣчъ, и ласки, и любовь!..
Я взволновалася... Меня воспоминанье
Разстроило... Вновь приступъ кашля, кровь...
Я не страшусь ея. Но тетя испугалась.
Сейчасъ за докторомъ... Онъ прибѣжалъ въ отель,
Грудь выслушалъ мою и уложилъ въ постель,
Какъ я ни спорила и какъ какъ ни защищалась
Отъ слишкомъ нѣжныхъ обо мнѣ заботъ!
Сегодня встала я. Лежать въ постели—скука.
Я рано поднялась безъ шороха и стука,
Чтобы тетю не будить; накинула капотъ,
Прошла въ гостиную, окно открыла...
И воздухъ утренній душистою волной
Ворвался въ комнату. Выходитъ наша вилла
Въ садъ окнами. Какъ сѣткою сквозной,
Ее отъ пыли улицъ ограждая,
Сплелась жасминовъ зелень молодая,

Цвѣтетъ сирень...
Ты помнишь, какъ, бывало,
Съ тобой любили мы срывать ея цвѣты,
Какъ тщетно счастье я въ ихъ крестикахъ искала
И какъ всегда найдешь его, бывало, ты!
У насъ цвѣтетъ сирень, свиваютъ гнѣзда
птицы—
А дома—что, въ окрестности столицы?
Конечно—холодно, и снѣгъ, и дождь, и грязь;
То—вѣтеръ съ озера, то—съ Финскаго залива.
Но доктора и тети не спросятъ,
Въ суровой край я бъ чайкой понеслась
На дальній кличъ мнѣ близкаго призыва.
Призывъ какой? откуда? отъ кого?
Къ чему, къ чему несбычныя грезы?
Чередъ другихъ—срывать у счастья розы.
Все для другихъ. Больной мнѣ—ничего!
Сгорѣла жизнь моя. Чуть теплится лампада.
Пахнуло вѣтеркомъ и нѣтъ ея огня!..
Какъ зацвѣтетъ сирень у насъ въ аллеѣ сада,
Забудь меня!

Хвостовъ.

ЗАПѢВКА.

Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская,
Благовѣстная, побѣдная, раздольная,
Погородская, посельная, попольная,
Непогодою-невзгодою повитая,
Во крови, въ слезахъ крещеная-омытая!
Охъ, пора тебѣ на волю, пѣсня русская!
Не сама-собой ты спѣлася—сложилася:
Съ пустырей тебя намыло снѣгомъ-дождикомъ,
Нанесло тебя съ пожарищъ дымомъ-копотью,
Намело тебя съ сырыхъ могилъ метелицей...

Л. А. Мей.

К. М. Фофановъ.

М А Й.

Блѣдный вечеръ весны, и задумчивъ и тихъ,
Зарумяненъ вечерней зарею,
Грустно въ окна глядитъ,—и слагается стихъ,
И тѣснится мечта за мечтою.
Что-то грустно душѣ, что-то сердцу больнѣй,
Иль взгрустнулося мнѣ о бываломъ?
Это май баловникъ, это май чародѣй
Вѣетъ свѣжимъ своимъ опахаломъ.

Тамъ за душной чертою столичныхъ громадъ,
На степяхъ свѣтозарной природы,
Звонко птицы поютъ и плыветъ ароматъ,
И журчатъ сладкоструйныя воды,
И дрожитъ подъ росою душистыхъ полей
Блѣдный ландышъ склоненнымъ бокаломъ,—
Это май баловникъ, это май чародѣй
Вѣетъ свѣжимъ своимъ опахаломъ.

Дорогая моя, если бъ встрѣтиться намъ
Въ звучномъ праздникѣ юнаго мая
И сиренью дышать и внимать соловьямъ,
Міръ любви и страстей обнимая,—
О, какъ счастливъ бы сталъ я любовью твоей,
Сколько грезъ въ моемъ сердцѣ усталомъ
Этотъ май баловникъ, этотъ май чародѣй
Разбудилъ бы своимъ опахаломъ!..

К. М. Фофановъ.

* * *

Дождя отшумѣвшаго капли
Тихонько по листьямъ текли,
Тихонько шептались деревья,
Кукушка кричала вдали.
Луна на меня изъ-за тучи
Смотрѣла, какъ будто въ слезахъ,
Сидѣлъ я подъ кленомъ и думалъ,
И думалъ о прежнихъ годахъ.
Не знаю, была ли въ тѣ годы
Душа непорочна моя,
Но многому бъ я не повѣрилъ,
Не сдѣлалъ бы многаго я:
Теперь же мнѣ стали понятны
Обманъ и коварство и зло,
И многія свѣтлыя мысли
Одну за другой унесло.
Такъ думалъ о дняхъ я минувшихъ,
О дняхъ, когда былъ я добрѣй,
А въ листьяхъ высокаго клена
Сидѣлъ надо мной соловей.
И пѣлъ онъ такъ нѣжно и страстно,
Какъ будто хотѣлъ онъ сказать:
— «Утѣшься, не сѣтуй напрасно,
То время вернется опять».

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Только утро любви хорошо: хороши
Только первыя робкія рѣчи,
Трепетъ дѣвственно-чистой, стыдливой души,
Недомолвки и бѣглыя встрѣчи,
Перекрестныхъ намековъ и взглядовъ игра,
То надежда, то ревность слѣпая...
Незабвенная, полная счастья пора,
На землѣ—наслажденіе рая!..
Поцѣлуй—первый шагъ къ охлажденью: мечта
И возможной, и близкою стала;
Съ поцѣлуемъ роняетъ цвѣтокъ чистота,
И кумиръ низведенъ съ пьедестала;
Голосъ сердца чуть слышенъ, зато говоритъ
Голосъ крови и сердце опьяняетъ:
Любитъ тотъ, кто безумнѣй желаньемъ кипитъ,
Любитъ тотъ, кто безумнѣй лобзаетъ...
Свѣтлый храмъ въ сладострастный гаремъ обращенъ,
Смолкли звуки священныхъ моленій,
И грѣховно пылающій жрецъ распаленъ
Знойной жаждой земныхъ наслажденій.
Взглядъ, прикованный прежде къ прекраснымъ очамъ
И горѣвшій стыдливой мольбою,
Нагло бродитъ теперь по открытымъ плечамъ,
Обнаженнымъ безстыдной рукою...
Дальше—мигъ наслажденья, и пышный цвѣтокъ
Смятъ и дерзостно сорванъ, и снова
Не отдастъ его жизни кипучій потокъ,
Безпощадныя волны былого...
Праздникъ чувства окончен... погасли огни,
Сняты маски и смыты румяна;
И томительно тянутся скучные дни
Пошлой прозы, тоски и обмана!..

С. Я. Надсонъ.

МОЛИТВА.

Я, Матерь Божія, нынѣ съ молитвою
Предъ твоимъ образомъ, яркимъ сіяніемъ,
Не о спасеніи, не передъ битвою,
Не съ благодарностью, иль покаяніемъ,
Не за свою молю душу пустынную,
За душу странника въ свѣтѣ безроднаго,—
Но вручить хочу дѣву невинную
Теплой Заступницѣ міра холоднаго.
Окружи счастьемъ счастья достойную,
Дай ей сопутниковъ, полныхъ вниманія,
Молодость свѣтлую, старость покойную,
Сердцу незлобному миръ упованія.
Срокъ ли приблизится часу прощальному
Въ утро ли шумное, въ ночь ли безгласную,
Ты воспріять пошли къ ложу печальному
Лучшаго ангела—душу прекрасную.

М. Ю. Лермонтовъ.

* * *

За что тебя люблю?—спросила ты меня
Вчера, когда вдвоемъ укрыла насъ аллея...
Ты рядомъ шла со мной, головку наклоня,
Едва шепча слова, дышать почти не смѣя...
За что тебя люблю?—Я не сказалъ въ тотъ мигъ.
И знаешь, что меня, дитя, остановило?—
Такъ нѣженъ былъ закатъ, такъ воздухъ свѣжъ и тихъ,
Такъ молчаливо все въ пустой аллеѣ было...
За что тебя люблю?—За то, что въ вешнемъ днѣ
Я понялъ красоту невѣдомую прежде;
За то, что милъ мнѣ рядъ деревьевъ въ полуснѣ,
Нарядныхъ, молодыхъ въ ихъ дѣвственной одеждѣ.

За что тебя люблю?—За то, что хороши
И тѣни на пескѣ, и неба трепетъ смутный...
Пойми же: для моей измученной души
Доступны снова грусть—и счастья блескъ минутный,
За что тебя люблю?— Невинна и чиста,
Ты подошла ко мнѣ желанной и любимой,—
Въ дни осени моей послѣдняя мечта
О дняхъ весны невозвратимой...

С. А. Сафоновъ.

МУХИ.

Мухи, какъ черныя мысли, весь день не даютъ мнѣ покою:
Жалятъ, жужжатъ и кружатся надъ бѣдной моей головою!
Сгонишь одну со щеки, а на глазъ ужъ усѣлась другая;
Некуда спрятаться: всюду царитъ ненавистная стая.
Валится книга изъ рукъ, разговоръ упадаетъ, блѣднѣя...
Эхъ! кабы вечеръ придвинулся, эхъ! кабы ночь поскорѣе.
Черныя мысли, какъ мухи, всю ночь не даютъ мнѣ покою;
Жалятъ, язвятъ и кружатся надъ бѣдной моей головою!
Только прогонишь одну, а ужъ въ сердце впилася другая.
Вся вспоминается жизнь такъ безплодно въ мечтахъ прожитая;
Хочешь забыть, разлюбить, а все любишь сильнѣй и больнѣй...
Эхъ! кабы ночь, настоящая, вѣчная ночь поскорѣе!

А. Н. Апухтинъ.

ДОРОГА.

Глухая степь—дорога далека,
Вокругъ меня волнуетъ вѣтеръ поле,
Вдали туманъ—мнѣ грустно поневолѣ,
И тайная беретъ меня тоска.
Какъ кони ни бѣгутъ, мнѣ кажется, лѣниво
Они бѣгутъ. Въ глазахъ одно и то жъ:
Все степь да степь, за нивой снова нива...
— «Зачѣмъ, ямщикъ, ты пѣсни не поешь?..»—
И мнѣ въ отвѣтъ ямщикъ мой бородатый:
— Про черный день мы пѣсни бережемъ.—
«Чему жъ ты радъ?»—Недалеко до хаты:
Знакомый шестъ мелькаетъ за бугромъ.—
Вотъ крытый дворъ. Покой, привѣтъ и ужинъ
Найдетъ ямщикъ подъ кровлею своей,
А я усталъ—покой давно мнѣ нуженъ;
Но нѣтъ его... Мѣняютъ лошадей.
— «Ну-ну живѣй!..» Долга моя дорога;
Сырая ночь—ни хаты, ни огня...
Ямщикъ поетъ. Въ душѣ опять тревога...
Про черный день нѣтъ пѣсни у меня!..

Я. П. Полонскій.

* * *

Садикъ запущенный, садикъ заглохшій,—
Старенькій, сѣренькій домъ;
Дворикъ заросшій, прудокъ пересохшій,—
Ветхія службы кругомъ.
Нѣсколько шаткихъ ступенекъ крылечка,
Стекла цвѣтныя въ дверяхъ;
Лавки вдоль стѣнъ, изразцовая печка
Въ низенькихъ, темныхъ сѣняхъ.
Въ комнатѣ стулья съ обивкой сафьяной
Образъ съ лампадкой въ углу.
Книги на полкахъ, каминъ, фортепьяно,
Мягкій коверъ на полу...

Въ комнатѣ этой и зиму и лѣто
Столько цвѣтовъ на окнѣ...
— Какъ мнѣ знакомо и мило все это,
Какъ это дорого мнѣ!
— Юныя грезы! счастливыя встрѣчи
Въ полѣ и въ мракѣ лѣсномъ...
Подъ вечеръ долгія, тихія рѣчи
Рядомъ за чайнымъ столомъ...
Годы минувшіе, лучшіе годы,
Чуждые смутъ и тревогъ!
Ясные дни тишины и свободы!
Мирный, родной уголокъ!
— Нынѣ жъ одно только на сердцѣ бремя
Незамѣнимыхъ потерь...
Гдѣ это доброе, старое время,
Гдѣ это счастье теперь?

К. Р.

* * *

Рыдаетъ и плачетъ тоскливая скрипка
И слышится въ звукахъ мнѣ голосъ родной,
И тихо сквозь слезы мерцаетъ улыбка
Надъ юностью падшей, надъ жизнью больной.
Рыдайте и плачьте, печальныя струны!
Рыдайте—мнѣ сладокъ вашъ трепетный плачъ!
Какъ первыя грезы, вы страстны и юны,
Безжалостны вы, какъ жестокій палачъ.
Вы вновь пробудили пѣвучія думы,
Вы вновь окрылили восторгомъ меня...
И грусть моя таетъ, какъ сумракъ угрюмый
Предъ алымъ сіяньемъ веселаго дня,
И вижу я снова изъ мрака забвенья,
Какъ блѣдный туманъ изъ глубокихъ лощинъ,
Встаютъ и киваютъ былыя видѣнья
Сквозь черную дымку угасшихъ годинъ...

К. М. Фофановъ.

ЗА ЧТО?

Любили ль вы, какъ я? Безсонными ночами
Страдали ль за нее съ мучительной тоской?
Молились ли о ней съ безумными слезами
Всей силою любви, высокой и святой?

Съ тѣхъ поръ, когда она въ землѣ была зарыта,
Когда вы видѣли ее въ послѣдній разъ,
Съ тѣхъ поръ была ль для васъ вся ваша жизнь разбита,
И свѣтъ, послѣдній свѣтъ, угаснулъ ли для васъ?

Нѣтъ!.. Вы, какъ и всегда, и жили и желали;
Вы гордо шли впередъ, минувшее забывъ,
И послѣ, можетъ быть, сурово осмѣяли
Страданій и тоски утихнувшій порывъ.

Вы, баловни любви, слѣпыя дѣти счастья,
Вы не могли понять души ея святой,
Вы не могли цѣнить ни ласки, ни участья
Такъ, какъ цѣнилъ ихъ я, усталый и больной!

За что жъ, въ печальный часъ разлуки и прощанья,
Вы, только вы одни, могли въ нѣмой тоскѣ
Приникнуть пламенемъ послѣдняго лобзанья
Къ ея безжизненной и мраморной рукѣ?

За что жъ, когда ее въ могилу опускали
И погребальный хоръ ей о блаженствѣ пѣлъ,
Вы ранній гробъ ея цвѣтами увѣнчали,
А я лишь издали, какъ чуждый ей, смотрѣлъ?

О, если бъ знали вы безумную тревогу
И боль души моей, надломленной грозой,—
Вы разступились бы и дали мнѣ дорогу
Стать ближе всѣхъ къ ея могилѣ дорогой!

С. Я. Надсонъ.

А. В. Кольцовъ.

ДУМА СОКОЛА.

Долго ль буду я
Сиднемъ дома жить.
Мою молодость
Ни за что губить?
Долго ль буду я
Подъ окномъ сидѣть,
По дорогѣ вдаль
День и ночь глядѣть?
Иль у сокола
Крылья связаны,
Иль пути ему
Всѣ заказаны?
Иль боится онъ
Въ чужихъ людяхъ быть,
Съ судьбой-мачехой
Самъ-собою жить?
Для чего жъ на свѣтъ
Глядѣть хочется,
Облетѣть его
Душа просится?

Иль зачѣмъ она,
Моя милая,
Здѣсь сидитъ со мной,
Слезы льетъ рѣкой?
Отъ меня летитъ,
Пѣсню мнѣ поетъ,
Все рукой манитъ,
Все съ собой зоветъ...
Нѣтъ ужъ полно мнѣ
Дома вѣкъ сидѣть,
По дорожкѣ вдаль
Изъ окна глядѣть!
Со двора пойду,
Куда путь манитъ,
А жить стану тамъ—
Гдѣ ужъ Богъ велитъ.

А. В. Кольцовъ.

* * *

Чувствъ и думъ несмѣтный рой
И толпа воспоминаній
Всюду слѣдуютъ за мной
По пути моихъ страданій...
Надо высказать мнѣ ихъ:
Мой замкнутый міръ имъ тѣсенъ...
Сердце въ память дней былыхъ
Проситъ пѣсенъ!
Спѣлъ бы я, какъ въ эти дни,
Мнѣ свѣтя, не заходило
Всеобъемлющей любви
Лучезарное свѣтило,
Какъ оно, сгорѣвъ до тла,
Меркло, грустно потухая,
И ужъ нѣтъ его... Пришла
Ночь глухая.
Душу вылилъ бы я всю,
Воплотилъ бы сердце въ звуки!

Пѣсни про любовь мою,
И про счастье, и про муки,
Про глубокую тоску—
Ихъ святыни не нарушатъ...
Спѣлъ бы я, да не могу—
Слезы душатъ...

А. М. Жемчужниковъ.

БѢГСТВО.

Ужъ какъ гляну я на поле—
Поле чистое дрогнетъ,
Нагустивъ свои туманы,
Въ нихъ одѣнется на ночь.
Я изъ поля въ лѣсъ дремучій—
Лѣшій по лѣсу шумитъ.
Про любовь свою къ русалкѣ
Съ быстрой рѣчкой говоритъ.
Крикну лѣсу, топну въ берегъ—
Лѣшій за горы уйдетъ,
Съ тихимъ трепетомъ русалка
Въ берегахъ своихъ уснетъ.
Я чрезъ рѣчку, огородомъ,
Всю слободку обойду,
Съ темной полночью глухою
Къ дому барскому приду.
Свисну—въ теремѣ высокомъ
Вмигъ растворится окно;
Подъ окномъ душа-дѣвица
Дожидается давно.
Скучно въ теремѣ весною
Одинокой горевать;
То ли дѣло, на просторѣ,
Друга къ сердцу прижимать!
Поднимайся, туча-буря,
Съ полуночною грозой!

Зашатайся, лѣсъ дремучій,
Страшнымъ голосомъ завой,—
Чтобъ погони злой бояринъ
Вслѣдъ за нами не послалъ:
Чтобъ я съ милою до свѣта
На Украйну прискакалъ.
Тамъ всего у насъ довольно;
Будетъ гдѣ намъ отдохнуть.
Отъ боярина сокроютъ,
Хату славную дадутъ.
Будемъ жить съ тобой по-пански...
Эти люди намъ друзья,
Что́ душѣ твоей угодно,
Все добуду съ ними я!
Будутъ платья дорогія,
Ожерелья съ жемчугомъ;
Наряжайся, одѣвайся
Хочь парчею съ серебромъ!

А. В. Кольцовъ.

Я БОЮСЬ РАЗСКАЗАТЬ.

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю...
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Легкій вѣтеръ въ кустахъ вдругъ въ веселіи пьяномъ
Пролетитъ надъ землей ураганомъ...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю...
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Звѣзды станутъ недвижно средь темнаго свода,
И висѣть будетъ ночь безъ исхода...

Я боюсь разсказать, какъ тебя я люблю...
Я боюсь, что, подслушавши повѣсть мою,
Мое сердце безумья любви ужаснется
И отъ счастья и муки... порвется!..

Н. М. Минскій.

У С Н И.

Уснуть бы мнѣ навѣкъ, въ травѣ, какъ въ колы-
бели,
Какъ я ребенкомъ спалъ въ тѣ солнечные дни,
Когда въ лучахъ полуденныхъ звенѣли
Веселыхъ жаворонковъ трели
И пѣли мнѣ они:
«Усни, усни!»
И крылья пестрыхъ мухъ съ причудливой окраской
На вѣнчикахъ цвѣтовъ дрожали, какъ огни,
И шумъ деревъ казался чудной сказкой,
Мой сонъ, лелѣя, съ тихой лаской
Баюкали они:
«Усни, усни!»
И убѣгая въ даль, какъ волны золотыя,
Давали мнѣ пріютъ въ задумчивой тѣни,
Подъ кущей вербъ, поля мои родныя,
Склонивъ колосья наливные,
Шептали мнѣ они:
«Усни, усни!»

Д. С. Мережковскій.

* * *

Распустилась черемуха въ нашемъ саду,
На сирени—цвѣты благовонные;
Задремали деревья... Листы какъ въ бреду.
Съ вѣтромъ шепчутся, словно влюбленные.
А отливы заката, алѣя, горя,
Синеву ужъ румянятъ небесную.
На весну наглядѣться не можетъ заря,
Жаль покинуть ей землю чудесную.
Напоенный душистымъ дыханьемъ березъ,
Воздухъ въ юную грудь такъ и просится,
И волшебныхъ чарующихъ полная грезъ
Далеко моя пѣсня разносится!

К. Р.

* * *

Зрѣютъ травы благовонныя, сладко шепчутся кусты,
Дышатъ нѣгой опьяненные блѣдныхъ ландышей цвѣты.
Разрослись, прозрачно бѣлые, тамъ, гдѣ влаженъ полусвѣтъ,
Перезвоны ихъ несмѣлые шлютъ таинственный привѣтъ.
На крылахъ, незримо вѣющихъ, къ нимъ доноситъ вѣтерокъ
Колокольчиковъ синѣющихъ серебристый голосокъ;
А вблизи, въ красѣ застѣнчивой, одуванчики таятъ
Свой воздушный, свой измѣнчивый, облетающій нарядъ...
Прихожу я въ ночь безсонную, чтобъ у ландышей спросить,
Какъ надежду опьяненную вѣчно чистой сохранить?
Колокольчики желанные, улыбнитесь мнѣ въ травѣ!
Научите, нѣжно-тканные, какъ молиться синевѣ,
Какъ лазурность безпредѣльную съ робкимъ сердцемъ сочетать,
Какъ мнѣ пѣсню колыбельную въ дѣтской радости слагать?..
Вы же, призраки сквозистые, въ блескѣ ночи голубой,
Одуванчики пушистые, осребренные луной,
Лишь на мигъ одинъ согрѣтые вздохомъ зыбкой красоты,
Словно облакомъ одѣтые, свѣтло-дымныя цвѣты!—
Душу, вѣрить вамъ готовую на земномъ ея пути,
Научите ризу новую, ризу ясную найти,
Сбросить ткани обветшалыя, омраченною судьбой,
И смѣнить мечты усталыя новой сказочной мечтой.

М. Пожарова.

ГОСПОДЬ СЪ ТОБОИ.

Вся жизнь—обманъ, погоня за мечтою...
Вѣдь счастье—мигъ; нѣтъ розы безъ шиповъ!
Что сердце жаждало съ безумною тоскою—
Настанетъ часъ—умчится безъ слѣдовъ.
Былъ мигъ, твоихъ очей сіянье говорило,
Что любишь ты, что счастье мнѣ дано.
Господь съ тобой! То слишкомъ чудно бъ было...
Господь съ тобой! То мнѣ не суждено...
Житейскихъ бурь и я позналъ волненья,
Встрѣчалъ и ложь и злобу на пути...
Усталый и больной—искалъ самозабвенья,
Когда передо мной явилось ты.
Твоя любовь блаженство мнѣ дарила
И вѣрилъ я,—насъ счастье ждетъ одно.
Господь съ тобой! То слишкомъ чудно бъ было...
Господь съ тобой! То мнѣ не суждено...
Нависли тучи, въ сумракѣ волшебномъ
Нѣмая тишь: гроза ужъ собралась!
Вокругъ темно,—темно и въ сердцѣ бѣдномъ.
Насталъ, увы! разлуки нашей часъ:
Но, что бъ судьба въ грядущемъ не сулила,
Въ моей душѣ я сберегу одно:
Господь съ тобою! То слишкомъ чудно бъ было...
Господь съ тобой! То мнѣ не суждено.

И. Арбенинъ.

* * *

Глубже все въ грудь проникаетъ безстрастья цѣлительный холодъ,
Крѣпче по сердцу стучитъ закаляющій времени молотъ,
Гаснетъ въ душѣ моей жизни огонь безпокойный и юный,

Тихо на арфѣ моей замираютъ послѣднія струны.
Можетъ быть, въ сердцѣ остывшемъ огни бы опять запылали,
Можетъ быть, вѣщія струны тѣ вновь бы, какъ встарь, зазвучали,—
Если бъ нежданно коснулось ихъ бури живое дыханье,
Если бъ отъ сна пробудило ихъ страсти всесильной желанье!..
Но не примчится гроза, не нагрянетъ веселіе бури;
Тихо и нѣмо безоблачье чистой небесной лазури.
Спите же, вѣщія струны, угасни, огонь вдохновенья,
До незакатнаго, свѣтлаго... близкаго дня пробужденья!
Въ день тотъ, для сердца желанный, иные пробудятъ васъ звуки,
Чудные буйныхъ страстей вожделѣній, тревоги и муки.
Пламенемъ новымъ зажжется въ воскресшей груди вдохновенье,
Чистой струею польется любви неземной пѣснопѣнье!

А. Голенищевъ-Кутузовъ.

ОКТАВА.

Гармоніи стиха божественныя тайны
Не думай разгадать по книгамъ мудрецовъ:
У брега сонныхъ водъ, одинъ бродя, случайно,
Прислушайся душой къ шептанью тростниковъ,
Дубравы говору; ихъ звукъ необычайный
Прочувствуй и пойми... Въ созвучіи стиховъ
Невольно съ устъ твоихъ размѣрныя октавы
Польются, звучныя, какъ музыка дубравы.

А. Н. Майковъ.

* *

Не повторяй, что радости превратны
И кратковременны мечты:
Безпечнымъ дѣтямъ суеты
Слова печали непонятны.
Насъ тѣшитъ міръ,
Какъ шумный пиръ,
Гдѣ ярко свѣтитъ газъ и женщины смѣются,
И звуки вальса раздаются.
Пускай нѣмая ночь, за мраморной стѣной,
Черна, какъ трауръ погребальный,—
Не заразится воздухъ бальный
Ея безжизненною тьмой.
Взгляни: тяжелый штофъ, и тюль, и кружева
На окнахъ складками повисли.
Мы гонимъ сумрачныя мысли,
Въ насъ жажда счастія жива!
Иди съ своей тоской, задумчивый пророкъ,
Въ лѣсныя дебри и пустыни,
Гдѣ, въ созерцаніи святыни,
Ты будешь вѣчно одинокъ.
Тамъ рѣчи дальнихъ звѣздъ отшельникамъ понятны;
Тамъ будешь повторять, что радости превратны
И кратковременны мечты...

С. Андреевскій.

УТРО.

Звѣзды меркнутъ и гаснутъ. Въ огнѣ облака.
Бѣлый паръ по лугамъ разстилается.
По зеркальной водѣ, по кудрямъ лозняка
Отъ зари алый свѣтъ разливается.
Дремлетъ чуткій камышъ. Тишь—безлюдье вокругъ.
Чуть примѣтна тропинка росистая.
Кустъ задѣнешь плечомъ,—на лицо тебѣ вдругъ

Съ листьевъ брызнетъ роса серебристая.
Потянулъ вѣтерокъ,—воду морщитъ, рябитъ,
Понеслись утки съ шумомъ и скрылися,
Далеко, далеко колокольчикъ звенитъ.
Рыбаки въ шалашѣ пробудилися.
Сняли сѣти съ шестовъ, весла къ лодкамъ несутъ...
А востокъ все горитъ, разгорается,
Птички солнышка ждутъ, птички пѣсни поютъ,
И стоитъ себѣ лѣсъ, улыбается.
Вотъ и солнце встаетъ, изъ-за пашенъ блеститъ,
За морями ночлегъ свой покинуло;
На поля, на луга, на макушки ракитъ
Золотыми потоками хлынуло.
Ѣдетъ пахарь съ сохой, ѣдетъ—пѣсню поетъ;
По плечу молодцу все тяжелое...
Не боли ты, душа! отдохни отъ заботъ!
Здравствуй, солнце, да утра веселое!

И. С. Никитинъ.

* * *

Не грусти, что листья,—
Съ дерева валятся,—
Будущей весною
Вновь они родятся,—
А грусти, что силы
Молодости таютъ,
Что черствѣетъ сердце,
Думы засыпаютъ...
Только лишь весною
Теплою повѣетъ—
Дерево роскошно
Вновь зазеленѣетъ...
Силы жъ молодыя
Сгибнутъ, не вернутся,
Сердце очерствѣетъ,
Думы не проснутся.

И. З. Суриковъ.

И. С. Никитинъ.

* * *

Вырыта заступомъ яма глубокая...
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая...
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая...
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла...
Что же?... Усни, моя доля суровая,
Крѣпко закроется крышка сосновая,
Плотно сырою землею придавится,—
Только однимъ человѣкомъ убавится...
Убыль его никому не больна,
Память о немъ никому не нужна!..
Вотъ она—слышится пѣснь беззаботная,—
Гостя погоста пѣвунья залетная
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни покончены вопросъ—
Больше не нужно ни пѣсенъ ни слезъ!

И. С. Никитинъ.

БЛѢДНОРОЗОВАЯ ТУЧКА.

Блѣднорозовая тучка
Съ золотистыми краями
Въ этотъ вечеръ благодатный
Въ вышинѣ плыветъ надъ нами.
Изъ кустовъ несутся трели
Соловьиной пѣсни страстной...
Какъ съ тобою въ этотъ вечеръ
Счастливъ я, мой другъ прекрасный!
Всѣ тревоги, всѣ сомнѣнья
Отлетѣли прочь куда-то,
И опять ко мнѣ вернулось
Все, чѣмъ я дышалъ когда-то,
И опять хочу я вѣрить
И хочу я жить, какъ прежде,
Отдавая умъ усталый
И стремленьямъ и надеждѣ.
А въ блѣднѣющей лазури,
Въ вышинѣ плыветъ надъ ними
Блѣднорозовая тучка
Съ золотистыми краями.

Д. М. Ратгауэръ.

* * *

Передъ луною равнодушной,
Одѣтой въ радужный туманъ,
Въ отлива часъ волной послушной,
Прощаясь плакалъ океанъ.

Но въ безднахъ ночи онѣмѣвшей
Тонулъ безслѣдно плачъ валовъ,
Какъ тонетъ гулъ житейскихъ словъ
Въ душѣ свободной и прозрѣвшей.

Н. М. Минскій.

Спите полумертвые, увядшіе цвѣты,
Такъ и не узнавшіе расцвѣта красоты,
Близь путей заѣзженныхъ взрощенные Творцомъ,
Смятые невидѣвшимъ тяжелымъ колесомъ.
Въ часъ, когда всѣ празднуютъ рожденіе весны,
Въ часъ, когда сбываются несбыточные сны,
Всѣмъ дано безумствовать, лишь вамъ однимъ
нельзя:
Возлѣ васъ раскинулась заклятая стезя.
Вотъ, полуизломаны, лежите вы въ пыли,
Вы, что въ небо дальнее свѣтло глядѣть могли,
Вы, что встрѣтить счастіе могли бы какъ и всѣ,
Въ женственной, въ дѣвической, въ нетронутой
красѣ.
Спите же, взглянувшіе на страшный пыльный путь.
Вашимъ равнымъ—царствовать, а вамъ—навѣкъ
уснуть.
Богомъ обдѣленные на праздникѣ весны,
Спите, не видавшіе расцвѣта красоты.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Не думала ли ты, что, блѣдный и безмолвный,
Я вновь къ тебѣ приду какъ нищій умолять,—
Тобой отвергнутый, тобою вѣчно полный,—
Чтобъ ты позволила у ногъ твоихъ рыдать?
Напрасная мечта!.. Слыхала ль ты порой,
Что въ милой праздности не всѣ, какъ ты, живутъ,
Что гдѣ-то есть борьба, и мысль, и честный трудъ,
И что предъ ними ты ничто съ твоей красой?
Смотри!—меня зоветъ огромный, свѣтлый міръ:
Есть у меня безсмертная природа,
И молодость, и гордая свобода,
И Рафаэль, и Данте, и Шекспиръ!
И думать ты могла, что я томиться буду,
Или у ногъ твоихъ безпомощно рыдать?

Нѣтъ, стыдно предъ тобой мнѣ слезы расточать!—
Забудь меня скорѣй, какъ я тебя забуду!
О, неразумное, прелестное дитя,
Ты гнѣва моего, повѣрь, не заслужила,—
Но, если бъ ты могла понять, какая сила
Была у ногъ твоихъ, когда со мной шутя,
Играла ты въ любовь, и все потомъ разбила,—
Тогда лицо твое зардѣлось бы стыдомъ,
И надъ поруганной любовью, надъ мечтами,
Что ты разрушила своими же руками,
Не я,—а ты въ отчаяньи нѣмомъ
Рыдала бы теперь горючими слезами!

Д. С. Мережковскій.

* * *

Долгая скучная ночь приближалась къ концу,
Тихо вершины шумѣли..
Думы тѣснились надъ пологомъ душной постели,
Слезы текли по лицу.
Слабо дышали цвѣты сквозь прозрачныя вазы...
Бѣлый разсвѣтъ серебрилъ облака...
Вѣтеръ качалъ освѣженные темные вязы,
И утомленной волной плескалась рѣка.
Вѣяло утромъ... Зажглася заря золотая!
Сладкою дрожью и сочною влагой дыша,
Лебедь проснулся, изъ тощихъ стеблей камыша
Выплылъ онъ, грудью волну разсѣкая,
Тѣни погасли, какъ блѣднаго мѣсяца грезы...
Грезы, какъ тѣни, изчезли вдали...
Рѣютъ, гудя надъ цвѣтами, шмели,
Рѣютъ, кружася, стрекозы...
Утро и счастье! И Солнце, и гимны Творцу...
Шумно къ порогу стучится забота...
Думы тѣснятся, исчезла дремота,—
Слезы текутъ по лицу...

К. М. Фофановъ.

ЗА ГРОБОМЪ.

Изъ К. Уейскаго.

Колокольный звонъ, гудѣнье!.. Или мнѣ сдается?..
Точно совъ зловѣщихъ пѣнье гдѣ-то раздается!..
Въ двухъ шагахъ передо мною черный возъ катится,
И глаза мнѣ затемняетъ!.. Что могло случиться?..
Вкругъ меня толпа большая; крестъ вдали мигаетъ.
Тускло свѣчи восковыя, капая, мелькаютъ;
А меня ведутъ куда-то подъ руки!.. Свободно,
Точно сами, ноги ходятъ и куда угодно!..
Хорошо!.. Легко, поспѣшно двигаются ноги!..
Пусть ведутъ... Вѣдь самъ не знаю никакой дороги!..
Какъ во снѣ брожу безъ мысли, безъ малѣйшей воли,
Въ головѣ лишь, въ сердцѣ чую страшныя я боли!..
Кто-то когти запускаетъ, острыя, кривыя,
Въ мозгъ и въ сердце! Что за боли страшныя такія!..
А гудѣнье раздается все сильнѣй—сильнѣе!..
Звонъ по воздуху несется все мрачнѣй—мрачнѣе!..
Чу! И музыку я слышу... Жаръ въ глазахъ пылаетъ,
По щекамъ струи холодной влаги внизъ стекаютъ!..
На меня такъ смотрятъ странно, подходить не смѣютъ.
Что жъ въ лицѣ моемъ такое, передъ чѣмъ робѣютъ?..
А подъ чернымъ покрываломъ кони тянутъ дроги,
Медленно переставляя равномѣрно ноги...
И влечетъ меня за ними роковая сила!
И плетусь я шагъ за шагомъ имъ во слѣдъ уныло...
Боже!.. Этотъ гробъ, служащій ей теперь пріютомъ!..
Жизни всей моей задачи въ томъ гробу, въ гробу томъ!..
На атласѣ, улыбаясь, точно сладко спишь,
Со скрещенными руками на груди лежишь!..

Нѣтъ, не спишь ты, и не дышишь, и не видишь грезъ;
Запаха вѣнка не слышишь изъ душистыхъ розъ!..
Сна ты вѣчнаго съ себя ужъ не стряхнешь оковъ,
Поцѣлуй тебя мой нѣжный не разбудитъ вновь!..
Свѣтлымъ ангеломъ была ты на моемъ пути!
Точно грезы пролетѣли быстро счастья дни!..
Былъ и самъ я безпороченъ, чистъ вблизи тебя:
Отъ грѣховъ священный взоръ твой очищалъ меня!..
Ты предметомъ вдохновенья для меня была,
Ко вратамъ небесъ и рая ты меня вела!..
Для чего тебя ростила матушка твоя,—
Чтобъ холодная могила отняла тебя?..
Это ль свадебное ложе мужа твоего?..
И я живъ еще... О, Боже!.. Живъ, я для чего?..
О, куда, куда надежда свѣтлая моя
Послѣ столькихъ испытаній довела меня?
Шелъ я къ пропасти подъ солнцемъ!.. Всѣхъ надеждъ вѣнецъ—
То, что гробъ твой предъ собою вижу наконецъ!
Вотъ гдѣ свадебное ложе мужа твоего!..
И я живъ еще!.. О, Боже!.. Живъ и для чего?..
Сняли гробъ; его уносятъ; вслѣдъ за нимъ иду я.
— «Не пускать меня кто смѣетъ?.. Прочь, вамъ говорю я.
Прочь съ дороги!.. Прочь отсюда!.. Васъ предупреждаю:
Молодъ я, взбѣшенъ и силой мощной обладаю!
Я одинъ при ней быть въ правѣ! Кто изъ васъ посмѣетъ
Преградить мнѣ путь? Кто право здѣсь на то имѣетъ?
Чье вмѣститъ здѣсь сердце столько горя и страданья,
Какъ мое?.. Еще такого въ мірѣ нѣтъ созданья!»

И отхлынули!.. Пошелъ я узкою тропою,
Королемъ страданій тяжкихъ твердою стопою!
Среди шума, удивленья, среди гула, звона
Подхожу къ могилѣ, къ мѣсту моего я трона.

Ты съ лопатою, могильщикъ! Молви-ка мнѣ слово:
Что возьмешь за погребенье короля такого?
Закопай меня глубоко; жизнь моя—мученье!..
Тяжелѣй земли могильной воздуха давленье!..
Отойди отецъ съ водою, я одинъ межъ вами
И безъ васъ ее моими окроплю слезами!
Изъ подъ ризы протянулась длань, меня касаясь,
И упалъ я передъ нею духомъ преклоняясь...
Подняли меня мгновенно, понесли тотчасъ же!
Да куда жъ меня уносятъ отъ нея, куда же?..

Д. Александровъ.

* * *

Нынче ночью кто-то долго пѣлъ,
Далеко скитаясь въ темномъ полѣ:
Голосъ грустной удально звенѣлъ,
Пѣлъ о прошломъ счастьѣ и о волѣ.

Я открылъ окно и сѣлъ на немъ.
Ты спала... Я долго слушалъ жадно...
Съ поля пахло рожью и дождемъ,
Ночь была безмолвна и прохладна.

Что въ душѣ тотъ голосъ пробудилъ,
Я не знаю. Но душа грустила,
И тебя такъ нѣжно я любилъ,
Какъ меня когда-то ты любила.

И хотѣлось мнѣ простить тебѣ
Все, что въ сердцѣ я скрывалъ глубоко,
Покориться горестной судьбѣ
И уйти—навѣкъ, и одиноко

Выплакать страданія свои,
И, скитаясь ночью въ темномъ полѣ,
Пѣть о прошломъ счастьѣ и о волѣ,
О своей загубленной любви!

Иванъ Бунинъ.

* * *

Благословенъ, кто въ дѣтствѣ избранъ свыше
Глашатаемъ искусствъ, прекраснаго жрецомъ!—
Тому жизнь стелется заманчивымъ путемъ,
И цѣль ея полнѣй, и въ бурю волны тише!
Тотъ гостемъ дорогимъ вселенную пройдетъ,
Нося, какъ талисманъ, съ собою вдохновенье,
И всюду встрѣтитъ онъ привѣтъ и одобренье,
И всюду онъ друзей и братьевъ обрѣтетъ.
Глаголъ данъ генію отъ неба повсемѣстный:
Блаженъ, кому знакомъ духовныхъ силъ языкъ,
Кто тайну творчества постигнулъ и проникъ,
Кто счастливъ и богатъ своей мечтой чудесной.
Кто словомъ, кистію, струнами иль рѣзцомъ владѣетъ,—
Какъ небесъ наслѣдіемъ безцѣннымъ,
Кто можетъ оживить толпу огнемъ священнымъ,
И небо избраннымъ отверзть къ быту земномъ!

Е. П. Растопчина.

* * *

Изъ Г. Гейне.

Скажи мнѣ, кто вздумалъ часы изобрѣсть,
Въ минуты, въ секунды все время расчесть?
— Холодный и мрачный то былъ нелюдимъ;
Онъ въ зимнія ночи, хандрою томимъ,
Все слушалъ, какъ мышка скребется въ подпечекъ
Да въ щелкѣ куетъ запоздалый кузнечикъ.—
А кто изобрѣлъ поцѣлуй, и когда?
— Пылавшія счастьемъ и нѣгой уста.
Безъ счету, безъ думъ цѣловались они.
То было въ прекрасные майскіе дни...
И солнце играло, и птицы запѣли,
И ярко цвѣтами луга запестрѣли.—

М. Л. Михайловъ.

* * *

То было раннею весной...
Трава едва всходила,
Ручьи текли, не парилъ зной,
И зелень рощъ сквозила;
Труба пастушья по утру
Еще не пѣла звонко,
И въ завиткахъ еще въ бору
Былъ папоротникъ тонкій;
То было раннею весной—
Въ тѣни березъ то было,
Когда съ улыбкой предо мной
Ты очи опустила...
То на любовь мою въ отвѣтъ
Ты опустила вѣжды—
О, жизнь! о, лѣсъ! о, солнца свѣтъ!
О, юность! о, надежды!
И плакалъ я передъ тобой,
На ликъ твой глядя милый,—
То было раннею весной,
Въ тѣни березъ то было!
То было въ утро нашихъ лѣтъ—
О, счастіе! о, слезы!
О, лѣсъ! о жизнь! о, солнца свѣтъ!
О, свѣжій духъ березы!

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Блѣднѣютъ полночныя тѣни...
Я въ комнату тихо вошелъ...
Букетъ изъ лиловой сирени
Поставилъ мнѣ кто-то на столъ.

Вокругъ все полно ароматомъ
Весеннихъ душистыхъ цвѣтовъ,—
И въ сердцѣ, волненьемъ объятомъ,
Слагается пѣсня безъ словъ.

Какой-то мелодіей дивной
Душа молодая полна,—
И слышится голосъ призывный,
И манитъ меня изъ окна...

Я знаю, ты спишь, дорогая,
И слышится все-таки мнѣ,
Какъ, имя мое называя,
Уста твои шепчутъ во снѣ...

Во снѣ ты цвѣты мнѣ бросаешь,—
Такъ сладко волнуется грудь,—
Ты нѣжно меня призываешь
И хочешь меня оттолкнуть...

Томительно радостны грезы,
Ты вся—вдохновенье любви,
И льются счастливыя слезы
На бѣлыя руки твои...

Но завтра, я знаю, сурово
Ты будешь себя упрекать,—
И къ вечеру влюбишься снова,
И утромъ разлюбишь опять!

К. Н. Льдовъ.

* * *

Растворилъ я окно,—стало грустно не въ мочь,—
Опустился предъ нимъ на колѣни,
И въ лицо мнѣ пахнула весенняя ночь
Благовоннымъ дыханьемъ сирени.
И вдали гдѣ-то чудно такъ пѣлъ соловей;
Я внималъ ему съ грустью глубокой
И съ тоскою о родинѣ вспомнилъ своей
Объ отчизнѣ я вспомнилъ далекой,
Гдѣ родной соловей пѣснь родную поетъ
И, не зная земныхъ огорченій,
Заливается цѣлую ночь напролетъ
Надъ душистою вѣткой сирени...

К. Р.

Н. П. Огаревъ.

* * *

По тряской мостовой я ѣхалъ молча,
Усталый отъ дневныхъ заботъ и шума.
Мнѣ день, утраченный въ пустомъ чаду,
Холоднымъ падалъ на душу упрекомъ,
И ночь мнѣ не была отрадна...
На мѣсяцъ блѣдный облако нашло—
Онъ сквозь него просвѣчивалъ печально;
Пустыя улицы безмолвны были,
И только песъ съ досадою въ просонкахъ
Навстрѣчу мнѣ сквозь зубы проворчалъ...
При поворотѣ бѣлый домъ угрюмо
Рядъ оконъ темныхъ на меня уставилъ.
Знакомый домъ!.. Но вотъ свѣча блеснула
И въ комнатахъ задвигалася тихо...
Я встрепенулся. Сердце билось сильно—
Я видѣлъ платье бѣлое
И чей-то медленно идущій образъ.
Свѣча исчезла—я проѣхалъ мимо,
И тяжело мнѣ было на душѣ.

Н. П. Огаревъ.

ШЕЛЕСТЪ ЛИСТЬЕВЪ.

Осенняя пѣсня.

Изсушили насъ вѣтры дыханіемъ гнѣвнымъ,—
Мы, какъ вѣтеръ, легки, мы безъ вѣтра слетимъ.
Опалило насъ солнце лобзаньемъ полдневнымъ,—
Мы, какъ полдень, свѣтлы, мы безъ солнца блестимъ.
Мы лепечемъ предъ смертью, какъ дѣти больныя,
Съ каждымъ днемъ все нѣжнѣй, съ каждымъ днемъ все мертвѣй.
Облеклись мы предъ смертью въ одежды цвѣтныя,—
Намъ не жаль ни корней, ни родимыхъ вѣтвей,
Пусть весна отшумѣла зелеными снами,—
Сонъ осенній свѣтлѣй, сна осенняго ждемъ.
Пусть земля опустѣло чернѣетъ подъ нами,—
Мы на землю слетимъ золотистымъ дождемъ.
Въ часъ ненастья ночного или въ полдень холодный
Мы одни, свою смерть въ красоту превратя,
Отъ вѣтвей отдѣлимся, легки и свободны.
И слетимъ-полетимъ, шелестя и блестя.

Н. М. Минскій.

МАТЕРИ.

Если, товарищъ, на волю ты выйдешь,
Всѣхъ кого любишь—увидишь,
То не забудь мою мать.
Ради всего, что есть въ жизни святого,
Нѣжнаго, чистаго, намъ дорогого,
Дай обо мнѣ ты ей знать.
Ты ей скажи, что жива я, здорова,

Что не ищу я удѣла другого—
Всѣмъ идеаламъ вѣрна...
Было мнѣ трудно здѣсь первое время:
Страшно разлуки,—тяжелое бремя,
Думала, сломитъ она.
Нѣтъ, не сломила. Теперь не блѣднѣю,
Что ужъ надежды въ душѣ не имѣю—
Мать дорогую обнять.
Чувству глубокому здѣсь не сломиться,
Вѣкъ будетъ сердце любовью къ ней биться:
Чувства нельзя, вѣдь, отнять.
Мать не прошу я любить: сердце чуетъ,
Что и безъ просьбъ она любитъ, горюетъ,
Образъ мой въ сердцѣ хранитъ.
Но пусть, не тужитъ, меня вспоминая:
Я весела, я бодра... пусть, родная,
Горемъ себя не томитъ.
Пусть лишь въ молитвахъ меня вспоминаетъ.
Пусть лишь крестомъ издали осѣняетъ—
Дочь трудный путь да свершитъ.

В. М. Фигнеръ.

ПѢСНЯ.

Дуютъ вѣтры, вѣтры буйные;
Ходятъ тучи, тучи темныя.
Не видать въ нихъ свѣта бѣлова;
Не видать въ нихъ солнца краснова.
Во сырой мглѣ, за туманами,
Только ночка лишь чернѣется.
Въ эту пору, непогожую,—
Одному жить сердцу холодно:
Грудь другую ему надобно:
Огонь-душу—красну дѣвицу!
Съ ней зимою—лѣто теплое;
При бездольи—горе—не́ горе!

А. В. Кольцовъ.

* * *

День ли царитъ, тишина ли ночная,
Въ снахъ ли тревожныхъ, въ житейской борьбѣ,—
Всюду со мной, мою жизнь наполняя,
Дума все та же, одна, роковая,—
Все о тебѣ!
Съ нею не страшенъ мнѣ призракъ былого...
Сердце воспрянуло, снова любя...
Вѣра, мечты, вдохновенное слово,—
Все, что въ душѣ дорогого, святого—
Все отъ тебя!
Будутъ ли дни мои ясны, унылы,
Скоро ли сгину я жизнь загубя,—
Знаю одно, что до самой могилы
Помыслы, чувства и пѣсни и силы,—
Все для тебя!

А. Н. Апухтинъ.

* * *

На балконѣ цвѣтущей весною,
Какъ запѣли въ садахъ соловьи,
Любовался я молча тобою,
Глядя въ кроткія очи твои.
Тихій голосъ въ ушахъ раздавался,—
Но твоихъ я не слышалъ рѣчей:
Я какъ будто мечтой погружался
Въ глубину этихъ мягкихъ очей.
Все, что радостно, чисто, прекрасно,
Что живетъ въ задушевныхъ мечтахъ—
Все сказалось такъ просто и ясно
Мнѣ въ чарующихъ этихъ очахъ.
Не могли бы ихъ тайнаго смысла
Никакія слова превозмочь...
Словно ночь надо мною нависла,
Свѣтозарная, вешняя ночь!

К. Р.

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

CREDO.

Я хочу быть свободной, какъ вѣтеръ степей,
Какъ волшебная пѣсня поэта,
Вырвать душу свою мертвящихъ цѣпей,
Изъ оковъ лицемѣрнаго свѣта.
Я хочу никого никогда не просить,
Я хочу безграничной свободы—
Я хочу безъ стѣсненья ласкать и любить
Межъ красотъ вѣчно юной природы.
Я хочу, чтобъ къ тебѣ приводила луна,
Въ часъ скользящихъ и призрачныхъ тѣней
Лишь меня: чтобы я наполняла одна
Рой весеннихъ твоихъ сновидѣній.
Я хочу, о мой другъ, любоваться съ тобой
И звѣздами и алой денницей;
Я хочу быть твоею безвольной рабой—
Я хочу быть твоею царицей!

Т. Л. Щепкина-Куперникъ.

* * *

Какъ у всѣхъ-то людей свѣтлый праздничекъ,
День великій—поминъ по родителямъ.
Только я, сиротинка безродная,
На погостѣ поминокъ не правила.
Я у мужа вечоръ отпросилася:
«Отпусти, осударь,—похристосуюсь
На могилѣ со свекоромъ батюшкой».
Идучи, я съ дороженьки сбилася,
Во темномъ во лѣсу заплуталася,
У оврага въ лѣсу опозналася.
Въ томъ оврагѣ могила безкрестная:
Всю размыло ее ливнемъ-дождикомъ.
Размело-разнесло непогодушкой...
Подошла я къ могилѣ—шатнулася,
Бѣлой грудью о землю ударилась:
«Ты скажи мнѣ, сырая могилушка,
Таково ли легко было молодцу
Загубить свою душеньку грѣшную,
Таково-то легко было дѣвицѣ
Подъ невольный вѣнецъ снаряжатися?»

Л. А. Мей.

СОСНА.

Изъ Г. Гейне.

На сѣверѣ дикомъ стоитъ одиноко
На голой вершинѣ сосна,
И дремлетъ, качаясь, и снѣгомъ сыпучимъ
Одѣта какъ ризой она.

И снится ей все, что въ пустынѣ далекой,
Въ томъ краѣ, гдѣ солнца восходъ,
Одна и грустна, на утесѣ горючемъ
Прекрасная пальма растетъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

ВЪ АЛЬПАХЪ.

Сонетъ.

На высотѣ, на снѣговой вершинѣ,
Я вырѣзалъ стальнымъ клинкомъ сонетъ.
Проходятъ дни. Быть можетъ, и донынѣ
Снѣга хранятъ мой одинокій слѣдъ.
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Гдѣ радостно сіяетъ зимній свѣтъ,
Глядѣло только солнце, какъ стилетъ
Чертилъ мой стихъ на изумрудной льдинѣ.
И весело мнѣ думать, что поэтъ
Меня поймётъ. Пусть никогда въ долинѣ
Его толпы не радуетъ привѣтъ!
На высотѣ, гдѣ небеса такъ сини,
Я вырѣзалъ въ вечерній часъ сонетъ
Лишь для того, кто бродитъ на вершинѣ.

Иванъ Бунинъ.

* * *

Морская даль во мглѣ туманной;
Тамъ парусъ тонетъ, какъ въ дыму,
А волны въ злобѣ постоянной
Бѣгутъ къ прибрежью моему.
Изъ нихъ одной, избранной мною,
Навстрѣчу пристально гляжу
И за грядой ея крутою
До камня влажнаго слѣжу.
Къ ней чайка плавная спустилась;
Не дрогнетъ острое крыло...
Но вотъ громада докатилась,
Тяжеловѣсна, какъ стекло,
Плеснула въ каменную стѣну,
Вотъ звонко грянетъ на плиту —
А ужъ подкинутую пѣну
Разбрызнулъ вѣтеръ на лету.

А. А. Фетъ.

УМѢЙ СТРАДАТЬ.

Когда тебя клеймятъ, какъ женщину и мать,
За мигъ, одинъ лишь мигъ, украденный у счастья,
Безмолвствуя, храни покой безстрастья,
Умѣй молчать!
И если радостей—короткой будетъ нить,
И твой кумиръ тебя осудитъ скоро
На гнетъ тоски, и горя, и позора,—
Умѣй любить!
И если на тебѣ избранія печать,
Но суждено тебѣ влачить ярмо рабыни,—
Неси свой крестъ съ величіемъ богини,
Умѣй страдать!

М. А. Лохвицкая.

ИЗМѢНЧИВОСТЬ.

Изъ П. Б. Шелли.

Мы точно облака вокругъ луны полночной.
О, какъ они спѣшатъ, горятъ, дрожатъ всегда,
Пронзаютъ темноту!—но гаснетъ свѣтъ непрочный
Ихъ поглотила ночь, и нѣтъ отъ нихъ слѣда.

Какъ позабытыя мы арфы: ладъ ихъ струнный
Разстроенъ и даетъ измѣнчивый отвѣтъ.
На ровный вздохъ вѣтровъ, при той же ласкѣ лунной,
Вторичныхъ трепетовъ, такихъ, какъ первыхъ, нѣтъ.

Мы спимъ.—У сна есть власть намъ отравить дремоту.
Встаемъ.—Одна мечта гнететъ насъ цѣлый день;
Лелѣемъ ли мы смѣхъ, лелѣемъ ли заботу,
Хранимъ ли свѣтъ въ душѣ, или печаль и тѣнь;

Нѣтъ выхода для насъ!—Все къ гибели стремится,
Какъ полонъ день минутъ, такъ жизнь измѣнъ полна:
Съ грядущимъ прошлое не можетъ здѣсь сравниться,
Лишь неизмѣнна здѣсь Измѣнчивость одна.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Весна!.. Наконецъ въ эту свѣтлую, ясную ночь
Могу я вполнѣ насладиться,
Могу отогнать всѣ сомнѣнья тревожныя прочь
И въ грезахъ волшебныхъ забыться.
Весна!.. Сколько счастья и сколько страданья опять
Въ душѣ пробудилось невольно.
Какъ будто еще не довольно любить и страдать,
И вѣрить, и ждать не довольно?
Какъ будто... Но запахомъ свѣжимъ весеннихъ цвѣтовъ
Пахнуло въ окно отпертое,—
И вспомнилось время безпечно-счастливыхъ годовъ
То время—давно отжитое.
«Оно возвратится, оно возвратится опять!»
Мнѣ шепчетъ весна молодая:—
«Вновь сердце забьется, и будетъ разсудокъ дремать
Подъ сказки зеленаго мая».

М. А. Лохвицкая.

РОЗЫ

Розы весеннія—розы любви.
Ихъ напоенное нѣгой дыханье
Страсть навѣваетъ и будитъ желанье,
Тайный огонь зажигая въ крови.
Розы весеннія—розы любви,
Розы осеннія—розы надежды!

Минули легкія дымки весны,
Минули жгучіе лѣтніе сны.
Лѣсъ пожелтѣлый теряетъ одежды.
Розы осеннія—розы надежды!—
Память пронесшихся лѣтнихъ тревогъ,
Новаго счастья въ васъ вѣрный залогъ,
Новой весны въ васъ открытыя вѣжды!
Взоръ вашъ задумчивъ и шопотъ вашъ милъ,
Но для кого я васъ холилъ, вспоилъ,
Розы осеннія—розы надежды?...

С. Норманскій.

* * *

Бѣдный другъ! истомилъ тебя путь,
Теменъ взоръ и вѣнокъ твой измятъ.
Ты войди же ко мнѣ отдохнуть,
Потускнѣлъ, догорая, закатъ...

Гдѣ была и откуда идешь,
Бѣдный другъ, не спрошу я, любя;
Только имя мое назовешь—
Молча къ сердцу прижму я тебя.

Смерть и Время царятъ на землѣ,—
Ты владыками ихъ не зови;
Все, кружась, исчезаетъ во мглѣ
Неподвижно лишь солнце любви!

Владиміръ Соловьевъ.

* * *

Осень! Обсыпается весь нашъ бѣдный садъ,
Листья пожелтѣлые по вѣтру летятъ.
Лишь вдали красуются тамъ, на днѣ долинъ,
Кисти ярко-красныя вянущихъ рябинъ.
Весело и горестно сердцу моему,
Молча, твои рученки грѣю я и жму.
Въ очи тебѣ глядючи, молча слезы лью,
Не умѣю высказать, какъ тебя люблю!

Гр. А. К. Толстой.

СЕРЕНАДА.

Тянутся по небу тучи тяжелыя,
Мрачно и сыро вокругъ.
Съ плачемъ деревья качаются голыя...
Не просыпайся, мой другъ!
Не разгоняй сновидѣнья веселыя,
Не размыкай своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ.
Счастливъ, кто спитъ, кому въ осень холодную
Грезятся ласки весны.
Счастливъ, кто спитъ, кто про долю свободную
Въ тѣсной тюрьмѣ видитъ сны.
Горе проснувшимся! Въ ночь безысходную
Имъ не сомкнуть своихъ глазъ.
Сны беззаботные,
Сны мимолетные
Снятся лишь разъ...

Н. М. Минскій.

* * *

Грустный видъ и грустный часъ!
Дальній путь торопитъ насъ...
Вотъ, какъ призракъ гробовой,
Мѣсяцъ всталъ, и изъ тумана
Освѣтилъ безлюдный край...
Путь далекъ, не унывай!

Ахъ, и въ этотъ самый часъ,
Тамъ, гдѣ нѣтъ теперь ужъ насъ,
Тотъ же мѣсяцъ, но живой
Дышитъ въ зеркалѣ Лемана!
Чудный видъ, и чудный край!..
Путь далекъ, не вспоминай!

Ѳ. И. Тютчевъ.

СОНЕТЪ.

Изъ Ф. Петрарки.

Когда порой меня томитъ страданье
Въ безмолвный часъ передъ закатомъ дня,
Я вспоминаю кроткое сіянье
Лучей любви, сіявшей для меня.
Когда разсвѣтъ льетъ блѣдное мерцанье
И колоколъ зарю привѣтствуетъ звеня,
Ласкаютъ душу мнѣ любви воспоминанья,
Докучныя заботы прочь гоня.

И сердцу сладкое дыханье ощущая,
Я слышу рѣчи, вижу я черты
Подобной небу, чистой красоты.
И мнится мнѣ, что я блаженствомъ рая
Живу въ тотъ мигъ и радостный покой
Вдыхаю я усталою душой.

В. П. Буренинъ.

ДОБРОЙ НОЧИ.

Изъ П. Б. Шелли.

Доброй ночи?—О, нѣтъ дорогая! Она
Не добра, если гонитъ любовь мою прочь;
Проведемъ ее вмѣстѣ съ тобою безъ сна,
И тогда будетъ добрая ночь!

Развѣ можетъ быть добрая ночь безъ тебя?
Развѣ въ силахъ я грусть о тебѣ превозмочь?
Нѣтъ,—весь міръ позабыть, трепеща и любя,—
Это добрая ночь!

Ночь лишь тѣмъ хороша, что мы ночью нѣжнѣй,
Отъ влюбленныхъ сердецъ скорбь уносится прочь,
Но не будемъ совсѣмъ говорить мы о ней,—
И тогда будетъ добрая ночь!.

К. Д. Бальмонтъ.

* * *

Мнѣ снилось вечернее небо
И крупныя звѣзды на немъ,
И блѣдно-зеленыя ивы
Надъ блѣдно-лазурнымъ прудомъ;
И весь утонувшій въ сирени
Твой домикъ, и ты у окна,
Вся въ бѣломъ, съ поникшей головкой,
Прекрасна, грустна и блѣдна...
Ты плакала... Свѣтлыя слезы
Катились изъ свѣтлыхъ очей
И плакали гордыя розы,
И плакалъ въ кустахъ соловей.
И съ каждою новой слезою
Внизу, въ ароматномъ саду,
Мерцая, свѣтлякъ загорался
И небо роняло звѣзду.

С. Я. Надсонъ.

КУБОКЪ.

Вновь тотъ же кубокъ съ влагой черной,
Вновь кубокъ съ влагой огневой!
Любовь, противникъ необорный,
Я узнаю твой кубокъ черный
И мечъ, взнесенный надо мной.
О, дай припасть устами къ краю
Бокала смертнаго вина!
Я бросилъ щитъ, я уступаю,—
Лишь дай, припавъ устами къ краю,
Огонь отравы пить до дна!
Я знаю, мечъ меня не минетъ,
И кубокъ твой беру, спѣша.
Скорѣй! скорѣй! пусть пламя хлынетъ,
И крикъ восторга въ небо кинетъ
Моя сожженная душа!

Валерій Брюсовъ.

ПАРКИ.

Будь, что будетъ—все равно,
Парки дряхлыя, прядите
Жизни спутанныя нити,
Ты шуми веретено.

Все наскучило давно
Тремъ богинямъ, вѣщимъ пряхамъ
Было прахомъ, будетъ прахомъ,—
Ты шуми, веретено.

Нити вѣчныя судьбы
Тянутъ Парки изъ кудели,
Безъ начала и безъ цѣли.
Не склоняютъ ихъ мольбы,

Не плѣняетъ красота:
Головой онѣ качаютъ,
Правду горькую вѣщаютъ
Ихъ поблеклыя уста.

Мы же лгать обречены:
Роковымъ узломъ отъ вѣка
Въ слабомъ сердцѣ человѣка
Правда съ ложью сплетены.

Лишь уста открою,—лгу,
Я разсѣчь узловъ не смѣю,
А распутать не умѣю,
Покориться не могу.

Лгу, чтобъ вѣрить, чтобы жить,
И во лжи моей тоскую.
Пусть же петлю роковую,
Жизни спутанную нить,

Цѣпи рабства и любви,
Все, предъ чѣмъ я полонъ страхомъ,
Разсѣкутъ единымъ взмахомъ,
Парка, ножницы твои!

Д. С. Мережковскій.

К. Н. Льдовъ.

* * *

Городъ полуночной грезой объятъ;
Точно дыханіе спящей земли,
Струны воздушныя тихо звенятъ
Гдѣ-то вдали...

Точно въ аккордъ мелодичный слились
Отзвуки въ вѣчность ушедшаго дня...
Кто-то мнѣ шепчетъ, какъ будто: «молись,
Другъ, за меня.

Я истомился въ чаду суеты,
Скинуть не въ силахъ я бремя заботъ,
Скорбь тяжелѣе могильной плиты
Сердце гнететъ.

День пережитый прошелъ безъ слѣда,
Нечѣмъ въ могилѣ его помянуть...
Больно безъ милаго сердцу труда
Жить какъ-нибудь.

Плакать—нѣтъ слезъ, и молиться—нѣтъ словъ...
Другъ, если можешь, поплачь за меня,
И помяни на молитвѣ рабовъ
Празднаго дня!»

К. Н. Льдовъ.

* * *

Какъ ясность безоблачной ночи,
Какъ юно-нетлѣнныя звѣзды,
Твои загораются очи
Всесильнымъ, таинственнымъ счастьемъ.

И все, что лучомъ ихъ случайнымъ
Далеко иль близко объято,
Блаженствомъ овѣяно тайнымъ,—
И люди, и звѣри, и скалы.

Лишь мнѣ, молодая царица,
Ни счастія нѣтъ, ни покоя,
И въ сердцѣ, какъ плѣнная птица,
Томится безкрылая пѣсня.

А. А. Фетъ.

* * *

Я боюсь, что мой бредъ улетитъ,
Вздохъ порыва замретъ навсегда.
Радость жизни мнѣ очи слѣпитъ,
Точно солнечныхъ блесковъ руда.
Море жизни блистаетъ волной
Съ огневѣйной улыбкой зари...
И душа утопаетъ весной,
Сердце слышитъ: «призывомъ умри».
Трепетъ солнца привѣтно могучъ,
Міръ безумій какъ ласка томитъ...
Я боюсь, что сжигающій лучъ
Въ душу страстную муку вонзитъ.

Николай Бернеръ.

ЗАПАДЪ ГАСНЕТЪ ВЪ ДАЛИ БЛѢДНО-РОЗОВОЙ...

Западъ гаснетъ въ дали блѣдно-розовой,
Звѣзды небо усѣяли чистое,
Соловей свищетъ въ рощѣ березовой,
И травою запахло душистою.
Знаю, что тебѣ въ думушку вкралося,
Знаю сердца немолчныя жалобы,—
Не хочу я, чтобъ ты притворялся
И къ улыбкѣ себя принуждала бы.
Твое сердце болитъ безотрадное,
Въ немъ не свѣтитъ звѣзда ни единая.
Плачь свободно, моя ненаглядная,
Пока пѣсня звучитъ соловьиная,
Соловьинная пѣсня унылая,
Что какъ жалоба катится слезная.
Плачь, душа моя, плачь, моя милая,
Тебя небо лишь слушаетъ звѣздное!

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Еще и не люблю,—но, какъ востокъ зарею
Уже душа моя печалью занялась,
И предразсвѣтною стыдливою звѣздою
Надежда робко въ ней зажглась....
Еще я не люблю,—но на тебя невольно
Съ чего бъ ни начиналъ, свожу я разговоръ,
И самъ не знаю я, отрадно мнѣ иль больно
Встрѣчать задумчивый твой взоръ.
Еще я не люблю,—но полный тайны сладкой,
Не такъ, какъ до сихъ поръ, гляжу на Божій свѣтъ.
Еще я не люблю,—но ужъ томлюсь загадкой:
Ты, другъ,—ты любишь или нѣтъ?...

Н. М. Минскій.

БУРАНЪ.

Вѣтеръ, въ полѣ волкомъ воя,
Горизонтъ окуталъ въ сталь,
Гонитъ море снѣговое
Душегубкой сани вдаль...
Справа хвойныя порубки;
Слѣва скрытная луна;
Мелкій бѣсъ напѣнилъ кубки
Бѣлоснѣжнаго вина...
Точно проруби ухабы
Укачали сѣдока;
Ночь изъ снѣга лѣпитъ бабы,
Громоздитъ подъ облака...
Бѣлый столбъ среди равнины
Или то солдатъ въ снѣгу.
Бродитъ призракъ лошадиный
Въ заколдованномъ кругу...
Вьюга хлопья пеленою
Завиваетъ на лету,—
Переросъ ямщикъ спиною
Полосатую версту...
Въ облакахъ, луны туманной
Затерялся блѣдный рогъ,
Между всѣхъ дороги санной
Съ лошадьми увязъ возокъ...
Въ бѣлыхъ шапкахъ исполины
Наклоняются надъ нимъ,
Безобразны, слитны, длинны—
Вѣтромъ контуръ ихъ гонимъ...
Ничего не видно болѣ
Посреди сугробныхъ горъ,
На дорогѣ, въ чистомъ полѣ,
Снѣжный смерчъ намелъ бугоръ...

Ник. Животовъ.

СОНЕТЪ.

Изъ В. Шекспира.

Люблю твои глаза и грустный ихъ привѣтъ.
Узнавъ, что ты меня казнишь пренебреженьемъ,
Они въ знакъ траура одѣлись въ черный цвѣтъ
И на печаль мою взираютъ съ сожалѣньемъ.
Востока блѣднаго не краситъ такъ заря,
Такъ неба мирнаго не краситъ Весперъ ясный,
Одинъ въ вечерній часъ надъ западомъ горя,
Какъ эти грустные глаза твой ликъ прекрасный.
Такъ пусть въ твоей груди, беря примѣръ съ очей,
И сердце гордое исполнится печалью.
Печаль тебѣ къ лицу. Все въ красотѣ твоей
Прелестнѣй быть должно подъ траурной вуалью.
Я черной звать готовъ богиню красоты,
Уродливыми всѣхъ, кто созданъ не какъ ты.

Л. Вилькина.

* * *

Вечерняя звѣзда, звѣзда моей печали,
Зажглася и горитъ межъ дымныхъ облаковъ,—
Навстрѣчу ей огни земные заблистали,—
Огни труда, моленій и пировъ.
Но не для нихъ мучительно и властно
Въ моей душѣ мечта пробуждена;
Земная ложь съ мечтами не согласна
И пѣснями не тѣшится она.
Меня влечетъ звѣзда моей печали,
И пѣсни ей пою я въ полуснѣ,
Ея лучи мнѣ тайну нашептали
Иныхъ огней въ волшебной сторонѣ,—
Иныхъ огней—на алтарѣ небесномъ
Пылающихъ измученнымъ очамъ
Земныхъ борцовъ сіяньемъ неизвѣстнымъ,
Лишь въ смутныхъ снахъ являющимся намъ...

К. М. Фофановъ.

СХОДСТВО.

Изъ С. Прюдома.

Вы хотѣли узнать, почему я
И за что васъ безумно люблю?
Отчего васъ увидѣть хочу я?—
Вы похожи на юность мою.

Часто въ вашемъ мечтательномъ взорѣ,
Въ вашихъ темныхъ очахъ я ловлю
То восторгъ мимолетный, то горе...
Вы похожи на юность мою.

Часто, вашей плѣненъ красотою,
Я предъ вами подолгу стою:
Идеальной ея чистотою
Вы похожи на юность ою.

Но предчувствіемъ сердце томимо:
О любви я смиренно молю,
Вы же молча проходите мимо.....
Вы похожи на юность мою.

О. Чюмина.

ЭТЮДЪ.

Весна поетъ... Весна поетъ закатомъ,
Какъ жемчугъ блѣдно кружево листвы,
И зыбко-зеленъ бархатъ муравы,
И воздухъ прянъ пьянящимъ ароматомъ.
Весна поетъ о шорохѣ крылатомъ,
О неземной причудливости ласкъ...
Весна зоветъ меня безумнымъ братомъ
Въ стихійномъ хороводѣ буйныхъ пляскъ.
И бредитъ духъ на праздникѣ богатомъ,
Трепещетъ небо сказкой синихъ струй...
Я окруженъ тоской высокихъ туй,
И чудно море свѣтится закатомъ.

Николай Бернеръ.

ПАНТЕРА.

Изъ С. Прюдома.

Въ искусствѣ женщинѣ все, кромѣ страсти, скучно.
Мечтательный поэтъ всегда съ ней одинокъ.
Такъ за Орфеемъ шла пантера неотлучно,
Но пѣсней звѣря въ ней онъ усыпить не могъ.

Когда его нога, ступивъ на тернъ докучный,
Кололась вдругъ, и кровь стекала на песокъ,
Она однимъ прыжкомъ, забывъ о пѣснѣ звучной,
Кидалась пить ту кровь, лизать ее у ногъ.

Вниманью женщины, склонившейся съ любовью,
Не вѣрь, не вѣрь поэтъ: въ ней тотъ же хищный звѣрь.
Что въ сладкихъ звукахъ ей! Сочится ль сердце кровью?

Когда звенитъ твой стихъ размѣренный,—повѣрь,
Она слѣдитъ за нимъ, но лишь однимъ томится:
Гдѣ кровь, кровь сердца ранъ, краснѣетъ и дымится?

Ив. Тхоржевскій.

НОЧЬ.

Одѣлося сумракомъ поле. На темной лазури сверкаетъ
Гряда облаковъ разноцвѣтныхъ. Блѣднѣя, заря потухаетъ.
Вотъ вспыхнули яркія звѣзды на небѣ, одна за другой,
И мѣсяцъ надъ лѣсомъ сосновымъ поднялся, какъ щитъ золотой;
Извивы рѣки серебристой межъ зеленью луга блеснули;
Вокругъ тишина и безлюдье: и поле, и берегъ уснули;

Лишь мельницы старой колеса, алмазъ разсыпая, шумятъ,
Да съ вѣтромъ волнистыя нивы, Богъ знаетъ о чемъ, говорятъ.
На кольяхъ, вдоль берега вбитыхъ, растянуты мокрыя сѣти;
Вотъ бѣдный шалашъ рыболова, гдѣ вечеромъ рѣзвыя дѣти
Играютъ трепещущей рыбой и ищутъ въ травѣ водяной
Улитокъ и маленькихъ камней, обточенныхъ синей волной;
Какъ лебеди, бѣлыя тучи надъ полемъ плывутъ караваномъ,
Надъ чистой рѣкою спятъ ивы, одѣтыя легкимъ туманомъ,
И, къ свѣтлымъ струямъ наклонившись, сквозь чуткій прерывистый сонъ,
Тростникъ молчаливо внимаетъ таинственной музыкѣ волнъ.

И. С. Никитинъ.

ЧАЙКА.

Чайка, сѣрая чайка съ печальными криками носится
Надъ холодной пучиной морской.
И откуда примчалась? Зачѣмъ? Почему ея жалобы
Такъ полны безграничной тоской?

Безконечная даль. Непривѣтное небо нахмурилось.
Закурчавилась пѣна сѣдая на гребнѣ волны.
Плачетъ сѣверный вѣтеръ, и чайка рыдаетъ, безумная,
Безпріютная чайка изъ дальней страны.

К. Д. Бальмонтъ.

Артистъ Н. П. Рощинъ-Инсаровъ.

ГОСПОДЬ СЪ ТОБОЙ!..

Судьба даритъ намъ въ жизни счастья мало,
И безъ шиповъ нѣтъ розы никогда!
Все то, чѣмъ сердце жило, трепетало,
Придетъ пора,—исчезнетъ безъ слѣда.
Тебѣ я несъ всѣ чистыя желанья,
И думалъ я—мнѣ счастье суждено!
Господь съ тобой!.. А какъ бы чудно было...
Господь съ тобой! того быть не должно!

Среди людей встрѣчалъ лишь озлобленье...
Усталый путникъ, думалъ я найти
Хотя на мигъ тревогамъ всѣмъ забвенье,
Когда ты мнѣ явилась на пути.
Твоихъ очей сіянье озарило
Всю глубь души, гдѣ грустно и темно.
Господь съ тобой! А какъ бы чудно было...
Господь съ тобой! того быть не должно.

Смотри... Гроза готова разразиться,
Въ лѣсу темно, сгустились облака,

Въ печальный часъ приходится проститься,
Слеза въ очахъ, а на сердцѣ тоска...
Впередъ! Впередъ!.. Что бъ ни было со мною,
Гдѣ бъ ни былъ я,—скажу всегда одно:
Господь съ тобой! А какъ бы чудно было...
Господь съ тобой! того быть не должно!

Н. П. Рощина-Инсарова.

ВЪ ГЛУШИ.

Для кого расцвѣла? Для чего развилась?
Для кого это небо,—лазурь ея глазъ,
Эта роскошь,—волнистыя кудри до плечъ,
Эта музыка,—устъ ея тихая рѣчь?
Ясно можетъ она своимъ чуткимъ умомъ
Слышать голосъ души въ разговорѣ простомъ;
И для міра любви, и для міра искусствъ
Много въ сердцѣ у ней незатронутыхъ чувствъ...
Прикоснется ли клавишъ,—заплачетъ рояль;
На ланитахъ огонь, на рѣсницахъ печаль...
Подойдетъ ли къ окну—безотчетно грустна,
Въ безотвѣтную даль долго смотритъ она...
Что звенитъ тамъ вдали,—и звенитъ и зоветъ?
И зачѣмъ тамъ, въ степи, пыль столбами встаетъ?
И зачѣмъ та рѣка широко разлилась?
Оттого ль разлилась, что весна началась?
И откуда, откуда тотъ вѣтеръ летитъ,
Что, стряхая росу, по цвѣтамъ шелеститъ,
Дышитъ запахомъ липъ и, концами вѣтвей
Помавая, влечетъ въ сумракъ влажныхъ аллей?
Не природа ли тайно съ душой говоритъ?
Сердце ль проситъ любви и безъ раны болитъ?
И на грудь тихо падаютъ слезы изъ глазъ...
Для кого расцвѣла? Для чего развилась?

Я. П. Полонскій.

МЕЛОДІЯ.

Я вижу: сыплется въ избыткѣ красоты
Душистый снѣгъ весны—черемухи молочной
Весенніе цвѣты, какъ дѣвы непорочной
Отвергнутой любви невинныя мечты.
Душистый снѣгъ весны—опавшіе цвѣты!

Я вижу въ золотѣ, въ румянцѣ облаковъ
Послѣдніе лучи—вечернее сіянье.
Длиннѣе тѣнь легла, слышнѣе трепетанье
Поникнувшихъ вѣтвей и слаще вздохъ цвѣтовъ,—
Послѣдній ароматъ—послѣднее прощанье!

Я слышу, какъ весна, боясь мечты своей,
И дышитъ и дрожитъ въ цвѣтущемъ упоеньи
И слышу, какъ въ кустахъ рыдать о наслажденьи
Проснулся на зарѣ вечерній соловей,—
Рыдающій пѣвецъ въ стыдливомъ пробужденьи!

И чувствую,—подъ пѣснь рыдающей любви
Растетъ моя печаль, растутъ воспоминанья,
И нѣтъ имъ отзвука, и нѣтъ въ нихъ очертанья.
И слабо тлѣетъ жизнь въ хладѣющей крови,—
Отцвѣтшая любовь ожившаго страданья!

К. М. Фофановъ.

* * *

Эти юныя лица, съ ихъ нѣжнымъ и бархатнымъ
взглядомъ,
Эти тихія рѣчи, съ ихъ музыкой гибкой и страст-
ной,
Опьянили меня своимъ тонкимъ, чарующимъ
ядомъ
И наполнили сердце томленьемъ и жаждой неясной.
Теплой лунною ночью въ аллеяхъ уснувшаго сада
Слышу часто я шопотъ серебряный, тонкій,
красивый—

Томный вздохъ повторяетъ: «Мой милый, не надо, не надо...»
И зоветъ, и тревожитъ, и манитъ куда-то стыдливо.
Тихо носится дымъ отъ пахучихъ полночныхъ куреній,
Синій мракъ словно замеръ, и вѣтеръ кусты не колышетъ.
Въ милый образъ сплетаются мутныя, сизыя тѣни,
Кто-то близко склонился ко мнѣ и порывисто дышитъ.
Ароматныя липы мнѣ шепчутъ прозрачныя рѣчи...
Сердцемъ чуткимъ ловлю я намеки и трепетъ признанья.
И мнѣ снятся весеннія, тихія, нѣжныя встрѣчи—
Эти сказки изъ блѣдныхъ лучей голубого сіянья.

В. Башкинъ.

* * *

Шопотъ. Робкое дыханье.
Трели соловья.
Серебро и колыханье
Соннаго ручья.

Свѣтъ ночной. Ночныя тѣни,—
Тѣни безъ конца.
Рядъ волшебныхъ измѣненій
Милаго лица.

Въ дымныхъ тучкахъ пурпуръ розы,
Отблескъ янтаря,
И лобзанія, и слезы,—
И заря, заря!..

А. А. Фетъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ.

Простите безумца за прошлые звуки,
За дерзкія звуки, пропѣтые вамъ:
Въ нихъ не было правды,—то праздныя руки
Просились опять къ позабытымъ струнамъ...
Съ людьми не схожусь я давно ужъ,—и съ вами
Не ближе душой, чѣмъ съ другими, я былъ,—
Я лгалъ вамъ; какъ мальчикъ, я тѣшился снами,
Какъ мальчикъ, святынею дружбы шутилъ.
Какъ могъ я мгновенный обманъ впечатлѣній
И свѣтскую ласку за близость принять?
Какъ могъ я такъ скоро, безъ думъ и сомнѣній,
По первому слову всю душу отдать?
И мало ли, сердце, какіе обманы
И въ прошлые годы владѣли тобой?
Еще и теперь незажившія раны
Горячею кровью сочатся порой!..
А вы... въ васъ не стану искать я причину
Моей настоящей тоски и тревогъ:
Не вы виноваты, что я вполовину
Быть близкимъ—ни съ кѣмъ пріучиться не могъ.
Прошелъ мимолетный порывъ ослѣпленья,
И въ васъ узнаю я все ту же толпу...
Простите жъ меня,—не ищите сближенья,
И дайте уйти мнѣ въ свою скорлупу.

С. Я. Надсонъ.

* * *

Край ты мой, родимый край!
Конскій бѣгъ на волѣ!
Въ небѣ крикъ орлиныхъ стай!
Волчій голосъ въ полѣ!
Гой, ты родина моя!
Гой, ты, боръ дремучій!
Свистъ полночной соловья!
Вѣтеръ, степь да тучи!

Гр. А. К. Толстой.

* * *

Свѣтлый ангелъ, не мрачи
Горизонта жизни нашей;
Будемъ то, что намъ дано,
Пить до дна полнѣйшей чашей.
Если я тебя подчасъ
Прогнѣвлю, смущу, разстрою—
Ну, сорви тогда на мнѣ
Все, что въ этотъ мигъ тобою
Овладѣетъ, пронесись
Жгучей молньей въ гнѣвѣ бурномъ,
Чтобы скоро засвѣтить
Солнцемъ на небѣ лазурномъ.
Но не мучь, не истязай
Недовольства долгой пыткой,
Не давай тянуться днямъ
Отвратительной улиткой.
Лучше грозы на года,
Чѣмъ затишье на мгновенье:
Тамъ чудесно бьется жизнь,
Здѣсь—недвижность омертвенья...

П. И. Вейнбергъ.

* * *

Она сидѣла на полу
И груду писемъ разбирала,
И, какъ остывшую золу,
Брала ихъ въ руки и бросала.

Брала знакомые листы
И чудно такъ на нихъ глядѣла,
Какъ души смотрятъ съ высоты
На ими брошенное тѣло.

И сколько жизни было тутъ,
Невозвратимо-пережитой,
И сколько горестныхъ минутъ
Любви и радости убитой!

Стоялъ я молча въ сторонѣ
И пасть готовъ былъ на колѣни,—
И страшно, грустно стало мнѣ,
Какъ отъ присущей милой тѣни.

Ѳ. И. Тютчевъ.

* * *

Изъ М Конопницкой.

Легкій сумракъ мягкой дымкой
Заслонилъ закатъ.
Мгла несетъ мнѣ невидимкой
Пѣсню нивъ и хатъ.
Слышу, слышу откликъ дальній
Всѣхъ земныхъ сторонъ...
Полно плакать, міръ печальный!
Близокъ мирный сонъ.

Въ вѣщихъ грезахъ смутно блещетъ
Новый лучшій день,
Въ чащахъ линій свѣтъ трепещетъ
Сквозь слѣпую тѣнь.
Смолкни, смолкни, міръ мятежный!
Пусть замретъ твой стонъ...
Сумракъ вьется дымкой нѣжной,
Близокъ мирный сонъ.

Скорбныхъ жалобъ рой туманный
Отлетаетъ прочь,
Вотъ свой пологъ въ звѣзды тканный
Развернула ночь.
Гдѣ-то слышенъ запоздалый
Колокольный звонъ.
Смолкни, смолкни, міръ усталый!
Близокъ мирный сонъ...

Танъ.

* * *

Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья
Я скрыть не въ силахъ, мать-земля!
Духовъ безплотныхъ сладострастья,
Твой вѣрный сынъ, не жажду я,
Что передъ тобой утѣхи рая,
Пора любви, пора весны,
Цвѣтущее блаженство мая,
Румяный свѣтъ, златые сны?
Весь день, въ бездѣйствіи глубокомъ,
Весенній теплый воздухъ пить,
На небѣ чистомъ и высокомъ
Порою облака слѣдить;
Бродить безъ дѣла и безъ цѣли
И, ненарокомъ на лету,
Набресть на свѣжій духъ синели
Или на свѣтлую мечту!...

Ѳ. И. Тютчевъ.

ДОРОГА.

Тускло мѣсяцъ даньній
Свѣтитъ сквозь туманы,
И лежатъ печально
Снѣжныя поляны.
Бѣлыя съ морозу,
Вдоль пути, рядами,
Тянутся березы
Съ голыми сучками.
Тройка мчится лихо,
Колокольчикъ звонокъ,
Напѣваетъ тихо
Мой ямщикъ спросонокъ,
Я въ кибиткѣ валкой
Ѣду да тоскую:
Скучно мнѣ да жалко
Сторону родную!

Н. П. Огаревъ.

Артистъ П. И. Леонтьевъ.

НЕ ВѢРЬ СЕБѢ.

Не вѣрь, не вѣрь себѣ, мечтатель молодой,
Какъ язвы бойся вдохновенья...
Оно—тяжелый бредъ души твоей больной,
Иль плѣнной мысли раздраженье.
Въ немъ призрака небесъ напрасно не ищи:
То кровь кипитъ, то силъ избытокъ!
Скорѣе жизнь свою въ заботахъ истощи,
Разлей отравленный напитокъ!
Случится ли тебѣ въ завѣтный, чудный мигъ
Открыть въ душѣ, давно безмолвной,
Еще невѣдомый и дѣвственный родникъ,
Простыхъ и сладкихъ звуковъ полный—
Не вслушивайся въ нихъ, не предавайся имъ,
Набрось на нихъ покровъ забвенья:
Стихомъ размѣреннымъ и словомъ ледянымъ
Не передашь ты ихъ значенья.
Закрадется ль печаль въ тайникъ души твоей,
Зайдетъ ли страсть съ грозой и вьюгой—

Не выходи тогда на шумный пиръ людей
Съ своею бѣшеной подругой;
Не унижай себя. Стыдися торговать
То гнѣвомъ то тоской послушной,
И гной душевныхъ ранъ надменно выставлять
На диво черни простодушной.
Какое дѣло намъ, страдалъ ты или нѣтъ?
На что намъ знать твои волненья,
Надежды глупыя первоначальныхъ лѣтъ,
Разсудка злыя сожалѣнья?
Взгляни: передъ тобой играючи идетъ
Толпа дорогою привычной;
На лицахъ праздничныхъ чуть виденъ слѣдъ заботъ,
Слезы не встрѣтишь неприличной.
А между тѣмъ изъ нихъ едва ли есть одинъ,
Тяжелой пыткой не измятый,
До преждевременныхъ добравшійся морщинъ
Безъ преступленья иль утраты!..
Повѣрь: для нихъ смѣшонъ твой плачъ и твой укоръ
Съ своимъ напѣвомъ заученнымъ,
Какъ разрумяненный трагическій актеръ,
Махающій мечомъ картоннымъ.

М. Ю. Лермонтовъ.

* * *

Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни;
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,—
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..
Тщетно въ сердцѣ, уставшемъ отъ мукъ и тревогъ,
Исцѣляющихъ звуковъ я жадно ищу:
Онъ растоптанъ и смятъ, мой душистый вѣнокъ,
Я безъ пѣсни борюсь и безъ пѣсни грущу!..

А въ былые года сколько тайнъ и чудесъ
Совершалось въ убогой каморкѣ моей:
Захочу—и сверкающій куполъ небесъ
Надо мной развернется въ потокахъ лучей,
И раскинется даль серебристыхъ озеръ,
И блеснутъ колоннады роскошныхъ дворцовъ,
И подымутъ въ лазурь свой зубчатый узоръ
Снѣговыя вершины гранитныхъ хребтовъ!
А теперь—я одинъ... Непріютно, темно
Опустѣвшій мой уголъ въ глаза мнѣ глядитъ;
Словно черная птица, пугливо въ окно
Непогодная полночь крылами стучитъ...
Мраморъ пышныхъ дворцовъ разлетѣлся въ туманъ,
Величавыя горы разсыпались въ прахъ—
И истерзано сердце отъ скорби и ранъ,
И безсильныя слезы сверкаютъ въ очахъ!..
Умерла моя муза!.. Недолго она
Озаряла мои одинокіе дни:
Облетѣли цвѣты, догорѣли огни,
Непроглядная ночь, какъ могила, темна!..

С. Я. Надсонъ.

Э Х О.

Громкая, мощная пѣсня нежданно въ горахъ прозвучала...
Стономъ эоловой арфы отвѣтило блѣдное эхо...
Отзвукъ, взмахнувшій крылами, угасъ за туманной долиной!..

Если ты вспомнишь порою восторги любви невозвратной,—
Дрогнутъ сердечныя струны, задѣтыя грезой случайной,
Блѣдное эхо былого эоловой арфой простонетъ!..

Владиміръ Гессенъ.

* * *

Грустно вѣтеръ вѣетъ,
Небосклонъ чернѣетъ,
И луна не смѣетъ
Выглянуть изъ тучъ;
И сижу одна я,
Мгла кругомъ густая,
И не утихая,
Дождь шумитъ какъ ключъ.
И въ душѣ уныло
Онѣмѣла сила,
Грудь тоска стѣснила,
И сдается мнѣ,
Будто все напрасно,
Что̀ мы просимъ страстно,
Что̀ мелькая ясно,
Манитъ насъ во снѣ.
Будто средь волненій
Буйныхъ поколѣній—
Чистыхъ побужденій
Не созрѣетъ плодъ;
Будто все святое
Въ сердце молодое,
Какъ на дно морское,
Даромъ упадетъ!

К. К. Павлова.

* * *

Изъ В. Гете.

Горныя вершины
Спятъ во тьмѣ ночной,
Тихія долины
Полны свѣжей мглой.
Не пылитъ дорога,
Не дрожатъ листы...
Подожди немного—
Отдохнешь и ты...

М. Ю. Лермонтовъ.

* * *

Теплымъ вѣтромъ потянуло.
Смолкъ далекій гулъ.
Поле тусклое уснуло,
Гуртовщикъ уснулъ.
Въ загородкѣ улеглися
И жуютъ волы,
Звѣзды чистыя зажглися
По навѣсу мглы.
Только выше все всплываетъ
Мѣсяцъ золотой,
Только стадо обѣгаетъ
Песъ сторожевой.
Рѣдко, рѣдко кочевая
Тучка броситъ тѣнь.
Неподвижная, нѣмая,
Ночь свѣтла, какъ день.

А. А. Фетъ.

* * *

Изъ Макса Вальдау.

Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя, на пескѣ лежатъ;
Прощальнымъ блескомъ озаряетъ
Листки ихъ блѣдные закатъ.
— «Меня невѣста молодая
Носила на груди своей,
Когда блаженствомъ безпредѣльнымъ,
Любовью сердце билось въ ней!..»
— «Меня сорвалъ онъ въ часъ разлуки
Съ ея груди, когда она,
При блескѣ свѣчъ, въ гробу лежала,
Какъ изваянье, холодна!..»
Уныло двѣ поблекшихъ розы,
Горюя, на пескѣ лежатъ,
И тихо, тихо догораетъ
На блѣдныхъ листьяхъ ихъ закатъ...

К. И. Илещеевъ.

И В А.

Сядемъ здѣсь, у этой ивы.
Что за чудные извивы
На корѣ вокругъ дупла!
А подъ ивой—какъ красивы
Золотые переливы
Струй дрожащаго стекла!
Вѣтви сочныя дугою
Перегнулись надъ водою,
Какъ зеленый водопадъ;
Какъ живые, какъ иглою,
Будто споря межъ собою,
Листья воду бороздятъ.
Въ этомъ зеркалѣ подъ ивой
Уловилъ мой глазъ ревнивый
Сердцу милыя черты...
Мягче взоръ твой горделивый...
Я дрожу, глядя счастливый,
Какъ въ водѣ дрожишь и ты...

А. А. Фетъ.

О С Е Н Ь.

Порѣдѣвшей аллеи наметъ
Золотистой листвою сквозитъ,
И дрожитъ
Кленъ пурпурный,
И въ дали лазурной,
Направляя на югъ свой полетъ,
Журавлей треугольникъ плыветъ.
Ярки гроздья осеннихъ рябинъ
И калины багряный уборъ.
На узоръ
Мховъ пушистыхъ
Блестки иглъ золотистыхъ
Осыпаетъ беззвучно сосна,
Затаенной печали полна.

О. Бѣляевская.

* * *

Какой покой глубокій, безмятежный
Въ таинственной тѣни, среди сѣдыхъ стволовъ,
Тамъ, въ самой глубинѣ, гдѣ папоротникъ нѣжный
Раскинулъ кружево причудливыхъ листовъ.
На солнцѣ мохъ сверкаетъ позолотой
И яркой зеленью на посѣдѣвшемъ пнѣ,
Однообразною, тоскующею нотой
Звучитъ кукушки крикъ въ глубокой тишинѣ.
Порой мгновенный вѣтеръ пронесется
И слышится въ вѣтвяхъ подобный морю шумъ,
Какъ будто старый лѣсъ откликнется, проснется
И отъ глубокихъ сновъ и отъ завѣтныхъ думъ.
Какъ хорошо, забывъ свои страданья,
Природы голосамъ внимать средь тишины
И жадно пить душой горячія лобзанья
И солнечныхъ лучей и ласковой весны!

Allegro.

* * *

Небо блещетъ бирюзою,
Золотисты облака;
Отчего младой весною
Разлилась въ груди тоска?
Оттого ли, что безпечно
Свѣжей радостью дыша,
Міръ широкій молодъ вѣчно,
И старѣетъ лишь душа?
Что все живо, что все цѣло,—
Зелень, пѣсни и цвѣты,
И лишь сердце не сумѣло
Сохранить свои мечты?
Оттого-ль, что съ новой силой
За весной весна придетъ,
И надъ каждою могилой
Равнодушно расцвѣтетъ?

К. К. Павлова.

ТѢЛА И ТѢНИ.

Изъ С. Прюдома.

Счастливыя, алыя губы! какъ сладко
Ихъ слить въ поцѣлуѣ живомъ!
Прижаться къ груди дорогой—и украдкой
Смѣшать два дыханья въ одномъ!

Счастливое сердце, съ горячею кровью!
Какъ внятенъ твой радостный стукъ!
А какъ дышатъ страстью, какою любовью
Дарятъ насъ объятія рукъ!

У глазъ есть улыбки, у пальцевъ пожатья,
Все тѣлу для счастья дано!
Уснетъ—и покой его приметъ въ объятья;
Умретъ—и изчезнетъ оно.

Но бѣдныя, бѣдныя души людскія:
Ничто не сольетъ ихъ вдвоемъ:
Онѣ—какъ въ свѣтильняхъ огни золотые
Подъ тусклымъ и грубымъ стекломъ.

Тюрьма ихъ прозрачна, имъ видно другъ друга,
Такъ нѣженъ ихъ страстный призывъ...
Но радость предчувствія, трепетъ испуга—
Все только безсильный порывъ!

«Дано имъ безсмертье»... Ахъ! лучше бъ, желаннѣй
Имъ день одинъ жить на землѣ,
Но слиться въ безумный восторгъ обладанья,
Взять все—и погаснуть во мглѣ!

И. И. Тхоржевскій.

часть четвертая

сатира и юмор.

Артистъ Н Н Соловцовъ.

ОХОТА.

Охота. Всюду сборы, толки.
Собачій лай. Въ поляхъ, въ лѣсахъ
Блестятъ и хлопаютъ двухстволки,
Охотниковъ повсюду страхъ!..
Я на охотѣ двѣ недѣли:
— Да что жъ? мы дичью обѣднѣли?..—
Нѣтъ, дичи страсть, запасъ большой.
Мнѣ скажутъ: «э, да полно, что ты:
Стрѣлять не мастеръ, мой дружокъ!»
Неправда-съ, въ обществѣ охоты
Всѣ говорятъ, что я стрѣлокъ.
Да-съ, я стрѣляю превосходно,
— Такъ въ чемъ же дѣло?—Дѣло въ томъ,
Пожалуй, если вамъ угодно,
Я вамъ признаюсь, все въ одномъ,
Во мнѣ-съ, въ характерѣ... не знаю,
Какъ это выразить яснѣй...
Я такъ животныхъ обожаю,
Я такъ люблю ихъ, ей-же-ей,

Что, право, совѣстно признаться...
Собаки лаютъ, рогъ трубитъ,
А сердце хочетъ разорваться,
Глаза въ слезахъ, въ виски стучитъ.
И баста... мучусь, заставляю
Себя... пойду убью!.. такъ нѣтъ!
Нарочно зайца выбираю
Постарше, въ 20-30 лѣтъ.
Вѣдь жалко: дѣти, можетъ статься,
Жена, семья...
Что-съ? вамъ смѣшно?
Грѣшно, грѣшно такъ улыбаться,
Ей Богу, право же, грѣшно!
Вѣдь мы гуманность забываемъ...
Положимъ, заяцъ... но вопросъ,
Кого мы въ зайцѣ убиваемъ?
А онъ бы, можетъ быть, принесъ
Семейству пользу? вы смѣетесь?
А если бъ онъ не заяцъ былъ?
Посмотримъ, какъ вы улыбнетесь,
Когда бы я да вдругъ убилъ
Не зайца, глупаго, смѣшного,
А вашего отца родного?
Нѣтъ, надо справедливымъ быть!
Нельзя всегда и всѣмъ шутить!
Никто навѣрное не знаетъ,
Кто нынче больше уважаетъ
Родителей въ нашъ черствый вѣкъ,
Скотина, или челолѣкъ?
Гдѣ чаще дѣти помираютъ,
У нихъ ли или здѣсь, у насъ?
Гдѣ жизнь семейству посвящаютъ,
У нихъ ли или здѣсь, у насъ?
Я не видалъ нигдѣ, чтобъ утка
На няньку бросила дѣтей...
А воспитаніе не шутка!
Кокетокъ женъ и матерей
Встрѣчали вы между дроздами,—
Чтобъ разоряли такъ мужей
Какъ вы, mesdames? И между нами,
Ни волкъ, ни заяцъ, ей-же-ей,

Олени даже не носили
Такихъ роговъ, какъ носимъ мы.
Не я-съ—мужья, кого женили;
Я отъ невѣстъ, какъ отъ чумы,
Я холостой... А вы видали,
Чтобъ въ ресторанахъ кулики
Всѣ ночь какъ гуси гоготали,
И, разстегнувши сюртуки,
Плясали, пили, пѣли, ѣли,
И спать ложились по утру,
Ползкомъ добравшись до постели?
Видали? Нѣтъ? Не понутру
Имъ это, нѣтъ, имъ пьянство гадко;
Они честнѣй, скромнѣй живутъ.
Слыхали вы, чтобъ куропатка,
Когда всѣ въ городѣ уснутъ,
На тройкѣ въ «Самаркандъ» летѣла?
Вѣдь, нѣтъ? А рябчикъ взятки бралъ?
Какое волкъ обдѣлалъ дѣло?
А тетеревъ, кому онъ вралъ?
Ну развѣ дупель, защищая
Лисицу, могъ посмѣть сказать:
«Я судъ народный презираю
И мнѣ на общество плевать!»
Вѣдь это прямо невозможно!
Вѣдь правда? Вы согласны? Да?
Скажите, кто неосторожно
Изъ птицъ, изъ дичи, господа,
Родныхъ полей, лѣсовъ не знаетъ?
Посмотрите—дергачъ и тотъ
Свое болото стережетъ.
Замѣтьте, волкъ не грабитъ волка.
А мы?—и въявь, и втихомолку
Всечасно, всячески, всегда...
Ну, развѣ лгу я, господа?
Оставимъ мрачныя картины,—
Вѣдь мы серьезнаго бѣжимъ.
Вѣдь такъ-съ? Что день, то именины,
Что день, то праздника хотимъ.
Недаромъ въ карты Русь играетъ,
И крики: «пасъ,» «безъ козырей»

Россію нынче оглашаютъ
Какъ прежде крикъ лѣсныхъ звѣрей.
Медвѣжье жъ, волчье, птичье племя
Живетъ безъ картъ, живетъ въ трудѣ,
Они не убиваютъ время...
Пари держу, что вы нигдѣ
Въ лѣсу или въ любомъ болотѣ
Такихъ курьезовъ не найдете,
Такихъ идей, такихъ газетъ,
Какіе есть у насъ! Ихъ нѣтъ тамъ, нѣтъ.
Шантажи, напримѣръ, тамъ рѣдки,
Ихъ нѣту даже у лисицъ.
Кафе-шантаны, оперетки
хоры сиплые дѣвицъ
Имъ даже вовсе неизвѣстны.
Ну, и не тащутъ, не крадутъ,
Живутъ скромненько, просто, честно
И сыты тѣмъ, что поклоютъ...
Повѣрьте, если бъ мы учились
У нихъ... хоть даже у волковъ.
У насъ бы крахи не случались!
И тотъ...
Кончается на «овъ..»
Ну тотъ, что, помните, попался,—
На Невскомъ не гулялъ бы онъ,
Онъ бы далеко прогулялся!
А тотъ чуть-чуть не осужденъ...
Ну, этотъ, помните, устроилъ...
Ага, знакомы? Онъ, небось,
Домовъ бы здѣсь теперь не строилъ,
Не толковалъ бы вкривь и вкось
О правдѣ, совѣсти и чести.
А пребывалъ бы въ злачномъ мѣстѣ.
А та красавица... а тѣ...
Ну вотъ, что мы по простотѣ
Вездѣ любезно принимаемъ...
Однако жъ, что мы совершаемъ?
Я говорю о томъ о семъ,
О ворѣ, плутѣ, конокрадѣ..
А вы... скажите, Бога ради!..
Да вы ихъ знаете! И вы

На нихъ спокойно такъ глядите?..
Нѣтъ, звѣри... нѣтъ, не таковы.
Тамъ что про нихъ не говори.
А у звѣрей: хорошъ—лизнетъ
А нѣтъ—и шкуру обдеретъ.
Такъ вотъ съ...
Ну развѣ хватитъ силы
При этихъ чувствахъ убивать?
Повѣрьте, такъ мнѣ звѣри милы,
Такъ близки къ сердцу... цѣлюсь чтобъ стрѣлять,
Вдругъ чувство... Ну, и пуделяю...
Чѣмъ больше знаю я людей,
Чѣмъ больше жизнь я изучаю,
Тѣмъ больше я люблю звѣрей.

А. Федотова.

КОМУ Я ХОЧУ И НЕ ХОЧУ НРАВИТЬСЯ

Изъ Г. Е Лессинга

Старикамъ, давно отжившимъ,
Съ тайнымъ холодомъ въ крови
И почти уже забывшимъ
О винѣ и о любви;
Дамамъ въ возрастѣ, когда имъ
Измѣняетъ красота,
И легко мы угадаемъ
По морщинамъ ихъ лѣта;
Стихотворцамъ, не поющимъ
Стансовъ въ честь любви, вина;
Дѣвамъ, воли не дающимъ
Страсти, коль придетъ она;
Мудрецамъ, что бредни любятъ,
На химеры время губятъ;
Моралистамъ,—ихъ не счесть,—
У которыхъ смѣлость есть

Поносить Мольера смѣло:
Онъ писалъ, дескать, не дѣло!
Тѣмъ купцамъ, къ которымъ льнетъ,
Ради денегъ ихъ, народъ;
Фарисеямъ, у которыхъ
Добродѣтель въ разговорахъ
Не сладка и не вкусна,
Какъ порой бокалъ вина,
Какъ любовь иль какъ лобзанье
Въ часъ условнаго свиданья;
Франтамъ лысымъ и сѣдымъ,
Лишь по платью молодымъ,
И пустымъ, какъ тѣ красотки,
Близъ которыхъ, какъ трещотки,
Безъ умолку, невпопадъ,
День и ночь они трещатъ;
Разнымъ воинамъ хвастливымъ,
Не бывавшимъ на войнѣ;
Литераторамъ кичливымъ;
Мрачнымъ юношамъ, вполнѣ
Умудреннымъ не по лѣтамъ;
Недовольнымъ цѣльнымъ свѣтомъ
Желчнымъ людямъ; всѣмъ льстецамъ
И отъявленнымъ глупцамъ,
Словомъ,—всевозможнымъ *истамъ:*
Напримѣръ, всѣмъ піэтистамъ,
Атеистамъ и юристамъ,
Шовинистамъ и папистамъ,
Всякимъ опернымъ артистамъ,
Квіетистамъ и софистамъ,
Публицистамъ и статистамъ,
Піанистамъ и стилистамъ,
И прославленнымъ лингвистамъ...
Нѣтъ, ей-Богу, духъ замретъ,
Коль сводить глупцамъ всѣмъ счетъ,—
Словомъ, всѣмъ, кто отравляетъ
Жизнь мою, ко мнѣ питаетъ
Зависть лишь,—и здѣсь, и тамъ
Дураковъ подобныхъ чуя,
Не хочу я, не хочу я
Этимъ нравиться глупцамъ.

* * *

Старикамъ, за винной чашей
Молодѣющимъ опять
И отъ молодости нашей
Не желающихъ отстать;
Многимъ женщинамъ, въ расцвѣтѣ
Ихъ ума и красоты,
Воплощающимъ на свѣтѣ
Наши лучшія мечты;
Вдовамъ юнымъ и цвѣтущимъ,
Вдовій трауръ свой клянущимъ
И готовымъ такъ иль сякъ,
Вновь вступить въ законный бракъ;
Тѣмъ поэтамъ, что съ похмѣлья
Ищутъ женщинъ да веселья,
Пьютъ, поютъ, шумятъ, острятъ
И врагамъ своимъ не мстятъ,
Не чуждаясь наслажденій,
Признаютъ Мильтона геній;
Тѣмъ поэтамъ, что, смѣясь
И на шутки не скупясь,
Посвящаютъ дѣвъ въ науку
Прогонять любовью скуку,
Тѣмъ поэтамъ, что подъ-часъ
Мнѣ не въ бровь, а прямо въ глазъ
Острой шуткой попадали
И мой промахъ исправляли;
Краснобаямъ, что мѣнять
Могутъ видъ разъ двадцать пять,
До возможнаго проворства
Доведя свое притворство:
То внушаютъ намъ добро,
То за зло стоятъ хитро,
То кичатся властью лживой,
То брюзжатъ, какъ мужъ ревнивый;
Музыкантамъ, что порой
Развлекаютъ насъ игрой,
Полной слезъ, любви, мученья
И живого вдохновенья;
Властелинамъ, злобы чуждымъ;
Богачамъ, къ народнымъ нуждамъ

Чуткимъ; храбрымъ воякамъ,
Безпечальнымъ бѣднякамъ,
Всѣмъ плѣнительнымъ дѣвицамъ,
Смуглолицымъ, бѣлолицымъ,
Рѣзвымъ очень или томнымъ,
Развеселымъ или скромнымъ,
Всѣмъ мѣщанкамъ молодицамъ,
Иль купеческимъ дѣвицамъ,
Иль крестьянкамъ-мастерицамъ,
Иль поповнамъ, или бѣлицамъ,—
Все равно, лишь бы онѣ
Были милы только мнѣ,
Цѣловать и пѣть умѣли—
Вотъ кому на самомъ дѣлѣ
Я лишь нравиться хочу
И объ этомъ хлопочу.

N. N.

ПАРНАССЪ.

Когда изъ Греціи вонъ выгнали боговъ
И по мірянамъ ихъ дѣлить помѣстья стали,
Кому-то и Парнассъ тогда отмежевали;
Хозяинъ новый сталъ пасти на немъословъ.
Ослы, не знаю, какъ-то, знали,
Что прежде музы тутъ живали,
И говорятъ: «не даромъ насъ
Пригнали на Парнассъ:
Знать, музы свѣту надоѣли,
И хочетъ онъ, чтобы мы здѣсь пѣли».
— «Смотрите же»,—кричитъ одинъ:—«не унывай!
Я затяну, а вы не отставай!
Друзья, робѣть не надо!
Прославимъ ваше стадо,
И громче девяти сестеръ
Подымемъ музыку, и свой составимъ хоръ!
А чтобы нашего не сбили съ толку братства,
То заведемъ такой порядокъ мы у насъ:
Коль нѣтъ въ чьемъ голосѣ ослинаго пріятства,

Не принимать тѣхъ на Парнассъ».
Одобрили ослы ослово
Красно-хитро-сплетенно слово:
И новый хоръ пѣвцовъ такую дичь занесъ,
Какъ будто тронулся обозъ,
Въ которомъ тысяча немазанныхъ колесъ.
Но чѣмъ окончилось разно-красиво пѣнье?
Хозяинъ, потерявъ терпѣнье,
Ихъ всѣхъ загналъ съ Парнасса въ хлѣвъ.

Мнѣ хочется—невѣждамъ не во гнѣвъ—
Весьма старинное напомнить мнѣнье:
Что если голова пуста,
То головѣ ума не придадутъ мѣста.

И. А. Крыловъ.

СТАНЪ И ГОЛОСЪ.

Хорошій станъ, чѣмъ голосъ звучный,
Имѣть пріятнѣй во сто кратъ.
Вамъ это пояснить я басней радъ.

Какой-то становой, собой довольно тучный,
Надѣвши войлочный халатъ,
Присѣлъ къ открытому окошку
И молча началъ гладить кошку.
Вдругъ голосъ горлицы внезапно услыхалъ...
— «Ахъ если бъ голосомъ твоимъ я обладалъ,»—
Такъ молвилъ приставъ:—«я бъ у тещи
Пріятно пѣлъ въ тѣнистой рощѣ,
И сродниковъ своихъ плѣнялъ и услаждалъ!»
А горлица на то головкой покачала,
И становому такъ, воркуя, отвѣчала:
—А я твоей завидую судьбѣ:
Мнѣ голосъ данъ, а с т а н ъ тебѣ!

Козьма Прутковъ.

ИЩИТЕ ЖЕНЩИНУ.

Ищите женщину во всемъ, что чисто, ясно,
Какъ чистъ весенній день, какъ ясенъ неба сводъ,
Во всемъ, что радостно, безгрѣшно и прекрасно,
Вездѣ, гдѣ нѣтъ нужды, нѣтъ горя и заботъ!..

Ищите женщину во всемъ, что грязно, мрачно,
Какъ грязенъ тучи цвѣтъ, какъ ночь безъ звѣздъ мрачна,
Во всемъ, что холодно, порочно и невзрачно,
Вездѣ, гдѣ сѣетъ зло и слезы сатана!..

Ищите женщину во всемъ, что ваши очи
Слезами радостно заставило блеснуть,
Во всемъ, что вызвало молитву въ тихой ночи
И облегчило грудь, измученную грудь!..

Ищите женщину во всемъ, что выжметъ слезы,
Слезу отчаянья изъ вашихъ грустныхъ глазъ,
Во всемъ, что разобьетъ мечты, развѣетъ грезы,
Какъ жерновомъ, нуждой къ землѣ придавитъ васъ!..

Ищите женщину и на землѣ, и въ небѣ,
И въ мірѣ сказочной фантазіи своей,
Въ той радужной странѣ, гдѣ о насущномъ хлѣбѣ
Забота не темнитъ и не печалитъ дней!..

Ищите женщину и тамъ, гдѣ вы хотите
Ее всегда найти, и тамъ, гдѣ вы найти
Ее не думали... Вездѣ ее ищите,
Вездѣ,—на каждой пяди вашего пути.

Ищите женщину: вездѣ, неудержимо
Въ любую щель она прокрадется, войдетъ...
Ищите женщину, не пропускайте мимо...
Но горе будетъ вамъ, коль васъ она найдетъ!..

Н. Г. Шебуевъ.

Артистъ С. Л. Кузнецовъ.

БЕЗУМНЫЕ СНЫ.

Къ идеаламъ постоянно
Человѣчество стремится,
И ему въ блаженныхъ грезахъ,
Обновленье жизни снится,

Снятся страны, гдѣ повсюду
Идеальные порядки,
Гдѣ давно разрѣшены всѣ
Нерѣшенныя загадки,

Гдѣ всѣ люди совершенны,
Какъ дѣла ихъ, такъ и нравы,
Гдѣ всѣ мудры, гдѣ всѣ чисты,
Гдѣ всѣ нравственны и правы...

Можетъ быть, и доживемъ мы
До Аркадіи подобной
И устроимъ для себя въ ней
Бытъ спокойный и удобный,—

Идеальный бытъ, который
Съ вѣчнымъ счастьемъ неразлученъ,
Но, ей Богу, для меня онъ
Показался бъ очень скученъ...

Жизнь въ странѣ обѣтованной,
Философски разбирая,
Не могу себѣ представить
И боюсь земного рая,

Гдѣ въ такомъ порядкѣ стройномъ
Все привыкло совершаться,
Что и плакать нѣтъ причины,
Да и не надъ чѣмъ смѣяться.

Вы себѣ вообразите
Міръ такой невѣроятный,
До безцвѣтности счастливый
И до гадости пріятный:

Въ немъ всѣ люди безкорыстны,
Какъ лица, такъ и съ изнанки;
Въ немъ общественныя деньги
И общественные банки

Для грабителей не служатъ
Постоянно мишенью;
Представители науки
Въ немъ не преданы влеченью

Къ спиритизму, къ сообщенью
Съ говорящими чертями;
Въ немъ граждане всѣ родятся
Съ благородными страстями,

И характеръ ихъ аркадскій
До абсурда даже кротокъ;
Нѣтъ въ немъ,— вы себѣ представьте!—
Соблазняющихъ кокотокъ.

Нѣтъ актеровъ деревянныхъ
И корыстныхъ адвокатовъ,
Нѣтъ писателей продажныхъ,
Нѣтъ ни сплетниковъ, ни фатовъ

И присяжныхъ юмористовъ
Нѣтъ, конечно, и въ заводѣ.
Потому что, появившись
Въ идеальномъ томъ народѣ,

Юмористы эти стали бъ
Несомнѣнно въ затрудненье,
Не найдя нигдѣ мотивовъ
Для насмѣшекъ и глумленья;

Смѣхъ, для общества людского
Столь здоровый и потребный,
Стихъ бы самъ собою въ этой
Дорогой странѣ волшебной...

Если бъ въ ту страну,— о Боже!—
Могъ когда-нибудь попасть я,
Я бъ отъ скуки удавился,
Задохнулся бы отъ счастья,

Вспоминая съ сожалѣньемъ
Нашъ веселый, нашъ потѣшный,
Далеко не идеальный,
Безшабашный міръ нашъ грѣшный.

Д. Д. Минаевъ.

СКРОМНИЦА.

О! до чего молва несправедлива!
Иной разъ даже зло беретъ!
Прославили меня, что я болтлива...
Вотъ удивительный народъ!
Что надобно меня остерегаться,
Что очень часто болтовня
Приводитъ къ сплетнямъ у меня...
Ну какъ же мнѣ не возмущаться!
Я сплетница!..
Но отчего?
Слыхали ль вы, что про кого
Когда-нибудь дурное я сказала?
Меня и у другихъ-то удивляло,

Что вздоръ такой ихъ можетъ занимать:
Разузнавать и разглашать.
Я сплетница!..
Оно забавно!
Не оттого ль, что весела,
Со всѣми вѣжлива, мила.
А не скажу, какъ...
Вѣра Николавна,
Съ невозмутимой кротостью лица,
Съ несокрушимою улыбкой...
Да, Вѣра Николавна безъ конца
Молчать умѣетъ золотистой рыбкой,
Она вовѣки даже и ошибкой
Не проронитъ умнаго словца.
Не спорю я: она красива...
Но бойтесь вы такого дива:
У ней болѣзнью смотритъ бѣлизна!
Въ ея румянцѣ свѣжесть не видна
А взглядъ ея...
Въ такомъ онъ родѣ,
Какъ будто на фарфоровомъ заводѣ
Сработали ей пару черныхъ глазъ.
Я говорю не осуждая;
Предъ красотой ея не разъ
Благоговѣла и сама я,—
Но если вы хоть полчаса
Съ ней проведете не зѣвая,
Такъ это будутъ чудеса.
Такой красавицей плѣниться
Способенъ только нашъ кассиръ.
О! для него она кумиръ!
Да и чему тутъ удивляться?—
Вѣдь никогда онъ прежде не встрѣчалъ
Порядочной особы женской
И, кромѣ бабы деревенской,
Другихъ онъ женщинъ не знавалъ,—
Ему и кукла идеалъ.
Недаромъ же на службѣ въ банкѣ гдѣ-то
Вся плутовская жизнь его прошла...
Его въ салонъ большого свѣта
Княгиня старая ввела

И познакомила...
Вотъ это
Мнѣ непонятно, хоть убей:
Въ какихъ дѣлахъ княгинѣ нуженъ
Прожженый старый воробей,
И почему онъ съ нею друженъ?
А впрочемъ...
Кто ихъ разберетъ?
Я слышала, княгиня разорилась;
Теперь спасайся, хоть изъ кожи лѣзь.
Что дѣлать?—обнищала спѣсь!
Она съ мошенникомъ сдружилась:
У ней протекція родства,
А онъ... она геній воровства!..
Тутъ сила съ силою сплотилась.
Зато ужъ про ея салонъ
Не оберешься всякихъ жалобъ:
Частенько тамъ такой встрѣчаешь тонъ,
Что безъ оглядки убѣжала бъ.
Клянусь вамъ, я злословить не хочу;
Но, гдѣ коснется правды, не смолчу...
Бываетъ тамъ одна жидовка...
Ей, вѣрно, лѣтъ за пятьдесятъ,
Но рядится она въ такой нарядъ,
Что за нее становится неловко.
Открытые и лифъ и рукава,
Роскошный бархатъ, шелкъ и кружева,
И жемчуга, и бриллианты,—
Ужъ за какіе тамъ таланты
И за какія тамъ права
Она все это получила,
Сказать вамъ будетъ мудрено:
Ея прошедшее темно;
А въ настоящемъ закупила
Она бездарнаго птенца
Изъ адвокатовъ неумѣлыхъ,
И таетъ онъ въ восторгахъ смѣлыхъ
Отъ штукатурки дряблаго лица.—
Но никого оно не возмущаетъ.
Княгиня любитъ ихъ, ласкаетъ.
Мужчины, дамы,—свѣтскій людъ,

Который у нея бываетъ,
Къ такимъ явленьемъ далеко не крутъ.
Всѣ хороши!—Должно быть, сами
Всѣ сознаютъ, что за плечами
У каждаго есть множество грѣшковъ...
И развѣ только не таковъ
Тамъ главный гость,—ихъ идолъ баснословный...
Зато ужъ онъ не скажетъ и двухъ словъ
Безъ вопіющихъ пустяковъ,
Хоть нахваталъ отличій и чиновъ,—
Служилый генералъ сановый...
Ну! я не стану продолжать:
Ужъ дальше будетъ нецензурно.
А въ жизнь мою, могу сказать,
Я ни о комъ не отзывалась дурно.
Равнять себя съ подобными людьми,
По чести,—я не въ состояньи.
Вотъ ихъ такъ хлѣбомъ не корми,
Но дай поплавать въ порицаньи.
Они со сплетней такъ сжились,
Что сплетня ихъ доводитъ до дуэли,
Другъ друга такъ укорами заѣли,
Что... на прошедшей, кажется, недѣлѣ
За картами едва не подрались...
Кричали, спорили, шумѣли...
И это общество могло
Сказать, что я ужасно легковѣрна,
Что къ нимъ строга я непомѣрно,
Что мой языкъ болтаетъ зло!..
Когда я только тамъ счастлива,
Гдѣ ото всѣхъ ихъ сторонюсь...
Позвольте!—я на васъ сошлюсь:
Скажите, неужели я болтлива?..

Викторъ Крыловъ.

ПОМѢЩИКЪ И ТРАВА.

Басня.

На родину со службы воротясь,
Помѣщикъ молодой, любя во всемъ успѣхи,
Собралъ своихъ крестьянъ: »Друзья, межъ нами связь—
Залогъ утѣхи!
Пойдемте же мои осматривать поля!»—
И, преданность крестьянъ сей рѣчью воспаля,
пошелъ онъ съ ними купно...
— «Что жъ здѣсь мое?» — Да все, — отвѣтилъ голова:—
Вотъ тимоѳеева трава...
— «Мошенникъ!» тотъ вскричалъ: «ты поступалъ преступно!
Корысть мнѣ недоступна;
Чужого не ищу; люблю свой права!
Мою траву отдать, конечно, пожалѣю,
Но эту возвратить, немедля, Тимоѳею!»

Оказія сія, по мнѣ, ужъ не нова:
Антоновъ есть огонь,—но нѣтъ того закону,
Чтобы всегда огонь принадлежалъ Антону.

Козьма Прутковъ.

ЗАДАЧА.

Шейхъ, потомокъ Магомета,
Слылъ въ странѣ любимцемъ Бога:
По молитвѣ шейха было
Можно благъ добыть премного.

И пришли за той молитвой
Къ шейху въ Мекку, городъ древній,
Земледѣлецъ и горшечникъ—
Два сосѣда по деревнѣ.

Первый молвилъ:—«Старецъ вѣщій,
Испроси мнѣ дождь у неба:
Безъ того погибнутъ нивы
И останусь я безъ хлѣба!..»

Но въ слезахъ прервалъ горшечникъ:
— «Въ дождь не выжечь мнѣ посуду!
Старецъ вымоли бездожье.
А не то я нищимъ буду!..»

Въ этотъ день премудрый старецъ
Былъ душой не очень свѣтелъ:
— «Уходите, братцы, съ міромъ,»—
Онъ просителямъ отвѣтилъ:

— «Пусть изъ васъ пребудетъ каждый
Въ Божьей милости увѣренъ,
А втупикъ Аллаха ставить
Изъ-за васъ я не намѣренъ!..»

В. Л. Величко.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНІЕ.

Какъ-то разъ съ лѣсовъ высокихъ
Каменщикъ свалился...
Прежде пыль съ себя стряхнулъ онъ,
Всталъ, перекрестился
И сказалъ другимъ рабочимъ,
Не сердясь, безъ шума:
— «Мнѣ пришла на умъ, ребята,
Вотъ какая дума:
Надо сдѣлать безпремѣнно
Наверху перила,
Потому что падать этакъ
Никому не мило!
Хорошо, что я бывалый,—
А другой сорвется,
Да, пожалуй, съ непривычки
До смерти убьется!»

Н. С. Стружкинъ.

Мнѣ говорятъ, что ростомъ я мала.
На это часто я сердилась
И много слезъ я пролила
О томъ, что маленькой родилась.
Прошли недѣли, мѣсяцы, года,
И стало мнѣ теперь понятно,
Что это вовсе не бѣда,
Что это даже препріятно.
Товарки мнѣ по росту моему,
Которыхъ небо вверхъ не тянетъ
И на которыхъ потому
Подчасъ иной съ насмѣшкой глянетъ!
Пускай смѣется, кто настолько простъ.
Но я за васъ, за всѣхъ, вступаюсь,
И этотъ маленькій нашъ ростъ
Я вамъ возвысить постараюсь.
Кто русской поговорки не слыхалъ
И кто ее не повторяетъ,
Что золотникъ, хотя и малъ,
Да очень дорогъ намъ бываетъ.
Родимся злыми; но съ тѣхъ поръ,
Какъ зло въ кого-нибудь попало,—
Въ большомъ ему большой просторь,
А въ маленькомъ и мѣста мало.
«Жена, какъ ноша, мужу тяжела»—
Твердятъ иные.—Ну, прекрасно!
Такъ, если женщина мала,
И ноша легче,—это ясно.
Любовь къ супругу, преданность ему
Прочнѣе въ маломъ человѣчкѣ,
Вѣдь, только, только одному
Уютно въ маленькомъ сердечкѣ.
Соблазну меньше для того, кто малъ:
Мы къ почвѣ лѣпимся такъ близко,
Что если кто изъ насъ упалъ,
Никто не упадаетъ низко.
Свой станъ сгибать приходится большимъ,
Большіе внизъ глядятъ несмѣло,

Мы гордо вверхъ всегда глядимъ—
И спину гнуть не наше дѣло.
Гроза ломаетъ крѣпкіе дубы,
Но мелкой травки не ломаетъ.
Насъ, маленькихъ, гроза судьбы
Совсѣмъ въ конецъ не разрушаетъ.
Мы твердо сносимъ всякую печаль,
Не утомляемся борьбою;
Вѣдь малымъ жертвовать не жаль;
Не жаль намъ жертвовать собою.
А потому совсѣмъ я не тужу,
Что такъ мала я по природѣ:
Я въ этомъ счастье нахожу...
Безъ маленькихъ въ любомъ народѣ
Ни прочной силы ни величья нѣтъ,
Въ нихъ— все народное богатство.
И маленькимъ обязанъ свѣтъ
Войной за равенство и братство.

Виктора Крылова.

НОСЪ И НОГИ.

Однажды предъ Ногами Носъ
Сталъ похваляться горделиво
(Онъ былъ изъ крупныхъ, лоснился, какъ слива.
И волосками жесткими поросъ):
— «Вы, дескать, что?! Въ моемъ высокомъ положеньи—
Взглянуть вамъ на меня—и то ужъ оскорбленье,
А вы нашли со мной какую-то тамъ связь...
Молчать!..»
Но вдругъ... О, что случилось, боги!—
Скользнули въ лужу Ноги—
Носъ ткнулся въ грязь...

С. Г. Фругъ.

Артистка А. В. Токарева.

БѢДОВЫЯ ДѢТИ.

Кого изъ насъ не потѣшаютъ дѣти?
Кому не милъ ихъ лепетъ молодой?
Нерѣдко забываешь все на свѣтѣ,
Слѣдя за ихъ невинной болтовней...
Намъ любо ихъ наивное признанье—
И все-таки я часто замѣчалъ,
Какъ говорятъ:
«прелестное созданье!»
А думаютъ:
«чтобъ чортъ тебя побралъ!»

Я видѣлъ, какъ съ сынишкою вельможи
Прислужникъ ловкій вздумалъ поиграть;
Онъ лаялъ по-собачьи, корчилъ рожи,
И принималъ щелки, какъ благодать...

Свершая храбро этотъ подвигъ трудный,
Когда свой носъ мальчишкѣ подставлялъ,
Онъ говорилъ:
«что за ребенокъ чудный!»
Но думалъ онъ:
«чтобъ чортъ тебя побралъ!»

Поэтъ читалъ свои стихотворенья
Красавицѣ, и таялъ предъ ней;
Но сынъ ея разрушилъ міръ забвенья,
Сказавъ поэту: «кончи поскорѣй!
Вѣдь это скучно. Ты вели, мамашка,
Чтобъ онъ со мной въ лошадки поигралъ...»
Поэтъ отвѣтилъ:
«погоди, милашка!»
Но думалъ онъ:
«чтобъ чортъ тебя побралъ!»

—«Послушай, мама,»—молвилъ мальчикъ крошка:
— «Обшарили мы съ няней весь буфетъ;
Тамъ жересъ есть, малаги есть немножко;
Но только водки тамъ ни капли нѣтъ...»
И чувствуя, что рѣчью неумѣстной
Мальчишка тайну няньки разболталъ,
Она твердитъ:
«ахъ, андилъ нашъ небесный!»
Но думаетъ:
«чтобъ чортъ тебя побралъ!»

Введя гусара въ комнату папаши,
— «Вотъ видишь, папа»—мальчикъ говоритъ:
— «И мнѣ онъ другъ, и другъ моей мамаши,
Ее цѣлуетъ, а меня даритъ...»
Гусаръ смущенъ, краснѣетъ, какъ мальчишка,
Болтливаго ребенка приласкалъ,
И шепчетъ:
«ахъ! ужасный ты плутишка!»
А думаетъ;
«чтобъ чортъ тебя побралъ!»

Лаская дядю, дѣвочка сказала:
— «Ахъ, дядюшка, когда же ты умрешь?
Вчера еще мамаша поминала,

Что долго намъ наслѣдство не даешь...»
Старихъ вздохнулъ, качая головою,
И, помолчавъ, болтуньѣ отвѣчалъ:
— «Ну что жъ, я радъ могильному покою».
Но думалъ онъ:
«ахъ, чортъ бы васъ побралъ!»

Викторъ Крыловъ.

АХМЕТЪ НА МИНАРЕТѢ.

—« Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ,—
Самъ себѣ Ахметъ сказалъ:—
А еще не побывалъ
Никогда на минаретѣ!»
И немедленно Ахметъ
Влѣзъ на стройный минаретъ.
И предъ нимъ, какъ на ладони,
Городъ всталъ: дома, базаръ,
Купы темныя чинаръ...
Копошились люди, кони...
Чуть замѣтны съ высоты
Были люди и скоты...
—«Двадцать лѣтъ живу на свѣтѣ—
Онъ воскликнулъ въ тотъ же мигъ,
А теперь лишь я постигъ,
Стоя здѣсь на минаретѣ,
Какъ ничтоженъ родъ людской,
Какъ малы всѣ предо мной!...»
Вдалекѣ жъ играя, дѣти
Разсуждали межъ собой:
— «Посмотри-ка, кто такой
Тамъ торчитъ на минаретѣ!»
И рѣшилъ весь хоръ дѣтей:
— «Это просто воробей!»

В. Л. Величко.

БАРАНЫ.

Вотъ идетъ барановъ стадо. Что за глупыя все рожи,
Точно все родные братья, такъ они другъ съ другомъ схожи;
Лбы у всѣхъ равно покаты. Я, взглянувши на барановъ,
Вспомнилъ нашихъ модныхъ франтовъ, нашихъ свѣтскихъ донъ-жуановъ.—
Всѣ причесаны «капулемъ,» въ глазъ воткнута одноглазка;
На всѣхъ лицахъ фатовская и нахальная гримаска.
Очень тщательно завиты, всѣ съ прямымъ, англійскомъ рядомъ;
Такъ же смотрятъ, какъ бараны, и тупымъ и мертвымъ взглядомъ.
Разодѣты всѣ прекрасно по послѣдней самой модѣ,
Точно сдѣланы по мѣркѣ на какомъ-нибудь заводѣ.
Въ молодые годы въ школахъ не даются имъ науки;
Книгъ они терпѣть не могутъ и берутъ ихъ рѣдко въ руки,
И хоть правильно двухъ строчекъ не напишутъ вамъ по-русски,
Но зато пребойко «блеютъ» межъ собою по-французски...
Эти милые барашки никогда нигдѣ не служатъ;
О трудѣ, о пользѣ ближнимъ никогда они не тужатъ.
Но для тона и приличья всѣ имѣютъ аттестатъ:
Всѣ они при комъ-то и при чемъ-то состоятъ!
Съ головой свободной, праздной вѣкъ не чувствуютъ тоски,
Мысль благая не залѣзетъ въ ихъ пустые чердаки,

Отъ волненій благородныхъ не волнуются ихъ груди,
И выходитъ, что барашки пресчастливѣйшіе люди!!
Хоть бараны, большей частью, съ ограниченнымъ познаньемъ,
Но зато всѣ обладаютъ превосходнымъ состояньемъ
И фортуна о баранахъ позаботилась сама,
Потому что деньги, право, выше всякаго ума!
Вѣдь, съ деньгами, будь ты самымъ вреднымъ паразитомъ,
Прослывешь ты человѣкомъ умнымъ, острымъ и развитымъ.
Въ наши лучшіе салоны имъ открытъ свободный входъ!
(Много значитъ въ наше время состоянье и доходъ!)
Всѣ невѣсты и сердца къ нимъ и объятья простираютъ.
(Нынче въ деньгахъ толкъ дѣвицы превосходно понимаютъ!)
А мамаши суетятся, не жалѣя потроховъ,
Сбыть товаръ за этихъ глупыхъ, но богатыхъ жениховъ!
И живется имъ на свѣтѣ и тепло и благодатно...
Да! Съ хорошимъ состояньемъ и бараномъ быть пріятно!

И. Стружкинъ.

ЖИТЕЙСКІЯ ВАРЬЯЦІИ.

Намъ говорятъ, что неуклюжа
Родная рѣчь и не гибка,
Но нѣтъ богаче и, къ тому же,
Нѣтъ въ мірѣ гибче языка.

Языкъ подобный—море. Рифъ мы
Найдемъ и въ немъ, но безъ труда
При звукѣ самой смѣлой ритмы
Бѣжитъ созвучье къ ней всегда.

Любое слово намъ поможетъ
Сейчасъ на дѣлѣ доказать,
Что, мысль *не связывая,* можетъ
Оно намъ руки *развязать*

Для пѣсни, безъ сомнѣнья, *связной*
(Все дѣло въ опытномъ пѣвцѣ),
Нескучной и разнообразной,
Съ смѣшной *развязкою* въ концѣ.

Какое жъ слово въ рѣчи русской
Намъ ближе?... Въ міръ едва родясь,
Дитя въ своей пеленкѣ узкой
Ужъ чувствуетъ съ землею *связь.*

Сперва *безсвязно* мы лепечемъ,
Потомъ сидимъ за букваремъ,
И въ школѣ, если взять ужъ нечѣмъ,
Своей *развязностью* беремъ.

Затѣмъ мы, дѣлая карьеру,
Не обойдемся безъ *связей*
И каждый день теряемъ вѣру
Свою въ *привязанность* друзей.

Вниманьемъ женщинъ осчастливясь,
Мы торжества побѣды ждемъ,
А въ заключеніе—*на привязь*
Съ любовной *связью* попадемъ.

Заботы новыя обяжутъ,
Пріучатъ къ тратамъ и долгамъ
И насъ обязанности *свяжутъ*
И по рукамъ, и по ногамъ.

Серьезна каждая бездѣлка:
Связалась съ кѣмъ-нибудь «она»,
А *завязалась* перестрѣлка—
На цѣлый годъ пошла война.

Завязнутъ мужъ съ женою оба
Въ бѣдахъ,—лечь въ землю веселѣй,—
И *не отвяжешься* до гроба
Отъ вздоховъ, слезъ и векселей.

На жизнь невольно взглянешь дико
И—смотришь! — каждый день съ утра,
Навѣрно, ужъ *не вяжешь* лыка
И удираешь со двора.

Д. Д. Минаевъ.

ЗАЯЦЪ-ОБЛИЧИТЕЛЬ.

Басня

— «Я—Заяцъ! Я—извѣстный либералъ!
Консерватизмъ претитъ моимъ принципамъ...
Весь вѣкъ я пѣной бѣшеной плевалъ:
Дубамъ сатиры посвящалъ,
Читалъ я обличенья липамъ,
Бранилъ за легкомыслiе стрекозъ,
Негодовалъ на приставанье осъ.
Бранилъ траву за шумъ безпечный,
И даже разъ дошелъ до дерзости такой,
Что путь на небѣ млечный
Жестоко выругалъ! О, да!.. Я—заяцъ злой...
И тамъ, гдѣ попранныя блага,
Гдѣ слабый никнетъ головой,—
Тамъ—я и тѣмъ я—свой!..
О, если бъ...»
Вдругъ какая-то б у м а г а
Отъ вѣтра шевельнулася въ кустахъ...
Исчезла заячья отвага,
Объялъ его понятный страхъ...
Мгновенiе,—и либерала ушки
Мелькаютъ гдѣ-то у опушки...

Чужъ-Чужининъ.

ДУБИНУШКА.

Эхъ, дубинушка родная,
Раскачай-ка да и грянь!
Раздроби-ка, дорогая,
Злую кляузу и дрянь,
Дрянь, которая мѣшаетъ
Бодро намъ впередъ идти,
И повсюду заграждаетъ
Прогрессивные пути...
Эхъ, дубинушка, ухни!..
Раздроби все то, что дико,
Всю невѣжества кору...
Нашихъ барынь отучи-ка
Лѣзть въ азарную игру...
Растрепавшись точно вѣникъ,
Кушъ желая пріобрѣсть,
Наши дамы, кромѣ денегъ,
Потерять готовы честь...
Эхъ, дубинушка, ухни!..
Ухни, ухни-ка родная!..
Отъ рысачниковъ спаси,
Коихъ шайка озарная
Безобразитъ на Руси...
Чтобъ желѣзныя дорожки
Не ломали бы у насъ
Ручки, ребрышки и ножки
Каждый день и каждый часъ...
Эхъ, дубинушка, ухни!..
Поучи-ка всѣхъ нахаловъ,
Чтобъ были почестнѣй!..
Чтобъ издатели журналовъ
Были бъ съ публикой скромнѣй!..
Отъ конторъ псевдо-банкировъ,
Что плутуютъ даже въявь...
Отъ закладчиковъ-вампировъ
Бѣдный русскій людъ избавь!..
Эхъ, дубинукка, ухни!

N. N.

Не знаю, какъ и почему
Звѣрей владыка, левъ могучій,
Велѣлъ народу своему
Къ нему собраться въ лѣсъ дремучій.
—«Кто явится ко мнѣ скорѣй,
Тотъ будетъ мнѣ другихъ милѣй,
Того по-царски награжу;
А прочихъ строго накажу!»
Сказалъ онъ. А къ нему дорога
Трудна, длинна была немного.
Вотъ звѣри и пустились въ путь.
Сперва прошли кто познатнѣе;
За ними тѣ, кто половчѣе;
А прочіе ужъ какъ-нибудь...
Верблюды, мулы и коровы,
Бараны, овцы, волъ здоровый,—
Полезный все, но смирный скотъ
Весь позади другихъ идетъ.
Толпа звѣрей... И шумъ и топотъ,—
Тѣснятся, лѣзутъ всѣ впередъ;
Никто дороги не даетъ,
Повсюду давка, свалка, ропотъ.
Вдругъ... поросенокъ прибѣжалъ.
Визжитъ, вертитъ хвостомъ, хлопочетъ,
Впередъ скорѣй пробиться хочетъ.
Но гдѣ тутъ! тѣсно! глупъ онъ, малъ,
И позади бы всѣхъ остался,
Да къ счастью съ теткой повстрѣчался.
— «Mon Dieu! ma tante! совсѣмъ бѣда!
Не знаю, какъ попасть туда!
Идти со всѣми—несподручно,
Такъ трудно, далеко и скучно;
Пожалуй, можно и устать.
Ma tante! нельзя ль похлопотать!»
— «Ахъ! милый мой, я непремѣнно!
Ты сынъ моей сестры безцѣнной,
Ступай за мной; сейчасъ иду,
У льва я кое съ кѣмъ въ ладу:

Мнѣ тамъ знакомъ кабанъ, роденька:
Ахъ вотъ и онъ: Cousin de grace!
Большая просьба есть до васъ!
Нельзя ли намъ помочь маленько
Вотъ этихъ обогнать скотовъ?»
— «Ma chere cousine! для васъ готовъ
Avec plasir! За мной ступайте.»
Смотрите же, не отставайте.»
И вотъ кабанъ въ толпу идетъ;
Толкаетъ, давитъ всѣхъ, грызетъ.
Столкнуться съ нимъ—плохое дѣло!
Пырнетъ клыкомъ—не камень тѣло!
Попробуй-ка не пропусти,
Да и у льва-то онъ въ чести.
Пойти ему труда не много;
Въ толпѣ просторъ, вездѣ дорога!
Такъ онъ легко и безъ хлопотъ,
Скорехонько прошелъ впередъ;
А вплоть за нимъ прошла кузина,
Съ ними видно близкая скотина,
И поросенокъ впереди!..
Да онъ-то какъ впередъ пробрался?
За хвостикъ тетенькинъ держался!..
Попробуй-ка другой пройти!..
Вѣдь, право, какъ это иной,
Далеко бывши за тобой,
Впередъ такъ скоро поспѣваетъ?
Посмотришь, глупъ, лѣнивъ и малъ,
Какъ поросенокъ замаралъ
Себя давно, а пролѣзаетъ!
Знать, тоже хвостикъ помогаетъ...

А. Фанкъ.

И. А. Крыловъ.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

Когда-то вздумалось мышамъ себя прославить
И, не смотря на кошекъ и котовъ,
Свести съ ума всѣхъ ключницъ, поваровъ,
И славу о своихъ дѣлахъ трубить заставить
Отъ погребовъ до чердаковъ;
А для того совѣтъ назначено составить,
Въ которомъ засѣдать лишь тѣмъ, у коихъ хвостъ
Длиной во весь ихъ ростъ:
Примѣта у мышей, что тотъ, чей хвостъ длиннѣе,
Всегда умнѣе
И расторопнѣе вездѣ.
Умно ли то, теперь мы спрашивать не будемъ;
Притомъ же объ умѣ мы сами часто судимъ
По платью иль по бородѣ.
Лишь нужно знать, что съ общаго сужденья

Все длиннохвостыхъ брать назначено въ совѣтъ;
У коихъ же хвоста, къ несчастью, нѣтъ,
Хотя бъ лишились ихъ онѣ среди сраженья,
Но такъ какъ это знакъ иль неумѣнья,
Иль нерадѣнья,
Такихъ въ совѣтъ не принимать,
Чтобъ изъ-за нихъ своихъ хвостовъ не растерять.
Все дѣло слажено; повѣщено собранье,
Какъ ночь настанетъ на дворѣ;
И, наконецъ, въ мучномъ ларѣ
Открыто засѣданье.
Но лишь позаняли мѣста,
Анъ, глядь, сидитъ тутъ крыса безъ хвоста.
Примѣтя то, сѣдую мышь толкаетъ
Мышенокъ молодой,
И говоритъ: «Какой судьбой
Безхвостная здѣсь съ нами засѣдаетъ?
И гдѣ же дѣлся нашъ законъ?
Дай голосъ, чтобъ ее скорѣе выслать вонъ.
Ты знаешь, какъ народъ безхвостныхъ нашъ не любитъ;
И можно ль, чтобъ она полезна намъ была,
Когда и своего хвоста не сберегла?
Она не только насъ, по́дполину всю сгубитъ».
А мышь въ отвѣтъ: «Молчи! все знаю я сама;
Да эта крыса мнѣ кума».

И. А. Крыловъ.

ДОБРОДѢТЕЛЬНЫЙ ПЕСЪ.

Изъ Г. Гейне.

Былъ пудель Брутъ. Могу сказать я смѣло,
На имя то имѣлъ онъ всѣ права:
Про умъ его и доблести гремѣла
По всей странѣ стоустая молва.
Терпѣнія и правилъ самыхъ строгихъ
И вѣрности являлъ онъ образецъ;

Блестящій перлъ межъ всѣхъ четвероногихъ,
Людьми былъ чтимъ онъ, какъ Натанъ мудрецъ.
Цѣня его достойно, по заслугамъ,
Ему во всемъ хозяинъ довѣрялъ!
Считалъ его онъ преданнѣйшимъ другомъ
И къ продавцу за мясомъ посылалъ.
И отдавалъ ему мясникъ корзину,
И, взявши въ ротъ ее, почтенный песъ
Баранину, телятину, свинину
По улицамъ спокойно, гордо несъ.
Хоть запахъ былъ заманчивъ—не плѣнялся
Имъ честный Брутъ: въ душѣ онъ стоикъ былъ;
Онъ ни костей, ни мяса не касался
И въ цѣлости домой все приносилъ.
Но межъ собакъ есть много, къ сожалѣнью,
(Какъ и межъ насъ) безчувственныхъ скотовъ,
Что преданы плотскому наслажденью
И лишены всѣхъ нравственныхъ основъ.
И эти-то дворные псы изъ мести
Задумали составить заговоръ:
Бѣсило ихъ, что вѣренъ долгу чести
Всегда былъ Брутъ, а не былъ гнусный воръ...
И вотъ, когда однажды онъ изъ лавки,
Неся свою корзину, шелъ домой,
Вся эта дрянь—барбосы, жучки, шавки—
Вдругъ на него накинулись гурьбой
И вырвали добычу дорогую!
Онъ отражать не въ силахъ былъ враговъ;
Попадали куски на мостовую,
И начался дѣлежъ у алчныхъ псовъ.
Сперва на нихъ глядѣлъ спокойнымъ взглядомъ
Какъ истинный философъ, честный Брутъ;
Но, наконецъ, взяла его досада,
Что сладко такъ мерзавцы эти жрутъ,
И, волю давъ объявшей сердце злости,
Самъ уплетать онъ сталъ филей и кости.

Мораль.

«Какъ Брутъ, и ты, который былъ такъ чистъ!»
Скорбя душой, воскликнетъ моралистъ.

Увы! Дурной примѣръ собьетъ съ дороги!
И даже Брутъ—краса четвероногихъ—
Не совершененъ самъ: онъ жретъ,
Какъ всякій скотъ!

А. Н. Плещеевъ.

МНОГОЖЕНСТВО.

Истинное происшествіе.

Разъ на раутѣ блестящемъ
У персидскаго посла
Опрометчивая дама
Рѣчь такую повела
— Excellence, pardon... скажите,
Неужели по сей часъ
Многоженство,—этотъ ужасъ,
Принятъ въ Персіи у васъ?
Не смутился персіянинъ,
Дипломатъ большой руки;
Лишь въ восточныхъ черныхъ глазкахъ
Засверкали огоньки.
— «Да, сказалъ онъ, многожество,
Этотъ ужасъ,—на бѣду,
Совершенно какъ въ... Европѣ,
И у насъ въ большомъ ходу.
Но условно многоженство
Разрѣшаетъ намъ законъ:
Прокормить своихъ должны мы,
А чужихъ не трогать женъ!..
Ну... а здѣсь мужья,—насколько
Я обычаи постигъ,—
Многихъ женъ имѣютъ тайно
И... не очень кормятъ ихъ!..

В. Величко.

СТРЕКОЗА И ОДУВАНЧИКЪ.

Сказка.

Былъ май, веселый мѣсяцъ май,—
Кому же грустно въ маѣ?
Цвѣтовъ въ поляхъ хоть убавляй,
А лѣсъ? а птичьи стаи?
А небо въ звѣздахъ и лунѣ?
А тучи на закатѣ,
То въ перламутовомъ огнѣ,
То въ пурпурѣ, то въ златѣ?
Итакъ, былъ май; поля цвѣли,
Въ аллеяхъ пѣли пчелки,
На межникахъ коростели,
А въ просѣ перепелки.
Былъ старый лѣсъ веселый днемъ,
А ночью—тайны полный,
Тамъ пѣлъ ручей, обросшій мхомъ,
И лѣсъ смотрѣлся въ волны;
Тюльпаны, пьяные отъ розъ,
На берегу шептались,
А одуванчики въ стрекозъ
Какъ юнкера влюблялись!
И вотъ одинъ изъ нихъ сказалъ:
— «Я простъ и бѣденъ съ вида,
По страстью жаркой запылалъ
Къ вамъ, милая сильфида!
Среди своихъ подругъ стрекозъ,
Вы прямо—балерина!
Вы рождены для свѣтлыхъ грезъ,
Для ласкъ и серпантина!
И даже пьяница тюльпанъ
Влюбленъ былъ въ ножки эти,
Когда плясали вы канканъ
Въ лѣсу при лунномъ свѣтѣ.
А въ сердцѣ пламенномъ моемъ
Царицей вы живете!
Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы—тети.
Потомъ и свадьбу въ добрый часъ

Отпразднуемъ мы съ вами,
И буду я глядѣть на васъ
Влюбленными глазами.
Перецѣлую, какъ кадетъ,
У васъ я каждый пальчикъ!.:»
А стрекоза ему въ отвѣтъ:
— Какой вы глупый мальчикъ!
— «Для васъ я сдѣлаю заемъ
У медуницы—тети!»
— А много ли, вопросъ весь въ томъ,
У тети вы найдете?
Питаться солнцемъ да росой,
Повѣрьте я не стану!
Нѣтъ,—балерина, милый мой,
Для васъ—не по карману!—
Она умолкла; лѣсъ дремалъ,
Не шевелились травы,
И только вѣтерокъ вздыхалъ:
— Ну, времена! ну, нравы!..
Настала осень; лѣсъ желтѣлъ;
Листъ падалъ въ позолотѣ,
Косматый шмель въ гостяхъ сидѣлъ
У медуницы—тети.
И тетя бѣдная въ слезахъ
Печально говорила,
Что одуванчика на дняхъ
Она похоронила,
А повѣнчался съ стрекозой,
Какой-то жукъ рогатый,
Въ параличѣ, полуживой,
Но знатый и богатый.
Шмель слушалъ молча. Лѣсъ дремалъ,
Не шевелись травы,
А вѣтерокъ въ кустахъ вздыхалъ.
— Ну, времена! Ну, нравы!..

Ал. Будищевъ.

МЫШЬ, УДАЛИВШАЯСЯ ОТЪ СВѢТА.

Изъ Лафонтена.

Восточны жители, въ преданіяхъ своихъ,
Разсказываютъ намъ, что нѣкогда у нихъ
Благочестива мышь, наскуча суетою,
Слѣпого счастія игрою,
Оставила сей шумный міръ
И скрылась отъ него въ глубокую пещеру—
Въ голландскій сыръ.
Тамъ святостью одной свою питала вѣру.
Къ спасенію души трудиться начала:
Ногами
И зубами
Голландскій сыръ скребла, скребла
И выскребла досужнымъ часомъ
Изрядну келейку съ достаточнымъ запасомъ...
Чего же болѣе?—Въ такихъ-то мышь трудахъ
Разъѣлась такъ, что страхъ!
Короче:—на порогѣ рая...
Самъ Богъ блюдетъ того,
Работать міру кто отрекся для Него.
Однажды передъ ней предстало, воздыхая,
Посольство отъ ея любезныхъ земляковъ;
Оно идетъ просить защиты отъ дворовъ
Противу кошачья народа,
Который вдругъ на ихъ республику напалъ,
И Крысополисъ ихъ въ осадѣ ужъ держалъ.
— «Всеобща бѣдность и невзгода—
Посольство говоритъ:—причиною, что мы
Несемъ пустыя лишь сумы;
Что было съ нами—все пріѣли,
А путь еще далекъ: и для того посмѣли
Зайти къ тебѣ и бить челомъ—
Снабдить насъ въ крайности посильнымъ подаяньемъ.»
Затворница на то, съ душевнымъ состраданьемъ
И лапки положа на грудь свою крестомъ,
— «Возлюблены мои!—смиренно отвѣчала:—

Я отъ житейскаго давно уже отстала...
Чѣмъ, грѣшная, могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ!.. а я и день и ночь
Молить Его за васъ готова».
Поклонъ имъ... заперлась—и болѣе ни слова.
Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь?..
Монахъ?—Избави Богъ и думать! — Нѣтъ, — дервишъ.

И. И. Дмитріевъ.

ЛАТИНСКАЯ ГРАММАТИКА.

Изъ В. Сырокомли.

«Въ монастырь мнѣ хочется! Я ищу святыни,
Но у насъ всѣ молятся только по латыни.
Я ея не вѣдаю... какъ читать «Служебникъ?»
Дайте мнѣ наставника, дайте мнѣ учебникъ!»
Такъ я горько плакала. Мать съ родною теткой
Старичка мнѣ наняла.—Менторъ добрый, кроткій;
Бредитъ онъ Вергиліемъ, мѣсяцы и годы
Радъ читать Горація пламенныя оды.
Онъ меня, страдалицу, безпощадно мучитъ,
«Падежамъ», «склоненіямъ» и «родамъ» все учитъ.
— Это feminini родъ, это—masculini...»
Я ушами хлопаю отъ его латыни.
Начались спряженія. Я молчу упрямо;
Хоть убей, не вѣдаю, какъ спрягать мнѣ «amo!»
Видятъ тетка съ матушкой, что смотрю я букой,
Что никакъ не справлюсь съ хитрою наукой:
Польскую грамматику знаю просто чудо,
А латынь мудреную male, ergo худо.
И рѣшила матушка, съ теткой на совѣтѣ:
— «Вѣрно, ей приходится жить въ лукавомъ свѣтѣ?
Вѣрно, что въ монашенки бѣдной не постричься?
У другого ментора нужно ей учиться.

Старичекъ старается, не щадя усилій:
Толку нѣтъ въ Горація, плохъ его Вергилій!
Пригласить не лучше ли намъ изъ-за границы
Добраго племянника, съ пользой для дѣвицы?
Онъ въ наукѣ опытенъ: курсъ начнетъ онъ прямо..
Пусть она внимательно съ нимъ спрягаетъ «amo».—
Изъ Берлина въ гости къ намъ Станиславъ примчался.
Разнымъ чуднымъ мудростямъ тамъ онъ обучался.
Стройный и хорошенькій, съ черными усами,
Онъ дипломъ свой докторскій развернулъ предъ нами.
Онъ, какъ братъ двоюродный, цѣловался нѣжно
И со мной наукою занялся прилежно.
Начались въ ученьи новые порядки:
Сразу мнѣ понравились книжки и тетрадки.
Я учусь старательно, живо по-латыни,
Отличу «родъ мужескій», ergo masculini,
Я сильна въ спряженіяхъ: безъ ошибки, прямо,
На зубокъ, спрягаю съ нимъ: «Amo! Amo! Amo!»

Л. Н. Трефолевъ.

ХУДЫЯ ПРЕДЗНАМЕНОВАНІЯ.

Въ уютной гостиной царитъ полумракъ.
Красотка лежитъ на кушеткѣ;
И млѣетъ старикъ передъ нею.
— «Дурррракъ!»
Кричитъ попугай громко въ клѣткѣ.
Но старецъ не внемлетъ. Въ бреду, въ полуснѣ,
Цѣлуетъ и ручки и ножки...
Межъ тѣмъ, какъ эмблема, надъ нимъ на стѣнѣ
Висятъ позлащенные рожки.
— «Тебя я деньгами осыплю, Аннетъ!
Въ гостинной, какъ стонъ, раздается...

Съ камина улана-красавца портретъ
Надъ старцемъ какъ будто смѣется!
— «Ты будешь моею женою, вѣдь такъ?
Пойдутъ у насъ куколки-дѣтки?»
— Конечно, конечно, мой милый...
— «Дурракъ!»
Кричитъ попугай снова въ клѣткѣ.

Тоже поэтъ.

НЕУЖЕЛИ.

Я сказалъ ей: тротуары грязны,
Небо мрачно, всѣ уныло ходятъ...
Я сказалъ, что дни однообразны
И тоску на сердце мнѣ наводятъ,
Что балы, театры—надоѣли...
«Неужели?»

Я сказалъ, что въ городѣ холера,
Тѣ—скончались, эти—умираютъ...
Что у насъ поэзія—афера,
Что таланты въ пьянствѣ погибаютъ,
Что въ Россіи жизнь идетъ безъ цѣли...
«Неужели?»

Я сказалъ: вашъ братъ идетъ стрѣляться;
Онъ безчестенъ, предался пороку...
Я сказалъ, прося не испугаться,
Вашъ отецъ скончался! Ночью къ сроку
Доктора пріѣхать не успѣли...
«Неужели?».

К. К. Случевскій.

Артистъ Н. А. Степановъ.

Б Ѣ С Ъ.

Кружевной мантильей скрыта,
Въ покаяніи грѣховномъ
Горько плачетъ Карменита
Предъ отцомъ своимъ духовнымъ:
— «Падре, падре! Предъ тобою
Исповѣдаться должна я.
Душу всю тебѣ раскрою,
Знай, я грѣшница большая!
Грѣхъ великъ мой... Боже правый,
Нѣтъ мнѣ болѣе прощенья:
Нынче ночью духъ лукавый,
Ввелъ меня во искушенье.
Какъ его я ни просила,
Какъ молиться ни старалась,
Эта демонская сила
Ничего не испугалась.
Слушай, падре,—все, какъ надо,
Разскажу тебѣ про бѣса...
Легъ туманъ, дыша прохладой
Съ береговъ Мансанареса.
Ночь настала... Божьи очи

Съ неба на землю глядѣли,
И въ молчаньи тихой ночи
Вдалекѣ гитары пѣли.
Напоенный страстью знойной
Воздухъ ночи ароматной
Объялъ духъ мой неспокойный
Силой чудной, непонятной.
Что со мною,—я не знала,
Вся горѣла какъ въ огнѣ я,
То ложилась, то вставала,
Трепеща и холодѣя.
Но напрасно я боролась,—
Спорить съ бѣсомъ не легко намъ...
Вдругъ, я слышу, чей-то голосъ
Раздается подъ балкономъ:
— Кармента, Кармента,
О, зачѣмъ меня ты губишь?
Будетъ жизнь моя разбита,
Коль меня ты не полюбишь.
Кармента! Другъ отъ друга
Далеки мы... Будемъ ближе!
Счастье, жизнь моя, подруга,
О, впусти меня, впусти же!—
—Хитрый бѣсъ!—я отозвалась—
Тщетно ты меня смущаешь:
Дома я одна осталась,
Мужа нѣтъ, ты это знаешь...—
И шептала я заклятья:
— Сгинь, разсыпься, духъ лукавый!—
Что жъ еще могла сказать я,
Научи, о Боже правый!
Вдругъ, я слышу, по ступенямъ
Кто-то входитъ,—дверь толкаетъ
И, приникнувши къ колѣнямъ,
Крѣпко станъ мой обнимаетъ.
Бѣсъ вошелъ... Огнемъ дыханья
Жегъ уста мои и плечи...
Въ погасающемъ сознаньѣ
Все смѣшалось:—клятвы, рѣчи...
Я не помню, что тутъ было,
Что ему я говорила...

Сердце билось, сердце ныло...
Ахъ, сильна ты, вражья сила!»
—Но послушай, Карменита,—
Падре вскрикнулъ, скорби полонъ:
Дверь-то, дверь была открыта?
Какъ иначе бы вошелъ онъ?
Это странно! Неужели
Дверь замкнуть ты не старалась?—
— «Дверь замкнуть? А! Въ самомъ дѣлѣ!
Падре, я не догадалась!»

В. Мазуркевичъ.

ВИТЯЗЬ.

Вышелъ витязь на поляну:
Конь тяжелый въ поводу...
— «Гдѣ, молъ, быть бѣдѣ, изъяну,
Я туда теперь пойду.
Тамъ, гдѣ въ тучахъ за морями
Мучитъ дѣву Черноморъ;
Злыми гдѣ богатырями
Полонъ темный, темный боръ;
Гдѣ недобрый царь изводитъ
Войско добраго царя;
Аспидъ-змѣй по людямъ ходитъ,
Ядомъ жжетъ и дышитъ зря,—
Тамъ нужда въ моей защитѣ...»

Смотритъ витязь: старичокъ
Вдругъ предсталъ! Въ помятой свитѣ,
Желтъ, морщинистъ—какъ сморчокъ;
Сгорбленъ долгими годами,
Очи востры, носъ крючкомъ,
Борода виситъ клоками,
Словно сбита колтуномъ.
— «Здравствуй, витязь! Ты отколѣ,
А еще вѣрнѣй: куда?»

— Погулять хочу на волѣ,
Посовѣтуй, борода! —
— «Про какую жъ это волю
Ты задумалъ погулять?»
— Злымъ я людямъ не мирволю!
Черномора бъ мнѣ сыскать!
Отъ него спасу дѣвицу!
Злого змѣя поборю
И отдамъ свою десницу
Въ помощь доброму царю! —
— «Значитъ, ищешь Черномора?
Да какой же онъ на видъ?
Много, знать, въ тебѣ задора.
Сильно кровь въ тебѣ кипитъ!
Ну, да быть тебѣ съ побѣдой,
И прославишься ты въявь!»
— Старче! Знаешь, что — повѣдай?
Силу витязя направь! —
— «Что жъ, могу...»
И началъ старче
Міра зло перечислять...
Что ни сказъ, то лучше, ярче...
Мастеръ былъ живописать!
Говоритъ ему день цѣлый,
И другой онъ говоритъ...
Витязь, словно очумѣлый,
Жадно слушаетъ, молчитъ!
Созерцаетъ онъ крамолу,
Дерзость мерзости людской!
Опустилъ онъ очи долу
И поникнулъ головой...
И туда бы, значитъ, надо,
И туда, и тамъ бѣда!
И, своимъ разсказамъ рада,
Продолжаетъ борода...
Ѣсть бы нужно... Выпить въ пору
И давно уже время въ путь —
Больше въ росказняхъ задора,
Не кончаются ничуть!
Конь издохъ — лежитъ стреноженъ, —
Точитъ ржавчина копье!

Мечъ глядитъ изъ ветхихъ ноженъ,—
Борода же все свое.
Витязь повѣсти внимаетъ...

Говорятъ, что до сихъ поръ
Выйти въ путь ему мѣшаетъ
И морочитъ—Черноморъ!

К. К. Случевскій.

* * *

Когда будете, дѣти, студентами,
Не ломайте головъ надъ моментами,
Надъ Гамлетами, Лирами, Кентами,
Надъ царями и надъ президентами,
Надъ морями и надъ континентами...
Не якшайтесь хитро съ оппонентами,
Поступайте хитро съ конкурентами.
А какъ кончите курсъ эминентами
И на службу пойдете съ патентами,—
Не глядите на службѣ доцентами
И не брезгайте, дѣти, презентами!
Окружайте себя контрагентами,
У начальниковъ будьте кліентами,
Утѣшайте ихъ женъ инструментами,
Угощайте старухъ пеперментами.—
Воздадутъ вамъ за это съ процентами:
Обошьютъ вамъ мундиръ позументами,
Грудь украсятъ звѣздами и лентами!..
А когда доктора съ орнаментами
Назовутъ васъ, увы! паціентами
И уморятъ васъ медикаментами,—
Отпоетъ васъ іерей съ регентами,
Хоронить понесутъ съ ассистентами,
Обезпечатъ дѣтей вашихъ рентами,
Чтобы имъ въ оперѣ быть абонентами,
И прикроютъ вашъ прахъ монументами.

А. И. Апухтинъ.

УЧЕНИКЪ ЧАРОДѢЯ.

Изъ В. Гете.

Наконецъ пришлось отсюда
Отлучиться чародѣю.
Сотворю жъ теперь я чудо:
Духовъ вызвать я сумѣю.
Я подслушалъ слово,
Помню каждый знакъ:
Вызову же снова
Духовъ точно такъ!

За водою
Маршъ проворно,
Чтобъ покорно
Предо мною
Свѣтло чистою волною
Полилась вода рѣкою!
Старый вѣникъ, встань исправно
И въ лохмотья облачися!
Былъ слугою ты издавна,
Нынѣ жъ мнѣ ты покорися!
Кверху головою,
Внизъ ногами стой!
Быстрою стопою
Сбѣгай за водой!

За водою
Маршъ проворно,
Чтобъ покорно
Предо мною
Свѣтлой, чистою волною
Полилась вода рѣкою!

Посмотрите: торопливо
Онъ помчался къ рѣчкѣ, къ броду;
Вотъ вернулся онъ—и живо
Выливаетъ на̀ полъ воду.
Словно улетая,
Мчится вновь бѣгомъ,
Воду вновь до края
Черпаетъ ведромъ.

Стой! ужъ больно
Много льешь ты!
Вновь несешь ты?
Стой, довольно!
Нѣтъ, къ рѣкѣ бѣжитъ онъ снова!
Горе мнѣ, забылъ я слово!
Слово, слово запрещенья—
Позабылъ я это слово!

Вновь бѣжитъ онъ—нѣтъ спасенья!
Будь онъ старый вѣникъ снова!
Сильными руками
Ведра носитъ онъ—
И вода ручьями
Льетъ со всѣхъ сторонъ.

Вѣникъ злится:
«Стой, схвачу я!»
Не хочу я
Покориться!
Ахъ какъ страшно! Нѣтъ пощады!
Что за рожа! что за взгляды!
Злобный дьяволъ, бѣсъ жестокій,
Иль весь домъ залить ты хочешь?
Всюду льются водъ потоки—
Ты объ этомъ ли хлопочешь?
Дьяволъ безобразный,
Тише, перестань!
Былъ ты вѣникъ грязный—
Имъ ты снова стань!

Безъ конца ли
Эти штуки?
Стой же! Въ руки
Гладкой стали
Я топоръ возьму и смѣло
Разрублю кобольда тѣло.

Вотъ несетъ онъ воду снова;
Но, съ подъятою рукою,
Брошусь я на бѣса злова—
И падетъ онъ предо мною.

Лихо! на двѣ части
Разлетѣлся онъ:
Отъ бѣды-напасти
Я освобожденъ.

Горе! горе!
Что за страсти!
Обѣ части—
Гнѣвъ во взорѣ—
Встали, мчатся... Ахъ спасите!
Силы неба, помогите!
Возрастаетъ наводненье,
Смерть и гибель ближе, ближе;
Всюду волны—нѣтъ спасенья!
Ахъ, учитель помоги же!
Вотъ идетъ учитель:
Ахъ, я могъ призвать,—
Ихъ въ твою обитель
Не могу прогнать!

«Лягъ у печи,
Вѣникъ снова!
Слушай слова
Мудрой рѣчи!
Повинуйтесь, духи, сразу
Лишь учителя приказу.»

Н. Холодковскій.

* * *

На классной скамейкѣ сидитъ одиноко
Въ мундирчикъ одѣтый болванъ.
И дремлетъ, качаясь, и слушать не можетъ:
Глаза застилаетъ туманъ...
И снится ему, что отъ класса далеко,
Тамъ, тамъ, гдѣ родитель живетъ,
Родной его братецъ—оболтусъ лѣнивый—
Такой же дубиной растетъ.

Н. Н.

Артистъ М. П. Дагмаровъ-Жуковъ.

ВОРОНА.

Когда не хочешь быть смѣшонъ,
Держися званія, въ которомъ ты рожденъ,
Простолюдинъ со знатью не роднися;
И если карлой сотворенъ,
То въ великаны не тянися,
А помни свой ты чаще ростъ.

Утыкавши себѣ павлиньимъ перьемъ хвостъ,
Ворона съ павами пошла гулять спесиво,
И думаетъ, что на нее
Родня и прежніе пріятели ея—
Всѣ заглядятся, какъ на диво;
Что павамъ всѣмъ она сестра,
И что пришла ея пора
Быть украшеніемъ юнонина двора.
Какой же вышелъ плодъ ея высокомѣрья:
Что павами она ощипана кругомъ,
И что, бѣжавъ отъ нихъ, едва не кувыркомъ,
Не говоря ужъ о чужомъ,

На ней и своего осталось мало перья.
Она было назадъ къ своимъ; но тѣ совсѣмъ
Заклеванной вороны не узнали.
Ворону вдосталь ощипали,
И кончились ея затѣи тѣмъ,
Что отъ воронъ она отстала,
А къ павамъ не пристала.

—

Я эту басенку вамъ былью поясню.
Матренѣ, дочери купецкой, мысль припала,
Чтобъ въ знатную войти родню.
Приданаго за ней полмиліона.
Вотъ выдали Матрену за барона.
Что жъ вышло? Новая родня ей колетъ глазъ
Попрекомъ, что она мѣщанкой родилась
А старая за то, что къ знатнымъ приплелась:
И сдѣлалась моя Матрена
Ни пава, ни ворона.

И. А. Крыловъ.

* * *

Изъ Гейне.

Если хочешь ты, чтобъ мирно,
Ясно дни твои летѣли,
Брось тревожные вопросы
И возвышенныя цѣли.

Пусть орлы парятъ высоко,
Гдѣ-то тамъ, подъ облаками,—
Что тебѣ до нихъ! По-волчьи
Вой себѣ, живя съ волками.

Вѣрь: гораздо ближе къ дѣлу—
Отложивъ пустыя бредни
О воздушныхъ этихъ замкахъ—
Постоять часокъ въ передней.

Чаще льститъ тому, кто силенъ
(Но не грубо, льстить съ умѣньемъ),
Чѣмъ безъ проку на неправду
Нападать съ ожесточеньемъ.

Не гнушайся дураками:
Это сила—въ наше время;
Ты насмѣшкой не убавишь
Ихъ плодящееся племя.

Слушай вздоръ ихъ терпѣливо!
Въ люди выскочить поможетъ
Кто-нибудь изъ нихъ, пожалуй,—
А нагадить всякій можетъ.

Чтобъ бѣды такой не вышло,
Дипломата изрѣченью
Вѣренъ будь: «Не поддавайся
Сердца первому движенью!»

Брось мечты о благѣ ближнихъ,
Семьяниномъ будь примѣрнымъ:
И жену и ребятишекъ
Обезпечь доходомъ в ѣ р н ы м ъ...

И твой вѣкъ пройдетъ счастливо.
А покинешь міръ нашъ бренный,
Скажутъ всѣ, идя за гробомъ:
«Вотъ скончался мужъ почтенный!

Слишкомъ былъ хорошъ для міра,
Потому и взятъ онъ Богомъ»—
И почтятъ тебя, быть можетъ,
Даже въ прессѣ некрологомъ.

А. Плещеевъ.

БЕЗРАЗСУДНЫЯ СЛЕЗЫ.

Солнце въ тучахъ непроглядныхъ
Грустно ликъ свой прячетъ;
У воротъ двора сквозного
Бѣдный Ванька плачетъ.
Цѣлый день онъ по столицѣ
Съ юнкеромъ катался;
Пять рублей ему дать юнкеръ
За день обѣщался,
Но чрезъ дворъ сквозной, подъ вечеръ
Онъ отъ ваньки скрылся,
Ванька съ клячей понапрасну
Цѣлый день морился.
Успокойся, бѣдный ванька:
Есть тебѣ защита.
Какъ тебя обидѣлъ юнкеръ,—
Будетъ всѣмъ открыто.
Отъ обидъ и отъ обмановъ
Ужъ прошла опасность!
Нынче время не такое:
Процвѣтаетъ гласность!
Завтра жъ я во всѣхъ газетахъ
Публикую ясно:
«Ѣздилъ съ юнкеромъ извозчикъ
Цѣлый день напрасно.
Дать хотѣлъ онъ пять цѣлковыхъ,
Не далъ ни копѣйки!»
И предамъ его позору
Я въ моей статейкѣ...
Но, не внемля утѣшеньямъ,
Глупый ванька плачетъ...
Солнце гнѣвно ликъ прекрасный
Въ черныхъ тучахъ прячетъ.

Н. А. Добролюбовъ.

СВѢТСКІЕ КОНТРАСТЫ.

Въ нашемъ мірѣ́ все не въ мѣру,
Все смотря́ по глазомѣру:
Что къ о́дн и м ъ идетъ отлично,
То д́р у г и х ъ караетъ строго;
Что н е м н о г и х ъ славитъ много,
То для многихъ неприлично.

Если дама—не украдкой,
И не въ спальнѣ, а въ гостиной—
Поцѣлуется съ мужчиной,
Всякій скажетъ: «Фи! какъ гадко!
Цѣловаться, и—публично,
Крайне, крайне неприлично!»

— Ну-съ, а если не публично,
Но и такъ, что каждый знаетъ,—
Дама мужа надуваетъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ, совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Не публично,—отчего же!

Если франтикъ элегантный
Бѣдняку протянетъ руку,
Всѣ мы, видя эту штуку,
Вспыхнемъ злостью всѣмъ понятной:
— «Знаться съ нищимъ и публично
Крайне, крайне неприлично!»

— Ну съ, а если, къ пользамъ личнымъ
Полонъ рвеніемъ обильнымъ,
Онъ жметъ руки плутамъ сильнымъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ, совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Сильнымъ... сильнымъ,—отчего же?

Если нищій, голодая,
Хоть на грошъ у сытыхъ стянетъ,
Судъ молвы, не размышляя,
Надъ виновнымъ тотчасъ грянетъ:
— «Воровать и—такъ публично
Гадко, мерзко, неприлично!»

— Ну-съ, а если кто хронично,
Отъ висковъ до самыхъ пятокъ,
Одержимъ недугомъ взятокъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Благодарность,—отчего же?

Если женщина изъ нужды
Впала въ грѣхъ любодѣянья,
Всѣ мы въ бѣдную не чужды
Бросить камень порицанья:
— «Жить развратомъ, и—публично
Крайне, крайне неприлично!»

— Ну-съ, а если левъ столичный,
Левъ, что въ нѣгѣ утопаетъ,
Тѣмъ же дѣломъ промышляетъ,
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ, не то же:
Намъ, мужчинамъ,—отчего же?

Если часомъ подчиненный,
Не стерпѣвъ обиды рѣзкой,
Самъ отвѣтитъ фразой дерзкой,
Всякій вскрикнетъ, изумленный:
— «Грубіянить и—публично,
Гадко, мерзко, неприлично!»

— Ну съ, а если, энергично
Управляя данной силой,

Старшій младшихъ хлещетъ въ рыло,—
Это—тоже неприлично?
— Нѣтъ! совсѣмъ, мой другъ не то же:
Старшій младшій,—отчего же?

И. Пушкарева.

— Что будетъ,—вопросите вы,—
Въ дали вѣковъ обѣтованной,
Когда исполнятся мечты
Людей теоріи гуманной?

Ахъ, господа, въ тѣ времена,
Глаза и разумъ ослѣпляя,
Явиться смертному должна
Картина жизни вотъ какая:

Всѣ рѣки медомъ потекутъ,
Конечно, въ берегахъ кисельныхъ,
А сверху меда поплывутъ
Большія кринки сливокъ цѣльныхъ.

Въ извѣстный часъ польютъ дождемъ
Горячій чай и кофе рядомъ,
Съ густымъ, конечно, молокомъ,
И будетъ сахаръ падать градомъ.

. . . . . .

Всему однако свой чередъ,
Я долженъ здѣсь оговориться:
Все это будетъ... для господъ,
А для народа не годится...

Для мужиковъ вездѣ пойдутъ
Изъ каши гречневой болота;
Тамъ кочки лукомъ поростутъ,—
Закусывай, кому охота!

Вдали воздвигнется хребетъ
Изъ мягкихъ массъ ржанаго хлѣба;
Его вершину, словно ледъ,
Покроетъ масло вплоть до неба.

Съ хребта прелестный будетъ видъ,—
Глазамъ представятся два моря:
Въ одномъ—сивуха забурлитъ,
Ужъ, разумѣется, не съ горя;

Въ другомъ—отличный кислый квасъ
(Ликуйте, Ваньки, Васьки, Ѳедьки!)

У скалъ запѣнится, крутясь;
А скалы будутъ всѣ изъ рѣдьки.

Для бабъ,—а пуще въ тѣхъ видахъ,
Чтобъ не орали ребятишки,—
Во всѣхъ появятся борахъ
Грибы изъ вяземской коврижки.

Вездѣ—такая благодать!
Тепло, какъ послѣ доброй порки,
И самый воздухъ, такъ сказать,
Пронзится запахомъ махорки!..

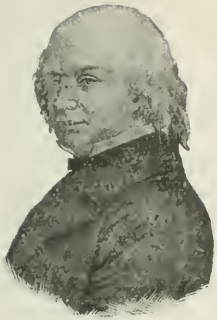
Да, будетъ времячко... но тутъ
Я, господа, поставлю точки:
Боюсь, что слюнки потекутъ
На недописанныя строчки.

И. В. Омулевскій.

ОБИЖЕННЫЙ ВОРЪ.

Къ поэту разъ залѣзъ въ квартиру воръ.
(Хозяинъ былъ въ то время на прогулкѣ).
Воръ всѣ обшарилъ закоулки
И ни на чемъ не могъ остановить свой взоръ:
Въ шкафу, въ комодѣ—пустота;
Бумага на столѣ, а подъ столомъ газета...
Квартира хоть и заперта,
Но въ ней нельзя украсть не одного предмета.
Воръ злобно плюнулъ и сказалъ:
— «Чортъ подери! Такой скандалъ
Впервые отъ роду со мною лишь бываетъ:
И взять-то нечего, ей-ей!..
Ишь жуликъ... на замокъ квартиру запираетъ
И только вводитъ въ грѣхъ порядочныхъ людей!»

Н. С. Стружкинъ.



П. Беранже.

НОВЫЙ ФРАКЪ.

Изъ П. Беранже.

Соблазнами большого свѣта
Не увлекаться нѣту силъ!
Откушать, въ качествѣ поэта,
Меня вельможа пригласилъ.
И я, какъ всѣ, увлекся тоже....
Вѣдь это честь, пойми, чудакъ:
Ты будешь во дворцѣ вельможи!
Вотъ какъ!
Я буду во дворцѣ вельможи!
И заказалъ я новый фракъ.

Съ утра, взволнованный глубоко,
Я передъ зеркаломъ верчусь;
Во фракѣ съ тальею высокой
Низенько кланяться учусь,
Учусь смотрѣть солиднѣй, строже,
Чтобъ сразу не попасть въ просакъ:
Сидѣть придется вѣдь съ вельможей;
Вотъ какъ!
Сидѣть придется вѣдь съ вельможей!
И я надѣлъ свой новый фракъ.

Пѣшечкомъ выступаю плавно,
Вдругъ изъ окна друзья кричатъ:
«Иди сюда! Здѣсь завтракъ славный».
Вхожу: бутылокъ длинный рядъ!
— Съ друзьями выпить? Отчего же...
Оно бы лучше натощакъ...
Я, господа, иду къ вельможѣ!
Вотъ какъ!
Я, господа иду къ вельможѣ,
На мнѣ недаромъ новый фракъ.

Иду, позавтракавъ солидно,—
На встрѣчу свадьба... старый другъ....
Вѣдь одказаться было бъ стыдно....
И я попалъ въ веселый кругъ.
И вдругъ... ни на что не похоже —
Сталъ красенъ отъ вина какъ ракъ.
— Но, господа, я званъ къ вельможѣ
Вотъ какъ!
Но, господа, я званъ къ вельможѣ,
На мнѣ надѣтъ мой новый фракъ.

Ну, ужъ извѣстно, послѣ свадьбы
Бреду, цѣпляясь за заборъ,
А все смотрю: не опоздать бы...
И вотъ подъѣздъ.... и вдругъ мой взоръ
Встрѣчаетъ Лизу.... Правый Боже!
Она даетъ условный знакъ....
А Лиза вѣдь милѣй вельможи!...
Вотъ какъ!
А Лиза вѣдь милѣй вельможи
И ей не нуженъ новый фракъ.

Она сняла съ меня перчатки
И, какъ послушнаго вола,
На свой чердакъ, къ своей кроваткѣ
Вельможи гостя привела.
Миѣ фракъ сталъ тяжелѣй рогожи,
Я понялъ свой невѣрный шагъ,
Забылъ въ минуту о вельможѣ....
Вотъ какъ!
Забылъ въ минутуо вельможѣ
И.... скинулъ я свой новый фракъ.

Такъ отъ тщеславія пустого
Мнѣ данный во время урокъ
Меня на вѣки спасъ — и снова
Я взялъ бутылку и свистокъ.
Мнѣ независимость дороже,
Чѣмъ свѣтской жизни блескъ и мракъ.
Я не пойду, друзья, къ вельможѣ.
Вотъ какъ!
А кто пойдетъ, двузья, къ вельможѣ,
Тому дарю свой новый фракъ.

В. Курочкинъ.

РѢДКОСТНОЕ ЯВЛЕНІЕ.

Мужъ съ женой живутъ прекрасно,
И, повѣрьте, съ давнихъ поръ
Жизнь течетъ ихъ плавно, ясно,
Безъ упрековъ, дрязгъ и ссоръ,
Вѣчно веселы ихъ лица.
Днемъ и ночью тишина...
Онъ свободенъ, словно птица,
И она не стѣснена...
Нѣтъ четы подобной въ мірѣ,
Всѣхъ счастливѣе она,
Потому что...
Мужъ въ Сибири,
А въ Италіи жена.

Я отца съ сыночкомъ знаю,
Недоступенъ имъ азартъ...
И они, васъ увѣряю,
Не дотронутся до картъ.
Оба трезвы, скромны въ пищѣ,
Черный хлѣбъ ѣдятъ и щи...
Тихи такъ въ своемъ жилищѣ,
Что подобныхъ поищи.
Лица постны ихъ и строги,

Денегъ нѣтъ у нихъ въ рукахъ.
Потому что...
Сынъ въ острогѣ,
А папаша въ рудникахъ.

При любви къ «нему» безмѣрной,
Дѣва ницъ всегда предъ «нимъ...»
Ну, а онъ, высокомѣрный,
Для любви недостижимъ.
И когда, съ желаньемъ ласки,
Шепчетъ дѣва: «мной плѣнись!..»
Онъ, въ своей блестящей каскѣ,
Смотритъ гордо сверху внизъ.
Не снисходитъ къ ней коварный
Этотъ рыцарь въ епанчѣ,
Потому что...
Онъ пожарный
И всегда на каланчѣ.

Л. Гуляевъ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ О СКОТАХЪ И ЛЮДЯХЪ.

Когда собакѣ въ день холодный
Я далъ ненужную мнѣ кость,
Лизнулъ мнѣ руку песъ голодный,
Забывъ свою собачью злость.
Когда жъ отъ бѣдствій, горшихъ казни,
Спасенъ былъ мной пріятель мой,—
По человѣческой пріязни
Онъ заплатилъ мнѣ клеветой.
Забавно, право, въ нашемъ вѣкѣ,
Гдѣ такъ горды собою всѣ
Скотство отмѣтить въ человѣкѣ,
И человѣчность въ бѣдномъ псѣ!

Ф. Черниговцевъ.

БРИТО—СТРИЖЕНО.

Изъ А. Мицкевича.

Прихворнуть слегка случится,
Каждый къ доктору стучится;
А опасно захвораетъ—
Знахарей къ себѣ сзываетъ.
Эти лѣчатъ отъ подагры,
Отъ чахотки, отъ хирагры,
Кровь, когда придется, мечутъ,
Глухоту и глупость лѣчатъ;
Но у нихъ—пройди все царство—
Отъ упрямства нѣтъ лѣкарства...
Жилъ мазуръ одинъ. Пропала
У него однажды сука,
Что весь домъ оберегала.
Безъ нея мазуру мука.
Онъ туда-сюда... Однако,
Воротилась вдругъ собака,
Но увы, наполовину
Кто-то выбрилъ сукѣ спину.
— «Ахъ, разбойники! Рѣшились
На такую злую штуку:
Выбрить пса не постыдились!..»
— Ты скажи:—остригли суку,
Возразила мужу женка,
Псовъ стригутъ, а ты вдругъ—брита.—
— «Вотъ какъ бабы судятъ тонко!»
Мужъ замѣтилъ ядовито:
«Ахъ ты умница! Лицо-то
Голо, какъ ладонь, у бабы,
А учить пришла охота
Насъ усатыхъ... Ты могла бы
Увѣрять всѣхъ, мнѣ сдается,
Что нашъ лысый панъ стрижется.»—
— А усы у эконома,
Что повисли, словно плети,
Видѣлъ ты?—хозяйка дома
Прервала:—усищи эти
Скажешь, стрижены иль бриты?—

— «Къ чорту всѣхъ пановъ на свѣтѣ!
Бога лишь благодари ты,
Что нашъ песъ домой приплелся.
Только бъ брить его не надо.»
У жены отвѣтъ нашелся:
— Я сама ужасно рада,
Хоть смотрѣть на суку гадко:
Можно ль было стричь такъ гладко?—
— «Ты глупа!»—Жена сердито:
— Съ дурнемъ мнѣ самой докука.—
— «Присмотрись-ка—сука брита.»
— Врешь ты, выстрижена сука.—
Мужъ съ женою препирался
А кругомъ народъ собрался:
Шумный споръ велся открыто,—
И одинъ крикъ раздавался:
«Брита!»—Стрижена!—«Нѣтъ, брита!»
Шелъ сосѣдъ. Къ нему пристали.
— «Я ли правъ, скажи,—она ли?»
Шелъ еврей: «скажи намъ, ну-ка,
Ты по правдѣ, безъ обману:
Брита ль, стрижена ли сука?»
Отъ жида къ ксендзу и къ пану
Перешли потомъ, и—что же?
Ксендзъ и панъ сказали тоже,
Что сосѣдъ и жидъ, въ ту пору
Прекративши тѣмъ ихъ ссору,
Что жена мазура—дура,
И что выбритъ песъ мазура.
На пути возвратномъ въ полѣ
Мужъ сказалъ: «Ну, недотрога!
Вновь ты спорить будешь, что ли?»
Но жена молчала строго.
Песъ ихъ встрѣтилъ у порога.
— «Вотъ и бритый нашъ... Здорово!
Мужъ кричитъ, а баба снова:
— Здравствуй, стриженый...—ни слова
Не сказалъ мазуръ на это,
Но, задумавши расправу,
Вмѣсто всякого отвѣта,
Потащилъ жену въ канаву

И топить сталъ бабу. Съ роду
Такъ нырять ей не случалось;
Захлебнулась, бултыхалась;
Но ее толкалъ онъ въ воду,
Говоря: «Твоя защита—
Правда: стрижена иль брита?»
Гибель видѣла бѣдняжка,
Умирать ей было тяжко,
Но два пальца выставляла
Изъ воды она наружу
И, какъ ножницами, стала
Ими стричь, переча мужу.
Это видя, мужъ вь тревогѣ
Поскорѣй давай Богъ ноги.
Доползла жена до хаты,
А мазуръ пошелъ въ солдаты.

Д. Д. Минаевъ.

ПАМЯТЬ ПРОШЛАГО.

Какъ будто изъ Гейне.

Помню я тебя ребенкомъ,
Скоро будетъ сорокъ лѣтъ;
Твой передничекъ измятый,
Твой затянутый корсетъ...

Было въ немъ тебѣ неловко...
Ты сказала мнѣ тайкомъ:
«Распусти корсетъ мнѣ сзади;
Не могу я бѣгать въ немъ».

Весь исполненный волненья,
Я корсетъ твой развязалъ...
Ты со смѣхомъ убѣжала,
Я жъ задумчиво стоялъ.

Козьма Прутковъ.

СЛУХЪ.

Идетъ, бредетъ нелѣпый Слухъ
Съ беззубыхъ ртовъ сѣдыхъ старухъ.
Вездѣ пройдетъ, все подглядитъ,
Къ чему коснется—зачернитъ;
Тутъ порычитъ, тамъ заоретъ,
Здѣсь прочихнется, отойдетъ.
Онъ вѣрно здѣсь? Посмотришь—нѣтъ,
Пропалъ за нимъ и духъ и слѣдъ,

А онъ далеко за глаза
Гудитъ, какъ дальняя гроза...
Съ нимъ много разъ вступали въ бой.
Стоитъ, какъ витязь онъ чудной,
Неясенъ обликомъ своимъ,
Громаденъ, глупъ и недвижимъ;
Сквозь сталь и бронзу шишака,
Сквозь лобъ проходятъ облака!

Въ немъ тѣла даже вовсе нѣтъ:
Сквозитъ на тѣнь, сквозитъ на свѣтъ!
Ступнями Слухъ травы не мнетъ...
Но пусть, кто смѣлый, нападетъ:
Что ни ударъ, что ни рубецъ,—
Онъ все растетъ и подъ конецъ
Подступитъ вплоть, упрется въ грудь,
Не дастъ и руку замахнуть...

А иногда своихъ сынковъ
Напуститъ Слухъ, какъ комаровъ;
Жужжитъ и вьется ихъ народъ
И лѣзетъ въ уши, въ носъ и въ ротъ;
Какъ ни отмахивай рукой,
Все тотъ же шумъ, все тотъ же рой...
А Слухъ-отецъ сидитъ при нихъ,
Читая Житія Святыхъ...

К. К. Случевскій.

Артистка Т. П. Инсарова.

КѢМЪ БЫТЬ КОЛѢ.

— «Я бъ желала, чтобъ мой Коля
Былъ извѣстнымъ адвокатомъ,»
Говоритъ мамаша Коли:
«Будетъ онъ тогда богатымъ».
— «Адвокатомъ?.. Эко счастье!»
Возражаетъ ей подруга:
«Пожелай ему вращаться
Въ сферахъ избраннаго круга!»
— «Нѣтъ, ужъ это вы оставьте!»
Въ разговоръ отецъ вступаетъ:
«Инженеръ—вотъ это дѣло...
Пусть мосты сооружаетъ.»
— «Лучше доктора на свѣтѣ
Я профессіи не знаю.»
Говоритъ тутъ тетка: «Колѣ
Я быть докторомъ желаю.»
— «Фи!.. мужчина—и вдругъ статскій,»
Морщитъ носъ сестрица Саша:
«Кавалерія, драгуны,
Вотъ краса и гордость наша!»

Мамка Колина другое
Говоритъ:—«Зачѣмъ военнымъ
Быть барченку? Что за сладость?
Будетъ пусть купцомъ степеннымъ».
— «Фигнеръ душка!.. и Мазини!..
Ими быть я понимаю...
И отъ всей души Колюшѣ
Быть теноромъ я желаю!»—
Шепчетъ дѣва лѣтъ подъ сорокъ,
Зина, съ видомъ очень скромнымъ,
И, сложивши въ бантикъ губки,
Обвела всѣхъ взглядомъ томнымъ.
Аграфена же, кухарка,
Про себя соображаетъ
И, тайкомъ отъ всѣхъ, ребенку
Быть брантмейстеромъ желаетъ.
А виновникъ сихъ дебатовъ,
Запихнувъ въ ротъ кулаченки,
На всю публику таращитъ
Свои черные глазенки.
Ну, а мы уже, понятно,
Не пойдемъ за нашимъ вѣкомъ
И дадимъ совѣтъ малюткѣ:
— «Будь ты просто человѣкомъ.

М. П. Розенейлъ.

УПРЯМЫЙ ПАССАЖИРЪ.

На Волгѣ, на Дону ли
Осла на пароходъ веревками тянули.
Оселъ, извѣстно вамъ,
Упрямъ.
Хотя, при помощи дубины,
Ввели его на трапъ до половины,
Но тутъ онъ силой всѣхъ копытъ
Уперся и стоитъ.
Напрасно грузчики удвоили отвагу:
Оселъ впередъ—ни шагу!

Тогда одинъ находчивый матросъ
Иначе разрѣшилъ вопросъ:
— «Я вамъ на случай этотъ
Особый указалъ бы методъ.
Онъ очень простъ:
Осла назадъ тяните вы за хвостъ,
И такъ какъ онъ упрямъ на диво,
То я готовъ на споръ,
Что, вамъ наперекоръ,
Впередъ онъ побѣжитъ ретиво...»
Совѣтъ исполнили, и вотъ
Оселъ въ моментъ вбѣжалъ на пароходъ...

—

Отлично и упрямцевъ за носъ водятъ,
Когда въ ихъ глупости союзника находятъ...

Символистъ.

ЛЕГЕНДА.

Изъ В. Гете.

— —

Когда-то жилъ въ пустынѣ мужъ святой.
Разъ дикій фавнъ, съ козлиною ногой,
Пришелъ къ нему и молвитъ со смиреньемъ:
— «Ахъ, помолись, чтобы Господь открылъ
Мнѣ доступъ къ свѣтлымъ райскимъ наслажденьямъ,
Чтобъ фавновъ онъ на небѣ пріютилъ.»
Тутъ мужъ святой отвѣтилъ съ удивленьемъ:
— «Странна твоя мнѣ просьба, милый мой!
И какъ могу я за тебя молиться?
Прилично ль будетъ фавну поселиться
Межъ ангеловъ съ козлиною ногой?»
— «Что вамъ за дѣло до ноги козлиной?»
Вскричалъ дикарь: «когда я вижу самъ,
Какъ удается многимъ господамъ
Всходитъ на небо съ головой ослиной!»

И. Холодковскій.

СЛИВА.

Изъ А. Додэ.

Если вы хотите знать,
Какъ влюбляются отъ сливы,--
Я могу вамъ разсказать,
Если вы хотите знать.
О, любовь вползетъ какъ тать,
Какъ бы дверь не стерегли вы!..
Ну-съ послушайте, чтобъ знать,
Какъ влюбляются отъ сливы.

Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина;
О, я былъ ужасно радъ:
Былъ у дяди старый садъ!..
Пѣли въ немъ на всякій ладъ
Птички... чудная картина!
Былъ у дяди старый садъ,
У меня была кузина.

Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей,
Свѣжи, молоды, добры.
Раннимъ утромъ, до жары,
Пчелки, мушки, комары
Пѣли гимны дружбѣ нашей;
Раннимъ утромъ, до жары,
Мы въ саду гуляли съ Машей.

Брали птички, насъ хваля,
Много нотъ довольно трудныхъ:
Si bémol и ut и la
Брали птички, насъ хваля.
А вокругъ—кусты, поля
Всѣ въ цвѣтахъ пестрѣли чудныхъ.
Брали птички, насъ хваля,
Много нотъ довольно трудныхъ.

Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла аллеей,
Майской розою цвѣтя,
Маша, рѣзвое дитя,
Бойко прыгая, шутя,

Мнѣ казалась легкой феей...
Маша, рѣзвое дитя,
Вся сіяя, шла аллеей.
Въ темной зелени, въ глуши,
Маша сливы увидала,
Засмѣялась отъ души
Въ темной зелени, въ глуши:
«Ахъ, какъ сливы хороши!»
И одну изъ нихъ сорвала.
Въ темной зелени, въ глуши,
Маша сливы увидала.
Мнѣ она сказала: «на,»
Откусивъ сама кусочекъ,
(О, святыя времена!)
Мнѣ она сказала: «на,»
Сливу зубками она
Обвела узоромъ точекъ...
Мнѣ она сказала «на,»
Откусивъ сама кусочекъ.
Вотъ и все. Но тутъ романъ.
Слива многое открыла...
(О, какой же я профанъ!)
Вотъ и все. Но тутъ романъ.
И я съѣлъ тотъ талисманъ,
Что кузина укусила.
Вотъ и все. Но тутъ романъ...
Слива многое открыла...
Вы, mesdames, хотѣли знать,
Какъ влюбляются отъ сливы?
Вотъ: прошу не забывать!
Вы, mesdames, хотѣли знать.
Можетъ быть, въ любви встрѣчать
Вамъ пришлось не тѣ мотивы—
Жаль, а я лишь могъ узнать,
Какъ влюбляются отъ сливы.

А. Виленскій.

АКУЛИНА И КОНДУКТОРЪ.

Посв. Россійскимъ Акулинамъ.

Въ углу сидѣла Акулина,
Ждала.
Какъ вдругъ застукала машина,
Пошла...
Какъ спохватилась наша баба:
— «Ахти!
Али спросить мнѣ кондуктора
Пойти...
Туда ли сѣла ненарокомъ?!
Бѣда!..»
— Вишь, дура баба спохватилась
Когда...
Идетъ машина полнымъ ходомъ
Гляди!
Теперь попробуй-ка, розиня,
Сойди!
Ужъ, видно, надо покориться
Судьбѣ...
Сидѣть бы дома Акулина,
Тебѣ!..

А.

ЦАРЬ ПРИРОДЫ.

„Человѣкъ есть царь природы."
Букварь.

Одарило небо щедро
Благодатный этотъ край—
Жирнымъ хлѣбомъ, жирной пашней
Жирной дичью—просто рай!..
Но среди природы жирной
Тощъ и скорбенъ, весь въ пыли,
Человѣкъ—вѣнецъ созданья,

Перлъ природы, царь земли...»
— Эй, мужикъ! Ты—царь природы!..
Понимаешь? Это все—
Хлѣбъ роскошный, звѣри, птицы—
Что ни видишь, все твое...
Шапку снялъ:—«не становой ли...»
Тощій, скорбный, весь въ пыли,
Человѣкъ, «вѣнецъ созданья,
Перлъ природы, царь земли...»

А. Л. Боровиковскій.

НѢМЕЦКАЯ БАЛЛАДА.

Баронъ фонъ-Гринвальусъ,
Извѣстный въ Германьи,
Въ забралахъ и въ латахъ,
На камнѣ предъ замкомъ,
Предъ замкомъ Амальи,
Сидитъ, принахмурясь...
Сидитъ и молчитъ.

Отвергла Амалья
Баронову руку!..
Баронъ фонъ-Гринвальусъ
Отъ замковыхъ оконъ
Очей не отводитъ,
И съ мѣста не сходитъ,
Не пьетъ и не ѣстъ.

Года за годами...
Бароны воюютъ,
Бароны пируютъ;
Баронъ фонъ-Гринвальусъ,
Сей доблестный рыцарь,
Все въ той же позицьи
На камнѣ сидитъ.

Козьма Прутковъ.

ВЛЮБЛЕННЫЕ.

Влюбленные блаженны безконечно,
Ихъ не страшитъ грядущая гроза;
Влюбленные другъ другу смотрятъ вѣчно
Въ глаза.

Волнуетъ ихъ такое созерцанье,
«Огнемъ любви» влюбленные полны;
Но мило имъ «холодное» сіянье
Луны...

Брезгливость имъ, какъ будто, неизвѣстна:
Въ медовые считаютъ долгомъ дни
Изъ одного стакана пить совмѣстно
Они.

Влюбленныхъ вкусъ вполнѣ своеобразный.
Когда обѣдъ имъ порознь подадутъ,
За честь они взять ножикъ друга грязный
Почтутъ.

Въ ихъ головѣ туманъ какой-то бродитъ
И въ чувствахъ всѣхъ замѣтенъ ералашъ:
Порой у нихъ за чудный замокъ сходитъ
Шалашъ.

Влюбленные щебечутъ и болтаютъ,
Но разговоръ ужасно безтолковъ,
Или тайкомъ другъ передъ дружкой таютъ
Безъ словъ...

Блаженству ихъ не вѣрить даже странно;
Всѣ божьи дни влюбленнымъ хороши.
Къ чему-жъ они вздыхаютъ постоянно
Въ тиши?

Я сознаюсь: любить, друзья, прекрасно,
Любовь пришла—всѣ скорби не страшны:
Но все-таки влюбленные ужасно
Смѣшны.

Н. К. Никифоровъ.

Л. Н. Трефолевъ.

ГРАМОТКА.

Дарья молодка отъ радости плачетъ:
Есть писемцо къ ней,—изъ Питера, значитъ.
Стало быть, мужъ посылаетъ поклонъ.
Скоро ли самъ-то воротится онъ?
Незачѣмъ медлить въ холодной столицѣ,
Время вернуться къ женѣ-молодицѣ,
Платьемъ-обновкой утѣшить ее...
Славное будетъ въ деревнѣ житье!
Сбѣгала Дарья къ дьячку Еремѣю,
Проситъ его:—«Я читать не умѣю.
Ты прочитай мнѣ, хоть ради Христа!
Дамъ я за то новины и холста».
Горло прочистивъ забористымъ квасомъ,
Началъ читать онъ октавою-басомъ,
Свистнулъ отчаянно, въ носъ промычалъ,
И бородою, съ тоской, покачалъ.

«Дарья голубушка! Вѣсти о мужѣ...
Жаль мнѣ тебя, горемычная, вчуже!
Слезъ понапрасну ручьями не лей...
Умеръ въ больницѣ твой мужъ Пантелей.»
Грохнулась о̀ земь со стономъ бабенка.
— «Какъ воспитаю безъ мужа ребенка?
Я вѣдь на сносяхъ»!—«Сіе вижу самъ.
Значитъ, угодно сіе небесамъ;
Значитъ, сіе испытаніе свыше.
Ты причитай, ради чада, потише!
Главное дѣло, терпѣнье имѣй!
(Молвилъ любовно дьячокъ Еремѣй).
Слушай, что пишутъ тебѣ изъ артели:
«Васъ письмецомъ извѣстить мы хотѣли,
Что уже давненько, Великимъ постомъ,
Умеръ супругъ вашъ, и спитъ подъ крестомъ.
Плохи у насъ, у рабочихъ, квартеры:
Гибнемъ, какъ мухи, отъ тифа, холеры.
Всякихъ недуговъ нельзя перечесть,
Сколько ихъ—дьяволовъ—въ Питерѣ есть!
Тифъ и спалилъ, какъ огонь, Пантелея.
Грѣшную душеньку слёзно жалѣя,
Мы пригласили попа. Причастилъ,
Добрый такой: всѣ грѣхи отпустилъ.
Гробъ мы устроили цѣлой артелью;
Вырыть могилу велѣли Савелью;
Дядя Гаврило и дядя Орестъ
Сдѣлали живо березовый крестъ.
Сенька (онъ грамотенъ больно, разбойникъ!)
Надпись наляпалъ:—«Спи, добрый покойникъ!»
Баринъ ее, эту надпись, читалъ,
Въ стеклышко щурясь, и вдругъ засвисталъ.
— «Что ты свистишь?»—обозлился Ананій.
— «З н а к о в ъ не вижу»...—«Какихъ«—«П р е-
п и н а н і й!»
Добрые люди, чтобъ намъ удружить,
З н а к ъ и на мертвыхъ хотятъ наложить.
Знаковъ наложено слишкомъ-довольно!..
Тутъ, умилясь, по душѣ, сердобольно
Выпили мы на поминкахъ...»
...За симъ

Слѣдуетъ подпись: «Артельщикъ Максимъ.»

* * *

Дальше нѣтъ рѣчи о Дарьиномъ горѣ,
Дальше поклоны: невѣсткѣ Ѳедорѣ,
Бабкѣ Оринѣ и братцу Ѳомѣ,
Теткѣ Матренѣ и Феклѣ кумѣ.

Л. Н. Трефолевъ.

НА БАЛЪ.

Три дня просилась Маша:
«Пусти меня на балъ!»
Два дня ворчалъ папаша,
Ворчалъ и не пускалъ.
Но Маша и мамаша
Заладили: «Пойдемъ»!
На третій день папаша
Полѣзъ за кошелькомъ.
Вотъ нанята портниха...
Купили кисею
И приступили лихо
Къ примѣркамъ и шитью.
Весь день съ портнихой стычки,
А Маша слезы льетъ—
Портниха по привычкѣ
Обузила передъ.
Все платье распороли,
Портниху изругавъ,
Но въ проймѣ сталъ до боли
Внезапно жать рукавъ.
Потомъ бока морщили,
Корсажъ наверхъ полѣзъ...
Разъ десять перешили
И кончили въ обрѣзъ.
За полчаса до бала

Поставили утюгъ,
Портниха гладить стала,
Задумалась—и вдругъ
На самомъ видномъ мѣстѣ
Спалила кисею.
Мамаша съ Машей вмѣстѣ
Загрызли-бы швею,
Да помѣшалъ папаша.
Пришлось перешивать,
Въ слезахъ упала Маша
На нянину кровать.
Но вотъ пошли. Ненила
Китайскимъ фонаремъ
Имъ впереди свѣтила,
А сверху ихъ мочило
Безвыходно дождемъ...
Скользя по мокрымъ доскамъ,
Раздражена и зла,
Мамаша «недоноскомъ»
Папашу назвала.
Папаша, тоже, хмурый
Вскипѣлъ—и самъ не свой—
Мамашу назвалъ «дурой»,
А Машу «пустельгой».
У самаго собора
Въ сердцахъ попали въ грязь
У Маши очень скоро
Калоша залилась
О, туфли бѣлой кожи!
Увы, сквозной чулокъ!
На что они похожи—
Весь блескъ и шикъ размокъ!
Мамаша завопила:
«Ахъ, Маша, ангелъ мой,
Ты ноги промочила!..»
И вѣрная Ненила
Свела всѣхъ трехъ домой.

Пошлякинъ.

С Н Ы.

Скажите, вѣрите вы снамъ...
Неужели нѣтъ?—Не вѣрите?—Напрасно!
Иные сны пророчатъ правду намъ
И поразительно и ясно.
Вы усмѣхнулись легковѣрью моему?
Мнѣ все равно, мнѣ горя мало:
Вѣдь не могу не вѣрить я тому,
Что на себѣ самой я испытала.
Да, испытала, да,—и много разъ.
Пускай смѣшу я этимъ васъ,
Пускай за эти увѣренья
Наивной, глупой прослыву,
Я сознаюсь, что часто наяву
Случалось оправдать мнѣ сновидѣнье.
Ужъ въ дѣтствѣ случай былъ одинъ.
Я наканунѣ именинъ,
Лѣтъ девяти, ужасно волновалась:
Подарка я желаннаго ждала.
Хоть рано съ вечера легла,
Мнѣ какъ-то все не засыпалось.
Вдругъ! слышу говоръ вкругъ меня,
Тревога, шумъ и суетня...
Всѣ окна сразу заблестѣли...
Вскочила я скорѣй съ постели
И вижу, рядомъ комната въ огнѣ.
Такъ душно, жарко стало мнѣ.
Бросаюсь къ двери!—тамъ пылаетъ...
«Пожаръ! пожаръ!» кричатъ кругомъ.
Къ окну!—ужъ занялся весь домъ,
Огонь вдоль стѣнъ перебѣгаетъ.
Трещитъ, обрушилась труба,
И плачъ, и стоны, и мольба...
О, Господи, куда дѣваться?
Ужъ потолокъ сталъ загораться,
Ужъ пламень близко надо мной,
Кричу: «спасите!»
И проснулась.
Все тихо; кто-то шепчетъ:

— «Богъ съ тобой,
Чего кричишь?»
Смотрю, нагнулась
Старушка нянюшка ко мнѣ.
— «Ахъ, няня,»—говорю, вздыхая:—
«Пожаръ я видѣла во снѣ.»
— «Пожаръ?.. Голубушка родная!
Да это къ золоту, ей-ей...
Бери-ка, на, бери скорѣй.»
И часики суетъ подъ одѣяло.
— «Мамаша такъ и приказала:
Какъ только будешь глазки протирать,
Поздравить съ ангеломъ и передать.»
Часы!—о чемъ я такъ мечтала,
Съ цѣпочкой, золотые!.. нѣтъ...
О, чудный сонъ, о, милый бредъ,
Ты далъ мнѣ то, что я желала!
Ну что же, этого вамъ мало?

Семнадцать лѣтъ мнѣ минуло и я...
Зачѣмъ скрывать—давно прошло все это...
Къ подругѣ ѣздила на лѣто
И тамъ...
Мы были съ ней друзья.
У ней былъ братъ—и я... въ него влюбилась.
А онъ въ меня... ну, дѣло объяснилось,
Хотѣлъ ужъ онъ просить моей руки,
Да, какъ студентъ, считалъ что это рано;
Зато въ глуши аллеи, у бурьяна,
Мы въ вѣрности клялись до гробовой доски.
Пришлось разстаться... что тутъ было!—
Рыданья и потоки слезъ!
Меня, ей Богу, даже удивляло,
Откуда все это бралось.
Я до сыта наплакалась, устала,
Легла въ постель и задремала;
И вотъ во снѣ я вижу дивный садъ;
Веселый день и солнышко сіяетъ;
И цвѣтниковъ роскошный рядъ
Въ тѣни деревьевъ утопаетъ.
Иду и вижу,—предо мной

Летаетъ бабочка, какой
Нигдѣ и никогда я не видала;
Какъ яркій радужный цвѣтокъ,
Какъ разноцвѣтный огонекъ,
Она горѣла и блистала.
Бѣгу за ней, хочу поймать,
Она изъ-подъ руки умчится;
Остановлюсь,—она опять
Надъ головой моей кружится,
И на плечо ко мнѣ садится,
Какъ будто пробуетъ мой нравъ.
Я внѣ себя за ней гоняюсь,
Споткнула́сь, падаю стремглавъ
И въ ту минуту просыпаюсь.
Объ этомъ снѣ сказала я друзьямъ;
Мнѣ отвѣчали: «ой, не ладно!
Шалунья бабочка наглядно
Непостоянство выказала вамъ!»
И знайте, какъ онъ не былъ пламенъ,
Мой первый, нѣжный идеалъ,
Едва лишь кончилъ свой экзаменъ,
Онъ обо мнѣ и думать пересталъ.
И я... я тоже очень скоро
Утѣшилась въ страданіяхъ моихъ,
Ему простила безъ укора;
И не скажу, чтобъ долго взора
Не обращала на другихъ.
Намъ сонъ пророчилъ справедливо,
А васъ, пожалуй, даже онъ
Не убѣдитъ краснорѣчиво?
Да мало ли примѣровъ?—Милліонъ!..
Предъ тѣмъ, какъ бабушка скончалась,
Приснился черный воронъ ей.
У насъ кухарка въ плутовствѣ созналась,
Когда ей сонной показалось
Что волки воютъ у дверей.
Я видѣла во снѣ папашу,
Какъ ѣздилъ онъ въ деревню нашу,
Какъ тамъ на дерево взлѣзалъ,
И сонъ имѣлъ ужъ подтвержденье:
По службѣ вышло повышенье,

Теперь папаша генералъ.
Кузи́нѣ снится безпрестанно,
Большой турецкій барабанъ
И, какъ ни глупо, какъ ни странно,
Всѣхъ обуялъ такой дурманъ,
Что сплетнямъ про нее нѣтъ мѣры...
Ну что жъ? еще нужны примѣры?
Да вотъ недавно былъ со мной
Курьезный случай...
Пресмѣшной...
Мнѣ наканунѣ нашей свадьбы
Приснилось, будто я сижу
Въ воротахъ дядиной усадьбы
И слышу...
Нѣтъ, про это не скажу.
Такъ, если убѣжденный мною,
И не дразня насмѣшкой злою,
Захочетъ кто-нибудь изъ васъ
Понять значенье сна, просите,—
Я разберу вамъ все сейчасъ.
Все объясню вамъ, что хотите.
Ну, напримѣръ, увидите вы сонъ
Что вамъ готовятъ баню,—быть распечкѣ,
Услышите вы колокольный звонъ,
Такъ новости придутъ со всѣхъ сторонъ;
Приснится тараканъ на печкѣ,
Такъ лучшаго вамъ нечего желать:
Гдѣ тараканъ, тамъ въ домѣ благодать;
Прегрезится военный у порога,
Такъ предстоитъ далекая дорога;
Во снѣ начнете золото дѣлить—
Ужъ непремѣнно будетъ ссора;
Съ газетой время проводить—
Не избѣжать пустого разговора;
Увидѣть банкъ,—навѣрно къ воровству;
Себя красавцемъ,—къ фатовству;
Идти прямой дорогой,—къ неудачѣ;
Владѣть казной общественной есть знакъ,
Что вы, конечно, не дуракъ—
И жить вамъ въ собственной богатой дачѣ.
Кто видитъ льва, разинувшаго пасть—

Тому судьба въ полицію попасть;
Кто видитъ ласковую кошку—
Того ужъ изведутъ, бѣднягу, понемножку;
Блины—къ болѣзни; зеркало—успѣхъ;
Заря намъ предвѣщаетъ смѣхъ;
Застава—тщетное желанье!
А плеточка сулитъ вѣнчанье.
Приснится ласточка—къ веснѣ,
Приснятся тучи—быть ненастью!
Меня увидите во снѣ,
Такъ это ужъ, навѣрно, къ счастью!

Викторъ Крыловъ.

ИСТИННАЯ ДРУЖБА.

Неправда, господа, что дружества въ нашъ вѣкъ
Не видитъ вкругъ себя хорошій человѣкъ,—
Онъ въ дружбу никогда не потеряетъ вѣры.
Встрѣчая иногда прекрасные примѣры,
Одинъ такой примѣръ я приведу для васъ.
По темной улицѣ, недавно, шли два друга,
Упившись до зѣла въ пріятный часъ досуга.
Кой-гдѣ еще мерцалъ, мигая, желтый газъ.
Ихъ грѣшныя тѣла нуждалися въ опорѣ,
Пріятели жъ брели при общемъ дружномъ спорѣ.
Но вотъ, одинъ изъ нихъ, съ случайностью мирясь,
За тумбу зацѣпилъ, да и свалился въ грязь...
— «Другъ, подними меня!» сказалъ онъ съ мутнымъ взглядомъ,
«Не опасайся ты запачкать грязью рукъ...»
— Поднять... я не... могу... отвѣтилъ добрый другъ:
Но съ удовольствіемъ съ тобой прилягу рядомъ!..

Старый Воробей.

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ.

Изъ А. Г. Гофмана-Фаллерслебена.

Свободный человѣкъ! Божественныхъ идей
Исполненъ ты, душой великою своей
Ты можешь черпать все изъ самыхъ нѣдръ творенья
И твой могучій взоръ безъ страха и смущенья
Встрѣчаетъ грозный ликъ любого божества.—
Но, ахъ! безъ паспорта способенъ ты едва,
Свободный человѣкъ, съ послѣднимъ псомъ сравняться,
И врядъ ли онъ съ тобой захочетъ помѣняться.

Свободный человѣкъ! Ты щедро надѣленъ
Дарами высшими, такъ дивно сотворенъ,
Что можешь видѣть все и трогать все руками,
И услаждать себя житейскими дарами,
И жить въ довольствіи блаженномъ цѣлый вѣкъ.
Но ахъ! безъ золота, свободный человѣкъ,
На что годишься ты? Безъ полнаго кармана,
Сознайся, ниже ты послѣдняго барана.

Свободный человѣкъ! Безъ шапки мѣховой
Не выходи гулять, чтобъ боли головной
И флюса не нажить. Въ тебѣ живетъ свобода—
Но нынче на дворѣ прескверная погода;
Ты чудный образецъ могучей красоты—
Но безъ калошъ какъ разъ промочишь ноги ты.
Ахъ, паспортъ, золото и климатъ превосходный—
Три штуки важныя, о, человѣкъ свободный!

П. И. Вейнбергъ.

Д. Д. Минаевъ.

СВОЙ СВОЕМУ ВОВСЕ НЕ БРАТЪ.

Комическій дуэтъ.

Стремясь къ сближенію съ народомъ, сошелся баринъ съ мужикомъ и разговоръ съ нимъ мимоходомъ подобнымъ началъ языкомъ.

Баринъ.

Дай руку, пахарь! По принципамъ
Я демократъ и радикалъ...
Но какъ же звать тебѣ?

Мужикъ.

Антипомъ.

Баринъ.

Я, твой гражданскій идеалъ,
Желалъ бы знать, хотя отчасти,
Защитникъ ты какой же власти—

Консервативной или нѣтъ?
Въ свои «дорожные наброски»
Вписать хочу я твой отвѣтъ.

Мужикъ

Ты это боишь по-каковски?

Баринъ.

Чего жъ боишься ты, хитрецъ,
Мнѣ отвѣчать категорично?
Сообрази же, наконецъ,
Другъ друга мы поймемъ отлично
При полномъ тождествѣ идей.
«Свободу совѣсти» людей
Ты признаешь и понимаешь?

Мужикъ

Чаво?

Баринъ.

Ну, то-есть... отрицаешь
Ты право каждаго имѣетъ
Свою религію, любезный.
Вопросъ весьма не безполезный,
Чтобъ сообща его рѣшить...
Міръ старины приходитъ въ гнилость...

Мужикъ.

Да что вамъ нужно, ваша милость?
Вы темно говорите такъ,
Что васъ понять мнѣ трудновато..

Баринъ.

Да ты не бойся же, чудакъ!
На томъ стоимъ мы, чтобъ, какъ брата,
Теперь встрѣчали мужика;
Мы всѣ на томъ стоимъ пока,
Чтобъ реставрировать картину
Всей вашей жизни бытовой
И вѣковѣчную кручину
Смѣнить на праздникъ вѣковой...
А ты на чемъ стоишь, другъ мой?

Мужикъ.

На чемъ?.. да на землѣ, извѣстно!..

Баринъ.

Ахъ, все не то! Ну, какъ тутъ честно
Къ нимъ относиться! Насъ поймутъ
Скорѣй колбасники изъ риги...

Мужикъ.

Что хлѣба мало въ нашей ригѣ—
Могу сказать...

Баринъ (наставительно).

Хлѣбъ тамъ, гдѣ трудъ.
И васъ, повѣрь, mon cher, спасутъ
Отъ вашей бѣдности и спячки
Ассоціаціи и стачки.
Я безъ ума отъ нихъ!..

Мужикъ.

Эхъ ма!
Признался самъ, что безъ ума!

Баринъ.

Читалъ ли ты хотя Жоржъ Занда?

Мужикъ.

Да я, кормилецъ, не ученъ.

Баринъ.

Возможна ль съ ними пропаганда!
Намъ нужно лѣнь забыть и сонъ,
Вступить въ борьбу открыто, смѣло
Намъ нужно всѣмъ, карая зло,
Чтобы въ рукахъ горѣло дѣло...

Мужикъ.

У насъ сгорѣло все село,
Такъ не поможешь ли мнѣ, баринъ?—

Баринъ.

Ну, какъ тутъ будешь солидаренъ
Съ подобнымъ скиѳомъ. Какъ его
Встряхнуть, чтобъ онъ отъ сна проснулся?

Мой баринъ, кажется... того...
Немножко головой рехнулся.

Смущенный страннымъ языкомъ мужикъ пришелъ въ недоумѣнье, и прогрессиста съ мужикомъ на этомъ кончилось сближенье:—одинъ изъ нихъ пошелъ домой, себя бесѣдой растревожа, другой домой побрелъ бы тоже, да домъ его сгорѣлъ зимой.

Д. Д. Минаевъ.

ПРОСВѢЩЕНІЕ.

За богатымъ столомъ Просвѣщенье сидитъ,
Принимаетъ сегодня просителей;
Передъ нимъ вереницей толпа ихъ стоитъ—
Франтовато одѣтыхъ мыслителей.
Просвѣщенье довольно одеждою ихъ:
По послѣдней по модѣ все скроено...
Благодушный напалъ на него, значитъ, стихъ:
Что ни спроситъ—все мигомъ устроено.
Только робко выходитъ тутъ Сѣрость впередъ,
Наша Сѣрость россійская, родная...
Просвѣщенье вспылило:— Ты что за уродъ?
Куда лѣзешь, въ грязи вся, негодная!..
— Къ вашей милости я... значитъ, грамота мнѣ
Полюбилась, да нѣту учителей!..
— Знаю васъ, фантазеровъ: причуды однѣ!..—
Просвѣщенье позвало служителей.
И въ лохмотья одѣтая Сѣрость тотчасъ
Во дворѣ на грязи оказалася...
Съ той поры повторяла на спросы не разъ:
— И не рада была, что связалася!

Евг. С—о.

ЛАТЫНЬ КЛАССИЧЕСКАЯ.

Изъ Р. Баумбаха.

Сіяетъ солнце знойными лучами,
Ни облачка на тверди голубой;
Тѣнистый паркъ не шелохнетъ вѣтвями;
Спитъ у забора песъ сторожевой...
Весь монастырь затихъ, какъ будто вымеръ;
Спитъ пріоръ самъ и даже видитъ сны,
Но и во снѣ—«о, Господи, спаси міръ!»
Порою шепчетъ въ царствѣ тишины...
Нѣтъ, спятъ не всѣ и въ этотъ часъ истомный...
Чу, звукъ шаговъ!.. Три патера сѣдыхъ
Походкою замедленной и скромной
Проходятъ между келій запертыхъ...
Томимы жаждой, страстной жаждой знаній,
Въ библіотеку петеры идутъ,—
Тамъ ихъ давно, въ условный часъ свиданій,
Не только книги, но и кружки ждутъ...

Одно другому—вовсе не помѣха,
Особенно въ такой-то душный зной:
Читать и пить, пить и читать—утѣха
Всѣмъ, кто возжаждетъ истины душой...
— «Достань-ка намъ любезный братъ Иларій,
Хоть «Ars amandi...» Лишнее ли знать,
Какъ въ древности, любя безъ комментарій,
Боговъ умѣли люди побѣжать!»

И вотъ—Овидій легъ передъ отцами
Межъ плотныхъ кружекъ съ искристымъ виномъ:
Вооружась огромными очками,
Раскрылъ его почтенный экономъ.
И—полилось размѣренное слово:
Сказанія угаснувшись вѣковъ,
Забытый міръ забытаго былаго,
Жизнь праотцевъ, героевъ и боговъ...

Вотъ Актеонъ-охотникъ... Вотъ—Венера,
Рожденная изъ бѣлой пѣны водъ;

А вотъ—и мать-зиждительница Гера

И юныхъ нимфъ веселый хороводъ...
Отецъ Юпитеръ—страстной полнъ отваги,
Везущій нимфу молодымъ воломъ,
Кропящій землю, жаждущую влаги,
Плодотворящимъ золотымъ дождемъ...

Доволенъ чтецъ и слушатели—тоже;
Въ одну улыбку трое расцвѣли...
«Вотъ какъ писать тогда умѣли!.. Боже!..
Вотъ какъ любить, какъ жить тогда могли!..
Пустыя кружки снова полны стали,
И, возведя свой взоръ къ лицу святынь,
Отцы запѣли: «сгиньте всѣ печали!
Да здравствуетъ, да царствуетъ латынь!..»

А. Коринѳскій.

ДРЕВНЕЙ ГРЕЧЕСКОЙ СТАРУХѢ,

ЕСЛИ БЫ ОНА ДОМОГАЛАСЬ МОЕЙ ЛЮБВИ.

Подражаніе Катуллу.

Отстань, беззубая!.. твои противны ласки!
Съ морщинъ безчисленныхъ искуственныя краски
Какъ известь, сыплются и падаютъ на грудь...
Припомни близкій Стиксъ, и страсти позабудь!
Козлинымъ голосомъ не оскорбляя слуха,
Замолкни, фурія!.. Прикрой, прикрой, старуха,
Безвласую главу, пергаментъ желтыхъ плечъ
И шею, коею ты мнишь меня привлечь.
Разувшись, на руки надѣнь свои сандальи;
А ноги спрячь отъ насъ куда-нибудь подалѣй!..
Сожженной въ порошокъ, тебѣ бы ужъ давно
Во урнѣ глиняной покоиться должно.

Козьма Прутковъ.

Артистъ Н. Н. Урванцевъ.

ИЗЪ ПОЭМЫ «РЕЙНЕКЕ-ЛИСЪ»

В. Гете.

Гордо шествовалъ Браунъ, путь къ горамъ направляя.
Шествовалъ онъ по степи пространной, песчаной и дикой.
Вотъ ужъ прошелъ онъ ее и сталъ подходить мирнымъ шагомъ
Къ тѣмъ горамъ, средь которыхъ охотился Рейнеке лѣтомъ.
За день предъ симъ, слышалъ Браунъ, что еще онъ въ нихъ забавлялся.
Браунъ, однако, прошелъ въ Малепартусъ. Тамъ были
Чудныя зданья у Лиса. Изъ всѣхъ его замковъ и бурговъ
Былъ Малепартусъ важнѣйшимъ и лучшимъ. Туда укрывался

Всякій разъ Рейнеке, если задумывалъ пакость какую,
Браунъ, подошедши къ з мку, увидѣлъ, что за́мокъ былъ крѣпко
На-крѣпко запертъ. Такъ онъ, постоявъ и подумавъ въ воротахъ,
Рѣчь завесть съ Лисомъ рѣшился: «Дома ль вы, дядюшка, нынче?
Браунъ-медвѣдь къ вамъ пришелъ чрезвычайнымъ посломъ королевскимъ.
Хочетъ король непремѣнно, чтобы явились на судъ вы
И чтобы вмѣстѣ со мной ко двору вы отправились нынче:
Каждому тамъ по заслугамъ возмезьде воздастся; иначе
Съ жизнью своею проститесь; если останетесь здѣсь вы,
Пытки и плахи вамъ мало. Вы подумайте, дядя,
Да и ступайте со мною, иначе вамъ солоно будетъ.»
Лисъ же лежалъ втихомолку, слушая Брауновы рѣчи!
Самъ же раздумывалъ думу:—«какъ бы, право, устроить,
Чтобъ деревенщинѣ этой за грубые рѣчи досталось?
Ну-тка, обдумаемъ дѣльцо.» И вотъ онъ идетъ въ глубь жилища,
Шаритъ въ разныхъ углахъ... Искусно былъ выстроенъ замокъ:
Дырки и норки вездѣ, ходы различные всюду
Длинные, узкіе,—съ дверью иной, а который безъ двери:
Все смотря по нуждѣ и по времени. Только узнаетъ,
Что его ищутъ, бывало, за плутни иль дѣльцо какое—
Вотъ ему тутъ и защита. Также частенько въ ловушки
Эти его попадался сдуру звѣрекъ какой бѣдный:

Все было на руку Лису, всѣмъ былъ доволенъ
разбойникъ.
Рейнеке выслушалъ рѣчь: только онъ мудро бо-
ялся,
Нѣтъ ли въ засадѣ другихъ, вмѣстѣ съ посломъ
прибѣжавшихъ.
Но, увѣрившись лично, что Браунъ одинъ его
ждетъ тамъ,
Вышелъ, хитрецъ, за ворота и молвилъ:—«Мило-
сти просимъ,
Дядюшка! Вы извините, что ждать я васъ долго
заставилъ!
«Весперъ» читалъ все. Спасибо, что сами меня
посѣтили.
Вы при дворѣ мнѣ полезны и крѣпко на васъ
я надѣюсь.
Милости просимъ—будьте какъ дома! Право, не
грѣхъ ли
Васъ идти заставлять въ жарынь такую далеко?
Боже мой, какъ вы вспотѣли! волосы ваши всѣ
мокры!
Еле дышите сами! Иль никого ужъ другого
У короля не нашлось для посылокъ—и васъ онъ.
Рѣдкаго мужа, избралъ мнѣ возвѣстить свою волю?
Но для меня жъ это лучше; вы не откажетесь
вѣрно
Предъ королемъ за меня доброе слово замолвить;
Завтра я ужъ рѣшился, хоть плохъ я очень здо-
ровьемъ,
Съ вами идти ко двору: туда ужъ давно я сби-
раюсь;
Только сегодня не въ мочь мнѣ въ путь отпра-
вляться далекій.
Кушанья вотъ одного я нынче поѣлъ по несчастью,
А теперь и болѣю: что-то все рѣжетъ въ желудкѣ.»
Браунъ на то возразилъ: «А что жъ это было
такое?»
— «Проку мало вамъ будетъ»,—Лисъ тутъ Мед-
вѣдью отвѣтилъ:—
«Если про это скажу вамъ. Бѣдно теперь я пи-
таюсь;

Но терпѣливо сношу, не графъ—человѣкъ неимущій!
И коль для нашего брата лучше чего не найдется,
Ѣшь, пожалуй, и соты; такого добра здѣсь довольно.
Ихъ изъ нужды лишь я ѣмъ; съ нихъ-то меня и раздуло.
Противъ воли ихъ жрешь—какое тутъ будетъ здоровье?
Было бъ другое здѣсь что, я сотъ и за деньги бъ не тронулъ.»—
— «Ай! что я слышу!»—воскликнулъ Медвѣдь: —«ай, какой привередникъ!
Соты чудная вещь: ѣстъ ихъ, повѣрьте, не всякій!
Соты, я вамъ доложу, лучше всѣхъ кушаній рѣдкихъ.
Соты люблю я. Достаньте, дядя, мнѣ сотъ—вы въ убытокъ,
Право, не будете, дядя; ужъ вамъ заслужу я за это.»
—«Вы не смѣетесь?»—Лисъ возразилъ.—«Какое! Ей-Богу!»—
Тутъ побожился Медвѣдь: «я говорю вамъ серьезно.»
—«Если такъ»,— отвѣчалъ ему Лисъ,—«радъ служить вамъ.
Сила мужикъ не далеко, живетъ вонъ тамъ за горою:
Пропасть сотъ у него! Вы отродясь не видали
Кучи такой».—Обуяла сильная похоть Медвѣдя,
Слюнки съ губъ потекли, сотовъ ему захотѣлось.
—«О, сведите меня,» тутъ онъ воскликнулъ: «скорѣе!
Дядюшка, вамъ услужу я, только вы сотъ мнѣ достаньте.
Право, отвѣдаю только, досыта ѣсть ихъ не стану.»
—«Ну! такъ пойдемъ»,—отвѣчалъ Рейнеке:—«соты вамъ будутъ.
Нынче я на ноги плохъ, но, дядюшка, къ вамъ моя дружба

Слабый мой шагъ подкрѣпитъ. Нѣтъ никого въ цѣломъ мірѣ,
Даже изъ цѣлой родни, кого бы какъ васъ уважалъ я!
Но пойдемте! За то вы мнѣ при дворѣ пригодитесь
Въ день засѣданья: враговъ ужъ вмѣстѣ тамъ посрамимъ мы.
Медомъ васъ угощу я—еле двинетесь съ мѣста!»
Самъ же думалъ, хитрецъ, о палкахъ крестьянина Силы.
Лисъ впередъ побѣжалъ, Браунъ же шелъ за нимъ слѣпо.
— «Если удастся»,—Рейнеке думалъ:—«нынче жъ тебѣ я
Меду такого отвѣшу, что до зимы не забудешь».—
Вотъ, пришли они къ Силѣ на дворъ. Веселился заранѣ
Браунъ, какъ тѣ дураки, что слѣпо вѣрятъ надеждѣ.
Вечеръ давно наступилъ—и Рейнеке зналъ, что ужъ Сила,
Плотникъ и мастеръ отмѣнный, давно залегъ на постелю,
А на дворѣ у него валялся дубовый обрубокъ,
Толстый, огромный; два клина загналъ въ него Сила-крестьянинъ,
И начинала широкая щель отъ комля разверзаться.
Рейнеке это замѣтилъ, и обращаясь къ медвѣдю,
—«Дядюшка»,—молвилъ ему онъ:—«въ этомъ пнѣ столько меду,
Что и представить нельзя. Воткните лишь морду поглубже,
Сколько возможно поглубже. Только, смотрите, немного
Кушайте меду; не то, какъ я, заболѣете, грѣшный.»
— «Что жъ вы»,—отвѣтилъ Медвѣдь,—«я развѣ обжора? Позвольте!
Мѣру вездѣ наблюдай, во всѣхъ дѣлахъ и поступкахъ!»—
Такъ обмануть себя далъ Медвѣдь и голову всунулъ

Въ щель по самыя уши съ косматыми лапами
вмѣстѣ.
Только и ждалъ того Лисъ: съ большимъ тру-
домъ и усильемъ
Клинья онъ вынулъ—и Браунъ завязъ въ щели
съ головою,
Съ лапами—и не помогутъ ему ни моленья, ни крики.
Задалъ Лисъ Брауну дѣла, хоть силой и смѣлостью
взялъ онъ;
Такъ-то племянничекъ дядю въ полонъ къ себѣ
хитростью прибралъ.
Взвылъ и забился медвѣдь и задними лапами
страшно
Сталъ онъ работать и столько шумѣлъ, что Си-
ла проснулся.
«Что бъ это было?» плотникъ подумалъ, взявши
топоръ свой
На всякій случай, когда бы воры теперь къ нему
лѣзли.
Браунъ, межъ-тѣмъ, пребывалъ въ страхѣ вели-
комъ. Щемила
Сильно голову щель, отъ боли онъ вылъ и метался.
Но какъ ни бился, а пользы было немного. Онъ
думалъ,
Что ужъ тутъ ему смерть: на это и Лисъ пола-
гался,
И, завидя вдали крестьянина Силу, воскликнулъ:
«Браунъ, какъ можется вамъ? немного вы кушай-
те только!
Вкусно ль вамъ, дядюшка? Сила самъ идетъ уго-
щать васъ;
Послѣ обѣда винца онъ вамъ поднесетъ: на здо-
ровье!»
И безъ оглядки шельмецъ къ себѣ побѣжалъ въ
Малепартусъ.
Сила пришелъ наконецъ и, Бурку увидѣвъ, звать
началъ
Всѣхъ мужиковъ, что въ корчмѣ сидѣли, вино
распивая!
—«Эй вы! бѣгите сюда! Медвѣдь на мой дворъ
затесался,

Право-слово, не лгу.»—И встали они и гурьбою—
Всѣ за нимъ побѣжали, что ни попало взявъ въ руки.
Кто съ сѣновала взялъ вилы, кто отыскалъ гдѣ-то грабли,
Молотъ одинъ подцѣпилъ, другіе бѣ..али съ ро..ткой,
Съ разнымъ дубьемъ и дрекольемъ. Даже дьячекъ и священникъ
Бить медвѣдя бѣжали. Даже попова кухарка—
(Оттой звалася она, и кашу умѣла готовить,
Какъ никто не готовилъ)—и та назади не осталась:
Съ прялкой туда же бѣжала драть шкуру съ несчастнаго звѣря.
Слышалъ онъ гвалтъ и весь шумъ и страхомъ и болью томимой,
Съ силою вырвалъ изъ щели голову, всю ободравши.
Морду свою до ушей и въ трещинѣ кожу оставивъ.
Нѣтъ! злополучнѣе звѣря никто не видалъ! И струилась
Кровь у него съ головы... А проку все было немного!
Лапы въ щели оставались; и сталъ порываться онъ, бѣдный;
Съ ревомъ выдернулъ ихъ, но когти и кожу покинулъ
Въ трещинѣ съ кровью и съ мясомъ. Дорого соты пришлися
Бѣдному Брауну, въ горлѣ коломъ они ему сѣли,
Въ путь онъ не въ добрый часъ вышелъ. Морда и лапы въ крови всѣ,
На ноги встать онъ не можетъ, не можетъ онъ тронуться съ мѣста,
Ни ползти, ни идти. А Сила бѣжитъ къ нему прямо,
Всѣ бѣгутъ на него и всѣ на него нападаютъ,
Всѣ ему гибель несутъ. Вотъ патеръ длинной дубиной
Издали бросилъ въ него и ловко въ спину потрафилъ.
Браунъ туда и сюда, но тутъ его окружили,

Вилой кололи одни, другіе били дрекольемъ.
Молотъ съ щипцами кузнецъ принесъ; набѣжали сосѣди—
Кто съ лопатой, кто съ ломомъ—и били, кричали и били,
Такъ-что въ предсмертной тоскѣ онъ въ собственномъ калѣ валялся.
Всѣ на него напустились, никто прибѣжать не замедлилъ;
Широконосый Людольфъ и Шлеппе съ нимъ кривоногій
Били сильнѣй всѣхъ, а Гéрольдъ цѣпóмъ молотилъ что есть силы.
Возлѣ него топоталъ кумъ его Кюкерлей толстый.
И всѣхъ больше они на Брауна злились и лѣзли.
Также и Квакъ вмѣстѣ съ Юттой отъ нихъ ни въ чемъ не отстали;
Танька Лорденъ хватила бѣднаго звѣря ушатомъ,
И не одни только эти, а всѣ мужики и всѣ бабы,
Сколько ихъ ни было тутъ, смерти желали медвѣдю.
Больше всѣмъ расшумѣлся Кюкерлей—важничалъ тѣмъ онъ,
Что Вильгельтруда, съ посада (всѣ про то знали въ селеньи),
Сыномъ его называла, отецъ же былъ всѣмъ неизвѣстенъ.
Думали, правда, въ селѣ, что Зандеръ, батракъ черномазый,
Былъ въ этомъ дѣлѣ замѣшанъ, парень отмѣнный и храбрый,
Если одинъ оставался. Вотъ полетѣли и камни
Градомъ на Брауна; плохо въ то время ему приходилось.
Силинъ братъ подскочилъ и началъ медвѣдя дубиной
По головѣ колотить: не взвидѣлъ тотъ Божьяго свѣта,
Разомъ съ удара рванулся и бросился прямо на женщинъ;

Взвыли, шарахнулись бабы; однѣ разбѣжались, другія
Въ воду попадали. Патеръ тутъ завопилъ:—«поглядите!
Тамъ внизу Ютта-кухарха плыветъ и прялка за нею!
О, помогите, міряне! Выкачу пива двѣ бочки
Вамъ въ награду за это и дамъ во грѣхахъ отпущенье».
Замертво бросивъ медвѣдя, всѣ къ водѣ побѣжали
Женщинъ тонувшихъ спасать. Тою порой, какъ мужчины
Къ берегу всѣ удалились, Бурка къ водѣ дотащился,
Изнемогая отъ боли и кровью весь истекая,
Онъ утопиться лучше хотѣлъ, чѣмъ эти побои
Съ срамомъ такимъ перенесть. Плавать онъ не учился,
Такъ и надѣялся жизнь окончить въ волнахъ быстротечныхъ.
Но противъ чаянья вовсе онъ поплылъ, счастливо несомый
Внизъ теченьемъ рѣки. Крестьяне его увидали,
Крикнули разомъ:—«Намъ это въ вѣчный стыдъ обратится!»—
И запечалились крѣпко и съ бабами стали ругаться,
— «Лучше бъ вамъ дома сидѣть! сами смотрите, плыветъ онъ!»—
Тутъ подступили гурьбой къ бревну и его осмотрѣли
Въ трещинѣ кожу нашли и волосы съ морды, и смѣхомъ
Всѣ залились и вскричали:—«Къ намъ ты еще попадешься
Въ руки, дружокъ: ишь, оставилъ намъ подъ закладъ свои уши!»
Такъ поносили они несчастнаго звѣря; но радъ былъ
Онъ, что хоть смерти избѣгнулъ. Самъ проклиналъ мужиковъ онъ,

Бившихъ его, и стоналъ отъ боли въ ушахъ, въ поясницѣ;
Также и Рейнеке клялъ за измѣну. Съ такими мыслями
Плылъ онъ все дальше и дальше; несомый бурнымъ потокомъ,
Съ милю почти онъ проплылъ въ очень короткое время.
И, истомленный, на берегъ выползъ, стеная отъ боли.
Звѣря несчастнѣе солнце еще никогда не видало!
Онъ и до утра не думалъ дожить—помереть собрался ужъ
И воскликнулъ:—«О Рейнеке, лживый, коварный измѣнникъ,
Злобная тварь!»—Тутъ на память пришли ему Сила, крестьяне,
Толстый дубовый обрубокъ—и Рейнеке проклялъ онъ снова.

Между тѣмъ Рейнеке-Лисъ, употчивавъ дядюшку медомъ,
Вспомнилъ, что зналъ онъ мѣстечко, гдѣ куры водились, и мигомъ,
Цапнувъ одну, побѣжалъ съ добычей къ рѣкѣ наслаждаться.
Скушавши курицу, тотчасъ опять по дѣламъ онъ пустился
Внизъ по рѣкѣ, постоялъ, водицы испилъ и подумалъ:
«О, какъ я радъ, что Медвѣдя такъ удалось мнѣ отдѣлать!
Бьюсь объ закладъ, что крестьяне его топоромъ угостили!
Браунъ всегда былъ врагомъ мнѣ, теперь мы съ нимъ квиты. А дядей
Я еще звалъ все его, но что же? теперь онъ ужъ умеръ:
Этимъ буду гордиться, доколѣ я самъ существую.
Сплетничать онъ и вредить мнѣ больше не будетъ!» И вотъ онъ

Видитъ вдругъ, у рѣки лежитъ, въ предсмерт-
ныхъ страданьяхъ,
Браунъ-медвѣдь. Такъ ему и ударило въ сердце:
—«О Сила!»—
Вскрикнулъ Рейнеке-Лисъ:—«болванъ неотесан-
ный, грубый!
Пищей побрезгалъ прекрасной, вкусной и сочной,
которой
Брезгать никто бы не сталъ, которая, просто,
бросалась
Въ руки тебѣ. Хорошо, что залогъ хоть призна-
тельный Браунъ
За угощенье тебѣ оставилъ! Такъ думалъ ко-
варный,
Брауна видя въ крови, безъ силъ, безъ чувствъ,
безъ дыханья.
«Дядюшка, васъ ли я вижу?» Рейнеке крикнулъ
медвѣдю:
«Иль что забыли у Силы? Скажите, ему я сей-
часъ же
Знать дамъ о васъ. Иль не надо? Навѣрно ужъ
множество меду
Вы у него потаскали; иль расплатились съ нимъ
честно?
Какъ все было, скажите? Да какъ вы расписаны
славно!
Что это съ вами случилось? Вкусенъ ли, полно,
былъ медъ-отъ?
Впрочемъ, по этой цѣнѣ много его продается!
Дядя, скажите, въ какой вы орденъ попали вне-
запно,
Что такой красный беретъ надѣли на голову?
Право,
Вы не аббатомъ ли стали? Вѣрно, цырюльникъ,
какъ брилъ вамъ
Вашу почтенную плѣшь, за уши вамъ задѣвалъ
все;
Вы хохолъ потеряли, какъ вижу, со щекъ свои-
хъ кожу,
Да и перчатки вдобавокъ. Вы не развѣсили ль
гдѣ ихъ?»

Такъ бѣдный Браунъ внималъ разнымъ колкимъ насмѣшкомъ,
Самъ отъ боли и муки вымолвить слова не могши,
Какъ себѣ въ горѣ помочь, не зная. И чтобъ ужъ не слушать
Долѣе бранныхъ рѣчей, къ рѣкѣ кое-какъ дотащился,
Бросился въ воду и поплылъ несомый бурливымъ теченіемъ,
И ужъ подальше на берегъ выплылъ несчастный. И тамъ онъ
Въ мукахъ лежалъ и стоналъ, самъ съ собой разсуждая:
—«Хоть бы ужъ смерть поскорѣе! Ходить не могу, хоть убейте.
Нужно бъ идти ко двору и все разсказать, какъ случилось,
А тутъ срамомъ покрытый, томишься по милости Лиса.
Дай-ка мнѣ только ожить, ужъ я отплачу тебѣ, лживый!»—
И онъ, съ силой собравшись, четверо сутокъ тащился
И, наконецъ къ королю пришелъ, изнывая отъ боли.

М. Достоевскій.

В. П. Шумахеръ.

СВОБОДА, РАВЕНСТВО И БРАТСТВО.

Сначала шелъ я въ ногу съ вѣкомъ,
О всякой штукѣ не мечталъ,
И могъ быть дѣльнымъ человѣкомъ,
Но зазѣвался и—отсталъ.
Пренебрегая капиталомъ,
Искалъ сокровищъ для души;
Всю жизнь стремился къ идеаламъ,
И увидалъ—одни шиши!
Кричалъ я громко о свободѣ,
Клеймилъ стѣснительную власть,
Скорбѣлъ о страждущемъ народѣ
И угодилъ съ народомъ въ часть!..
Какъ либералъ, поэтъ и баринъ,
Въ стихахъ о равенствѣ трубилъ,
Пока швейцаръ нашъ, Власъ Тугаринъ,
Мнѣ съ пьяныхъ глазъ не нагрубилъ!..
О братьяхъ-сербахъ какъ я плакалъ!
Купилъ револьверъ и кинжалъ;

Но страхъ попасть въ турчину на колъ
Меня отъ братства удержалъ!..
Лишенный сладостныхъ мечтаній,
Въ безсильной злобѣ и тоскѣ
Пошелъ я въ волковскія бани
Распарить кости на полкѣ...
И что жъ? О, радость! о, пріятство!
Я свой пріятный идеалъ
Свободы, равенства и братства
Въ торговыхъ баняхъ увидалъ!

П. В. Шумахеръ.

КУКУШКА.

Изъ Х. Геллерта.

«Послушайте меня—я не совру»,
Кукушка говорила птицамъ—
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ:
«Была я далеко, въ большомъ, густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ соловей поетъ.
Ужъ не по нашему! Я хорошо пѣвала,
Да все не то! Такъ сердце и замретъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свистнетъ,
А тамъ защелкаетъ, иль тихо пуститъ трель:
Забудешься совсѣмъ и голова повиснетъ.
Ну что противъ него свирѣль?
Дивилась право я дивилась...
Однако же не потаю;
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнехонько какъ онъ—хотите?»
— Пропой—послушаемъ.—«Чуръ не шумѣть—
молчите!
Вотъ выше только сяду на суку.
Ну, слушайте жъ теперь: ку-ку! ку-ку! ку-ку!»
Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

А. Измайловъ.

—Иванъ Иванычъ Фанъ-деръ-Флитъ
Женатъ на теткѣ Воронцова.—
Изъ нихъ который-то убитъ
Въ отрядѣ славнаго Слѣпцова.
— Иванъ Иванычъ Фанъ-деръ-Флитъ
Былъ только раненъ—я то знаю.—
А Воронцовъ?—Тотъ былъ убитъ...
— Ахъ нѣтъ! Не то! Припоминаю:
Ни Воронцовъ, ни Фанъ-деръ-Флитъ,
Изъ нихъ никто не былъ убитъ...
Ни даже тетка Воронцова...
Одно извѣстно: люди эти
И вовсе не были на свѣтѣ.
И даже, кажется, наврядъ
Была и тетка Воронцова?
Но былъ дѣйствительно отрядъ.
Да только вовсе не Слѣпцова...
— Затѣмъ пронесся слухъ таковъ,
Что вовсе не было отряда,
А былъ поручикъ Пироговъ...
— Да былъ ли? Справиться бы надо.
И справками, въ концѣ концовъ,
Одна лишь истина добыта:
Иванъ Иванычъ Воронцовъ
Женатъ на теткѣ Фанъ-деръ-Флита.

А. Н. Апухтинъ.

ЗАТМЕНІЕ.

— «Экое диво! Климъ Сидорычъ! Глянь изъ оконца,
Въ полдень стемнѣло—ей-Богу! Вѣдь убыло солнца.
Въ небѣ ни тучки, ни-ни... то-есть—пятнышка нѣту,
Ради чего же недоимка Господняго свѣту?»
— Эхъ, голова, голова! Ничего-то не знаетъ.

Временемъ это такое затменье бываетъ.—
— «Эва! А кто же тамъ на солнце потемки наводитъ?»
— Это, по книгамъ, вишь—солнце за мѣсяцъ заходитъ.—
— «Полно, Климъ Сидорычъ! Экъ ты не ладно отвѣтилъ!
Солнце вѣдь свѣтлое солнце, и мѣсяцъ-то свѣтелъ:
Какъ же бы сталось, что свѣтъ какъ со свѣтомъ сдвоится—
Не свѣтлоты прибываетъ, а темень родится?»
— Истинно такъ. Не хули моего ты отвѣта!
Вѣрь, аль не вѣрь, а и свѣтъ пропадаетъ отъ свѣта.
Ну да примѣромъ—ты въ толкъ не возьмешь ли скорѣе?—
Умъ—дѣло свѣтлое, разумъ—еще и свѣтлѣе,
А въ головѣ-то вѣдь темно становится разомъ,
Если случится, что умъ въ ней заходитъ за разумъ.

Б. Г. Бенедиктовъ.

ПРИЗНАНІЕ.

...А вѣчно любить невозможно...

Я, какъ ландышъ вечерній,
Луннаго жду поцѣлуя...
Сердце звучитъ суевѣрнѣй,
Тайну незримую чуя.
Будетъ счастье больное
Точно солнце красиво,—
Только шепни мнѣ стыдливо,
Крошка, словечко родное...
Сказкѣ небесныхъ азалій
Сердце послушно...
Какъ вы сказали?..
Не любите?..—Ну, и не нужно...

С. М—въ.

КАЛЛИСТРАТЪ.

Жилъ Каллистратъ
И былъ Богу радъ,
И въ сорокъ лѣтъ
Цвѣлъ, что маковъ цвѣтъ.
Бородка хоть рѣденька,
Да не сѣденька,
А усъ—черноусъ,
Хоть на барскій вкусъ.
Жилъ Каллистратъ
Сорокъ лѣтъ подрядъ
На селѣ Снохачи
Въ избѣ на печи,
Въ кабакъ не хаживалъ,
Дѣвокъ не глаживалъ,
Постился постомъ
Да крестился крестомъ.
Пять лѣтъ Каллистратъ
Былъ на бабѣ женатъ;
На шестомъ году
Попался въ бѣду.
Въ ночь подъ Фрола
Жена умерла,
И безъ всякой причины
Только поѣла калины.
Повылъ Каллистратъ
Сорокъ день подрядъ,
Надѣлъ армякъ
И пошелъ въ кабакъ.
Цѣлый годъ утѣшался,
Цѣлый годъ напивался,
Проклиналъ судьбу,
Пропивалъ избу.
Послѣ тѣхъ растратъ
Попалъ Каллистратъ
Въ Питеръ градъ,
Гдѣ мосты мостятъ.
Мостилъ, подмащивалъ,
Животъ отращивалъ.

Мостовъ не замостилъ,
Живота не отростилъ.
Съ хулиганомъ связался—
Въ карты проигрался.
Съ горя напился
И въ Невѣ утопился.
Плыветъ картузъ
Въ немъ трефонный тузъ
Уголкомъ подрыгиваетъ,
Прохожимъ подмигиваетъ,
Дескать, будь умнѣй:
Не ходи съ бубней.

Потемкинъ

* * *

Изъ В. Сыромомли.

Дворцовъ богатыхъ не цѣня,
Приди, душа, въ чуланчикъ мой;
Но рухлядь захвати съ собой,
За тѣмъ, что пусто у меня.
Да, мрачно, пусто, глухо всюду...
Но не заботься ты о хлѣбѣ:
Тебя разсказами о небѣ
И нѣжностью кормить я буду!
На завтракъ дамъ тебѣ мечты я,
Къ обѣду сладкій шумъ ручья,
За чаемъ пѣсни соловья,
На ужинъ—думы золотыя!
Когда жъ поэзьи геній чистый
Взнесетъ тебя все выше, выше,
Тогда ты черезъ щели въ крышѣ
Увидишь небосводъ звѣздистый...

Наивный.

ЩУКА.

На щуку поданъ въ судъ доносъ,
Что отъ нея житья въ прудѣ на стало;
Уликъ представленъ цѣлый возъ,
И виноватую, какъ надлежало,
На судъ въ большой лохани принесли.
Судьи невдалекѣ сбирались.—
На ближнемъ ихъ лугу пасли;
Однако жъ, имена въ архивѣ ихъ остались:
То были два осла,
Двѣ клячи старыя да два иль три козла:
Для должнаго жъ въ порядкѣ дѣлъ надзора
Имъ придана была лиса за прокурора;
И слухъ между народа шелъ,
Что щука лисанькѣ снабжала рыбный столъ.
Со всѣмъ тѣмъ не было въ судьяхъ лицепріязни;
И то сказать, что щукиныхъ проказъ
Удобства не было закрыть на этотъ разъ;
Такъ дѣлать нечего; пришлось писать указъ,
Чтобъ виноватую предать позорной казни,
И, въ страхъ другимъ, повѣсить на суку.
— «Почтенные судьи!» лиса тутъ приступила:
«Повѣсить мало—я бъ ей казнь опредѣлила,
Какой не видано у насъ здѣсь на вѣку.
Чтобъ было впредь плутамъ и страшно и опасно,—
Такъ утопить ее въ рѣкѣ.»
— «Прекрасно!»
Кричатъ судьи. На томъ рѣшили всѣ согласно,
И щуку бросили въ рѣку!

И. А. Крыловъ.

ОТЪ 200 ТЫСЯЧЪ ДО ЧЕТВЕРТАКА.

— «Если бъ двѣсти тысячъ онъ имѣлъ въ карманѣ»,—
Мыслитъ куртизанка, лежа на диванѣ:—
«Еслибъ содержанья больше могъ назначить,

Стоило бы франта дольше подурачить.
А теперь не стоитъ... Бросивши мальчишку,
Я съ богатымъ старцемъ заведу интрижку.»

— «Если бъ сотню тысячъ мужъ имѣлъ въ карманѣ,»—
Говоритъ купчиха, выходя изъ бани:—
«Поддержать сумѣла бъ я свою особу,
Всѣмъ бы услаждала грѣшную утробу.
Выдала бы дочку я за генерала,
И сама, пожалуй, барыней бы стала!»

— «Если бъ двадцать тысячъ я имѣлъ въ карманѣ,»—
Думаетъ хапуга въ старомъ вицъ-кафтанѣ:—
«Быстро дослужившись до восьмого класса,
Бросилъ бы я службу и открылъ бы кассу;
Всѣмъ давалъ бы деньги... Эта цѣль гуманна,
Для души полезна—да и для кармана!»

— «Если бъ хоть сотняжку я имѣлъ въ карманѣ,»—
Разсуждаетъ парень съ дѣвкой въ сарафанѣ:—
«По хозяйству всѣ бы я порядки справилъ
И въ деревнѣ домикъ новый бы поставилъ...
Какъ же мнѣ жениться на тебѣ, голубкѣ,
Если все богатство въ этомъ полушубкѣ!»

— «Если бъ мы имѣли четвертакъ въ карманѣ,»—
Вставши на работу, говорятъ крестьяне:—
«То, братъ, по косушкѣ важно бъ мы хватили,
Силы подкрѣпили, счастливы бы были,
И, чайку напившись до восьмого поту,
Принялись бы дружно за свою работу!»

Ивановъ-Классикъ.

Артистъ Ѳ. Д Смирновъ.

ДЕМЬЯНОВЪ ОКОРОКЪ.

Сосѣдъ Ѳока зашелъ къ Демьяну въ праздникъ,
А ужъ сосѣдъ Демьянъ
Былъ пьянъ
Съ утра, проказникъ.
Но все жъ сосѣда принялъ онъ
Честь-честью, какъ и подобаетъ;
Отвѣсивши Ѳокѣ поклонъ
За столъ его сажаетъ,
Стаканчикъ выпить предлагаетъ
И придвигаетъ ветчину.
— А, ну!
Попробуй-ка кусочекъ любовинки,
Ни у кого, братъ, нѣтъ такой ветчинки:
Изъ поросеночка свинью самъ воспиталъ
Ее и холилъ и питалъ.

Вотъ я тебѣ кусокъ отрѣжу съ бока.
Кусокъ съѣлъ Ѳока.
— Ну?
Какъ ты находишь ветчину?—
—«Прекрасная»!—Спасибо, мой дружечекъ,
За похвалу свиньѣ... Ну, съѣшь еще кусочекъ,
Отрѣжу я теперь наискосокъ.—
Ѳока оплелъ еще кусокъ.
Демьянъ же потчуя упрямо
Сказалъ:—А ну-ко, я еще кусокъ отрѣжу прямо.—
Ѳока плотнѣй присѣлъ
И третій съѣлъ.
Демьянъ четвертый отрѣзаетъ,
Ѳока—четвертый уплетаетъ.
Тамъ пятый, тамъ шестой, седьмой, восьмой...
—«Вотъ аппетитъ проклятый!»
Подумалъ нашъ Демьянъ, кладя кусокъ десятый
Передъ обжорою Ѳокой,
Который вмѣстѣ съ ветчиной
Баклагу выпилъ квасу.
Ну, словомъ, не прошло и часу
Какъ окорокъ исчезъ, осталась только кость.
— Ну, гость!
Вскричалъ Демьянъ и, полонъ злостью,
Въ Ѳоку отъ окорока костью
Демьянъ мой запустилъ.
А Ѳока на лету кость ловко ухватилъ
И говоритъ Демьяну:
— «Ты съ пьяну
Чуть костью не нанесъ мнѣ рану.
Чтобъ ты не запустилъ въ другого кость, другъ мой,
Чтобъ не было тебѣ жъ за это послѣ плохо,
Я кость возьму домой:
Она мнѣ пригодится для гороха».—

—

Нравоученье басни сей
Я выражаю мыслью смѣлой!
На столъ не ставьте окорокъ вы цѣлый
И помните, что межъ людей

Есть множество такихъ прожорливыхъ свиней,
Которые, придя къ вамъ въ гости,
И мясо-то съѣдятъ да и обложутъ кости.

А. А. Соколовъ.

ПѢСНЯ ШУТА.

То не въ полѣ головки сбиваетъ дитя
Съ одуванчиковъ бѣлыхъ, играя,—
То короны и митры сметаетъ, шутя,
Всемогущая Смерть, пролетая.
Смерть приходитъ къ шуту: «Собирайся, Дуракъ,
Я возьму и тебя въ мою ношу,
И къ вѣнцамъ и тіарамъ твой пестрый колпакъ
Въ мою общую сумку я брошу.»
Но, какъ векша, горбунъ ей на плечи вскочилъ
И колотитъ онъ Смерть погремушкой,
По костлявому черепу бьетъ что есть силъ,
И смѣется надъ бѣдной старушкой.
Стонетъ жалобно Смерть: «Ой, голубчикъ, постой!»
Но герой нашъ уняться не хочетъ;
Какъ солдатъ въ барабанъ, бьетъ онъ въ черепъ пустой,
И кричитъ, и безумно хохочетъ:
— «Не хочу умирать, не боюсь я тебя!
Жизнь и солнце и смѣхъ всей душою любя,
Буду жить-поживать припѣвая:
«Громъ побѣдъ отзвучитъ, красота отцвѣтетъ,
Но Дуракъ никогда и нигдѣ не умретъ,—
Но безсмертна лишь глупость людская!»

Д. С. Мережковскій.

ЗНАТНЫЙ ПРІЯТЕЛЬ.

Изъ П. Беранже.

Я всей душой къ женѣ привязанъ;
Я въ люди вышелъ... Да чего!
Я дружбой графа ей обязанъ,
Легко ли—графа самого!
Дѣлами царства управляя,
Онъ къ намъ заходитъ, какъ къ роднымъ.
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ,
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Прошедшей, напримѣръ, зимою
Назначенъ у министра балъ:
Графъ пріѣзжаетъ за женою—
Какъ мужъ и я туда попалъ.
Тамъ, руку мнѣ при всѣхъ сжимая,
Назвалъ пріятелемъ своимъ!..
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Жена случайно захвораетъ—
Вѣдь онъ, голубчикъ, самъ не свой:
Со мною въ преферансъ играетъ,
А ночью ходитъ за больной.
Пріѣхалъ, весь въ звѣздахъ сіяя,
Поздравить съ ангеломъ моимъ...
Какое счастье! Честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

А что за тонкость обращенья!
Пріѣдетъ вечеромъ, сидитъ...

— «Что вы все дома... безъ движенья?
Вамъ нуженъ воздухъ...» говоритъ.
— Погода, графъ, весьма дурная...
— «Да мы карету вамъ дадимъ!»
Предупредительность какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Зазвалъ къ себѣ въ свой домъ боярскій:
Шампанское лилось рѣкой...
Жена уснула съ спальной дамской
Я въ лучшей комнатѣ мужской.
На мягкомъ ложѣ засыпая,
Подъ одѣяломъ парчевымъ,
Я думалъ, нѣжась: честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

Крестить назвался непремѣнно,
Когда Господь мнѣ сына далъ—
И улыбался умиленно,
Когда младенца воспріялъ.
Теперь умру я, уповая,
Что крестникъ взысканъ будетъ имъ...
А счастье-то, а честь какая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!
Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

А какъ онъ милъ, когда онъ въ духѣ.
Вѣдь я за рюмкою вина
Хватилъ однажды: ходятъ слухи...
Что будто, графъ... моя жена...
— Графъ, говорю, пріобрѣтая...
Трудясь... я долженъ быть слѣпымъ...
Да ослѣпитъ и честь такая!
Вѣдь я червякъ въ сравненьи съ нимъ!

Въ сравненьи съ нимъ,
Съ лицомъ такимъ—
Съ его сіятельствомъ самимъ!

В. Курочкинъ.

ОСЕЛЪ.

Лишь гяуръ не слышалъ дикій
Про муллу Агу-Бабай—
Это книжникъ превеликій,
Звѣздочетъ и краснобай;

Онъ и рядитъ, онъ и судитъ,
Въ Меккѣ трижды побывалъ,
И что было, есть и будетъ,
Онъ всегда навѣрно зналъ.

Съ нимъ на дняхъ такой былъ случай:
Прибѣжалъ къ нему Ахметъ—
Такъ и льетъ слезой горючей
И лица на бѣдномъ нѣтъ.

— «Помоги!—кричитъ:—въ ночь эту
Мой оселъ,—тотъ вѣрный другъ,
Что кормильцемъ былъ Ахмету,—
О, Аллахъ!.. украденъ вдругъ!..»

— Ты зѣвалъ и вотъ награда,—
Отвѣчалъ ему Агу: —
Отъ меня тебѣ что жъ надо,
Чѣмъ же я-то помогу?

Тотъ опять:—«Ты тайны знаешь,
Мнѣ ты можешь указать,
Если только пожелаешь,
Гдѣ и какъ осла сыскать.

Сжался,—молитъ онъ, рыдая:—
Наградитъ тебя пророкъ...»—
И, простершись ницъ, Бабая
Въ кончикъ желтой туфли—чмокъ.

Звѣздочетъ подумалъ малость,
Поглядѣлъ на туфли слѣдъ,
И—проснулась, видно, жалость:—
Вдругъ полѣзъ на минаретъ,

И хоть не былъ часъ обычный,
Чтобъ молитвы начинать,
Все же гласъ его привычный
Правовѣрныхъ сталъ скликать.

Собрались сыны пророка—
Часъ и время имъ пустякъ—
Ждутъ приказа иль урока...
И мулла сказалъ имъ такъ:

— Вотъ, у этого разини
Въ ночь украденъ былъ оселъ,
И меня онъ проситъ нынѣ,
Чтобы я осла нашелъ.

Отчего не попытаться,
Только помощь тутъ нужна,
А межъ вами, можетъ статься,
И обрящется она;

Пособитъ, скажу, вамъ сразу,
Только тотъ мнѣ человѣкъ,
Кто для женщины ни разу
Не сглупилъ во весь свой вѣкъ.

Кто и въ юности прекрасной,
Средь избытка буйныхъ силъ,
Жизнью мудрой и безстрастной
Старикамъ примѣромъ былъ.

Коль такой не за горами
Существуетъ экземпляръ,
Пусть онъ явится предъ нами,
Принеся намъ скромность въ даръ.

Пусть впередъ онъ выйдетъ смѣло.
И, Аллахомъ я клянусь,
Что тогда Ахмета дѣло
Разрѣшить сейчасъ берусь...

Смолкъ и, взоръ метнувъ летучій,
Сталъ отвѣта ждать Агу;
Но народъ столпился кучей
И на вызовъ ни гу-гу;

Старики блюсти старались
Видъ серьезно-дѣловой;
Молодые ухмылялись,
По усамъ водя рукой.

А сосѣднихъ мѣстъ джигиты
Только крякнули въ кулакъ
И подумали: «Поди ты!
Захотѣлъ чего, чудакъ!»

Такъ минутъ прошло не мало;
Вновь успѣлъ всплакнуть Ахметъ,
Ужъ иныхъ дрема склоняла,
А отвѣта—нѣтъ и нѣтъ.

Вдругъ, работая локтями,
Сквозь опѣшившій народъ,
Мужъ покрытый сѣдинами,
Продираться сталъ впередъ.

И, отдавъ муллѣ, какъ надо
По обычаю, поклонъ,
Подъ огнемъ нѣмого взгляда
Рѣчь такую началъ онъ:

— Сколько глупостей творится
Изъ-за гурій молодыхъ,
Сколько юношей стремится
На погибель изъ за нихъ!

«Берегись ихъ ласки знойной,
Берегись ихъ ласки злой!»—
Такъ родитель мой покойный
Мнѣ говаривалъ порой.

Этотъ плодъ его раздумья
На носу я зарубилъ
И, клянусь, благоразумья
Въ жизнь мою не преступилъ.

Я боролся, что есть мочи!
Мнѣ теперь за пятьдесятъ,
И мои давно ужъ очи
На красавицъ не глядѣть;

Но и въ юности, бывало,
Если съ дѣвой говорю,—
Чтобъ со мной чего не стало,
Я намазъ въ душѣ творю!

Если жъ дѣва улыбнется.
То—повѣришь ли, Агу,—
Я, какъ въ жилахъ кровь ни бьется,
Что есть духу прочь бѣгу.

И зато, какъ день безтучный,
Миновала жизнь моя:
Тихо, ясно, однозвучно;
Знай, Агу Бабай, что я...

Но мулла рѣчь прервалъ эту.
Указавши на него,
Громко молвилъ онъ Ахмету:
— «Вотъ оселъ—возьми его!..»

В. Абакумовъ.

ДАМСКІЕ ЧАСЫ.

Мой сосѣдъ—большой философъ,
Что ни слово—то совѣтъ,
И на каждую остроту
Непремѣнно дастъ отвѣтъ.
Я спросилъ его однажды:
— Для нужды иль для красы
На груди подъ самымъ сердцемъ
Носятъ женщины часы?
И съ улыбкой ядовитой
Былъ таковъ отвѣтъ его:
— «Пусть хоть что-нибудь да бьется,
Гдѣ не бьется ничего.»

Ивановъ-Классикъ.

ВОСПОМИНАНІЕ.

Ночь была упоительной нѣги полна.
Ароматъ разливали сирени.
Въ облакахъ серебристыхъ ныряла луна
И бросала волшебныя тѣни.
Наше общество все перешло на балконъ,
Третью пульку начавъ храднокровно.
Всѣхъ въ тотъ вечеръ (я помню, какъ будто, сквозь сонъ)
Обыграла Авдотья Петровна.
Передъ нами пейзажъ въ лунномъ блескѣ сіялъ,
Серебрилась рѣка изъ тумана,
Соловей канцонетту изъ рощи свисталъ
Слаще тающей скрипки Вьетана.
— «Что за чудная ночь! какъ поетъ соловей!»—
Молвилъ толстый Порфирій Иванычъ.
— «Да!»—отвѣтилъ подрядчикъ,—пяти бы рублей
Мнѣ не жаль подарить ему за ночь!..»
Тутъ шепнула одна изъ дѣвицъ пожилыхъ,
Томно вспомнивъ про юность былую:
— «Такъ когда-то мнѣ пѣлъ вѣроломный женихъ,
Но увы! промѣнялъ на другую!..»
— «Пасъ»—угрюмо промолвилъ бухгалтеръ старикъ
И подумалъ очки протирая:—
— «Охъ, не по́ сердцу мнѣ соловьиный языкъ:
Въ немъ иронія слышится злая...»
— «Ночь была бъ не дурна... да идеи въ ней нѣтъ...»
Молвилъ фатъ и сотрудникъ журнала:
— «Соловей же поетъ безъ тенденцій, какъ фатъ,
А луна и подавно отстала...»
Каждый въ обществѣ высказалъ мнѣнье про ночь,
Только Лиза и я промолчали,
Но украдкой ушли отъ играющихъ прочь
И въ объятья другъ другу упали.

И. И. Пальмина.

Артистъ Н. М. Радинъ.

ПОДЪ ВѢТКОЙ СИРЕНИ.

(Безконечное стихотвореніе).

Подъ душистою вѣткой сирени
Предъ тобой я упалъ на колѣни;
Ты откинула кудри за плечи,
Ты шептала мнѣ страстныя рѣчи,
Ты склонила стыдливо рѣсницы...
А въ кустахъ заливалися птицы,
Стрекотали немолчно цикады...
Сливъ уста и объятья и взгляды,
До зари мы съ тобою сидѣли
И такъ сладко-мучительно млѣли...
А когда золотистое утро
Показалось въ лучахъ перламутра,
Ты сказала, открывъ свои очи:
«Милый, вновь я приду къ полуночи,
Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени,

Ты опять упадешь на колѣни,
Я закину вновь кудри за плечи
И шептать буду страстныя рѣчи,
Опущу я стыдливо рѣсницы,
И въ кустахъ защебечутъ вновь птицы...
Просидимъ мы, о милый мой, снова
До утра, до утра золотого...
И когда золотистое утро
Вновь заблещетъ въ лучахъ перламутра,
Я скажу, заглянувъ тебѣ въ очи:
«Милый, вновь я приду къ полуночи,
Вновь мы сядемъ подъ вѣткой сирени...»
(И такъ далѣе, безъ конца).

В. П. Буренинъ.

* * *

На небесахъ горятъ паникадила,
А снизу—тьма.
Ходила ты къ нему, иль не ходила,
Скажи сама!
Но не дразни гіену подозрѣнья,
Мышей тоски!
Не то смотри, какъ леопарды мщенья
Острятъ клыки!
И не зови сову благоразумья
Ты въ эту ночь!
Ослы терпѣнья, слоны раздумья,
Бѣжали прочь.
Своей судьбы родила крокодила
Ты здѣсь сама,
Пусть въ небесахъ горятъ паникадила,
Въ могилѣ—тьма.

Владиміръ Соловьевъ.

ЖЕНЫ.

Кабардинская сказка

Джанботъ—кабардинецъ, джигитъ удалой,
Домой возвращался вечерней порой,
Съ добычей богатой съ набѣга лихого.
Вотъ гонитъ онъ вихремъ коня вороного
И птицы быстрѣе къ аулу летитъ:
Жена молодая тамъ дома сидитъ.
Доѣхалъ; въ аулѣ все тихо, темно...
— «Моя Хатиматъ, вѣрно, спитъ ужъ давно.
Я сонную крѣпко ее поцѣлую,
И ласками кровь разбужу молодую!»—
Мечтаетъ наѣздникъ... Но, что это? Свѣтъ...
Бѣдняжка!.. Безъ мужа и сна тебѣ нѣтъ!..
Она меня ждетъ, дорогая жена,
Какъ солнце прекрасна, какъ шашка вѣрна,
Она меня ждетъ... Ненаглядная крошка!..
Съ коня соскочилъ и подкрался къ окошку...
Взглянулъ—задрожалъ и отринулъ назадъ,
Какъ раненый звѣрь... Не вѣрна Хатиматъ!..
Лежитъ на тахтѣ, рядомъ съ нею другой,
И дерзкой горячею смуглой рукой
Ласкаетъ роскошныя бѣлыя плечи,
И шепчетъ беззвучно безсвязныя рѣчи...
Джанботъ за винтовку... Джанботъ за кинжалъ...
Мигнуть не успѣли—убилъ наповалъ;
Цѣпную собаку зарѣзалъ потомъ,
И рядомъ ихъ трупы засыпалъ пескомъ,
— «Чтобъ тамъ, въ темнотѣ оскверненнаго гроба,
Вы мясомъ собачьимъ питалися оба!»—
Убійца сказалъ и, зубами стуча,
Онъ вновь вороного ударилъ съ плеча.
И скачетъ и мчится. А ночь хороша!
Чуть свѣтится, небомъ на землю дыша,
Все стадо безчувственныхъ звѣздъ золотое,
Какъ будто смѣется надъ злою тоскою
Джанбота-убійцы... И крѣпко заснулъ
Подъ тѣнью черешенъ родимый аулъ.
Спокойно изъ тучъ выплываетъ луна,

Холоднымъ лучомъ озаряла она
Страданья людскія, ихъ злобу и горе,
Купаясь въ лазури небеснаго моря.
А сердце Джанбота язвила змѣя:
— «Довольно ль обиду имъ вымѣстилъ я?
Зачѣмъ не помучилъ? И казнь имъ страшнѣй
Зачѣмъ не придумалъ?.. И пытку больнѣй?»—
Шепталъ онъ, истерзанный адскою мукой.
Вдругъ ѣдетъ на встрѣчу ему Хатакчуко,
Кунакъ и товарищъ въ разбоѣ лихомъ.
Джанботъ разсказалъ кунаку обо всемъ.
— «Ты честь свою вымылъ, Джанботъ удалой!
Отвѣтилъ убійцѣ товарищъ лихой,
Обидѣ кровавой—кровавое мщенье...
Умѣть отомстить велико наслажденье!..
Но только, пріятель, ты самъ виноватъ:
Не строго держалъ ты свою Хатиматъ!
Родъ женскій съ лукавствомъ шайтана знакомъ:
Я женамъ не вѣрю—держу подъ замкомъ.
Вонъ видишь мой садъ, освѣщенный луною?
Какъ много гвоздей надъ высокой стѣною!
Домъ запертъ... А ключъ ежечасно со мной...
Умѣю я ладить съ плутовкой женой!..»
Подъѣхали ближе къ высокой стѣнѣ...
Что жъ видятъ? Въ душистомъ саду, при лунѣ,
Обнявшись, гуляютъ двѣ стройныя тѣни.
Сомнѣнія нѣтъ: Хатакчуко въ измѣнѣ...
— «Гляди, и твоя запертая жена
Съ пріятелемъ ночью гуляетъ одна.»—
Съ насмѣшкою ѣдкой промолвилъ Джанботъ.
Тѣмъ временемъ мимо тихонько идетъ,
Съ большою корзиной за старой спиною,
Поникнувъ надъ нею сѣдой бородою,
Горбатый и дряхлый старикъ Асланбекъ,
Извѣстный во всей Кабардѣ человѣкъ.
— «О чемъ?.. О невѣрности женъ разговоръ?»
Спросилъ двухъ мужей старикашка въ упоръ.
— «Извѣстное дѣло... Природы законы
Велѣли, чтобъ вѣчно шалили всѣ жены...
Одна лишь моя вотъ старуха вѣрна...
Всю жизнь тутъ въ корзинѣ сидѣла она,

Всю жизнь я корзину носилъ за спиной...
Чтобъ знало ревнивое сердце покой...
Безропотно милую ношу таская,
Я зналъ, что вѣрна мнѣ моя дорогая...
И такъ мы состарились, прожили вѣкъ,
И не былъ обманутъ мудрецъ Асланбекъ...
Но стала тяжеле старуха моя
Съ тѣхъ поръ, какъ слабѣю и старѣюсь я...
Корзину таскать, что ни день, все труднѣе.»—
Вздохнулъ старикашка и снялъ ее съ шеи,
Поставилъ... Открылъ... Тамъ обнявшись вдвоемъ
Сидѣла старуха... съ чужимъ старикомъ.

А. П. Барыкова.

МИЛОСТЬ ПРОВИДѢНІЯ.

Баллада.

Вернулся воинъ изъ похода
Здоровъ, и цѣлъ, и невредимъ.
Онъ былъ въ отсутствіи три года—
И вотъ родной очагъ предъ нимъ.
Но, что за чудо:—прежней хаты
Теперь едва ему узнать...
Ну, просто—пышныя палаты,
Хоть и вельможѣ бы подъ-стать:
И вотъ, исполненъ изумленья,
Онъ вопросительно глядитъ.
—«Мой другъ, то—милость Провидѣнья!»
Жена тихонько говоритъ.
Идетъ онъ въ садъ; тамъ, гдѣ крапива
Росла когда-то да бурьянъ,—
Средь пышныхъ розъ блеститъ на диво
Въ бассейнѣ мраморный фонтанъ,
Оранжерейныя растенья
Колышутъ въ клумбахъ пышный цвѣтъ.
—«Мой другъ, то—милость Провидѣнья!»

Супруга нѣжная въ отвѣтъ.
Глядь на жену—вся кружевами
Она роскошно убрана
И драгоцѣнными серьгами
Сверкаетъ, прелести полна.
На ручкѣ, полонъ изумленья,
Онъ видитъ золотой браслетъ.
— «Мой другъ, то милость Провидѣнья!»
Она опять ему въ отвѣтъ.
Но вотъ два маленькихъ ребенка.
(Тутъ лишь замѣтилъ онъ плутовъ).
— «Вотъ мама! мама!»—дѣти звонко
Кричатъ, мелькнувши изъ кустовъ.
Сильнѣе въ мужѣ изумленье...
Онъ помнитъ,—не было дѣтей...
— «И это милость Провидѣнья?»
Теперь онъ самъ промолвилъ ей...

Л. И. Пальминъ.

ЭЛЕГІЯ.

Въ даль пораскинулась степь одинокая,
Вьется дорога змѣей...
Въ сумракѣ тонетъ деревня далекая.
Ѣду въ кибиткѣ, вздыхая и охая,
Полонъ зловѣщей тоской.
Тихо плетутся убогія пѣгія...
Пѣсню ямщикъ застоналъ...
Душу терзаетъ мужичья элегія!..
Такъ бы сейчасъ соскочилъ изъ телѣги я,
Такъ бы по шеѣ и далъ.

А. А. Измайловъ.

БАРЫШНѢ.

Нравится мнѣ твоя поза унылая,
Робко опущенный взглядъ;
Я бы любилъ тебя, но, моя милая:
Барышни замужъ хотятъ.

Слушалъ бы все голосокъ твой плѣнительный:
Не говоришь ты, поешь;
Но—съ одной ноты всю душу мучительно
Схватитъ обидная дрожь.

Глазки твой зажигаютъ желаніе;
Взгляда ихъ только я жду;
Всюду пойду—на край свѣта, въ изгнаніе...
Но подъ вѣнецъ не пойду.

Ты поблѣднѣла? сказалъ ли не въ мѣру я,
Или ужъ всѣ заурядъ,
Страсти не вѣдая, въ чувство не вѣруя;
Барышни замужъ хотятъ.

В. Курочкинъ.

ИНДЮКЪ.

Въ какомъ-то обществѣ пернатыхъ
Разнокалиберныхъ крылатыхъ
Случился разговоръ про птицъ,
Извѣстныхъ въ государствѣ лицъ.
Конечно, всѣхъ критиковали,
(У насъ должно быть переняли),
Но больше всѣхъ терпѣлъ индюкъ.
— «Ну что за птица? вонъ изъ рукъ
И посмотрѣть-то даже жалко!..»—
Подругамъ говорила галка:—
«Не мѣсто индюкамъ въ лѣсу».
— «А посмотрите, на носу
Какую онъ таскаетъ штуку!
А ноги-то его! а ростъ!

Какъ неуклюжъ онъ! что за хвостъ!—
Ужъ намъ не наложить ли руку,—
Прибавилъ гусь:—на индюка,
Прогнать урода, дурака...» —
— «Конечно, подхватила утка:—
Онъ глупъ, какъ пень, угрюмъ, сердитъ,
Собою онъ насъ всѣхъ срамитъ,
А это, господа, не шутка!..»
Вотъ такъ честили индюка
До самой той поры, пока,
Благодаря его супругѣ,
А можетъ быть и по заслугѣ,
Судьба его не возвела
Въ министры у царя-орла.
Какъ только принялъ онъ портфели—
Къ нему всѣ птицы налетѣли!
Кричатъ, что онъ уменъ, красивъ,
И величавъ, и не спѣсивъ;
Изъ первыхъ галка поскакала
И комплиментовъ насказала,
— «Пустите—загорланилъ гусь:—
Ему я первый поклонюсь!»
А утка индюку твердила,
Что бабушка ея ходила
На томъ дворѣ, гдѣ его дѣдъ,
Пройдя, оставилъ какъ-то слѣдъ.
Такъ, значитъ, вовсе не чужая
Она ему, почти родня,
Чуть не племянница!

Такъ вотъ,
Какой случился оборотъ,
Какая, значитъ, сила въ чинѣ!
Такъ было прежде, такъ и нынѣ.
Покуда не въ чинахъ Ѳедотъ,
Позоръ онъ всѣмъ, дуракъ, уродъ,
Его по шеѣ всякій тычетъ.
Судьба жъ Ѳедота возвеличитъ,—
И около него возня!
Рабы всѣ передъ нимъ! родня!

А. Франкъ.

* * *

Я всталъ однажды рано утромъ,
Сидѣлъ впросонкахъ у окна.
Рѣка играла перламутромъ,
Была мнѣ мельница видна—
И мнѣ казалось, что колеса
Напрасно мельницѣ даны:
Что ей, стоящей возлѣ плеса,
Приличнѣй были бы штаны.
Вошелъ отшельникъ. Велегласно
И неожиданно онъ рекъ:
— «О ты, что въ горести напрасно
На Бога ропщешь, человѣкъ!»
Онъ говорилъ я прослезился...
Сталъ утѣшать меня старикъ...
Морозной пылью серебрился
Его бобровый воротникъ.

Козьма Прутковъ.

* * *

Тамъ, гдѣ синею волною
Море бьетъ о берега,
Гдѣ надъ грозною скалою
Блещутъ вѣчные снѣга,
Гдѣ орелъ ширококрылый
По поднебесью паритъ,
Гдѣ все грустно, все уныло,
Гдѣ безмолвіе царитъ,
Тамъ, гдѣ съ огненной клюкою
Вѣдьма старая живетъ,
Гдѣ полночною порою,
Привидѣній хоръ поетъ,
Тамъ, гдѣ фуріи мгновенно
Дикій голосъ завывалъ,
Тамъ—признаться откровенно—
Никогда я не бывалъ.

N. N.

ИЗЪ ДѢТСКИХЪ РАЗГОВОРОВЪ.

Въ іюлѣ, по деревнѣ нашей,
Спѣша домой, въ жару дневную,
Брели два брата, Коля съ Яшей,
И встрѣтили свинью большую.

— «Смотри, свинья какая съ поля
Идетъ!..—замѣтилъ Колѣ Яша:—
Она, пожалуй, будетъ, Коля,
Толстѣй на видъ, чѣмъ нашъ папаша.»—

Но Коля молвилъ:—Полно, Яша,
Къ чему сболтнулъ ты эту фразу.
Такихъ свиней, какъ нашъ папаша,
Я не видалъ еще ни разу!

А. Ф. Иванова.

ФИЛОСОФЪ ВЪ БАНѢ.

Съ древняго греческаго.

Полно меня, Левконая, упругою гладитъ ладонью,
Полно по чресламъ моимъ, вдоль поясницы, скользить,
Ты позови Дискомета, ременно-обутаго Тавра:
Въ сладкой работѣ твоей быстро онъ смѣнитъ тебя.
Опытенъ Тавръ и силенъ. Ему нипочемъ притиранья!
На спину вскочитъ какъ разъ; въ выю упрется пятой...
Ты же, межъ тѣмъ, щекочи мнѣ слегка безволосое темя,
Взрытый наукою лобъ розами тихо укрась.

Козьма Пруткова.

Артистъ В. Н. Болховскій.

* * *

У приказныхъ воротъ собирался народъ
Густо;
Говоритъ въ простотѣ, что въ его животѣ
Пусто.
— Дурачье!—сказалъ дьякъ:—изъ васъ долженъ
быть всякъ
Въ тѣлѣ:
Еще въ думѣ вчера мы съ трудомъ осетра
Съѣли!—
На базаръ мужикъ везъ черезъ рѣку обозъ
Пакли;
Мужичокъ-то, вишь, простъ; знай везетъ черезъ
мостъ.—
Такъ ли?
— Вишь дуракъ!—сказалъ дьякъ:—тебѣ мостъ,
чай, пустякъ,
Дудки?

Ты бъ его поберегъ, вѣдь плыли жъ поперекъ
Утки!
Какъ у Васьки Волчка воръ стянулъ гусака,
Вишь ты!
Въ полотенце свернулъ, да поймалъ караулъ,
Ништо!
Дьякъ сказалъ—Дурачье! Полотенце-то чье?
Васьки?
Стало, Васька и тать! Стало, Васькѣ и дать
Таску!
Пришелъ къ дьяку больной, говоритъ:—Ой, ой, ой,
Дьяче!
Очень больно нутру, а ужъ вотъ поутру
Паче.
И не лечь, и не сѣсть, и не можно мнѣ съѣсть
Столько!
— Вишь дуракъ!—сказалъ дьякъ:—ну, не ѣшь натощакъ—
Только!
Пришелъ къ дьяку истецъ, говоритъ:—Ты отецъ
Бѣдныхъ!
Кабы ты мнѣ помогъ—видишь денегъ мѣшокъ
Мѣдныхъ—
Я бъ те всыпалъ, ей ей, въ шапку десять рублей,
Шутка?
— Сыпь сейчасъ!—сказалъ дьякъ, подставляя колпакъ:—
Нутка!

Гр. А. К. Толстой.

ПОПУГАЙ, НИЦШЕ И КОТЪ.

Басня.

Однажды попугай, примѣромъ непостоянства,
Всѣ прежнія идей позабывъ,
Набрался гдѣ-то ницшеанства,
И вдругъ себя—какое окаянство!—
«Сверхъ-попугаемъ» возомнилъ.

Въ сей ражъ придя, онъ удержу не знаетъ.
Не вѣдаетъ стыда онъ ни при комъ,
И даже статскаго совѣтника ругаетъ
При всемъ народѣ дуракомъ!
Примѣра нѣтъ сему въ россійскомъ декадансѣ.
Вотъ, находясь въ подобномъ трансѣ,
Нашъ попугай узрѣлъ,
Что, нерадѣніемъ распущенной прислуги,—
Открыта въ клѣткѣ дверца, други!..
Сверхъ-попугай сейчасъ пролѣзъ въ нее и сѣлъ
На самомъ наивысшемъ кругѣ.
Закрывъ глаза, онъ нѣсколько минутъ,
Не болѣ,
Мечталъ на волѣ,
Что этотъ скверный міръ перевернутъ
Сверхъ-попугаи, не иначе.
Одначе,
Въ томъ барскомъ домѣ жилъ сверхъ-котъ.
И вотъ,
Томимъ сверхъ-скукою, сверхъ-подлостью ль, не знаю,
Онъ подобрался къ попугаю,
Вильнулъ хвостомъ, прилегъ, вильнулъ опять—
(Читатель, предъ тобой здѣсь истина нагая,)—
Сверхъ-котъ на клѣтку прыгъ—и хвать
Мечтавшаго сверхъ-попугая!
Дальнѣйшее зачѣмъ намъ излагать:
Коты всегда въ дѣлахъ подобныхъ мѣтки.
Но вотъ что, дѣтки,
Нравоученье надобно сказать:
«Сверхъ-попугаемъ будь, но не сиди сверхъ клѣтки».

Печоринъ.

КАПРИЗЫ ВЛЮБЛЕННЫХЪ.

Изъ Г. Гейне.

(Истинная исторія, вновъ разсказанная по старымъ документамъ и переложенная въ прекрасные нѣмецкіе стихи).

Влюбленный въ муху съ давнихъ поръ,
Вздыхая, жукъ сѣлъ на заборъ:

—«О, будь моей женою, муха,
И тѣла моего, и духа!

Тебѣ шепну я на ушко:
Изъ золота мое брюшко,

Передъ моей спиной всѣ спины—
Ничто: смарагды въ ней, рубины».

— «Я не сошла съ ума пока,
Чтобъ замужъ выйти за жука,

«Рубины жъ золото... они ли
Намъ въ жизни счастье приносили?

«Нѣтъ, къ идеалу я стремлюсь—
Я муха, этимъ я горжусь».

Жукъ улетѣлъ, вздохнувъ уныло,
А муха ванну взять спѣшила.

— «Гдѣ жъ фрейлина моя, пчела?
Хочу, что мыть она пришла

«Мнѣ тѣло нѣжное, какъ тѣсто...
Вѣдь я теперь жука невѣста.

«Мой выборъ, кажется, хорошъ:
Красивѣй мужа не найдешь.

«Его спина... на ней играетъ
Смарагдъ, рубинъ на ней сверкаетъ.

«Изъ золота его брюшко...
Всѣ мухи взбѣсятся легко...

«Причесывай же пчелка, ну же,
Скорѣй,—и зашнуруй потуже,

«Эссенцій, не жалѣй, смотри,
И ими ноги мнѣ натри,

«Чтобъ не могла отнюдь вонять я,
Упавши жениху въ объятья.

«Уже стрекозы вкругъ снуютъ,
Какъ дружки, честь мнѣ отдаютъ,

«Въ мой свадебный вѣнокъ вплетая
Цвѣты и весело летая;

«Сверчки-пѣвцы приглашены,
И музыканты быть должны,

«Шмели и осы, тараканы
Трубить начнутъ, бить въ барабаны

«И брачный пиръ мой оживлять...
Ужъ гости стали прибывать...

«Отъ знатныхъ лицъ пестрѣетъ зала...
И разной сволочи не мало,

«Полѣзла всякая родня,
Звукъ трубъ привѣтствуетъ меня;

«Кротъ-пасторъ въ черномъ одѣяньѣ
Пришелъ вѣнчать... Всѣ въ ожиданьѣ.

«Раздался колокольный звонъ...
Гдѣ жъ мой женихъ? что медлитъ онъ?»...

Бимъ-бамъ, бимъ-бамъ! звонъ колокольный.
Но улетѣлъ женихъ бездольный,

Колокола бимъ-бамъ, бимъ-бамъ!
«Что жъ мой женихъ не ѣдетъ къ намъ?»

А онъ, женихъ, мрачнѣе тучи,
Сидѣлъ среди навозной кучи

И просидѣлъ на ней семь лѣтъ—
А мухи и въ живыхъ ужъ нѣтъ.

Д. Д. Минаевъ.

ПѢСНЬ ТОРЖЕСТВУЮЩЕЙ СВИНЬИ.

Изъ Ж. Ришпена.

Да, я свинья,
И пѣснь моя
Въ хлѣву побѣдная слышна,
Всегда одна, звучна, ясна,
И откровенности полна;
Я гордо, смѣло говорю:
. . . . . .
Хрю-хрю

Луны и солнца свѣтъ, цвѣтовъ благоуханье
Пусть воспѣваетъ вамъ какой-нибудь поэтъ—
Худое, жалкое, голодное созданье—
А я—свинья—хрю-хрю!.. До нихъ мнѣ дѣла нѣтъ.
Пусть брешутъ, будто есть какой-то «Воздухъ чистый,
Лѣсовъ зеленый шумъ, просторъ родныхъ полей,
Душистая фіалка, ландышъ серебристый,
Свобода, родина...» Хрю-хрю,—мнѣ хлѣвъ милѣй.

Къ чему намъ солнца свѣтъ? Къ чему намъ запахъ розы?
Какъ будто бы нельзя отлично въ темнотѣ,
Впивая ароматъ питательный навоза.
Налопаться... хрю-хрю... и спать на животѣ?

Что значитъ родина? По моему—корыто,
Гдѣ пойло вкусное, такъ щедро, черезъ край
Для поросятъ моихъ и для меня налито—
Хрю-хрю—вотъ родина, хрю-хрю,—вотъ свѣтлый рай!

Есть много, говорятъ, другихъ свиней голодныхъ...
Такъ мнѣ-то что жъ?—хрю-хрю—была бы я сыта.
Какое дѣло мнѣ до бѣдъ и нуждъ народныхъ,
До поросятъ чужихъ?.. Все вздоръ, все суета!

Пусть гибнутъ дураки за бредни идеала,
За стадо глупое обиженныхъ свиней...
И вовсе нѣтъ его. Насъ кормятъ до отвала,
Хрю-хрю! Все выдумка крамольниковъ-людей!

Пускай колбасники торгуютъ колбасою,
Изъ братьевъ и сестрицъ готовятъ ветчину,
Мнѣ—что?.. Вѣдь я жива. Я жру свои помои.
И слышу ревъ и визгъ, и глазомъ не моргну.

Да я—свинья,
И пѣснь моя
Въ хлѣву побѣдная слышна,
Всегда одна, звучна, ясна,
И откровенности полна;
Я гордо, смѣло говорю:
. . . . . .
Хрю-хрю!

А. Барыкова.

КУКУШКА.

Бѣгутъ ароматныя струи
Изъ дальнихъ куртинъ цвѣтника...
Кукушка влюбленно кукуетъ...
Кукушка!.. цвѣты и... тоска!..
Тоска!.. «Отпусти-же, бабуся,
Колдунью въ лѣсу попытать?..»
Ласкаетъ старушку Маруся,
А сердце—боится стучать...
— «Сиди, непосѣда... Довольно—
Гадала вчера до утра!!.
Марусѣ обидно и больно,
Маруся забыла «вчера»...
Кукушка кукуетъ все глуше,
И скоро... томима луной,
Надвинувъ фуражку на уши,
Пойдетъ огорченно домой!..

Сѣрый Михѣевъ.

СКРЫТЫЙ ТАЛАНТЪ.

Найдя пріютъ въ тѣни вѣтвистой липы,
Поэтъ сталъ издавать лирическіе хрипы...
Онъ воспѣвалъ душистый лѣсъ,
И высь лазурную небесъ,
И тихія задумчивыя воды,
И жгучій ядъ любви, и яркій лучъ свободы...
А липа говоритъ:—«Хоть лиры я не врагъ,
Но многія твои творенья
Свалила бъ я въ оврагъ
Безъ сожалѣнья»...—
—«Ахъ ты нахалка! ахъ ты дрянь!
Да громъ небесный грянь,
Коль я тебя за это слово
Не накажу сурово!»—
И, яростный на липу бросивъ взоръ,
Поэтъ схватилъ топоръ
И сталъ рубить тѣ вѣтви и побѣги,
Въ тѣни которыхъ онъ вкусилъ не мало нѣги.
Рубя, онъ проявилъ
Такой парфорсный пылъ,
Что самъ себѣ дивился
И такъ передъ собой хвалился:
— «Отмѣнно я, не хуже чѣмъ лѣсникъ,
Въ лѣсное дѣло вникъ.
Всѣ эти поэтическія вѣтки
И въ знойный день
Ихъ тѣнь
Безумно любятъ только малолѣтки,
А намъ нужно
Прямое, гладкое бревно»...—

Порой смѣшно за человѣка:
Иной въ себѣ таитъ призванье дровосѣка;
Давно бъ ему пора
Быть виртуозомъ топора,
А онъ все о любви и мирѣ
Брянчитъ на лирѣ...

Символистъ.

ДИПЛОМАТЪ.

Играя въ куклы у камина,
Не по годкамъ умна,
Однажды услыхала Нина,
Какъ папа съ мамой у окна,
Читая новую газету,
Сказали слово «дипломатъ».
Тутъ ничего худого нѣту,
Но Нина подняла набатъ:
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
Взобравшись къ папѣ на колѣни,
Уткнулась въ папу головой
И, въ ожиданьи объясненій,
Играетъ цѣпкой золотой.
Стыдитъ напрасно мама Нину:
— Нинуся, обернись назадъ!
Скорѣй бѣги, скорѣй къ камину,
Смотри-ка, куклы ѣсть хотятъ!
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
Папаша страшно оконфуженъ,
Отвѣтъ Нинусѣ очень нуженъ,
А какъ Нинусѣ объяснить?
Въ нетерпѣливыхъ пальцахъ дочки
Брелоки гнутся и трещатъ;
Глядитъ папаша на брелочки,
И безнадеженъ этотъ взглядъ.
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
— Нинуся, это представитель
Иль государства иль страны;
Всегда недремлющій блюститель
По дѣлу мира и войны.
Онъ человѣкъ, который словомъ
Свой замыслъ норовитъ прикрыть,
Онъ и сѣдымъ и чернобровымъ
Одновременно можетъ быть...
— Дипломатъ, дипломатъ,

Что такое дипломатъ?
Но, не понявъ ни слова, дочка
Не вѣритъ бѣдному отцу.
Ужъ три отъ слезъ мокры платочка,
А все кричитъ:—Узнать хочу!..
И вотъ, пришлось отправить къ нянѣ
Нинусю плакать и рыдать,
Но даже тамъ, среди рыданій,
Нинусѣ было нужно знать:
— Дипломатъ, дипломатъ,
Что такое дипломатъ?
Весьма догадливая нянька
Надѣла на себя пальто
И такъ сказала:—Ну-ка, глянь-ка!
Вотъ дипломатъ-то, вотъ онъ что!
И вдругъ улыбка показалась,
И веселъ у Нинуси взоръ.
И навсегда у всѣхъ осталась
За нянькой кличка съ этихъ поръ:
— Дипломатъ, дипломатъ,
Въ дипломатѣ дипломатъ.

Потемкинъ.

Алфавитный указатель.

Русскіе авторы.

Стр.

А.

Акулина и кондукторъ 730

Абакумовъ В.

Сселъ 774

Айзманъ Д.

Въ слезахъ моя душа 74

Аксаковъ К. С.

Свободное слово 480

Allegro.

Дома 207

Какой покой 657

Сѣрый волкъ 142

Тайна смерти 144

Я проснулся 584

Андреевскій С. А.

Не повторяй 593

Андреевъ-Бурлакъ В. А

На городской площади 111

Андреевъ Л. Н.

Прекрасна жизнь для воскресшихъ 84

Апухтинъ А. Н.

Въ убогомъ рубищѣ 428

День ли царитъ 608

Жизнь 537

Изъ „Пѣсенъ былыхъ годовъ“ 431

Когда будете дѣти, студентами 705

Кумушкамъ 763

Ледяная дѣва 213

Апухтинъ А. Н.
Мухи 565
О Боже, какъ хорошъ 542
Она была твоя 621
Письмо 297
Позднее мщеніе 475
Сумасшедшій 327
Умирающая мать 154
Арбенинъ И
Господь съ тобой 575
Бальмонтъ К. Д.
Больной 458
Въ столицѣ 624
Камыши 622
Мертвые корабли 497
Не буди воспоминаній 589
Нѣтъ любви 419
Придорожныя травы 597
Свѣча горитъ и меркнетъ 614
Тише, тише... 469
Чайка 642
Я мечтою ловилъ 540
Баратынскій Е. А.
Двѣ доли 149
Истина 147
Барыкова А. П.
Жены 781
Башкинъ В. П.
Эти юныя лица 645
Бенедиктовъ В. Г.
Входъ воспрещается 174
Затменіе 763
Бернеръ Николай
Этюдъ 640
Я боюсь 636
Богдановъ.
Проѣзжайте 450
Боровиковскій А. Л.
Царь природы 730
Брюсовъ Валерій.
Братьямъ соблазненнымъ 234
Каменщикъ 433
Кубокъ 633
Путникъ 461
Будищевъ А. Н.
Стрекоза и одувзнчикъ 695
Тріумфаторъ 471
Ты какъ тѣнь 587
Утѣшеніе 622
Бунинъ Иванъ.
Богъ 517

Бунинъ Иванъ.
Вирь 160
Въ Альпахъ 627
Листопадъ 547
Мать 150
Нынче ночью 601
Олень 204
Первая любовь 584
Смотритъ мѣсяцъ ненастный 196
Буренинъ В. П.
Подъ вѣткой сирени 779
Бѣляевская О.
Осень 656
Василевскій Л. М.
Убыль страсти 429
Вейнбергъ П. И.
Безконечной пеленою 247
Двое похоронъ 355
Свѣтлый ангелъ 648
Величко В. Б.
Ахметъ на минаретѣ 683
Задача 677
Многоженство 894
Чинара 468
Вяткинъ Г. А.
Къ побѣдѣ изъ побѣдъ 400
Гаршинъ В. М.
То, чего не было 75
Гессенъ Владиміръ.
Земной любви я сброшу цѣпи 616
Эхо 653
Гербановскій М.
Безъ любви (На мотивъ Т. Шторма) 323
Театръ залитъ волной свѣта 432
Гиляровскій В.
Владимірка-большая дорога 317
Гоголь Н. В.
Днѣпръ 33
Жизнь 13
Отрывокъ изъ поэмы „Мертвыя души“. 105
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ. (Отрыв.) 16
Голенищевъ-Кутузовъ А. А.
Глубже все въ грудь 575
Къ Мефистофелю 231
Молитва 447
Гольцъ-Миллеръ И. И.
Слушай 397
Гончаровъ И. А.
Гроза. (Отрывокъ) 37
Отрывокъ изъ ром. „Обрывъ“ 39

Горбуновъ И. Ѳ.
На почтовой станціи 115
Производство въ генералы полковника Дитятина. 125
Тостъ генерала Дитятина 133
Горькій Максимъ.
Пѣсня о Соколѣ 91
Пѣсня о Буревѣстникѣ 27
Товарищъ 34
Фея 360
Гриневская И. А.
Двѣ судьбы 618
Гуляевъ Л.
Рѣдкостное явленіе 719
Д. А. А. (А. А. Д.).
Ермакъ 216
Добролюбовъ Н. А.
Безразсудныя слезы 712
Дорошевичъ В. М.
Мудрецъ 117
Достоевскій Ѳ. М.
Отрывокъ изъ „Преступленія и наказанія“ 45
Дрожжинъ С. Д.
Честнымъ порывамъ 334
Жемчужниковъ А. М.
Мыслителю 150
Осеннія журавли 342
Старая дорога 221
Чувствъ и думъ 570
Животовъ Ник.
Буранъ 638
Жуковскій В. А.
Деревенскій сторожъ въ полночь (Изъ Гебеля) . 155
Засодимскій П.
Надъ бездной 131
Ивановъ А. Ф.
Изъ дѣтскихъ разговоровъ 783
Ивановъ-Классикъ.
Дамскіе часы 777
Отъ 200-хъ тысячъ до четвертака 767
Ивановъ-Райковъ С. А.
Сказка 240
Измайловъ А. А.
Элегія 784
Кичеевъ П.
Eppur si muove 408
Колтоновскій А. П.
Лѣсная сказка 323
Кольцовъ А. В.
Бѣгство 571
Дума сокола 569

Кольцовъ. А. В.
Путь. 531
Пѣсня 607
Коринѳскій А.
Я видѣлъ. 384
Короленко В. Г.
Огоньки. 83
Крыловъ Викторъ.
Бѣдовыя дѣти. 681
Въ защиту маленькихъ 679
Сны. 737
Скромница 673
Крыловъ И. А.
Ворона 709
Парнассъ. 668
Совѣтъ мышей. 691
Щука 767
Курочкинъ В. С.
Барышнѣ. 785
Ленцевичъ А. Н.
Изъ тюремныхъ мелодій 170
Лермонтовъ М. Ю.
Выхожу одинъ я на дорогу. 578
Дары Терека 401
Дума. 474
Дубовый листокъ. 588
Изъ-подъ таинственной холодной полумаски . . 620
Изъ стих. „1831 г., Іюня 11-го“ 163
Молитва. 564
Не вѣрь себѣ. 651
Отрыв. изъ поэмы „Мцыри“. 166
Плѣнный рыцарь. 515
Поэтъ. 169
Элегія. 523
Лихачевъ В. С.
Двѣ труженицы 300
Женщинѣ дорогу. 233
Распни его. 365
Лохвицкая М. А.
Вальсъ 545
Весна 629
Если бъ счастье мое 588
Метель 592
Непорочная 581
Умѣй страдать 628
Луговой А.
Силуэтъ 208
Льдовъ К. Н.
Блѣднѣютъ полночныя тѣни 603
Городъ полуночной грезой объятъ 635

Мазуркевичъ В.
Ароматная ночь 543
Бѣсъ 701
Больной 448
Письмо 466
Майковъ А. Н.
Игры 252
Менестрель 579
Октава 576
Подъ дождемъ 528
Приданое 460
Скажи мнѣ, ты любилъ 263
Сонъ въ лѣтнюю ночь 532
Старое и новое 171
Тарантелла 501
Майковъ М.
Послѣднее слово подсудимаго 463
М—въ С.
Признаніе 706
Мей Л. А.
Глатэя 420
Запѣвка 560
Какъ у всѣхъ-то людей 626
Отойди отъ меня. Сатана 453
Русалка 205
Мережковскій Д. С.
Не думала ли ты 597
Парки 634
Пѣсня шута 771
Сакія-Муни (Будда) 307
Усни 573
Ювеналъ о древнемъ Римѣ 483
Минаевъ Д. Д.
Безумные сны 671
Въ лунную ночь 176
Житейскія варьяціи 685
Раба 336
Свой своему вовсе не братъ 743
Минскій Н. М.
Городъ вдали 389
Еще я не люблю 637
Изъ „Бѣлыхъ ночей“ 274
Какъ сонъ пройдутъ дѣла 218
Молчаніе 340
Передъ луною равнодушной 596
Прокаженный 303
Серенада 631
Сонъ 233
Шелестъ листьевъ 606
Я боюсь разсказать 572

Мирэ.
Моряки 81
Михайловъ М. Л.
Вечеромъ душнымъ 524
Михаловскій Д. Л.
Утесъ 177
Михѣевъ Сергѣй
Кукушка 795
Признаніе 764
Навроцкій А
Утесъ на Волгѣ 279
Царица Марья Долгорукая 489
Надсонъ С. Я.
Въ альбомъ 647
Во мглѣ 408
Другъ мой, братъ мой 162
Завѣса сброшена 416
За что 568
И крики оргіи 477
Изъ тьмы временъ 366
Мечты королевы 536
Милый другъ 438
Мнѣ снилось 633
Наше поколѣнье 446
Снилось мнѣ 544
Счастье, призракъ ли счастья 577
Цвѣты 394
Только утро любви хорошо 563
Ты уймись, кручинушка 609
Умерла моя муза 652
Неизвѣстныхъ авторовъ.
Волна 522
Дубинушка 688
На классной скамейкѣ 708
Передъ судомъ 414
Странница 43
Тамъ, гдѣ синею волною 787
Холодно... Голодно 484
Некрасовъ Н. А.
Внимая ужасамъ войны 430
Зеленый Шумъ 245
Изъ поэмы „Саша“ 179
Кому на Руси жить хорошо 319
Пѣсня Еремушкѣ 228
Размышленія у парадnаго подъѣзда 249
Рыцарь на часъ 180
Тишина 194
Немировичъ-Данченко В. И.
Монологъ (Я помню ночь) 341
На улицѣ 412
Рабыня 212

Никитинъ И. С.
Бурлакъ 264
Вырыта заступомъ яма глубокая. 595
Ночь. 641
Ссора 222
Утро 593
Хозяинъ. 351
Никифоровъ Н. К.
Влюбленные 732
Ниркомскій.
Розы 556
Нормаискій С.
Розы. 629
Огаревъ Н. П.
Дорога 650
Къ ***. 536
Монологъ (Чего хочу?..) 332
По тряской мостовой. 605
Омулевскій И. В.
Земной рай. 715
На городскомъ мосту. 343
Передъ трупомъ. 335
Островскій А. Н.
Василиса Мелентьевна (Отрывокъ). 68
Изъ драмы „Гроза“ 63
Павлова К. К.
Грустно вѣтеръ вѣетъ. 654
Небо блещетъ сирюзою 657
Пальминъ И. И.
Воспоминаніе 778
Пальминъ Л. И.
Голосъ изъ вьюги 186
Милость Провидѣнія. 783
Печоринъ.
Попугай, Ницше и котъ 790
Писемскій А. Ѳ.
Гамлетъ (Изъ ром. „Масоны“) 43
Плещеевъ А. Н.
Впередъ, безъ страха 146
Всю то, всю мою дорожку 357
Пожарова В.
Зрѣютъ травы 574
Полонскій Я. П.
Въ глуши 644
Дорога 566
Иная зима 517
Казиміръ Великій 485
Міазмъ 258
Ночь 587
Орелъ и Змѣя. 445
Отрочество 269

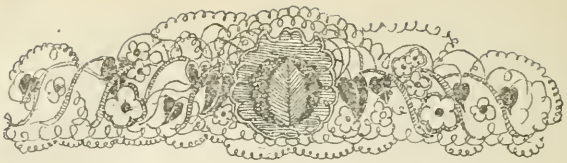
Полонскій Я. П.
Сбѣжавшая больная 451
Священный благовѣстъ 515
Сумасшедшій 407
Холодѣющая ночь 187
Что мнѣ она 379
Потемкинъ.
Дипломатъ 797
Каллистратъ 765
На балъ 735
Потресовъ С. В.
Яблоня 403
Прутковъ Козьма.
Древней греческой старухѣ 74
Неумѣстное привѣтствіе 132
Нѣмецкая баллада 731
Никто необъятнаго обнять не можетъ 42
Память прошлаго 723
Помѣщикъ и трава 677
Станъ и голосъ 669
Философъ въ банѣ 788
Я всталъ однажды 787
Пушкаревъ Н.
Гдѣ? 392
О лѣсныхъ пожарахъ 315
Пѣсня объ арестантахъ 426
Свѣтскіе контрасты 713
Пушкинъ А. С.
Анчаръ 443
Для береговъ отчизны дальной 514
Египетскія ночи 294
Есть упоеніе въ бою 145
Изъ сценъ „Скупой Рыцарь" 201
Кинжалъ 219
Послѣдній допросъ Кочубея 189
Поэту 137
Свободы сѣятель 379
Стансы 533
П. Я. (П. Якубовичъ).
Битва жизни 183
Матери 241
Потомство узнаетъ 444
Человѣкъ 385
Юность 392
Растопчина Е. П.
Благословенъ 602
Ратгаузъ Д. М.
Блѣднорозовая тучка 596
Два врага 425
Изъ случайныхъ встрѣчъ 534

Ратгаузъ Д. М.
Пиръ Петронія 495
Снова сонъ 529
Р. К. (К. Р.)
На балконѣ 608
Стцвѣтаетъ сирень 516
Распустилась черемуха 573
Растворилъ я окно 604
Розы 554
Садикъ запущенный 566
Розенгеймъ М. П.
Кѣмъ быть Колѣ 725
На прощанье 325
Смѣшная фигура 363
Пустая церковь 478
Рощинъ-Инсаровъ Н. П.
Господь съ тобой! 643
Рыскинъ С.
Змѣя подколодная 369
Садовниковъ Д. Н.
Изъ „Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ“ 373
Салтыковъ М. Е. (Щедринъ).
Рождественская сказка 55
Сафоновъ С. А.
За что тебя люблю 564
Кэтъ 616
Сны 372
Это было давно 579
Свѣтогоръ Юрій.
Тукъ... тукъ... тукъ... 152
Серафимовичъ А.
У обрыва 109
Символистъ.
Упрямый пассажиръ 726
Скрытый талантъ 796
Скиталецъ.
Колокольчики-бубенчики 538
Я хочу веселья 220
Случевскій К. К
Бой китовъ 211
Витязь 703
Дай мнѣ восторговъ любви 619
Людскіе вздохи 473
Неужели 700
Слухъ 724
Статуя 227
Тьма непроглядна 518
Часъ ночи 144
Соймоновъ М. Н.
Весенняя элегія 526
Пойдемъ 328

Соколовъ А. А.
Демьяновъ окорокъ 769
Соколовъ Н. М.
Vae victis 390
Соловьевъ Владиміръ.
Бѣдный другъ 630
На небесахъ горятъ паникадила 780
У царицы моей 527
С—о Евг.
Просвѣщеніе 746
Старый Воробей.
Истинная дружба 741
Стружкинъ Н. С.
Бараны 684
Сбиженый воръ 716
Предостереженіе 678
Суриковъ И. И
Не грусти 594
Танъ (В. Г. Богоразъ)
Вѣтеръ полуночи 582
Когда умолкнетъ день 413
Ты хочешь знать 292
Толстой А. К.
Дождя отшумѣвшаго капли 562
Западъ гаснетъ 637
Князь Михайло Репнинъ 225
Колодники 231
Край ты мой родимый край 647
Ссень 630
Правда 387
Противъ теченія 347
Слеза дрожитъ 537
То было раннею весной 603
Тщетно, художникъ, ты мнишь 197
У приказныхъ воротъ 789
Толстой Левъ
Весенній дождь 11
Отрывки изъ разск. „Холстомѣръ“ 6
Смерть дерева 80
Смерть кн. Андрея (Изъ „Войны и Мира“) . . . 1
Тоже поэтъ.
Худыя предзнаменованія 699
Трефолевъ Л. Н.
Грамотка 733
Дубинушка 422
Тулубъ Павелъ.
Зимняя ночь 610
Тургеневъ И. С.
Баллада 403
Деревня 31
Какъ хороши, какъ свѣжи были розы 29

Тургеневъ И. С.
Порогъ 94
Русскій языкъ 100
Сонъ 470
Турскій А.
Вѣтеръ 472
Тютчевъ Ѳ. И.
Вчера въ мечтахъ обвороженныхъ 553
Грустный видъ 631
День вечерѣетъ 513
Дума за думой 518
На кончину Пушкина 244
Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья 650
Она сидѣла на полу 648
Я помню время золотое 612
Успенскій Г. И.
Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Иваныча 101
Фетъ А. А.
Весна (Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ) 539
Всю ночь гремѣлъ оврагъ 611
Ива 656
Какъ ясность безоблачной ночи 636
Курганъ 140
Люди... не виновны 541
Мелодія 519
Морская даль 627
Облакомъ волнистымъ 617
Смерть 393
Солнца лучъ 546
Стѣна 138
Теплымъ вѣтромъ потянуло 655
Учись у нихъ 621
Фантазія 558
Шопотъ, робкое дыханье 646
Фигнеръ В. Н.
Матери 606
Фофановъ К. М.
Весенній дождь 613
Вечерняя звѣзда 639
Долгая скучная ночь 598
Задумалась она надъ книгой 575
Ищите новые пути 139
Май 561
Мелодія 645
Поздніе шаги 140
Рыдаетъ и плачетъ тоскливая скрипка 567
Тѣни и тайны 522
Это не женщина 619
Франкъ А.
Индюкъ 785

Франкъ А.
Хвостикъ 689
Фругъ С. Г.
Музыка 510
Носъ и ноги 680
Призывъ. 374
Три души 306
Тризна 381
Унеси мою душу 618
Хвостовъ.
Письмо 559
Черниговецъ Ф.
Изъ пѣсенъ о скотахъ и людяхъ 720
Чеховъ А. П.
Винтъ 127
Жалобная книга 88
Отрывъ изъ разск. „Въ оврагѣ“ 95
Разговоръ человѣка съ собакой 106
Чужъ-Чуженинъ.
Заяцъ-обличитель 687
Чюмина О. Н. (Михайлова).
Пловцы 333
Шебуевъ Н. Г.
Ищите женщину 670
Ш—овъ М.
Распекъ 90
Шумахеръ П. В.
Свобода, равенство и братство 761
Щепкина-Куперникъ Т. Л.
Гдѣ красота 543
Говорятъ, я мила 535
Дочери горя 257
Credo 625
Розы 209
Щербина Н. Ѳ.
Купанье 557
Мигъ 609
Якунинъ И.
Сонъ монахини 382
Яримъ-Зикъ (Перев.).
Персидскія сказки 124
Ѳедоровъ А. М.
На весеннiей зарѣ 349
Сфинксъ 133
Ѳедотовъ А.
Охота 661
Стрѣлочникъ 435
Ѳ. П.
Власть имѣющій 62



Иностранные авторы.

Андерсенъ.

Полишинель. Перев. К. Н. Льдова 439

Байронъ Г.

Euthanasia. Перев. И. Гольцъ-Миллеръ 267

Умирающій Гладіаторъ. Перев. М. Ю. Лермонтова 269

Баумбахъ Р.

Латынь классическая. Перев. А. Коринфскаго . . 747

Беранже П.

Двѣ сестры милосердія. Перев. Л. А. Мея 338

Знатный пріятель. Перев. В. Курочкина 772

Новый фракъ. Перев. В. Курочкина 717

Старый капралъ. Перев. В. Курочкина 423

Тоска по родинѣ. Перев. В. Курочкина 493

Булье Л.

Женщинѣ. Перев. П. И. Вейнберга 418

Бяликъ Х. Н.

Если ангелъ вопроситъ. Перев. Вл. Жаботинскаго 405

Вальдау Максъ.

Уныло двѣ поблекшихъ розы. Перев. А. Плещеева 655

Гартманъ М.

Бѣлое покрывало. Перев. М. Л. Михайлова . . . 344

Гебель І.-П.

Деревенскій сторожъ въ полночь. Перев. В. А. Жуковскаго 155

Ребенокъ... Перев. А. Н. Плещеева 429

Геллертъ Х.

Кукушка. Перев. А. Измайлова. 762

Гейне Г.

Брось свои иносказанья. Перев. М. Л. Михайлова . 294

Вопросы. Перев. М. Л. Михайлова 293

Добродѣтельный песъ. Перев. А. Н. Плещеева . 692

Если хочешь... Перев. А. Н. Плещеева 710

Капризы влюбленныхъ. Перев. Д. Д. Минаева . 792

Скажи мнѣ. Перев. М. Л. Михайлова. 602

Гейне Г.
Сосна. Перев. М. Ю. Лермонтова 626
Ткачи. Перев. N. N. 434
Гете В.
Горныя вершины. Перев. М. Ю. Лермонтова. . . 654
Изъ поэмы „Рейнеке-Лисъ". Перев. М. Достоевскаго. 749
Легенда. Перев. Н. Холодковскаго 727
Моя богиня. Перев. В. А. Жуковскаго 275
Ученикъ чародѣя. Перев. Н. Холодковскаго. . . 706
Гименсъ Ф.
Убаюкай меня. Перев. М. Л. Михайлова 620
Гомеръ
Щитъ Ахиллеса (Иліада, п. XVIII) Перев. Н. М. Минскаго 503
Гофманъ-Фаллерслебенъ А.-Г.
Свободный человѣкъ. Перев. П. И. Вейнберга . 742
Гудъ Т.
Мостъ вздоховъ. Перев. Д. Михаловскаго 329
Гюго В.
Въ судѣ. Перев. А. Н. Плещеева. 459
Изъ посмертныхъ стих. Перев. С. Н. Чюминой . 301
Мечтатель. Перев. М. Давидовой 272
Порой, когда все спитъ. Перев. Ѳедора Сологуба 302
Утро. Перев. Д. Минаева 303
Данте Алигьери.
Изъ „Божественной комедіи" Перев. Д. Мина. . . 253
Доде А.
Слива. Перев. А. Вигилянскаго. 728
Конопницкая М.
Легкій сумракъ. Перев. Тана 649
Тишина. Перев. Тана 410
Коппе Ф.
Отецъ. Перев. П. Быкова 346
Лафонтенъ Ж.
Мышь, удалившаяся отъ свѣта. Перев. И. И. Дмитріева 607
Лессингъ Г. Е.
Кому я хочу и не хочу нравиться Перев. N. N. . 665
Лонгфелло Г.
Въ американской деревнѣ. Перев. П. И. Вейнберга. 312
Сонъ невольника. Перев. М. Л. Михайлова. . . . 235
Манюэль Э.
Дѣлежъ. Перев. В. С. Лихачева 237
Мицкевичъ А.
Аккерманскія степи (Сонетъ). Перев. А. Майкова 524
Алушта днемъ. (Сонетъ) Перев. А. Луговскаго . 591
Альпухара. Перев. В. Г. Бенедиктова. 153
Брито-стрижено. Перев. Д. Д. Минаева 721
Пѣснь Вайделота. Перев. Н. Семенова. 309

Мотервелль В.
Въ послѣдній разъ. Перев. А. Н. Плещеева . . . 361
Негри Ада.
Вскрытіе. Перев. В. Ш 271
Mistica. Перев. А. М. Ѳедорова 585
Побѣжденные. Перев. А. Свиридовой. 417
Привѣтъ вамъ. Перев. А. М. Ѳедорова 317
Петефи А.
Спишь ты, справедливость. Перев. В. Башкина . 411
Петрарка.
Сонетъ. (Когда она вошла). Перев. А. Майкова . 525
Сонетъ. (Когда порой). Перев. В. П. Буренина . 632
Сонетъ. (Теперь, какъ все молчитъ). Перев. Д. Мина 614
Прюдомъ С.
Агонія. Перев. П. Я. 395
Пантера. Перев. Ив. Тхоржевскаго 641
Разбитая ваза. Перев. А. Н. Апухтина 615
„ „ „ Вѣры Н. 590
Сходство. Перев. О. Н. Чюмина. 640
Тѣла и тѣни Перев И. И. Тхоржевскаго. . . . 658
Ришпенъ Ж.
Пѣснь торжествующей свиньи. Перев. А. Барыковой. 794
Ростанъ Э.
Изъ „Принцессы Грезы" Перев. Т. Л. Щепкиной Куперникъ. 555
Сырокомля Вл. (Л. Кондратовичъ)
Бѣдный дроздъ. Перев. Л. Н. Трефолева 359
Дворцовъ богатыхъ не цѣня. Перев. Н. 766
Кукла. Перев. С. 481
Латинская грамматика. Перев. Л. Н. Трефолева . 698
Теннисонъ А.
Двѣ сестры. Перев. П. И. Вейнберга. 242
Усійскій К.
За гробомъ. Перев. Д. Александрова. 599
Уландъ Л.
Когда, что звали вы своимъ. Перев. Ѳ. И. Тютчева. 514
Проклятіе пѣвца. Перев. П. И. Вейнберга. . 199
Фрейлигратъ Ф.
Люби, пока любить ты можешь. Перев. А. Плещеева. 529
Цатуріанъ А.
Могучія пѣсни. Перев. Л. Уманца 398
Шекспиръ В.
Изъ трагед. „Гамлетъ" Перев. А. Кронеберга . . 261
Сонетъ (Люблю твои глаза). Перев. Л. Вилькиной. 639
Шелли П.-Б.
Доброй ночи. Перев. К. Д. Бальмонта. 632
Измѣнчивость. Перев. К. Д. Бальмонта 628
Призывъ. Перев. К. Д. Бальмонта 520

Шиллеръ Ф.
Пѣснь о колоколѣ. Перев. Д. Мина 291
Раздѣлъ земли Перев. Б. Алмазова 339
Шпиллеръ фонъ-Гауеншильдъ Р.-Г. (Максъ Вальдау).
Двѣ розы. Перев А. Плещеева. 455

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ЧАСТЬ I-я.

Сцены, разсказы, монологи и стихотворенія въ прозѣ.

		Стр.
Василиса Мелентьевна (отрывокъ).	Островскій	68
Весенній дождь	Л. Толстой	11
Винтъ	Чеховъ.	127
Власть имѣющій	N. N.	62
Въ слезахъ моя душа	Айзманъ.	74
Гамлетъ.	Писемскій	43
Гроза (отрывокъ)	Гончаровъ	37
Деревня.	Тургеневъ	31
Днѣпръ	Гоголь	33
Жалобная книга	Чеховъ.	88
Жизнь	Гоголь	13
Изъ драмы „Гроза“	Островскій	63
Какъ хороши, какъ свѣжи были розы.	Тургеневъ.	29
Моряки.	Мирэ	81
Мудрецъ	Дорошевичъ	117
На городской площади	Андреевъ-Бурлакъ.	111
Надъ бездной.	Засодимскій	131
На почтовой станціи	Горбуновъ	115
Неумѣстное привѣтствіе	Прутковъ	132
Никто необъятнаго обнять не можетъ	Прутковъ	42
Огоньки.	Короленко	83
Отрывокъ изъ разск. „Въ оврагѣ“.	Чеховъ.	95
Отрывокъ изъ поэм. „Мертвыя души“	Гоголь	105
Отрывокъ изъ ром. „Обрывъ“	Гончаровъ	39

Отрывокъ изъ разск. „Холстомѣръ“ . Толстой 6
Персидскія сказки . . . . . Яримъ-Зикъ. . . . 124
Повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ . . . . . Гоголь 16
Порогъ . . . . . Тургеневъ 94
Прекрасна жизнь для воскресшихъ . Андреевъ 84
Преступленіе и наказаніе (Отрыв.) . Достоевскій . . . 48
Производство въ генералы полковника Дитятина . . . . . Горбуновъ 125
Пѣсня о Буревѣстникѣ . . . . . Горькій 27
Пѣсня о Соколѣ . . . . . Горькій 91
Разговоръ человѣка съ собакой . . . Чеховъ 106
Распекъ . . . . . Ш-въ 90
Рождественская сказка . . . . . Салтыковъ 55
Русскій языкъ . . . . . Тургеневъ. . . . 100
Смерть дерева (отрывокъ) . . . . . Л. Толстой 80
Смерть кн. Андрея (Изъ „Войны и мира“) . . . . . Л. Толстой 1
Странница . . . . . N. N. 43
Счастливѣйшія минуты въ жизни Михаила Иваныча . . . . . Успенскій 101
Товарищъ . . . . . Горькій 34
Тостъ генерала Дитятина . . . . . Горбуновъ. 133
То, чего не было . . . . . Гаршинъ 75
У обрыва . . . . . Серафимовичъ . . 109

ЧАСТЬ II-я.

Declamatorium.

Агонія (изъ С. Прюдома) . . . . . П. Я. 395
Альпухара (изъ Мицкевича) . . . . Бенедиктовъ . . . 158
Анчаръ . . . . . Пушкинъ 443
Баллада . . . . . Тургеневъ 403
Безконечной пеленою . . . . . Вейнбергъ 247
Безъ любви . . . . . Гербановскій . . . 323
Битва жизни . . . . . П. Я. 183
Больной . . . . . Бальмонтъ 458
Больной . . . . . Мазуркевичъ . . . 448
Бой китовъ . . . . . Случевскій 211
Братьямъ соблазненнымъ . . . . . Брюсовъ. 234
Брось свои иносказанья (изъ Гейне) . Михайловъ 294
Будда . . . . . Мережковскій . . . 307
Бурлакъ . . . . . Никитинъ 264
Бѣдный дроздъ (Охотникъ) (изъ Сырокомли) . . . . . Трефолевъ 359
Бѣлое покрывало (изъ Гартмана) . . Михайловъ 344
Vae victis! . . . . . Соколовъ 390

Вирь . . . . . Бунинъ 160
Владимірка—большая дорога . . . . Гиляровскій 377
Внимая ужасамъ войны . . . . . Некрасовъ 430
Во мглѣ . . . . . Надсонъ 408
Вопросы (изъ Гейне) . . . . . Михайловъ 293
Впередъ . . . . . Плещеевъ 146
Вскрытіе (изъ Ады Негри) . . . . . В. Ш. 271
Всю то, всю мою дорожку . . . . . Плещеевъ 357
Входъ воспрещается . . . . . Бенедиктовъ . . . 174
Въ американской деревнѣ (изъ Лонгфелло) . . . . . Бейнбергъ 312
Въ лунную ночь . . . . . Минаевъ 176
Въ послѣдній разъ (изъ Мотервелля). Плещеевъ 361
Въ судѣ онъ слушалъ приговоръ . . (изъ Гюго) . . . . . Плещеевъ 459
Въ убогомъ рубищѣ . . . . . Апухтинъ 428
Вѣтеръ . . . . . Турскій 472
Галатея . . . . . Мей 420
Гамлетъ (изъ Шекспира) . . . . . Кронебергъ 261
Гдѣ? . . . . . Пушкаревъ 392
Голосъ изъ вьюги . . . . . Пальминъ 186
Городъ вдали . . . . . Минскій 389
Дары Терека . . . . . Лермонтовъ 401
Два врага . . . . . Ратгаузъ 425
Двое похоронъ . . . . . Вейнбергъ 355
Двѣ доли . . . . . Баратынскій . . . 149
Двѣ сестры (изъ Теннисона) . . . . . Трефолевъ 242
Двѣ сестры милосердія (изъ Беранже) Мей 338
Двѣ труженицы . . . . . Лихачевъ 300
Деревенскій сторожъ (изъ Гебеля) . . Жуковскій 155
Дочери горя . . . . . Щепк.-Куперникъ . 257
Дома . . . . . Allegro 207
Доугъ мой . . . . . Надсонъ 162
Дубинушка . . . . . Трефолевъ 422
Дума . . . . . Лермонтовъ 474
Дѣлежъ (изъ Манюэля) . . . . . Лихачевъ 237
Египетскія ночи . . . . . Пушкинъ 294
Eppur si muove . . . . . Кичеевъ 408
Ермакъ . . . . . А. Д. 216
Если ангелъ вопроситъ (Изъ Бялика) Жаботинскій . . . 405
Есть упоеніе въ бою . . . . . Пушкинъ 145
Euthanasia (Изъ Байрона) . . . . . Гольцъ-Миллеръ . 267
Женщинѣ (Изъ Л. Булье) . . . . . Вейнбергъ 418
Женщинѣ дорогу . . . . . Лихачевъ 233
Завѣса сброшена . . . . . Надсонъ 416
Зеленый Шумъ . . . . . Некрасовъ 245
Змѣя подколодная . . . . . Рыскинъ 369
Игры . . . . . Майковъ 252
Изъ „Божественной комедіи“ Данте . Минъ 253
Изъ „Бѣлыхъ ночей . . . . . Минскій 274
Изъ „Пѣсенъ былыхъ годовъ“ . . . . Апухтинъ 431

Изъ „Пѣсенъ о Стенькѣ Разинѣ“ . . Садовниковъ . . . 373
Изъ посмертныхъ стихотв. (изъ Гюго) Чюмина 301
Изъ поэмы „Саша“ . . . . . Некрасовъ 179
Изъ стихотвор. „1831 г. іюня 11-го“ . Лермонтовъ 163
Изъ сцены „Скупой Рыцарь“ . . . . Пушкинъ 201
Изъ тьмы временъ . . . . . Надсонъ 366
Изъ тюремныхъ мелодій . . . . . Ленцевичъ 170
И крики оргіи . . . . . Надсонъ 477
Истина . . . . . Баратынскій . . . 147
Ищите новые пути . . . . . Фофановъ 139
Казиміръ Великій . . . . . Полонскій 485
Какъ сонъ, пройдутъ дѣла . . . . . Минскій 218
Каменщикъ . . . . . Брюсовъ 433
Кинжалъ . . . . . Пушкинъ 219
Князь Михайло Репнинъ . . . . . А. Толстой 225
Когда умолкнетъ день . . . . . Ганъ 413
Колодники . . . . . А. Толстой 231
Кому на Руси жить хорошо . . . . . Некрасовъ 319
Кукла (изъ Сырокомли) . . . . . С. 481
Курганъ . . . . . Фетъ 140
Къ Мефистофелю . . . . . Гол. Кутузовъ . . . 231
Къ побѣдѣ изъ побѣдъ . . . . . Вяткинъ 400
Ледяная дѣва . . . . . Апухтинъ 213
Лѣсная сказка . . . . . Колтоновскій . . . 323
Людскіе вздохи . . . . . Случевскій 473
Матери . . . . . П. Я. 241
Мать . . . . . Бунинъ 150
Мертвые корабли . . . . . Бальмонтъ . . . 497
Мечтатель (изъ Гюго) . . . . . М. Давидова 272
Милый другъ, я знаю . . . . . Надсонъ 428
Міазмъ . . . . . Полонскій 258
Могучія пѣсни (изъ А. Цатуріана) . Л. Уманецъ 393
Молитва . . . . . Гол.-Кутузовъ . . 447
Молчаніе . . . . . Минскій 340
Монологъ (Я помню ночь) . . . . . Немир.-Данченко . 341
Монологъ (Чего хочу?) . . . . . Огаревъ 332
Мостъ вздоховъ (изъ Т. Гуда) . . . . Михаловскій 329
Моя богиня (изъ Гете) . . . . . Жуковскій 275
Мцыри (Отрыв.) . . . . . Лермонтовъ 165
Мыслителю . . . . . Жемчужниковъ . . 150
На весенней зарѣ . . . . . Федоровъ 349
На городскомъ мосту . . . . . Омулевскій 343
На кончину Пушкина . . . . . Тютчевъ 244
На прощанье . . . . . Розенгеймъ 325
На улицѣ . . . . . Немир.-Данченко . 412
Наше поколѣнье . . . . . Надсонъ 446
Нѣтъ любви . . . . . Бальмонтъ 419
Олень . . . . . Бунинъ 204
О лѣсныхъ пожарахъ . . . . . Пушкаревъ 315
Орелъ и змѣя . . . . . Полонскій 445
Осенніе журавли . . . . . Жемчужниковъ . . 342

Отецъ (изъ Ф. Коппе) . . . . . Быковъ 346
Отойди отъ меня, сатана . . . . . Мей 453
Отрочество . . . . . Полонскій 269
Отрывокъ изъ поэмы: „Мцыри" . . . Лермонтовъ 166
Передъ судомъ . . . . . N. N. 414
Передъ трупомъ . . . . . Омулевскій 335
Пиръ Петронія . . . . . Ратгаузъ 495
Письмо . . . . . Апухтинъ 297
Письмо . . . . . Мазуркевичъ . . . 466
Пловцы . . . . . Чюмина 333
Побѣжденные (изъ А. Негри) . . . . Свиридова 417
Позднее мщеніе . . . . . Апухтинъ 475
Поздніе шаги . . . . . Фофановъ 140
Пойдемъ . . . . . Соймоновъ 388
Полишинель . . . . . Льдовъ 439
Порой, когда все спитъ (Изъ Гюго). Ѳ. Сологубъ 302
Послѣднее слово подсудимаго . . . . Майковъ 463
Послѣдній допросъ Кочубея . . . . . Пушкинъ 189
Потомство узнастъ . . . . . П. Я 444
Позту . . . . . Пушкинъ 137
Поэтъ . . . . . Лермонтовъ 169
Правда . . . . . А. Толстой 387
Привѣтъ вамъ (изъ А. Негри) . . . . Ѳедоровъ 317
Приданое . . . . . Майковъ 460
Призывъ . . . . . Фругъ 374
Прокаженный . . . . . Минскій 303
Проклятіе пѣвца (Изъ Уланда.) . . . Вейнбергъ 199
Противъ теченія . . . . . А. Толстой 347
Проѣзжайте . . . . . Богдановъ 450
Пустая церковь . . . . . Розенгеймъ 478
Путникъ . . . . . Брюсовъ 461
Пѣснь Вайделота (изъ Мицкевича) . Семеновъ 309
Пѣснь о колоколѣ (изъ Шиллера) . . Минъ 281
Пѣсня Еремушкѣ . . . . . Некрасовъ 228
Пѣсня объ арестантахъ . . . . . Пушкаревъ 426
Раба . . . . . Минаевъ 336
Рабыня . . . . . Немир.-Данченко . 212
Раздѣлъ земли (изъ Шиллера) . . . Шиллеръ 339
Размышленія у парадnаго подъѣзда . Некрасовъ 249
Распни его . . . . . Лихачевъ 365
Ребенокъ (изъ Гебеля) . . . . . Плещеевъ 429
Розы . . . . . Щепкинъ-Куперникъ . 209
Русалка . . . . . Мей 205
Рыцарь на часъ . . . . . Некрасовъ 180
Сакія-Муни (Будда) . . . . . Мережковскій . . . 307
Сбѣжавшая больная . . . . . Полонскій 451
Свободное слово . . . . . Аксаковъ 480
Свободы сѣятель . . . . . Пушкинъ 379
Силуэтъ . . . . . Луговой 208
Скажи мнѣ, ты любилъ . . . . . Майковъ 263
Сказка . . . . . Ивановъ-Райковъ . 240

Слушай . . . . . Гольцъ-Миллеръ . 397
Смерть . . . . . Фетъ 393
Смотритъ мѣсяцъ . . . . . Бунинъ 196
Смѣшная фигура . . . . . Розенгеймъ 363
Сны . . . . . Сафоновъ 372
Спишь ты, справедливость (изъ Шетефи) Башкинъ 411
Сонъ . . . . . Минскій 233
Сонъ . . . . . Тургеневъ 470
Сонъ монахини . . . . . Якунинъ 382
Сонъ невольника (изъ Лонгфелло) . Михайловъ 235
Ссора . . . . . Никитинъ . . . 222
Старая дорога . . . . . Жемчужниковъ . . 221
Старое и новое. (Отр. изъ п. „Поля"). Майковъ 171
Старый капралъ (изъ Беранже) . . . Курочкинъ 423
Статуя . . . . . Случевскій 227
Стрѣлочникъ . . . . . Ѳедотовъ 435
Стѣна . . . . . Фетъ 138
Сумасшедшій . . . . . Апухтинъ 327
Сумасшедшій . . . . . Полонскій 407
Сфинксъ . . . . . Ѳедоровъ 138
Сѣрый волкъ . . . . . Allegro 142
Тайна смерти . . . . . Allegro 144
Тарантелла . . . . . Майковъ 501
Театръ залитъ волной свѣта . . . . Гербановскій . . . 432
Тише, тише . . . . . Бальмонтъ . . . 469
Тишина . . . . . Некрасовъ 194
Тишина (изъ Конопницкой) . . . . . Танъ 410
Ткачи . . . . . Гейне 434
Тоска по родинѣ (изъ Беранже) . . . Курочкинъ 493
Три души . . . . . Фругъ 306
Тризна . . . . . Фругъ 381
Тріумфаторъ . . . . . Будищевъ 471
Тукъ... тукъ .. тукъ... . . . . Свѣтогоръ 152
Тщетно, художникъ, ты мнишь . . А. Толстой 197
Ты хочешь знать . . . . . Танъ 292
Убыль страсти . . . . . Василевскій 429
Умирающая мать . . . . . Апухтинъ 154
Умирающій гладіаторъ (изъ Байрона). Лермонтовъ 269
Утесъ . . . . . Михаловскій . . . 177
Утесъ на Волгѣ . . . . . Навроцкій 279
Утро (изъ Гюго) . . . . . Минаевъ 303
Фея . . . . . Горькій 380
Холодно... Голодно. . . . . N. N. 484
Холодѣющая ночь . . . . . Полонскій 187
Хозяинъ . . . . . Никитинъ 351
Царица Марья Долгорукая . . . . . Навроцкій 489
Цвѣты . . . . . Надсонъ 354
Часъ ночи . . . . . Случевскій 141
Чего хочу? . . . . . Огаревъ 332
Человѣкъ . . . . . П. Я. 385
Честнымъ порывамъ . . . . . Дрожжинъ 334

Чинара . . . . . Величко 468
Что мнѣ она . . . . . Полонскій 379
Щитъ Ахиллеса (изъ Иліады) . . . . Минскій 503
Эта ночь . . . . . Немир. Данченко . 319
Ювеналъ о древнемъ Римѣ . . . . . Мережковскій . . . 483
Юность . . . . . П. Я. 392
Яблоня . . . . . Потресовъ. 403
Я видѣлъ . . . . . Коринеѣскій 384
Я хочу веселья . . . . . Скитал цъ 220

ЧАСТЬ III я.

Мелодекламація и лирическія стихотворенія.

Аккерманскія степи (изъ Мицкевича) Майковъ 524
Алушта днемъ (изъ Мицкевича) . . . Луговскій 591
Ароматная ночь . . . . . Мазуркевичъ . . . 543
Благословенъ . . . . . Расто чина . . . 602
Блѣднорозовая тучка . . . . . Ратгаузъ 596
Блѣднѣютъ полночныя тѣни . . . . . Льдовъ. 603
Богъ . . . . . Бунинъ 517
Буранъ . . . . . Животовъ . . . 638
Бѣгство . . . . . Кольцовъ 571
Бѣдный другъ . . . . . Соловьевъ. . . . 630
Вальсъ . . . . . Лохвицкая 545
Весенній дождь . . . . . Фофановъ 913
Весенняя элегія . . . . . Соймоновъ 526
Весна . . . . . Лохвицкая 629
Весна. (Я пришелъ къ тебѣ съ привѣтомъ) . . . . . Фетъ 539
Вечерняя звѣзда . . . . . Фофановъ 639
Вечеромъ душнымъ . . . . . Михайловъ 524
Волна . . . . . N. N. 522
Всю ночь . . . . . Фетъ 611
Вчера, въ мечтахъ о вороженныхъ . Тютчевъ 553
Въ альбомъ . . . . . Надсонъ 647
Въ Альпахъ . . . . . Бунинъ 627
Въ глуши . . . . . Полонскій 644
Въ столицѣ . . . . . Бальмонтъ 624
Вырыта заступомъ яма . . . . . Никитинъ 595
Выхожу одинъ я на дорогу . . . . . Лермонтовъ . . . 578
Вѣтеръ полуночи . . . . . Танъ 582
Гдѣ красота . . . . . Щепк-Куперникъ 543
Глубже все въ грудь . . . . . Голен.-Кутузовъ . 575
Говорятъ, я мила . . . . . Щепк.-Куперникъ . 535
Городъ полуночи, грезой объятъ . . Льдовъ 635
Горныя вершины (изъ Гете) . . . . . Лермонтовъ 654

Господь съ тобой . . . . . Арбенинъ 575
Господь съ тобой . . . . . Рощинъ-Инсаровъ . 643
Грустно вѣтеръ воетъ . . . . . Павлова 654
Грустный видъ . . . . . Тютчевъ 631
Дай мнѣ . . . . . Случевскій 619
Дѣ судьбы . . . . . Гриневская . . . 618
День вечеретъ . . . . . Тютчевъ 513
День ли царитъ . . . . . Апухтинъ 603
Для береговъ отчизны дальной . . . Пушкинъ 514
Доброй ночи (изъ П. Шелли) . . . . Бальмонтъ 632
Дождя отшумѣвшаго капли . . . . . А. Толстой 562
Долгая скучная ночь . . . . . Фофановъ 598
Дорога . . . . . Огаревъ 650
Дорога . . . . . Полонскій 565
Дубовый листокъ . . . . . Лермонтовъ 588
Дума за думой . . . . . Тютчевъ 519
Дума сокола . . . . . Кольцовъ 569
Если бъ счастье мое . . . . . Лохвицкая 583
Еще я не люблю . . . . . Минскій 637
Жизнь . . . . . Апухтинъ 537
За гробомъ (изъ Уейскаго) . . . . . Александровъ . . . 599
Задумалась она . . . . . Фофановъ 525
Звѣздъ гаснетъ . . . . . А. Толстой 637
Зазѣвка . . . . . Мей 560
За что . . . . . Надсонъ 568
За что тебя люблю . . . . . Сафоновъ 564
Земной любви . . . . . Гессенъ 616
Зимняя ночь . . . . . Тулубъ 610
Зрѣютъ травы . . . . . Пожарова 574
Ива . . . . . Фетъ 656
Изѣнчивость (изъ Шелли) . . . . . Бальмонтъ 628
Изъ-подъ таинственной . . . . . Лермонтовъ 620
Изъ „Принцессы Грезы" (изъ Ростана) Щепк.-Куперникъ . 555
Изъ случайныхъ встрѣчъ . . . . . Ратгаузъ 534
Иная зима . . . . . Полонскій 517
Какой покой глубокій . . . . . Allegro 657
Какъ у всѣхъ-то людей . . . . . Мей 626
Какъ ясность безоблачной ночи . . . Фетъ 636
Къ *** . . . . . Огаревъ 586
Камыши . . . . . Бальмонтъ 622
Когда,что знали вы своимъ(изъУланда)Фетъ 514
Колокольчики бубенчики . . . . . Скиталецъ 538
Край ты мой . . . . . А. Толстой 647
Кубокъ . . . . . Брюсовъ 633
Купанье . . . . . Щербина 557
Credo . . . . . Щепк.-Куперникъ . 625
Кэтъ . . . . . Сафоновъ 616
Легкій сумракъ (изъ М. Конопницкой) Танъ 649
Листопадъ . . . . . Бунинъ 547
Люби, пока любитъ ты можешь . . . Плещеевъ 529
Люди нисколько . . . . . Фетъ 541

Матери . . . . . В. Фигнеръ 76
Май . . . . . Фофановъ 71
Мелодія . . . . . Фетъ 59
Мелодія . . . . . Фофановъ 65
Менестрель . . . . . Майковъ 59
Метель . . . . . Лохвицкая 52
Мечты королевы . . . . . Надсонъ 56
Мигъ . . . . . Щербина 69
Mistica (изъ А. Негри) . . . . . Ѳедоровъ 55
Мнѣ снилось . . . . . Надсонъ 63
Молитва . . . . . Лермонтовъ 54
Морская даль . . . . . Фетъ 67
Музыка . . . . . Фругъ 50
Мухи . . . . . Апухтинъ 55
На балконѣ . . . . . К. Р. 68
Небо блещетъ бирюзою . . . . . Павлова 67
Не буди воспоминаній . . . . . Бальмонтъ 59
Не вѣрь себѣ . . . . . Лермонтовъ 61
Не грусти . . . . . Суриковъ 54
Не думала ли ты . . . . . Мережковскій . . . 57
Не повторяй . . . . . Андреевскій 53
Непорочная . . . . . Лохвицкая 51
Ночь . . . . . Никитинъ 61
Ночь . . . . . Полонскій 57
Нѣтъ, моего къ тебѣ пристрастья . . Тютчевъ 60
Нынче ночью . . . . . Бунинъ 61
Облакомъ волнистымъ . . . . . Фетъ 67
О, Боже, какъ хорошъ . . . . . Апухтинъ 52
Октава . . . . . Майковъ 57
Она была твоя . . . . . Апухтинъ 61
Она сидѣла на полу . . . . . Тютчевъ 68
Осень . . . . . Бѣляевская 66
Осень . . . . . А. Толстой 60
Отцвѣтаетъ сирень . . . . . К. Р. 56
Пантера (изъ С. Прюдома) . . . . . Тхоржевскій . . . 61
Парки . . . . . Мережковскій . . . 64
Первая любовь . . . . . Бунинъ 58
Передъ лунною . . . . . Минскій 56
Письмо . . . . . Хвостовъ 59
Плѣнный рыцарь . . . . . Лермонтовъ . . . 53
Подъ дождемъ . . . . . Майковъ 58
По тряской мостовой . . . . . Огаревъ 65
Придорожныя травы . . . . . Бальмонтъ 57
Призывъ (изъ Шелли) . . . . . Бальмонтъ . . . 52
Путь . . . . . Кольцовъ 51
Пѣсня (Дуютъ вѣтры) . . . . . Кольцовъ 67
Разбитая ваза (изъ С. Прюдома) . . Апухтинъ 65
Разбитая ваза „ „ . . Вѣра Н. 50
Распустилась черемуха . . . . . К. Р. 53
Растворилъ я окно . . . . . К. Р. 71
Розы . . . . . К. Р. 54

Розы . . . . . Никомский 556
Розы . . . . . Норманскій 629
Рыдаетъ и плачетъ . . . . . Фофановъ 567
Садикъ запущенный . . . . . К. Р. 566
Свѣтлый ангелъ . . . . . Вейнбергъ 648
Свѣча горитъ . . . . . Бальмонтъ 614
Священный благовѣстъ . . . . . Полонскій 515
Серенада . . . . . Минскій 631
Скажи мнѣ (изъ Гейне) . . . . . Михайловъ . . . 602
Слеза дрожитъ . . . . . А. Толстой 537
Снилось мнѣ . . . . . Надсонъ 544
Снова сонъ . . . . . Ратгаузъ 529
Солнца лучъ . . . . . Фетъ 546
Сонетъ (изъ Петрарки) . . . . . Буренинъ 632
Сонетъ (изъ Петрарки) . . . . . Минъ 614
Сонетъ (изъ Петрарки) . . . . . Майковъ 525
Сонетъ (изъ Шекспира) . . . . . Вилькина 639
Сонъ въ лѣтнюю ночь . . . . . Майковъ 532
Сосна (изъ Гейне) . . . . . Лермонтовъ 626
Стансы . . . . . Пушкинъ 533
Сходство (изъ С. Прюдома) . . . . . Чюмина 640
Счастье . . . . . Надсонъ 577
Теплымъ вѣтромъ потянуло . . . . . Фетъ 655
То было раннею весной . . . . . А. Толстой 603
Только утро любви хорошо . . . . . Надсонъ 563
Ты, какъ тѣнь . . . . . Будищевъ 587
Ты уймись, кручинушка . . . . . Надсонъ 609
Тьма непроглядна . . . . . Тютчевъ 518
Тѣла и тѣни (изъ Прюдома) . . . . . Тхоржевскій 658
Тѣни и тайны . . . . . Фофановъ 522
Убаюкай меня (изъ Ф. Гименсъ) . . . Михайловъ 620
Умерла моя муза . . . . . Надсонъ 652
Умѣй страдать . . . . . Лохвицкая 628
Унеси мою душу . . . . . Фругъ 618
Уныло двѣ розы (изъ Вальдау) . . . Плещеевъ 655
У . . . . . Мережковскій . . . 573
Утро . . . . . Никитинъ 593
Утѣшеніе . . . . . Будищевъ 622
У царицы моей . . . . . Соловьевъ 527
Учись у нихъ . . . . . Фетъ 621
Фантазія . . . . . Фетъ 558
Чайка . . . . . Бальмонтъ 642
Чувствъ и думъ . . . . . Жемчужниковъ . . 570
Шелестъ листьевъ . . . . . Минскій 636
Шопотъ, робкое дыханье . . . . . Фетъ 646
Элегія . . . . . Лермонтовъ 523
Эти юныя лица . . . . . Башкинъ 645
Это было давно . . . . . Сафоновъ 579
Это не женщина . . . . . Фофановъ 619
Этюдъ . . . . . Бернеръ 640
Эхо . . . . . Гессенъ 653

Я боюсь . . . . . Бернеръ 636
Я боюсь разсказать . . . . . Минскій 572
Я мечтою ловилъ . . . . . Бальмонтъ 540
Я помню время золотое . . . . . Тютчевъ 612
Я проснулся . . . . . Allegro 584

ЧАСТЬ V-я.

Сатира и юморъ.

Акулина и кондукторъ . . . . . А. 730
Ахметъ на минаретѣ . . . . . Величко 683
Бараны . . . . . Стружкинъ 634
Барышнѣ . . . . . Курочкинъ 785
Безразсудныя слезы . . . . . Добролюбовъ . . . 712
Безумные сны . . . . . Минаевъ 671
Брито-стрижено (изъ Мицкевича) . . Минаевъ 721
Бѣдовыя дѣти . . . . . В. Крыловъ 691
Бѣсъ . . . . . Мазуркевичъ 701
Витязь . . . . . Случевскій 703
Влюбленные . . . . . Никифоровъ 732
Ворона . . . . . И. Крыловъ 709
Воспоминаніе . . . . . Пальминъ 773
Въ защиту маленькихъ . . . . . В. Крыловъ 679
Грамотка . . . . . Трефолевъ 733
Дамскіе часы . . . . . Ивановъ-Классикъ 777
Дворовъ богатыхъ не цѣня (изъ Сыро-
комли) . . . . . Наивный 765
Демьяновъ окорокъ . . . . . Соколовъ 769
Дипломатъ . . . . . Потемкинъ 797
Добродѣтельный песъ (изъ Гейне) . Плещеевъ 692
Древней греческой старухѣ . . . . . Прутковъ 743
Дубинушка . . . . . N. N. 688
Если хочешь ты (изъ Гейне) . . . . Плещеевъ 710
Жены . . . . . Барыкова 781
Житейскія варьяціи . . . . . Минаевъ 685
Задача . . . . . Величко 677
Затменіе . . . . . Бенедиктовъ . . . 763
Заяцъ-Обличитель . . . . . Чужъ-Чужеминъ . 687
Земной рай . . . . . Омулевскій 715
Знатный пріятель (изъ Беранже) . . Курочкинъ 772
Изъ дѣтскихъ разговоровъ . . . . . Ивановъ 788
Изъ п. „Рэйнеке-Лисъ (изъ В Гюго) . М. Достоевскій . . 749
Изъ пѣсенъ о скотахъ и людяхъ . . Черниговецъ . . . 720
Индюкъ . . . . . Франкъ 765
Истинная дружба . . . . . Старый Воробей . 741
Ищите женщину . . . . . Шебуевъ 670
Каллистратъ . . . . . Потемкинъ 765
Капризы влюбленныхъ (изъ Гейне) . Минаевъ 792

Кому я хочу нравиться (изъ Лессинга) N. N. 695
Когда будете, дѣти, студентами . . Апухтинъ 705
Кукушка (изъ Геллерта) . . . . . А. Измайловъ . . . 762
Кукушка . . . . . Михѣевъ 795
Кумушкамъ . . . . . Апухтинъ 763
Кѣмъ быть Колѣ . . . . . Розенгеймъ 725
Латинская грамматика (изъ Сыро-
комли) . . . . . Тр фолевъ 699
Латынь классическая (изъ Баумбаха). Коринескій . . . 747
Легенда (изъ Гете) . . . . . Холодковскій . . . 727
Милость Провидѣнія . . . . . Пальминъ 783
Многоженство . . . . . Величко 694
Мышь, удалившаяся отъ свѣта (изъ
Лафонтена . . . . . Дмитріевъ 697
На балъ . . . . . Потемкинъ 735
На классной скамейкѣ . . . . . И И. 708
На небесахъ горятъ паникадила . . . В. Соловьевъ . . . 780
Неужели . . . . . Случевскій 700
Новый фракъ (изъ Беранже) . . . . Курочкинъ 717
Носъ и ноги . . . . . Фругъ 630
Нѣмецкая баллада . . . . . Прутковъ 731
Обиженный воръ . . . . . Стружкинъ 716
Оселъ . . . . . Абакумовъ 774
Отъ 200 тысячъ до четвертака . . . Ивановъ-Классикъ 767
Охота . . . . . Ѳедотовъ 661
Память прошлаго . . . . . Прутковъ 723
Парнассъ . . . . . Крыловъ 668
Подъ вѣткой сирени . . . . . Буренинъ 779
Помѣщикъ и трава . . . . . Прутковъ 677
Попугай, Ницше и котъ . . . . . Печоринъ 790
Предостереженіе . . . . . Стружкинъ 678
Признаніе . . . . . С. М-въ 764
Просвѣщеніе . . . . . Евг. С—о 746
Пѣснь торжествующей свиньи (изъ
Ришпена . . . . . Барыкова 794
Пѣсня шута . . . . . Мережковскій . . . 771
Рѣдкостное явленіе . . . . . Гуляевъ 719
Свобода, равенство и братство . . . Шумахеръ 761
Свободный человѣкъ (изъ Гофмана) . Вейнбергъ 742
Свой своему вовсе не братъ . . . . Минаевъ 743
Свѣтскіе контрасты . . . . . Гушкаревъ 713
Скромница . . . . . В Крыловъ 673
Скрытый талантъ . . . . . Символистъ 796
Слива (изъ Доде) . . . . . Вигилянскій 728
Слухъ . . . . . Случевскій 724
Сны . . . . . В. Крыловъ 737
Совѣтъ мышей . . . . . И. Крыловъ 691
Станъ и голосъ . . . . . Прутковъ 669
Стрекоза и одуванчикъ . . . . . Будищевъ 645
Тамъ, гдѣ синею волною . . . . . N 787
У приказныхъ воротъ . . . . . А. Толстой 789

Упрямый пассажиръ . . . . . Символистъ 726
Ученикъ чародѣя (изъ Гете) . . . . . Холодковскій . . . 706
Философъ въ банѣ . . . . . Прутковъ 703
Хвостикъ . . . . . Франкъ 689
Худыя предзнаменованія . . . . . Тоже поэтъ 699
Царь природы . . . . . Боговиковскій . . . 730
Щука . . . . . И. Крыловъ 757
Элегія . . . . . Прутковъ 784
Я всталъ . . . . . Прутковъ 787

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

PG
3263
C47
1913
T.1
c.1
ROBA